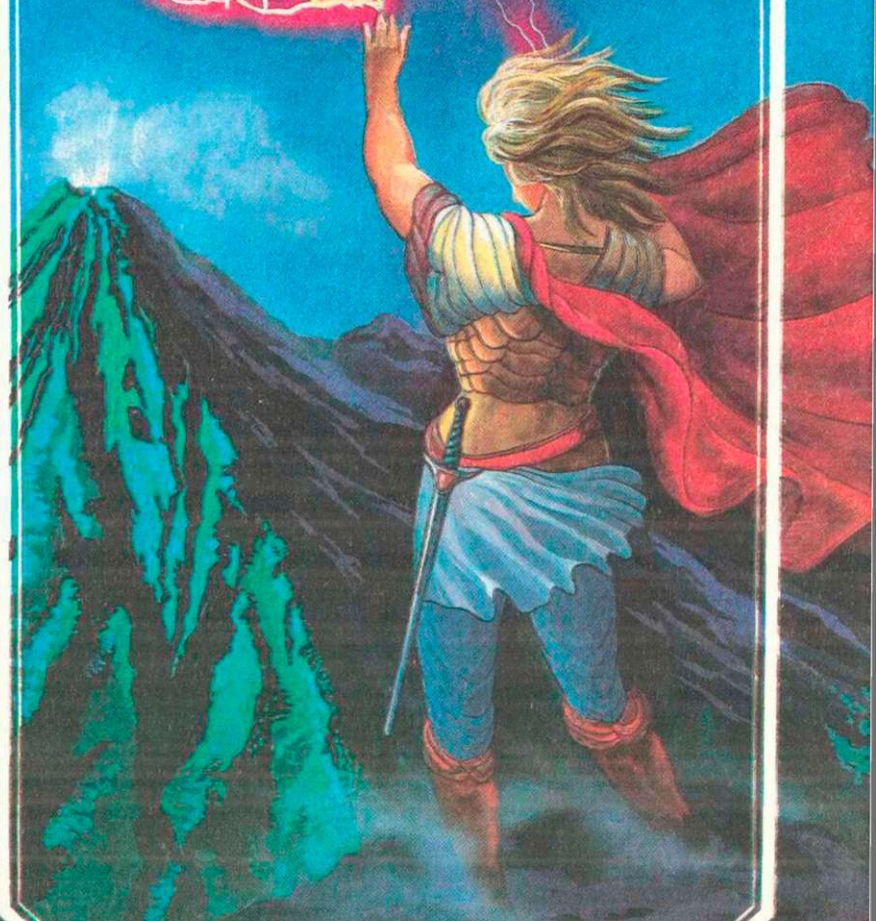

ВНИМАНИЕ

КОНАН

КОНАН И ДАР МИТРЫ

Северо-Запад®

Конан и дар Митры: Романы, повести / Пер. с англ. — СПб.: «Троль», 1995. — 544 с.
ISBN 5-87365-018-7

- © М. Мэнсон, 1995
- © Троль, составление и подготовка текста, 1995
- © Северо-Запад Серийное оформление обложки и форзаца, 1995
- © Троль, Иллюстрации, шмуцитулы, 1995
- © Д. Ивахнов, М. Нахмансон Хронология, 1995
- © Б. Кузнецова, графика обложки, 1995

Предисловие автора

Решив написать книгу о приключениях Конана-варвара, я оказался в довольно затруднительной ситуации. Этот авантюрист и разбойник мне чрезвычайно симпатичен. Однако я не хотел браться за три или четыре вещи, описывающие проходные и практически не связанные друг с другом эпизоды из жизни могучего киммерийца; мне казалось более интересным создать большой и цельный роман, представляющий Конана читателю на протяжении десяти или пятнадцати лет. Это позволило бы не только живописать его битвы и победы, но и уделить внимание развитию характера нашего героя и взглядам, которые, разумеется, не могли оставаться одинаковыми в пятнадцать, двадцать пять и сорок лет (даже у такого варвара, как Конан-киммериец).

Меня особенно интересовали его юные годы, ибо в период от шестнадцати до восемнадцати лет, описанный в романах Дугласа Брайана, Стива Перри и других, Конан предстает перед нами уже сложившимся человеком, весьма опытным и уверенным в себе, без каких-либо следов присущей юношескому возрасту мечтательности или хотя бы раздумий о выборе пути, о своей дальнейшей судьбе. С подобной концепцией можно поспорить, ибо Конан-подросток должен все-таки отличаться в психологическом плане от взрослого тридцатилетнего мужчины.

Мне стало ясно, что отдельные части задуманного мной романа должны были определенным образом «врезаться» в уже существующие конановские историографию и хронологию, созданные трудами самого Роберта Говарда и его последователей. Это оказалось трудной задачей, особенно при выборе самого первого эпизода — ибо произведения, в которых описаны юность Конана, следуют друг за другом весьма плотно, с крайне незначительным временным разрывом. Напомню, что в романе Дугласа Брайана «Песня снегов», посвященном гиперборейскому пленению Конана, нашему герою около шестнадцати лет; освободившись же из гладиаторского заведения в Халог, он бежит на юг и, спустя три дня, добывает себе меч («Страшилице в склепе», Картер и Спрэг де Камп). Затем, на пути в Замору, он оказывается в Бритунии (Говард и Перри, «Конан бросает вызов»), после чего претерпевает целую серию приключений, описанных в романах и новеллах «Конан и повелители пещер», «Золото гномов», «Багния Слона», «Диадема богини», «Меч Скелоса», «Священная роица», «Черный камень Аманара» и «В зале мертвецов». В результате всех этих кровавых передеряг и многочисленных стычек с ворами, разбойниками и магами, он приобретает весьма значительный жизненный опыт, превращаясь из шестнадцатилетнего мальчика в мужчину двадцати с лишним лет; тем самым путь описания Конана-подростка оказывается прочно перекрытым.

Учитывая это обстоятельство, я выбрал для первой части своего романа тот период времени, когда юному Конану только-только исполнилось пятнадцать. Согласно примечаниям Говарда, предшествующим его новелле «Багния Слона», нашему герою еще не было и пятнадцати, когда он участвовал в штурме аквилонской крепости Венариум; затем он некоторое время жил в Киммерии, пока, после неудачного набега на Гиперборею, не очутился в гладиаторской казарме Халогии. Можно полагать, что до этого пленения Конан не просто «жил в Киммерии», а принимал участие в различных набегах и военных

экспедициях своих разбойных соотечественников; скорее всего, они были направлены против тех же гиперборейцев, исконных врагов киммерийцев. Итак, я предположил, что один из таких походов завершился не слишком удачно, но юный Конан не сразу вернулся на родину, а, влекомый любопытством, совершил странствие к северо-западным берегам Вилайета. Таким образом, в хронологическом отношении «Неудачник», первая часть моего романа, предшествует событиям, описанным в «Песне снегов» Дугласа Брайана.

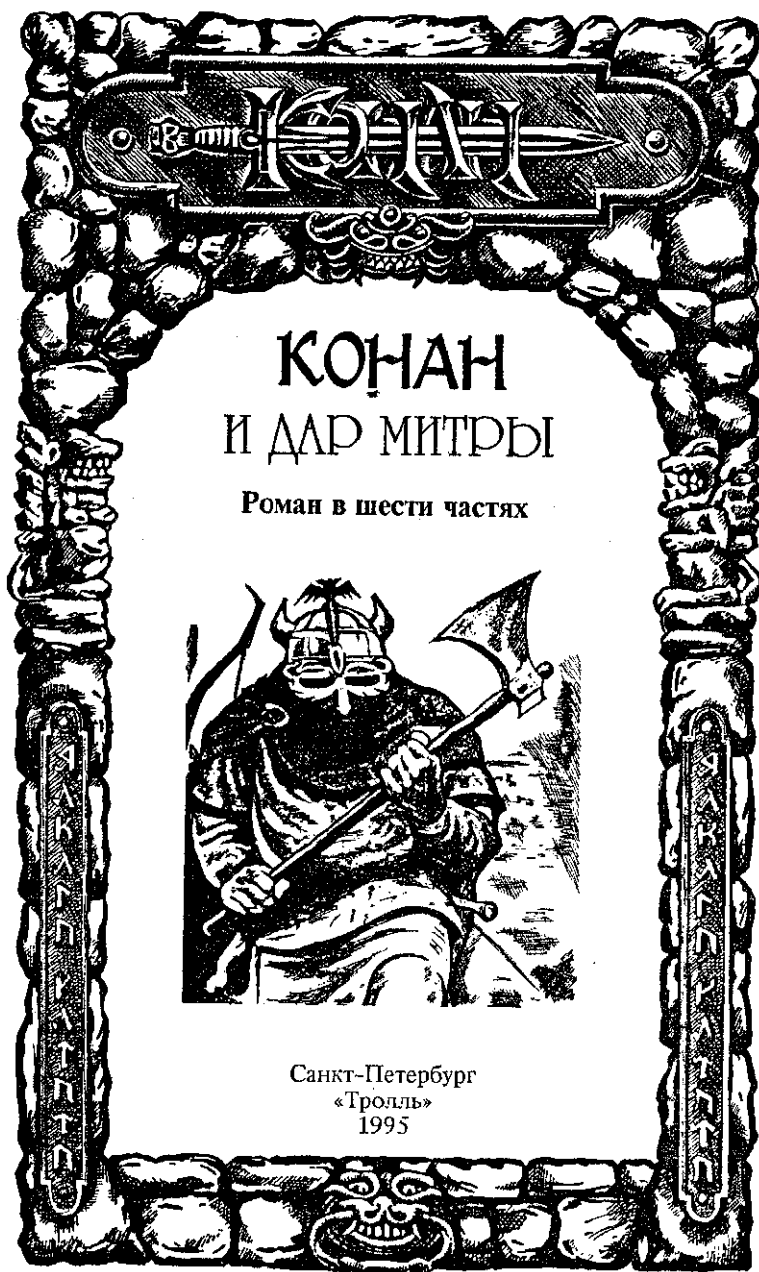
Второй эпизод (встреча Конана с Маленьким Братом и уничтожение чудовища в ущелье Адр-Каун) происходит на границе между Офиром и Кофом, когда Конан пробирается из Коринфии в Туран, чтобы поступить на службу в войско Илдиза Туранского. В хронологическом отношении вторая часть романа врезается между новеллами Говарда и *Спрэг де Кампа* «Багряный жрец» и «Рука Нергала»; в первой из них Конан убивает в Коринфии жреца Набонидуса и бежит в Туран, во второй он уже находится на службе в войске Илдиза и сражается с конницей мятежного Мунтасем-хана. В это время Конану уже более двадцати лет (предположительно — двадцать один—двадцать два). Прочие части романа относятся к тому периоду жизни Конана, который практически не описан в публикациях на русском языке. Так, в небольшой повести Говарда и *Спрэг де Кампа* «Сокровища Гвалура» киммерийцу около двадцати пяти лет, а в новелле Говарда «Родится ведьма» — уже тридцать три. В связи с этим «провалом» в биографии Конана я приурочил действие четырех последних частей к тому моменту, когда нашему герою тридцать лет — немного меньше или немного больше, так как описанные мной события занимают около года.

Необходимо также отметить, что третья часть «Усмирение огня» определенным образом связана с другим моим романом о Конане и волшебнице Дайоме — так, у меня упоминается некое поручение, выполненное могучим киммерийцем по приказу этой чародейки, повелительницы далекого острова в Западном океане.

Многие местности, страны и города, встречающиеся в моем романе, читатели встретят впервые. К их числу относятся: город и порт *Шандарат*, расположенный на берегу Вилайета (у самой северной границы Турана); *Жемчужные острова*, лежащие в море к востоку от Шандарата; порты *Хабба* и *Хот*, находящиеся на юго-восточном побережье Вилайета (примерно напротив Аграпура); города *Селанда* и *Дамаст*, между которыми простирается плоскогорье *Арим* — вся эта страна лежит на половине пути между южной оконечностью Вилайета и державой Меру; горная цепь к северу от Дамаста, ограничивающая Гирканскую пустыню (место, где живет Учитель); и, наконец, подземный мир, в котором путешествует Конан в последней части романа.

В заключение я хочу принести глубокую благодарность Кристоферу Гранту и Полу Уинлоу, оказавших мне большую помощь в датировке различных эпизодов из жизни Конана, и своему сыну, принявшему самое активное участие в создании этого романа.

Майкл Мэнсон
Марчентер, 1995 г.

Пролог

Конан Киммерийский, величайший из героев, когда-либо державших в руках меч, родился на поле битвы, под звон клинков, яростные клики сражающихся и рев боевого рога. Ему было назначено стать воином, и он им стал; но, кроме того, ему пришлось овладеть множеством иных искусств и умений, бесполезных как для простого солдата, так и для великого правителя.

Жизнь в северных странах, среди диких гор Киммерии и снежных равнин Ванахейма, Асгарда и Гипербореи, не привлекала Конана; подростком он мечтал о благодатных южных странах, о могучих и обширных королевствах — Аквилонии и Немедии, Заморе, Офире, Зингаре и Аргосе, о жарком Туране, таинственной Стигии, стране колдунов, и далеком Кхитае. Тогда он еще не знал, что будет делать в южных землях, какой путь изберет, однако его не покидала уверенность, что добрый клинок и твердая рука помогут ему завоевать место под солнцем. И он отправился на юг, на изобильный и богатый юг — в поисках своей судьбы, своей державы.

Но до этого было еще далеко. Времена зрелости еще не наступили, и пока что Конан являлся одним из многих авантюристов, одним из тысяч северных варваров, искавших счастья и добычи среди равнин и гор юга.

В юности и в молодые годы он был вором, обучившись этому ремеслу в Заморе, контрабандистом, разбойником с большой дороги, пиратом, плававшим в Западном океане у берегов Зингары, Аргоса, Шема и Стигии или скитавшимся по водам огромного внутреннего моря Вилайет. Несколько месяцев Конан провел в войске Илдиза Туранского, дослужившись до капитана; потом дезертировал, поссорившись с одним из влиятельных военачальников. Свою карьеру наемника он продолжил в Немедии и Офире; затем, под именем Амры, пиратствовал у Черного Побережья, после чего перебрался на восток, в степи и горы на границе с Вендией, где командовал то шайкой мунган, то разбойниками афгулами. Конану было уже за тридцать пять, когда он вновь вернулся к ремеслу моряка, плавая под вымпелами Зингары или под черным корсарским флагом, но роль капитана пиратов уже не удовлетворяла его — он жаждал власти, славы и великих деяний.

Он поступает на службу к Немедидесу, королю Аквилонии, крупнейшей и могущественнейшей державы хайборийского мира, и, спустя пару лет, сам оказывается на аквилонском троне. Отныне он — владыка и повелитель, властелин над тысячами и тысячами, предводитель ог-

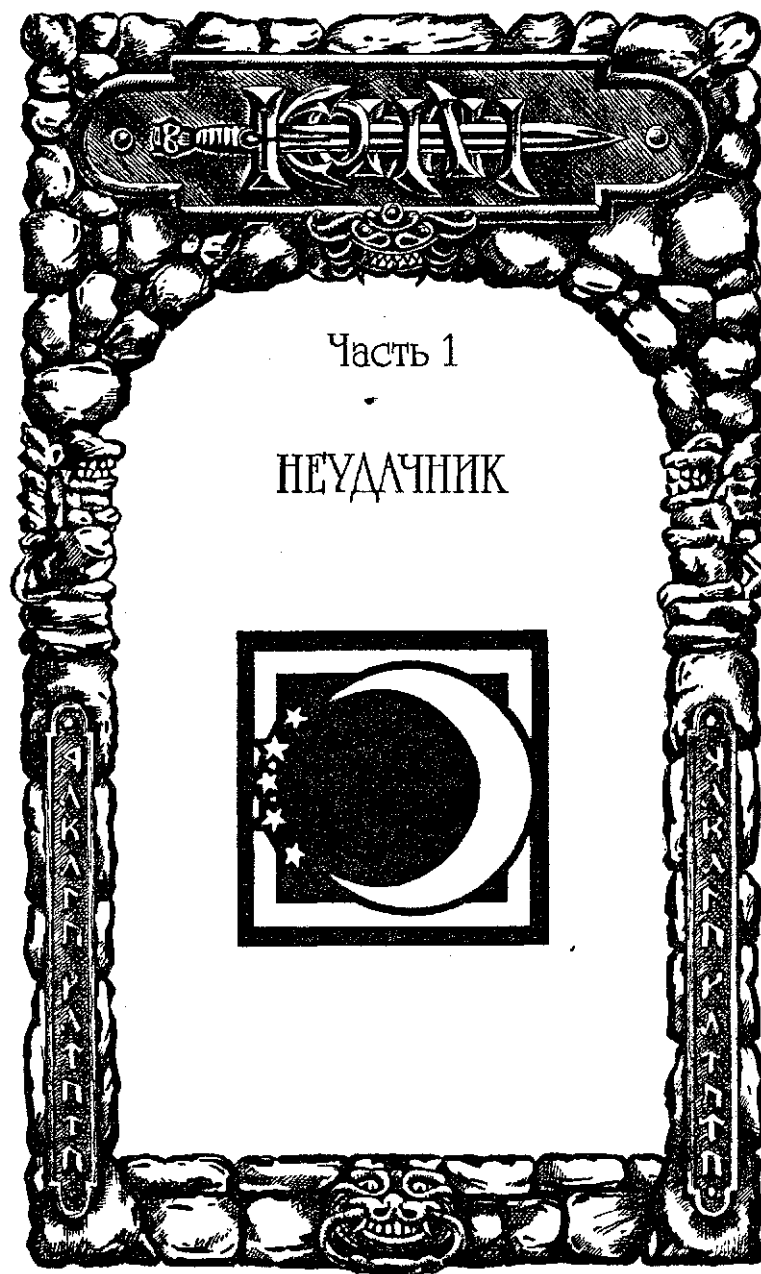
ромных армий, сокрушивших мощь Немедии и Стигии, уничтоживших злобных магов Черного Круга и Белой Руки. На это ушли годы и десятилетия; и, возможно, лишь к концу жизни Конан осознает, что выполнил свое предназначение, одолев силы тьмы — в том месте и в то время, где и когда было заповедано бессмертными богами. Хотелось ему того или нет, но он стал борцом Великого Равновесия, карающей рукой Митры, солнечного бога, прародителя людского племени, коего знали и почитали под разными именами во всем хайборийском мире.

Итак, разбойник и авантюрист сделался королем и божественным помазанныком, основателем новой династии. Однако это случилось не сразу и не вдруг; года скитаний и возмужания пролегли между тем временем, когда четырнадцатилетний Конан штурмовал с ордами киммерийцев пограничную крепость Венариум, и его сороковой годовщиной, когда он воссел на аквилонский трон. Больше четверти века! Долгий путь, пестрая мозаика приключений, битв и погонь, успехов и неудач, побед, грабежей, потерь и бегства. Дорога, залитая кровью...

В те славные и беспокойные времена случилась с ним некая история, отличная от прочих. Отличие же состояло в том, что растянулась она надолго, начавшись одним солнечным утром близ города Шандарат, что стоял на северной туранской границе, и закончившись на пустынных горных склонах, неподалеку от Вилайета. От начала ее до конца прошло пятнадцать или семнадцать лет — вполне достаточный период, чтобы мальчишка-варвар, невежественный, суеверный и жестокий, превратился в многоопытного мужа, в бойца с твердой, как сталь, душой.

По сути дела, это история не только о Конане, но и о людях, встретившихся ему — о воинах Митры, хранителях Мирового Равновесия, и об их наставнике, обучавшем своих учеников Великому Искусству Убивать. Это история о том, как Конан получил божественный дар, как он распорядился им и как его утратил, совершив грех ненужного убийства. Это история об искуплении греха — искуплении, свершившемся как бы помимо воли Конана; он так никогда и не узнал, что умилило гнев грозного солнечного бога. Наконец, это история о пресветлом Митре, великом Подателе Жизни, у которого есть множество способов управлять людскими судьбами — даже в том случае, когда избранник Его проявляет строптивость и непокорство.

Итак, Конан и Дар Бога.

В ту ночь Конан спал беспокойно. Пара протертых и рваных ковров, служивших ему ложем, не делали мягче каменный пол пещеры, но это не слишком заботило его — как и прохладный ветер, задувавший с просторов моря Вилайет. Дома ему случалось ночевать на нарах из неоструганных досок или просто на полу, в грязи и нечистотах; киммерийцы не слишком баловали своих детей. Не меньшие тяготы он перенес и на долгом пути сюда, после неудачного набега на Гиперборею — первого, в котором он участвовал после разгрома Венариума. Так что здесь, на морском берегу, Конан чувствовал себя почти что богачом: у него имелся нож, а также самодельный лук с тремя стрелами, огниво, полуразбитый глиняный кувшин — ну и, разумеется, два ковра. Правда, меч его остался на поле боя, но, главное, он сохранил жизнь и свободу!

Казалось бы, никаких причин для беспокойства, но утром он встал в мрачном расположении духа. Всю ночь юному киммерийцу грезился шторм Венариума, единственная серьезная битва, в которой ему довелось участвовать, первое сражение, в котором его клинок отведал вражеской крови. Конан вновь шел на приступ в плотных рядах сородичей, лез на стену вслед за широкоплечим воином с огненно-рыжей бородой, пробирался меж зубцами парапета, вздымая меч... Опускал его! И видел, как острая сталь с противным чмокающим звуком перерубает ключицу аквилонского солдата, входит в грудь, достает сердце... Неприятное зрелище! Но Конан не сомневался, что еще не раз увидит его. В тот день, на стенах и залитых кровью улицах Венариума, он стал мужчиной, а какой же мужчина боится заглянуть в мертвеющее лицо сраженного им врага? Киммерийцы, во всяком случае, при этом не испытывали страха...

Он вышел из своей крохотной пещерки, потягиваясь, разминая застывшие за ночь мышцы. Утренний бриз гнал к берегу невысокие волны, они с тихим шипеньем накатывались на песок и отползали обратно, словно зеленовато-прозрачные языки, с неторопливой тщательностью облизывавшие берег. Широкий пляж, ограниченный с запада грядой скал, тянулся бесконечной желтой полосой на юг и север, ровный и унылый; на севере не имелось ничего, кроме гор и гирканских степей, на юге же стоял

город Шандарат, до которого можно было добраться за треть дня быстрой ходьбы. Косвенным образом Шандарат являлся источником почти всех богатств Конана: и ковры, и огниво, и глиняный горшок он раздобыл на городской свалке.

Прищутив глаза, юноша всматривался в яркий шар солнца, низко висевшего над морем; его нижний край едва оторвался от сине-зеленой поверхности, испещренной серебристыми бликами. Глаза Конана тоже были синими, но не цвета морской волны, а, скорее, напоминавшими небо на закате, когда дневная его голубизна вот-вот перейдет в фиолетовый вечерний полумрак, предвестник ночной тьмы. С оттенком глаз юного киммерийца резко контрастировали черные волосы, обрамлявшие его лицо с сильными грубоватыми чертами; он не был красавцем и знал об этом. Красота, однако, не представлялась ему чем-то значительным и важным. Сила, неутомимость, крепкие кости, умение нанести и отразить удар — вот что требовалось в суровом и неудобном мире, вот что ценили от Западного до Восточного океана, от ледяных пустынь Ванахейма до болотистых джунглей Зембабве. Конан же, которому едва исполнилось пятнадцать, ни ростом, ни силой не уступал любому из телохранителей шандаратского властелина, и редкий боец из северных земель, из Гипербореи, Асгарда или Ванахейма, мог бы скрестить с ним меч с реальной надеждой на успех. Впрочем, сейчас у него не было оружия — ни меча, ни копья, ни дротика, ни доброй стальной кольчуги, ни сверкающего бронзового шлема... Только сточенный нож длиной с ладонь да лук, который он вырезал через пять-шесть дней, удалившись от гиперборейских пределов на почтительное расстояние.

— Ублюдки Нергала... — пробормотал Конан и злобно плюнул в западном направлении — туда, где обитали его недавние противники. Ничего, он еще вернется в эту Гиперборею! И не один, а с компанией лихих приятелей! Они выжгут посевы, завалят колодцы, разметут по бревнышку дома, вспорют животы мужчинам, а женщин... женщин... С полминуты он раздумывал, что можно сделать с женщинами, особенно молодыми, затем снова сплюнул на песок и направился к пещере; мечты — мечтами, но желудок требовал своего.

Вскоре юноша уже брел вдоль линии прибоя, вооруженный самодельным луком. Нож был засунут за пояс его рваных штанов, сквозь дыры облезлой меховой куртки

просвечивало смуглое тело, крепкое, как буковая древесина; игривые волны то и дело окатывали его босые ноги. Здесь, у моря, можно было найти массу полезного: плавник, подходивший для костра, если его высушить на солнце, съедобные ракушки, снулую рыбу, округлые плоские камни, годные, чтобы метать их в чашек. Чайки и составляли его основную пищу, и в первые дни, несмотря на отвратительный вкус, Конан поглощал их с жадностью; в северных гирканских степях не было и того. Возможно, там и водилась дичь, но чтобы добыть ее, требовалось нечто поприличнее лука, который бил едва ли на сорок шагов.

Он наклонился, оторвал от обросшего водорослями валуна пару ракушек, раздавил створки в кулаке и высосал студенистую плоть моллюсков. Не очень похоже на мясо... на рыбу, впрочем, тоже... На миг соблазнительное видение мелькнуло перед ним — не то зажаренный на вертеле барашек, не то нежная молодая свинья. Желудок отозвался голодным урчаньем, и Конан начал торопливо обирать валун, на котором оставалось еще с десяток раковин.

О, Венариум! Теперь он вспоминал не кровь, струившуюся по его клинку, не дым пожарищ, не гаснущие глаза мужчин, не редкие женские вопли — в крепости, построенной аквилонцами на земле Киммерии, женщин было немного. Он думал о том, чем закончилась битва: о пире, который знаменовал победу. Пир, какой пир! Вино лилось рекой, доброе аквилонское вино, розовое и красное, сладкое, как мед! И пиво, хмельное пиво из крепостных запасов! И бычьи туши, истекавшие соком над кострами... Сглотнув слюну, Конан злобно выругался; он чувствовал, что жаждет всего: питья и пищи, оружия, украшенного камнями, роскошной одежды, женщин... Когда-нибудь все это у него будет! Он поклялся Кромом, что урвет свой кусок, если даже для этого придется перерезать тысячу или две глоток.

Мир обещал ему не слишком много, но и не слишком мало; сейчас он был нищ, но везде требовались крепкие руки, способные держать меч и топор. Меч и топор могли принести все земные блага, и Конан, задумчиво поглядывая на море, с минуту решал важную проблему: куда лучше податься — к разбойникам или в стражу блистательного Ашарата, шандаратского владыки. Он мог стать пиратом, наемником, охранником караванов — либо присоединиться к степным молодцам, для которых эти ка-

раваны были лакомой добычей... Он мог идти на юг, на запад или восток — либо вернуться на север, на холодный мрачный север, чтобы с шайкой лихих молодцов снова нагряться в гости к гиперборейцам. Последнее представлялось ему весьма героическим деянием.

Собственно говоря, первые шаги к чаемому богатству и славе он уже обдумал. Служба у богатого купца или даже у самого Ашарата его не слишком соблазняла: во-первых, он не любил подчиняться, а во-вторых, кто взял бы стражником нищего мальчишку, хотя и неплохо владеющего клинком? Страж — лицо доверенное, и доверие хозяина значит не меньше ловкости в обращении с оружием; Конан понимал это своим варварским, еще полудетским разумом, и мысли о карьере при шандаратском дворе быстро улетучились у него из головы.

Более соблазнительным казалось податься в пираты или в разбойники; на берегах и морских просторах Вилайета хватало и тех, и других. Но если уж и прибиться к какой-нибудь шайке, то не сейчас. Тот же варварский ум и природная хитрость предупреждали Конана, что и разбойный люд не жалует безоружных бродяг в отрепьях с чужого плеча, отводя им роль не соратников, а, в лучшем случае, жалкой прислуги. Пусть бы он был в этих своих ободранных штанах и рваной куртке, но с мечом! С добрым мечом, с которым взбирался на стены Вена-риума! А еще лучше, с мечом, кинжалом, секирой и арбалетом! По крайней мере, не пришлось бы выпрашивать оружие у будущих компаньонов, чтобы показать, как он умеет с ним обращаться...

Поскольку и разбойничьи подвиги, и верная служба Ашарату пока отпадали, Конан собирался либо возвратиться домой, либо заняться воровством. С его точки зрения, эта профессия была весьма почтенной, и если не сулила славы, то могла принести богатство. Он слышал, что в Арэнджуне и Шадизаре, богатейших заморанских городах, каждый третий житель являлся вором, и среди них попадалось немало состоятельных людей, обеспечивших себя на всю жизнь и продолжавших практиковать чисто из любви к искусству. В Замору Конан и намеревался когда-нибудь попасть, чтобы взять несколько уроков у признанных мастеров; правда, он был готов начать и с Шандарата, города большого, торгового и совсем не бедного. Но уж очень подозрительно он выглядел! Солдаты блистательного Ашарата не пропускали его в городские

врата, стены же были высоки и хорошо охранялись, а разбросанные на южной окраине усадьбы местной знати стерегли свирепые гладкошерстные псы размером с теленка. Конан буквально не представлял, с какого конца взяться за дело. С другой стороны, ему очень не хотелось возвращаться домой без оружия и без добычи.

Обобрав последние ракушки с валуна, он зашагал по берегу, угрюмо всматриваясь в воду. Прибило бы сейчас волной покойника... Какого-нибудь купца, из тех, кого спускают за борт лихие морские грабители Вилайета... И был бы он, скажем, в приличных штанах да с саблей в окостеневшей руке... Может быть, даже в сапогах... Тут Конан поглядел на свои ноги и покачал головой. Нет, с сапогами бы ничего не вышло! Народ здесь мелкий, не одну сотню купцов надо перебрать, чтобы найти обувь по размеру...

С другой стороны, при купце мог оказаться кошелек, и это сразу решило бы все проблемы — и с мечом, и с сапогами, и со всем прочим. Пусть даже не кошелек, а перстень... или дорогой камень в наголовной повязке... Предположим, купец бился насмерть у борта, и его продырявили насквозь стрелой либо копьем... мог же он тогда свалиться в море, избежав обыска умелых рук? Да, свалиться и приплыть к берегу, прямо к его, Конана, ногам... Вместе со своим сверкающим камнем...

Юный киммериец внезапно остановился, ибо в морских волнах и в самом деле что-то блеснуло. Что-то округлое, размером с дыню или с человеческую голову!

Купец? Или плывет только его башка, сверкая бритым черепом в лучах утреннего солнца? Во всяком случае, ни сапог, ни сабли, ни штанов не было видно... а без штанов какой же кошель? Их носят у пояса; а те, что поосторожнее, даже затыкают за пояс, поближе к телу... Эти азы воровской науки Конан уже усвоил неплохо, наблюдая за людьми, толпившимися у ворот Шандарата. В основном то была мелкая сошка, караванвожатые да окрестные земледельцы с телегами овощей, но каждый, в отличие от киммерийского бродяжки, был при штанах и кошеле.

Конан вошел в воду. Тут, в северной части Вилайета, она была прохладной, но лицо юноши не дрогнуло; он мог шагать босиком по снегу и идти так целый день, от восхода до заката. Придерживая лук, чтобы не намочила тетива, сплетенная из собственных волос, он погружался все глубже и глубже, не сводя хищных глаз с блеснувшего

в воде предмета. Тот был темен и отражал солнечный свет не слишком щедро; скорее всего, не купец, а слуга купца из каких-нибудь дальних краев вроде Пунта или Зембабве, где люди, по слухам, черные, как головешки из костра. Конечно, такой нечисти пираты бы в первую очередь ссекли башку и вышвырнули за борт, подумал Конан с мрачной ухмылкой. Вот и плывет эта башка сейчас прямо к нему, абсолютно бесполезная и ненужная... Уж лучше бы была дохлая рыба! Ту, по крайней мере, можно съесть, коли не сильно провоняла!

Вода дошла ему до горла, и Конан, не желая пускаться вплавь, остановился. Он ждал, пока волны не подогнали странный предмет поближе, потом снял тетиву, вытянул длинную руку и зацепил предполагаемую голову изогнутой палкой. Она легко крутилась и вращалась в воде и явно не походила на башку чернокожего; да и любая голова не отличалась бы такой поворотливостью. Подогнав предмет поближе, Конан увидел, что перед ним что-то вроде горшка из темного, местами помутневшего стекла; он ухватил его за ручку и медленно побрел к берегу.

Значит, не купец, не голова купца с изумрудом во лбу, и даже не башка его черного слуги... Зато полезная вещь, размышлял он, поглядывая на свою находку. Похоже на кувшин в две ладони высотой и с горлышком в ладонь... в нем можно держать воду... куда удобнее, чем в старом глиняном горшке, найденном на городской свалке... А нельзя ли его продать? Возможно, вещь древняя и ценная... вроде тех, по которым сходят с ума всякие богатеи...

Он выбрался из воды, аккуратно поставил сосуд на песок и, сбросив свои рваные меха, разложил их сушиться на солнце. Штаны Конан снимать не стал, только выжал их прямо на теле; светило уже поднялось высоко, и он не ощущал холода. Покончив со своим туалетом, он снова взялся за горшок; в животе у него бурчало, но любопытство оказалось сильнее голода.

Внимательно осмотрев свою находку, он не сумел прийти к какому-либо разумному заключению. Возможно, эта штука и была древней, но об этом свидетельствовало лишь некое помутнение и без того темного стекла. На нем не имелось никаких знаков или украшений; гладкая поверхность плавно переходила в горлышко толщиной в четыре пальца. Дно оказалось не плоским, а выпуклым и округлым — большой недостаток, как решил Конан;

этот кувшин мог стоять только в ямке, выкопанной в песке. Был он довольно тяжел — в три четверти веса боевой киммерийской секиры.

Он попытался разглядеть что-нибудь внутри, но безуспешно. Темно-зеленое стекло почти не пропускало света, и когда Конан поднял свою находку, держа против солнца, ни один лучик не пробился сквозь ее стенки. Ему показалось, что в сосуде клубится туман, но, скорее всего, это было обманом зрения.

Юноша откинул десяток горстей песка, укрепил в ямке кувшин и задумчиво уставился на него. Горлышко сосуда было заткнуто пробкой, вырезанной из дерева и залитой окаменевшей смолой; Конан с большим трудом отскреб ее лезвием ножа, не обнаружив и здесь никаких знаков. Ни привычного начертания северных рун, ни следов иной письменности, ни таинственных символов, коими повсюду, от ледяного Асгарда до жаркого Куша, заклинали нечисть. Самая обычная пробка, туго забитая в горло из толстого стекла и обмазанная самой обычной смолой... Нет, в таком сосуде не мог сидеть демон!

Эта мысль мелькала у него, еще когда он нес стеклянный горшок к берегу. В мире властвовали могучие боги — вроде грозного Крома, Владыки Могильных Курганов, Светоносного Митры, Ледяного Гиганта Имира, Древнего Змея Сета, темного Нергала; но, кроме них, невидимых и всесильных, в лесах, пустынях, горах и морях встречалось немало созданий, способных творить странные вещи, иногда добрые, иногда — злые, но всегда непонятные и потому страшные. Демоны, инкубы и ифриты, оборотни-вурдалаки, карлики — добычки и хранители золота, полулюди-полузмеи, вампиры, заблудшие души, зачарованные в камне статуи, в скалах или в древесных стволах... И это — не считая черных и белых магов, колдунов, ведьм, друидов, жрецов и всяческих грамотеев, способных пробормотать пару заклинаний и потому возмнивших себя магами или жрецами! Их могущество и власть казались ничтожными по сравнению с могуществом и властью богов, но их бы вполне хватило, чтобы Конан, мальчишка-варвар из Киммерии, превратился в обугленную головешку — или во что-нибудь похуже.

Но потому, что он был варваром и свято верил в подобную возможность, он был и дьявольски осторожен. Осторожен и терпелив! Перед ним находился сосуд, плотно закупоренный и явно не содержавший ни вина, ни

масла, ни сокровищ, ни записок потерпевшего кораблекрушение путника; для чего же забили в него эту пробку и залили смолой? Такие вещи не делаются для развлечения, в этом Конан был уверен. А потому он сидел неподвижно до самого полудня, не обращая внимания на голодные спазмы в желудке и не спуская глаз с горшка, вкопанного в песок.

Ничего, однако, не происходило. Никакая демоническая сила не рвалась наружу, сосуд не дергался и не падал набок, и никто не пытался выдавить пробку изнутри. Может быть, дух помер? Или там его никогда и не было? Просто какой-то шутник все же решил поразвлечься в некие незапамятные времена? Закаменевшую пробку вытащить нелегко, семь потов сойдет, пока откроешь, подумалось Конану. Ну, откроешь, перевернешь, а оттуда вывалится кусок собачьего дерьма — тоже окаменевшего, еще лет сто назад... Веселая шутка!

— Клянусь Кромом, — пробормотал он, — таким всельчакам надо выпускать кишки! Или снимать кожу ремнями от шеи до пяток!

По молодости лет ничего более страшного он придумать не мог.

Наконец, встав, Конан подошел к сосуду и ощупал его. Стекло сильно нагрелось на солнце и чуть ли не обжигало пальцы; пробормотав проклятье, он отдернул руку. Вероятно, не имело никакого смысла сидеть тут, уставившись на зеленый горшок с куском старого дерьма внутри, и киммериец, поборов сильное искушение забросить свою находку обратно в воду, решил, что пришла пора действовать. Однако он не потерял осторожности и не собирался искушать судьбу, ковыряя пробку своим ножом; эту штуку следовало вскрыть с максимально далекого расстояния.

Оглядевшись, он заметил недалеко валун в половину человеческого роста, торчавший из песка. Подняв свою находку, Конан отправился к нему, прикопал сосуд рядом — так, чтобы наружу торчало только горлышко, — затем очертил вокруг камня две окружности. Напрягая память, он попытался изобразить между ними пяток рун — тех самых, которые его отец, коваль и оружейник, обычно высекал на рукоятках мечей; считалось, что они предохраняют владельца от поражений, от ран и прочих бед. Закончив свое нехитрое коловство, Конан подобрал

пару округлых галек величиной с кулак и отступил от валуна шагов на двадцать.

Он подбросил свой снаряд на ладони; его тяжесть действовала успокаивающе. Безусловно, такой бульжник в драке был надежнее деревянной стрелы без наконечника или короткого ножа со сточенным лезвием. Снова подкинув его вверх, Конан подумал, что с небольшого расстояния сумеет расшибить лоб любому демону — конечно, если тот не будет размером с гору. Ну, тогда одна надежда — на быстрые ноги... Он прицелился, резко швырнул камень и тут же потянулся за вторым.

Удар был точен и сокрушителен; жалобно звякнуло стекло, зеленоватые льдистые осколки взметнулись и опали на песок, верхняя часть горшка вместе с пробкой отлетела в сторону. Сосуд слегка перекосило; теперь обломок горлышка упирался в валун.

Конан ждал, сжимая в правой руке камень и положив левую на рукоять ножа. Долгое время ничего не происходило, и он уже решил подойти поближе и освидетельствовать содержимое сосуда, но тут над ним словно бы взвился легкий парок, от которого потянуло зловонием. Изрядной вонью, по правде говоря; юный киммериец ощутил ее за два десятка шагов и сморщился.

— Все-таки дерьмо, — буркнул он, оставив в покое нож и опуская камень. — Собачье дерьмо, клянусь гневом Крома!

Тем временем белесый парок начал постепенно сгущаться, и Конан, приглядевшись к его медленно вращавшимся завиткам, почувствовал, как по спине пробежал холодный озноб. Пожалуй, он поторопился с выводом насчет содержимого этой штуки; если в ней и была заключена какая-то древняя мерзость, то она явно не относилась к собачьим фекалиям. Он снова взялся за нож и, обернувшись, измерил взглядом расстояние до скал. К счастью, они находились в успокоительной близости, и в невысокой гранитной гряде было великое множество трещин, расселин и узких каньончиков, где можно было скрыться в случае опасности. С привычным и острым сожалением он подумал, что лишен меча; меч в руках был бы куда надежнее, чем этот каменный лабиринт за спиной.

Белесый туман потемнел и теперь медленно, словно бы с ленцой, крутился над самым валуном, вытягиваясь невысоким столбиком. Внезапно его вращение прекрати-

лось; дым начал густеть, покачиваясь под порывами ветра то вперед, то назад. Когда он отклонялся в сторону Конана, киммерийца окатывала волна зловония — словно там, на валуне, стояла корзина с тухлыми битыми яйцами. Он сморщился, чихнул и отступил еще на пяток шагов.

Туман окончательно отвердел, отлившись в некую странную форму; на камне перед Конаном сидело небольшое костлявое создание с обвислой серой кожей, сильно напоминавшее крысу. У него была вытянутая мордочка с каким-то подобием уныло обвисших усов, остроконечные уши, темные мутноватые глазки, руки со скрюченными пальцами, выпирающий хребет и ребра, которые не составляло труда пересчитать издали. Колени казались шишковатыми и мосластыми, тощие ноги заканчивались плоскими ступнями, неожиданно огромными для такого щуплого существа, волос на голове не было и в помине. Плечи странной твари, одновременно похожей и непохожей на человека, прикрывал пепельного цвета плащ, но стоило ей шевельнуться, как Конан понял, что видит крылья.

Тем не менее, киммериец уже не боялся. Да, перед ним был демон, неведомо кем и когда заточенный в стеклянный сосуд; но до чего же жалко он выглядел! Вероятно, в мире не существовало другой такой унылой твари, такой скучной, серой — и такой вонючей! Может, сей убогий вид являлся следствием долгого пребывания в запечатанном горшке, может, был присущ серому демону всегда; в любом случае не стоило тратить на него камень. Это крысоподобное существо не походило ни на грозного ифрита, плюющего огненными языками (как о том рассказывали Конану), ни на инкуба, высасывающего из жертвы кровь во время ласк в постели, но на оборотня с клыками в пол-ладони. Конан вообще засомневался, есть ли у него зубы.

Оказалось, что есть — мелкие, но довольно острые; киммериец разглядел их, когда пепельное создание раскрыло рот и заговорило.

— Эээ... хмм... м-да! Привет тебе, мой господин и избавитель! — Демон вытянул ноги и, слегка откинувшись назад, взглянул на небо. — Старый Шеймис рад вдохнуть маленько свежего воздуха, но свет здесь слишком ярок для его бедных глаз... Может, хозяин, ты согласишься заклясть и позволишь мне спуститься с этого камня?

— А! — произнес юный киммериец, приободренный не только жалким видом демона, но и его почтительным обращением. — Значит, ты не можешь миновать кольцо с рунами?

Шеймис словно бы заколебался, потом тяжело вздохнул.

— Сказать по правде, хозяин, могу, ибо колдовство твое не стоит и песка, на коем начертаны сии странные знаки. Но, изображая их, ты желал удержать меня внутри круга... а вот эту твою волю я нарушить никак не смею.

Конан гордо расправил плечи; доселе еще никто не называл его хозяином и господином. Великий Кром, возможно этот Шеймис, эта ободранная жалкая крыса, на что-нибудь да сгодится! Киммериец сделал повелительный жест.

— Можешь выйти, крысиный огрызок... Э, не сюда! — тут же вскричал он, когда демон направился к нему, обдав застарелой вонью. — К морю, давай к морю! Лезь в воду! Вот так... И ни шага ко мне, пока не перестанешь смердеть, словно протухший козел!

Стеная и охая, демон погрузился в воду, растопырив крылья. Были они невелики и выглядели довольно жалко; юный киммериец подумал, что вряд ли на них можно подняться над землей хоть на ладонь. Шеймис поскреб паучьими пальцами впалую грудь, затем потер поясницу и проныл:

— Ха-а-зяин! Не доста-а-ть! Па-а-маги!

Сердито сплюнув, Конан подошел к нему, набрал полные руки мокрого песка и принялся оттирать спину и крылья. Грязь сходила с демона целыми пластинами, но кожа оставалась по-прежнему серой — видимо, то был ее естественный цвет. Зато запах Шеймиса существенно улучшился; теперь от него не разило нечистотами и тухлятиной, а пахло соленой водой и водорослями. Пока Конан трудился над ним, демон не переставал ныть и жаловаться: вода казалась ему слишком холодной, солнце — слишком жарким, хватка рук киммерийца — слишком крепкой и жестокой. Наконец юноша выволок свою стенающую находку на берег и, подобрав лук со стрелами, кивнул в сторону пещерки, служившей ему пристанищем.

— Туда! Давай, отродье Нергала, шевелись!

Ковыляя за юным хозяином по песку, Шеймис обиженно произнес:

— Я не имею никакого отношения к Нергалу, мой господин. Я даже не знаю, кто это такой. В мои времена о нем и слыхом не слыхивали.

Конан покосился на него.

— Сколько же ты просидел в своем горшке, недоносок? И кто тебя в него засунул?

Задумчиво почесав безволосый череп, демон задумался.

— Хмм... м-да... Действительно, сколько же я там просидел? Если ты, хозяин, согласишься назвать какие-нибудь страны или города... или великих правителей прошлого...

— Там, — Конан вытянул руку на запад, — Гиперборея, Асгард, Ванахейм и Киммерия, моя родина. За Киммерией, на берегу океана, живут пикты. Южнее лежат богатые страны, — он невольно облизнулся, — Аквилония, Немедия, Офир, Зингара, Замора... Еще южнее — Аргос, Шем, Стигия... Ну что, довольно? Великие же их правители и герои мне не ведомы... разве что Кром, наш киммерийский бог.

— Кром? Нет, о Кроне я тоже ничего не слыхал, как и о землях, названных тобой, — сообщил Шеймис. — Впрочем, Стигия... да, Стигия и пикты... это мне о чем-то напоминает...

— А имя Митры тебе известно? Великого Митры, Владыки Света, Подателя Жизни? Многие поклоняются ему...

— Митра? — демон оживился. — Ну, клянусь горшком, в коем я просидел бездну лет, моя память еще хранит имя Величайшего! Но должен сказать, юный мой господин, что мы, стихийные духи Ночи, не имеем отношения к светоносному богу.

— Духи Ночи? — Конан насторожился. — Выходит, ты ночной демон? И твой повелитель — злобный Сет, проклятый змей?

Шеймис казался смущенным.

— Если сказать по правде, хозяин, духи Ночи — существа более высокого порядка, чем твой бедный слуга. Я... я... я скорее дух сумерек... знаешь, когда не светло и не темно, не холодно и не жарко, и, вдобавок, моросит дождь... Вот в такое время я чувствую себя лучше всего, — он поскреб под мышкой. — Что до повелителя, то таковой у меня сейчас лишь один.

— И кто же?

— Ты! Ты, мой господин!

Конан скривился. Неплохо, разумеется, иметь слугу, но не с такой жалкой внешностью... Хотя кто знает, на что способна эта сумеречная крыса? Демон есть демон, и ему подвластно многое... Что именно, юный киммериец решил проверить как можно быстрее.

— Так кто же засадил тебя в горшок? — повторил он свой прежний вопрос.

— Ах, хозяин... если б мне было известно, кому перебежал дорожку старый безобидный Шеймис... Я сидел на камнях у моря — похоже, у этого самого моря, — демон махнул скрюченной лапкой в сторону спокойной морской поверхности, — да, сидел вечером, любовался небом — оно уже посерело, как мои крылья... И вдруг — трах-тарарах! Гром, молния — и я в кувшине!

— Гром и молния? — Конан недоверчиво прищурился; было непохоже, чтобы какой-нибудь маг, колдун или, тем более, бог устраивал такое пышное представление ради этого недоноска Шеймиса.

— Ну... по правде говоря... да, если честно, не было никакого грома и никакой молнии, хозяин. Но в горшке я все-таки очутился! — демон печально вздохнул. — Прокиски врагов, я полагаю.

— У тебя были враги?

— А у кого их нет?

— Кто?

Шеймис уставился в песок, затем покачал головой.

— Не знаю... Вернее, не помню, мой господин... Надеюсь, они сдохли за такую тьму лет.

— А почему ты не выбрался раньше из своего горшка? — спросил Конан. — На нем не было колдовских рун... и на пробке тоже... Или на тебя наложили невидимое заклятье?

— Нет, хозяин. Дело куда проще: у меня не хватало сил разбить этот сосуд изнутри или вытолкнуть поганую затычку... ее, видишь ли, забили на совесть. Видно, враги — да будут прокляты их сгнившие кости! — отнеслись ко мне с полным пренебрежением. Они знали, что даже без их злобного чародейства мне не вырваться на волю... — Шеймис дернул свои усы и грустно понурился.

— Не очень-то ты сильный демон, — заметил Конан, слегка замедляя шаги, ибо Шеймис не поспевал за ним. — Не знаю, стоит ли брать тебя в слуги, приятель.

— Тут уж ничего не поделаешь, мой молодой господин. Любой заточенный в узилище дух или демон обязан

отслужить тому, кто его освободил. Это — нерушимое правило, и лишь очень сильный чародей может расторгнуть нашу связь...

Внезапно Конан сообразил, что избавление от крысомордого духа сумерек может оказаться куда более сложным делом, чем тот бросок камня, что выпустил демона на свободу. Это ему не понравилось; он вспомнил, что хотя слуга должен служить, хозяин тоже несет кое-какие обязательства. Пусть Шеймис не потребует с него платы звонким серебром, но есть-то ему надо! Интересно, чем он питается?

Подумав о еде, киммериец тут же ощутил голодные спазмы в желудке. И не мудрено: сегодня он не добыл ни рыбы, ни птицы — ничего, кроме десятка ракушек. Его сильное молодое тело требовало пищи, а жалкий вчерашний ужин делал голод почти нестерпимым. Впрочем, всего лишь почти; как любой подросток из скудной благи земными Киммерии, он отнесился к недостатку еды с философским спокойствием.

К тому же, у него был демон! И с какой стати он должен его кормить? Пусть тот кормит хозяина! Во всяком случае, таланты Шеймиса на сей счет требовалось проверить.

Они подошли к небольшой пещерке, забрались внутрь, под каменный козырек, умерявший зной, и сели: Конан — на свои рваные ковры, демон — прямо на песок. Он него еще слегка пованивало, но в целом запах был терпим и никак не сказывался на аппетите юного киммерийца. Сейчас Шеймис, привалившись к прохладной каменной стене, напомнил ему большую и странную крысу, бесхвостую, с тонкими лапами и огрызками крыльев за плечами. Демон жмурился и довольно потирал ладоши — в гроте царил полумрак, что было, вероятно, отдыхом для его глаз.

— Ну, приятель, — сказал Конан, — не пора ли и поработать?

Почти неосознанно он принял хозяйский тон. Хотя это существо было старше его на столько зим и лет, что это просто не поддавалось воображению, он уже понял, что является полным господином над ним. Что же касается числа зим и лет, то оно не имело никакого смысла. Да, ему пятнадцать (почти шестнадцать, уточнил Конан про себя), а этому крысенышу — пятьсот или тысяча... Ну и что с того? Большую часть своей жизни демон

просидел в горшке, а те давние времена, когда он был свободен, даже не заслуживали упоминания. Что можно сказать об эпохе, когда никто не слышал ни про Нергала, ни про грозного Крома? Дикое, варварское время...

Сделав сей вывод, Конан окинул духа сумерек взглядом собственника и повторил:

— Ну, так как насчет работы?

— Работы? — физиономия Шеймиса страдальчески скривилась. — Надеюсь, хозяин, ты не заставишь меня таскать камни?

— Заставлю, если ты ни на что другое не годен, — буркнул Конан. — Ну, принимайся за дело! Наколдуй мне еды, оружие и что-нибудь получше этих обносков! — Он раздраженно дернул полу своей потертой куртки.

— А! Так речь идет о магии! — демон вздохнул с явным облегчением. — А я-то уже испугался... Значит, господин мой, пища, оружие и одежда? Хорошо. Но что в первую очередь?

— В первую очередь — пожрать. — На этот счет у Конана сомнений не было; живот сводило так, что он не удержал бы рукоятку меча.

— Чего желаешь? Цыплят на вертеле? Жареного барашка со специями? Лепешки с медом? Говяжий бок? Поросятка, фаршированного яблоками? Или что-нибудь поизысканней? Паптет из утиной печенки? Соловьиные язычки под белым соусом? Красную ры...

— Барашка! — рявкнул Конан. — Барашка, да поживее!

— Один момент, хозяин, — Шеймис отлепился от стены, простирая вперед тощие мосластые руки с растопыренными когтистыми пальцами. Он пошевелил ими в воздухе, прикрыл глаза, явно готовясь сотворить заклинание, но вдруг остановился. — А вино? — спросил демон. — Вино, мой господин? Какое ты предпочитаешь? Розовое, белое, красное, зеленое, золотистое? Сладкое или не очень? Может быть, мед или пиво?

— Пиво! — терпение Конана начало истощаться.

— Истинно благородный вкус! — заметил дух сумерек, творя свои чары. Он прищелкнул пальцами и заинтересовался: — На какой посуде подать барашка? Из золота или из серебра? Или тебе больше нравится этот... как его... такой белый... с росписью...

— На чем хочешь, бесхвостая крыса! — раздраженно приказал Конан, тут же пожалев о своих словах; ему еще

ни разу не доводилось есть на золоте или серебре, не говоря уж о чем-то белом и расписном.

Шеймис снова прищелкнул пальцами и с натугой выдохнул воздух. Над песком, нехотя и лениво, начали вырисовываться зыбкие контуры блюда; потом возникли очертания бараньего скелета, ставшие вдруг покрываться мясом. Конан громко сглотнул слюну.

Неожиданно процесс остановился; блюдо шлепнулось на песок, баран подпрыгнул на нем, громыкнув костями, затем рядом приземлилась большая кружка с темной пенистой жидкостью. Одурманенный запахом жареного, юный киммериец с размаха опустил кулак на бараний хребет. Хрустнули ребра, блюдо подозрительно затрещало, но Конан, не обращая внимания на эти звуки, рванул к себе одну из задних ног, отодрал ее и впился в мясо зубами.

С ногой он покончил на удивление быстро, приписав это собственной торопливости. Впрочем, хотя три остальные конечности барашка были обглоданы с той же скоростью, сытости юный варвар пока не ощутил. Не вдаваясь, однако, в подробности, он принялся за ребра, шею, брюшину и седло; Шеймис следил за ним преданным взглядом, в котором мелькало нечто отеческое. Дело стремительно шло к концу, кости, с которых крепкие молодые зубы сдирали жалкий слой мяса, одна за другой с глухим стуком падали на блюдо, но Конан чувствовал, что может съесть еще столько же. Наконец, облистав пальцы, он отхлебнул из кружки и повелел:

— Еще!

— Увы, мой господин... — Шеймис с виноватым видом поник головой; его крылья встопорщились, походя сейчас на две серые мокрые тряпки, вывешенные для просушки. — Увы! — горестно повторил демон. — Мои заклятия, кажется, слегка потеряли силу...

— Протухли, ты хочешь сказать, — заметил Конан, обозревая деревянное щербатое блюдо с костями и глиняную кружку. Теперь он совершенно отчетливо видел эту жалкую утварь и мог припомнить, что барашку, по всей вероятности, стукнуло полвека: мясо его оказалось жестким, жилистым, да и было его не так много. Тем не менее, юный варвар утолил первый голод, и это настроило его на миролюбивый лад. Тощий и старый баран лучше, чем никакого барана, решил он, отхлебнул из кружки и поморщился — пиво несомненно прокисло.

Шеймис, с самым жалким выражением на крысиной мордочке, продолжал щелкать пальцами, теревить усы и шептать какие-то слова, походившие на стигийские ругательства. Может быть, на офирские, зингарские или аргесские; Конан не мог разобрать, хотя умел ругаться и сквернословить на двух десятках языков. Высосав пиво, он жестом велел сумеречному духу покончить с бесполезной магией и уточнил:

— Вроде бы намеревался отслужить мне — как всякий демон, освобожденный человеком. И как долго должна продолжаться такая служба? — Киммериец покосился на груды костей, украшавших щербатое блюдо.

— По-разному, хозяин. Одни демоны должны лишь выполнить три желания, другие обязаны служить целый год, а третьи... третьи... гм, я-то как раз из третьих, мой юный господин.

— И что это значит?

— То, что мы с тобой не расстанемся в ближайшую сотню лет, — с неким подобием ухмылки сообщил Шеймис. — Может, и дольше.

— Столько я не проживу, — заметил Конан с философским равнодушием к своей грядущей кончине; разумом он понимал, что когда-нибудь умрет, но сейчас это печальное событие лишь маячило где-то в отдаленном будущем.

— Значит, по воле Митры, я буду с тобой, пока ты жив, — губы демона вновь сложились в жалкую улыбку.

— Если ты станешь так меня кормить, — Конан отпихнул ногой блюдо, — то срок моей жизни очень сократится, приятель. Ну, ладно... — он задумчиво взглянул на Шеймиса. — Теперь мне нужен меч. Хороший меч, сапоги, шерстяная туника и пояс с перевязью. Ну, давай! Посмотрим, на что еще ты способен.

— Сейчас, хозяин! — торопливо отозвался сумеречный дух. — Понимаешь, мясо, пиво и прочее — суть продукты животные и растительные... а значит, важны вкус, аромат, мягкость... сотня других мелочей, с которыми справиться нелегко... особенно в моем почтенном возрасте... — Шеймис начал делать какие-то судорожные пассы, продолжая говорить. — Ну, а что касается металлов, тканей и кож, тут, я уверен, мои чары будут действеннее... гораздо действеннее, мой юный господин... А! Вот видишь!

Он с торжеством всплеснул руками, и в тот же миг перед Конаном возникла сабля. Киммериец поднял ее и

осмотрел с некоторым недоверием. По виду она походила на туранскую — изогнутый клинок шириной в два пальца, не очень хорошего качества; явно из тех, коими вооружают ночных сторожей на базаре. Рукоять вроде бы выглядела золотой — но только выглядела, как он тут же установил, отколупнув ногтем чешуйку позолоты. Под ней была медь.

— Ну, как? — Шеймис глядел на него с такой жадной надеждой, что у Конана не хватило духу обругать его. Он только кивнул и буркнул:

— Ладно, сойдет... все-таки подлиннее моего ножа.

Он не знал, что можно еще сказать; сабля действительно была длиннее ножа, но этим все ее достоинства исчерпывались. Сталь на его сточенном ножике казалась не в пример лучше.

— Займись-ка теперь одеждой, — велел он. — Сапоги, ремень, туника. Только смотри, чтоб все выглядело прилично!

— Какого цвета делать тунику, хозяин? И ремень — какой он должен быть ширины?

Конан подумал.

— Ремень шириной в ладонь... тунику давай темно-коричневую, как старое дерево или камень...

Подходящий цвет, решил он, чтобы красться в ночи вдоль стен, разыскивая незапертые двери и окна; мысль стать вором снова промелькнула у него в голове. Отличное ремесло! Может, тут пригодится и этот крысиный огрызок?

Киммериец покосился на Шеймиса: бедный демон колдовал так, что пот градом лил с крысиной мордочки, а плешь едва ли не дымилась. Результаты его усилий не замедлили явиться хозяйским глазам: туника, похожая на мешок с дырами для рук и головы, кожаный пояс и короткие сапоги. Правда, оттенком своим одеяние напоминало не потемневшее дерево, а застарелый собачий кал, и скроено было не из шерсти, а из холста, но Конан и тем был доволен. Он встал, сбросил свои меховые отрепья и натянул новую одежду, подпоясавшись ремнем. Пояс не показался ему достаточно крепким, но киммериец решил, что тяжесть сабли он по крайней мере выдержит.

Затем, вновь усевшись на свои ковры, Конан потянулся к сапогам. Левый налез без особых проблем, хотя голенище подозрительно потрескивало, когда он насаживал его на ногу; но правый... Правый явно был меньше левого,

и киммерийцу пришлось изрядно потрудиться, пока его удалось натянуть. Снова поднявшись, он притопнул, сначала левой ногой, потом — правой, и взвыл от боли: казалось, что правую ступню забили в колодку.

— Ублюдок! Чтоб тебя Кром поразил! Разве трудно сотворить пару одинаковых сапог?

— Прости, хозяин! Я сейчас! — Шеймис вновь принялся делать свои пассы, и вскоре на ногах Конана были два совершенно одинаковых сапога, оба — левых.

Он со злостью пнул ногой каменную стену, и непрочный башмак лопнул; теперь пальцы юноши торчали наружу. Поминая то Крома, то Нергала, киммериец выскочил из пещеры. Несчастный Шеймис тащился за ним, стелая и бормоча какие-то жалобы, но Конан вначале не слушал демона. Лишь излив свою ярость в проклятиях, он разобрал, что сумеречный дух горестно шепчет:

— О, боги Ночи и Дня! Ни одного верного заклипания... опять, как встарь... снова и снова... неудачи преследуют меня... Клянусь сосудом и пробкой, заткнувшей его! В том горшке мне было самое место... Да, самое подходящее... такому недоте... такому выродку... такому...

Конан хлопнул демона по макушке.

— Хватит ныть! Конечно, ты неудачник, недотепа и выродок, но я пристрою тебя к делу. Как-никак, ты мой слуга на целую сотню лет... надо же мне получить с тебя какую-то пользу!

Откровенно говоря, он в этом сильно сомневался.

Глава 2. Странник

Половину ночи Конан не мог уснуть, ворочаясь на своих потертых коврах. Шеймис негромко сопел в углу маленькой пещеры, подстелив одно крыло под себя и укрывшись другим; как выяснилось, сон заменял ему и еду, и питье, ибо в таком состоянии демон насыщался некой магической силой, нисходившей к нему прямо с небесных высот. Но, судя по вчерашним опытам, отпускаясь ее Шеймису не слишком много, и юный киммериец уже догадывался, что судьба и случай благодетельствовали его подмоченным товаром. Однако, с другой стороны, он же не выложил за него и медной монеты!

Выложил или нет, но теперь демон являлся его собственностью, его слугой и рабом на всю жизнь, и практичный ум варвара искал какой-то способ, позволивший

бы извлечь выгоду из сего обстоятельства. Он уже понимал, что Шеймис не сумеет сделать его ни великим полководцем, ни властелином богатой державы в теплых краях, ни даже атаманом шайки разбойников. Что ж, всего этого придется добиваться собственными силами... Но, быть может, дух сумерек как-то облегчит тернистый путь к богатству и славе? Сотворил же он барана... пусть костлявого, жилистого, но разве голодный человек входит в такие мелочи? И сабля... сабля, пожалуй, вышла лучше всего... не киммерийский меч, конечно, ну так что же? С ее помощью удастся раздобыть оружие получше...

Затем мысли Конана обратились к Заморе и Аренджуну, Городу Воров. Он знал, что имеет массу талантов, необходимых в почтенном воровском ремесле; он был не только силен и смел, но ловок и достаточно хитер. Он мог подняться по каменной стене, цепляясь за любую, самую ненадежную опору; мог путешествовать по крышам, не страдая от головокружения; мог пролезать в трубы, в узкие щели, двигаться бесшумно, как тень; мог спуститься по веревке с высокой башни, разогнуть железные прутья в палец толщиной, перерезать глотки стражам... Все эти подвиги не представляли чего-либо особенного для юного уроженца Киммерийских гор, суровой и жестокой земли, где подростки брались за меч и топор раньше, чем за рукоятки сохи.

Однако умений лазать, бегать, прыгать и разбивать чужие черепа для воровской профессии было недостаточно. Большой проблемой являлись замки: замки на дверях, на сундуках и шкафах, защелки и засовы на ставнях. Разумеется, их не составляло труда вышибить ударом топора, но разве истинный мастер прибегает к таким грубым методам? Конану хотелось научиться открывать их, познав великое ювелирное искусство Ловкой Отмычки, но пока он даже не знал, как взяться за это дело. Можно ли было тут рассчитывать на помощь Шеймиса? Как полагал юный киммериец, справиться с замком куда легче, чем извлечь из воздуха барана, пусть костлявого и жилистого...

Еще одной трудностью являлся сбыт краденого. Монеты, серебряные и золотые, можно было сразу пустить в дело, обменяв на вино, оружие и женскую ласку, но уже с драгоценностями начинались проблемы. Конан еще не очень хорошо разбирался в камнях, различая их только по цвету; красные всегда были для него рубинами, зеле-

ные — изумрудами, а синие — сапфирами. Но, как говорил ему отец и другие опытные мужи, не раз ходившие в набеги на изобильный юг, с камнями дело обстояло непросто. Были красные, но не рубины; синие, но не сапфиры; были желтые, фиолетовые, золотистые, коричневые, пепельные и даже совсем бесцветные, но полыхающие, как огонь! А еще — жемчуг, янтарь, нефрит, не прозрачная, но дорогая бирюза, яшма и множество других камней, о которых он не знал даже понаслышке... Мог ли старый Шеймис снабдить его нужными сведениями? В конце концов, украсил же он саблю (совсем дрянную, если говорить откровенно!) позолоченной рукоятью? Значит, демон понимал толк в драгоценных металлах, а где золото и серебро, там и самоцветные камни!

Надо идти в Шандарат, проверить, на что способна эта бесхвостая крыса, подумал Конан, засыпая. Но утром его намерения переменились.

* * *

На рассвете, перекусив сухой краюхой, сотворенной духом сумерек, он вылез из своей пещерки. Последний кусок хлеба колом стоял в горле; предполагалось, что его угощали медовой лепешкой из белейшей муки, но чары Шеймиса снова сработали не так, как было задумано. Демон, едва достававший рослому киммерийцу до груди, суетился около хозяина, то оправляя складки его новой туники, то бросая горделивые взгляды на саблю, сверкавшую за хозяйским поясом. Поднатужившись, он наколдовал довольно вместительный кошелек, который Конан тоже подвесил в поясному ремню, со вздохом подумав, что не мешало бы его наполнить чем-нибудь блестящим и звонким. Как выяснилось во время завтрака, в драгоценностях Шеймис разбирался слабо и мог извлечь из воздуха только пару медных денеек — да то лишь взглянув на образец. Но у Конана не водилось даже звона местных монет, хотя шандаратский властитель Ашарат чеканил их из золота, серебра и меди во вполне достаточных количествах.

— Пойдем в город, — сообщил киммериец своему слуге, оттолкнув прочь его назойливые паучьи лапки, теребившие полу туники. — Вот только...

— Да, хозяин?

— Не уверен, что ты сойдешь за человека, Шеймис, даже если тебя приодеть. Эти крылья...

— Мои крылья? — демон с оскорбленным видом энергично помахал ими в воздухе, приподнявшись на три пальца над песком. — Отличные крылья! Но, увы, не для полетов... стар я для таких дел, стар, мой господин! Бывало же...

— Что бывало, то бывало, — прервал Конан готовый хлынуть поток воспоминаний. — Лучше скажи, знаешь ли ты заклятия, помогающие изменить внешность?

— Трудное дело, — Шеймис помотал лысой головой. — А к чему тебе менять внешность, хозяин? Ты на редкость красивый и представительный юноша... И одет просто роскошно!

— Речь идет о тебе, дубина! — рявкнул киммериец. — Как я возьму в город такого урода? Стражи у ворот изрешетят тебя стрелами, да и меня заодно — чтоб не знаясь со всякой нечистью!

Демон ухмыльнулся; похоже, прохладный свежий воздух и неяркий свет разгоравшегося утра прибавили ему бодрости, заставив позабыть о вчерашних неудачах.

— Не беспокойся, хозяин. Старый Шеймис знает одну уловку... такую, что никто его не заметит...

— Вроде того жаркого из костей? Или сегодняшней лепешки с медом? — хмуро поинтересовался Конан.

— Нет, это вещь надежная. Смотри! Сейчас я сделаю вот так... — демон съехался, прикрыв концами крыльев впалую грудь, — и ты сможешь посадить меня в сумку.

Киммериец с интересом наблюдал за своим слугой, не достававшим уже ему до пояса. Шеймис продолжал уменьшаться, превратившись вначале в полное подобие крысы, а затем в бесхвостую мышь, слабо трепыхавшую крохотными крылышками. Конан одобрительно кивнул.

— Годится! Теперь я могу спрятать тебя хоть в кулаке!

— В кулаке не стоит, хозяин, — заметил сумеречный дух, поспешно возвращаясь к прежним своим размерам. — Еще раздавишь!

Отвернувшись от него, Конан шагнул к пещере и оглядел валявшееся там имущество. Пожалуй, ни дырявые ковры, ни битый горшок, ни самодельный лук и рваная куртка ему не пригодятся... Он поднял огниво и сунул в кошель; то была единственная полезная вещь, которую стоило прихватить с собой.

Когда киммериец вернулся к морю, Шеймис возбужденно выплясывал у самой воды, уминая огромными ступнями песок.

— Хозяин, а, хозяин! Гляди-ка! Там! — Он жмурился и тянул тонкую лапку к восходящему солнцу.

Конан, приставив ладонь козырьком ко лбу, всмотрелся: у самого горизонта над голубизной вод вставали одетые парусами мачты корабля. С такого расстояния было неясно, видит ли он боевое туранское судно откуда-нибудь из Султанапура или Аграпура, пузатый купеческий барк или стремительную пиратскую галеру; ни корпуса, ни вымпелов он разглядеть не мог. Корабль, однако, приближался к берегу, и вскоре киммериец заметил крохотные черточки, мелькавшие у борта.

Весла! Значит, галера, быстрая галера, которую гонят и ветер, и сила человеческих рук!

Хотя Конан был не слишком искушен в мореплавании, он не испытывал сомнений насчет принадлежности этого судна. Купцы, плававшие в голубых просторах Вилайета, чаще пользовались парусом, ибо десятки гребцов и сама гребная палуба отнимали место у груза. Имперские корабли могли ходить на веслах, но вряд ли хоть одно из них имело такие стремительные хищные обводы, низкую посадку и удлиненный корпус с вытянутым на манер дельфиньего рыла форштевнем. Когда галера, приблизившись к берегу на десять полетов стрелы, развернулась бортом, Конан уже знал, что видит пиратское судно. И шло оно на юг, к Шандарату, блистательный повелитель которого, по слухам, благоволил морским удалцам, делившимся с ним добычей.

— Эй, приятель! — киммериец повернулся к Шеймису. — Ты можешь подманить их сюда?

При виде этого корабля все мысли о воровской карьере и о возвращении домой вылетели у Конана из головы. Разбойничать на море — что могло быть соблазнительней! Вчера, стараниями сумеречного духа, он обзавелся кое-какой одеждой и даже сапогами — пусть рваными и из дрянной кожи, но, во всяком случае, теперь он не выглядел оборванцем. Конечно, его не примешь за аквилонского рыцаря, ну так что же? Главное, у него была сабля!

Шеймис, в задумчивости помахивая крылышками, размышлял.

— Могу попробовать, хозяин, — наконец заявил он. — Но что тебе за корысть в этой посудине? Учти, там лихие люди... я это чувствую!

— Примани их сюда, а с остальным я разберусь, — Конан с уверенным видом похлопал по рукояти своей сабли. Сейчас он твердо решил заделаться пиратом и проводил эту идею в жизнь со всем максимализмом молодости.

— Готово, — сотворив несколько пассов, демон уселся на песок, наблюдая за кораблем. — Сейчас они ринутся сюда, словно весь берег усыпан самоцветами. Видишь ли, хозяин, я навел на них чары с помощью заклятья великого Гала...

— Подробности оставь при себе, — прервал духа Конан и раскрыл кошель. — Ну-ка, полезай сюда! Я не хочу, чтобы они тебя видели.

Шеймис покорно уменьшился до размеров мыши, но когда киммериец поднял его, чтобы спрятать в сумку, пропихивая последний совет:

— Хозяин, а, хозяин! Спрятался бы ты за камнями! Лихие люди, говорю тебе... Мало ли что!

Мысль эта показалась Конану здоровой и, выбрав валун повыше, юный киммериец распластался за ним на песке. Среди бродяг, обитавших на городской свалке близ Шандарата, ходили жуткие истории о жестокости и вероломстве вилайетских корсаров, которые сейчас пришли ему на ум. Нет, прав, прав старый Шеймис: сначала надо поглядеть на этих лихих парней, а потом уж вербоваться в экипаж!

Тем временем корабль и в самом деле повернул к берегу — то ли подействовали чары Шеймиса, то ли такой маневр входил в намерения капитана. Конечно, галера не могла пристать к песчаному пляжу; тут было слишком мелко и из воды торчала пропасть камней. Однако пиратам явно приглянулось это место. Из-за своего валуна Конан наблюдал, как на воду спустили шлюпку, и шесть моряков с кривыми ятаганами за поясом разместились на веслах; затем в ялик прыгнул смуглый бородатый мужчина в роскошной одежде — видно, капитан, — и еще один, в сером плаще, который сильно оттопыривался над плечами. Не успел юный киммериец сосчитать до пятидесяти, как днище лодки заскребло по песку, и ее гребцы и пассажиры прыгнули прямо в мелкую воду. Матросы, разом навалившись, вытащили суденышко на берег; капитан же и человек в плаще остановились в десяти шагах от камня Конана, увлеченные спором.

— Ты обещал доставить меня прямо в гавань Шандарата, — недовольно произнес мужчина в сером, — а высаживаешь один Нергал знает где! Отсюда до города день пути!

— Не день, а полдня или даже треть, — возразил капитан, рослый и крепкий моряк со смуглой физиономией, хитрой и алчной. — И я не собирался везти тебя в Шандарат, клянусь милостью Митры! Знаешь, Фарал, я еще не сошел с ума! Раньше шандаратский владетель нам благоволил, но времена переменились: он собирается воевать Жемчужные острова, и всякий вольный капитан, решившийся зайти в гавань, рискует остаться без судна. Солдат-то, понимаешь ли, надо на чем-то перевозить, а кораблей у Ашарата не хватает!

— Мог бы высадить меня поближе к городу, — заметил человек, названный Фаралом. — Я спешу!

— А чем это место хуже всякого другого? — капитан с деланным недоумением огляделся по сторонам. — Шагай вдоль берега прямо на юг, и обедать будешь уже в лучшей шандаратской харчевне! — Он нетерпеливо протянул руку. — Ну, давай, рассчитывайся! Десять золотых, как договаривались! Я тоже спешу!

Фарал вытащил из-под плаща увесистый кошель и отсчитал деньги. Столпившиеся за спиной капитана пираты жадно поглядывали на золото.

— Держи, почтенный! Только не десять, а пять — ты немного ошибся.

Конан, устроившись за камнем, только головой pokrutil. Похоже, этот Фарал тронулся умом! Решил прокатиться на пиратской галере, позвенел кошельком с золотом и принялся спорить о цене — тут, на пустынном берегу, один против семи головорезов! Очень непредусмотрительно... Несмотря на юные года и скудный жизненный опыт, киммериец не сомневался в том, как развернутся дальнейшие события.

Как он и предполагал, лицо пиратского вожака начало наливаться кровью.

— Пять, говоришь? — взревел капитан, хватаясь за рукоять длинного прямого меча. (Отличный клинок, подумал Конан, сглотив слюну.) — Пять, вонючий краб? Выходит, я вру? — он выдержал многозначительную паузу и уже раскрыл рот, но Фарал спокойно прервал его.

— Конечно, врешь. Бери, как договорились, или не получишь ничего.

Капитан внезапно успокоился; вероятно, ярость его была напускной и имела целью нагнать страху на пассажира.

— Значит, так, — деловым тоном произнес он, — ты отказываешься платить. Теперь отдашь и кошелек, и прочее свое добро. Но я не злой человек, нет! Я обещал, что обедать ты будешь в лучшей харчевне Шандарата... Ну, поэтому три серебряных монеты можешь оставить себе: уплатишь пошлину у городских ворот, и еще хватит на жратву и вино.

Фарал, улыбнувшись, молча покачал головой, по-прежнему протягивая капитану на раскрытой ладони свое золото. На купца или богатого рыцаря этот парень не похож, отметил Конан, но деньги у него водятся. Может, помочь? Пожалуй, это принесет больше барыша, чем плавание с таким выжигой... Он неодобрительно покосил на главаря пиратов.

— Вижу, рассчитывать ты не хочешь, — произнес тот с явным удовлетворением. — Ну, клянусь клыками Нергала, шандаратского винца ты сегодня не отведаешь... некуда будет лить винцо! — Он повернулся к своим людям и резко приказал: — Живо, парни! Раздеть, снять два ремня со спины от плеч до пяток, а потом — чик! — Ребром ладони капитан провел по горлу, и шайка его ринулась вперед.

Конан привстал на коленях, вытягивая из-за пояса саблю. Он не успел еще решить, стоит ли вмешиваться в драку и на чьей стороне, как Фарал уже сунул деньги обратно в кошель, отскочил на пару шагов и сбросил плащ. На спине у него были закреплены два клинка в простых ножнах из кожи (их-то рукояти и оттопыривали наизусть), и вылетели эти клинки под свет благого Митры с потрясающей скоростью. Не просто вылетели: правый оказался в горле одного пирата, а левый — в животе другого.

Пораженный таким искусством, Конан вскочил на ноги. Теперь не существовало вопроса, драться или не драться; надо было поспеть вовремя. Капитанский меч казался юному киммерийцу очень соблазнительной добычей; он любил такие клинки, прямые, обоюдоострые и длинные.

С боевым воплем Конан выпрыгнул из-за валуна. Пока он мчался по песку к главарю пиратов, тот, в полном ошеломлении, переводил взор то на нового противника, то на замершего в странной боевой стойке Фарала, то на

четверых своих людей, с окаменевшими лицами подступавших к пассажиру. Наконец он с проклятиями потащил из ножен меч.

Пират был посредственным фехтовальщиком, Конан понял это сразу. К тому же этот мужчина, которому стукнуло лет сорок, оказался послабее юного варвара, да и дыхание у него не отличалось должной глубиной. Уступал он противнику и в подвижности, так что Конан, энергично размахивая саблей, отметил: на стенах Велариума с этим вилайетским головорезом разобрался бы любой солдат из Аквилонии, не говоря уж о киммерийских бойцах. Капитана, однако, спасал меч, превосходный клинок раза в полтора длиннее сабли, произведенной на свет стараниями Шеймиса.

Тем не менее, Конан теснил пирата к воде и, прислушиваясь к звону стали за спиной, выбирал момент для смертельного удара. Фарал, этот странник, прибывший на галере, был, конечно, очень ловок и умело провел первую атаку; однако на него наседали четыре бандита. Кроме того, Конан краем глаза заметил, что от судна отвалила вторая шлюпка и быстро пошла к берегу. Это становилось уже серьезным!

Он шагнул к противнику и впервые нанес удар в полную силу. По задумке, гарда и нижняя часть лезвия должны были отбросить меч, а кончик острия войти между пятым и шестым ребром в бок пирата; получилось же нечто совсем иное. Жалобно звякнув, сабля обломилась у самой рукояти, и Конан оказался безоружным — если не считать сточенного ножа. Мало того: капитанский клинок упирался ему прямо под левую ключицу.

Его спасло лишь изумление, отразившееся на лице пирата; тот, видимо, впервые рассмотрел, с кем ввязался в схватку.

— Сопляк, чтоб мне не видеть света Митры! Молокосос, нищий ублюдок! — Губы его скривились в презрительной усмешке, и Конан понял, что молодость лет его не спасет; ждать пощады не стоило. — Ну, сучий выкормыш, сейчас посмотрим, какого цвета у тебя кровь! У такого юнца, я думаю, она будет розовой, как у месячного поросенка.

Конан не любил, когда ему напоминали о возрасте. Похоже, эти южане судили о воинах только по лицу и отсутствию бороды, тогда как в Киммерии он считался мужчиной — с того самого дня, как взял на меч первого

врага. А под Венариумом он перерезал не одну глотку! Но времени для обид не оставалось, ибо превосходный клинок капитана вот-вот должен был выйти у него из спины. Скрипнув зубами, Конан хлопнул ладонью по своей сумке.

— Ты, недоносок! Твоя сабля сломалась! Сделай что-нибудь!

— Сейчас, хозяин! — раздался в ответ чуть слышный писк, и внезапно предводитель разбойников выпучил глаза и отбросил меч. Затем, схватившись за живот, он заметался по берегу, словно испугнутый волчьей стаей гирканский заяц, и вдруг ринулся прямо в воду, навстречу второй шлюпке.

— Что ты с ним сделал? — поинтересовался Конан, наклонившись, чтобы поднять вождьденный меч.

Из сумки донесся печальный вздох.

— Я хотел испепелить его на месте, мой господин, но, кажется, переоценил свои силы... Боюсь, у него только легкое расстройство желудка... Так что лучше начиная работать ногами, хозяин! Лихие люди, повторяю тебе!

— Бегать я не привык, — буркнул Конан и повернулся к остальным противникам, удивляясь наступившей за спиной тишине.

Там все было кончено. Фарал неторопливо вытирал свои клинки, легкие, длинные, со странным выгибом у острия; перед ним на песке лежало шесть трупов.

Юный варвар торжественно поднял меч, почтив салютом столь славное деяние.

— Я Конан из Киммерии, — произнес он. — Не рано ли ты начал чистить оружие? Подходит еще одна лодка.

— Я Фарал из Аквилонии, — последовал ответ. — И оружие, киммериец, нам больше не понадобится.

Клинки бесшумно скользнули в ножны, затем Фарал выхватил что-то из-за пазухи и метнул в приближавшуюся лодку. Конану показалось, что в воздухе просвистело нечто смертоносное — не то метательный нож, не то диск с заточенным краем или шипастая стальная звездочка. Эта штука впилась в левый борт рядом с гребцом, вызвав его испуганный возглас.

— Эй, капитан, у меня еще много таких, — громко произнес Фарал, — и все они будут сидеть в черепах твоих людей, если ты не повернешь обратно. Понял?

— Понял, — мрачно донеслось с лодки, куда уже успел вскарабкаться пиратский вожак.

— А раз понял, так поворачивай! И спасибо, что ты подарил мне пять золотых.

Теперь с лодки полетела брань. Фарал отвесил насмешливый поклон.

— Еще раз благодарю! Пусть и с тобой тоже пребудет милость Митры! — Не обращая больше внимания на море, странник поднял свой плащ и лежащую под ним котомку, затем, взглянув на Конана, усмехнулся. — Ну, вот и все, дружище! Хорошо, что ты мне помог... Не окажешь ли теперь еще одно благодеяние — не проводишь ли в город?

Улыбка у него была хорошая, открытая, и Конан понял, что странник довольно молод; вряд ли ему стукнуло больше тридцати. Он выглядел крепким мужчиной, светловолосым и статным, типичным аквилонцем, но Конан, с полгода назад выпустивший в Венариуме немало аквилонской крови, не испытывал к нему никакой враждебности. Скорее, наоборот; солдаты и рыцари Аквилонии были славными бойцами и справиться с ними оказалось нелегко. Достойные люди!

И юноша, улыбнувшись в ответ Фаралу, произнес:

— Провожу. Хотя я и не из местных, но путь туда знаю неплохо. Вот только...

Он замаялся, с тоской пощупав свой живот, в котором с утра не было ничего, кроме сухой краешки. После боя есть хотелось особенно сильно, а в лодке пиратов — в той, первой, что доставила на берег Фарала — могло найтись что-нибудь съедобное.

Странник, видно, понял его и развязал котомку.

— Не поделишь ли со мной завтрак? — Он сунул Конану основательный шмат сала на половинке хлебного каравайя. — Но давай поедем по дороге, киммериец. Я тороплюсь, а главный мошенник с этой посуды, — Фарал бросил взгляд на галеру, — меня обманул. Теперь придется идти в Шандарат пешком.

— Тут недалеко, — Конан жадно вцепился в еду и, прожевав первый кусок, махнул рукой. — Пойдем!

Они зашагали к скалам, за которыми находилась северная дорога в Шандарат, называемая также Гирканской. Шла она по невысокому плоскогорью, постепенно спускавшемуся к городским окраинам; слева открывался вид на зеленовато-голубые дали моря Вилайет, справа и сзади тянулась пустынная степь, над которой высоко в небе парили коршуны. Преодолев подъем, путники выбрались

к тракту и, повернув на юг, ускорили шаги — оба рослые, длинноногие, быстрые. Конан, несмотря на юные свои годы, был выше и помощнее аквилонца, но тот удивлял какой-то гибкостью, мягкостью и стремительностью движений; казалось, тело его лишено костей. Разумеется, это было не так; чтобы прикончить шестерых отчаянных головорезов, требовались и умение, и могучие мышцы, что наверняка крепились к не менее мощным костям.

Сильные мышцы и крепкие кости, однако, не могли удивить юного киммерийца. Этакого добра хватало и на его родине, и в северных землях — Ванахейме и Асгарде, да и в южных тоже, в той же Аквилонии, к примеру, или в Немедии! Тут повсюду жили люди со светлой кожей, с рыжими, золотистыми или черными волосами, воинственные и гордые, любившие поиграть мечом, метнуть копье или выпустить в ближнего стрелу из арбалета. Хорошие стрелки, равно как и копейщики, ценились высоко; выше же всех — мастера фехтования, владевшие мечом и кинжалом с такой виртуозностью, что оружие казалось продолжением их рук. Фарал, судя по всему, был из настоящих мастеров.

У такого не худо бы и поучиться, размышлял Конан, шагая рядом с аквилонцем по плотному песку и жадно расправляясь с остатками хлеба и сала. Спутник его, напротив, ел неторопливо и каждый кусок жевал чуть ли не в пять раз дольше; поэтому, когда юный варвар решил продолжить разговор, они оказались уже в доброй тысяче шагов от места стычки.

— Ловко ты разделался с этими недоумками! Вроде бы они тебя и царапнуть не успели?

— Не успели, — подтвердил Фарал.

— Хмм... — протянул Конан. Его очень хотелось спросить странника, кто он и каким делом занят, почему торопится в Шандарат и где научился так мастерски владеть оружием. Все эти вопросы — и дюжина других — вертелись у Конана в голове, не срываясь, однако, с языка. По его понятиям мужчине не полагалось проявлять любопытство — разве что в самой минимальной степени и весьма завуалированным виде. Он покосился на сумку, висевшую на поясе. Может быть, Шеймис, прятаясь в ней, сумеет проникнуть в мысли этого аквилонца?

Вдруг ладонь Фарала коснулась его плеча.

— Мне кажется, у тебя кое-какие трудности, киммерец?

— Никаких, — прищурившись, Конан следил за уходящей на восток, в открытое море, галерой. На ней было пять или шесть десятков пиратов, но их главарь даже не попытался высадить на берег большой отряд и отомстить за смерть своих людей. Видно, догадывался, что голова Фарала будет стоить ему половины экипажа.

Тут Конан перевел взгляд на своего попутчика и повторил:

— Никаких! Я пришел сюда из Гипербореи, после изрядной драки, в которой нас здорово потрепали... пришел через горы и степь... Сам понимаешь, после этого ни холод, ни голод, ни стычка с парой-другой ублюдков особо не испугают. А теперь, — он с довольной усмешкой похлопал себя по бедру, — теперь у меня есть меч! Отличный меч!

Фарал покивал головой, словно бы соглашаясь, но глаза его буравили сумку на поясе Конана — ту, где затаился дух сумерек.

— И все же мне кажется, что у тебя намечаются трудности, — странник вздохнул и отвел взгляд. — Ну да ладно: захочешь — скажешь... Значит, ты ходил в набег на гиперборейцев? — решил он переменить тему.

— Да.

— И куда направляешься сейчас?

— Еще не знаю. Может, вернусь домой или пойду на юг. Хочу попасть в Замору. — План завербоваться к пиратам провалился, и идея насчет воровского братства Арэнджуна вновь овладела Конаном.

— Что ты хочешь делать в Заморе? — поинтересовался Фарал. Кажется, ему и в голову не приходило, что мужчине неприлично так любопытствовать, но Конан почему-то на него не обижался. Он пожал плечами.

— А что можно делать в Заморе? Поброжу, посмотрю, поучусь...

— Ничему хорошему там не научишься. — Становилось жарко, и странник, не останавливаясь, стянул плащ, свернул его и перебросил через плечо. — Да, ничему хорошему там не научишься, особенно в Арэнджуне и Шадизаре, — повторил он.

Конан придерживался иного мнения, но спорить не стал; коли начался разговор про учение, у него было о чем спросить.

— Я — человек свободный, — заявил он. — Могу отправиться в Замору, а могу — в Бритунию, Немедию или

Аквилонию... К примеру, если ты мне скажешь, где наострился так драться, я...

Фарал, прервав его, рассмеялся.

— Ты думаешь, я обучался в Аквилонии?

— А разве нет? Мне говорили, что там много славных воинов... рыцарей, как их называют. — Он не собирался информировать Фарала, что при штурме Венариума снял головы с пары этих воинов, а может, и с большего числа.

Аквилонец покачал головой, и его светлые, оттенка зрелой пшеницы волосы рассыпались по плечам.

— Все правильно, в Аквилонии много хороших воинов и много учителей фехтования, особенно в столице, в Тарантии... есть там и конные рыцари, и знаменитые стрелки из Боссона, чьи луки бьют на четыреста шагов... Только я, Конан, не солдат, не рыцарь и вообще не воин, и учиться мне довелось не в Аквилонии.

— Ты — не воин?! — юный киммериец был поражен. — Странно слышать такое от человека, уложившего недавно шестерых! Ну, если не воин, так кто же?

Попутчик задал ему уже немало вопросов, и Конан полагал, что наступила его очередь. Фарал, казалось, не имел возражений и, улыбнувшись, признался:

— Я не воин, друг мой; я — боец.

— А разве есть разница?

— Конечно! Подумай сам: воин воюет, и он — рыцарь ли, простой солдат — обязан подчиняться командирам. Обязан, понимаешь? А это значит, что ему приходится не только защищаться, но и нападать, атаковать, рубить и колоть кого прикажут, ибо это обычное дело на войне.

— А боец?

— Боец, само собой, бьется. Может воевать, а может заниматься совсем другим делом... скажем, наняться в охранники или показывать свое искусство народу на базарной площади. В отличие от воина, боец свободен, Конан... во всяком случае, так я понимаю эту разницу.

Киммериец хмыкнул.

— На базарных площадях много не заработаешь, — заявил он. — Война — другое дело, хотя стать солдатом и подчиняться приказам я бы не хотел... Можно найти занятие и подоходнее — как у тех парней, что привезли тебя сюда.

— Ты сумеешь — разбой? — спросил Фарал и, дождавшись кивка киммерийца, вымолвил: — Грязный промысел!

— Это смотря у кого грабить, — не согласился Конан. — Если у путников вроде тебя, то грязный, но можно ведь и к владыке Ашарату в сокровищницу наведаться. Думаю, он-то не бедняк!

— Не бедняк, разумеется. Но видишь ли, дружище, мой Учитель, — Фарал произнес это слово так, что стало ясно: речь идет об очень уважаемом человеке, — мой Учитель запретил мне разбойничать. И мне нельзя ни на кого нападать, только защищаться...

— Да ну? — синие глаза Конана распахнулись. — Защищаешься ты здорово! — он махнул рукой назад, где на морском берегу остались шесть трупов. — А если б напал, так перерезал бы всю банду на галере, а?

— Возможно. Только я никогда этого не сделаю. Я дал слово Учителю...

— Удивительное дело! — Киммериец покачал головой. — Этот твой Учитель, видать, знатный мечник, а запрещает драться?

— Нет. Запрещает нападать первым — такое уж у него условие, иначе не учит. Можно обороняться самому и защищать других, если они нуждаются в помощи.

— Защищать других? — Конан в раздумье наморщил лоб, потом лицо его прояснело. — А, понял! Твой Учитель готовит телохранителей! И продал тебя какому-нибудь богачу в Шандарате! Может, самому владыке?

— Твои догадки близки к истине, — ухмыльнулся Фарал. — Правда, Учитель меня не продавал, потому что я не виделся с ним уже лет шесть или семь... Но меня послали — правда, не к Ашарату, местному повелителю, а к другому человеку. — Тут улыбка сбежала с губ странника, и лицо его омрачилось. Немного помолчав, он добавил: — В этом городе, понимаешь ли, непорядок...

О шандаратских непорядках Конан слышал довольно много, все на той же свалке к северо-западу от городских стен. Они его не тревожили — если не считать платы, что взималась с путников у ворот Шандарата. Говорят, раньше с пеших не брали ничего, с конных — мелкую серебряную монету, с купцов же и торговцев — тридцатую часть товара. Но времена, увы, меняются, и теперь даже пешие платили за вход серебром, а оборванцев и нищих в город вообще не пускали. Для самых подозрительных имелось другое место — на Обглоданном острове, что лежал в половине дня пути от городской гавани. О нем на свалке ходили жуткие истории.

Дорога тем временем вильнула к востоку, огибая шандаратские предместья, потом опять потянулась на юг. Теперь слева и справа можно было заметить стоявшие в некотором отдалении лачуги и дома поприличней, но тоже не слишком богатые. Конан пояснил спутнику, что точнее, на самом морском берегу, располагаются верфи, а за ними, ближе к тракту, которым они сейчас шли, поселок местных корабелов. Он был довольно велик, и обитал в нем рабочий люд самого разного пошиба: сразу у верфей селились подрядчики и мастера побогаче, за ними — плотники и столяры, кузнецы и резчики по дереву, а уж дальше — плетельщики канатов, подмастерья да грузчики. Их хижины тянулись и за дорогу, до самой свалки, куда веками вывозили из Шандарата отбросы и всякий ненужный хлам, так что расстояние от врат верфи четко определяло статус каждого обитателя поселка. Те, что жили в западной его части, промышляли уже на свалке, а не трудились на верфях.

Путники миновали отходивший вправо Окружной тракт, потом еще несколько перекрестков, где ответвлялись тропинки к верфям. Хотя полдень давно миновал, но до вечера было далеко — самый разгар рабочего дня; по этой причине Гирканская дорога, по которой они шли, выглядела почти безлюдной. Она редко использовалась купцами, ибо торговля с Северной Гирканией, землей заснеженной и скудной, больших богатств не сулила; даже дерево на верфи везли с запада, со склонов Кезанкийских гор. Дорогу, однако, поддерживали в приличном виде, поскольку она имела важное военное назначение — раз в два-три года владыке Ашарату приходилось спешно перебрасывать войска в степь, отбивая очередной набег гирканских орд.

Наконец, убив время за неспешной беседой, путники добрались до северных городских ворот, и Фарал, словно так и полагалось, бросил стражам две серебряные монеты — входную пошлину за себя и за Конана. Они прошли под высокой каменной аркой, попав сразу на базарную площадь — однако, не самую большую; в Шандарате, городе обширном и многолюдном, базаров и торговых рядов было несколько.

— Пора бы нам и пообедать, — заметил Фарал. — Наверно, ты знаешь тут какую-нибудь харчевню поприличнее?

Киммериец только развел руками.

— В поселке корабелов я бывал, и у верфей, и на свалке, но в городе — первый раз.

— Ты, я вижу, не любопытен, — заметил странник.

— При чем здесь любопытство? У меня нечем было заплатить пошлину! — проворчал Конан. — Да и одежда моя... — не закончив фразы, он только махнул рукой.

— У тебя же приличная туника... и сапоги...

— Э! Я обзавелся ими недавно. Прежде было одно рванье.

Фарал окинул юношу с ног до головы пристальным взглядом, особо задержавшись на сумке, и улыбнулся.

— Похоже, вчера к берегу пригнал еще один корабль, и ты содрал одежку с какого-то бедняги-морехода.

— Вроде того, — проворчал Конан, подумав, что это утверждение недалеко от истины — ведь демона к нему и в самом деле принесло море.

Они пробирались вдоль длинных прилавок, заваленных рыбой; потом пошли ряды с овощами, с фруктами, с яйцами, творогом, медом и свежим хлебом. Тут же торговали лепешками, мясом, жареным на вертеле, острым рыбным варевом, приправленным луком и специями. Голова у Конана закружилась, в животе заурчало, но он держался рядом с аквилонцем, который, будучи человеком опытным, ориентировался на более мощные и устойчивые запахи. Протолкавшись сквозь шеренги покупателей и продавцов, Фарал повлек юного варвара вдоль улицы, что ограничивала базарную площадь с юга.

Тут находилось несколько заведений вполне пристойного вида, под вывесками, украшенными прихотливой вязью туранских букв — «Приют странника», «Свиная голова», «Башни Шандарата» и прочие в таком же духе, как сказал Фарал; сам Конан на туранском — как и на прочих языках — читать не умел. Из всех харчевен иссекали упоительные ароматы, отовсюду доносились звуки музыки и лязг сковородок, везде слышалось громкое бульканье и стук глиняных кружек. Однако никого из этих кабачков не выбрасывали, никому не резали глоток, не звенели сталью: судя по всему, посетители развлекались мирно — едой, вином да игрой в кости.

— Сюда! — Фарал, подхватив Конана под локоть, направил его к ведущим вниз ступеням, над которыми висела бронзовая рыба. Лестница заканчивалась широким проемом, не меньше, чем в пять длин копья, занавешенным бамбуковыми палочками, нанизанными на веревки.

Преодолев эту колеблющуюся и шуршащую преграду, путники очутились в обширном подвальчике, где помещалось десятка два столов, одни побольше, другие поменьше. К большим были приставлены лавки, к малым — тяжелые табуреты; справа на козлах лежали бочки, слева, на огромном очаге, что-то булькало в котлах и шинело на сковородках, распространяя вокруг соблазнительные запахи. Посетителей в харчевне оказалось немного: неторопливо насыщались шесть или семь мужчин, по виду — мелких торговцев; три солдата пили вино, лениво перебрасываясь фразами; компания парней за дальним столом играла в кости.

Завидев новых посетителей, хозяин, суегившийся у бочек, мгновенно подскочил к ним. Кланялся он исключительно Фаралу — видно, посчитал Конана мальчишской слугой старшего из путников.

— Что угодно господину? Обед, вино, комнату, девочку?

— Все, кроме девочки, — заявил аквилонец, принимаясь. — Подашь нам рыбную похлебку, мясо, тушенное с овощами, и вино получше... во-он на тот стол, в углу. Комнату я сниму дней на десять для своего друга, — Фарал положил руку на плечо киммерийца. — И я хочу, чтобы все это время он столовался у тебя. Ясно?

— Ясно, мой господин, — содержатель таверны отвел глаза. — Но друг твой молод, здоров и наверняка прожорлив...

— Этого хватит? — Фарал сунул хозяину пару золотых и направился к приглянувшемуся ему столику.

— О, мой господин!..

Хозяин метнулся к бочкам, громким криком призывая служанку и повара. Солдаты и обедавшие торговцы не обратили на этот вопль никакого внимания, но игроки, бросавшие кости, проводили двух путников профессионально-настороженными взглядами. Было их около десятка — крепких парней и молодых мужчин в неброских темных куртках с откинутыми на плечи капюшонами, с кинжалами у поясов. Ждут какого-нибудь простака, решил Конан, заметив, как стремительно мелькают кости над столом. Тут, несомненно, играли настоящие мастера.

Фарал опустился на табурет, бросив к стене свою котомку, плащ и мечи, вытянул под столом длинные ноги и негромко сказал Конану:

— Прости, что решаю за тебя, дружище. Разумеется, ты волен остаться тут или уйти... У меня же есть кое-какие спешные дела и, когда мы поедем, мне надо отправиться в другое место. Если хочешь, договоримся так: через десять дней, на восходе солнца, я буду ждать тебя у южных ворот.

— И что дальше? — спросил Конан.

— Можешь пойти со мной. Тот наставник, что меня обучал... ну, он, пожалуй, заинтересуется тобой. Он любит заниматься с молодыми. Что скажешь?

— Посмотрим, — пробормотал киммериец. Сейчас его внимание было приковано к подносу, который тащила служанка; вернее, одним глазом он косил на этот поднос с похлебкой и жарким, а другим пытался оценить емкость кувшина, с которым поспешал хозяин.

В следующие полчаса Конан молча ел и пил, размышляя над сделанным ему предложением. С одной стороны, поучиться у великого мастера клинка казалось довольно соблазнительным, с другой его не устраивали обеты, которые тот накладывал на своих учеников. Не нападать первым! Что за нелепица! Ожидаящий удара долго не живет...

Правда, сидевший напротив Фарал служил живым опровержением этого правила. Он был жив — и не просто жив, а еще и наворачивал жаркое в три горла, то и дело прикладываясь к кружке. Наконец, отодвинув деревянное блюдо, аквилонец подмигнул Конану:

— Надеюсь, за десять дней ты тут отоспишься и отъешься. А чтобы не пришлось скупиться на мясо и вино, вот, возьми...

Положив на стол руку, он сосредоточился и на миг прикрыл глаза; когда Фарал поднял ладонь, под ней блеснула большая золотая монета с ястребиным профилем пандаратского владыки. Динарий! Настоящий полновесный динарий, который с почетом принимали во всех странах, от Асгарда до Стигии! Такие Конан до сих пор видел только издалека.

Раскрыв рот, он с изумлением наблюдал, как в пальцах Фарала сверкнула вторая монета, третья, четвертая... Кажется, они появляются прямо из воздуха!

— Магия! — прошептал Конан, когда аквилонец пододвинул к нему пять блестящих кружков.

— Магия, — согласился тот. — Но совсем простая.

— Ха, простая! — юный варвар судорожно сглотнул, подумав о перспективах, открывшихся перед ним, если б Шеймис мог повторить этот фокус. Он сграбастал монеты и поднял взгляд на Фарала: — Так ты не только боец, но еще и колдун?

— Ну, разве совсем немножко... — серые глаза странника смеялись. — Видишь ли, бойцу тоже надо есть, и тогда его подкармливает такое вот чародейство.

— Ты сотворил это золото прямо из воздуха? — прошептал Конан, придвигаясь поближе к аквилонцу.

— Нет, — тот покачал головой, призадумался на мгновение и сообщил: — Динарии доставлены прямо из сундука некоего Хеолота Дастры, местного ростовщика и менялы. Богатый человек, дружище! У него не убудет.

Юноша уставился на Фарала, с иронией скривив губы.

— Разбой — грязный промысел, а?

— Это смотря у кого и как грабить, — ухмыльнулся Фарал. — А также — для чего.

— Но твой наставник...

— Учитель запрещает разбойничать и творить зло. Но ради благой цели его ученикам дозволяется взять там, где много, и переложить туда, где мало.

— Ради благой цели?

— Конечно! — В серых глазах Фарала мелькали искорки смеха. — Разве подкормить человека, прошедшего долгий путь из Гипербореи — не благая цель? К тому же, я твой должник... ты спас мне жизнь...

— Спас жизнь? Тебе? — Губы Конана растянулись чуть ли не до ушей.

— А разве нет? Капитан этих мерзавцев мог нанести мне удар в спину!

Киммериец сильно подозревал, что над ним посмеиваются, но явное дружелюбие Фарала не давало повода для ссоры. Кроме того, от сытной еды и вина Конана потянуло в сон; веки его отяжелели, приятная усталость сковала члены.

— Э, да ты никак дремлешь! — услышал он голос аквилонца. — Ну, запомни: встречаемся на десятый день у южных ворот.

Фарал окликнул служанку и распорядился доставить молодого господина наверх, в его комнату; потом странник, собрав свои вещи, торопливо покинул харчевню под бронзовой рыбой. Выглядел он человеком опытным и

бывалым, а потому не вызвал особого интереса у компании игроков, метавших кости за длинным столом. Но юного Конана они проводили пристальными взглядами.

Глава 3. Властитель и маг

Шандарат, город богатый и сильный, стоял у моря на самой границе между Гирканией и империей Туран. По этой причине владыка его Ашарат, славный и блистательный повелитель из рода Ратридов, человек мудрый и искушенный в делах власти, до сих пор ухитрялся сохранять относительную независимость. До Аграпура, имперской столицы, было далеко; не всякое войско сумело бы пройти сквозь степи, пустыни и горы или добраться морем в шандаратские пределы. Да и зачем? Владыка Ашарат признавал себя вассалом великого императора Турана, не забывая подтверждать это каждый год почтительными посланиями и щедрой данью.

С Гирканией было сложнее. Раз в два или три года оттуда накатывались орды диких всадников, весьма многочисленных, но не имевших понятия ни о воинском строе, ни о доспехах, ни о том, как обращаться с длинной пикой или арбалетом. К счастью! Ибо шандаратские воеводы раз за разом били этих дикарей в меховых безрукавках и колпаках, вооруженных лишь луками да кривыми мечами весьма посредственного качества. Тем не менее, полки Ашарата терпели существенный урон, так как гирканцы были злы, неукротимы и числом раз в пять превышали отряды обороняющихся. Уже много лет владыку не оставляло опасение, что однажды северные степи выхлестнут такое воинство, с которым не справятся его полководцы, солдаты и наемные войска. Это стало бы концом для Шандарата; хотя сам город был надежно укреплен, но верфи, мастерские и обширные поля, лежавшие к югу от города, неминуемо оказались бы разграбленными.

Тяжко вздохнув, владыка подошел к огромному окну, откуда открывался вид на город и гавань. Ашарату было уже под шестьдесят, но он сохранил живость движений и юношескую энергию; правда, в последнее время взор его все чаще стал затуманиваться, а в уголках рта пролегли скорбные складки. Но видит светлый Митра, не презренные гирканские псы были тому причиной!

Сняв с головы шелковую круглую шапочку и распустив завязки златотканой накидки, Ашарат подставил лицо и обнаженную грудь свежему морскому ветру. Он находился сейчас у распахнутого настежь окна своего любимого покоя — квадратного зала на верхнем этаже башни, венчающей его дворец. Древняя башня была прочной и высокой — не ниже маяка на молу, разделявшем торговую и военную гавани. Вдобавок весь дворец располагался на невысоком прибрежном холме в южной части Шандарата, башня же стояла на самом его гребне. Отсюда властитель видел и обширную полукруглую бухту, на берегах которой полумесяцем раскинулся его город, и дорогу, тянувшуюся от южных врат, и окружавшие ее предместья, где утопали в зелени дворцы и виллы местной знати. Он даже мог разглядеть верфи на противоположной стороне бухты, где срочно достраивались пять больших боевых галер.

Снова тяжело вздохнув, Ашарат устремил взоры к военной гавани. Расходы, расходы! К чему процветающему Шандарату этот флот, к чему вся дорогостоящая экспедиция на Жемчужные острова? Правда, мудрый Неджес, первый советник, утверждает, что все окупится...

Да, при Морилане Кириме, предыдущем советнике, умершем в преклонном возрасте год назад, было куда спокойнее! Старый Морилан никогда не лез в военные дела, подумал владыка. Он занимался сбором налогов, следил за порядком в стране и в городе, взимал умеренную мзду с пиратов и купцов, проявляя всяческое уважение и к тем, и к другим. Это было мудро, ибо Шандарат большую часть своих доходов получал от торговли. Он являлся самым северным из крупных портов на берегах моря Вилайет, и от него начинались сухопутные дороги на запад, в Бритунию, Немедию и Аквилонию, а также на юг и юго-запад — в Коринфию, Офир, Замору и великую империю Туран. Фактически Шандарат держал в своих руках всю торговлю в северном Вилайете, ибо обогнуть море по суше, чтобы сразу попасть в Гиперборею или Бритунию, для купцов было нелегко: приходилось пересекать и горы, и заснеженную тундру, и скудные на пропитание степи.

Шандарат издревле принимал купцов с положенным гостеприимством, гарантируя им безопасность, твердые торговые правила и сравнительно низкие пошлины. Одна тридцатая от стоимости груза за въезд в город и две

тридцатые — за право торговли! Вполне умеренный налог, и он ни у кого не вызывал возражений, даже у гостей из далекого Кхита, нередко перевозивших через Шандарат свои шелка в страны Запада. Но мудрый Неджес, сменивший покойного Морилана Кирима, сказал, что этого мало, и пошлина была повышена. У шандаратского владыки имелись очень смутные представления о том, почему он согласился с Неджесом и подписал указ; казалось, несмотря на свой жесткий и твердый характер, Ашарат ни в чем не мог отказать первому советнику.

Мудрец появился в Шандарате почти сразу же после смерти престарелого Морилана Кирима, словно ждал этого события где-то под стенами города. Он предъявил две грамоты; в первой владыка Турана настоятельно советовал блистательному Ашарату, верному своему вассалу, предложить Неджесу высокую должность при его дворе. Второй же пергамент оказался еще более удивительным, ибо удостоверял, что Неджес приходится племянником бездетному Морилану и, тем самым, имеет право претендовать и на его богатства, и на титулы, и на должность. По возрасту так вполне могло быть: Морилан отправился в темное царство Нергала на исходе восьмого десятка, а Неджесу, судя по виду, еще не исполнилось и пятидесяти. Но Ашарат никогда не слыхивал, чтобы у прежнего его советника имелся брат или кузен; к тому же Неджес, в отличие от светловолосых и сероглазых обитателей Трира, был смугл и глаза имел темно-карие, с красноватым оттенком. Он походил скорее на стигийца, чем на отпрыска славной и благородной шандаратской фамилии!

Тем не менее, владыка Ашарат принял его. Красноватые зрачки Неджеса обладали какой-то странной магнетической силой, придававшей убедительность и логичность всем его речам; владыка — да и все его советники — не смог устоять. Временами Ашарат избаивался от этого наваждения и подумывал о том, к чему движется дело: как и старого Морилана Кирима, боги не осчастливили его потомством, а наследному принцу Илкасу, сыну его сестры, было всего двенадцать. В подобной ситуации первый советник или какой-нибудь честолюбивый полководец становились реальными претендентами на престол Ратридов — в случае безвременной кончины самого Ашарата! Но стоило Неджесу заговорить, как темные подзвонки испарялись из сердца владыки, словно угрюмый туман под жаркими солнечными лучами. Красноватые

глаза сияли на смуглом лице, вселяя уверенность, что их обладатель беспредельно предан и блистательному повелителю, и его малолетнему наследнику, и всему шандаратскому племени, трудолюбивому, деятельному, богатому и склонному к порядку и повиновению властям.

Всего лишь двенадцать месяцев владыка пользовался советами Неджеса, но заслуги пришельца были уже неоспоримы. Во время недавнего набега гирканцев он сварил какое-то жуткое зелье, синеватое и тягучее, в котором были вымочены стрелы шандаратских арбалетчиков. Теперь даже малая царапина от стрелы приводила к неминуемой смерти, и гирканская орда, потеряв едва ли не половину бойцов, в панике убралась восвояси. Неджес также научил оружейников ковать удивительные мечи; прутя из гибкой стали и мягкого железа надо было свить определенным образом, затем, трижды раскалив, трижды простучать молотом и охладить на ветру. После такой обработки на клинке проступали волнистые узоры, и лезвие его с равной легкостью секло и волос, и тонкую шаль, и добротную кольчугу. Удивительное искусство! Неджес утверждал, что научился ему во время своих странствий в Иранистане.

Он сумел навести порядок и в столице. Собственно говоря, шандаратские горожане, купцы, мелкие торговцы, мореходы, ремесленники и подмастерья всегда чтили закон, но, как в любом крупном порту, хватало тут и менее почтенного люда — бездельников, нищих, игроков в кости и воров. Разбоем, правда, никто не баловался; свои не решались на смертоубийство, а пришлых лихих молодцов вешали быстро и высоко. Даже вилайетские пираты вели себя в шандаратской гавани вполне прилично: сбывали потихоньку награбленное, запасались вином да провиантом и платили, что положено, в казну повелителя.

Неджес сумел выжать немалые доходы даже с самых сомнительных промыслов. По его совету был составлен и подписан рескрипт, согласно коему все подозрительные личности объединялись в три гильдии: нищих, воров и игроков, обложенных надлежащим — и очень немалым! — налогом. Все прочие бездельники, неспособные даже выйти на базар с протянутой рукой, были изгнаны из Шандарата; одни ушли совсем, другие обрелись в лачугах близ городской свалки, а третьих, самых упорных, отправили на Обглоданный остров.

Владыка усмехнулся и поднял голову, всматриваясь в морские дали. Где-то там, в половине дня пути, торчал этот бесплодный и скалистый островок, на котором закончили счеты с жизнью самые отпетые негодяи. Жестокая мера, но необходимая! Теперь в Шандарате куда спокойней... Разумеется, воруют и клячат, но и с этих противозаконных деяний казна имеет доход... Нет, этот Неджес все-таки настоящий мудрец!

Вот только насчет похода на Жемчужный Архипелаг Ашарат испытывал некие сомнения. У него хватало и своих богатств, к чему же еще зариться на чужое? К тому же, торговля жемчугом шла по большей части через шандаратский порт, и здесь оседала немалая доля морских сокровищ — и в деньгах, и в безупречной формы перлах, серебристых, розовых и голубых. Для князя Архипелага Ашарат был таким же формальным сюзереном, как и туранский император — для него самого; веками этот порядок устраивал всех, и к чему его ломать?

Но Неджес утверждал, что времена меняются, и самым надежным гарантом верности вассала будет воинский гарнизон, поставленный в его владениях. Это означало войну; а поскольку всю территорию противника окружало море, еще и немалые расходы.

Сняв сильной рукой свою шелковую шапочку, Ашарат усталился на военную гавань. Боевые галеры его флота, застывшие у пирсов, сверху походили на детские игрушечные кораблики, однако каждая из них могла перевезти полторы сотни солдат. Но их, этих крепких и вместительных судов, насчитывалось всего двадцать, да пять еще строились на верфях; четырех же тысяч клинков и копий было совершенно недостаточно для экспедиции в Архипелаг. Если уж ввязываться в такое дело, то надо послать вдвое большую армию... А для ее перевозки нужны корабли!

Три дня назад Ашарат повелел реквизировать самые крупные купеческие барки, а вчера к нему заявила делегация недовольных судовладельцев, весьма почтительно, но настойчиво вопрошавших, почему шандаратский властелин решил нарушить им же изданные законы и правила. Владыка, разумеется, мог выгнать их, скормить голодным псам-мастафам, отличавшимся редкостной свирепостью, или сгноить в яме, но он не сделал ни того, ни другого, ни третьего. Если по берегам Вилайета разнесется весть, как поступают с торговым людом в Шан-

дарате, купцы станут за два дня пути обходить его гавань! И выгодно это лишь городу-сопернику, Султанапуру, лежавшему южнее, там, где морское побережье заворачивало к Кезанкийским горам. Случись в Шандарате какие беспорядки, султанапурский владетель вмиг перехватит всю торговлю!

Эти мысли и не давали покоя Ашарату, когда солнечным сияющим утром он любовался с высокой башни на свой город, подобный полумесяцу из серого, розового и белого камня, возлегшему у лазоревых вод обширной бухты. Умом он понимал, что лучше множить богатства в своем собственном доме, молить богов о мире и не пытаться искать сокровищ за морем; но чувства его уже находились во власти Неджеса. Он слышал его глуховатый уверенный голос, видел темные глаза с оттенком крови и, стискивая кулаки, думал: война! Война, и да будут прокляты эти купцы и торговцы, трусливые отродья Нергала!

Снизу долетел двойной гулкий удар гонга, и владыка, запахнув плащ, поспешил к лестнице. Он миновал пять этажей башни, пять прекрасных залов, изукрашенных цветным камнем и бронзой, с потолками, расписанными сценами битв и охот, с полами, что устилали изумрудные, палевые и сиреневые ковры; пять роскошных покоев, завешанных редкостным оружием и доспехами, среди которых бездонной серебристой глубиной сияли зеркала и светились драгоценные камни на ларцах и сундуках из розового дерева. Тут раскинулись лежа, покрытые кхитайским шелком с изображениями драконов, извергающих огонь, тут стояли кресла, отделанные слоновой костью, тут высились шандалы с сотнями свечей, формой похожие на кактусы пустыни, но сверкавшие позолотой и серебром. И тут, в больших округлых чашах, точенных из горного хрусталя, таинственным светом переливались жемчужины с Архипелага. Ашарат взглянул на них, и сердце его преисполнилось жадной — жадной обладания.

Из последнего покоя башни он сошел еще ниже — по широкой мраморной лестнице, по бокам которой стояли телохранители в шлемах и кольчугах, с обнаженными мечами в руках; затем он пересек зал приемов и воссел на трон. Неджес, первый советник, уже ждал его, и поклон смуглолицего мудреца был, как всегда, глубоким и почтительным.

Дождавшись, когда он выпрямится, владыка всмотрелся в темные глаза с красноватыми отблесками и произнес:

— Купцы и судовладельцы недовольны. Вчера они представили прошение, мудрейший. Я не хотел бы их раздражать.

Неджес снова склонил голову.

— Мой повелитель, купец доволен, когда пахнет деньгами. Обещай им двадцатую часть добычи, что будет захвачена на Жемчужных островах, и они успокоятся.

— Хмм... Толковое предложение! Получается, что они как бы финансируют поход, предоставляя свои корабли, и становятся моими компаньонами, а?

— Великая честь для них, владыка, и немалая выгода!

— Но двадцатая часть... — Ашарат нахмурил густые брови, в которых не было еще ни одного седого волоска. — Не слишком ли много, мудрейший?

— Ты же знаешь, блистательный владыка, что я сам поплыву с флотом. Я подсчитаю и оценю добычу с самыми надежными писцами и ювелирами, но никто из них не будет знать окончательной суммы. Так что двадцатая часть может легко превратиться в пятидесятую... или в сотую, если ты пожелаешь. Но и эта доля наверняка окажется немалой: князь Архипелага богат!

Ашарат покивал головой, не спуская взгляда с невысокой фигуры советника. Как всегда, мысли Неджеса были мудры, предложения разумны, доводы — убедительны.

— А если купеческое сословие Шандарата и торговые гости из других мест пожелают послать с флотом своих представителей? Если они тоже захотят участвовать в подсчете захваченного?

Неджес тонко усмехнулся.

— Не захотят, мой повелитель! Это было бы оскорбительным деянием, актом недоверия к тебе... Они же разумные люди! Они понимают, что владыка может просто взять... и уж если он предлагает хоть что-то, то надо кланяться и благодарить, благодарить и кланяться!

На резко очерченных губах Ашарата тоже появилась улыбка.

— Это ты хорошо сказал: кланяться и благодарить! — Он повелительно взмахнул рукой. — Да будет так! Передай же посланцам достойного нашего купечества мою волю: они получают двадцатую часть добычи в жемчуге или звонкой монете, и мой казначей поделит ее между всеми — в зависимости от числа и размеров кораблей.

Если же судно затонет во время похода или получит повреждение, то за это я согласен уплатить особо.

— Повинуюсь, мой господин! — На этот раз Неджес не опустил головы, и его странные глаза впились в зрачки владыки. Ашарат почувствовал одновременно и какое-то смущение, и безмерное спокойствие, которое дарует только счастливый сон; с трудом вспомнив, что сейчас не вечер и все происходит наяву, он склонился к Неджесу и пробормотал:

— Хочу расспросить тебя кое о чем, мудрейший...

— Мои знания к твоим услугам, повелитель.

— Разумеется, мы захватим на Архипелаге немалые богатства... Мы поставим там свои гарнизоны, и наш флот будет контролировать торговлю жемчугом... Но стоят ли эти маленькие сверкающие шарики наших усилий и той крови, которую прольют солдаты? Когда я посылаю их биться с гирканцами, каждый знает, за что сражается... за стены Шандарата, за его поля, за свой дом, который могут разграбить и сжечь варвары... Но жемчуг... — владыка глубоко вздохнул, пытаясь преодолеть охватившую его апатию. — Жемчуг всего лишь жемчуг! Он не защитит нас от гирканцев, когда они снова подойдут к шандаратским рубежам!

Неджес воздел руки к потолку.

— О, мой повелитель! Ты истинный владыка, который печется о жизни своих воинов более, чем о сокровищах земных! Но, блистательный, вспомни о том, что половина солдат в нашей войне — наемники, и сражаются они не за стены и поля Шандарата, а за динарии! Будут жемчуг и золото — будут и солдаты... толпами сбегутся сюда из ледяной Гипербореи, из нищей Бритунии, и из самого Турана! А кроме того, — тут советник понизил голос и оглянулся на застывших у лестницы телохранителей, — кроме того, есть в жемчуге Архипелага нечто такое, чего не купишь за золото...

— Хмм... — Ашарат погладил орлиный нос, расправил усы. — О чем ты, мудрейший? Жемчуг есть жемчуг! Согласен, его можно превратить в золото, а золото в солдат... или, на худой конец, откупиться им от гирканцев... Но что еще?

Неджес сделал два крошечных шажка, приблизившись к трону на расстояние вытянутой руки; владыка видел, как на лбу мудрейшего выступили крохотные капельки пота.

— О, господин мой! Неужели ты думаешь, что я посоветовал бы тебе начать войну, если б речь шла только о сокровищах, о золоте и жемчуге? Нет, это не так! — он покачал головой, не спуская напряженного взгляда с лица повелителя. — Знай же, владыка, что среди жемчужин Архипелага, среди этих маленьких сверкающих шариков, попадаются такие, что наделены невероятной исцеляющей силой... волшебной мощью, дарованной богами... Но лишь истинный мудрец может распознать их, и лишь истинный мудрец, растворив это морское чудо в уксусе, знает, как использовать полученное зелье... — голос Неджеса упал до едва слышного шепота.

Ашарат, пораженный, откинулся на спинку кресла.

— Так вот почему ты настаиваешь на этой войне! — Он ощутил, как начинает кружиться голова в предчувствии открывающихся перспектив. Целительное зелье? Пока он еще силен и может сам вскочить на коня, удержать в руках меч и осчастливить за ночь не одну деву... Но старость надвигается, неотвратимая, как суровая зима, что следует за изобильной осенью; мрачная старость, со всеми ее недугами и немощами... Да и Неджес тоже немолод... значит, и он подумывает о волшебных жемчужинах?

— Это зелье... от чего оно лечит? — вполголоса спросил владыка. Теперь он не мог оторвать взгляда от красноватых зрачков Неджеса, словно кролик, загипнотизированный удавом.

Губы советника едва заметно дрогнули, словно он пытался сдержать торжествующую усмешку.

— От старости, мой господин, от старости... может быть, даже продляет жизнь... Но никто на Архипелаге не знает о том... ни сам князь, ни его люди...

— А ты... ты знаешь? — выдохнул Ашарат.

— Да. Я обучался в Стигии, мой повелитель. Только там сохранилась истинная мудрость... мудрость, древняя, как этот мир.

— И ты сумеешь найти целительную жемчужину?

— Да.

— И приготовить бальзам?

— Да.

Блистательный Ашарат привычным жестом пригладил усы и поднялся; голос его, сильный и уверенный, наполнил зал приемов.

— Ты можешь идти, мудрейший Неджес. Успокой корабелов и купцов! Скажи, они получают по золотому ди-

нарию за каждую дыру, пробитую в бортах их кораблей. Пусть дадут еще суда, и я, возможно выделю им пятнадцатую долю добычи, — тут владыка подмигнул своему советнику. — Иди, почтенный Неджес! А я проедем на верфь и в казармы... посмотрю, как там дела...

Низко кланяясь и почтительно разводя руками, мудрейший Неджес, маг Черного Круга и первый среди советников Ашарата, владыки из благородного рода Ратридов, попятился к дверям.

* * *

«Будет тебе зелье! — мстительно думал он, спускаясь по лестнице из белоснежного мрамора к ожидавшим внизу носилкам. — Будет тебе зелье! Из порошка черного лотоса! Вот лучшее средство от старости — капля яда в вине, а затем — погребальный костер!»

Он был доволен и недоволен одновременно. Доволен тем, что вновь одержал верх, сломил волю шандаратского владыки, отчасти своим тайным искусством, отчасти ловкой и давно заготовленной ложью. Поводом же для недовольства являлось то, что Ашарат в очередной раз едва не выскользнул из расставленных сетей. Поистине, в этом человеке обитал крепкий и мощный дух, закаленный многолетней привычкой к безраздельной власти!

Расположившись на мягких подушках в носилках, Неджес кивнул слугам. Восемь дюжих парней осторожно подняли паланкин и быстрой рысцой направились к южным воротам. Шагали они плавно и размеренно, опасаясь потревожить господина тряской, ибо испытывали перед ним необъяснимый ужас. Один взгляд красноватых глаз колдуна повергал людей в холодную дрожь.

Промелькнули массивные городские врата, окованные полосами железа, и носильщики ступили на Туранскую дорогу, ровную, гладкую и обсаженную дубами и вязами. Южные предместья Шандарата совсем не походили на северные; север, с его верфями, поселком при них и свалкой, считался рабочей окраиной, тогда как на юге располагались дворцы местной знати и виллы богатых купцов. Строения из серого, розового и белого камня, утопавшие в зелени, тянулись слева, меж дорогой и морским побережьем; справа кудрявились свежей листвой фруктовые рощи и расстилались поля.

Откинув занавески, Неджес задумчиво оглядел этот мирный пейзаж. Богатая страна! А может стать еще

богаче, если будет навсегда покончено с набегами гирканцев и данью империи... Ну, разумеется, надо прибрать к рукам и кое-какие земли окрест... Захват Жемчужных островов являлся лишь первой операцией из серии запланированных им, но, вероятно, все остальные он проведет, будучи уже полновластным хозяином Шандарата... Надо лишь пополнить казну, нанять солдат — хороших солдат, которые преданы тому, кто больше платит... лучше всего — туранцев, жадных до золота, и гиперборейцев... Затем — дожидаться подходящего сочетания звезд и навсегда излечить владыку Ашарата от старости...

Надутый болван! Похоже, после сегодняшнего разговора он без колебаний примет от своего советника любое зелье и даже не заставит его отведать! А хоть бы и заставил... Неджес презрительно сощурил глаза. Он мог сделать так, что владыка остался бы в полной уверенности насчет этой дегустации... да, Ашарат увидел бы собственными глазами, как его советник пробует снадобье, и все же ни капли не коснулось бы губ колдуна! Черные стигийские маги умели многое, и души людские были подобны мягкому воску под их пальцами...

Носильщики, едва заметно покачивая паланкин, трусили по самой середине дороги, мощенной гладкими плитами. Хотя движение в этот час было уже довольно интенсивным, никто не смел обогнать их, а встречные испуганно шарахались к обочинам, отбивая поклоны — носилки первого советника узнавали все. Тележки крестьян и фургончики окрестных ремесленников, запряженные мулами и доверху заваленные ранними овощами, глиняной или стеклянной посудой, рулонами льняного полотна, бухтами канатов и деревянными поделками, вообще съезжали с каменной дорожной полосы, пережидая, пока паланкин могущественного вельможи не удалится на сотню шагов. Купцы же и местные нобили, что направлялись в город, сходили с коней и колесниц и уважительно склоняли головы. Пожалуй, самого Ашарата не встретили бы с большим почетом, подумал маг и усмехнулся.

Чуют, чувствуют, в чьих руках сила! И потому власть после смерти последнего владыки из рода Ратридов перейдет к нему просто и безболезненно... Маг не без оснований полагал, что о законном наследнике, малолетнем принце Илкэсе, никто и не вспомнит, никто не услышит его писк, когда верные люди свернут со шляку шею. Он же, Неджес Мудрейший, будет властвовать в Шандарате долго, очень

долго! Век или два, сколько отпустит великий Сет, Змей Вечной Ночи... Здесь, на берегах северного Вилайета, будет Его вотчина, оплот истинного и грозного бога! Во имя Его и к славе Его будут низринуты жалкие демоны Митра, Ариман и развратная Иштар! Храмы их зарастут травой, презренные имена будут вычеркнуты из людской памяти, статуи покроются прахом! Тот-Амон, владыка Черного Круга, останется доволен... Недаром он избрал его, Неджеса, из числа ближайших своих аколитов, послав навести порядок в этих варварских землях, где давно забыли о свирепой мощи Древнего Змея!

Неджес хрипло захохотал, и передние носильщики с испугом обернулись. Все, все здесь будет принадлежать ему! Ему — и великому богу! И этот город, жемчужина из жемчужин, и эта богатая страна, и души ее обитателей! Он выполнит свою миссию, как поклялся владыке Тот-Амону! Вот только предзнаменования... В последние дни они казались не очень благоприятными... Намеки Багр-ного Плата не поддавались однозначному истолкованию, хотя он запрашивал свой амулет о самом ближайшем будущем... Надо попробовать еще раз, решил маг, и загнать подальше — скажем, на месяц-другой.

Размеренный шорох ног стих; миновав поворот на Окружной тракт, носильщики свернули с мощенного камнем покрытия на грунтовую дорожку, что вела к резиденции первого советника. Неджес унаследовал этот уютный дворец с четырьмя стройными башенками по углам от своего предшественника — как и десяток богатых поместий Морилана Кирима, изрядный вклад в кассу местной гильдии торговцев и ростовщиков, а также прочие богатства. Это, однако, являлось каплей в море — сравнительно с тем, чем он собирался завладеть.

Усадьба представляла собой обширный трехэтажный особняк, сложенный из светло-серого камня, с раскинувшимся вокруг него садом; за ним лежал просторный хозяйственный двор, окруженный конюшнями, кладовыми и домиками для слуг и охраны. Всю эту территорию окружал невысокий забор из металлических прутьев, закрепленных в каменном основании — скорее символическая, чем реальная преграда. Вдобавок изнутри он был обсажен дубами, как и Туранский тракт; вероятно, прежнему хозяину нравились эти мощные деревья. Неджес почти ничего не менял здесь, хотя окруженный яркой зеленью дом и сад с фонтанами мало подходили

для обители черного мага; он лишь переоборудовал подвал для своих колдовских занятий да распорядился пускать ночью в парк псов, свирепых гладкошерстных мастафов, доверяя им гораздо больше, чем десятку своих охранников.

Миновав сад, напоенный ароматами позднего лета, носильщики осторожно опустили паланкин у невысокой лестницы, что вела на окружавшую дворец террасу. Неджес поднялся и, не говоря ни слова, прошел в дом мимо покорно согнувшихся слуг. Завтра надо будет встретиться с купцами и корабельщиками, думал он, и вложить немного страха в их презренные душонки; сегодня же... Да, сегодня он займется иным! У него имелись дела поважнее, чем разбор петиций по поводу реквизируемых судов.

Он сбросил мантию на руки слуге, позволил снять с себя тяжелые сандалии и облачился в мягкие туфли и домашний халат. Затем, по-прежнему молча, выпил бокал легкого вина, услужливо поданный на подносе, и направился в свой кабинет в правом крыле дворца. Дверь в этой комнате запиралась на массивный засов и, по мнению Неджеса, это было главным ее преимуществом. Бросив презрительный взгляд на шкафы из резного толстого дерева, чьи полки ломились от свитков и книг в богатых переплетах — гордости бывшего владельца усадьбы, — он подошел к большому, в рост человека, зеркалу. Наступит время, и он вышвырнет во двор всю эту мерзость, всю эту ложную премудрость! Вышвырнет и прикажет полить маслом и сжечь! Но сейчас задумываться об этом было еще рано, поскольку у жителей Шандарата — да и других мест — пергаментные манускрипты и свитки папируса неразрывно связывались с ученостью. Мудрец, сжигающий книги? Хмм... Это выглядело бы весьма странно!

Неджес оглядел себя в зеркале и остался доволен. Он был смугл, черноволос и довольно невысок, но строен и подвижен; на лице с острым носом, суховатыми губами и горящими глазами застыло выражение властной уверенности и ледяного спокойствия. Темный плащ, спадавший до самого пола, делал его фигуру как бы выше, величественнее; под ним на груди висела прочная стальная цепочка с медальоном в форме свернувшейся змеи.

Маг прикоснулся к нему и неразборчиво пробормотал несколько слов; зеркало повернулось, продемонстрировав зачерненную изнанку. За ним лежал короткий коридор и ступени в подвал — единственный ход, которым можно

было попасть вниз. Все остальные по приказу Неджеса замуровали крепко-накрепко, и каменщики, которым щедро заплатили за этот труд, внезапно лишились всех воспоминаний о проделанной работе.

Шагнув в коридор, маг подождал, пока зеркало вернется на место. Теперь лишь зеркальное стекло отделяло его от кабинета, но проникнуть сквозь эту хрупкую преграду не сумел бы никто — кроме, возможно, чародея равной силы. Простой же смертный, попытавшийся преодолеть мощь Запирающего Заклятья, был бы, скорее всего, испепелен на месте.

Неджес прицелкнул пальцами, и светильники, висевшие на вделанных в стену бронзовых крюках, зажглись. Он неторопливо миновал проход и спустился вниз по лестнице. Подвал также был уже освещен, и в очаге у задней стены само собой взметнулось пламя. Одним движением руки маг заставил его угаснуть; сегодня он не собирался ни варить колдовские зелья, ни вызывать духов огня.

Вдоль стен его лаборатории тянулись длинные столы с ящиками для хранения минералов и трав, с бутылками и флаконами, в коих таинственно мерцали зеленоватые, голубые и алые жидкости, с затейливыми стеклянными колбами и ретортами, изделием стигийских мастеров, с бронзовыми щипцами, крохотными молоточками, сверлами и пилками; была тут даже маленькая наковальня. Над левым столом висела полка, на которой громоздилось несколько книг в потертых кожаных переплетах; тут же лежали чистые свитки папируса и стоял чернильный прибор. Все это было, в определенном смысле, бутафорией, ибо в кабинете любого недоучки-алхимика не составляло труда обнаружить то же самое: камни, засушенные растения, инструменты, фаянсовую, бронзовую или стеклянную посуду непривычных форм, десяток древних манускриптов. Но здесь находились и настоящие сокровища, которые Неджес не выставлял напоказ.

С почтительным поклоном он приблизился к маленькому алтарю Сета, кубу из черного камня, стоявшего рядом с очагом. На нем не было ни изображения темного бога, и никаких изображений или магических рун, однако даже обычный смертный ощутил бы ауру мрачной и безжалостной силы, непроницаемой завесой окутывавшую черную поверхность. Да, ощутил бы и вряд ли смог сделать хотя бы шаг назад! Крохотная частица божества,

заключенная в камне, всегда жаждала — жаждала крови, теплой плоти, трепещущей души... Неджес, однако, приблизился к этому страшному месту беспрепятственно: бог узнал своего аколита.

Опустившись на колени перед камнем, маг снова поклонился и возложил руки на черную блестящую поверхность. Теперь он замер, скорчившись и прикрыв глаза; слабые отблески пламени от горящих светильников углубили тени на смуглом бесстрастном лице, превратив его в подобие маски смерти.

Не разжимая губ, Неджес запел. То был гимн без слов, странная литания из четырех-пяти протяжных нот, чередовавшихся бесконечно; и, в такт ей, ладони мага начали погружаться в камень. Вскоре могло показаться, что руки его приросли к каменному кубу, обрезанные на уровне кистей; они продвигались все дальше, все глубже, под заунывный мотив, похожий на мелодию, которой стигийские дудочники зачаровывали змей.

Резко выдохнув, Неджес подался назад, почти упал на спину, отвалившись от камня. Некоторое время он сидел, глубоко дыша и стараясь прийти в себя; струйки пота стекали по смуглым щекам, руки дрожали. Но он достал то, что хотел! В его пальцах поблескивал золотой ларец, совсем крошечный — такой, что мог поместиться на ладони.

Восстановив дыхание, чародей поднялся, сделал несколько шагов и опустил ларчик на каменный пол. Здесь, посреди его тайной лаборатории, оставалось свободное место, вполне достаточное, чтобы в нем поместился начерченный черной краской пятиугольник размером в шесть локтей, в вершинах коего стояли бронзовые цилиндрические сосуды. Неджес поставил ларец в самом его центре.

Затем он отступил к столу, простирая руки к пентаграмме. Едва слышный шепот, повелительное движение — и из бронзовых цилиндров вдруг выхлестнули столбы яркого синеватого пламени, раскрылись невесомыми веерами, растеклись в стороны и поблекли, образовав большой, чуть мерцающий купол. Несколько мгновений колдун всматривался в него, словно оценивая надежность этой преграды, потом, что-то недовольно бормоча, разыскал на столах еще пяток цилиндров, установил их посередине линий пентаграммы и зажег. Теперь купол, не потеряв своей прозрачности, словно бы стал плотнее,

и Неджес удовлетворенно кивнул; не хватало только, чтобы призванное им существо вырвалось на волю! Это привело бы к ужасным последствиям — и, первым делом, для него самого.

Он вновь затянул прежнюю заунывную мелодию и повторял ее до тех пор, пока крышка маленького ларца не поднялась с резким щелкающим звуком. Затем на фоне ее возникло нечто алое... нет, скорее красное или даже багряное; словно голова ядовитой змеи, разыскивающей жертву, округлый, отливающий кровью кончик того, что таилось в ларце, начал медленно поворачиваться, пока не нацелился прямо на чародея. Неджес прищелкнул пальцами, и головка кровавого червя двинулась вверх, жадно потянувшись к мерцающему куполу, отпрянула и застыла; теперь над золотым ларчиком неподвижно торчал красный стержень толщиной в руку.

Спустя какое-то время он начал разворачиваться, слабо подергиваясь и трепеща краями, превращаясь в квадратный кусок отливавшей шелковистым блеском ткани. Багровый Плат и в самом деле был похож на шаль из кхитайского шелка, но человеческие руки никогда не прикасались к нему, не пряли тонких нитей, не окрашивали их пурпуром, не натягивали на ткацкий станок; сей амулет, могущественный и опасный, хранился в стигийских храмах издревле, и сам Тот-Амон, глава Черного Крута, не ведал, какой бог, демон или стихийный дух вдохнул в него пророческую силу.

Плат натянулся, стал ровным, похожим на полированный срез глыбы из красного мрамора, потом начал медленно, неторопливо изгибаться. Менялись формы, перетекая и переливаясь друг в друга, то острые, гротескные, угрожающие, то плавно-округлые и спокойные, как очертания пологих гор; багровая ткань блестела, натягивалась и вновь опадала, будто бы колеблемая невидимым ветром. Вскоре на ней проступили очертания какого-то огромного лица: широкий нос со свирепо раздутыми ноздрями; безгубая, похожая на клюв пасть; крутые скулы и надбровья; выпученные глаза с мертвыми зрачками.казалось, ткань стала багровой кожей, обтягивающей чудовищный, страшный лик неведомого демона.

Его рот раскрылся.

— Ты звал меня, червь? Зачем? — прокатилось под каменными сводами.

Неджес никак не реагировал на оскорбление; лицо его оставалось бесстрастным, глаза были прикованы к жуткому лику.

— Покажешь мне, что велю, — резко бросил он. — Сначала — знаки того, что будет через три месяца; потом — знаки ближайших дней.

Багровая личина задергалась в приступе беззвучного хохота.

— Ты в самом деле хочешь знать, что случится через три луны? — пророкотал гулкий голос. — В самом деле, слизняк?

Чародей вскинул руки, выставил их ладонями вперед.

— Не стоит меня пугать, — негромко произнес он. — Иначе ты знаешь, что произойдет.

Резкий хлопок, и мерцающий купол начал сжиматься. Морда демона исказилась, словно он испытывал величайшее раздражение; глаза выпучились еще больше.

— Это не к чему, — вновь раздался его глас. — Три луны, ты говоришь? Что ж, я покажу... хотя показывать нечего.

Внезапно чудовищное лицо исчезло, и Плат обвис, снова став ровным, как мраморная стена. Глаза Неджеса изумленно расширились.

— Ничего? — пробормотал он. — Ничего! Как это может быть? Не пытайся развлечься за мой счет, демон! Твои шутки и ложные пророчества меня не интересуют!

— Если я берусь показать будущее, то показываю правду, — пророкотал голос. — Три луны. Ничего! Для тебя — ничего!

Неджес пошатнулся.

— Два месяца! — выкрикнул он, невольно опершись о стол руками.

Багровый Плат не дрогнул.

— Две луны, — подтвердил гулкий глас. — Ничего! Для тебя — ничего!

— Месяц!

— Ничего!

— Двадцать дней!

— Ничего!

— Десять дней!

— Ничего!

— Девять... — прохрипел Неджес, и красное полотнище задрожало. Колдун всматривался в него, утирая ладонью выступившую на лбу испарину; теперь он знал оставший-

ся ему срок. Девять дней! Если только проклятый демон не обманул...

Протерев кулаками глаза, Неджес вновь уставился на изгибавшуюся в бешеных конвульсиях багровую ткань. Он обладал искусством чтения этих знаков, предвестников грядущего; каждая складка и каждый извив имели смысл и могли сообщить о многом. Но сейчас стигиец был не в состоянии истолковать их; не то весть о близкой гибели потрясла его, не то символы будущих событий и в самом деле оставались неясными. Второе казалось чародею более вероятным. Как многие люди, получившие предсказание о скорой смерти, он все еще не мог поверить в нее, зато ощущал, как некая сила затуманивает пророчества Багрового Плата. Но если так, то и свидетельства его кончины могли оказаться ложными!

Неджес воспрянул духом. Сотворив необходимое заклятье, он заставил Плата свернуться, исчезнуть в золотом ларце; потом снял защитный купол и, сосредоточившись, погрузил ларец в черный камень алтаря. Там он и пребывает до следующего раза — под мощной дланью Сета, способного движением мизинца сковать тысячу злобных демонов!

Покончив с этим, чародей присел к столу, отхлебнул слабого вина из торчавшего меж древними филиантами кувшина и задумался. Ему определенно грозила опасность; сколь бы смутными и неясными не казались ее предзнаменования, в том, что она существует, Неджес не сомневался. Он улавливал ее признаки и раньше, во время предыдущих магических сеансов с Багровым Платом, когда заглядывал лишь на три-четыре дня вперед, не пытаясь проникнуть в более отдаленное будущее. К Шандарату приближался некто, таивший в себе смертельную угрозу; возможно, он уже прибыл в город и бродил по его улицам, площадям и базарам в поисках первого советника или даже рыскал в окрестностях его дворца. Этот неведомый пришелец был исключительно опасен — опасен уже тем, что собирался покуситься на жизнь могущественного мага. И безуспешно, если верить полученному предсказанию!

Но кто он?

Тут Неджес терялся в догадках. Присутствие в стенах Шандарата другого чародея, белого ли, черного, он ощутил бы и сам, не обращаясь за помощью к Багровому Плату; аура Силы в равной степени окружала и стигийских

колдунов Черного Круга, и гиперборейских волхвов из далекой Похиолы, и мудрецов Кхитая и Вендии, и светлых друидов с Пиктского Побережья. Он почуял бы любого из них за три дня пути! Но тот, кто угрожал ему, не являлся магом; если он и обладал Силой, то лишь такой, которая позволяла укрыться от всеведущего Плата. Это казалось невероятным, но это было так!

Может быть, обычный человек, чьим телом завладел демон? Стигиец покачал головой. Нет, он учуял бы и демона! Любое создание демонической природы — даже такое ничтожное и никчемное существо, как то, что притащил в город какой-то бродяга с севера! Ну, об этом протухшем испражнении мумия не стоит и беспокоиться! Хотя... Неджес припомнил пару извивов багряной ткани, обещавших ему кое-какие неприятности, связанные с этой древней и бессильной тварью. Мелкие неприятности... Ну, это он переживет — в отличие от того северного бродяжки и вора!

Он заставил себя не думать о ничтожном, вновь обратившись мыслями к главной опасности. Как у всех в мире, у него были враги — даже внутри Черного Круга, среди тех, кто боролся за благосклонность владыки Тот-Амона. Они — или некие другие, пока еще неведомые противники — могли пустить по его следу зомби, вампира, вурдалака или злобного призрака; словом, любое существо, способное убить самым необычным способом, но не обладающее в полном смысле магическим даром. Такого обнаружить сложнее, чем чародея или демона...

Ну, что ж! Неджес поднялся, решительно расправил плечи, чувствуя, как злобная сила переполняет его. Что ж! Он предупрежден, и это главное! Жаль, разумеется, что эти хлопоты пришлись на тот момент, когда надо заниматься Архипелагом — да и владыкой Апаратом тоже... Но ничего! Он предупрежден! Имеется масса способов отразить удар и позаботиться о своей безопасности — и клинки стражей, и острые зубы мастафов, и надежный забор. Но прежде всего — магия!

Кстати, подумал он, направляясь к выходу, надо распорядиться, чтобы свалили дубы у изгороди. На их месте лучше построить стену, каменную, в три роста высотой, с вышками для стрелков.

С этой мыслью Неджес покинул подвал, и светильники за его спиной угасли.

Конан спал с раннего вечера до позднего утра. Комната, в которую его отвела служанка, находилась на втором этаже и была небольшой, чистой и тихой; единственное окно ее выходило не на базарную площадь, а во двор. Киммериец, предусмотрительно задвинув засов на двери, скинул сапоги, снял пояс с мечом и сумкой, а потом растянулся на топчане и прикрыл глаза.

Когда он поднял веки, солнце било ему прямо в лицо. Судя по небесному светилу, дело шло к полудню, но Конана это нисколько не беспокоило. Он лежал, наслаждаясь теплом и покоем, и топчан с тощим тюфяком казался ему мягче царского ложа. В первый раз с того дня, как он отправился из дома в этот несчастливый поход, юноша провел ночь под кровом; и в первый раз за долгие дни странствий он был сыт.

Сыт? Внезапно Конан почувствовал, что это не так. Да, он б ы л сыт, но вчера — а со вчерашнего вечера миновала целая вечность! Ему снова хотелось есть, и с каждым мгновением все сильнее и сильнее.

Он сел на своем ложе, спустил на пол босые ноги и обвел комнату еще полусонным взглядом. В ней не было ничего, кроме топчана с набитым сеном матрасом, пары крюков, торчавших из стены — вероятно, на них полагалось вешать одежду, — и небольшого сундука, который мог при необходимости послужить для постояльца и шкафом, и столом, и табуретом. Сейчас на нем восседал Шеймис собственной персоной — и, как всегда, с самым унылым видом. Он скорчился на крышке сундука, подбрав под себя ноги; и у его мохлястых коленей лежали рядом пять золотых динариев с гордым профилем владыки Ашарата.

Конан поднялся, шагнул к сундуку и сгреб один золотой, стиснув в кулаке.

— Прогуляюсь вниз, — сообщил он демону. — Надо перекусить.

— Да, хозяин. — Физиономия у Шеймиса стала еще унылее; видно, он думал о том, что никогда не сумеет сотворить тех аппетитных блюд, которые его господину предоставят внизу за звонкую монету.

— Запри дверь на засов и никому не открывай, — велел Конан, застегивая на талии ремень. — Когда я

вернусь, то постучу вот так, — он три раза стукнул костяшками пальцев по сундуку.

— Хорошо, хозяин. Слушаюсь, хозяин, — Шеймис передернул тощими плечами, словно ему вдруг стало жабко. — Только ты не задерживайся, будь добр... Мне без тебя как-то неуютно...

Усмехнувшись, Конан отворил дверь и начал спускаться по лестнице, размышляя, что доставшийся ему демон во многом напоминает малого ребенка. Может быть, это являлось свидетельством его древности? Что старый, что малый — тут Конан не видел особой разницы.

Внизу он не задержался: только опростал огромную миску с кашей и куском мяса, выпил кружку слабого вина и разменял у хозяина харчевни динарий. Ему не надо было платить за еду — за все рассчитался вперед Фарал, — однако Конану хотелось иметь в распоряжении деньги помельче, в серебре и бронзе. В голове у него зарождались определенные планы на вечер, в которых фигурировала компания давешних игроков в кости и кое-какие способности Шеймиса.

Поднявшись наверх, он трижды постучал в дверь, проскользнул в комнату и снова задвинул засов.

— Что будем делать, господин мой? — поинтересовался сумеречный дух, возвращаясь к сундуку и монетам.

— Спать, — отвечивал киммериец, которого после сытной еды вновь потянуло в дрему. — Я буду спать, а ты можешь поразвлечься с этим, — запустив руку в кошель, он высыпал перед Шеймисом пригоршню серебра.

Затем он повалился на свое ложе и смежил веки.

* * *

Когда Конан раскрыл глаза во второй раз, солнце уже склонялось к закату. Прошла добрая половина дня, и он снова чувствовал голод — правда, не такой острый, как вчера. Тем не менее, несмотря на легкое посасывание в животе, юный киммериец ощущал прилив сил; Конану чудилось, что за сутки отдыха на костях егоросло изрядное количество плоти, и тяготы дальних странствий начали постепенно сглаживаться в памяти.

Он сел, протирая глаза кулаками. Лучи вечернего солнца косым веером падали сквозь распахнутое окно, освещая комнату и ее небогатую обстановку; единственными яркими пятнами здесь были горка золотых и серебряных

монет да рукоять нового Конанова меча, отливавшая цветом хорошо начищенной бронзы. Видно, пиратский вожак был человеком аккуратным, когда дело касалось оружия, а не расчетов с пассажирами его галеры.

Шеймис находился в прежней позиции — сидел на сундуке, поджав ноги, окутавшись своими куцыми крыльями, и горестно обзирал орлиный профиль владыки Ашарата на золотом динарии. Конану хватило одного взгляда, чтобы понять: ни золота, ни серебра у него не прибавилось.

Заметив, что хозяин проснулся, сумеречный дух огладил жидкие усы и тяжело вздохнул.

— Ох, господин мой! Размышлял я, вспоминал и трудился от вчерашнего вечера до сегодняшнего, но ничем порадовать тебя не могу...

— Это и видно, — заметил Конан не без ехидства.

— Многое утекло из памяти, слишком многое, за время сидения в проклятом горшке... — Демон поскреб костлявыми пальцами свое лысое темя. — Но, сказать по правде, я и раньше не отличался великими талантами... М-да-а... — Он снова испустил тягостный вздох. — Нет, не отличался... Ты уж прости меня, неудачника, хозяин... Увы, увы! Не могу я сделать тебя королем, господином над землями, городами и людьми, или великим воеводой, как, чувствую, ты того желаешь! Не могу принести тебе богатство и почет, дворцы, замки, поместья и юных дев...

Представив, какую юную деву мог бы предложить ему Шеймис, Конан невольно содрогнулся.

— Сие я уже понял и дев от тебя не требую, — торопливо произнес он, с изумлением замечая, что на глазах его слуги выступили слезы. Киммериец никогда не слышал, чтобы демоны могли плакать. Реветь, выть, рычать, вопить, стонать и богохульствовать — сколько угодно; но плакать!..

— Чем же я отплату тебе, господин мой, за освобождение? — шмыгнув носом, Шеймис воздел взгляд к потолку. — Чем, мой молодой повелитель?

— Погоди, — сказал Конан, натягивая сапоги и оправляя тунику. — Объясни-ка мне прежде, чем ты тут занимался.

Демон с безнадежным видом перебрал четыре золотых динарии, сложив их в стопку.

— Я попробовал повторить фокус этого Фарала, — произнес он. — Видишь ли, хозяин, его и мое колдовство

совсем различны... Собственно, то, что он делает, даже нельзя назвать магией... Ни черной, ни белой, ни красной, ни зеленой.

— Цвет меня не интересует. — Конан притопнул сапогами и опоясался мечом, потуже затянув ремень. — Золото появилось прямо из воздуха... Разве это не магия? Самое настоящее волшебство, приятель, и получишь твоего! Ты-то наколдовал мне лишь костлявого барана, рваные сапоги да ломаную саблю!

Демон, придя в крайнее возбуждение, даже подскочил на сундуке.

— Нет, хозяин! То есть, насчет барана, сапог и сабли все правильно, — продолжал он, сбавив тон, — но ты должен учесть, что я сотворил все эти вещи! Понимаешь, сотворил из ничего, а не перенес откуда-то готовенькими! Это настоящее волшебство, пусть и не слишком удачное! А твой Фарал, он... — внезапно Шеймис захлопнул рот.

— Так что же он? — с любопытством спросил киммериец, проверяя, легко ли выходит меч из ножен.

— Он не творит, а только переносит предметы, пользуясь для этого Силой... астральной Силой великого Митры... — пробормотал дух сумерек. — Значит, благый бог покровительствует ему, понимаешь? Покровительствует и позволяет пользоваться частицей своей божественной мощи...

— Знаешь что, приятель, — Конан сгреб монеты с сундука и высыпал в свой кошелек, — по мне, что сотворить, что перенести, все едино. Был бы толк! — он многозначительно похлопал по сумке, и динарии отозвались веселым звоном. — Помнишь, Фарал признался, что вытащил это золото прямо из кубышки какого-то Дастры, местного богатея... Ну, а ты можешь такое сделать?

Шеймис уныло свесил голову.

— Увы, мой юный господин! Этим-то я и занимался от вечера и до вечера, как доложил тебе раньше. Но я — дух сумерек, и не могу использовать силу солнечного бога. У меня свои пути...

— Кривые и узкие, — ухмыльнулся Конан. — Такие узкие, что ничего полезного по ним не протащить!

Словно подтверждая этот вердикт, демон горестно всплеснул крыльями.

— Выходит, фокусы Фарала тебе не по зубам, — уточнил киммериец. — Ну, а о нем самом что ты скажешь?

Физиономия Шеймиса несколько разгладилась, и он погрузился в размышления. Наконец, важно нахмурившись и почесывая свой длинный нос, демон сказал:

— Он — посланец, господин мой! Специально обученный посланец, который должен совершить нечто в этом городе, во имя великого Митры!

— Хмм, посланец, да еще обученный... — протянул Конан. — Ладно, то его дела, а не наши, — заключил он, присаживаясь на топчан. — Давай-ка мы кое с чем разберемся, Шеймис.

— Давай, хозяин, — с готовностью согласился сумеречный дух, поудобнее умащиваясь на сундуке.

— Ты наколдовал мне тощего барана, сухой хлеб, дрянную саблю, кошель, рваные сапоги да тунику... — киммериец потянул свое одеяние за ворот, и оно затрещало. — Тунику тоже не очень прочную, но это не беда. Вот с саблей вышло хуже... из-за нее меня чуть не прикончили!

— Но я же поразил твоего врага! — вскинулся Шеймис. — Я наслал на него страшную болезнь!

— Да, и у этого мерзавца схватило живот. Ты и с другими так можешь?

Демон задумчиво почесал темя.

— Не исключено, мой господин.

— А как насчет засовов и замков? Ты сумел бы их отпереть? Ну, к примеру, хоть этот? — Конан ткнул пальцем в сторону двери.

— Попробую, хозяин. — В голосе Шеймиса не ощущалось уверенности, но он вдруг напрягся и начал сверлить засов взглядом. Сначала ничего не происходило, потом массивная железная полоса со скрежетом поехала вбок, дошла до упора, лязгнула и застыла.

— Отлично! — Конан подскочил к двери и снова запер ее. — Молодец, сумеречная нечисть! Ну, если ты справился с этакой тяжестью, то и с костями все пройдет хорошо!

— С какими костями, мой господин? — Демон в недоумении наморщил лоб.

— С игральными, приятель! Ты умеешь играть в кости?

— В кости?... Ах да, я что-то припоминаю... Кажется, их бросают на стол или ровный камень, и смотрят, кому благоволят боги?

— Ну, жрецы используют их и так, для гаданий, — Конан кивнул головой. — А люди попроще играют на

деньги. Запомни, Шеймис, у кости шесть сторон, и на них выжжено шесть рисунков: первый — конская голова, потом меч, корабль, башня, полумесяц и солнце. Бросают три кости; у кого «солнца» и «полумесяцы», тот побеждает, у кого «конь» — проигрывает.

— И что тогда?

— Расстается со своими деньгами! — рявкнул киммериец, раздраженный такой непонятливостью. — Ясно?

— Ясно, хозяин.

— А раз так, скажи: сможешь ли ты, сидя в сумке, крутить кости? Так, чтобы у меня всегда выпадали «солнца»?

— Думаю, что смогу, — крылья Шеймиса возбужденно затрепыхались. — Ты прав, кости куда легче железного засова, и, к тому же, меня будет вдохновлять мысль, что я помогаю тебе разбогатеть.

— Дойдет дело и до засовов, — пообещал Конан, раскрывая свой кошель. — Ну, лезь сюда!

* * *

Вечером народу в харчевне было побольше. Вероятно, ее посещали мелкие торговцы с базара, ремесленники да крестьяне, что привезли в город на продажу овощи и битую птицу. Эта публика, десятка три человек, неторопливо насыщалась, смакуя жареную баранину, местное пиво и привозное вино, пережевывая вместе с пищей всевозможные сплетни: о предполагаемом походе на Жемчужные острова, о флоте, которые собирал для этого все милостивейший владыка, о петиции купцов, чьи корабли задержаны в гавани с целью перевозки воинских отрядов, и о новых налогах, изобретенных мудрейшим советником почтенным Неджесом. Чувствовалось, что его не любили, но уважали и побаивались.

У самых бочек пили вино четыре солдата, видимо — стражи с базара. Когда Конан проходил мимо, старший из них покосился на меч киммерийца, но ничего не сказал, вероятно решив, что сей молодой, но могучий северянин прибыл в Шандарат, чтобы завербоваться в войско повелителя. Конан, не обращая на стражников внимания, выбрал стол поближе к компании игроков — тех же самых, что метали тут кости прошлым вечером. Он недовольно скривился, заметив, что игра идет на серебро; однако у каждого из этих тертых парней на поясе висело по объемистому и мелодично позванивающему

кошелек. Скорее всего, именно там угнездились золотые динарии — в ожидании жертвы, которую предстояло сперва ободрить, а затем ободрать.

Юный киммериец решил, что для начала эта роль ему вполне подходит. Покончив с бараньей ногой и кувшином вина, принесенными служанкой, он запустил руку в кошелек (стараясь не раздавить залегшего на самое дно Шеймиса), вытащил горсть золотых и серебряных монет и принялся их пересчитывать. Он занимался этим довольно долго, выразительно поглядывая на соседний стол и делая вид, что никак не может счесть свои деньги; загибая пальцы то на левой, то на правой руке, он шевелил губами, надувал щеки, недоуменно хмыкал и гмыкал — словом, старательно изображал из себя простака и деревенщину, если не полного идиота.

Его усилия не пропали даром: стук костей за соседним столом прекратился и десять пар глаз усталились на молодого варвара. Тогда он встал, ссыпал деньги, кроме одного динария, в кошелек, и, довольно натурально пошатываясь, приблизился к игрокам.

— Найдется у вас место для такого кругляша? — Конан подбросил монету на широкой ладони.

— Отчего же не найтись, — заметил коренастый рыжеволосый парень, окинув киммерийца пристальным взглядом. — Только не начать ли нам с серебра?

— По мелочи не играю, — Конан презрительно скривил рот. — Я солдат, клянусь Кромом, и не люблю таскать лишнего! К чему мне сумка серебра, цена которой три золотых?

Рыжий — видимо, заводила этой компании — еще раз осмотрел Конана с ног до головы.

— Ты и вправду солдат? — недоверчиво спросил он.

— А что, разве не видно? — киммериец выпятил грудь и положил руку на эфес меча.

— Нет, ничего... Парень ты здоровый, только уж больно молод для солдата. Похоже, еще и бороды не брил, а?

Щеки Конана побагровели; он не любил напоминаний о своем возрасте, забывая, подобно многим юнцам, что молодость — такой недостаток, который проходит у всех и абсолютно неизбежно.

— Верно, бороды я еще не брил, — гаркнул он, до половины вытягивая меч из ножен, — зато кое-кому выбрил шею такой вот штукой!

— Брось подначивать парня, Глах! — заметил один из игроков, со свернутым набок носом и хитроватыми глазами. — Он — настоящий воин, какие могут быть сомнения! Ибо лишь могучий боец играет сразу на золото!

— Потому что он всегда может заработать его своим славным мечом, — поддержал Кривого Носа второй из партнеров, здоровенный детина со шрамом на щеке.

— Если вместе с золотом не проиграет и меч, — слегка шепелявя, добавил третий — у него был выбит передний зуб.

Тут киммериец сообразил, что его подначивают, и, грохнув кулаком о стол, поинтересовался:

— Так мы играем или нет?

— Конечно! — заявил рыжий Глах. — И я думаю, что тебе, как новичку, сильно повезет, — он подмигнул своим партнерам.

— Не сомневаюсь.

Конан припечатал свой динарий в центре стола. Прочие игроки зазвенели кошельками, и вскоре еще десять блестящих кружков с орлиным профилем владыки Ангарата выстроились рядом с первой монетой. Киммериец прищурил глаз: похоже, поддельных среди них не было.

— Пройдем десяток кругов, — предупредил Глах, без сомнения уже оценивший размеры богатств новичка. — Раньше никто из игры не выходит. Договорились?

Компания поддержала его согласным гулом.

— Солдат мечет последним, — добавил Шрам.

Конан молча кивнул и, раздвинув ближайших партнеров мощными руками, уселся на лавку. Рыжий Глах протянул ему на ладони три кубика, выточенных из слоновой кости; киммериец освидетельствовал их и кивнул головой. Они были без сюрпризов, но Конан не сомневался, что в нужный момент появится другая тройка, залитая где надо свинцом — специально для того из жуликов, кому полагалось выиграть.

Глах метнул первым: полумесяц и две башни, совсем неплохо — тринадцать очков из восемнадцати возможных. У Кривого Носа выпали меч, корабль и башня, у Шрама — башня и два корабля, у Выбитого Зуба — конь, меч и полумесяц. Ни один из остальных партнеров не поднялся выше одиннадцати очков.

Заманивают, подумал Конан, стукнул по сумке (чтобы напомнить Шеймису о необходимости приниматься за работу), потряс костяшки в стакане и выбросил на стол.

Они весело покатались по струганым доскам; два почти сразу встали солнцем вверх, последняя задумчиво покачалась на ребре и тоже продемонстрировала грань с солнечным диском.

— Ну, — с усмешкой произнес рыжий Глах, — я же говорил, что новичкам везет! Поехали по второму.

Конан снова метал последним и снова выбросил три солнца. Теперь перед ним лежала кучка из двадцати динариев, и он сообразил, что для разнообразия стоило бы иногда показывать не такие блестящие результаты. Все время три солнца — это могло выглядеть подозрительным! Но партнеры его как будто не имели возражений против такой удачливости.

— Везет солдатику, — заметил Шрам.

— Чувствую я, разденет он нас до нитки, — поддержал Кривой Нос.

— А не повысить ли ставки? — предложил Выбитый Зуб. — По-моему, это было бы только справедливо, а? Надо нам хоть немного отыграться.

— Ты как, не возражаешь? — Глах покосился на Конана.

— Нет, клянусь Кромом! — Юный киммериец подвинул на середину стола три монеты. — Так годится?

Они сыграли по кругу, и Конан стал богаче на тридцать золотых, хотя у Шрама выпали два солнца и полумесяц. Похоже, компания взялась за дело всерьез. Исподтишка поглядывая на своих партнеров, Конан заметил, как они недоуменно переглядываются и пожимают плечами. Новичок оказался слишком резвым; не то он знал какой-то фокус, не то ему сказочно везло.

Прошли еще два круга, но ситуация оставалась прежней. Все, чего удалось добиться команде рыжего Глаха — разделить один из выигрышей пополам, когда у Кривого Носа тоже выпало три солнца. Перед Конаном уже высились изрядная горка динариев, и, предчувствуя дальнейший поворот дела, он осторожно проверил, сможет ли вытянуть меч, сидя на лавке. Сделать это оказалось не просто — соседи стискивали его плечами.

Наконец на восьмом круге Глах заявил:

— Что-то здесь не так, парни! Слишком ему везет. Ну-ка, покажи свои лапы! — велел он Конану.

Тот с готовностью протянул раскрытые ладони. Глах, видно, был человеком опытным и поднаторевшим во всяких мошенничествах; он тщательно осмотрел каждый

палец, запястья и мощные предплечья киммерийца, не обнаружив равным счетом ничего. Придаться к костям рыжий, разумеется, не мог — кости принадлежали ему самому.

— Играем дальше? — сказал Конан, убирая руки.

— Нет, погоди! — Шрам перегнулся к нему через стол. — Я тоже хочу поглядеть!

— Смотри, пока глаза не повылазят, — усмехнувшись, юноша вновь вытянул руки. — Только я кончать игру не собираюсь! Вроде говорили о десяти кругах, или я ослышался?

— Говорили, — подтвердил Кривой Нос. — Только не может человек выкинуть три солнца восемь раз подряд! Я такого не видывал!

Конан расхохотался прямо ему в лицо.

— Ты много чего не видывал, крысиное дерьмо! Например, мой клинок... Хочешь на него поглядеть?

— Э, так дело не пойдет! — рыжий Глах нахмурился. — Взгляни-ка, солдатик, во-он на тех стражников, что пьют вино у бочки. Если мы слегка повздорим и понаставим друг другу синяков, они вмешиваться не будут, но коли ты пустишь в ход меч, живо окажешься в их лапах! Да и мы поможем, — он многозначительно оглядел свою команду.

Один из игроков поскреб в голове и предложил:

— А не метнешь ли ты, парень, кости просто так, на пробу? Разок-другой?

— И не собираюсь! — киммериец с нахальной ухмылкой обвел взглядом лица партнеров. Конечно, их десять человек, но если дойдет до драки, так просто с ним не справятся! Он и без меча сумеет сломать пару челюстей!

— Хмм... — протянул Глах. — Значит, метнуть на пробу не желаешь?

— Не желаю, — подтвердил киммериец.

— Тогда может поделишься с нами, откуда у тебя такое везенье?

— Милостью богов, — без колебаний заявил Конан. — Великий Митра помогает мне!

— Может, еще и Кром, которого ты поминал? — прищурился Кривой Нос.

— Нет, — юноша покачал головой. — Кром, Владыка Могильных Курганов — грозный бог! Когда у нас в Киммерии рождается мальчик, Кром бросает на него единственный взгляд, и все. Тот, кто его выдержит, растет

и становится воином; а из недоносков глаза бога вышибают дух. И Крома не интересуют людские дела! Так что если кто мне и помогает, то непременно Митра.

— Не Митра, а Нергал! — внезапно рывкнул Шрам. — Нергал всегда заботится о своих ублюдках!

Такого Конан не собирался терпеть. Он оскалил зубы и начал медленно стискивать огромный кулак.

— Кажется, ты назвал меня ублюдком? — произнес он, непроизвольно потянувшись к мечу. Шрам был самым здоровым детиной во всей компании и, видно, не боялся драки.

— Назвал, и готов повторить! — Шрам, сидевший напротив, ткнул пальцем в грудь киммерийца. — С ним нечисто, парни! Пусть Иштар лишит меня своих милостей, если дело не пахнет колдовством!

— Думаешь, магия? — Глах скосил глаз на приятеля.

— А что еще? У него толстые и неуклюжие пальцы, им никакой хитрый фокус не под силу! Так что солдатику кто-то ворожит!

— Значит, надо с ним разобраться, — вынес решение Глах, и, не успев Конан шевельнуться, как рыжий сгреб все золото к себе.

Мгновение киммериец сидел, ошеломленный, потом, взревев, попытался встать. Но соседи с обеих сторон повисли на плечах, кто-то въехал ему по скуле, а Шрам с изрядной сноровкой опрокинул тяжелый стол. Край доски ударил Конана в живот, лишив дыхания; и, не успев он прийти в себя, как шестеро навалились на него. Видно, у компании Глаха имелся немалый опыт утихомиривания скандалистов, ибо все его люди действовали быстро и согласованно. Подхватив Конана за руки и за ноги, они проволокли его по залу, поднялись по ступеням к черному ходу и вышвырнули во двор. Он еще успел заметить, судорожно пытаясь вдохнуть воздух, как солдаты проводили их равнодушными взглядами. Скорее всего, стражи базара получали с игроков не только положенный казне налог, но и мзду в собственный карман, так что искать у них защиты не стоило. Что касается прочих посетителей харчевни, то они даже не пошевелились.

Проехав лицом по земле (к счастью, довольно мягкой), Конан стукнулся обо что-то макушкой и на миг потерял сознание. Но голова у него была крепкая, и, втянув наконец воздух, он поднялся на ноги, ослепленный яростью. Клинок словно сам собой вылетел из ножен, из

горла вырвалось звериное рычание. Сейчас он не думал о рыночных стражах и уж во всяком случае не боялся Глаховой банды; он был готов растерзать их на части.

Крысы! Подлые крысы, о которых жаль поганить меч! Но придется... Придется, ибо воины Киммерии не прощают обид! Выбросить, словно паршивую собаку, бойца, который сражался под Венариумом! Конан снова зарычал. Ну, сейчас он им покажет!

Он сделал шаг к лестнице, едва заметной в сгущавшихся сумерках, и тут до его ушей долетел слабый писк:

— Хозяин! А, хозяин!

Шеймис? Еще живой? Странно, что он уцелел, когда хозяина проволокли по каменному полу...

Сунув руку в сумку, где побрякивало уже только серебро, Конан извлек крохотного демона наружу.

— Болван! — рывкнул он, поднося сжавшегося от страха Шеймиса к лицу. — Ты что же, не мог выкинуть пару раз полумесяц или башню? Тогда бы эти мерзавцы ничего не заподозрили!

— Но, хозяин... милостивый господин мой... я делал точно то, что ты повелел...

— А! — Конан с досадой махнул мечом. — Недоумок и есть недоумок! Видать, мозги у тебя совсем отсырели в твоём горшке!

— Может и так, но их еще хватит, чтобы предостеречь тебя, мой юный господин. Что ты хочешь делать?

— Как — что? — Конан насупил брови. — Сейчас спущусь в этот крысятник, вспорю живот рыжему, а остальных...

— Не делай этого, заклинаю тебя милостью Митры! Не делай, хозяин! — Шеймис в волнении привстал на тоненьких ножках. — Их десять человек, да еще солдаты... Или тебе открутят голову, или переломают ребра, или засадят в темницу! Подумай сам! Все надо свершить иначе!

Конан, постепенно остывая, огляделся. Задний двор трехэтажного здания, в подвале коего располагалась харчевня, был погружен в полумрак. Тут валялись какие-то корзины и драные мешки, в одном углу высилось что-то смутное, неопределенных очертаний — похоже, что воз, — а напротив лестницы стояло большое деревянное корыто, из которого поили лошадей. Об это корыто он и стукнулся головой... Киммериец вложил меч в ножны, ощупал зловонную шишку на темени и со вздохом сказал:

— Похоже, ты прав, приятель. Но эти ублюдки забрали все мои деньги! Этого я им не спущу!

— И не надо, только сделай все по-умному, хозяин. Я не очень-то разбираюсь в людских делах, но опыт долгой жизни кое-чему, знаешь ли, учит...

— Ты в этом уверен? — Конан вновь ощупал свою шишку. — Ты даже не догадался напустить на этих подонков понос, как на того пирата!

— Все случилось слишком быстро, и я не успел справиться с силами, — пояснил Шеймис. — Теперь же у нас есть время подумать и подготовиться.

— Ну, и что ты предлагаешь?

— Хмм... Мне кажется, самое лучшее — проследить за их вожакom. Пойдет же он когда-нибудь домой! И если по пути найдетcя темное местечко...

Несколько мгновений Конан размышлял, опустив голову и уставившись в землю; потом по губам его скользнула улыбка.

— Темное местечко! — повторил он. — Это хорошо! Думаю, что такое найдется, и не одно!

* * *

Рыжий Глах возвращался домой в прекрасном настроении. Вечер в харчевне под бронзовой рыбой выдался отменный; не каждый раз удается заработать пару золотых динариев! Всего у бродяги с севера было четыре монеты; половина причиталась ему, половина — компаньонам, причем львиную долю забирали Кривой Нос, Шрам и Выбитый Зуб. Они считались подмастерьями при мастере; прочим же, подголоскам и ученикам, приходилось довольствоваться серебром или же просто дармовой выпивкой. Каждый вечер Глах выдавал своей команде монеты по счету, чтобы у каждого было что поставить на кон; потом собирал, выделяя долю выигрыша. Простаками-клиентами чаще всего оказывались приезжие — купцы, мореходы и прочие странники; свои, шандаратские, знали о Глаховом промысле и не сели бы с ним за стол даже по прямому повелению Митры. Случалось ему обирать и крестьян, привозивших в город овощи на продажу и желавших рискнуть выручкой. Правда, с этих доход был невелик; за тележку репы или свеклы на базаре можно было выторговать три-четыре серебряные монеты.

Нет, этот молокосос-киммериец подвернулся на редкость удачно! Глах положил на него глаз еще прошлым

вечером, едва только парень вошел в харчевню. Приятель у него видно богатый человек... дал ценку денег и заплатил за постой... такого бы обобрать... Но тут рыжий Глах вспомнил лицо спутника киммерийца и невольно поежился. Нет, связываться с ним явно не стоило! Опытный человек, бывалый, и мечи носит не для того, чтобы пугать народ! Из тех людей, что, обнажив клинок, тут же пускают кровь... не бахвал-мальчишка, которого придавили столом, как таракана, а затем вышвырнули прочь! Лихо вышвырнули! Так, что он и нос побоялся сунуть обратно!

Глах негромко рассмеялся, пробираясь по темному переулку, выходявшему к небольшому пустырю. Тяжелая сумка с сотней золотых и с серебром — его капитал, блестящая наживка, на которую ловились простаки, — успокоительно хлопала по правому бедру, слева болтался кинжал длиной в локоть. Он неплохо владел этим оружием, что на близком расстоянии, что на дальнем — попадал в яблоко с двадцати шагов. По этой ли причине, либо потому, что Шандарат был городом благопристойным и спокойным, желающих всерьез покуситься на Глахову сумку не находилось. Он был человеком с положением, мастером гильдии игроков, заключившей вечный мир с нищенским и воровским сословиями, и никакие неприятности ему не грозили — до тех пор, пока он платил установленный мудрейшим Неджесом налог в казну.

В харчевне под бронзовой рыбой он хорошо выпил и закусил, отмечая сегодняшнюю удачу, и потому намеревался, по прибытии в свой уютный домик у западной городской стены, тут же завалиться в постель. Разумеется, не один: у него имелось пяток рабынь на выбор, в том числе и самое последнее приобретение, молодая иранистанка, смуглая, страстная и сочная, как зрелый персик. Шагая по заросшему деревьями пустырю, Глах чуть ли не воочию слышал ее стоны, ощущал горячие губы на своей щеке, острые ноготки на шее...

На шее? Шею и в самом деле что-то укололо — острое, твердое и холодное, совсем не похожее на ноготок смуглой прелестницы. Глах замер, всматриваясь в заступившую дорогу смутную тень. Рука его потянулась к кинжалу.

— Стой спокойно, сын портовой шлюхи, — посоветовал ему хриплый голос, в котором проскальзывали высокие нотки, словно его владелец вот-вот мог пустить

петуха. — Стой спокойно, и останешься цел! Кишки я тебе не выпущу, разве что челюсть сворочу.

— Тогда убери меч, — произнес Глах, с облегчением узнав в грабителе киммерийца-молокососа. Уж с этим-то солдатиком он совладеет — не силой, так хитростью! Его пальцы уже стиснули рукоять кинжала.

— Уберу, уберу, не пачкай штаны. — Клинок отодвинулся, потом с тихим шорохом скользнул в ножны. — А теперь давай-ка сюда сумку, ублюдок.

— Всенепременно, — пообещал Глах и, вырвав из-за пояса кинжал, ринулся к темной фигуре, целясь под левое ребро.

Он еще успел разглядеть, как навстречу метнулось что-то смутное, громадное — похоже, кулак, величиной с пивную кружку; затем Глаху почудилось, что его с размаху припечатало лицом к каменной стене. Охнув, он осел на землю и потерял сознание.

...Когда он снова пришел в себя, ни объемистой сумы, ни кинжала на поясе уже не было. Он сидел, опираясь спиной на шершавый древесный ствол; рядом мальчишка-киммериец рылся в его сумке.

Глах осторожно поднял руку, ощупал челюсть и выплюнул два выбитых зуба. Вот неудача, злобно подумал он, враз лишишься сотни монет да еще и пары зубов в придачу! Деваться, однако, было некуда; этот варвар, несмотря на юный возраст, оказался силен, как медведь! И некое шестое чувство, интуиция опытного игрока, подсказывало Глаху, что рыпаться не следует. Ни в коем случае не следует, если он хочет остаться в живых! Он был готов признать свою ошибку: сегодня вечером его компания обобрала не хвастливого мальчишку-варвара, а дикаря, для которого что выпить кружку вина, что перезать глотку человеку — все едино.

Внезапно парень прекратил звякать монетами и ухмыльнулся; Глах увидел, как блеснули его зубы в слабом лунном свете.

— Добро! — сказал он. — Тут весь мой выигрыш! Надеюсь, теперь ты согласен, что в харчевне все было честь по чести?

— Согласен, — выдавил Глах; в голове у него забрезжила новая мысль.

— И не собираешься на меня доносить страже?

— Не собираюсь. — Мысль развивалась и крепла. Если удастся подцепить этого дикаря на крючок, мщение будет скорым и ужасным!

— Это хорошо. К твоей же пользе, рыжий, потому что больше меня не застанут врасплох — ни стражники, ни твои приятели. Я сумею уйти и выяснить, не ты ли пустил кого по моему следу. И тогда...

Огромная рука сдвинула шею Глаха, и несколько мгновений он почитал себя стоящим на грани смерти, на самом краю Серых Равнин. Однако мысль, что зародилась у него, не пропала, не исчезла, а лишь стала яснее и отчетливей.

Когда варвар отпустил его, Глах отдышался и прохрипел:

— Хочу дать тебе совет, парень...

— А на кой мне твои советы?

— Сначала послушай... Шандарат — большой город, богатый... и решительный человек может разыскать тут не кошель с золотом, а целый сундук...

— Сундук, говоришь? — Дикарь, похоже, заинтересовался. — И где стоит этот сундук?

— Ну... — Глах изобразил раздумье, — ну, например, в лавке Хеолота Дастры... Не слыхал о таком?

— Может и слыхал. Только до того сундука, я думаю, не просто добраться?

Добраться действительно было непросто. Дастра являлась богатейшим из шандаратских ростовщиков и на запо-ры и замки не слишком полагался. В его меняльной лавке днем дежурила четверка немедийских наемников, а ночью число их удваивалось. Эти бойцы превосходно владели и мечом, и топором, и арбалетом, а также и на ногу были скоры — от таких не уйдешь, если суеңшься в дверь ночной порой. Излагая все это дикарю, Глах, однако, кое-что упустил, одно преуменьшил, другое — преувеличил. В основном напирал он на богатства, хранившиеся в Хеолотовых сундуках, где имелось якобы не только золото, но и камни, легкие весом, дорогие ценой; о немедийцах же упомянул вскользь, как о пустяке, не стоящем серьезного разговора. Из слов его выходило, что их всего трое, и, хоть парни и здоровы, но против киммерийца им никак не устоять.

Выслушав Глаха, варвар задумчиво поглядел вверх, на бледный серп луны, что мелькал в облаках, потом протянул:

— Значит, Хеолот Дастра, говоришь... богатый человек... самый богатый в Шандарате, так?

— Нет. Есть и побогаче.

— Кто, к примеру?

Несмотря на свернутую челюсть, Глах усмехнулся.

— К примеру, владыка наш Ашарат. Хочешь наведаться к нему во дворец?

Варвар пропустил эту шпильку мимо ушей.

— Кто еще? — спросил он.

— Нуу... — Глах тянул время, еще не в силах поверить в свою удачу, — ну, мудрейший Неджес, наследник старого Кирима, один из больших вельмож...

— А этот где живет? Тоже в городе?

— Нет. У него поместье близ Туранской дороги, той, что ведет к югу. Стена невысокая, за ней — деревья и дом... Охраны почти никакой, разве что собаки, — произнес Глах, сообразив, что собачий лай киммериец может услышать и сам, прогулявшись вечером у поместья первого советника. Поговаривали, что этот Неджес балуется магией и совсем околдовал владыку; что ж, если варвар сунется к нему, то у чародея будет шанс проявить свое искусство. Может, на его псарне станет одним кобелем больше... При этой мысли на губах Глаха снова заиграла улыбка.

— Чего развеселился? — подозрительно спросил варвар.

— За тебя радуюсь, — буркнул Глах. — У Дастры много богатств, но это капля в море против того, что собрано в доме почтенного Неджеса. Говорят, есть у него чертог, заставленный шкатулками с самыми редкостными самоцветами... В одной, дескать, рубины с кулак, в другой — изумруды, в третьей — бесценные прозрачные камни из Вендии, что превосходят твердостью бронзу... — Он мечтательно облизнулся.

— В каких он годах, этот Неджес?

— Да уж немолод...

— Странно, — произнес варвар после некоторого раздумья. — Дом полон богатств, хозяин немолод, ограда низкая и никакой охраны, кроме собак... Почему же ты сам с приятелями его не распотрошил, рыжий?

— Тут, видишь ли, такое дело, — принялся объяснять Глах. — Почтенный Неджес в народе уважаем и прикрыт от всякого лихого умысла мощной рукой владыки. Тронь его, так бежать придется до самого Арэнджуна! И быстро,

ибо у пресветлого повелителя нашего конники отменные, наемники из Турана, которые стреляют на всем скаку без промашки. А я никуда уходить отсюда не хочу, даже с большим богатством. Шандарат — моя родина, и живу я тут совсем неплохо.

— Это я вижу, — проклятый варвар поднял суму и побрякал монетами перед самым носом Глаха. — Кстати, а это что такое? — он выудил из сумки стальной стержень изрядной толщины со слегка изогнутыми концами; один из них был заострен, а другой раскован, словно лезвие долота.

— Коготь Нергала... я и забыл про него, — пояснил Глах, косясь на воровской инструмент.

— Зачем он?

— Ну, замки сворачивать или там дверь отжать... Полезная штучка!

— Откуда взял?

— Есть у нас в Шандарате мастер, делает... Из самой Заморы к нему приезжают!

— А ты для чего эту штуку таскаешь? — продолжал допрос варвар. — Вроде бы у тебя другое ремесло, а? Тебе дураки сами деньги отдают.

На лице Глаха появилась странная гримаса.

— Это ты прав, ремесло у меня другое... Однако, все случается! Проиграет, скажем, заезжий гость изрядную сумму под честное слово, а потом и говорит: потерял, мол, ключик от своего сундучка с деньгами... Тут мы ему и поможем!

— Ну, ладно, — варвар встал, возвышаясь над Глахом, словно каменная баляя. — Кое-что полезное ты мне поведал и, клянусь Кромом, я должен с тобой расплатиться. Вот, держи! И больше мне не попадайся!

На колени Глаху упала серебряная монета, и через мгновение дикарь растворился в темноте. Рыжий со злостью отшвырнул ее в сторону, потом, скрипнув зубами, поднялся; челюсть болела невероятно.

— Давай, давай, — мстительно прошептал он, держась обеими руками за древесный ствол. — Давай, грабь! И Хеолота, и почтенного Неджеса! Не там, так тут сломишь шею, проклятое отродье Нергала!

С трудом переставляя ноги, Глах зашагал по пустырю.

Самодельный крюк прочно зацепился за край стены. Дернув веревку еще раз, Конан начал подниматься, упиравшись носками сапог в неровности каменной кладки. Стена была довольно высокой, в две длины копья, но для человека, выросшего среди гор и скал Киммерии, это препятствие не составляло проблемы. Сущий пустяк, откровенно говоря; при необходимости Конан преодолел бы эту преграду и без всяких приспособлений.

Забравшись наверх, он проскользнул в проем между зубцов парапета, сжался, словно огромная кошка, и спрыгнул во двор. Ноги его спружинили, ударившись о твердую землю; он замер на миг, прислушиваясь и втягивая воздух ноздрями. На зрение полагаться не приходилось, ибо вокруг царила крошечная тьма — в эту ночь тучи затянули небо, и слабый свет нарождавшейся луны не мог пробиться через их плотную завесу.

Присев на корточки, Конан ощупал почву у самых своих ступней. Она была плотной, утоптанной и немного колкой — видимо, вдоль стены шла мощенная гравием дорожка. Рука юноши двинулась дальше, пальцы коснулись мягкой травы и каких-то прутьев. Кустарник, догадался он, и встал во весь рост, уже не опасаясь, что его заметят из дома. Смуглые контуры массивного одноэтажного строения, в котором размещалась меняльная лавка Хеолота Дастры, маячили где-то впереди, почти сливаясь с темным покровом туч, нависавших над горизонтом.

Протянув руку вверх, Конан нащупал перекрестье меча, и прикосновение к прохладной бронзе вселило в него уверенность. На этот раз он закрепил клинок на спине — чтобы не болтался в ногах; рифленая рукоять торчала у правого плеча. Над левым, иногда ударяясь о щеку, болталась небольшая плетенка из бечевы, привязанная к ремешку, который охватывал виски киммерийца. В ней сидел Шеймис собственной персоной, занимая стратегическую позицию у самого уха хозяина — в противном случае тот мог не слышать его советов. Кроме меча, веревки с крюком и крохотного демона, Конан прихватил с собой только котомку с припасами, прочный мешок да коготь Нергала — воровскую «лапу», отнятую у рыжего Глаха три или четыре дня назад.

Юный киммериец провел это время, слоняясь по окрестностям Шандарата, по шумным городским базарам,

улицам и площадям; вечерами, после сытного ужина, он сидел в своей каморке, обдумывая план предстоящей операции. После долгих совещаний с Шеймисом, Конан решил, что браться с ходу за почтенного Неджеса слишком рискованно. Первый советник владыки, фактически — второе лицо в стране! Пошарив в его ларцах, надо быстро уносить ноги — тут рыжий Глах был прав, совершенно прав. Для первого случая Конану хотелось выступить поскромнее, подвергнув инспекции сундуки менялы Хеолота. В конце концов, его воровская карьера совсем не обязательно должна начинаться с человека властительного, с нобилия и вельможи; монеты ростовщика ничем не хуже золота важного сановника.

Тем не менее Конан потратил половину дня, чтобы прогуляться по южной дороге, разыскать и осмотреть обитель почтенного Неджеса, а также наметить пути неизбежной ретирады. В Шандарате имелись трое врат, от коих шли три главные дороги — Гирканская, Туранская и Бритунская, пересеченные Окружным трактом, что охватывал полукольцом городскую стену. По северной, Гирканской, он прибыл в город вместе с Фаралом, и этот почти безлюдный путь, используемый, в основном, для переброски войск к границе, его не интересовал. Южная дорога, Туранская, была куда более перспективной — оживленная торговая артерия, что тянулась через степи и полупустыни вдоль побережья Вилайета до самого Султанапура, крупного имперского порта. Обобрав Неджеса и прихватив на его конюшне доброго жеребца, Конан мог за ночь изрядно оторваться от преследователей, свернув либо на юг, к Замоге и городу воров Аренджуну, либо на запад, в сторону родной Киммерии. Этой второй возможностью не стоило пренебрегать, ибо западный тракт, Бритунский, вел к перевалам через Кезанкийские горы и проходил вначале по пустынным местам, а затем по довольно лесистым предгорьям, предлагавшим массу возможностей запутать след и уйти от погони. Однако, избрав этот путь, Конан был бы вынужден отправиться домой или пробираться в Аренджун сквозь глухие чащи, по холмам и горам.

Пока что он не пришел к определенному решению, а лишь осмотрел издали невысокую ограду поместья Неджеса, столетние дубы, возвышавшиеся над ней, и дворцовую террасу, видневшуюся меж толстенных темных стволов. Никаких препятствий для неожиданного ночного

визита он не обнаружил. Перемахнуть через решетку, затаиться среди деревьев, подождать, приглядеться и равнать к окнам, выходящим на галерею, — например, к угловому, которое сейчас было полуоткрыто... Конан не сомневался, что его воровской инструмент легко совладеет с любой защелкой или засовом — если там были засовы. К тому же, он мог рассчитывать на помощь Шеймиса.

Дело казалось несложным. Правда, прогуливаясь по обочине дороги, киммериец расслышал вой целой своры псов, зубастых шандаратских мастафов, способных перегрызть горло самому крупному волку за время пяти вдохов. Но их разводили не для охоты на волков, медведей или других хищников; эти собаки натаскивались на человека и несли сторожевую службу. Использовали мастафов и в войске — для уничтожения мелких отрядов гирканцев. Длинноногие и неутомимые псы могли загнать любую лошадь.

Конан, тем не менее, их не опасался, рассчитывая, что мастафами займется Шеймис. Оглядев усадьбу почтенного Неджеса, он повернул к городским воротам, усиленно размышляя о том, где же находится комната с заветными ларцами — та самая, о которой рассказывал рыжий Глах. Вероятно, наверху, решил он, где-нибудь рядом с хозяйской спальней... И в ночь, когда туда будет нанесен визит, хозяину, почтенному Неджесу, лучше бы спать покрепче... иначе, вместе с самоцветами, он может лишиться и головы...

Однако все эти раздумья были делом вчерашним; сегодняшней же ночью Конан стоял у стены, окружавшей задний двор меняльного заведения Хеолота Дастры. Проникнуть в его лавку с улицы было сложнее, ибо у двери в темное время горели масляные лампы, да и сама эта дверь выглядела чрезвычайно внушительно — тяжелая, собранная из дубовых досок, скрепленных железными полосами. Впрочем, дверь со двора могла оказаться столь же непроницаемой, но киммериец рассчитывал, что она распахнется перед ним сама собой.

Он повернул голову влево и, едва шевеля губами, спросил:

— Видишь что-нибудь, Шеймис?

— Видеть — не то слово, мой господин, — раздался тонкий голосок демона. — Я ощущаю... да, ощущаю — с помощью чувств, которые вы, люди, не можете и представить. Они, эти чувства...

— Перестань болтать и принимайся за дело, — прервал его Конан. — Сколько их там?

Сумеречный дух уцепился крохотными ручками за свою сетку и расправил крылышки. Сетка закачалась, жесткий конец крыла царапнул щеку Конана, и он поморщился.

— Во дворе никого, — доложил Шеймис. — В доме... в доме человек восемь... или десять... или двенадцать... — произнес он нерешительно.

— Восемь или двенадцать? Большая разница, приятель! Попробуй-ка определить поточнее.

— Хмм... м-да... — Крылья демона затрепетали; запах пота, ударивший в нос Конану, свидетельствовал, что Шеймис старается изо всех сил.

— Может, проще слетать, взглянуть? — язвительно предложил киммериец.

— Ах, хозяин!.. — В тонком голоске слышалась укоризна. — Я уж забыл, когда в последний раз поднимался в воздух... во всяком случае, это было задолго до того, как недруги засадили меня в горшок. Увы! Я слишком стар и слаб, чтобы...

— Ладно, прекрати ныть! Что ты ви... — Конан запнулся, — я хочу сказать — ощущаешь?

— Большая комната, — загробным тоном произнес демон, — в ней — люди. С оружием! Шестеро или семеро... может, и больше... Слева и справа от нее — коридоры, проходы, комнаты поменьше... Там тоже люди... немного... четверо или пятеро... Все спят.

— Вот это дело, — киммериец ухмыльнулся в темноте. — Выходит, ты можешь работать, когда надо! — он медленно и бесшумно двинулся по дорожке, шепча под нос: — Большая комната — это лавка, и в ней немедийцы-охранники, про которых толковал рыжий пройдоха... только их куда больше, чем он говорил... Ну да ладно! Со всеми кучей и разделаемся... А кто же остальные? Те, что спят? Меняла и его челядь, так?

— Скорее всего, хозяин, — прошелестел у самого уха голосок Шеймиса. — Один храпит слева от бодрствующих, в комнате побогаче, остальные ночуют справа... там я, вроде бы, различаю кухню... Еще есть подвал.

— Подвал? — переспросил Конан заинтересованно. — И что в нем?

— Трудно определить, хозяин... Но в него мы залезть не успеем. Слишком мало времени.

Кусты кончились, и Конан свернул к дому, ориентируясь на едва заметный свет, мелькавший в узких окнах. Двигался он по-прежнему бесшумно, с величайшей осторожностью занося ногу вперед и опуская ее на землю, словно хрустальную чашу. В такой темноте он мог наткнуться на камень или кучу мусора, упасть и наделать шума, что означало бы конец всех планов. Он должен был соблюдать полную тишину — если не хотел сцепиться с немедийцами и городской стражей, которая непременно явится на грохот драки.

Шагая на цыпочках сквозь чернильный мрак, Конан размышлял о собственном везении. Какая удача, что у этого менялы нет псов! Или Шеймис сумел бы справиться и с ними, и с людьми? Кто знает! Когда имеешь дело с этим недоноском, нельзя быть уверенным ни в чем...

Собаки, продолжал думать киммериец. Почему же Хеолот не держит псов? Больше доверяет своим немедийцам? Странно... А вот почтенный Неджес предпочитает собак, клыкастых мастафов... Смешные люди! Ни псам, ни охранникам нельзя верить свои богатства, свою безопасность и свою жизнь! Человек должен полагаться лишь на себя самого, на свой меч и кулак! Этому учил Конана отец, и это же говорили ему старейшины племени, воины, прошедшие от киммерийских гор до ледяной тундры Ванахейма и жарких пустынь юга. Только меч и собственный кулак! Ростовщик Хеолот и вельможа Неджес забыли об этом — или никогда не задумывались о сей простой истине — и теперь поплатятся за свою доверчивость! Один раньше, другой позже...

Приблизившись к дому, Конан слился с каменной стеной. Она была теплой, нагретой за день солнцем и еще не успевшей остыть; она казалась такой прочной и надежной, но тот, кто обладал силой, хитростью и упорством, мог проникнуть к сокровищам, находившимся под ее зыбкой защитой.

Киммериец подобрался к окну — узкому, похожему на бойницу; пролезть в него смогла бы разве кошка, да и то не слишком раскормленная. Окно находилось слева от двери, такой же капитальной, как и та, что вела на улицу; в слабом свете, падавшем сквозь оконную щель, он ухитрился разглядеть дубовые доски, часто перехваченные железными накладками. Справа от двери находилась еще одна бойница и, если не считать этих двух отверстий, стена строения, выходившая во двор, казалась совершенно

глухой. Может быть, в ней имелись и другие окна, сейчас плотно закрытые ставнями, но Конан не мог обнаружить их в темноте.

Он осторожно заглянул в бойницу. Там была комната, довольно большая и квадратная, перегороденная посередине прочной железной решеткой, которая шла от пола до потолка. Дверца, вделанная в решетку и сейчас распахнутая настежь, длинный узкий стол рядом с ней и второй, побольше, у стены... Пожалуй, кроме этого там ничего и не было. За большим столом на лавках расположились восемь дюжих мужчин в кольчугах и шлемах, с кинжалами у поясов; их мечи и топоры стояли прислоненные к стене. На полу лежали три арбалета.

Где же сундуки? Неужели меняла прятал их на ночь в подвале? Конан скосил глаза в одну сторону, потом — в другую. Позиция у него была не слишком удобной: он мог отчетливо рассмотреть стол по ту сторону решетки, за которым расположились охранники, столик поменьше и поближе к нему (за ним, вероятно, сидел ростовщик, совершая свои финансовые сделки), противоположную стену с наружной дверью, заложеной засовом, и две стены слева и справа — в них тоже имелись двери, что вели, очевидно, в жилые комнаты. Если в лавке и находились сундуки со звонкой монетой, то было совершенно ясно, что стояли они как раз у той каменной преграды, к коей прижимался сейчас киммериец.

Он оторвался от окна и недовольно пробормотал:

— Ничего не видно, клянусь Кромом! Проклятье! Есть там золото или нет?

— Не беспокойся, хозяин, — пропищал у самого уха тонкий голосок. — Есть, я чувю! Но не слишком много. По левую сторону от двери пять больших ларцов, но все с серебром, а по правую... — Шеймис примолк, словно бы вслушиваясь, — да, по правую — только один сундук, с золотом. Небольшой, как мне кажется.

— Какого размера?

— Трудно сказать... Ну, примерно две пяди в высоту.

— Этого хватит, — буркнул Конан. — Давай, Шеймис, приступай к делу. Спусти штаны с этих немедийцев.

— Для это мне надо видеть их, — прошелестел демон. — Видеть глазами, а не только ощущать. Поднеси-ка меня к окну, хозяин.

Киммериец снова приник к узкой щели, чувствуя, как Шеймис трепыхается на его плече, царапая кожу кро-

хотными коготками. Что-то защекотало щеку — видно, демон сводил и разводил свои крылья, творя магические пассы.

Но пока стражи пребывали в добром здравии и отличном расположении духа. Крепкие мужчины, все — от тридцати до сорока, и, видать, опытные бойцы. Конан определил это по нарочитой небрежности движений, по внушительным бицепсам, вздувавшимся при каждом жесте, по той привычной готовности, что читалась в их глазах. Они словно не замечали тяжести кольчуг и шлемов — привычка, выработанная долгими годами солдатской службы; вероятно, эти бойцы сносили немало сапог под немедийскими знаменами. Конан, чуть заметно покачив головой, признал про себя, что стычка с такими головорезами могла бы закончиться для него крупными неприятностями. А ведь у них еще и арбалеты! Этот рыжий ублюдок, незадачливый игрок, знал, куда его послать! Он дал себе слово, что непременно рассчитается с Глахом.

Двое из немедийцев дремали, не снимая шлемов и опустив головы на скрещенные руки; остальные метали кости, изредка прикладываясь к большому кувшину, стоявшему на полу. В нем, конечно, было пиво; вряд ли Хеолот снабжал своих охранников дорогим вином, да еще во время дежурства.

— Ну, что там у тебя? — чуть слышно шепнул Конан, повернувшись лицом к демону.

— Погоди, хозяин, не торопись, — пробормотал тот. — Работенка-то непростая... все же их восемь, а не один, как там, на берегу... Сейчас я...

Внезапно киммериец ощутил резкое зловоние, и тут же люди за столом беспокойно зашевелились. Двое дремавших тоже подняли головы.

— Ага! Проняло! — пискнул демон, продолжая свои пассы.

Охранники тем временем переглядывались, ерзали на лавках и скрипели кольчугами. Один встал; другой, с недоуменным выражением на лице, начал потирать живот.

— Пиво, что ли, сегодня несвежее... — пробормотал он.

— Или свинина, что подали вечером, — добавил стоявший. — Кормят всяким дерьмом...

— Клянусь светом Митры, наш хозяин — изрядный скупердяй, — произнес детина в шлеме с серебряными насечками — видно, старший среди охранников. — До-

говаривались, что жратва будет самой наилучшей, а выходит...

— Выходит, с нее аж брюхо пучит! — воскликнул еще один из доблестных воинов, торопливо поднимаясь и расстегивая ремень.

Конан почувствовал, как Шеймис затанцевал у него на плече.

— Проняло! Проняло! Проняло! То ли еще будет!

— Сколько у меня времени? — спросил киммериец, наблюдая, как охранники торопливо вскакивают, отодвигая лавки.

— Ну, добраться до сундука ты успеешь и вскрыть его тоже. А потом выскакивай на улицу и уноси ноги, — посоветовал сумеречный дух. — Могу обещать, что в эту ночь наши друзья испытают некую слабость в членах... словом, им будет не до погони.

— Годится, — произнес Конан, прижимаясь к стене у самой двери. Теперь он не видел стражей, но, судя по топоту и сдержанным проклятьям, их и в самом деле проняло. Однако шума они производили немного, и киммериец полагал, что Дастра и его слуги не проснутся.

Дверь распахнулась, больно задев его по плечу; немедийцы вывалились во двор и поспешно затрусили в самый дальний угол. Один из них нес масляную лампу, прочие дрожащими руками придерживали штаны; видно, им было совсем невтерпех.

Итак, фокус удался! Та же самая штука, которую Шеймис сотворил с вожакom пиратов! Конан довольно ухмыльнулся, провожая взглядом удалявшийся огонек. Пусть сумеречный дух не мог испелить его врагов на месте, однако кой на что он все же был способен! Уже не в первый раз киммериец подумал о том, что демоническая природа Шеймиса все-таки дает себя знать: мелкие пакости выходили у него совсем неплохо.

Подождав, пока кусты скроют огонек светильника, Конан вытащил коготь Нергала и на цыпочках проскользнул в комнату.

Глава 5. Пленник

Прижавшись к шершавому древесному стволу, посланец закрыл глаза и сосредоточился. Он знал, что никто не сумеет разглядеть его тут, у могучего дуба на обочине дороги; в темноте серый плащ сливался

с корой, и аура Силы, защитный полог, прикрывавший застывшую у огромного дерева фигуру, делала ее невидимой для любых глаз — людских ли, звериных. От дуба тянуло приятным теплом; его раскидистая крона впитывала астральную энергию, струившийся с небес дар благого бога, которым зеленый исполин щедро делился с человеком. Сильное и доброе дерево не отказывало в помощи никому, но лишь немногие знали, как эту помощь взять и каким образом использовать.

Какая удача, что здесь росли дубы! Это вселяло в посланца уверенность, словно за ним надвигалась целая рать бойцов, готовых обнажить клинки по первому слову команды. Впрочем, он полагал, что и сам бы справился с колдуном — другое дело, удалось ли бы ему выйти живым из этого единоборства.

Последние дни чародей казался беспокойным. При первом контакте посланец ощутил исходящую от него злобную мощь, уверенность в своих силах, мрачное торжество; теперь же маг будто бы получил предостережение. От кого? Кому сие ведомо... Странствующие по миру Ученики имели свои секреты, и свои тайны были у колдунов Черного Круга... Во всяком случае, посланец знал, что враг догадывается о его присутствии. И хотя Неджес не мог выследить Ученика и напасть первым, злой колдун чувствовал, что некто намеревается положить конец его делам и самой его жизни.

Это осложняло задачу. При неожиданном ударе имелось несравнимо больше шансов на успех, и схватка была бы короткой; теперь же придется ломать мощную магическую защиту. Если придумать какую-то хитрость... как-то отвлечь колдуна... да, это бы помогло! Но хищник, за которым охотился посланец, все время был настороже и скалил клыки, едва почувствовав касание чуждой силы. Матерый зверь! Из ближних самого Тот-Амона! Тем более почетным казалось уничтожить его, обратить во прах, швырнуть беспомощным и бездыханным к сияющим стопам Митры.

Под сомкнутыми веками прижавшегося к стволу человека неспешной чередой текли картины: бесплодная пустыня, обреченная стеной горного хребта; гигантский округлый конус потухшего вулкана; террасы у его подножья — на одной из них зеленеет сад... Потом перед ним возникло сухое старческое лицо, словно вырезанное

из темного дерева, и он услышал голос: «Рази, Серый! Рази!»

Учитель... Он всем давал новые имена, странные клички — Утес, Арбалет, Клинок, Малыш... его вот прозвал Серым, определив носить одежду того же цвета... Почему? Был ли в том некий тайный смысл? Безусловно — но не в самом прозвище, а в том, что оно заменяло прежнее имя. Вероятно, наставник хотел подчеркнуть, что жизнь любого его Ученика словно делилась на две части — до того, как тот являлся к нему, и после... После, когда Ученик постигал Искусство и давал Клятву.

Сквозь привычное полузабытьё транса посланец вновь услышал резкий голос, похожий на клекот хищной птицы: «Рази, Серый! Рази!» — и едва заметно усмехнулся. Нет, почтенный наставник, разить еще нельзя! Рано! Не ты ли учил: семижды примерься, один раз ударь? И в данном случае примеряться следовало с особым тщанием: противник был силен. Это не кучка полупьяных солдат и не шайка разбойников, решивших пощупать кошелек одинокого путника! С теми разговор короткий — два-три удара мечом и пинок под зад на прощанье...

Он почувствовал, как Сила начинает пульсировать в кончиках пальцев, стремясь вырваться наружу беззвучной ослепительной молнией, пронизать прохладный ночной воздух, разнести каменную стену дома напротив, обрушиться на врага, поразить, сокрушить, сжечь... Нет, сказал он себе, никаких необдуманных атак, никаких ударов; только разведка, осторожная и деликатная. Он даже скрестил руки на груди, чтобы не выбросить их вперед в привычном боевом приеме, превращающем накопленную Силу в разящий клинок, в острое смертоносное копьё... Утихомирив бушующую внутри мощь, он слегка развел локти в стороны, сложив ладони чашечкой перед грудью.

Тонкий, едва ощутимый жгут, в котором мягко переливалась Сила светящегося Митры, коснулся разума колдуна. Конечно, тот не спал; и, конечно, был готов к отражению атаки. Теперь посланец ощущал все жилистое крепкое тело врага, застывшего на ложе; мышцы казались расслабленными, дыхание — спокойным и мерным, но некая часть сознания бодрствовала, несла караул, словно сторожевой пес. Там клубилось нечто темное, неясное, смутное — паутина защитных заклинаний, которую малейший признак опасности мог привести в движение,

превратив вначале в непроницаемый панцирь, а затем — в молниеносный ответный выпад.

Посланец глубоко вздохнул, и, вместе с хлынувшим в легкие воздухом, невидимая и неосязаемая нить Силы втянулась в его ладони, растекалась по телу, разлилась неустойчивым океанским приливом, заставляя стиснуть зубы. Он соединил ладони, вытянул руки вниз и в сторону; мгновенный фиолетовый проблеск разорвал мрак, длинная искра ударила в землю и исчезла. Человек в сером плаще покачнувшись, словно гася отдачу, несколько мгновений стоял неподвижно, потом присел, массируя виски. Резкий выброс Силы всегда отзывался недолгой слабостью и головной болью; впрочем, она быстро проходила.

Когда взошла луна, посланец уже шагал по обочине дороги, направляясь в свое укрытие. Разведка удалась, и он был доволен; если колдун и почуял нечто, то лишь самую неопределенную и смутную угрозу. Пусть! Пусть знает, что находится под неустанным наблюдением, пусть истощает свою мощь в попытках защититься или нанести удар вслепую; пусть скрипит зубами в бессильной злости. Свет Митры поразит его! И этот город на берегу моря, эта страна не будут отданы Сету, Порождению Тьмы!

Клянусь Вечными Звездами, — подумал посланник, — и в мире, и в этой земле и так достаточно горя... без того, что приносит поклонение злобным богам. Люди пускают кровь друг другу по любому поводу... жгут, прелюбодействуют, грабят, убивают... хватают детей, юных дев и мальчишек, обращая их в рабство... Так могло случиться и с этим парнем, киммерийцем, едва не угодившим в гиперборейский плен...

Он принялся вспоминать об их встрече и недолгом пути в город, по пустынной дороге, тянувшейся вдоль взморья. Дикий киммерийский волчонок... Нет, волк-подросток, готовый запустить зубы в горло любому, чтоб доказать свое превосходство... Безусловно, жаждет золота, власти, женщин — всех мирских благ, о которых мечтает любой молокосос, едва научившийся махать мечом... Варвар! Северный варвар, коему юг мнится чашей сладкого вина, что сама просится к губам...

И все же было в этом черноволосом синеглазом мальчишке нечто необычное. Какая-то необузданная и дикая сила, первозданная мощь, заставляющая вспомнить о Первосотворенных гигантах, детях великого Митры, что

сейчас, если верить сказкам, поддерживали земную твердь своими могучими плечами... Да, этот парень был варваром, жестоким и жадным, но лишь всеведущие боги могли предвидеть, что вылепит из него жизнь. Возможно, му, как тем гигантам из легенд, тоже предстояло свергнуть великое, подставив спину под безмерную тяжесть земную... или расколоть, растоптать твердыню зла, железной рукой сдвинуть горло Древнего Змея...

Посланец не мог ответить на эти вопросы, ибо, несмотря на многие свои таланты и умения, даром предвидения не обладал. Ему, однако, казалось, что Учителю было бы любопытно взглянуть на мальчишку; старый наставник, обучавший Великому Искусству Убивать, сумел бы разобраться в том, что для самого посланца оставалось неясным намеком, смутной аурой грядущего, что окружала киммерийского волчонка. Тем более, что аура эта была затуманена некими чуждыми испарениями магического свойства, принадлежавшими отнюдь не юному варвару. Их посланец выделил и опознал без труда при самой первой встрече; и сейчас, шагая по темной и безлюдной Туранской дороге, он вновь подумал: что за нечисть привязалась к пареньку?

Этот вопрос требовал изучения и, вероятно, самых экстраординарных мер. Что ж, вскоре главная миссия будет завершена, и тогда можно будет уделить внимание странному спутнику молодого киммерийца. Разумеется, если они снова увидят друг друга, и если парень за эти дни не влипнет в какие-нибудь неприятности. Город полнился слухами о дерзком ограблении ростовщика Хеолота Дастры, случившемся прошлой ночью, и посланец почти не сомневался, чьих рук это дело.

* * *

Ночной визит в лавку менялы оказался вполне удачным: вскрыв небольшой сундучок с золотом, Конан взял пару сотен монет. Тут были и шандаратские динарии, и полновесные туранские диски размером с ноготь большого пальца, и мелкие, похожие на рыбью чешую иранистанские халлы, и марки, отчеканенные в Аквилонии, Немедии, Офире и десятке иных стран. Вскочив на улицу с добычей, юноша нырнул в ближайший темный переулок и направился к северной городской стене. Он понимал, что возвращаться в гостиницу не стоит; рыжий

Глаз мог не сдержать обета молчания, если жажда мести перевесит страх перед мечом киммерийца.

А посему Конан перелез через стену и зашагал к свалке. Стены Шандарата были довольно высоки, и ему вновь пришлось пустить в ход веревку с крюком; зато теперь он нимало не беспокоился о стражах, торчавших на ближайших башнях. После некоторых усилий со стороны Шеймиса им понадобилось сойти вниз — и так срочно, что колья и щиты были брошены прямо у парпетов.

Свалка, лежавшая меж Гирканской и Бритунской дорогами, являлась идеальным убежищем. На протяжении веков Шандарат, город богатый и приверженный к аккуратности, вывозил сюда весь мусор и отбросы — битую посуду и черепицу, старую одежду, ломаную мебель, негодные доски, протертые до дыр ковры, отслужившие свой срок циновки, корзины, телеги, седла, занавески, горшки, конскую сбрую, пивные бочки, лопнувшие канаты, стружку и древесную кору с верфей. Здесь почти не имелось старых изделий из металла — медь и железо были слишком дороги, чтобы выбрасывать их без толку — зато окрестные кузнецы, стеклодувы и гончары обильно удобряли свалку шлаком. Бурные холмы плотно слежавшейся гари высились по всему ее периметру, и в них откапывали себе убежища те, кто не ужился за городскими стенами.

Да, Шандарат выплескивал на эту огромную помойку не только прогнившее дерево, рваное тряпье и прогоревший шлак, но и человеческие отбросы. До поры до времени этих отверженных никто не трогал; они ютились в пещерах, в норах и хижинах, выстроенных из подручного хлама, побирались у городских ворот, среди окрестных крестьян или промышляли на морском берегу. Но с пришествием в Шандарат почтенного Неджеса порядки изменились: часть обитателей свалки отловили, вывезли на Обглоданный остров, и что там с ними случилось, никто не знал.

Не тронули лишь самых жалких людишек, ветхих стариков и старух, увечных да юродивых — то есть тех, кто не мог ни воровать, ни, тем более, грабить, и не представлял опасности для благочинного Шандарата и его торговых гостей. Среди подобной публики Конан смотрелся бы белой вороной, но он не афишировал свое присутствие в местной клоаке; добравшись до заранее облюбованной норы, киммериец нырнул в нее и загородил вход толстой доской.

В крохотной пещерке нельзя было встать во весь рост. Скорчившись в три погибели, юноша отстегнул меч и снял сапоги; потом, раскрыв котомку с припасами и пожитками, вытащил из нее кошель с Глаховым золотом и пересыпал его в мешок, к награбленному у Хеодата. Он улыбнулся, прислушиваясь, как монеты с тихим звоном здороваются друг с другом, и, положив мешок под голову, вытянулся на полу из плотно утрамбованного шлака. Шеймису было велено бдеть и сторожить; засим Конан закрыл глаза и погрузился в сон.

Утром он перекусил куском вяленого мяса с сухарями, нехитрой снедью, прихваченной из харчевни; следом за пищей отправилось пиво, сотворенное Шеймисом. Юный киммериец выхлебал его из глиняной кружки, стараясь не дышать — напиток был прогорклым, вонючим и больше походил на застоявшуюся морскую воду. Однако он ничем не выдал своего недовольства: в конце концов, сумеречный дух прошлой ночью представил самые весомые доказательства своей полезности, расстроив желудки сразу у восьмерых здоровенных стражей Хеолотовых богатств.

Наевшись, Конан запустил руку в мешок, погрузил пальцы в груды монет, потом стиснул их в кулак, чувствуя, как ребра золотых дисков врезаются в кожу. Такое богатство! Подобного у него не было никогда! Нет, не нищим попрошайкой явится он в Арэнджун! Или, быть может, лучше отправиться домой, к киммерийским кострам? Его добыча велика и достойна настоящего воина!

Последнее казалось ему самым важным. Деньги сами по себе мало что значили для него; он не был алчен и не испытывал преклонения перед этими желтыми сверкающими кругляшами с профилями великих владык, с геральдическими орлами, змеями и драконами. Гораздо больше его занимали блага, которые можно было на них купить: хорошее оружие, добрый конь, пища и вино, женщины... Но даже это не являлось главным, ибо оружие, коня и еду он предпочел бы своровать или отнять — точно так же, как отнял кучу золота, в которой сейчас тонула его рука. Основным же было то, что драгоценная добыча служила весомым доказательством его способностей.

Он м о ж е т!

У него достало хитрости и ума, чтобы придумать план, хватило ловкости и отваги, чтобы довести его до конца!

Конечно, не без помощи Шеймиса — но разве не он, Конан, придумал, как использовать этого демона-неудачника? Этого недоумка, это ничтожество, способное сотворить лишь сухую корку хлеба, прогорклое пиво да саблю, что ломается при первом же настоящем ударе?

Горделивые мысли внезапно вызвали у него чувство неловкости и вины. Не стоит так думать о несчастном демоне, решил он; ведь Шеймис не виноват, что какие-то неведомые враги запихнули его в горшок, заточив на века или тысячелетия. Подумать только, какая уйма времени! За такой срок можно было позабыть собственное имя, а не одни лишь колдовские чары!

Распластавшись на животе, Конан выглянул из своего убежища, убедился, что снаружи все спокойно, и сказал:

— Ну-ка, Шеймис, сотвори мне еще кружечку пивца! Что-то жажда замучила.

Демон, вновь принявший свой нормальный вид, радостно встрепенулся.

— Сейчас, хозяин! Значит, пиво мое пришлось тебе по вкусу?

Конан кивнул головой, надеясь, что на его лице не выразилось явного отвращения. Получив кружку, он отхлебнул пару глотков и произнес:

— Отличное пойло! Наверное, сидя в горшке, ты то и дело прикладывался к пиву да вину, а? Ведь других развлечений там не было?

— Нет, мой господин, — произнес дух сумерек с глубоким вздохом, — развлечений там действительно не имелось... Но мы, демоны, не нуждаемся в вине и пище — во всяком случае, большинство из нас. Так что и в этом удовольствии мне было отказано.

Они помолчали, затем Конан спросил:

— Чем же ты занимался в своей темнице? Ведь ты провел в ней столько лет, что впору рехнуться!

Шеймис огладил тощей лапкой череп, пощупал усы.

— Духи не могут лишиться разума подобно вам, людям; мы просто развоплощаемся, таем, растворяясь в астрале. Что же до того, чем я занимался, хозяин... — Он снова потер лоб, словно бы вспоминая. — Говоря по правде, я спал. Спал, открывая глаза раз в год или в столетие, не знаю... глядел на стеклянные стены, окружающие меня сверху, снизу, со всех сторон, и опять засыпал... Клянусь древними богами Ночи и Дня, больше там нечего было делать!

— И что тебе снилось?

Крысиная мордочка демона приняла мечтательное выражение.

— Ах, мой господин! Иногда я превращался в могучего духа, повелителя стихий, одаренного многими умениями... Я парил в воздухе, поднимаясь все выше и выше, к бесконечному астралу, к подножию трона самого светлого Митры... Случалось мне превращаться в странное существо, безмерно огромное и сильное, подпирающее спиной некую тяжесть — столь же безмерную, как и дарованная ему сила... Но я гордился тем, что не уступаю этой ноше ни на волос! Я был гигантом, на чьих плечах покоится мир... — Шеймис задумался, полуприкрыв глаза. — Но больше всего, мой юный хозяин, я любил другие сны, — внезапно произнес он. — Известно ли тебе, что древнее море, из коего ты выловил меня, на севере упирается в подножия гор?

Конан молча пожал плечами. Киммерийцы не ходили в набег на крайний север моря Вилайт; кому интересны стылые воды, безлюдная тундра и ледяные пустыни? Те, кто хотел охладить жар среди снегов, могли воевать с ванами или гиперборейцами.

— Так вот, — продолжал Шеймис, задумчиво подняв глаза к потолку, — там серые волны плещут на серые камни, горные вершины подпирают серое небо, там моросит серый дождь или падают с неба мокрые снежные хлопья...

— Должно быть, препаришное местечко, — заметил Конан.

— О, нет, мой господин! Я жил в тех краях и не знаю места лучше... Скалы, море и дождь... неяркий свет... прохлада, тишина, покой... лишь волны шуршат у берега... Ах, как я хотел бы вернуться туда!

— Так возвращайся, — великодушно предложил киммериец. — Ты свое отработал, — протянув руку к мешку, он позвонел монетами.

— Увы, хозяин! — на физиономии Шеймиса появилась жалобная гримаса. — Я же объяснял, что не могу покинуть тебя! Ни по своей, ни по твоей воле! Пока смерть нас не разлучит!

— Это чья же смерть? — Конан нахмурился; такие разговоры ему не нравились.

— Твоя, разумеется! Хоть я и стар, но проживу еще немало столетий, тогда как ты, эфемерное человеческое существо, обречен скорой гибели и тлену.

Глаза юноши сузились, и он метнул на духа сумерек подозрительный взгляд.

— А ты не попытаешься приблизить эту гибель и тлен? А, приятель?

— Почему ты так решил, хозяин? — Вид у Шеймиса был самый оскорбленный.

— Ну... Ты ведь тогда освободишься, верно?

— Да будет тебе ведомо, что находящийся в услужении дух обязан всемерно заботиться о своем господине! — торжественно провозгласил Шеймис. — Если же он своими действиями, равно как и советами, ускорит его смерть, то будет проклят и немедленно развоплощен!

— Кем? — поинтересовался Конан, желавший иметь полную определенность в таком важном вопросе.

— Найдутся и стражи недремлющие, и силы великие, — ответил Шеймис, вновь вскидывая глаза вверх. — Митра, великий и мудрый, все видит!

— Митра? Ха! Не ты ли говорил, что сумеречные духи не имеют к нему никакого отношения?

— Не совсем так, хозяин. Митра не позволил нам черпать из источника его Силы, но покарать... да, покарать он может! Любого и каждого!

— Хмм... — Конан уставился на демона; какая-то новая мысль зрела у него в голове. — Значит, Митра не желает делиться с вами своей силой... Ну, хорошо! А кому же тогда он готов ее даровать? Белым магам, что ли?

— Кому ведомы пути Великого и что я могу сказать тебе о них! Тем более, что белых магов я не встречал... Но, полагаю, не только им благоволит Митра. Вспомни-ка о человеке, с которым мы пришли в сей город!

— Об этом Фарале?

— Да. Он никакой не колдун, однако может творить чудеса.

— Верно, — согласился Конан, вспомнив, с какой легкостью аквилонец уложил шестерых дюжих пиратов. А золото, новенькие динарии, извлеченные прямо из воздуха! На миг он подумал о том, не отправиться ли к таинственному наставнику, обучающему столь полезным вещам, но тут его глаза скользнули по мешку с монетами, и Конан отрицательно покачал головой. Нет! Жизнь длинна, и когда-нибудь он найдет Учителя — когда-нибудь,

но не сейчас! Сейчас его дорога лежит в Киммерию! А оттуда — в страну проклятых гиперборейцев! Или в Арэнджун? Он не мог сказать этого с полной определенностью.

Но до окончательного решения надо было наведаться к почтенному Неджесу, пошарить в его ларцах. Конан не собирался торчать на шандаратской свалке до скончания веков и счел, что может нанести визит первому советнику нынешней же ночью. Выглянув из своей норы, он обнаружил, что за разговорами полдень уже незаметно миновал, но до вечера еще далеко. Самое время вздремнуть перед ночным делом! Пошарив в торбе, юноша вытащил кусок мяса, сжевал его и, поморщившись, запил пивом; потом вытянулся на жестком, неровном полу и уснул.

Когда в небе загорелись первые звезды, Шеймис растолкал хозяина. Они выбрались наружу: высокий плечистый человек с мечом и туго набитой котомкой за плечами, и крошечный демон, уютившийся на его плече. Свалка выглядела темной пустыней; все ее жалкие обитатели попрятались, расплзлись по своим берлогам, хижинам и шалашам, ибо гулять в ночном полумраке тут было небезопасно — в зависимости от удачи, смельчак мог переломать руки, ноги или шею. Конан, однако, не собирался углубляться в опасный лабиринт из разбитых возов, гнилых досок, груд тряпья и мусора; он тенью проскользнул вдоль шлаковых холмов, спустился вниз, к чахлому леску, и вскоре уже пересекал западный тракт, ведущий в Бритунию.

В отличие от Туранской дороги, он не был обсажен деревьями, и юноша постарался быстрее миновать это пустынное место, забирая к юго-востоку. Вскоре начался лес, затем повеяло свежими морскими запахами, и он понял, что не сбился с пути: где-то неподалеку лежал прибрежный район, застроенный дворцами и виллами шандаратских богатеев. Конан ускорил шаг, вглядываясь в смутные очертания деревьев; эта ночь выдалась ясной и, хотя бледный серп месяца давал совсем немного света, киммериец видел, куда поставить ногу.

Он вышел точно к усадьбе почтенного Неджеса, и тут крохотный демон, сидевший на его плече, забеспокоился.

— Хозяин, а, хозяин! — пискнул он, ухватив Конана за ухо. — Что-то там неладное, хозяин! В этом доме, который мы собрались навестить!

— Неладное? — киммериец с досадой поморщился. — Что может не ладиться у первого советника шаха? По

слухам, он немолод... возможно, не сумел совладать с новой наложницей?

— Какие наложницы? Он спит один, я это ясно ощущаю! Но вроде бы и не спит... не могу понять...

— А что делают его люди?

— С ними все в порядке. Почти все давно храпят, хозяин... кроме двоих... они сторожат вместе с собаками.

— Можешь сделать так, чтобы они уснули крепче?

— Попробую... Но...

— Давай! Делай то, что я тебе говорю! — Конан устал был на темную шеренгу дубов по другую сторону дороги и торчавшую над ними кровлю дворца с башенками по углам; она едва заметно поблескивала в слабом лунном свете. — Чего ты боишься, Шеймис? Там, — он вытянул руку, — лишь куча болванов, что дрыхнут без задних ног, пара сторожей, пять псов да беспомощный старик...

— Не такой уж он беспомощный, — проворчал демон. — Никак не могу понять... — он смолк, трепеща крохотными крылышками.

— Беспомощный или нет — не важно! — Киммерийцу начал надоедать этот спор. — Возьми на себя псов, а я прихлопну сторожей!

— Мне по силам справиться и с собаками, и с людьми, — заверил его демон. — Вот только этот Неджес... он меня тревожит...

— Ха, тревожит! Коли проснется, ему же хуже!

Но Шеймис никак не мог совладать со своим беспокойством.

— Знаешь что, хозяин, — произнес он наконец, — раз уж ты решился на это дело, так хотя бы выпусти меня из сетки. Если нас постигнет неудача, я сумею скрыться и обдумать, чем тебе помочь.

— Хм... А как ты удержишься, когда я полезу через изгородь? — заметил Конан, распуская завязки. Демон завозился у него на плече, сбросил с себя с кургузых крыльев и, расправив их, взмахнул несколько раз.

— Удержусь, мой господин. Если ты позволишь, я буду цепляться за твои волосы.

— Давай, — Конан взглядом смерил невысокую решетку. Собственно, он мог войти и через ворота — было непохоже, что их кто-то охраняет. — Как там дела с собаками? — спросил он.

— Лютые звери! Ох, лютые! — Шеймис снова замахал крыльями и принялся за работу, бормоча неразборчивые

заклинания. Вскоре чуткое ухо киммерийца уловило мягкий топот и учащенное дыхание псов; потом донесся сдавленный рык, и все смолкло, будто бы свирепые мастафы враз лишились голоса.

Напрягая глаза, Конан всматривался в темнеющие за дорогой стволы деревьев. Меж ними не было заметно никакого движения.

— Что ты с ними сделал? — спросил он. — И где сторожа?

— Увидишь, если доберешься до забора, — мрачно отвечал сумеречный дух.

— Это дело недолгое, приятель!

Смутная тень скользнула через дорогу, стремительная и бесшумная, как черная пантера вендийских джунглей.

* * *

Три последних дня Неджес старался занять себя делом; это помогало не задумываться о зловещем предсказании Багрового Плата. Он не ведал, всегда ли они были истинны, ибо Тот-Амон, вручая ему сей амулет, не распространялся о прежних его применениях и сущности демона, одушевлявшего красную ткань; лишь сказал, что Плат поможет его верному аколиту выследить тайных врагов. Это было немаловажным преимуществом — тот, кто предвидит намерения затаившегося противника, с гораздо большей уверенностью сумеет взять и удержать власть.

Оснащение военной экспедиции на Жемчужный Архипелаг шло своим чередом. Кампания обещала быть хотя и нелегкой, но весьма прибыльной, и стигиец знал, что его авторитет у шандаратских полководцев растет день ото дня. Всем им было известно, что именно он добился согласия властителя на этот поход, в котором кровь, пролитая воинами, могла вернуться звонкой монетой. Богатое княжество — не орда диких гирканцев, с которых нечего взять! И воеводам, и солдатам достанется хорошая добыча, а это значило, что после внезапной кончины блистательного Ашарата они преисполнятся симпатий к его первому советнику. И поддержат мудрейшего, когда он пожелает занять трон! Неджес не сомневался, что так все и произойдет, если... если Багровый Плат решил всего лишь поугубить его.

Однако главный результат морского похода заключался не в популярности, которую он надеялся завоевать среди

военных, а в захвате важного плацдарма. Жемчужные острова лежали посреди узкой и вытянутой к северу части моря Вилайет и, кроме сокровищ, давших им название, отличались и другими достоинствами. Там было довольно много плодородной земли и несколько удобных бухт, которые не составляло труда защитить от набегов с моря; там имелось трудолюбивое население, мирные земледельцы и ремесленники, не стремящиеся к бунтам; на склонах гор там росли леса, а в горных недрах добывали некую толику железа, меди и олова. Одним словом, Архипелаг являлся важнейшей базой, с которой можно было шагнуть на восточный берег моря, в гирканские степи, распространяя учение Великого Сета среди диких номадов. А степи те открывали пути к далеким и сказочным странам, Дамасту, Меру, Кусану, Кхитаю, Камбуге, что полнились несметными богатствами и поклонялись своим богам... Страшное заблуждение! Смертный грех! Ибо истинный бог был один — темный Сет, Змей Вечной Ночи!

Неджес знал, что удостоится великой славы и почестей, если Черный Круг завладеет душами гирканцев. Фактически это означало власть над миром, ибо племена кочевников, бесчисленные и жадные, можно было бросить и на запад, и на восток, и на юг, сокрушая древние государства, равно как могущественные хайборийские империи и королевства недавних варваров, чтивших Митру, Аримана или Инштар, а также и те народы, что пребывали по-прежнему в варварстве, поклоняясь Имиру, Ледяному Гиганту, великому Иггу или Крому, Владыке Могильных Курганов. Иногда, в сладостных мечтах, стигиец видел, как грозная и неисчислимая конная орда докатывается до самого берега Западного океана, подминая под копыта коней землю ненавистных пиктов, уничтожая их гнусные капища и мерзких магов, дерзнувших бросить вызов Черному Кругу! Эти друиды слишком возомнили о себе... но ничего, пасть Сета уже разверзлась над ними!

Да, размышлял Неджес, великий почет ожидает того, кому удастся сокрушить пиктов и привести к покорности северных варваров. Пожалуй, для такого чародея и мудреца нет ничего недостижимого... он может претендовать на достойное место среди магов Черного Круга... на самое достойное и самое важное! Разумеется, после смерти владыки Тот-Амона. Говорили, что он бессмертен, но Неджес не верил досужим выдумкам; несмотря на все свое искусство, чародеи тоже подвластны бегу времен. Так что и

Тот-Амону отпущен лишь определенный срок... а если он окажется слишком длинным, то кто мешает поторопить кончину владыки?

Предаваясь таким мечтаниям, стигиец не забывал и о делах. Он встретился с купцами и владельцами судов и, пустив в ход лесть, уговоры, угрозы, а также свой гипнотический дар, добился того, что поданое владыке прошение было изъято — конечно, за солидную долю в будущих прибылях. Эти грядущие расчеты не слишком беспокоили Неджеса; толкуя с купцами, он уже прикидывал, головы каких крикунов украсят колья у городских ворот. К старости повелитель Ашарат стал слишком мягок, и городские богатеи совсем обнаглели! Ничего, они еще узнают, что такое твердая власть! Рассматривая физиономии своих предполагаемых жертв, Неджес дипломатично улыбался и приводил все новые и новые доводы в пользу захвата Жемчужных островов.

Предводители войск докладывали ему, что флот, считая с реквизированными торговыми судами, уже способен перебросить к Архипелагу десять тысяч солдат и пятьсот лошадей. Этого было достаточно, и Неджес лишь проследил, чтобы не меньше половины воинства составляли наемники. Он доверял им в большей мере, чем уроженцам Шандарата, которые не отличались особой воинственностью; туранцы же, бритунцы и немедийцы, составлявшие ядро армии, были воинами опытными, безжалостными и падкими на добычу.

Владыка Ашарат лично провел смотр наемных отрядов и остался весьма доволен. Теперь, как подметил Неджес, повелителю не терпелось дотянуться до Жемчужных островов и получить свою магическую драгоценность, продляющую жизнь. Не бывало дня, чтобы он не заговаривал об этом с Неджесом, и тот, с самым серьезным выражением на лице, распространялся насчет свойств волшебного элексира, который всенепременно будет изготовлен и преподнесен милостивому господину. О, люди, люди! — скрывая язвительную усмешку, думал маг. Сколь трудно навязать им свою волю, пользуясь доводами рассудка или даже тайным колдовским искусством, и сколь легко подчинить их, подвесив перед носом пустую побрякушку лжи!

За ежедневными хлопотами не забывалось и главное — подготовка к грядущему сражению, к его л и ч н о й битве. Той, которая разгорится в одну из ближайших ночей; Неджес был уверен, что нападение произойдет в

ночной темноте, в тишине и молчании. Кем бы ни оказался неведомый враг, он постарается взять неожиданностью, внезапным ударом, стремительной атакой... Тщетные надежды! Он сам попадет в расставленный капкан!

Ночами, расслабленно застыв на своем ложе, стигиец притворялся спящим. У магов иное зрение, чем у непосвященных; но и маг, и обычный человек были бы обмануты его ровным спокойным дыханием и отсутствием зримой или ощущаемой защитной ауры. Ему хватало недолгих мгновений сна, быстрого погружения в полное забытие, в нирвану, восстанавливающую силы — этим искусством он владел в совершенстве; все остальное время он лежал, словно затаившаяся ядовитая змея, что подманивает добычу своей неподвижностью.

Где-то в глубине, в темном закоулке разума, надежно прикрытом сонными видениями и ложными образами, мерцала паутина заклинаний, запутанный лабиринт, чьи стены слагали не камни и бревна, но жесты и слова. Он мог обрушить их стремительной лавиной, швырнуть, подобно граду стрел, излучить в пространство потоком смертоносных молний, обратить огнем, струей яда или раскаленной сталью... Он мог испепелить врага, рассечь на части, исторгнуть из него бессмертную душу, изуродовать тело, перелив плоть в иную форму, низменную, ужасающую... Он мог призвать на помощь сонм демонов, вампиров, жутких призраков, гнездящихся в чешуе Сета и покорных его жрецу... Он мог еще многое, кроме одного — обнаружить противника, подстерегающего в ночном мраке.

Иногда Неджесу казалось, что он словно бы ощущает чье-то легкое прикосновение, некий намек на присутствие чего-то чужеродного, внимательно приглядывающегося к нему; однако это чувство не порождало зримого образа врага. Теперь он был уверен, что на него охотится не маг, не ревнивый соперник-чародей из Черного Круга, не колдун Красного Кольца или Белой Руки, не пиктский друид, не зомби, не вампир и не голем, одушевленный волшебным искусством какого-нибудь алхимика или мудреца. Нет! Мага — даже очень умелого — он бы почуял; этого же охотника прикрывали не защитные заклятья, не чародейство невидимости и неощутимости, а нечто иное. Какая-то сила почти божественного происхождения!

Если вдуматься, это внушало ужас. Ужас и безысходность, если вспомнить о предсказании Багрового Плата!

Неджес, однако, предпочитал не вдаваться в размышления на сей счет, способные ослабить его решимость накануне битвы. В конце концов, столь надежная защита его противника еще не означала, что он способен нанести мощный удар! Боги дали черепахе панцирь, но змеиное жало и в нем найдет щель...

В бессонные свои ночи Неджес, тем не менее, кое-что обнаружил. Шука не давалась ему, но он выловил пескаря! Тот, ничтожный, бессильная тварь, которую притащил в город воришка с севера, злоумышлял против него! Вернее, поддерживал умысел бродяги, какого-то разбойника с пустынных северных плоскогорий, обманом пробравшегося в Шандарат. Стигиец не мог уловить, что связывало эту пару и почему демон находился в услужении у грабителя; возможно, все было иначе, и древний дух овладел разумом и плотью незадачливого варвара, подчинив его своей воле. Что ж, тем хуже для него! Неджес решил, что уничтожит эту плоть самым жутким способом, отдав на растерзание зверям; тогда демон испытает все муки, выпавшие на долю его компаньона.

Но до срока воришка-варвар и жалкий дух, прибывший к нему, пребывали в безопасности. Ни один чародей не мог уничтожить человека, которого не видел ни разу в жизни; к тому же, для такого действия требовались кое-какие мелочи вроде обрезков ногтей, пряди волос, туники, сандалий либо пояса — словом, любая мелочь, долгое время находившая в контакте с телом и насыщенная эманациями того, кому, по воле мага, предстояло отправиться в пасть Сета. Неджесу не удалось бы даже найти варвара в многолюдном городе; не мог он и проникнуть в его намерения.

Но это было не столь важно. Стигиец улавливал некие, вполне определенные эмоции, направленные на собственную персону; варвар думал о нем, о его доме, о богатствах, что якобы хранились здесь, испытывая вожделение и алчность. Значит, рано или поздно, он появится — появится вместе со своей тварью; древней, словно пирамиды Кеми!

Вечером шестого дня ощущение близости начало усиливаться: либо мысли вора упорно возвращались к задуманному делу, либо он сам блуждал где-то неподалеку от дворца. Вероятно, и то, и другое, подумалось Неджесу, когда он сидел за ужином, неторопливо смакуя паштет из гусяной печени и красное туранское вино. Покончив

с едой, стигиец велел дворне спустить собак и укладываться на покой. В караул он назначил только двоих — хотя обычно по ночам поместье охраняли четверо.

Устроившись на ложе, он замер во мраке и тишине, отслеживая путь приближавшихся злоумышленников. Вначале он ощущал лишь то, что они находятся к северо-западу от дворца, вероятней всего — у перекрестка Окружного и Бритунского трактов или еще далее; затем расплывчатый образ стал определеннее, и Неджес понял, что вор направляется прямо к его дому. Он по-прежнему не мог разглядеть ни лица, ни фигуры этого варвара — только неясное колышющееся облако, скользившее по лесу где-то за южной дорогой.

Глупый дикарь, попавший в Шандарат совсем недавно, решил он. Хотя никто из местных еще не представлял истинных размеров его магической силы, по городу уже ходили слухи, что первый советник, сменивший покойного Морилана Кирима, человек непростой. Не только мудрец, искушенный в дипломатии и тайнах правления! По этой причине любой из шандаратцев скорее выпустил бы себе кишки тупым кинжалом, чем приблизился к дому советника хотя бы на сто шагов. Всякий знал, что от чародеев лучше держаться подальше.

Вероятно, варвар не был посвящен в такие подробности, ибо ломился через лес почти не скрываясь. Да и кто мог увидеть его здесь глухой ночной порой? Разве что тот, чьим добром он надеялся поживиться... Впрочем, «увидеть» тут не совсем подходило, ибо магическое зрение отличалось от обычного, коим одарены все люди, и нищие, и богатые — за исключением несчастных слепцов.

Застыв на своем ложе, Неджес ощущал, как темное облачко, уже сгустившееся и плотное, остановилось напротив решетки, по другую сторону тракта; видимо, злодеи совещались, прикидывая, как лучше проникнуть в усадьбу и справиться с собаками. Вдруг стигиец слышал повизгиванье псов, почти сразу же резко оборвавшееся; затем облачко метнулось к ограде, преодолело ее одним скачком и вновь замерло. Он поднялся и подошел к окну.

На лужайке перед террасой, едва освещенной сиянием нарождавшегося месяца, высилась рослая фигура. Неджес не мог рассмотреть лица варвара, но почему-то решил, что тот молод, очень молод — почти мальчишка. Грива темных волос падала на лоб и плечи, широкие, как у

медведя; ноги были полусогнуты, словно пришелец изговился к прыжку; весь его облик дышал такой первозданной мощью и необузданной силой, что Неджес на миг восхитился. Из парня вышел бы отличный слуга, подумал он, пристально изучая ауру пришельца, но тут же отрицательно покачал головой. Нет, этот разбойник, этот вор не годился в слуги; слишком независим и непокорен! Непокорства в нем, несмотря на юные годы, было куда больше, чем у владыки Аншарата! Такие предпочитают смерть рабству!

Что ж, пусть будет так... Мрачно усмехнувшись, Неджес проследил за взглядом пришельца, направленным куда-то в сторону. Рядом с широкой лестницей, что вела на террасу, сидели кружком пять огромных псов. Глаза их остекленели, языки вывалились из жарких пастей, шерсть на загривках стояла дыбом, по клыкам стекала слюна; несомненно, мастафы были зачарованы одним из тех древних Заклятий Окаменения, к которым так чувствительны животные. Да и люди тоже, подумал стигиец, заметив двух своих стражей, что валялись у ступеней. Правда, справиться с ними оказалось потяжелее; руки и ноги воинов дергались, пальцы скребли по земле, словно они пытались бороться с силой, сковавшей их члены.

Неджес вновь перевел взгляд на варвара, который неторопливо и уверенно двинулся к дому. Каков наглец! — с невольным восхищением подумал он. Нет, сего разбойника никак нельзя было считать личностью мелкой и ничтожной; вполне возможно, боги предназначили ему блистательное будущее, но он не вовремя сбился с дороги. Значит, судьба, решил стигиец, тихо отворяя окно. Руки его поднялись на уровень груди, в странном жесте шевельнулись пальцы, сухие губы прошептали пару фраз. Рослая фигура замерла.

Маг довольно усмехнулся. Он тоже знал толк в Заклятиях Окаменения и ответил сейчас ударом на удар. Сколь бы ни был силен и живуч этот варвар, ему не вырваться — пока слуги не наложат прочные узы, не обыщут его, не изымут оружие. А потом — в лодку и в море! Неджес перегнулся через подоконник, всматриваясь в лицо застывшего внизу человека. Сейчас их разделяло четыре длины копья, и он видел, что не ошибся — пришелец был совсем юн. Впрочем, это не могло служить ему оправданием.

С мрачным удовлетворением стигиец наблюдал, как пленник предпринимает чудовищные усилия, чтобы освободиться. Лицо его налилось кровью, на шее вздулись жилы, из прокушенной нижней губы сочилась кровь, руки со стиснутыми в кулаки пальцами чуть заметно подрагивали. Однако варвар не мог сделать ничего!

Чувство безмерного торжества на мгновение охватило Неджеса. Ах, если бы он сумел вот так же расправиться со всеми своими врагами — и с тем таинственным охотником, о котором предупреждал Багровый Плат! Обратишь его в статую, остановишь сердце, исторгнешь дыхание... Уничтожить его! Уничтожить пиктов, и заносчивых аквилонцев, и дикарей с севера, поклонявшихся ледяным истуканам! Но — увы! — силы любого мага не безграничны... Там, где речь идет о тысячах и тысячах, волшебство почти бессильно; искусный чародей может справиться с десятком или с сотней человек, но судьбы народов и племен в руках богов... Только они способны повелевать мириадами, вкладывая в их души то, что угодно их воле.

Все так, подумал стигиец, подавив вздох разочарования. Все так; но этот-то северный бродяга был в полной его власти! Тоже неплохая добыча, и участь его послужит предостережением остальным!

Внезапно воины, валявшиеся у лестницы, вскочили, обнажив мечи; ожившие мастафы вмиг бросились к пленнику, наполняя ночь грозным рычаньем.

— Не трогать! — выкрикнул Неджес, еще больше перегибаясь через подоконник. — Не трогать! — повторил он, и псы остановились, а люди подняли к нему головы. Их лица в неярком лунном свете казались мертвенно-бледными и недоумевающими.

— Обыскать, разоружить и связать, — распорядился чародей. — На рассвете отвезете его на Обглоданный остров. А днем пусть на всех базарах объявят: вор, замысливший зло против первого советника милостивого шаха, понес заслуженную кару!

Стигиец медленно отошел от окна; решение было принято, приговор вынесен, и судьба этого человека Неджеса более не интересовала. Он вновь устроился на ложе, потом вознес горячую молитву Сету, благодаря его за то, что нападение, которого он так жаждал и страшился, в эту ночь не свершилось. Схватка с истинным противником — с тем, кто упорно выслеживал его — требовала всех сил

и полной сосредоточенности; любая дополнительная угроза, даже столь ничтожная, как этот северный бродяга, могла стоить жизни.

Размеренно дыша, Неджес погружался в привычное состояние полусна-полубодствования, не обращая внимания на звуки тупых ударов, доносившихся со двора; вероятно, стражи решили все-таки поучить пленника уму-разуму. Пленника? — мелькнула у него мысль. А где же второй? Где эта демоническая тварь, что помогала юнцу — или, быть может, властвовала над его душой? Стигиец сосредоточился, но не мог ощутить ее присутствия ни в доме, ни во дворе, ни в ближайших окрестностях.

«Проклятый недоумок, — подумал он. — Ладно, ты от меня не уйдешь! Не скроешься! Еще несколько дней, и, если Багровый Плат солгал, я смогу заняться тобой...»

Проверив паутину своих защитных заклятий, Неджес приготовился к долгому ожиданию.

Глава 6. Обглоданный остров

Конан, утрюмо уставившись вниз, сидел на невысокой скале. Он был крепко избит, из прокушенной губы сочилась кровь, но синяки и ссадины не слишком его волновали, как и тягучая боль в ребрах; поражение жгло сильнее. Он потерял все: и свой меч, и мешок с золотом, и котомку с припасами, и даже рваные сапоги — охранники почтенного Неджеса не побрезговали даже этим! Однако киммериец не имел к ним претензий; хорошо еще, что стражи развязали его, высадив на берег островка. И хорошо, что он успел добраться до этой скалы и каким-то чудом залезть наверх!

У подножия утеса в молчаливом ожидании застыло с полсотни собак. Одни мастафы, по большей части облезлые и старые, но достаточно сильные и многочисленные, чтобы справиться с человеком, лишенным оружия. Обглоданный остров оправдывал свое название; тут не росло ни дерева, ни травинки, и раздобыть дубину сумел бы разве что волшебник. Песок, опаленная солнцем земля, галька, камни, скалы... Больше — ничего! Когда Конан карабкался на скалу, преследуемый по пятам собачьей сворой, он успел прихватить с собой пару булыжников величиной с кулак; сейчас они были его единственным оружием.

Киммериец злобно плюнул в оскаленную морду пса, пожиравшего его голодным взглядом. Итак, он вновь попал на свалку, на одну из местных помоек, куда свозили старых собак и убогих людей, предоставляя им сводить счеты подальше от благополучного и богатого Шандарата. Тут, вероятно, разыгрывались целые баталии — клык против камня, ногти против когтей, две ноги против четырех. Но человеческие черепа и кости, усеивавшие песок, доказывали, что эти сражения кончались одинаково: псы выжидали; люди гибли.

Подняв голову, Конан мрачным взглядом проводил большую лодку, уходившую на запад. Гребцы мерно наваливались на весла, свежий ветерок надувал косой парус, корма суденышка подпрыгивала на мелких волнах. Слугам почтенного Неджеса предстояло как следует потрудиться; путь до берега был неблизкий, и вряд ли они окажутся дома к ужину.

Конан встал, погрозил кулаком удалявшейся лодке и выругался. Проклятый колдун! Поймал его, как младенца! Жуткое было ощущение — ни руки не поднять, ни ногой шевельнуть... Зря он полез к нему в дом, польстился на ларцы с самоцветами... Но кто ж знал! Кто знал! Конечно, этот рыжий ублюдок Глах нарочно подставил его... наплел всяких басен, рассказал про груды драгоценностей... может, их никогда и не было!

Он вытер подбородок, взглянул на ладонь — ее покрывала кровь. С яростным криком Конан схватил камень, прицелился, швырнул, и стая собак взвыла в ответ. Камень попал в здорового тощего пса; вскочив, тот завертелся на месте, тряся перебитой лапой, и тут же на него бросились два соседних мастафа, таких же огромных и облезлых. Затем остальные вместились в свалку, и некоторое время под скалой катался большой пестрый клубок, из которого клочьями летела шерсть и доносилось утробное рычание. Киммериец с мрачным удовлетворением наблюдал за дракой, шепча ругательства; потом, когда клубок распался, пересчитал оставшихся в живых псов. Их было еще слишком много.

Проклятый колдун, проклятый Глах и проклятый Шеймис, подумал он. Отродье Нергала, которого море в злой день принесло к его ногам! Ублюдок, неудачник! Не просто неудачник — тварь, способная заразить несчастьями любого! Если бы не этот собачий кал, он не полез бы в Шандарат... На кой ему сдался этот город, где

заправляет колдун? Проще было обобрать какого-нибудь купца на Туранской дороге и, раздобыв оружие да малую толику денег, отправиться в Замору... Или прибиться к пиратам... Или к разбойникам с Кезанкийских гор... Или отправиться домой в конце концов! Так нет!.. Воистину, этот Шеймис был послан ему на горе...

Но сейчас Конан был бы рад даже его компании. По крайней мере, сумеречный дух мог бы избавить его от псов и сотворить черствую лепешку и прогорклое пойло, которое он именовал пивом... Солнце пекло невероятно, и киммериец понимал, что вскоре ему придется выбирать меж скорой и медленной смертями: либо спуститься вниз, чтобы закончить жизнь в собачьих утробах, либо погибнуть от жажды на своей скале. Пожалуй, он предпочел бы первое; гибель в бою была почетней медленного угасания.

Где же, однако, Шеймис? Присев на корточки и потирая бок, Конан принялся размышлять на эту тему. Может быть, Неджес, столь неожиданно оказавшийся искусным колдуном, уничтожил дряхлого демона? Или пленил его, снова заточив в каком-нибудь гнусном сосуде? При этой мысли киммериец мрачно ухмыльнулся и сплюнул кровавую слюну. Впрочем, существовали и другие объяснения; несмотря на все клятвы Шеймиса насчет преданности молодому хозяину, дух все же мечтал получить свободу и отправиться на север, к своим скалам, дождям, покою и безмятежности. Смерть господина была бы ему выгодна... и, кто знает, не поспособствовал ли он ей?..

Конан покачал головой. Нет, не стоит обвинять демона в предательстве! Конечно, он жалкий неудачник, приносящий одни только беды, и его колдовское искусство способно вызвать лишь оторопь у собак да колики в животе у людей... Но он не предатель! Помнится, Шеймис почуял что-то неладное, когда они приближались к усадьбе колдуна... даже пытался предупредить... Вполне вероятно, что...

Сзади раздался резкий шипящий звук, словно из проколотого бурдюка выпустили воздух, и Конан стремительно обернулся. Над бурой поверхностью скалы дрожало и вихрилось небольшое облачко — точь-в-точь такое же, как вырвалось несколько дней назад из зеленого стеклянного сосуда. Миг — и оно отвердело, обрело знакомые очертания; киммериец увидел вытянутую крысину мордочку

с уныло обвисшими усами, лысый череп, кургузые крылья, тощие мосластые ноги с огромными ступнями. Вздрогнув от неожиданности, он сглотнул слюну и подался вперед.

— Хмм... м-да! — Шеймис прочистил горло. — Наконец-то я нашел тебя, хозяин! — Он покосился вниз, на собак, и, оглядев пустынный горизонт, добавил: — И, кажется, в самом бедственном положении!

— Хуже не придумаешь, — согласился Конан, с удивлением замечая, что вся его злость, весь гнев испарились без следа.

Шеймис, склонив голову к плечу, рассматривал его.

— Думаю, тебе не помешает кружечка пива и что-нибудь съедобное, — произнес он.

— Две кружечки, — уточнил Конан. — И побольше!

Кислый напиток в жалкой глиняной чаше показался ему божественной амброзией. Утерев рот ладонью, он заметил, что губа уже не кровоточит; в боку тоже вроде бы стало меньше саднить.

— И где же ты был? — поинтересовался он, с жадностью принимаясь за каравай, тут же сотворенный Шеймисом. Хлеб, разумеется, оказался черствым и твердым, как камень.

— Ох, хозяин, этот колдун, на которого мы напоролась, так меня напугал! — покачивая лысой головой, демон принялся чесать нос: видно, эта процедура его успокаивала. — Он злобный и сильный, и запросто мог меня развоплотить!

— Ну, ты-то сумел улизнуть, — заметил Конан, поглядев на скалившихся внизу собак. — А вот я...

— Ничего, мы что-нибудь придумаем! — Шеймис тоже покосился на псов. — Словом, когда он принялся за тебя, я пришел в такой ужас, что, неведомо каким путем, вдруг очутился на севере, у моря, среди своих серых утесов... Ну, я уже говорил тебе об этом месте...

— Где тишина, покой и вечный дождь?

— Да. Наверно, в голове у меня что-то сдвинулось, я припомнил Заклятье Перемещения и произнес его, пожелав очутиться в самом безопасном месте... Ты уж прости меня, хозяин, что я сбежал...

Физиономия Шеймиса жалобно сморщилась, но киммериец лишь махнул рукой.

— Ладно, чего там... Если не можешь сражаться, надо бежать... Но почему ты вернулся только сейчас?

— Так я опять забыл это проклятое заклинание! Клянись богами Ночи и Дня! Я сидел на камнях под дождем, уставившись на воду, и вокруг была благословенная тишина... только волны шелестели у скал... Но в сердце моем не было покоя, хозяин! Я думал, что же случилось с тобой, и пытался вспомнить нужные слова... Я думал, думал и думал, а потом — щелк! трах! — и очутился здесь. Видать, что-то там, внутри, — он ткнул себя пальцем в висок, — опять сработало.

Конан, дожевывая хлеб, кивнул.

— Это хорошо. Пусть сработает еще разок и перенесет нас с этого поганого острова куда-нибудь подальше.

— Увы, — дух сумерек виновато опустил глаза, — я не могу снова вызвать нужное заклятье... Но ты не расстраивайся, господин мой, я же сказал, мы что-нибудь придумаем!

— Придумаем так придумаем, — кружка Конана вновь наполнилась, и он торопливо прильнул к ней, чувствуя, как силы возвращаются с каждым глотком. — Для начала надо бы разделаться с поганью, что стережет меня внизу. Ты мог бы зачаровать их — так же, как псов Неджеса?

— Хмм... — Демон окинул взглядом собачье войско. — Уж больно их много, хозяин... желудки их пусты, голод и ярость туманят головы... Боюсь, мне не справиться со всеми разом.

— Голод и ярость... — повторил киммериец, задумчиво взвешивая на ладони тяжелую, окатанную морем гальку. — Знаешь, я недавно подшиб одного, и остальные тут же разорвали беднягу в клочья. По-моему, они ухитрились сожрать еще двоих, но точно поручиться не могу... — Он подбросил камень. — Вот если б они жрали друг друга без остановки, это было бы то, что надо!

Шеймис покивал головой.

— Можно попробовать, хозяин, можно попробовать. Ты не представляешь, насколько легче вселить в сердце зверя либо человека гнев, бешенство, жажду крови, чем покой и умиротворение. Стремление убивать вспыхивает словно искра, высеченная огнем; потом остается только подбрасывать и подбрасывать в костер ярости поленья злобы...

— Ну, за искрой дело не станет, — произнес киммериец, поднимаясь. Он оглядел собачью стаю и тщательно прицелился. — Сейчас я проломлю череп во-он той облезлой зверюге... А ты, Шеймис, не зевай! Пусть они

жрут друг друга так, чтоб одни превратились в скелеты, а другие околели от сытости!

Камень свистнул в раскаленном воздухе, и снизу донеслось рычание. Затем оно перешло в хриплый яростный лай, в рев, от которого заложило уши: мастафы были огромными псами, и глотки их могли испускать чудовищные звуки.

Свора сцепилась. Кое-кто сразу добрался до горла ближайшего соплеменника и теперь бешено душил его, не обращая внимания на то, что задние ноги и бока рвут клыки соседей. Меж камней перекачивались клубки из пяти-шести грызущихся псов; их шкуры, черные, коричневые и серые, начали окрашиваться алым. Кровь выступала вначале точками, затем пятнами и, наконец, потекла потоком, заставив дерущихся совсем освирепеть. Мастафы пустили в ход когти, иногда поднимаясь на задних лапах, словно медведи; полетели клочья шерсти, на тощих ребрах вспухли кровавые рубцы. Жалобный вой придушенных стал переходить в смертельный хрип.

Несколько собак не участвовали в этом побоище. Вероятно, то были вожаки, самые крепкие и сильные псы, питавшие друг к другу давнюю неприязнь; сейчас они кружили парами на периферии всеобщей свалки, выгадывая момент для атаки. Конан видел, как большой черный мастаф метнулся вперед, вцепившись в загривок пестрому; тот опрокинулся на спину, терзая живот противника тупыми когтями. Пока черный расправлялся с пестрым, к нему подползал здоровенный пес с истерзанными ногами и откушенным ухом. Подобравшись ближе, он, будто примеряясь, несколько раз разинул огромную пасть, затем с неимоверным усилием приподнялся; миг — и его челюсти сомкнулись на позвоночнике черного. Тот жалобно, придушенно взвыл, не разжимая клыков, и вдруг словно переломился у самого таза, привстав на передних лапах. Одноухий тут же вцепился ему в живот.

Некоторые клубки стали распадаться: одни мастафы оставались с остекленевшими глазами на песке, политом их кровью, другие, шатаясь, слепо брели вперед в поисках новых противников. Странно, подумал киммериец, что они не терзают трупы; видно ярость, вселенная в них Шеймисом, превозмогла голод. Он скосил глаза на демона. Его слуга выпрямился во весь рост на самом краю скалы и слабо помахивал крыльями, словно разгоняя жаркий воздух. Крысиная мордочка духа сумерек казалась

весьма сосредоточенной, руки были вытянуты вниз, узловатые пальцы безостановочно шевелились, как будто Шеймис сучил тонкую пряжу. Иногда он морщил нос, и верхняя губа вздергивалась, обнажая мелкие острые зубы; в такие моменты рев и рык под скалой вспыхивали с новой силой.

Решив не отвлекать демона, Конан вновь устоял на поле битвы. Теперь он не испытывал к мастафам прежней ненависти, поскольку никто из этих огромных зверей не мог уже покуситься на его собственную плоть и кровь; он развлекался зрелищем, размахивая руками, поощряя пронзительным свистом наиболее удачливых бойцов. Эти псы походили на рыжеволосых обитателей Ванахейма, обаянных боевым безумием, и так же, как берсерки-ваны, отправлялись сейчас один за другим в свою Валгаллу, к своим четвероногим сородичам, уже скалившим клыки в предчувствии грандиозного побоища. Они, эти псы, и мертвые, и умирающие, заслуживали уважения, ибо встретили свой конец в битве, как полагается настоящим воинам и как надеялся когда-нибудь расстаться с жизнью сам Конан. И потому он подбодрил их — тех, кто еще мог двигаться и сражаться — долгим улюлюканьем, похожим на волчий вой в зимних киммерийских горах.

Несколько сведенных судорогой глоток испустили в ответ предсмертный хрип. Юноша взглянул на Шеймиса; фигура демона уже не выглядела напряженной, крылья опустились, а лицо застыло обычное жалобно-унылое выражение.

— Пожалуй, можно спускаться, — произнес киммериец.

— Можно, — подтвердил сумеречный дух. — Но ты все же держись от них подальше, хозяин. Живучие твари, клянусь горшком, в котором я отсидел целую вечность! Вдруг бросятся...

Конан молча подошел к краю утеса и полез вниз. Он не боялся издыхающих псов; теперь они были лишь грудками окровавленного мяса, над которыми уже вились большие сизые мухи. Шеймис, ойкая и покряхтывая, спускался следом за хозяином, помогая себе взмахами кургузых крыльев на самых опасных участках. Впрочем, скала, хоть и почти отвесная, была невысокой — в три-три с половиной человеческих роста.

Оказавшись у подножья, молодой киммериец сразу подобрал несколько камней, потом вдруг отшвырнул их

и хлопнул себя по лбу, словно осененный какой-то новой идеей.

— Слушай-ка, приятель! — вытянув мощные руки, он отодрал Шеймиса от скалы и поставил рядом с собой. — Мне нужно какое-нибудь оружие! Что-нибудь попроще, чтоб ты не слишком напрягался.

— Саблю? — спросил демон, с опаской поглядывая на собак. Некоторые из них еще шевелились, и тут, внизу, Шеймис вроде бы чувствовал себя не слишком уверенно.

— Нет, не саблю, — Конан замотал головой, и черные длинные волосы его взвихрились. — Я же сказал, что-нибудь попроще... ну, дубинку или пращу... лучше и то, и другое.

— Дубинку... пращу... — пробормотал сумеречный дух; его руки нерешительно шевельнулись, творя магические пассы. — Попробую, хозяин... Палку-то я смогу сотворить... а вот пращу...

— Да что ж в ней сложного? Не жареный баран на золотом блюде, — киммериец ухмыльнулся. — Кожаный ремешок, и все! Только смотри, чтоб был попроще!

Бах!

Он невольно отскочил, когда на землю грохнулась дубина. Вышла она на славу: длиной в три локтя, с утолщенным концом и, кажется, из дуба. Конан поднял ее, затем с силой стукнул о скалу. Палка выдержала, не сломалась.

— Теперь давай пращу! — повелительным тоном потребовал он.

После нескольких попыток Шеймис изготовил нужное метательное орудие — гибкий ремень, расширившийся посередине, на вид довольно прочный. Юный киммериец тут же устроил проверку, с двадцати шагов перебив хребет издыхающему псу, и одобрительно кивнул. Теперь, с дубинкой в руке и пращей за пазухой, он чувствовал себя куда уверенней.

— Сумка, — произнес он. — Еще мне нужна сумка, чтобы сложить камни.

— Помилуй, хозяин! — взмолился покрытый испариной Шеймис. — Собаки-то уже почти передохли! С кем ты собираешься воевать?

— Не с ними, конечно. — Конан запустил очередной снаряд в соседнюю скалу, и галька, врезавшись в белесый известняк, выбила лунку. — Мне бы добраться до лба

этого Неджеса... — Он снова раскрутил пращу, метнув камень.

Шеймис сел там, где стоял; тощие руки его дрожали.

— Слушай, господин мой, — начал он враз охрипшим голосом, — что ты задумал? Один раз мы убрались от колдуна... вернее, я убрался и смог тебя выручить... Но если ты опять хочешь к нему вернуться... если ты... Да он же меня развоплотит! — внезапно взвизгнул дух. — Развоплотит или засадит в горшок! И что ты будешь тогда делать? Думаешь, у него собак не хватит, чтобы разорвать тебя в клочья? Да у него же в поместье целая свора!

Конан, приставив ладонь ко лбу, глядел на море — туда, где за чередой пенных волн лежал славный город Шандарат, со своими дворцами и базарами, домами и мастерскими, стенами и башнями, харчевнями, лавками, верфями и свалками. Еще не так давно, сидя в одиночестве на вершине скалы, он обзывал себя последним болваном и клялся, что близко не подойдет к шандаратским воротам, а уж к дворцу проклятого колдуна — тем более. Но ситуация переменилась; теперь он был сыт, кое-как вооружен, а клыкастые мастафы, собиравшиеся поживиться его плотью, издыхали среди камней и на песке.

Да, ситуация переменилась! И сейчас он чувствовал не страх перед ужасающими магическими способностями Неджеса, а холодную ненависть, приправленную самыми практическими соображениями. Этот тощий маг, эта стигийская вонючка обобрал его! Мешок с золотом, отличный меч, сапоги... Неважно, что это добро разделили меж собой люди колдуна: все равно Неджес был — и оставался — первопричиной и поражения, и последовавших за ним потерь.

— Мне бы один лишь миг... — словно замороженный, пробормотал юноша, стискивая пращу. — Один миг, Шеймис, — и я всажу камень прямо в лоб этому ублюдку...

— Не будет у тебя этого мига, мой господин, не надейся! — снова взвизгнул демон. — У Неджеса больше заклятий, чем волос на твоей голове! И заклятья те — одно другого страшней! Настоящий черный маг, предупреждаю тебя...

Молодой варвар перевел взгляд с морских горизонтов на своего слугу.

— Черный маг, говоришь? — Голос его был негромок, но в глазах застыло какое-то странное напряжение, дававшее юное безбородое лицо словно бы старше и значительней. — Значит, черный маг? Что же ты думаешь, я так и буду всю жизнь бегать от черных магов? Их в мире полно — и в Гиперборее, где расколошматили наш отряд, и в Ванахейме, в Заморе, Стигии, Шеме, Офире, Немедии... и в далеком Кхитае, как говорят... во всех странах севера и юга, запада и востока... Может, когда-нибудь я их всех... — Он стиснул огромный кулак и грозно нахмурился. — Нет, Шеймис, я этого Неджеса так не оставлю!..

— Не оставишь, — с гримасой сожаления согласился сумеречный дух, — это я уже вижу. Но кто мешает разобраться с ним потом? Когда ты будешь старше, опытней и сильнее?

— Нет, — твердо произнес Конан, — я сделаю это сейчас. Завтрашней ночью, если ты придумаешь, как нам добраться до берега.

* * *

Задача эта оказалась непростой. Конан желал получить лодку — с мачтой, парусом и парой весел, — но то, что выходило у Шеймиса, никак нельзя было считать шедевром кораблестроительного искусства. Дело не только в том, что три или четыре сотворенные им ублюдочные посудины оказались кривобокими, тяжелыми, как колоды, и неповоротливыми, словно корыта; они еще и немилосердно текли. Конан не сомневался, что любая из них затонет в сотне шагов от берега, что было бы весьма неприятно — в водах Вилайета водились небольшие, но чрезвычайно прожорливые акулы. Сero-стальные плавники этих тварей сейчас мелькали среди волн, и киммериец вскоре сообразил, что они несут дозор здесь постоянно — в ожидании несчастных, пытающихся спастись в воде от собачьих клыков.

Выяснив, что его демон не способен соорудить ни галеру, ни барку, ни лодку или хотя бы ялик, Конан остановился на плоту. Тут дело тоже пошло не быстро: то веревки лопались, то бревна разъезжались, то плот получался слишком маленьким или слишком большим. Лишь к вечеру измученный и вспотевший Шеймис извлек из воздуха нечто подходящее — десяток бревен обхватом в три локтя, связанных по концам прочными

канатами из просмоленной пеньки. Конан затребовал еще одну веревку, привязал плот в прибрежному валуну и повалился на песок — спать.

Наутро, после трапезы, состоявшей из сухарей и неизменного пива, они тронулись в дорогу. На хорошей лодке с парусом до Шандарата можно было добраться за половину дня, и Конан полагал, что на своем неуклюжем плоту одолеет этот путь если не к вечеру, то к середине ночи. Вскоре выяснилось, что расчеты его слишком оптимистичны: плот еле полз, и два неуклюжих шеста, которые киммериец использовал вместо весел, почти не ускоряли его ход.

Наконец, совсем измучившись, он повернулся к Шеймису.

— Сделай что-нибудь! Этак я поседею раньше, чем мы доберемся до берега!

Сумеречный дух в задумчивости поскреб темя.

— Хмм... Не очень-то я силен в навигации, мой господин... Понимаешь, мне никогда не доводилось путешествовать по морю...

— Как это — не доводилось? Ты же провел в своем горшке уйму времени! А горшок где плавал? Разве не в море?

— Ну, это совсем другое дело! Я-то ведь им не управлял... и, если ты помнишь, я старался побольше спать...

— Надеюсь, ты выспался на многие годы вперед, — заметил Конан с кривой ухмылкой, — и сейчас придумаешь что-нибудь толковое. Я не могу грести этими обрубками! — он швырнул шесты на плот.

— Прости, хозяин, — Шеймис виновато скосил глаз на весла, — что я не смог соорудить нечто более подходящее. И я не знаю...

— Зато я знаю! Нагони ветер и расправь крылья! Проку от них мало, так хоть сработают за парус!

Демон пришел в полное уныние.

— Увы, мой юный господин! Стихии мне не подвластны, ни морские, ни небесные... А чтобы распоряжаться ветрами, надо иметь такую силу и власть, какие мне и не снились!

— Это верно, — Конан тоже понурился, затем повернул голову, рассматривая совсем еще близкие берега Обглоданного острова. — Вот с собаками у тебя неплохо получается, приятель. Если б у них были плавники вместо лап, мы могли бы...

— Стой, хозяин! — Шеймис в возбуждении приподнялся. — Превосходная мысль! Просто отличная! Сейчас я разыщу там, — он кивнул на воду, — подходящую тварь, способную доставить нас к берегу.

— А она не пожелает нами закусить? — подозрительно спросил Конан.

— Ну, я постараюсь найти что-нибудь не очень большое и не слишком прожорливое, — заверил его демон и принялся колдовать. Его крылья, как уже успел заметить киммериец, являлись важнейшим магическим инструментом, и сейчас Шеймис то простирал их над водами, то ставил торчком, то закутывался в эти жалкие серые полотнища словно в кургузый плащ. Не оставались без дела и руки; они непрерывно шевелились, выписывая в воздухе странные фигуры и символы, напоминавшие Конану то контуры пивных бочек, то островерхие крыши домов. Увлеченно наблюдая за стараниями своего слуги, он не сразу заметил, как плот, дрогнув, пошел значительно быстрее.

— Что, получилось?

Шеймис огладил усы и самодовольно усмехнулся, показав мелкие зубки.

— Конечно, мой господин!

Поглядев на воду слева и справа от плота, Конан разобрал, что там колышется нечто темное и волнистое, что-то смутное, не то плавники, не то щупальца, не то огромные клешни. Неведомая тварь, вероятно, подпирала плот спиной, и при мысли, что лишь десяток бревен отделяют его от какого-то жуткого чудища, юноше стало не по себе. На родине ему не приходилось сталкиваться с морем, но даже в озерах Киммерии водились существа крайне неприятные и опасные — вроде древних, обросших водорослями щук в рост человека. Такая рыбина могла отхватить целиком руку или ногу, а тварь, что тянула сейчас плот, казалась куда больше щуки.

— Кого ты вызвал? — Конан постучал костяшками пальцев по бревну и снова покосился на воду. Плот набирал скорость, и впереди, у концов бревен, начали вихриться бурунчики пены.

— Не знаю, как назвать это существо, — демон неопределенно повел тощими руками. — Может, морская корова? Или бык? Хмм... — Он призадумался, почесывая нос.

— А на что она похожа? — Конану не давали покоя не то щупальца, не то клешни, которые он смутно разглядел в воде. По его мнению, у коров, даже морских, этаких жутких конечностей быть не могло.

— На что похожа? — Шеймис, отвлечшись от своих размышлений, кисло сморщился. — Ох, хозяин, лучше тебе этого не знать! Приятной эту тварь никак не назовешь! И безобидной тоже... Так что лучше ты сиди тихо, а я буду держать ее крепче...

Конан замер, скорчившись посередине плота. Тянулось время; жаркие солнечные лучи жгли шею и плечи, едва прикрытые рваной туникой, и иногда юноша торопливо зачерпывал горсть воды, а потом выливал ее прямо на голову, с наслаждением ощущая, как прохладные струйки освежают кожу. Тяжелая сумка с камнями оттягивала пояс, рукоять дубинки под коленом успокаивала своей внушительной твердостью; впрочем, он понимал, что если б тварь, тащившая плот, вздумала напасть на них, от камней и палки было бы мало толку. Тут оставалось лишь полагаться на Шеймиса, вид которого внушал некоторые опасения. Устроившись на носу, демон застыл в напряженной позе, стиснув кулаки и ползакрыв глаза; судя по всему, духу сумерек приходилось нелегко.

Миновал полдень, солнце неторопливо покатилося вниз, на запад, к закатным странам и великому океану, что омывал побережье огромного материка. Конан привстал на коленях, сощурил глаза: далеко впереди над водами поднималась темная полоска с едва приметной вертикальной черточкой — башней маяка.

— Возьми южнее, — приказал он Шеймису. — Мы идем прямо к гавани, а мне туда совсем не нужно. Высадимся за городом, и хорошо бы попасть в ту бухточку, откуда меня повезли на остров. Там есть пристань и тропа, что ведет прямо к дому колдуна... я ее отлично запомнил.

Шеймис сморщился так, словно у него прихватило зубы, но пререкаться не стал. Плот, слегка изменив направление, устремился к далекому берегу.

Море казалось пустынным. Отсутствие мачт и парусов на горизонте уже начало удивлять Конана, но тут он вспомнил о сплетнях, ходивших по базарам: Шандарат готовился к войне, и не просто к войне, а к походу за море, на Жемчужный Архипелаг, куда отправится целый флот — боевые галеры шаха и реквизированные купече-

ские суда, что повезут воинов. По-видимому, слухи об этих самых реквизициях уже разлетелись вдоль побережья, и торговые корабли не рисковали заходить в шандаратскую гавань. Ну, а раз нет торговцев, то нет и пиратов, подумал юноша и, зачерпнув новую порцию воды, вылил себе на голову.

Уже начало темнеть, когда таинственная тварь, с ослабевающим усердием тащившая их плот, приблизилась к побережью. Тут, к югу от города, берега были скалистыми и обрывистыми, но за грядой утесов, как помнилось Конану, лежала равнина, тянувшаяся к Туранскому тракту и дальше за него, на запад. Широкая полоса земли меж дорогой и скалами, где в зелени рощ и садов стояли виллы шандаратской знати, и являлась целую молодого киммерийца. Берег выглядел таким же безлюдным и пустым, как и море; поэтому, не боясь, что его заметят, Конан поднялся во весь рост и начал высматривать бухту, из которой его вчера повезли на казнь. Он помнил приметный каменный столб, торчавший на северном мысу — что-то похожее на полуразрушенный минарет или замковую башню — и вскоре обнаружил его, хотя вечерний полумрак уже окутывал побережье темной полупрозрачной вуалью.

— Туда! — Он вытянул руку, и Шеймис покорно кивнул. Однако, когда до каменистого пляжа с небольшим деревянным причалом оставалось два полета стрелы, демон повернулся к Конану и негромко произнес:

— Лучше бы мне отпустить нашего скакуна, хозяин. Эта корова или бык... словом, эта тварь предпочитает глубокие места, а тут, у берега, мелко. Она начинает беспокоиться. Вроде бы...

Он замолчал, потому что движение плота вдруг замедлилось. Конан, схватив шест, резко махнул рукой.

— Во имя Крома, отошли своего зверя подальше! Как бы он не собрался нами поужинать!

Расправив крылья, Шеймис с усилием вытянул руки вперед, будто преодолевая некое невидимое сопротивление; голый череп его покрылся испариной. Губы демона непрерывно шевелились, шепча заклятья, сливавшиеся в неразборчивое бормотанье, челюсть мелко тряслась, мохлястые колени ходили ходуном. Внезапно из-под плота вырвалось что-то округлое, большое и блестящее; Конан успел заметить гигантский круглый глаз, воззрившийся на него с беспредельным равнодушием, пару могучих

ступалец толщиной с его бедро и странную, похожую на клюв, пасть. Блеснув гладкой кожей в лучах закатного солнца, чудище исчезло в пучине, а киммериец, изо всех сил наваливаясь на шест, принялся грести к берегу.

— Уфф! — Шеймис повалился спиной на доски, напоминая бурдюк, из которого выпустили вино. — Хвала светозарному Митре, все обошлось! Скажу тебе, мой господин, лучше иметь дело с целой стаей псов, чем с этим... этим...

— Ладно! Этот твой бык доставил нас на нужное место, а мы ничем не отблагодарили его. Ты мог бы сотворить что-нибудь съедобное...

— Съедобное? — скривился Шеймис. — Съедобное он сам себе найдет! Погляди-ка, хозяин!

Обернувшись, Конан увидел, как одна из довольно больших акул, что следовали за плотом, вдруг забилась, до половины встала над водой, разевая зубастую пасть и показывая белое брюхо, и исчезла.

— Надеюсь, пока они жрут друг друга, мы успеем добраться до суши, — пробормотал киммериец, продолжая изо всех сил работать веслом. Вскоре справа от них проплыл высившийся на мысу каменный минарет, а затем под бревнами закричала мелкая галька; плот дрогнул и замер на мелководье. Сумеречный берег был пустынным. У небольшой пристани покачивались две лодки и баркас с высокой мачтой; за ними темнели скалы, поросшие внизу кустарником и рассеченные небольшим ущельем. Начинаясь от пристани тропинка вела прямо к нему.

— Прибыли! — Конан прыгнул в воду, взметнул фонтан брызг и, положив палицу на плечо, зашагал к берегу. Демон тащился следом, загребая огромными ступнями и блаженно жмурясь; после жаркого дня вечерняя прохлада была ему явно по душе. Миновав пристань и лодки, они выбрались на берег. Киммериец остановился, пригладил растрепанные волосы, пошарил за пазухой и вытащил пращу.

— Хозяин, а, хозяин! — проныл Шеймис за его спиной. — Не связывался бы ты с этим колдуном! Пропадём! Оба!

— Не каркай! — достав из сумки увесистый голыш, Конан заложил его в пращу. — Ты делай свое дело, приятель, а я буду делать свое. Всего-то и надо придержать

его на полвздоха! А там уж... — Он многозначительно покрутил пращу над головой.

— На полвздоха! Это по-вашему, по-человечьему полвздоха... Да за такое время любой приличный маг успеет превратить нас в пару крыс!

— Ну, для тебя это не очень страшно, — ухмыльнулся Конан, обматывая ремень вокруг запястья. — Не скули, Шеймис! Идем, посмотрим, какого цвета кровь у черного колдуна!

Он ступил на тропу, что вела от пристани к ущелью.

* * *

На славный город Шандарат пала ночь. Темная ее мантия, расшитая сияющими самоцветами звезд, раскинулась над городскими стенами, башнями и дворцами, накрыла непроницаемым пологом гавань, где, словно спящие огромные чайки, дремали корабли; полумрак окутал поля и фруктовые рощи, дороги, подобно стрелам рассекавшие степь, прибрежные бухты и острова, лес на западе и глухо рокотавшее на востоке море. Черный плащ ночи круглился в вышине будто гигантский занавес, на время прикрывший мир от благодатного света Митры, и казалось, что, опуская его, солнечный бог говорит людям: утомитесь! Забудьте хоть ненадолго о честолюбии, о горделивых помыслах, о жадности надежд и пустой суете стремлений, о борьбе и ненависти, о голоде и страхе; забудьте о мелочных страстях, закройте глаза! И пусть снизойдут к вам светлые сны и блаженный покой.

Но не было покоя под ночными небесами Шандарата.

Владыка его, блистательный Ашарат из рода Ратридов, стоя у окна в своем любимом чертоге на верхнем этаже дворцовой башни, выглядел невеселым и хмурым; душу его опять терзали тревоги и сомнения, не дававшие уснуть. Еще вчера все было так просто и ясно; оставалось лишь вывести в море корабли с войском, внезапно обрушиться на Архипелаг и завладеть его сокровищами. А потом Неджес, мудрец и верный советник, изготовит чудодейственный эликсир, снимающий с плеч человеческих груз прожитых лет... потом захваченные жемчуга превратятся в звонкое золото, и в Шандарат хлынут наемники... потом он, великий Ашарат, неподвластный старости, поведет огромную армию на врага... Какого врага? Не все ли равно... В Гирканию, в Туран...

Да, вчера все было ясным и простым, но сегодня владыка будто бы пробудился от дремоты; темная пелена, затуманивавшая его разум, поредела, разошлась, и еще недавно очевидное стало казаться сомнительным. Очень сомнительным!

Зачем ему нужен этот Архипелаг? Сколько жемчуга там можно взять? Он примерно представлял это, так как драгоценные дары моря вывозились через Шандарат, составляя одну двадцатую его торговли. Немалая сумма! Однако уже полмесяца, как в трирскую гавань лишь изредка заглядывают корабли, ибо там, где готовятся к войне, не место купцам; можно потерять и судно, и ценный груз, да и собственную жизнь в придачу. Нет купцов, нет и торговли; и убытки скоро сравняются с ценой архипелагских жемчугов.

Эликсир... Конечно, элексиру нет цены, но правда ли то, что обещает советник? Блистательный Ашарат не сомневался, что в мире существует великое множество чудес, но ему никогда не доводилось слышать про амулет или какое-нибудь зелье, что продляли человеческую жизнь. Зато нередко говорили о другом — о ядах, поднесенных в питье или пище, о порошке черного лотоса, что отправлял в кувшиншего его на Серые Равнины иногда стремительно, иногда — не очень, но в любом случае неотвратимо и неизбежно.

Да, с этим бальзамом надо проявлять крайнюю осторожность! Сейчас Ашарата даже удивлял тот восторг, то воодушевление и доверчивость, с которой он воспринял слова почтенного Неджеса. Доверчивость же присуща детям, но никак не властителям, умудренным жизнью! И лучше провести на земле весь отпущенный Митрой срок, пусть старым и немощным, чем, поддавшись ложной надежде, переселиться до времени в загробный мир...

Властитель энергично потер виски и, чувствуя некоторое просветление в мыслях, усталый на звездное небо. Пожалуй, не стоит пить сей подозрительный бальзам, решил он; во всяком случае, не раньше, чем стражники волюют в горло мудрейшему Неджесу добрую половину этого зелья.

У мудрейшего же были в эту ночь свои заботы, чем и объяснялось просветление в голове шандаратского властелина. В мгновение смертельной опасности ни черный, ни белый маг, сколь бы ни был он силен, не должен отвлекаться; колдовской поединок требует всех сил и

полной сосредоточенности. А поединок приближался! Неджес чувствовал это и знал, что наступившая ночь будет решающей. Он не боялся, несмотря на мрачное пророчество Багрового Плата; наоборот, его переполняла какая-то злобная радость, порожденная и осознанием собственной силы, и тем, что томительное ожидание заканчивалось.

Как всегда, он неподвижно распростерся на своем ложе и опустил веки, обозревая местность магическим зрением. Он знал, что не заметит даже смутной тени — этот противник совсем не походил на разбойника-киммерийца, явившегося две ночи назад. Северный бродяга со своей нелепой тварью подошел со стороны леса и пересек дорогу; его сопровождало облако темных мыслей и гнусных намерений. Этот же враг — и с т и н н ы й, как звал его Неджес — казался невидимым и неощутимым, и стигиец был не в силах разобраться в природе скрывавшей его завесы. Но ничего; когда они посмотрят друг другу в глаза, все преграды падут! И лишь огненно-ледяная мощь заклинаний решит исход поединка...

Внезапно ему почудилось, будто бы нечто надвигается со стороны моря, от крошечной бухты с причалом, у которого неясными облачками покачивались лодки. Нечто знакомое, нечто такое, с чем он имел дело прежде... Стихийная и грубая сила, неукротимая, непокорная, свирепая... Да, сей образ он уже лицезрел! А увиденное однажды можно увидеть снова...

На мгновение серый туман разорвался, явив юношеский лик в обрамлении копны темных волос, и Неджес недовольно скривил губы. Опять этот северный бродяга! Этот разбойник! Живуч, ничего не скажешь! И как он только выбрался с острова? Воистину, боги к нему благосклонны!

Впрочем, ему было некогда вдаваться в намерения вора, столь неожиданно избежавшего казни; любое дело сегодняшней ночью подождет. Любое — кроме одного! Окаменев в мнимой неподвижности, словно застывшая во тьме ядовитая змея, Неджес ждал пришествия истинного врага.

Жди, стигийский паук!

Странник в сером плаще, плотно прижавшийся к стволу дуба, усмехнулся. За шеренгой кряжистых стволов темнела ограда; от окошка, за которым притаился колдун, его отделял всего лишь хороший бросок камня. Пустя-

ковое расстояние! Удар молнии Митры будет сокрушительным!

Что ж, стигиец ждет, и ему, посланцу Пресветлого, тоже придется подождать. Накопленная деревьями мощь уже смешалась с его собственной Силой, однако колдун хитер, и паутина защитных заклинаний, сплетенная им, почти наверняка парирует первый выпад. Иное дело, если его чем-то отвлечь... хотя бы на полвздоха... малое время для обычного человека, но настоящий боец должен успеть и нанести удар! И поразить!

«Рази!» — говорил Учитель. Да, теперь пришло время...

Все подготовлено: стражи погружены в глубокий сон, как и слуги, повара, конюхи, носильщики; псы, обнюхав серый плащ, отвернули огромные морды и, поскуливая, поплелись на задний двор, к своим будкам, набитым мягкой соломой. В них можно подремать так сладко... до самой зари... подремать, забыв про этот дом и двор, про людей, своих и чужих, с которыми положено расправляться когтем и клыком...

Да, все подготовлено; осталось лишь подождать паренка с синими глазами и его странного приятеля. Забавное существо! Нельзя назвать его благожелательным к людям, но и оно имеет свой кодекс чести! И старается изо всех сил! Ничего, что их так мало; столь верному слуге не грех и помочь...

Человек в сером плаще вновь улыбнулся — на сей раз слегка насмешливо и без злорадства. Сегодня этот дряхлый демон, неведомо как переживший тысячелетия и целые эпохи, показал себя молодцом! Вызвал из глубин морских такое чудовище, что лучше и не вспоминать! Конечно, он не сумел бы с ним справиться, так что пришлось ему немного помочь... Это было не так-то просто; даже Ученику с большим опытом не всегда удается направить Силу на большое расстояние... К тому же астральной мощью, что дарована благим богом, трудно управлять; она — удар молнии, карающее копьё, а не рука, держащая поводья норовистого скакуна. Но ничего, на пару с маленьким духом им удалось совладать с морской тварью, направив ее куда надо... И теперь киммериец скоро будет здесь — в самый решающий момент!

От дуба шли теплые токи, пронизывая тело посланца; казалось, сам Митра говорил сейчас с ним, шептал без слов, наставляя, как лучше и верней покарать нечестивца, уравновесить Добро и Зло в этой маленькой части ог-

ромного мира. Как учил наставник, в Великом Равновесии заключалась тайна бытия, божественного распорядка и вешего промысла; Зло как таковое не подлежало полному искоренению, ибо без него лишалось смысла и понятие Добра. Однако туда, где Зло грозило опрокинуть чашу вселенских весов, божественная длань бросала крошечную песчинку — и равновесие восстанавливалось.

Сейчас одна из таких песчинок, затаившись под могучим деревом, дожидалась момента, чтобы исполнить волю пресветлого Митры.

* * *

— Осторожнее! Ты оторвешь мне ухо! — сквозь зубы прошипел Конан, огибая угол дома. Шеймис, вновь превратившись в крысеныша величиной с кулак, затаивал у него на плече, вцепившись когтистой лапкой в мочку.

— Хозяин, а, хозяин! Я его чувствую, и куда лучше, чем в первый раз! Он не спит... точно, не спит... ждет кого-то... но не тебя, клянусь горшком!

— Вот и хорошо, — киммериец, словно огромная кошка, крался вдоль стены. — Кого бы он не ждал, камень в лоб ему достанется от меня.

Вокруг стояла нерушимая тишина, и это казалось странным — странным и подозрительным. Не бросались с рыком огромные псы, не было слышно и топота человеческих ног, позвякивания доспехов или грозных окриков. Усадьба почтенного Неджеса — и дом, и двор, и хозяйственные пристройки — напоминала сонное царство, тихое кладбище или специально приготовленную ловушку. Конан двигался вперед с величайшей осторожностью, соображая, то ли влезть в дом, то ли постараться выманить колдуна наружу и снести ему череп из пращи.

Он остановился на втором варианте; в комнатах, да еще незнакомых, с пращей не развернешься. Он знал, что у него будет очень мало времени, чтобы прицелиться и выпустить снаряд — конечно же, Шеймис сумеет защитить их обоих от чар колдуна совсем ненадолго, если сумеет вообще... Тем не менее, он надеялся на успех; какое-то более сильное чувство, чем страсть к золоту или жажда мести, привело его сюда, и Конан догадывался, что сегодня ничья не предусмотрена: либо он возьмет жизнь черного мага, либо Неджес сотрет его в порошок. В пыль, которую развеет ночной бриз!

Прижимаясь к стене, киммериец оглядел лужайку перед домом. Она была пустынной. Два факела освещали ступени широкой лестницы, ведущей на террасу; плотно утоптанная дорожка убегала к воротам, по обе стороны которых темнели древесные стволы; за ними царил полный мрак, ибо кроны дубов, плотные и густые, не пропускали слабого лунного света. Конан взглядом отыскал место, до которого добрался прошлый раз: неподалеку от ступеней, напротив стрельчатого окошка на втором этаже, из которого тогда высунулся колдун. Вероятно, то было окно его опочивальни, и Неджес, вновь показавшись в нем, станет отличной мишенью. Всего на время полувздоха, но этого хватит!

— Ну, что ты теперь чувствуешь? — прошептал киммериец, повернув голову к Шеймису.

— Все по-прежнему, мой господин. Он не спит, ждет... Не разберу только, знает про нас или нет...

— Так это же самое важное, приятель!

Крохотные крылышки демона затрепыхались.

— Сегодня, кажется, нет... Если он и проведет насчет нас, то не обращает внимания. Ждет чего-то другого... или кого-то...

— А мы? — спросил Конан, разматывая пращу.

— Мы вроде как мелочь... досадная помеха, и все.

Киммериец насмешливо хмыкнул и вытащил из сумки два камня, каждый величиной с кулак. Досадная помеха, надо же! Слишком самоуверен этот Неджес! Впрочем, Конана подобный поворот дел вполне устраивал.

— Следи за ним, — велел он Шеймису и, заложив в пращу первый снаряд, направился к середине дорожки. Эта позиция казалась ему наиболее подходящей: ступеньки, терраса и дверь, а также окна второго этажа — как на ладони. Оконные рамы были забраны в частый переплет, украшенный, вероятно, цветными стеклами, казавшимися в полумраке темными и совсем непрозрачными; Конан видел лишь отблески лунного света на их поверхности да смутные тени, что подрагивали в такт мерцанию факелов.

— Что ты собираешься делать, хозяин? — спросил Шеймис, когда киммериец, остановившись в десятке шагов от лестницы, поднял взгляд к окну.

— Отправлю колдуну подарок. — Праща засвистела, набирая обороты. — Хотелось бы взглянуть на его рожу!

— Ох, мой господин! Лучше бы ты не...

Звон разбитого стекла оборвал причитания сумеречного духа. Конан, заложив в пращу новый снаряд, опять принялся крутить ее над головой, пристально всматриваясь в окно. Там зияла большая дыра, черная и зловещая, как зрачок ночи; казалось, чей-то огромный глаз следит за пришельцем с хмурым и неприязненным равнодушием. Киммериец стиснул челюсти, по-прежнему вращая свое орудие. Монотонный свист пращи успокаивал, вселял уверенность; она словно бы служила продолжением его рук, кулаком, которым он мог нанести внезапный и жестокий удар.

Текли мгновения; все было тихо. Шеймис замер на хозяйском плече, вцепившись когтистой лапкой в темные волосы юноши. Вверху ладья полумесяца плыла по усыпанному звездами черному пологам ночи; мерцали факелы, скользя тени, подкрадываясь к босым ногам Конана.

Один, два, три...

Он начал отсчет, не спуская глаз с окна. Он стоял неподвижно, чуть откинувшись назад, широко расставив ноги и упираясь левой рукой в бок; правая безостановочно кружила и кружила ремень с заложенным посередине камнем.

Четыре, пять...

Что, если колдун не рискнет высунуться наружу? Но хотя бы к окну он должен подойти! Может, он притаился сейчас около него и решает, как расправиться с наглым гостем?

Шесть, семь...

Нет, почтенный Неджес не станет прятаться! Слишком уверен в себе, слишком презирает врагов! Что они для него? Ничтожества, мелочь, пыль...

На счете восемь Конан почувствовал, как пальцы его внезапно свело судорогой. Он не мог разжать их! И сразу же окно распахнулось, резко скрипнув в ночной тишине.

Лицо колдуна было мертвенно-бледным; глаза — черные озера, полные презрения и злобы. Казалось, он собирается раздавить надоедливую комара.

— Ты! — Неджес неторопливо вытянул длань, и теперь его палец смотрел прямо в лоб киммерийцу, словно нацеленная арбалетная стрела. — Ты осмелился явиться сюда опять! Со своей тварью!

Рука Конана полностью окаменела, хотя кисть продолжала безостановочно вращаться, словно подчиняясь некой магической силе. Он знал, что прицел верен, и надо лишь выпустить кончик ремня; однако ему не удавалось этого сделать. Он вращал и вращал свой снаряд, раскручивал его, ощущая, как неимоверной тяжестью наливаются плечи, как ледяной холод сползает вниз по груди, сдавливает сердце. «Шеймис...» — шепнул он непослушными губами, но не получил ответа.

— Ты будешь стоять тут со своим дурацким ремнем, — произнес маг, — как украшение моего сада. Как статуя из камня!

Конан прилагая неимоверные усилия, не освободиться не удавалось — проклятый колдун держал крепко. Пальцы! Если бы он мог разжать пальцы! Но они были словно стиснуты клещами.

— Шеймис... — снова прошептал киммериец, едва различив жалобный ответный писк. Он не расслышал слов; возможно, их и не было, лишь неразборчивый возглас, предсмертный стон, вскрик растворяющегося в бесконечности крохотного существа. Он понял, что дух сумерек бессилен, а это значило, что они погибнут оба.

Не успели! Жаль... Видно, прав был его слуга, его серокожий демон: половина вдоха — малое время для людей, но не для магов...

Рот колдуна растянулся в зловещей усмешке.

— Зовешь свою тварь? Ну, зови! Вы оба, ты и он...

Внезапно Неджес смолк и сам застыл подобно каменному изваянию. Что-то изменилось на лужайке перед широкой лестницей; что-то дрогнуло, зарокотало, напряглось во мраке, и свежий ночной воздух вдруг неожиданно загустел, превратился в упругую грозовую субстанцию, которую неведомые силы гнули и мяли, словно раскаленную сталь на наковальне. Почти сразу же он опять стал прежним, прохладным и пронизанным запахами недалекого моря, но Конан чувствовал, что напряжение не исчезло, а лишь сместилось куда-то назад и в сторону, не то к воротам, не то к усадебной ограде. Краем глаза киммериец успел заметить, как слева, под дубом, возникла неясная тень; затем сверкнула беззвучная синеватая молния, и сразу же тиски, сжимавшие его руку, ослабли.

Он выпустил конец ремня, и камень полетел в цель.

Они стояли на развилке южного тракта, неподалеку от города: юный темноволосый гигант с глазами синими, как небо на закате, и высокий человек в сером плаще. Широкая утоптанная дорога тянулась вдоль морского берега, уходила к великим туранским городам, к Султанапуру, Акиту, Агралуру и горам Ильбарс; от нее ответвлялся Окружной путь, ведущий на запад, к Бритунии и Киммерии.

— Значит, ты решил, — произнес человек в сером.

— Решил, — откликнулся юноша.

— Жаль! Я мог бы послать тебя к Учителю...

— Как-нибудь позже, Фарал. В другой раз.

— Другого раза может не представиться, Конан.

Молодой киммериец переступил с ноги на ногу.

— И все-таки я возвращаюсь домой. Вот сведу счета с гиперборейцами...

— А потом — с ванами, асами, аквилонцами, пиктами... Ведь так? В мире полно людей, с которыми ты хотел бы свести счета, верно?

Конан, нахмурившись, молчал, поглаживая рукоять меча; кроме своего оружия да сапог, он ничем не поживился в доме колдуна — Фарал не позволил. Сказал, что то богатство — проклятое.

— Ну, ладно, — со вздохом произнес человек в сером, — я не стану тебя уговаривать. К наставнику приходят по доброй воле, иначе он ничему не может научить. Так, во всяком случае, он мне говорил.

— Хмм... — Конан в раздумье запустил пятерню в свою густую гриву. — А что, всякий, кому довелось у него побывать, умеет бросаться молниями? Как ты?

— Нет, — усмехнувшись, Фарал покачал головой. — Люди, видишь ли, разные, и каждый учится чему-то своему, такому, что вложил в него при рождении великий Митра. Мой наставник лишь помогает раскрыться этому таланту.

— Что же вложено в меня?

Странник в сером плаще развел руками.

— Я не знаю. Будущее скрыто от меня; я лишь боец, которому светлый бог даровал частицу своей Силы. У тебя собственный путь, киммериец... но я бы хотел, чтобы когда-нибудь он привел тебя к Учителю.

Они помолчали; потом Конан, опустив кисть в висевшую на поясе сумку, с непривычной робостью произнес:

— Как-то раз ты спросил, нет ли у меня трудностей...

Под его ладонью затрепетали крылышки Шеймиса; потом он почувствовал, как когтистые лапки крохотного демона охватили его палец.

Фарал снова улыбнулся.

— Трудности? Вроде бы их у тебя не было? Или вдруг появились?

— Появились. Но не у меня.

Взгляд странника в сером метнулся к сумке, и он, не переставая усмехаться, понимающе кивнул.

— Надо помочь?

— Да. Если ты захочешь, конечно...

— Захочу!.. — Глаза Фарала смеялись. — Да это же мой долг, клянусь божественной Силой Митры! Как же иначе! Ведь мы вместе сражались со злым колдуном... ты, я и он... тот, кто затаился в твоей сумке... И мы его победили! Разве могу я отказать в помощи верному соратнику? Скажи только, чего он хочет.

Маленькие коготки царапнули палец Конана.

— Освобождения! Там, — киммериец махнул рукой на север, — на берегу моря его страна. Серые скалы, серые тучи и серый дождь... Унылое местечко на мой вкус, но ему нравится. И потом, он очень стар и хочет покоя... ну, ты понимаешь... чтоб была тишина, плеск волн и никаких забот...

— Понимаю. А разве ты не можешь его отпустить?

Киммериец пожал могучими плечами, и его юное безбородое лицо стало хмурым. Он ощущал, как коготки Шеймиса все сильнее и сильнее впиваются в кожу.

— Я-то не против. Только тут какое-то колдовство... он клянется, что обязан служить мне до смерти, иначе великий Митра прихлопнет его, как комара.

Фарал задумчиво уставился на сумку.

— Думаю, твой приятель ошибается. Великий Митра милостив к тем, кто верен своему долгу. Он — благой бог и карает только отступников.

— Тебе виднее. Ты — близкий к нему человек, — буркнул Конан. — Вот и помоги.

— Помогу. — Отбросив плащ, странник неуловимо быстрым движением выхватил оба своих меча и широко развел локти; сталь звонко звякнула о сталь. — Видишь, крест, — произнес он, показывая взглядом на клинки. —

Крест — древний знак Митры, солнечного бога, и сейчас мы попытаемся испросить у него милости для твоего приятеля. Ты должен коснуться ладонью этого символа, а потом... потом... да, потом ты повторишь за мной некое заклинание... что-то вроде Заклятья Разлуки. Как скажешь его, твой друг сразу попадет туда, где серые скалы и серое море... Не думай, что серое всегда уныло, — неожиданно добавил Фарал. — Я вот люблю этот цвет...

Конан недоверчиво хмыкнул и коснулся пальцами левой руки перекрестья; правая по-прежнему была в сумке. Голубоватая сталь клинков казалась холодной и отливала серебристым лунным светом; Шеймис замер под его ладонью, словно испуганная мышь. Повинуясь кивку Фарала, киммериец сосредоточился; потом начал произносить фразу за фразой, не понимая их смысла, но старательно повторяя все, что говорил его спутник. Язык был ему незнаком; мелодичные хрустальные звуки струились водопадом, и заклинание показалось Конану похожим на песню. Впрочем, не слишком длинную — десяток фраз, не больше.

— Все! — произнес Фарал и, резко выдохнув, забросил мечи в ножны. На миг лицо его стало сосредоточенным, затем руки со странно сложенными пальцами нацелились на сумку, и вдруг Конан ощутил под своей ладонью пустоту.

Шеймис исчез!

Сняв с пояса суму, киммериец заглянул в нее. Пустота!

— Где он?

— Там, куда стремился уйти, — ответил Фарал. — На серых скалах, у серого моря, под серым дождем... Тишина, покой... Словом, все, как ему хотелось.

Лоб Конана разгладился; он уважительно покивал головой.

— Ну, а ты еще не хотел признаваться, что умеешь колдовать! А на самом-то деле! Это твое заклинание... Заклятье Разлуки... такая сильная магия!

— Я бы не сказал, — произнес странник, провожая задумчивым взглядом сумку, которую Конан вновь прицепил к поясу. — Видишь ли, я немного знаю кхитайский... научился, когда пришлось побывать в тех местах... Ну, и... — он смолк, затем потрепал Конана по плечу. — Словом, сейчас мы с тобой повторили одну кхитайскую поэму — что-то о луне, плывущей в темных небесах над

нефритовыми горами, у подножий которых цветет жасмин... Кхитайцы, они понимают толк в подобных вещах.

— Но слова-то были колдовские?

— Нет, парень, самые обычные. Я же сказал — о луне, горах и цветущем жасмине... Думаю, твой приятель не понимает по-кхитайски, и для него вся эта тарабарщина прозвучала очень торжественно.

Киммериец, разинув рот, с изумлением воззрился на Фарала.

— Значит, никакого чародейства? Как же так? Без всякой магии, раз — и на самый север Вилайета! Да туда же надо добираться целый месяц! И потом, он... он... в общем, он мне говорил, что лишь очень сильный маг может разорвать нашу связь.

— А я и не утверждаю, что дело совсем обошлось без магии, — заметил странник. — Ты собирался его отпустить, он хотел уйти... Вот тебе и магия! Ну, а я подтолкнул его напоследок — вроде как дал хорошего пинка, чтобы забросить туда, куда он так рвался. К этим серым скалам...

Конан потер лоб, постепенно начиная осознавать, что раз и навсегда избавился от сумеречного духа. Были в этом свои приятные и неприятные стороны, свои преимущества и потери. Теперь унылая физиономия Шеймиса не будет маячить перед глазами и не придется слушать его вечное нытье, хлебать прокисшее пиво, давиться черствым хлебом, да и таскать в сумке это крысиное отродье... Но кто назовет его, Конана, господином? Хозяином? С кем переброситься ему словом на долгом пути? Да и кислое пиво, и сухой хлеб — не говоря уж о бараньих костях с намеком на мясо! — совсем неплохие вещи, когда от голода урчит в животе...

Что ж, решил юный киммериец, во всем есть нечто хорошее и нечто дурное. Во всяком случае, Шеймису лучше там, где он сейчас пребывает; бесконечные странствия, стычки и поединки с черными магами слишком обременительны для престарелого духа сумерек. Конан представил, как его бывший слуга сидит сейчас на скалах у серого моря, в прохладе и сумеречном свете наступающего утра, прислушивается к шелесту волн и наслаждается покоем... Довольно кивнув, он протянул руку и стиснул локоть Фарала.

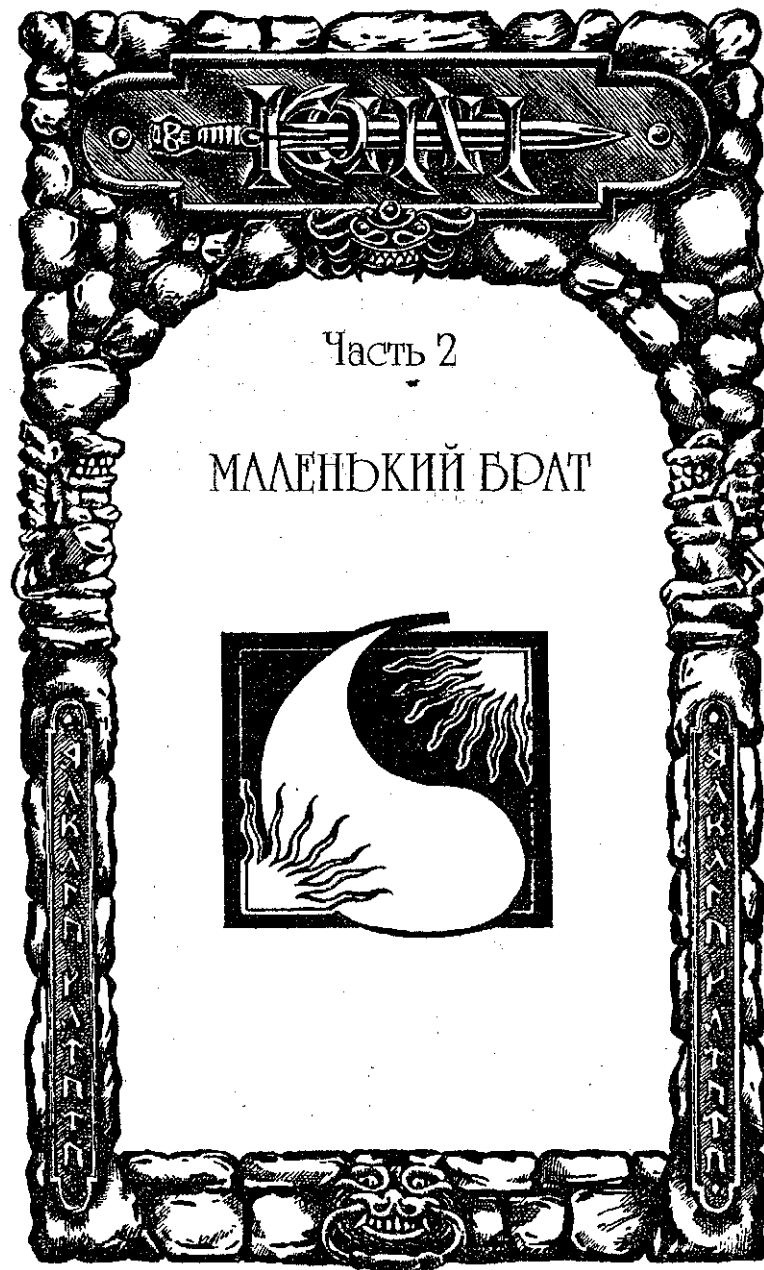
— С помощью магии или по доброй воле, но мы расстались. И хорошо! Я тебе благодарен. А теперь...

— Теперь — прощай, Конан-киммериец. — Странник в сером положил ладонь на руку юноши, стиснул его пальцы. — Прощай.

— Может, когда-нибудь свидимся, — нерешительно произнес Конан.

— Нет, вряд ли. Мир велик, киммериец, очень велик.

Кивнув на прощанье, человек в сером плаще, топорщившемся над плечами, зашагал по Туранской дороге, что тянулась вдоль морского берега, уходя к великим городам юга, к Султанapura, Акиту, Аграпуру и горам Ильбарс. Конан молча смотрел ему вслед. Потом он повернулся на запад, спиной к восходящему солнцу, и сделал несколько шагов, поглядывая то на пыльную ленту Окружного тракта, то на розовеющее небо. В сумке, что висела у него на поясе, что-то звякнуло. Остановившись, киммериец пошарил в ней, вытащил руку и раскрыл ладонь: на ней лежали пять золотых динариев с гордым профилем владыки Ашарата.

Глава 8. Встреча

Южная степь, залитая солнцем, казалась необозримой и бескрайней; только где-то вдалеке, у самого горизонта, таинственно синели горные вершины, за которыми лежал обильный и просторный Хоршемиш, великолепная столица Кофа. По равнине, будто выплывшая из жаркого туманного марева, навстречу пологим горным склонам тянулась дорога — прямая, как стрела, пыльно-коричневая лента среди моря изредка волнуемой ветром зеленой и золотистой травы. Рядом с обочиной, заросшей побуревшими от пыли лопухами, выросло дерево, настоящий исполин растительного царства — высокий стройный остролист; здесь, на юге, он достигал поистине циклопических размеров, и казалось, что его неохватный ствол упирается прямо в ярко-синее небо, словно мачта затонувшего в этом бесконечном степном океане гигантского парусника.

Тут, в жаркой степи, повсюду колыхались волны увенчанных пушистыми метелками высоких трав, иногда склонявшихся под легкими дуновениями ветерка; только у самых корней дерева беспокойно шелестящее травяное воинство отступало — здесь всегда была тень, и землю покрывали лишь подушечки буро-зеленого мха. Под низко нависшей кроной царил приятный полумрак, ибо безжалостные обжигающие лучи солнца не могли пробиться сквозь сплетение толстых узловатых ветвей, усеянных огромными перистыми листьями.

Под гигантским остролистом расположился одинокий путник. Сбросив свой пыльный плащ, он сидел на толстом, выступающем из земли корне, прислонясь спиной к стволу; рядом с плащом валялся туго набитый мешок, а поверх его — длинный меч в потертых кожаных ножнах. Путник этот явно был воином, о чем свидетельствовали и его на редкость могучее сложение, и оружие; он словно бы дремал, полуприкрыв глаза, но временами сильные пальцы рассеянно поглаживали рукоять меча. С виду казался он молодым — лет двадцати или чуть больше; спадающие до плеч волосы отливали цветом воронова крыла, а покрытая коричневым загаром кожа выглядела свежей и по-юношески упругой.

...Губы черноволосого великана плотно сжаты, на высоком лбу выступили еле заметные капельки пота. Да, и в тени дерева очень жарко! Он трет переносицу и еще шире распахивает на бугрящейся мускулами груди куртку из тонкой, словно шелк, прекрасно выделанной оленьей кожи; под ней виднеется нарядная, украшенная богатой вышивкой рубаха. Затем его глаза чуть приоткрываются — он задумчиво изучает свои поношенные, но все еще превосходные высокие сапоги, прикидывая, оставить ли их на ногах или стянуть; однако ленивая истома берет верх — молодой воин снова закрывает глаза и поудобнее откидывается на жесткий ствол дерева.

Неспешно течет время. Похоже, путника сморил сон: его веки плотно сомкнулись, а руки расслабленно упали на колени. Ничто не движется вокруг, только шаловливый ветер порой то взъерошит небрежно рассыпавшиеся по плечам волосы юноши, то шевельнет завязки его узорчатого пояса. Медленно колышется сухая, опаленная солнцем трава, о чем-то лениво шепчут листья в высокой кроне дерева, над уходящим вдаль степным простором словно невидимое покрывало висит монотонный стрекот кузнечиков.

Однако сон воина недолог. Внезапно он распахивает глаза — синие, как небо на закате, и холодные, словно поверхность сбегającego с горных круч ледяного потока. Правда, увидеть нечто подобное тут, на жаркой офирской равнине, не удастся — лишь на севере, среди холодных снеговых полей, огибая редкие острова покрытых вечным инеем каменных глыб, текут ледяные реки.

Проходит миг, и зрачки молодого путника меняют выражение — в них появляется жесткий стальной отблеск; он вытягивает шею и пристально смотрит на дальний конец дороги, теряющийся среди желто-зеленого травяного ковра. И, словно по волшебству, над этой крохотной коричневой ниточкой, почти неразличимой в струящемся и дрожащем у горизонта мареве, появляется светлое пятнышко. Темноволосый воин покачивает головой, словно не доверяя собственным глазам, и рука его вновь касается потертых кожаных ножен.

Постепенно светлое пятнышко увеличивается в размерах, и вскоре он уже может разглядеть неспешно вышагивающую по дороге странную фигуру. Весьма нелепую, если не сказать больше! И в самом деле, этот второй

путешественник являет собой весьма занимательное зрелище: его одежда, обувь, небрежно заброшенное за спину оружие — одним словом, все с ног и до головы — вызывает недоумение у наблюдающего за ним черноволосого синеглазого великана.

На невысокой жилистой фигурке прищельца поверх туники болтается бесформенное белое одеяние — нечто вроде плаща, нижние края которого украшены кокетливыми кисточками из шерстяных нитей. Его сандалии с матерчатым верхом настолько посерели от пыли, что определить, каков был их первоначальный цвет, уже совершенно невозможно; то же самое можно сказать и о повязке, небрежно охватывающей лоб, из-под которой торчат непослушные каштановые пряди.

Но взгляд сидящего под деревом воина, почти не останавливаясь на этих деталях, скользит дальше. Над правым плечом прищельца покачивается рукоять длинного меча, обтянутая вытертой до блеска кожей. Ножны, в которых хранится сие грозное оружие, тоже невероятно длинны — конец их обнаруживается где-то ниже левого колена путника, так что совершенно непонятно, каким образом он умудряется вынимать из них клинок. Но это далеко не все: за другим плечом владельца огромного меча висит туго набитый походный мешок, почти такой же, как у черноволосого, а рядом с ним торчат колчан со стрелами и лук, тоже совершенно гигантских размеров. Игривый степной ветер, развеивая складки плаща, выставляет на обозрение рыцарский пояс на тонкой талии прищельца — великолепный пояс, покрытый серебристыми стальными чешуйками и имеющий с левой стороны специальную накладку под меч. Однако сейчас к пропущенным сквозь нее массивным бронзовым кольцам пристегнут лишь длинный кинжал с рукоятью в виде осклизшего демона.

...Этот неторопливо шагающий по пыльному тракту человек тоже выглядел молодым — возможно, всего двумя-тремя годами старше обладателя черной, как вороново крыло, гривы. По его загорелому, покрытому светлой щетиной лицу блуждала безмятежная улыбка, а жилистые тонкокостные руки покоились на кожаной перевязи, что поддерживала ножны.

— Привет! — произнес он, дружески кивнув темноволосому великану, затем сошел с дороги и вступил под

еень раскидистой кроны гигантского остролиста. На полных его губах по-прежнему играла улыбка, в прищуренных глазах с яркими карими зрачками танцевали веселые искорки. — Привет, и да будет с тобой милость Митры! — повторил он. — Интересно, приятель, а что у тебя в мешке?

Темноволосый, лениво смахнув упавшую на лоб прядь, внимательно оглядел пришельца; на его скулах заиграли желваки, в глазах таился ледяной холод.

— Клянусь Кромом, — медленно произнес он, — что я достану меч и снесу твою глупую башку куда раньше, чем ты вытянешь из ножен свою оглоблю и зарежешься с ее помощью. Готов поспорить на половину груза из моего мешка, коль он тебя интересует. Согласен?

Карие глаза быстро пропутешествовали к мечу синеглазого, рукоять которого торчала у самого хозяйского колена, и опять остановились на его лице. Полные губы растянулись в ухмылке еще шире.

— Хорошо, спорим! — Правый пропыленный сандалий оторвался от земли и начал старательно чесать левую ногу. — Ну, начали! Раз, два, три — и ты проиграл! — Со змеиным шелестом сияющее лезвие выскочило из ножен и устроилось на плече черноволосого, в опасной близости от горла.

Тот, даже не пытаясь парировать выпад (ибо собственный его меч был обнажен едва ли наполовину), скосил глаза и замер, с восхищением разглядывая блестящий прямой клинок, необыкновенно длинный и слишком тонкий для тяжелого рыцарского меча. Сияя полированными гранями и радуя глаз превосходной заточкой, этот меч производил совсем иное впечатление, чем клинки аквилонских и немедийских рыцарей — изящество и воздушная легкость вместо внушительной тяжеловесности. Однако он не был похож на шпагу, совсем нет; и синеглазый великан понимал, что таким оружием можно не только рассечь противнику горло, но и пробить кольчугу.

Эта обоюдоострая и сверкающая полоса была для него словно бы живой, и, очарованный волшебным блеском стали, темноволосый воин потянулся к ней навстречу, как будто собираясь погладить холодный металл. Пальцы его нависли над клинком — там, где отточенная кромка лезвия переходила в острие.

— Эй, осторожнее!

Путник в белом плаще поспешно отдернул меч, увел странным образом одушевленное оружие подальше от раскрытой ладони темноволосого.

— Осторожнее, — повторил он, — а не то эта штука может и укусить.

Звук чужого голоса заставил великана очнуться; он выпрямился, тряхнул головой и скрестил на груди могучие руки. Его синие глаза усталились в лицо стоявшего перед ним человека, но теперь холод в них стал постепенно таять.

— Кром! Как же ты ухитряешься с такой быстротой вытаскивать меч? Он же длиннее тебя самого, приятель!

— Ааа... Тебе тоже интересно... — Путник в белом плаще рассеянно махнул рукой. — Знаешь, у меня там сверху в ножнах есть щелка... вот поэтому... Клянусь рогами Нергала! Вложить его обратно куда труднее! — Натужно пыхтя, он провел правой рукой у себя за спиной, и меч с лязгом встал на место. — Кстати, как тебя зовут? — На его губах вновь заиграла улыбка. Лук и колчан вместе с тяжелым мешком полетели в траву, а их хозяин, удовлетворенно вздохнув, опустился на мягкую моховую подушку рядом с черноволосым путником.

— Конан, — ударив себя кулаком в грудь, гордо произнес великан. — Конан из Киммерии! И хотя ты здорово обращаешься со своей острой игрушкой, меня ты ни-сколько не напугал!

— С чего бы? Кто станет меня бояться? — Человек в белом наигранно передернул плечами и снова ухмыльнулся. — Я всего лишь богобоязненный поклонник великого Митры, светлого и милостивого... одинокий пилигрим, бредущий в...

— Ну, хватит чушь-то болтать! — назвавшийся Конаном высокий юноша раздосадованно тряхнул головой, и теплый степной ветер тут же взъерошил его черную гриву. — По этой дороге, приятель, не бродят богобоязненные пилигримы! Или трактирщик в Батрее забыл предупредить тебя? Может, его куриные мозги совсем заплыли жиром, и он посоветовал тебе не тот путь, а ты взял да и послушался этого недоумка? — Тут великан выдержал недолгую паузу, а затем, положив руку на плечо соседа, заявил: — Ну, коли ты уселся без разрешения под моим деревом, да еще и предложил познакомиться, то почему бы и тебе не назвать свое имя?

— Слишком много вопросов сразу, — пришелец невозмутимо расстегнул пряжку на кожаной перевязи. — Выбери какой-нибудь один, будь добр.

— Ну хорошо, приятель! Ответь мне сначала, как тебя зовут! — Конан нетерпеливо пнул древесный корень, зарывшийся в землю под самыми его ногами.

— Как меня зовут, как меня зовут... — словно силясь вспомнить, забормотал парень в белом. — Нет, не так... и не то... и это не годится... погоди-ка! — Он внезапно щелкнул пальцами. — Пожалуй, ты можешь звать меня Маленьким Братом... Лайтлбро, как говорят у нас в Бритунии, ага?

— Ага, — судя по физиономии Конана, ему было абсолютно все равно, как называть попутчика.

— Ну и прекрасно! А теперь, я думаю, нам не помешает перекусить! — с энтузиазмом заявил Лайтлбро, довольно потер руки и принялся выгружать из своего мешка всевозможную снедь.

* * *

Конан путешествовал из Коринфии в Туран. Собственно говоря, Коринфия, куда его занесло после службы в отряде немедийских конных лучников, являлся самой начальной точкой его маршрута, а Туран — самой дальней; там он хотел поступить в гвардию Илдиза Туранского (по слухам, грозного, но щедрого владыки) и добиваться военной карьеры. Однако до Аграпура, Илдиновой столицы, оставался еще не день и не два пути, так что ближайшей целью молодого киммерийца был сейчас Хоршемиш, величайший из городов Кофа.

За десяток дней Конан пересек внутренние области Офира, добравшись от богатой и обширной Ианты до Батреи, небольшого поселения на краю степи. От него к горам, за которыми лежали земли кофитов, тянулись две дороги: превосходный торговый тракт, который шел сначала на запад, к наиболее удобным перевалам, а затем на юг и восток, уже по территории Кофа; и более старый путь, более короткий и прямой, уводивший сразу к юго-востоку, к ущелью Адр-Каун и находившейся за ним седловине. Как сообщил Конану болтливый трактирщик в Батрее, старой дорогой почему-то не пользовались — не то бандиты пошаливали в степи, не то в ущелье происходили какие-то неприятности. Может быть, там

случился обвал, хотя и маловероятно: Адр-Каун на офирском означало «Ровная Стена», и это название было очень древним. Трактирщик из Батреи бормотал еще что-то невнятное о колдовстве, но Конан ему не поверил.

— Выходит, этому толстопузому ублюдку не удалось тебя напугать? — длинным ножом киммериец разрезал копченую индюшку, протянул половину Лайтлбро и моментально вцепился зубами в свою порцию. — Я уж было решил, — добавил он, прожевав огромный кусок ароматного мяса, — что окончательно рехнулся от жары. Клянусь Кромом! Чтобы кто-то еще шел по этой дороге... Невежливо! Там, в Батрее, они запугали друг друга разными байками, так что и вполне нормальные люди начинают им верить.

— Про себя я этого бы не сказал, — Маленький Брат досадливо поморщился. — Скользкий человек этот трактирщик! Сначала чуть не со слезами уговаривал меня остаться у него на пару дней и выйти с очередным караваном. Когда же я поинтересовался, по какой дороге пойдет караван, он посмотрел на меня как на сумасшедшего и ответил, что, разумеется, по обходной — на запад вдоль горного хребта — она, дескать, еще и охраняется офирской стражей.

— Как же, охраняется! Вранье! — отшвырнув в траву обглоданную кость, Конан вытер губы тыльной стороной ладони. — И там разбойники грабят и режут всякого, кто под руку попадется.

— Тогда я спросил трактирщика, — продолжил Лайтлбро, пропустив слова Конана мимо ушей, — а как насчет короткого пути? Разве нельзя отправиться им? Я, видишь ли, очень тороплюсь в Хоршемиш... И слышал, что по старой дороге туда можно добраться за пять дней. Всего пять дней, и ты на месте.

— А что тебе надо в этом Хоршемише? Ты, как я понял, бритунец... и на торговца не похож... Верно?

— Верно, бритунец, — Лайтлбро не без гордости вздернул голову. — А в Хоршемише у меня личные дела... поручение от моего Учителя, можно сказать...

— Учителя? — Конан приподнял брови; некое смутное воспоминание промелькнуло у него в голове и погасло. — И чему он учит, этот твой Учитель?

— Ну, к примеру, вовремя вытаскивать меч, — ухмыльнулся маленький бритунец. Он покончил с индейкой

и принялся грызть сочное яблоко. — Но я-то рассказываю тебе не о нем, а про этого трактирщика из Батреи. Значит, стал я его расспрашивать насчет короткого пути, а этот толстопузый мне и говорит — нельзя, никак, мол, нельзя! Везде бандиты, чудовища, мертвецы, встающие из могил... Не рискуй, мол, благородный рыцарь, своей молодой жизнью, останься у меня, благородный рыцарь...

В коленки мне повалился, жаба поганая, а с ним половина постояльцев его грязного кабака. Вторая половина и так лежала — упились до зеленых демонов. Тьфу! Но я еще не совсем выжил из ума, чтобы перетянуть три недели в обход... И, кстати, — яблочный огрызок отправился вслед за индюшачьей костью, а Маленький Брат, глубоко вздохнув, принялся за следующий плод, — ответь мне честно, что у тебя в мешке? В конце-то концов, я выиграл наш маленький спор!

— Да что ты заладил, приятель! — Брови Конана сошлись на переносице. — Какая тебе разница, что у меня в мешке?

— Какая разница? — буркнул Маленький Брат. — А вот какая: когда вчера утром я собрался покинуть этот вшивый притон, то спросил трактирщика, не соизволит ли он дать мне на дорогу кувшинчик-другой хорошего винца, — голос его постепенно становился все громче и громче, — которого так приятно хлебнуть, волочась весь день по жаре. Понимаешь?

Лицо Конана моментально приняло озабоченное выражение.

— Ну так вот, он мне ответил, что нет у него больше хорошего винца. Кончилось, мол, все хорошее винцо, еще прошлым вечером кончилось. И медовая брага тоже! Отличная брага, прозрачная, как слеза младенца... Был тут, мол, незадолго до тебя один парень, варвар с севера, наглый такой, скверно воспитанный щенок, и все выпил, абсолютно все! А что не выпил, то унес с собой — и хорошее вино, и брагу! Так что осталась одна кислятина, которую даже ослу стыдно поднести! — Теперь Маленький Брат уже вопил чуть ли не во весь голос, колотя мечом в потертых ножнах по мягким моховым подушкам. — Кислятина, понимаешь! Так что этот кусок жирной требухи мне во флягу воды накапал, простой воды, чтоб его Нергал проглотил! Ну? — Лайтлбро, слегка успокоившись, уставился на Конана. — Теперь ты понима-

ешь, зачем я торопился тебя догнать? Так покажи мне, наконец, что у тебя в мешке!

После того, как содержимое объемистого меха с отличным офирским вином нашло последнее пристанище в желудках путников, солнце показалось им уже не таким палящим, а дорога — не столь пыльной и однообразной. Отдохнув в тени дерева еще немного, они нехотя рассовали по мешкам остатки пиршества, вновь повесили на крепкие спины оружие и остальной груз и двинулись дальше — к туманным, синеющим на юге горным вершинам.

— Надо же, — ошеломленно бормотал Маленький Брат, вышагивая рядом с мощным киммерийцем, — одни бурдюки с вином в мешке... Сплошные бурдюки, клянусь милостью Митры!

— А у тебя зато полный мешок жратвы, — не моргнув глазом, парировал Конан. Он покосился на маленького бритунца — тот, несмотря на свою основательную поклажу, не отставал. Парень ему нравился — веселый, нахальный, и в драке, видать, не промах! Хороший попутчик, если только его не подослал кто-то из местных головорезов — тот же содержатель кабака в Батрее, к примеру!

Лайтлбро ухмыльнулся.

— Это ты прав насчет жратвы, — заметил он. — Во-первых, я люблю поесть, особенно в хорошей компании, а во-вторых, надо же мне чем-то и с тобой поделиться! Мне трактирщик так и сказал: мол, северянин уволок столько выпивки, что для провизии в его мешке места уже не осталось. Что он там, в голой степи, собирает жрать, один Митра знает... хотя, до еды ли ему? Все равно пропадет парень...

Тут Маленький Брат обеими руками ухватил полу своего белого плаща и принялся энергично обмахиваться.

— Уфф! Ну и жара! И как ты еще не сварился в своей кожаной куртке?

Конан в ответ только невразумительно хмыкнул. Его мешок был еще не настолько опустошен, чтобы удалось засунуть туда еще и всю одежду, поэтому сейчас там лежал лишь походный шерстяной плащ; куртку же приходилось тащить на плечах, отчего кожа под ней постоянно зудела и чесалась. В который раз киммериец завистливо покосился на своего жизнерадостного спутника; тот, прикрытый от палящих солнечных лучей белой пла-

мидой, дурачился, поднимая сандалиями целые фонтаны бурой дорожной пыли.

— Может, поискать и для тебя клочок белой ткани? — с искренней заботой спросил Маленький Брат, заметив взгляды Конана. — Пожалуй, у меня в мешке найдется что-нибудь подходящее. Соорудишь повязку на голову, как носят в Туране.

— Не трудись, — буркнул киммериец и ускорил шаг.

— Я вот о чем все время думаю, — Лайтлбро повернулся теперь спиной к далеким горам и, приплясывая, бежал впереди Конана. — Что мы будем делать, если этот трактирщик не соврал? Я, конечно, не говорю про всяких там чудищ и оживших мертвецов... Просто мне не понравилась морда этой жабы из Батреи... Знаешь, такие мерзавцы и состоят у лихих людей на доверии.

Конан в ответ только выразительно пожал плечами.

— Если я прав, — продолжал Маленький Брат, не обратив никакого внимания на жест своего попутчика, — то сейчас целая банда уже висит у нас на хвосте. В самом деле, отличная пожива — два олуха с толстыми кошельками в степной глуши, где никто не станет их искать...

— Что-то ты много болтаешь, Лайтлбро, — заметил Конан, поглаживая рукоять своего тяжелого меча. — У меня нет толстого кошелька, и я сам не прочь поохотиться за такой дичью. А потом... потом... ради благого Митры, перестань шнырять у меня перед носом!

— Мда? — Маленький Брат невозмутимо продолжал трусить по дороге спиной вперед; получалось это у него на удивление ловко. — Значит, ты мне не веришь? Тогда обернись, мой недоверчивый попутчик! Сможешь увидеть кое-что интересное.

Бросив взгляд на человечка в белом, Конан все-таки последовал его совету, с подозрением ожидая, что Маленький Брат тут же выкинет еще какую-нибудь штуку. Однако, пристально изучив далекий горизонт, он вынужден был признать, что малыш оказался прав: далеко-далеко над морем зеленой и золотистой травы, то появляясь, то снова ускользая из виду, клубилось маленькое облачко пыли.

— Ну и что? Большое дело! — Конан погрозил огромным кулаком расстилавшемуся во все стороны безмолвному степному простору. — В этой проклятой степи клубы пыли могут означать что угодно. Может, стая шакалов

обнюхивает наши следы! А разбойники... что разбойники? Если их мало — порубим, если много — удерем. Мне к такому не привыкать.

— Да? Куда удерем? У них наверняка есть лошади, не на шакалах же они скачут? — Маленький Брат скептически оглядел расстилавшуюся перед ним равнину. Если раньше она выглядела плоской, как стол, то теперь, когда горы стали чуть ближе, на ней появились небольшие курганчики, заросшие лопухами овраги и даже невысокие приземистые холмы. Тем не менее, спрятаться среди них по-прежнему было нелегкой задачей. — Наверняка у них есть лошади... — пробормотал Лайтлбро, — им же, в отличие от нас с тобой, не надо тащить своих кляч через горный перевал... Может, в траве засесть? Трава высокая... — Он наклонился и провел рукой по макушкам колосющихся степных трав. Колючие стебли с бумажным шелестом разбегались в стороны от его протянутой ладони. — Да, высокая, но сухая, — глубокомысленно отметил он, — сухая, как моя глотка... Ладно, когда припечет, тогда и будем соображать! А пока — гляди! — вон следующее дерево. Если не возражаешь, там и заночуем.

Действительно, в нескольких тысячах шагов впереди над золотистым волнующимся морем показалась темно-зеленая крона очередного остролиста. Вероятно, эти могучие деревья были когда-то высажены цепочкой вдоль всей дороги на расстоянии полудневного перехода друг от друга, чтобы дать усталым путникам место для отдыха в полдень и ночлега по вечерам. Теперь же по старой дороге никто не ходил, и зеленым исполинам приходилось коротать ночи и дни в одиночестве.

Когда блестящий диск порыжевшего вечернего солнца коснулся горизонта, и в остывающем воздухе уже начали ощущаться прохладные токи ночного ветерка, Конан и Маленький Брат, с облегчением скинув свою поклажу, расположились между корнями огромного дерева. Вскоре рядом запылали костер, и двое усталых путников, усевшись на расстеленные поверх мха плащи, занялись ужином. У Лайтлбро в мешке оказалась еще половинка жареного гуся, но есть птицу холодной ему не захотелось, и, насадив мясо на кинжал, он осторожно поворачивал его над огнем, время от времени приносясь к аппетитному запаху. Конан же облюбовал большой свиной окорок и не меньших размеров каравай хлеба; вооружив-

шись длинным ножом, он принялся нарезать и то, и другое здоровенными толстыми ломтями.

Хорошенько закусив и расправившись с бурдючком отменного вина, путники завернулись в плащи и, пристроив мешки под головами, улетели у гаснущего костра. Еще какое-то время между ними текла неторопливая беседа, затем глаза у обоих начали слипаться, и вскоре они уже спали спокойным сном — будто кровожадные разбойники, отвратительные чудища и выползающие по ночам из могил мертвецы были всего лишь досужими байками батрейского трактирщика.

* * *

Когда темное ночное небо уже начало сереть в преддверии разгоравшегося утра, некое смутное предчувствие будто бы вытолкнуло Конана из сна. Глаза его широко раскрылись, и первое, что он увидел, был скомканный плащ Маленького Брата, валявшийся у остывшего костра. Киммериец обеспокоенно покрутил головой и тут же заметил ладную фигурку своего попутчика. Вытянувшись, словно почуявшая след гончая, Лайтлбро пристально оглядывал заросший сухой травой склон придорожного холма. Свежий ветерок слегка шевелил ее высокие стебли, и казалось, что старый холм, проснувшись, разминает застывшие ночью мышцы, потягивается, готовясь к новому жаркому дню. Маленького Брата, однако, не волновала таинственная красота степи, встречающей рассвет; замерев, он сверлил взглядом холм, как будто пытался угадать, что скрывается за его низкой вершиной.

— За нами следят, клянусь светом Митры, — наконец чуть слышно процедил он. — Следят, печенкой чувствую и всеми потрохами...

Но Конан уже и без того определил, что в высокой траве на склоне холма таится какая-то опасность. Неясное, едва ощутимое предчувствие угрозы туго натянутой струной повисло в воздухе, заставляя сердце киммерийца стучать быстрее, а руки — инстинктивно тянуться к оружию.

Но полумрак и неподвижность пока еще оставались надежными союзниками путешественников. Спрятавшийся за огромным древесным корнем Маленький Брат и застывший, словно стигийская мумия, темноволосый варвар не шевелились, внимательно наблюдая за тем, как

над вершиной холма медленно рассеиваются последние ночные тени.

Тягучее время будто бы превратилось в огромную полосатую змею; оно ползло ужасно медленно, одно мгновение неспешно сменяло другое, но вокруг не происходило ровным счетом ничего. У Конана, камнем припавшего к земле, сначала задеревенели ноги, потом руки и плечи, и, наконец, начало чесаться между лопатками. Он ждал с терпением хищного зверя, иногда с завистью поглядывая на Лайтлбро: залегший за корнем Маленький Брат мог изредка пошевелиться и потому не испытывал подобных неудобств.

Небо на востоке начало розоветь, и киммериец решил, что если проваляется здесь еще чуть-чуть, то в драке от него будет толку немного. Он собирался уже встать во весь рост и, прихватив меч, добраться до холма, устроив кровавую потеху тем, кто следил за их лагерем, но вдруг на светлом фоне травы появилось несколько смутных силуэтов, бесшумно крадущихся к подножию гигантского дерева.

— Как думаешь, сколько их? — тихим, как вздох ветра, голосом спросил киммериец.

— Сейчас узнаем, — Маленький Брат, присев за корнем, невозмутимо вытаскивал из чехла свой огромный лук. Он наложил на тетиву длинную стрелу, затем резко выпрямился и, без заметных усилий согнув толстое древко, метнул снаряд. Конан одобрительно хмыкнул; без сомнения, этот малыш не из последних лучников! Он оттягивал тетиву почти до самого уха и отпускал стрелу, не глядя! Со звуком, напоминавшим гудение рассерженной пчелы, оперенная смерть исчезла в полутьме.

И тут же со стороны холма раздался отчаянный вопль, потом грузный шлепок тела о землю и глухой топот уносящейся прочь лошади. Тени в траве на мгновение сменились; затем, восстановив прежний порядок, припустили к дереву со всей возможной скоростью.

— Ну, вот видишь, — казалось, Лайтлбро ужасно забавляет торопливость нападающих, — обыкновенные разбойники! Всего восемь-десять всадников, и одного я уже прикончил, — он неспешно вытянул из колчана вторую стрелу и вновь, почти не целясь, пустил ее в темноту. Два вдоха спустя еще одна лошадь, отвернув, умчалась куда-то в степь, волоча запутавшееся в стремени тело.

В полглаза наблюдая за действиями Маленького Брата, Конан неторопливо встал, потянулся, словно завидевший добычу тигр, вытащил меч и сделал несколько рубящих ударов. Онемение вроде бы начало проходить. Сердце варвара, громко стуча в предвкушении схватки, быстро разгоняло кровь по затекшим мышцам, возвращая им прежнюю силу и эластичность.

Он повернулся, разворошил потухший за ночь костер и бросил на еще тлеющие угли охапку травы, служившую ему постелью. Яростно пожирая сухие стебли, огонь заворчал, прыгнул словно до самых небес; затем, подобно демонам преисподней, привлеченным жарким пламенем, на киммерийца и маленького стрелка обрушились оглушительные визжащие всадники.

Краем глаза Конан заметил, как его спутник отскочил в сторону — будто бы и не собиравшись отбивать атаку наскочившего на него бандита. В результате крупный вороной жеребец нападавшего на всем скаку врезался в древесный корень, метнув седока, словно камень из пращи, прямо в неохватный ствол остролиста. Тут же, размахивая саблями, из темноты возникли еще двое, но их клинки проткнули лишь пустоту. Легко, как перышко, Маленький Брат взлетел над головами разбойников, и его меч со змеиным шипением описал в воздухе полный круг. Вылетев из седла, оба бандита с перерезанными глотками покатались по земле.

Конан встретил двоих бросившихся на него противников не с таким изяществом, зато не менее эффективно. Первый выпад тяжелого прямого меча киммерийца пробил кожаные доспехи замахнувшегося на него бандита, почти напрочь отрубив правую руку. Второй разбойник, чтобы не угодить под копыта бешено лягавшейся лошади своего соратника, резко осадил коня, подняв его на дыбы. Подобно атакующему леопарду, Конан проскочил под брюхом скакуна, взвился в воздух и могучим ударом кулака выбил всадника из седла, пока тот, нагнувшись, шуровал саблей с другого боку.

Остальные трое, увидев, какое страшное опустошение произвели «богобоязненные пилигримы» в их рядах, с воплями помчались обратно в темноту. Маленький Брат даже не стал стрелять им вслед; вместо этого он отчаянно зажестикублировал Конану и завопил:

— Лови ее! Скорей! Ну, лови же!

Окинув взглядом поле сражения, молодой варвар сразу же понял, о чем тревожится его маленький компаньон. Все лошади убитых разбойников уже успели разбежаться, и только последняя кобылка, седока которой он сшиб на землю, запутавшись в поводьях, все еще бестолково крутилась на месте. Поймав животное за узду, киммериец быстро привел его в чувство, хорошенько огрев по холке кулаком.

— Превосходная работа, — заметил он, оглядывая пять тел, валявшихся под деревом. — Кстати, где ты научился так драться, Лайтлбро?

— О! — Маленький Брат поднял глаза вверх, и на лукавом его лице проступило выражение крайней почтительности. — Моим наставником был удивительный человек! Живет он за морями, за пустынями и горами, и нет равного ему в мире бойца!

— Могучий человек, должно быть?

— Нет, старик. Но, похоже, моего Учителя даже смерть не берет.

— Учителя? — переспросил Конан; какие-то неясные воспоминания вновь начали всплывать у него в памяти. — Это тот, что послал тебя в Хоршемиш?

— Ну, не совсем послал... — Лайтлбро, извернувшись змеей, сунул свой огромный меч в ножны. — Я, видишь ли, поклялся ему, что не стану делать одни вещи, но буду делать другие... Как раз дельце из последних и намечается у меня в Хоршемише. Долг, короче говоря! Понимаешь?

Киммериец покачал головой. Он ничего не понял из загадочных речей маленького бритунца, и мысль о наставнике, который учит великому искусству боя, а вместо платы берет со своих учеников клятву, окончательно испарилась из его головы.

— Надо удирать, — произнес Маленький Брат, приближаясь к налетевшему на корень жеребцу. Тот лежал на боку, почти что уткнувшись мордой в погасший костер, и надсадно, со всхлипыванием втягивал в себя воздух. — Похоже, у него сломаны передние ноги, — заявил Лайтлбро после недолгого осмотра. — Жаль! — Тяжело вздохнув, он потянул из ножен кинжал.

— Мы уберемся отсюда не раньше, чем побеседуем с этим ублюдком, — держа в руках повод, Конан пнул ногой вывалившегося из седла бандита. Тот, кажется, очнулся и уже пытался уползти в темноту.

— А? Что?.. Да, ты прав, конечно, — Маленький Брат выгтер окровавленное лезвие о шкуру убитой лошади и присел на корточки перед разбойником. Бандит выглядел типичным офицером, сухошавым и смуглым; его физиономия, заросшая жиденькой бороденкой и присыпанная вездесущей пылью, являла крайнюю степень отчаяния.

— Привет, парень, — приторным, как медовый пряник, голосом проговорил Лайтлбро, не обращая внимания, что пленник, по-видимому, был раза в два старше его. — Не бойся нас. Мы — мирные пилигримы, богобоязненно бредущие...

— Ты опять за свое! — рывкнул Конан, и его нога с такой силой вдавила бандита в землю, что тот резко выпустил воздух, словно лопнувший рыбий пузырь. — Пусть лучше эта падала расскажет, кто послал их за нами!

Но разбойник, задыхаясь, не слышал слов киммерийца. Огромный варвар, поморщившись, убрал ногу с груди пленника.

— Не убивайте меня, благородные странники! — зататорил тот, едва лишь ему снова удалось вдохнуть. — Светлым Митрой заклинаю вас! Взываю к вашей рыцарской чести!

Услышав эти вопли, Конан раздосадованно крикнул и уже сжал свои кулаки, когда Маленький Брат, положив узкую ладонь на огромный бицепс киммерийца, отодвинул его в сторону. Затем он поднял трясущегося разбойника с земли, отряхнул, посадил у костра и принялся отпаивать вином.

Конан, поглядев на такое безобразие, лишь пожал плечами и занялся сворачиванием лагеря, надеясь, что его винные запасы не слишком приуменьшатся в результате столь милосердного отношения к пленнику. Однако, навьючивая походные мешки на доставшегося им в качестве трофея конька, он продолжал внимательно прислушиваться к тому, о чем расспрашивал разбойника Лайтлбро. Удивительное дело: то ли подействовало вино и ласковое обращение, то ли (в чем Конан был более уверен) Маленький Брат так ловко заморочил пленнику голову, что, немного посопровтивлявшись, тот быстро отошел, освоился и выболтал целую кучу любопытных сведений.

Да, трактирщик из Батреи действительно передал их человеку в городке, что по старой дороге к горам отправились два дурака. Первый, варвар откуда-то с севера,

может оказаться опасным, поскольку силен, как бык, и упрям, как целое стадо ослов; второй же, хоть и увешан оружием с головы до ног, по виду настоящий теленок и, похоже, не знает, с какой стороны братья за свой длинный меч (тут Маленький Брат иронически поднял левую бровь). В трактире, мол, оба тратили серебро без счета, да еще и с девками развлеклись от души. Вроде не самая богатая добыча, да упустить жалко: все равно в горах дураки пропадут.

Ознакомившись с этим сообщением, вожак банды послал десять человек — на случай, если варвар и в самом деле окажется силен и опасен; погоня отправилась на лошадях, чтобы быстро догнать и прирезать путников. Да вот беда, со вздохом сообщил бандит, вместо пары олухов отряд их напоролся на двух молодых львов.

— И что же теперь делать двум молодым львам? — поинтересовался Маленький Брат.

Бежать куда глаза глядят, отвечивал пленник, потому как вести шайку вызвался приятель вожака, и, без сомнения, главарь будет очень недоволен, узнав, что с ним случилось.

— А что же с ним такого могло произойти? — удивился Лайтлбро.

Как что? Пленник, приложившись к бурдюку, захопал, всасывая вино. Как что? Сдох, поганец! Когда стрела в три локтя прошла его навывлет, только это ему и оставалось! И потому, как только весть о его гибели достигнет ушей главаря, вся банда — все шестьдесят восемь всадников! — тут же примется искать двух отважных рыцарей. Что, впрочем, произошло бы и так.

— Ну, и куда же податься двум отважным рыцарям? — пожелал узнать Маленький Брат, заботливо придерживая бурдюк, к которому присосался пленник.

Никто не ведает, заметил тот: вернуться в Батрею вроде бы уже поздно — во-первых, далеко, во-вторых, конники наверняка отрежут этот путь; по степи же бегать — голодно и неприятно. Так что семь десятков отважных всадников будут гнать двух молодых львов будто зайцев, пока не прижмут к горам...

— А разве львам нельзя ускользнуть через ущелье? — возразил маленький бритунец. — До него лишь день ходу, а там еще немножко — и Хоршемиш!

Так ведь лезть в то ущелье — самое гиблое дело! (Тут разбойник, опустив бурдюк на колени, испуганно вытаращил глаза.) В Адр-Каун уже много лет никто не суется, даже королевские стражи — и те в обход ездят. Ну, а степные молодцы и подавно — куда-куда, а в проклятую расселину их не заманишь никакими сокровищами! Если же благородные рыцари желают без промедления покончить счеты с жизнью, они могут смело отправляться прямо туда. И попадут они не на перевал, что ведет в Коф, а напрямик на Серые Равнины. Или в пасть Нергала, кому что нравится.

— Понятно, — протянул Маленький Брат. — Мы все-таки отправимся в этот Адр-Каун, и, я надеюсь, Митра защитит нас от зла. — Он поглядел на бандита. — Не желает ли смелый степной удалец присоединиться к нашей скромной компании?

Нет, смелый удалец такого желания не испытывал. Смелый удалец хотел оказаться от этого ущелья на наибольшем расстоянии, какое только возможно, чтобы получить шанс дожить до старости. Чего он желает и двум добрым молодым господам.

Лайтлбро поднялся.

— В таком случае, — важно провозгласил он, — благороднейший из разбойников может убраться к Нергалу в задницу. Мы его не задерживаем.

* * *

— Ну, слышал? — тихо спросил Маленький Брат у киммерийца, когда длинный шлейф поднявшейся над дорогой пыли скрыл из вида улепетывавшую во все лопатки фигурку.

— И мастак же ты, парень! — Конан добродушно ткнул приятеля локтем в бок, отчего тот едва не повалился в траву. — Ловко ты его разговорил!

— Я человек компанейский, — пустился было в объяснения Маленький Брат. — Ласковое слово, немного выпивки, чуток магии...

— Магии? — Конан положил ладонь на рукоять меча и нахмурился. — Ты мне нравишься, малыш, но с колдунами — клянусь Кромом! — мне не по пути!

— Что ты, что ты, никакого колдовства! — замахал руками Лайтлбро. — Просто один крохотный талант... так, совсем пустяшный... Учитель мой говорил, что хоть Мит-

ра и обделил меня Силой, но, мол, и без нее я любому человеку сумею влезть в душу... Кстати, — он поднял глаза на огромного киммерийца, — я верно сказал? Мы идем в ущелье?

— Верно-то верно, но зачем извещать о том бандитов? Сбрехнул бы, что молодые львы спрячутся в траве, или вообще промолчал... Трава высокая, и они искали бы нас в зарослях до второго пришествия Митры!

— Да не искали б они нас там, — отмахнулся Маленький Брат и потащил упирающуюся кобылку к дороге.

— Это еще почему?

— Потому что я бы на их месте просто поджег степь, а потом поехал следом за огнем, шпигуя стрелами каждого, кто ухитрится выбраться живым из пламени, — Лайтлбро рассерженно пнул пыльный лопух, выросший на обочине. — А поскольку я думаю, что они так и сделают, то совсем неважно, чем заморочить этому бедняге мозги... Так и так нам нужно побыстрее смотаться отсюда. Ветер быстро крепчает, а мне еще хотелось бы собрать свои стрелы.

Конан кивнул.

— Да, поднимается ветер и дует прямо в нашу сторону... — Прищурившись, он оглядел обманчиво близкие горные вершины. — Надеюсь, ты поспеешь за лошадей: вместе с поклажей нам на нее не влезть, больно мелковата, а садиться кому-то одному обидно.

— Поспею, — насмешливо ответил Маленький Брат, похлопав лошаденку по холке. — И за ней поспею, и за тобой, и еще быстрее вас обоих.

* * *

К полудню дувший в спину путникам ветер принес отчетливый запах гари. Конан с Маленьким Братом обернулись почти одновременно, но рассмотреть позади так ничего и не сумели — весь далекий горизонт оказался скрыт волнами белесого, стелящегося по земле дыма.

Какое-то время Маленький Брат глубокомысленно тараторжил на эту картину, потом с задумчивостью объявил, что при таком ветре, даже удирая во все лопатки, пожар им не обогнать. Выход один — воспользоваться лошадейю как средством немедленного спасения, выкинув все лишнее из мешков.

Конан горестно кивнул головой, живо спихнув поклажу с лошадиной спины прямо в пыль. Распутав завязки, могучий варвар и его маленький компаньон уселись каждый у своего тюка и принялись, печально охая, выгружать их содержимое.

Отправив в придорожные лопухи недоеденную индейку, сверток с паштетом, неисчислимое количество яблок и еще целую уйму всевозможной провизии, Маленький Брат спрятал обратно в свой изрядно похудевший мешок маленькую лютню, моток веревки со стальным крюком и три небольших кожаных кисета, кинул поверх них кошель, огниво, еще какую-то мелочь и, невесело ухмыльнувшись, резво вскочил на ноги.

Конан, оглядев выросшую на обочине гору превосходной пищи, вопросительно уставился на приятеля, но тот лишь махнул в ответ рукой.

— Не беспокойся, я оставил шмат сушеного мяса с травами, — с глубоким вздохом маленький бритунец швырнул в траву свой щегольский плащ. — Штука необыкновенно питательная и очень легкая. Так что голодать мы не будем! Кстати, — в притворном гневе он ткнул пальцем в выстроившуюся перед киммерийцем шеренгу бурдюков, — почему ты до сих пор не разобрался со своим бараклом?

Теперь настала очередь Конана тяжело вздыхать и сокрушенно почесывать темя. Внезапно, осененный превосходной идеей, он быстро вскочил, выдернул из крайнего бурдюка пробку и, запрокинув голову, жадно принялся пить. Дав ему опорожнить мех примерно до половины, Маленький Брат ехидно поинтересовался: сколько вина он собирается в себя влить? Киммериец, занятый делом, не счел нужным отвечать на сей вопрос. Тогда Лайтлбро, как ни в чем ни бывало, выхватил меч и стремительным ударом разрубил злополучный бурдюк напополам.

— Ты чего?! — зарычал рассвирепевший Конан, сжимая кулаки, но его маленький спутник, ловко отскочив на недостижимое для киммерийца расстояние, предложил ему подумать над следующей проблемой: что легче везти лошади — здоровенный бурдюк с вином и Конана в придачу или одного Конана, но вылакавшего все вино до капельки?

Ответ напрашивался сам собой, что остудило гнев огромного варвара. Кивнув, он любовно огладил выстроившиеся на обочине бурдюки и засунул обратно в свой мешок только один из них.

— Нет, с этим я не расстанусь, — оборвал он уже раскрывшего рот Маленького Брата. — Лучшая брага, которую гонят тут из зерна! Если поджечь, горит, словно масло в светильнике! Чем оставлять этим шакалам, лучше выхлебаем сами. Но не сейчас. Потом, когда минуем ущелье.

Еще раз оглядев свои запасы, Конан потуже затянул тесемки сильно сдавшего в объеме мешка и выпрямился, небрежным жестом отправив свой теплый плащ вслед за одеянием Маленького Брата.

— Ну, вот и все... Теперь я готов двигаться дальше.

— Еще не совсем, — заметил маленький бритунец и, словно базарный фокусник, извлек прямо из воздуха пузатую кожаную флягу. — В ней одна вода, как я тебе говорил. Думаю, ты можешь наполнить ее чем-нибудь получше... По своему усмотрению.

Они поглядели друг на друга и ухмыльнулись.

Глава 9. Ущелье

Умостившись впереди Конана на низкорослой разбойничьей лошаденке и подлаживаясь под ее неровную тряскую рысцу, Маленький Брат, неизвестно почему, пришел вдруг в самое благостное расположение духа. Вытащив из своего мешка лютню, он принялся пощипывать струны, мурлыкая что-то под нос; потом запел громче. Голос у него оказался несильный, но приятный, и киммериец, сначала рассеянно глазевший по сторонам, стал в пол-уха прислушиваться к балладе.

Говорилось же в ней о вещах непонятных и странных — о некоем Великом Равновесии, в котором заключалась тайна бытия, божественного распорядка и вещего промысла светлого Митры. Еще о том, что Зло в мире вечно и не подлежит полному искоренению, ибо без него лишается смысла и понятие Добра; но туда, где Зло грозит опрокинуть чашу вселенских весов, протягивается божественная длань солнечного бога, восстанавливая равновесие. И дланью этой — так пел Лайтлбро — были люди, что скитались по всем землям и странам, от

Западного океана до Восточного, от ледяной тундры Асгарда и Ванахейма до жарких пустынь Иранистана и болот Зембабве.

Последнюю строчку Маленький Брат пропел именно в тот момент, когда лошадка угодила передней ногой в засыпанную пылью рытвину, и оба всадника едва не слетели наземь.

— Очень странная сага, — признался Конан, дождавшись, пока кобылка не перестала хромать и брыкаться и снова пошла ровнее. — Многие слова в ней мне непонятны.

— О да, и мне тоже, — беззаботно передернул плечами маленький бритунец, но Конан успел заметить, что глаза его при этом хитро блеснули. — Старая баллада, понимаешь ли, можно даже сказать, древняя... Как петь — знаю, но о чем она, поведать не могу.

— Тогда спой что-нибудь попроще! — потребовал киммериец и приложился к едва початой фляге.

Маленький Брат не стал спорить и запел уже нечто совсем иное:

Моя дорога далека —
За море горьких слез,
За склоны гор, что в облака
Укутает мороз,

За озеро, за темный лес,
За водопад без дна,
За край покинутых небес
Меня ведет она,

Минуя русла бурных рек,
Сквозь жгучие пески,
Где даже камни
На жаре

Потрескались с тоски,
Где, истончив в пыли свой след,
Закончатся пути...
Но там,

Где и дороги нет,
Придется мне пройти...
Придется мне лететь и плыть
Сквозь снег, туман и дождь,
Ползти

И мчаться во всю прыть,
Сто истоптать подошв...

Маленький Брат пел, и степь волнующимся зелено-золотым покрывалом проплывала мимо. Солнце медленно клонилось к темнеющим горным вершинам, и, словно поддаваясь магии человеческого голоса, уже не так жаростно хлестало своими жгучими лучами двух путников и их усталую лошадь. Казалось, даже жаркий степной ветер немного поутих и перестал пахнуть паленым. Горы впереди становились все выше, и теперь их близость чувствовалась во всем: в напоенном влагой воздухе, в появлении обширных проплешин среди шелестящего моря травы, усеянных щебнем и крупными валунами, в крутой стати встречных холмов — по сравнению с теми, что остались далеко позади, они заметно подросли и вверх, и вширь.

Местность вокруг постепенно сминалась все более заметными складками, и дорога начала подниматься и опускаться — с пригорка в овраг, из оврага снова на пригорок. Мерно покачиваясь на широкой лошадиной спине и отстраненно глядя в ясное синее небо, Конан позволил этому монотонному движению и сливающемуся с ним ритму нехитрой песенки убаюкать себя.

Обычно, странствуя по незнакомым местам, он никогда не позволял себе расслабляться подобным образом, но сейчас дружеская близость Маленького Брата, тепло его крепкого ладного тела и негромкий голос почему-то вселили в огромного киммерийца совершенно необъяснимое ощущение покоя и уверенности. И Конану казалось, что пока его маленький спутник находится здесь, рядом с ним, пока звучит его голос, можно отдыхать сколько угодно — все равно ничего плохого не случится. Можно даже, наверное, ненадолго вздремнуть...

Хотя... Откуда это у него такие мысли? Конан резко выпрямился в седле и помотал головой. Не хватало еще только заснуть! Вот как раз под копытами лошадки заблестели коварно затаившиеся в пыли булыжники... Киммериец хлопнул себя по затылку, окончательно прогоняя дремоту, и, подтянув повод, повел конягу осторожнее. Похоже, то ли благодаря вокальным способностям Маленького Брата, то ли из-за того, что ветер внезапно стих, они успешно обгоняли пожар. Правда, заключил Конан, обернувшись и озирая степь, если им и придется сегодня где соснуть, так только в горах; надеяться в их положении

еще и на ночлег и отдых в этих местах, значит испытать судьбу.

— Как ты думаешь, — киммериец хлопнул по плечу сидевшего впереди Маленького Брата и вытянул руку к горам, — к ночи доберемся?

— Конечно! — сунув лютню в мешок, Лайтлбро повернулся к нему и состроил большие глаза. — Ночью вообще-то не худо бы и поспать, а лечь прямо в траву, рискуя превратиться в жаркое для разбойников, мне совсем не улыбается.

— Хмм... — протянул огромный киммериец. Ему явно не верилось, что между желанием Маленького Брата как следует выспаться и возможностями их кобылки существует какая-то связь. Успеет ли лошадь выбраться к горам до вечера? Это казалось Конану сомнительным, но тут его маленький спутник посоветовал киммерийцу меньше крутить головой по сторонам и посмотреть хоть раз вперед.

Конан послушался, посмотрел и ахнул — спал он что ли под немудрящие песенки Маленького Брата? Хребет впереди занял уже полнеба, а солнце, словно рывком соскочив с прежнего места, внезапно очутилось далеко на западе. Холмы, еще недавно подставлявшие под его ослепительные лучи свои лысеющие макушки, отбрасывали теперь длинные косые тени; воздух стал заметно прохладнее, и их разморенная было лошадка, закусив удила, вдруг целеустремленно припустила вперед по дороге, так что Конану осталось только удивляться, откуда у нее взялось столько прыти.

— Воду небось почуяла, — заметил Лайтлбро и заерзал в седле. — Ты как, кстати, отдохнул немного, расслабился?

Конан уже собрался недовольно буркнуть, что некогда было ему отдыхать и расслабляться, трясаясь в седле в тесноте и неудобстве, но тут до него внезапно дошло, что усталости-то он не чувствует. Наоборот, он словно был заряжен какой-то энергией — и настолько, что ему вдруг захотелось соскочить на землю и нестись впереди лошади подобно пыльному смерчу. Странно, подумал он; кажется, музыка и песни малыша порядком его взбодрили... Магия? Или он попросту задремал в седле?

Не удержавшись, Конан широко развел руки и довольно потянулся.

— Ладно, можешь не отвечать, — Маленький Брат притворно нахмурился и подобрал выпавшие из рук варвара поводья, — я и сам все вижу. Скоро начнет смеркаться, так что, раз ты выспался у меня за спиной, будешь дежурить первым.

Киммериец в ответ только прижмурил глаза, словно разомлевший на солнцепеке огромный кот; даже если б Лайтлбро потребовал, чтобы он оставался на страже всю ночь, Конан не стал бы возражать.

Однако Маленький Брат не собирался предлагать ничего такого. Когда лошаденка наконец добралась до источника — тихо журча, тот выбивался из расселины у подножия горной кручи, и трава вокруг него была зеленой и сочной — бритунец молча спрыгнул на землю и занялся поклажей. Слез с лошади и Конан. Рассеянно погладив болтавшуюся у него на груди флягу, он потряс ее и с сожалением убедился, что вино выпито до последней капли.

Избавившись от двойного груза, лошаденка довольно фыркнула и опустила морду в ручей. Когда она напилась, Маленький Брат снял с нее седло и всю упряжь и угостил на прощанье хорошим пинком. Заржав, кобылка отбежала шагов на двадцать и, тут же забыв о нанесенной ей обиде, спокойно принялась пастись. Конан наблюдал за этой сценой с молчаливым одобрением: в самом деле, тянуть лошадь через горный перевал себе дороже, а потому лучше расстаться с ней сейчас.

Сняв с шеи флягу, он вытащил деревянную пробку и утопил пузатый кожаный сосуд в ручье.

— Ну, что ты там возишься? — окликнул его Маленький Брат. — Бери мешок и пойдем. Нам нужно найти укрытие на ночь.

Конан выпрямился, шагнул к своему изрядно полегчавшему тюку и забросил его на плечо. Тропа, что шла, вероятно, к перевалу, начиналась прямо у его ног; петляя среди уродливо скрюченных колючих кустов и заросших мхом каменных глыб, она втягивалась прямо в ущелье, словно гигантским ножом прорезанное в теле горы. Маленький Брат, поднявшись на сотню шагов вверх по тропе, остановился у ближайшей груды камней и махнул приветно рукой.

— Похоже, неплохое место для ночлега, — произнес он, когда киммериец подошел ближе. — Взгляни!

— Да, неплохое, — заключил Конан, осмотревшись. Два здоровых валуна, прилепившихся к скальной стене на расстоянии пятнадцати локтей друг от друга, образовали нечто похожее на маленькую каменную крепость с двумя башнями, а окружавшие их полукольцом камни помельче только подчеркивали это сходство.

— Ну что, забираемся? — предложил Лайтлбро и, не дожидаясь ответа, полез внутрь.

Оказавшись за стенами «крепости», оба путника, не откладывая дела в долгий ящик, приступили к разбивке лагеря. Валявшиеся поблизости гранитные обломки пошли на устройство грубого очага (огонь его, находясь на тропинке, никто не сумел бы заметить); мелкие острые камушки были сметены в сторону, и их место заняли охапки травы и еловые лапы. После того, как постели были готовы, Маленький Брат с таинственным видом прогулился вверх и вниз по тропке вместе с небольшим позвякивающим мешочком. Когда он вернулся обратно, мешочек в его руках был пуст.

— Ну, что ж, — сказал он и довольно ухмыльнулся, — теперь мы гарантированы от внезапного нападения.

Конан в ответ на это лишь недоверчиво хмыкнул, но Лайтлбро вовсе не расстроило столь скептическое отношение приятеля к его военным талантам. Устроившись перед очагом, он извлек из мешка сверток с сушеным мясом и предложил киммерийцу угощаться. Огромный варвар не заставил повторять приглашение, быстро расправившись с половиной их запасов; сам же Маленький Брат съел лишь несколько тоненьких ломтиков, затем глотнул воды из фляги и бросил в рот кусок ароматической жвачки. Флегматично перекатывая ее во рту, он расстелил свой белый плащ на ложе из еловых веток, пристроил в голове мешок; потом, все так же молча, улегся и некоторое время ерзал, уминая постель. Наконец Лайтлбро выплюнул жвачку, завернувшись в плащ и громко объявив, что смена караула произойдет, когда месяц склонится к западу; теперь же ему угодно отдохнуть. И действительно, не успел Конан глазом моргнуть, как его маленький приятель уже спал, уткнувшись носом в сгиб руки и тихо посапывая.

Полуболевшись на эту мирную картину, киммериец высунул голову из-за валуна и осмотрелся. Даже в подступающих вечерних сумерках начало тропинки и ручеек

у самой подошвы горы были видны как на ладони; но на тропинке ему не удавалось различить ничего. Какую же ловушку установил там Лайтлбро? Обернувшись назад и поглядев затем вверх, Конан увидел лишь теряющиеся в полумраке голые каменные стены ущелья. Выглядели они на удивление ровными, словно отшлифованными человеческими руками, и он подумал, что Адр-Каун вполне оправдывает свое название. Примерно в двадцати шагах от их убежища, обворачивая загородивший прямой проход скальный выступ, тропа резко отклонялась влево; скорее всего, Маленький Брат и поставил свою игрушку за поворотом.

Спать не хотелось. Чувствуя себя необыкновенно бодро, Конан потоптался немного на месте, похлопал себя по бокам и решил, что ему все-таки стоит взглянуть на таинственное содержимое позвякивавшего мешочка Лайтлбро. Бесшумно перебравшись через невысокий каменный бруствер, он еще раз настороженно зыркнул в ту и в другую сторону, и лишь затем, ступая медленно и осторожно, отправился вниз по тропинке. Каждый раз, прежде чем опустить на землю мягкую кожаную подошву своего сапога, киммериец внимательно приглядывался: сначала смотрел себе под ноги, а затем на обочины тропы. Шаг за шагом он спускался все ниже и ниже, не замечая ничего необычного; на глаза ему попадались только булыжники всевозможных размеров, да сиротливо жмушщиеся к отвесным стенам каньона мелкие деревца и колючие кусты.

Окончательно разочаровавшись, Конан собрался уже повернуть обратно, когда его взгляд вдруг привлекло еле заметное серебристое мерцание, словно повисшее в воздухе на высоте ладони от поверхности тропинки.

Вот оно! Тонкая, как паутинка, стальная проволока, чуть дрожащая в потоке поднимавшегося от нагретых за день камней теплого воздуха... Не обладай Конан кошачьим зрением и звериным чутьем на подобного рода ловушки, в такой темноте он бы не обнаружил ровным счетом ничего — пока, разумеется, не ткнулся носом прямо в землю. Любопытно, подумал он, куда же ведет эта нить? Присев на корточки, киммериец осторожно провел пальцем по проволочке, установив, что тянется она до ближайшего колючего куста, в самой середине которого подвешена целая гроздь маленьких колокольчиков. Раз-

глядывая их, Конан отметил, что колокольчики размещались в тени толстых веток — видимо, с таким расчетом, чтобы гуляющий по ущелью прохладный ветерок не смог до них добраться.

Что ж, ничего удивительного! Он встал и довольно потянулся. Наконец-то ему удалось раскусить одну из хитростей Маленького Брата! А теперь можно и вернуться, а то так и полночи пробродишь... Широко улыбаясь, Конан выпрямился, поднял ногу... и тут же, нелепо взмахнув руками, преобильно треснулся спиной об острые камни. Встревоженные трели медных колокольчиков зазвучали, казалось, отовсюду. Мигом оказавшись на четвереньках, киммериец был вынужден именно таким способом выбираться из спеленавших его тонких стальных сетей; видно, обнаружив одну проволочку, он пропустил по крайней мере еще десяток.

Уже приближаясь к едва различимому в ночной темноте каменному убежищу, Конан услышал, как отчаянно ругается Маленький Брат.

* * *

Когда наступило его дежурство, Лайтлбро недолгое время посидел у очага, затем, поднявшись, отправился на тропу проверить свои ловчие сети. К счастью, неуклюжий варвар не нанес им большого ущерба: и тонкая проволока, и колокольчики оказались на месте. Осмотрев их, Маленький Брат тяжело вздохнул. Как жаль, что Митра отказал ему в таланте, позволявшем прикоснуться к Его неизмеримой Силе! Тогда бы не понадобились все эти предосторожности... Владея Силой, он даже во сне слышал бы приближение врагов!

Но чего бог не дал, того не дал... По словам наставника, лишь каждый третий из его Учеников мог использовать астральную мощь, накапливая ее в своем теле и исторгая в виде смертоносной молнии или тонкой неощутимой нити. То был врожденный дар; у одних — сильнее, у других — слабее. Лайтлбро тоже обладал им, но в самой незначительной степени: ослепительные молнии и незримые щиты, способные предохранить и от оружия, и от злых заклятий, оставались для него недостижимой мечтой. Все, на что он был способен — снять усталость, ощутить чуть заметный трепет чужих мыслей, утешать рану... Зато у него имелись другие таланты, позволявшие стать

если не бойцом, грозным истребителем Зла, то превосходным разведчиком.

Он попал к Учителю совсем юным шестнадцатилетним пареньком, когда, влекомый природной непоседливостью и неумным любопытством, покинул поля родной Бритунии, добрался до Султанапура и, нанявшись юнгой на торговый барк, переправился на восточные берега Вилайета. За морем лежала бескрайняя гирканская степь, а за ней — далекие и сказочные страны, Меру, Кусан и Кхитай; в Кхитай он, собственно, и собирался, но не дошел. Где-то к северу от великих восточных империй простиралась безводная песчаная пустыня, чьи барханы упирались в горный хребет на краю мира; там, на склоне древнего потухшего вулкана жил Учитель, и туда добрался полумертвый Лайтлбро, месяцем раньше отбившийся от каравана.

Несомненно, на то была воля богов! Он мог сотни раз погибнуть в проклятой пустыне, умереть от голода, жажды или укуса змеи... Но он добрался! И принял обет, который наставник налагал на своих Учеников. Собственно, эта клятва являлась единственной платой за науку...

Вернувшись к убежищу, Маленький Брат взглянул на разметававшегося во сне киммерийца и усмехнулся. Какой он огромный, этот Конан! Сам он, кроме потрясающей живучести, не мог похвастать ничем — ни ростом, ни силой... Учителю пришлось немало повозиться с ним! Зато, приняв под руку свою беспомощного цыпленка, он выпустил в мир орла... Ну, если уж и не орла, то бойцового петуха, подумал Лайтлбро с некоторой долей законной гордости.

Наставник обучал приходящих к нему как бы дважды. Все, добравшиеся до него живыми (и тем самым доказавшие крепость духа), овладевали Великим Искусством Убивать, коему приходилось учиться не один месяц. Зато результаты говорили сами за себя: каждый из Учеников мог лишить человека жизни тысячью способов, оружием и голыми руками, копьем, мечом, дротиком, стрелой или с помощью куда более хитроумных и смертоносных устройств. Наука эта давалась не даром — тот, кто умел убивать, убивать по-настоящему, начинал иначе относиться и к собственной, и к чужой жизни.

Но Великое Искусство включало не только понятие о телесной мощи, неутомимости, ловкости во владении лю-

бым оружием; тренировка духа была важнее крепости мышц. На этом втором этапе наставник учил владению Силой Митры — той, что изливалась на землю с астральных высот, пронизывая воды и воздух, деревья, травы, мертвые камни и живую человеческую плоть. Он учил прислушиваться к божественной Силе, ловить ее трепет, концентрировать в себе чудовищную мощь, исторгать ее, испепеляя Зло... Подобное таинство давалось не всем, хотя, как утверждал Учитель, всякий человек, в той или иной степени, мог ощутить эманацию божества.

Как жаль, подумал Лайтлбро, что у него не оказалось больших способностей! Особенно к концентрации, в чем, вероятно, повинен его непоседливый нрав... Снова испустив едва слышный вздох, он уселся рядом с очагом, скрестил ноги и замер, вспоминая.

Учитель не пытался утешить его, но всячески подчеркивал другие таланты, утверждая, что они являются не менее ценными, чем способность испускать молнии и громы. «Ты, Малыш, — говорил он, — сумеешь всякому влезть в душу...» Малыш! Разумеется, по заведенному наставником обычаю, он получил новое имя, и теперь, семь или восемь лет спустя, едва мог припомнить то, которым его звали в детстве. Он носил его с гордостью, слегка переделав — Маленький Брат звучало все-таки солидней, — и не собирался менять; по крайней мере, не в ближайшие двадцать лет. Он любил поражать людей, а несоответствие между его именем, видом и той ловкостью, с которой он владел оружием, было достойно удивления.

Разумеется, он был тщеславен! Но светлый Митра милостиво прощал сей грех, а в обетах, принесенных Учителю, вообще не упоминалось о подобных человеческих слабостях. Клятвы, служившая платой за обучение, не запрещала почти ничего: ни вина, ни вкусной пищи, ни женщин, ни даже стремления к богатству и успеху. Запретным оставалось лишь одно — убийство; владеющий Искусством не должен убивать, пока на него не нападают. Конечно, имелось и исключение из этого правила — когда речь шла о том, чтобы покарать Зло, и смерть одного человека спасала многих от мучений и гибели. Собственно, это и было главной задачей Учеников, бродивших по свету уже не первый век.

Лайтлбро пошевелился, протянул руку, подбросил сухую ветвь в угасающее пламя костра. Он был незлобив,

и обет, наложенный Учителем, исполнял без труда. Ему, едва-едва владеющему Силой, не приходилось карать Зло — настоящее Зло, способное нанести ущерб многим поколениям людей и сдвинуть Великое Равновесие. Зато он был превосходным лазутчиком, ибо отмеченный наставником талант влезать в душу позволял добираться до таких секретов и тайн, которые сильные мира сего предпочитали не вытаскивать на свет благого Митры, Подателя Жизни и Владыки Всего Сущего. Вот и этот поход в Хоршемиш... Этим городом в Кофе давно стоило бы поинтересоваться; много лет туда не добирался ни один из Учеников. Может, там все в порядке, а может, и наоборот... Лайтлбро знал, что если не сумеет справиться своими силами, в Хоршемише вскоре появится кто-нибудь посильнее — Фарал Серый из Аквилонии или Рагар Утес, аргосец... Кто-то придет обязательно, услышав зов великого Митры, его божественное повеление; придет и исполнит свой долг, сокрушив Зло, даже если это будет стоить ему жизни...

Что же остается ему, Малышу, ловкому стрелку и фехтовальщику, не способному, однако, вести на равных поединки с черными магами, злыми колдунами и потусторонней нечистью, что затаилась в чешуе Древнего Змея Сета, вечного противника Митры? Усмехнувшись, Лайтлбро потянулся к своему мечу. Благой бог правильно устроил этот мир, определив каждому своему аколиту задачу по силам: одни сражаются с могущественными чародеями, другие... Что ж, другим предстоит на рассвете уничтожить разбойничью шайку, а это тоже благое дело!

Он вытянул клинок из ножен, погладил холодную сталь, покосился на гиганта-киммерийца, чья мощная грудь вздымалась и опадала, будто кузнечные меха. Славный парень! Грубоват, конечно, но чего требовать от варвара? Зато вдвоем они разберутся с этой бандой быстрее, чем шелудивый пес чихнет!

Лайтлбро перевел взгляд на тропу, уходившую к перевалу, и вдруг почувствовал легкий озноб. Бандиты бандитами, подумал он, но что ждет их там, в ущелье? Ему вспомнился батрейский трактирщик. Врал или не врал этот заплывший салом окорок? Насчет разбойников все исполнилось в точности; он даже сам навел их на след своих недавних постояльцев... А вот про демонов, стерегущих Адр-Каун?.. Правда или вранье? Но незадачливый

головорез, который был допрошен вчерашним утром, предупредил о том же... о какой-то опасности, затаившейся в ущелье...

В этот миг Маленький Брат снова пожалел, что не владеет божественным даром настолько, чтобы проникнуть мыслью к перевалу, неощутимой тенью скользнуть вдоль на удивление ровных и гладких каменных стен. Разумеется, умение влезть в душу — великое искусство, подумалось ему, но есть ли души у тварей, стерегущих перевал?

Покачав головой, он встал, простер руку над Конаном, прошептал заклинание спокойного сна, и опять направился к тропинке — поглядеть, что творится внизу. По расчетам Лайтлбро, банда, что шла за ними по пятам, уже могла достичь источника в сотне шагов от их убежища.

* * *

Конана разбудили тихие мерные шорохи. Чуть разлепив веки и скосив глаза, он убедился, что это странное шелестение производит Маленький Брат: усевшись на плоский валун, бритунец сосредоточенно правил свой чудовищный меч мягким оселком. Тонко шипя и чуть попискивая, словно живое существо, оселок бойко сновал вверх и вниз по лезвию, изредка останавливаясь, чтобы Лайтлбро мог сдуть каменные крошки с его рыжеватой спинки.

— Оружие всегда должно быть хорошо наточено, верно, приятель? — Маленький Брат глянул на киммерийца, давая понять: он-де заметил, что попутчик проснулся.

Конан присел на своем ложе из еловых веток, протер глаза, зевнул и зашарил руками по сторонам в поисках фляги: похоже, пока он спал, она куда-то укатилась. Тем временем Маленький Брат, спрятав оселок, открыл маленькую коробочку, напоминавшую пудреницу какой-нибудь городской щеголихи. Внутри ее действительно оказался белый, похожий на пудру порошок; вооружившись мягкой широкой кистью, Лайтлбро принялся аккуратно переносить его на режущую кромку своего меча. Когда весь обоюдоострый клинок был покрыт тонким слоем пудры, он отложил кисть и клочком кожи быстро растер порошок по всему лезвию. Сталь сразу же засверкала лучистым зеркальным блеском, и маленький бритунец,

довольно крикнув, поднял меч за рукоять и сдул остатки порошка.

— Да, кстати, — жизнерадостно объявил он, заметив, что Конан во все глаза наблюдает за его священным обрядом, — мы обзавелись компанией!

— Что?! — Киммериец вскочил, словно подброшенный пружиной. — Какой еще компанией?

— Да вон, внизу, — упрятав меч в ножны, Маленький Брат осторожно выглянул из-за валуна и поманил приятеля пальцем. — Видишь?

Огромный варвар точно таким же осторожным движением приподнял голову над камнем и уставился вниз. Прежде всего он отметил, что зеленые и золотистые цвета простиравшейся вдалеке степи сменились пепельно-серыми. Кажется, подумал он, этот проклятый пожар добрался-таки до самых предгорий, но за ночь успел кончиться...

Взгляд Конана опустился ниже, к зеленой поляне и ручью. Там были люди и лошади; и он ясно различал холодный блеск оружия.

— Разбойники, — жарко зашептал ему на ухо Маленький Брат. — И заметь, тот головорез, которого мы поймали, не соврал — они действительно боятся лезть в ущелье. Хотя уже попробовали...

— Это когда же? — спросил Конан.

Маленький Брат заговорщически подмигнул ему.

— На самом рассвете. Они подвалили всей шайкой, пока ты спал... человек семьдесят, все — на конях... Ну, покрутились у ручья, поорали друг на друга... Потом двое балбесов все-таки полезли наверх, но запутались в моей паутине и с воплями бросились обратно...

— погоди, — громким шепотом Конан прервал своего словоохотливого компаньона. — Выходит, они тут орал, а я ничего не слышал?

— Ну, можно сказать и так. А что? — Вид у Лайтлбро был самый невинный.

— Клянусь Кромом! Не может такого быть! — злобно зашептал Конан. — Ты что же, считаешь, что я оглох окончательно?

— Откуда я знаю? Может, тебе хватило ночных впечатлений, и ты очень крепко заснул? — Голос Маленького Брата чуть заметно отдавал ехидцей. — А если серьезно, — тут маленький бритунец гордо надул, — я думаю, ты

просто решил, что ничего плохого не может случиться, раз я тебя охраняю! Спал себе и спал...

Услышав эту замечание, Конан уже разинул рот, чтобы выругаться, но тут ему внезапно пришло на ум, что малыши-то прав. В всяком случае, Лайтлбро не слишком погрешил против истины: ему спалось сегодня удивительно спокойно, как будто в эту ночь он вдруг очутился дома, в полузабытой, пропахшей терпким дымом хижине, под грудой теплых шкур. Покачав головой, он выпустил из легких воздух, а Маленький Брат, подметив его замешательство, ухмыльнулся еще шире — хотя шире, казалось, было уже некуда.

— Ну так вот, — продолжил он, — эти двое удрали вниз, а остальные... ну, они собрались в круг около этой парочки и давай опять ссориться. Ругались, пока солнце совсем не встало, перессорились вконец, и большая часть поскакала в степь. Остались только вот эти — видно, самые упорные. И теперь, — Маленький Брат задумчиво потер переносицу, — я хочу с тобой посоветоваться: что делать-то будем?

— А сколько их там? — буркнул киммериец, еще чуть-чуть приподнимая голову над серой поверхностью валуна. — Ты посчитал?

— Человек десять-пятнадцать, точно не знаю, — по лицу Лайтлбро блуждала безмятежная улыбка.

— Ну, тогда тихо сматывай свои паучьи нити, собирай колокольчики, а потом заберемся поглубже в ущелье, пока эти ублюдки не полезли туда за нами, — Конан обернулся и окинул взглядом залитую солнцем тропинку, уводящую в глубь Адр-Кауна. — Возможно, при солнечном свете они скорей наберутся смелости.

— Разумное предложение, — голос Маленького Брата звучал совершенно серьезно; но в глазах плясали озорные искорки. — Только я вот что думаю: разве не стоит избавить мир от этих мерзавцев? Если уж мы отправились опасной дорогой, то почему бы не расчистить ее от мусора?

Тут Лайтлбро одним движением вскочил на макушку валуна и, сложив ладони рупором, заорал во весь голос:

— Эй, молодцы! Не нас случайно ищите?

Бродившие вокруг ручья люди, услышав его крик, застыли, таращась на оседлавшую валун маленькую фигурку. Какое-то время они беззвучно разевали рты, затем

обрели дар речи и разразились такими воплями гнева и ярости, что у Конана зазвенело в ушах. Пожалуй, решил он, чтобы увидеть такую сцену, стоило выкинуть псу под хвост бурдюки с вином и полдня трястись на старой кляче в пыли и духоте.

В следующий миг почти два десятка разъяренных головорезов, обнажив клинки, ринулись вверх по тропинке. Конан потащил из ножен меч.

— погоди, — Маленький Брат положил руку ему на плечо. — Надеюсь, я как следует их разозлил! И сейчас...

Нападающие с криками и ревом устремились вверх по тропинке, тут же налетев на паутинки с колокольчиками. Первые трое упали как подкошенные, следующие пятеро, от ярости не разбирая дороги, врезались в упавших; в результате узкий проход оказался надежно перекрыт грудой барахтающихся человеческих тел. Подоспевшие сзади бандиты принялись растаскивать своих соратников, хватая их за ноги, и над входом в ущелье повис тонкий металлический стон рыдающих колокольчиков.

— А теперь, — торжественно заявил Маленький Брат, спрыгнув с валуна, — помоги-ка мне столкнуть этот камень.

Не возражая, но и не особенно надеясь на успех, Конан приналег вместе с приятелем на огромный валун, весивший раз в двадцать побольше их обоих, и тот вдруг заскользил вниз как по маслу. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, глыба покатила по тропинке, хрустя мелкими камушками, пока на пути у нее не встал небольшой пригорочек — скорее всего, макушка давно застрявшего в этой расщелине и почти полностью занесенного землей точно такого же валуна. Стукнувшись об этот трамплин, огромный камень закрутился юлой и поскакал вниз с неудержимостью взбесившегося носорога из кушитских степей.

Бандиты, с трудом выбиравшиеся из предательских тенет, слишком поздно обратили внимание на подозрительный шум и грохот, что раздавался над их головами. Валун, словно запущенный из некой гигантской пращи, пронесся прямо по их телам, ломая ребра, сокрушая череп, превращая людей в окровавленные ошметки. И когда пыль от его падения рассеялась, Конан разглядел внизу на дороге лишь трех всадников: нещадно настегивая

лошадей, они улепetyвали во все лопатки. Ущелье Адр-Каун еще раз подтвердило свою недобрую славу.

Конан бросил задумчивый взгляд на скатившуюся по тропе глыбу.

— Удивительное дело... И как нам удалось его своротить?

— Что — как? — переспросил Маленький Брат. — А, ты имеешь в виду камень?

Киммериец лишь молча кивнул.

— Ну, я его ночью слегка подкопал... Так, на всякий случай, — Маленький Брат потуже затянул свой широкий ремень и принялся навешивать за спину оружие. — Вот и все, приятель. Теперь нам предстоит либо подняться по ущелью к перевалу, либо спуститься вниз и всласть помародерствовать, — он показал взглядом на изуродованные останки разбойников. — Как тебе больше нравится.

* * *

Знойно. Полуденное солнце висит в безоблачном ярко-синем небе, изливая вниз бесконечный поток света и тепла. Над раскаленными камнями призрачным туманом вздымается горячее марево. Душно и жарко даже в тени отвесных стен ущелья. Нагретые солнцем камни жгут сквозь подошвы сапог, а пот, ручьем стекающий со лба, заливает глаза, как только отведешь от лица руку с мокрой тряпицей...

Повернувшись на ходу, чтобы выжать разбухший от пота плат, Конан не успел пройти и двух шагов, как наскочил прямо на спину внезапно остановившегося Маленького Брата. Приставив ладонь козырьком ко лбу и запрокинув голову, тот внимательно разглядывал лежащую впереди дорогу. Здесь, в какой-нибудь сотне шагов от крутого подъема на перевал, она перестала петлять, сделалась шире и удобнее — даже крупные валуны куда-то исчезли, и под ногами теперь шурпал лишь мелкий щебень. Только на самой седловине торчало несколько массивных глыб — темные бесформенные силуэты на фоне синего неба.

— Ну что? — Конан похлопал по плечу своего маленького спутника. — Устал, приятель?

Сам киммериец тоже успел уже притомиться, вышагивая по горячим камням под палящими солнечными

лучами, но сейчас, внимательно поглядев на Маленького Брата, решил, что его компаньону пришлось гораздо хуже. Лайтлбро выглядел осунувшимся, усталым и, как бы странно это ни звучало, постаревшим. Он стоял ссутулясь и всем телом опирался на свой длинный меч, словно на костыль, пытаясь отыскать наверху нечто, известное лишь ему одному; Конану даже показалось, что его общительный спутник на сей раз просто не расслышал заданного им вопроса.

Вымотался парень, с неожиданным сочувствием подумал он. Понятное дело! Эти бритунцы не привыкли ходить по горам; горы — не степь, не лес и даже не пустыня, тут нужна железная выносливость... та, которая вырабатывается с детства у жителей Киммерии... Ну, ничего! Еще чуть-чуть, и они одолеют этот трижды проклятый перевал, а там дорога пойдет уже под гору, и сыщется какой-нибудь ручеек или тенистая пещерка... Отдыхать же прямо здесь, на самом солнцепеке — сплошное мученье! Придется Маленькому Брату, как он там ни устал, пройти еще тысячу-другую шагов...

Конан зажмурился, вытер пот и наслаждением почесал голову. Затем снова повторил свой вопрос — примерно с тем же результатом.

Что ж, ладно! Если до этого Лайтлбро слова не доходят, то, возможно, вид удаляющейся спины приятеля выведет его из ступора? А коль и это не подействует, придется тащить маленького человечка силком... Не слишком приятное занятие, но не бросать же его здесь в самом деле!

Киммериец вновь приложил тряпицу ко лбу, утирая пот, затем обошел застывшего, будто каменная статуя, Маленького Брата и двинулся дальше. Однако далеко уйти ему не удалось — внезапно оживший Лайтлбро мигом ухватил его за рукав куртки. Ухватил так крепко, что Конан поневоле сдал назад, словно осаженный на полном скаку жеребец.

— Что с тобой, парень? — сердито поинтересовался он. — То стоишь столбом, то за одежду хватаешь! Совсем сдурел от жары! Ну, отпусти-ка меня!

Маленький Брат пристально взглянул на него, но пальцев не разжал. Конан повернулся к приятелю.

Как странно! Оказывается, Лайтлбро сгорбился вовсе не от усталости и опирался на меч совсем не потому, что не мог удержаться на ногах. В глазах его мерцала тревога,

если не сказать больше; что-то или кто-то — там, на перевале — внушало маленькому бритунцу серьезные опасения.

— Почему мы стоим? — теперь Конан глядел своему компаньону прямо в лицо и не сомневался, что тот не пропустит его слова мимо ушей. — Что-то случилось?

— Да, — чуть помедлив, ответил Маленький Брат, — случилось. Сказать по правде, мне очень не нравится это место, — он наклонил голову и смахнул пот со лба.

— Что ты имеешь в виду? — киммериец бросил взгляд в одну сторону, потом — в другую. — Место как место... только жарко тут, как в печке.

— Не в жаре дело. Мне не нравится... ну, как бы это объяснить... — Маленький Брат раздосадованно почесал в затылке, — не нравится его аура! Понимаешь?

— Нет.

Конан смутно припоминал это слово, и ему казалось, что пользуются им только седобородые маги и мудрецы. Но что мог разуместь в подобных вещах Маленький Брат? Правда, он умел ладить с людьми, знал старинные песни и всякие хитрые приемы, вроде нитей с колокольчиками... Однако аура?

Увидев озадаченное лицо приятеля, маленький бритунец пустился в объяснения:

— Это получается совершенно так же, словно ты вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Такое ведь с тобою случалось, верно?

Киммериец кивнул головой. Вовремя почувствовать пристальный взгляд чужака — кожей ли, затылком — полезная штука; ни один хороший боец без такого таланта не обойдется, и сам Конан обладал им в полной мере. Более того — сей дар не раз спасал ему жизнь.

— Значит, ты с этим знаком? Отлично, тогда я продолжу, — Маленький Брат заговорил увереннее. — Мы с тобой можем считать, что такое ощущения взгляда... то есть не взгляда как такового, а сопровождающих его чувств и намерений... — он вдруг запнулся, и после недолгих раздумий сообщил: — Тут, видишь ли, существует весьма тонкая разница, и ее следует понимать...

Конан лишь опечаленно вздохнул, но Маленький Брат, похоже, отступать не собирался:

— Объясню тебе по-другому, — заявил он. — Когда ты ощущаешь чужой взгляд, то чувство это приходит

вовсе не потому, что кто-то уставился тебе в спину. То, что на тебя кто-то смотрит, не так важно; главное тут совсем в другом.

Представь, к примеру, что некий человек желает твоей смерти. Пусть он даже сидит где-то там, в кустах — так, что ты не можешь его увидеть. Сидит, натягивая лук, чтобы подстрелить тебя словно кролика, и его ненавидящий взгляд буравит твою спину. Что тут самое важное? Намерение. И — ненависть! — Лайтлбро приостановился, чтобы перевести дух. — Именно ненависть тонкой ниточкой связывает тебя и его, заставляет звенеть в голове тревожный колокольчик: «Эй, парень, берегись! Еще мгновение, и тебе придется плохо!» И пока твой недруг глядит на тебя, колокольчик бьется и бьется, и ты — настороже! Смотришь по сторонам, пытаешься сообразить, отчего тебе стало так тревожно... А в самый последний миг ты берешь и отскакиваешь в сторону — сам не понимая, почему и зачем! Ты знаешь только, что должен так поступить, что если ты этого не сделаешь, то отправишься прямиком на Серые Равнины... И именно в этот миг стрела минует твое сердце! Ну что, теперь понятно?

Конан покрутил головой. От неистово палящего солнца и от мудрых речей Лайтлбро в висках у него и в самом деле загрохотали колокола. Тем не менее, ему показалось, что в словах малыша присутствует какой-то тайный смысл, некая глубинная мудрость, не всякому доступное знание, позволяющее одержать победу над любым врагом.

— А ну-ка... продолжай... продолжай! — подбодрил он приятеля.

— Хорошо. На чем же мы остановились... — некоторое время Маленький Брат внимательно изучал голые стены ущелья. — Да, насчет взгляда... Он, видишь ли, обладает как бы неким весом или там запахом, и ты или я можем почувствовать его. У тебя, видать, дар от бога на такие вещи, да и у меня тоже — и меня еще обучали, хорошо обучали, так что я знаю, о чем говорю... — Лайтлбро вновь ненадолго замолчал, оглядываясь и размышляя. — Так вот, про дурную ауру... Это место просто насквозь пропитано таким смертельным взглядом! Этот взгляд убийцы оставил здесь четкий след — он будто бы растворен в воздухе, он отпечатался в дорожной пыли... он даже ввелся в камни — я отчетливо чувствую это! — Бритунец вытянул руку вперед, к перевалу, и тихо про-

изнес: — Я знаю, что там затаилось что-то страшное... большая опасность... и я не уверен, сумею ли с ней справиться...

Конан пожал плечами. С одной стороны, он видел дорогу, поднимавшуюся к перевалу, и она была свободна — даже от камней, если на то пошло. С другой, Маленький Брат совсем не походил на труса, и к его предостережениям стоило, пожалуй, прислушаться.

Или все это — шутка? Может, малыш морочит ему голову этакими рассказами про ауру и смертоносные взгляды, а сам потешается про себя?

— Если глаза меня не обманывают, — медленно произнес киммериец, — проход чист. Почему бы нам не дойти хотя бы до вершины? А там поглядим...

— Нет, — Лайтлбро отрицательно покачал головой. — Я ощущаю угрозу уже здесь и, если б мне не приходилось сдерживать тебя, я бы повернулся и ушел отсюда. Мудрость мне подсказывает, что лучше вернуться назад по тропе и поискать обходной путь по скалам. И ни в коем случае не тревожить то, что спит там, впереди.

— Не ты ли, приятель, недавно сказал: если уж мы пошли опасной дорогой, то почему бы не расчистить ее от мусора? — Конан усмехнулся и выдернул рукав своей куртки из пальцев бритунца.

— Да, было такое, — на лице Маленького Брата появилось странное, немного смущенное выражение. — Но видишь ли в чем дело... если б за перевалом мы наткнулись на чудище, с которым можно справиться клинком или стрелой — ха! — да тут не о чем и говорить! Но встретить здесь т а к о е... нет, я просто этого не ожидал!

Киммериец нахмурился, чувствуя, как поднимается гнев. Такое, этакое... Великий Кром, малыш в самом деле пытается его разыграть!

— И что же т а к о е мы здесь встретим? — с раздражением поинтересовался он. — Я, к примеру, вообще ничего опасного не вижу. Может, зрение у тебя лучше, а? — Маленький Брат безмолвно покачал головой. — Нет? Ну, тогда объясни мне, о чем речь, и говори попроще! Без болтовни про ауру и эти... как их... злые намерения!

— Я не могу дать тебе ответ, — произнес Лайтлбро безжизненным голосом, — я и сам этого не знаю. Но я привык доверять своим чувствам, и сейчас ощущаю на-

столько сильную эманацию зла, что она похожа на запах дохлого пса, провалявшегося три дня на солнцепеке. И мне очень не хочется знакомиться с тем, кто так здорово воняет! — Он опустил голову и негромко добавил: — Теперь я понимаю, отчего это место считается проклятым, и разбойники боятся сюда лезть...

— Похоже, разбойничьи сказки да сплетни трактирщика из Батреи совсем лишили тебя смелости, — заметил Конан. Брови его сдвинулись, губы отвердели, в глазах зажглись холодные огоньки. Он принял решение, и он не собирался возвращаться назад. Пусть этот недомерок идет в степь один, если хочет; попадется в лапы бандитам, они его выпотрошат и набьют славное чучело! Сам же киммериец всегда предпочитал неизвестные опасности известным.

— Не путай отвагу с безрассудством и осторожность с трусостью, — с неожиданным спокойствием сказал Маленький Брат. Казалось, он тоже что-то решил про себя, и голос его теперь звучал уверенней. — Нам с тобой нужно попасть в Хоршемиш, у каждого там свои дела... Ну, так давай поищем обходную дорогу! Горы велики, здесь должны быть другие ущелья, другие тропы... Потеряем день или два, зато сохраним кое-что ценное.

— Ценное? — с презрительной усмешкой переспросил Конан; этот затянувшийся спор на самом солнцепеке уже стал приводить его в раздражение. — У меня нет ничего ценного, кроме бурдюка с брагой! — словно насмехаясь, он швырнул в пыль свой мешок и потянулся к мечу.

— Я имею в виду жизнь, — Лайтлбро пожал плечами.

— Свою жизнь я сумею защитить сам! — рявкнул киммериец, выхватывая клинок. — Клянусь Кромом, я иду наверх, и мне плевать, отправишься ли ты следом за мной или сгниешь здесь, коротышка!

Повернувшись, он решительно зашагал по тропе, гневно сверкая глазами. Он чувствовал, что его расположение к маленькому бритунцу если не иссякло совсем, то изрядно приуменьшилось. Впрочем, парень не столь уж виноват, решил Конан, постепенно успокаиваясь; есть много смелых бойцов, готовых выстоять под ливнем стрел и отразить удары секир, когда их держат человеческие руки, но существа иного мира могут напугать их до судорог. Возможно, там, на перевале, неосторожных странников караулит демон или мертвец, одушевленный чара-

ми какого-нибудь колдуна? Что ж, ему доводилось встречаться и с демонами, и с мертвецами — к их несчастью. Таких тварей, в отличие от бритунского недомерка, Конан не боялся.

— Эй! Да остановись же ты, дурень! — крикнул ему вслед Лайтлбро. — Поверь, я вовсе не собирался с тобой шутить!

Продолжая карабкаться вверх по тропе, киммериец только раздосадованно тряхнул своей черной гривой. Теперь, если кто-то и прятался там наверху, он был уже предупрежден и готов к нападению или обороне. И хотя с каждым вздохом боевой азарт все сильнее и сильнее овладевал сердцем Конана, он не собирался пренебрегать осторожностью. Лицо его окаменело, шаг был легок и быстр, могучие руки сжимали меч, холодный твердый взгляд словно пронзал нависшие над дорогой скалы.

Сейчас мы выясним, чего же испугался этот несчастный маленький бездельник, сказал он себе.

* * *

Конан без помех преодолел уже почти две трети подъема, когда ему вдруг показалось, что один из огромных камней, торчавший слева, у самой каменной стены, начинает шевелиться. Киммериец остановился и протер глаза; однако и после этого валун продолжал дрожать и дергаться, словно насиженное яйцо какой-то гигантской птицы. Он потряс головой, смахнул пот с висков, проклиная адскую жару, и снова уставился вверх.

Великий Кром! Этот камень действительно оживал прямо у него на глазах! Оторвавшись от земли, он медленно раскачивался в воздухе, поддерживаемый двумя длинными и тонкими лапами, похожими на лягушачьи. Кожа на них была сухой и чуть блестящей, словно змеиная чешуя. Затем появились еще одна пара лап и голова — столь же медленно и неторопливо они выросли над валуном, отвратительными склизкими буграми живой плоти проступая наружу сквозь замшелую поверхность камня.

Верхние конечности этого монстра, постепенно проклевывающегося сквозь гранитную скорлупу, тоже напоминали лягушачьи лапы — длинные, тонкие, с непомерно вытянутыми перепончатыми пальцами. Голова же на толстой, словно древесный ствол, шее, плавно переходя-

щей в покатые плечи, выглядела как еще один гладко окатанный валун, поставленный на вершину первого. Внезапно тварь дернулась, раскрыв воронкообразную пасть, под которой сгустком сморщенной плоти повис горловой мешок, и начала приподниматься. Теперь почти на самой макушке ее уродливой головы прорезались глаза — большие и выпуклые, как винные чаши; они взирали на мир с холодным и жестоким спокойствием.

Равнодушный взгляд стальным острием уперся в лицо Конана, и киммериец, вздрогнув, выронил меч. В ледяных глазах промелькнуло что-то похожее на удовлетворение: пища стала совершенно безопасной. Затем чудовище плавно повернулось на своих лягушачьих лапах, и его горловой мешок, наполняясь воздухом, стал стремительно набухать.

Проваливаясь в темную бездну небытия, Конан слышал отчаянный крик Маленького Брата:

— Ложись! Ложись, во имя светлого Митры!

Но было уже поздно. Стена внезапно уплотнившегося воздуха, словно гигантский кулак, ударила киммерийца наотмашь; и, не успев даже прикрыть голову руками, он потерял сознание.

Глава 10. Страж Адр-Кауна

В тот миг, когда тварь закричала, Лайтлбро, зажимая уши, ничком упал на землю. Он ощутил, как волна жаркого воздуха прошла над ним, с громоподобным гулом врезавшись в скалы. Когда земля перестала дрожать, Маленький Брат осторожно поднял голову и уставился вверх.

В окружавшем его унылом горном пейзаже мало что изменилось. Приопустив бочкообразное тело на согнутые лапы — которые, видно, не могли долго выдерживать его огромный вес — тварь неподвижно застыла, лишь воздушный мешок у нее на горле непрерывно пульсировал. Бездыханное тело Конана, отброшенное чудовищной силы звуковым ударом, скатилось по каменистой тропе на несколько шагов, где и застряло, зацепившись за какой-то куст. Насколько мог разглядеть Лайтлбро, упрямому варвару здорово досталось — все его лицо было залито кровью, а руки, бугрящиеся мышцами, сейчас напоминали небрежно согнутые бурей травяные стебли.

Печально вздохнув, бритунец поднялся с земли. Он все еще не представлял, с кем придется иметь дело; ни прежний опыт, ни мудрые советы Учителя не давали ответа на сей вопрос. Он чувствовал лишь, что эта тварь, сторожившая ущелье Адр-Каун, была древней, очень древней — возможно, из тех жутких гадов и чудищ, что были созданы Сетом в первые дни творения. Митра, светоносный бог, подарил тогда жизнь величественным и прекрасным гигантам; конечно, и Великий Змей не остался в стороне, но твари, сработанные им, не отличались ни величием, ни красотой. Скорее всего, они были именно такими, как эта чудовищная жаба — мерзкими, отвратительными и смертельно опасными.

Лайтлбро помассировал гудевшие виски. Беги, говорил ему инстинкт; беги, пока не поздно, спасайся! Тут не было магии и не пахло Злом — во всяком случае, тем Злом, с которым он поклялся бороться; перед ним, на фоне ярко-синего неба, громоздилась лишь туша древнего чудища, выползшего из какой-то бездны, из трещины в каменных доспехах земли. Злобная тварь оседлала одну из дорог, проложенных людьми по лику мира — ну так что ж? Дорог этих было много, и в запасе всегда оставалось изрядное количество обходных путей.

Но он знал, что не уйдет. Теперь не уйдет! Лайтлбро скосил глаза на неподвижное тело Конана, застрявшее в колючих кустах. «Уж если мы пошли опасной дорогой, то почему бы не расчистить ее от мусора», — сказал киммериец, напомнив его собственные слова. Теперь они казались Маленькому Брату похвальбой; тварь, сторожившая Адр-Каун, была куда опасней разбойничьей шайки, на которую они сегодняшним утром скатили валун.

Жив ли еще его опрометчивый попутчик? С такого расстояния не разобрать... Скверно! Если он погиб, Лайтлбро, пожалуй, серьезно бы подумал о том, чтобы убраться отсюда. Хотя, с другой стороны, скормить этакой мерзости тело приятеля, пусть даже столь глупого, тоже нехорошо... Ладно, придется изобрести какой-нибудь способ, чтобы вытащить киммерийца из пасти этой тварюги... Но вряд ли она останется равнодушной, если увидит, что у нее похищают законную добычу!

Маленький Брат приложил ладонь козырьком ко лбу и злобно уставился из-под нее на монстра. Похоже, главный его талант был в данном случае бесполезен: такому

не влезешь в душу! Да и о какой душе тут можно говорить? Словно почувствовав его заинтересованный взгляд, тварь внезапно ожила: поднявшись на тонких лапах, она неуклюже, как-то боком, сделала пару осторожных шажков вниз, по направлению к застрявшему в кусте окровавленному телу. Вероятно, после такого усилия ей требовался отдых; она вновь уселась неподвижно, спрятав под себя задние конечности.

Вот это неплохо, совсем неплохо, сказал себе Лайтлбро, опуская руку. Быстро бегать эта жаба, по-видимому, не умеет, что снимает кое-какие неприятные проблемы. Теперь самое главное — не бросаться немедленно к ней в пасть... подумать, поразмышлять... Прикинь семь раз, прежде чем нанести удар — так говорил Учитель... И неизменно добавлял: но прикидывать надо быстро, иначе останешься без головы.

Скрестив ноги, Маленький Брат уселся прямо на землю и обхватил голову руками, словно боялся потерять ее сей же час.

Итак, прояснились две вещи, с самого начала казавшиеся ему подозрительными: странная форма ущелья и почти полное отсутствие в нем крупных камней. Как только верхняя часть каньона открылась его взгляду, Лайтлбро мгновенно ощутил что-то неладное — уж больно она была прямой и ровной. От перевала скальные стены расходились вниз словно раструбом, да и выглядели они весьма примечательно — высокие, гладкие, как будто отшлифованные. Адр-Каун, одним словом!

Конечно, никто не трудился здесь с молотом, зубилом и шлифовальным порошком; ущелье само по себе приняло форму расширяющегося рога, способного усилить жуткие вопли твари. А глотка у нее была, как у Нергала! Неудивительно, что мало-мальски крупные глыбы рассыпались в порошок — даже камень не выдерживает такого сотрясения! Видно, все, что тут валяется, нападало в последние годы, когда дорогой никто не пользовался... Тут Лайтлбро скептически хмыкнул. Интересно, подумал он, чем питалась жаба в те скудные времена? Или, чтобы не умереть с голоду, она впала в спячку? Ну что ж теперь тварь определенно пробудилась, а значит, ни камням, ни ему пощады не будет.

Кроме этих полезных наблюдений и любопытных выводов Маленький Брат прикинул, что жаба успешно раз-

делалась с Конаном в тридцати шагах, тогда как ему самому не смогла причинить особого вреда. Сейчас его отделяло от чудища два добрых броска копья, и он не стремился сократить это расстояние.

Тварь наверху приподнялась на своих лягушачьих лапах, сделала еще один шагок вниз и опять присела. Лайтлбро, стараясь не обращать внимания на эти маневры, пристально всматривался в колочие кусты и застрявшее в них тело Конана. Ему показалось, что грудь огромного варвара едва заметно вздымается; подметив это, Маленький Брат удовлетворенно кивнул головой. Его киммерийский приятель оказался живучим как кошка!

Жаба, стерегущая перевал, снова вышла из транса и спустилась вниз еще на один шагок. Пузырь под ее горлом угрожающе раздувался.

Ну что ж, теперь можно и поторопиться! Лайтлбро встал, потуже затянул пояс, повесил на плечо колчан со стрелами и свой огромный лук; затем пошарил в мешке и, недовольно морщась, принялся заклепывать уши кусочками ароматической жвачки.

* * *

Он был отличным стрелком, но после первого же выстрела его с позором повергли наземь.

Сначала все вроде бы шло хорошо: заткнув уши и нацепив кожаную рукавичку на левую руку, он осторожно приблизился к твари шагов на шестьдесят, полагая, что с такой дистанции проткнет ее насквозь. Лайтлбро мог выпустить стрелу за время двух вдохов, а стрелы его, снабженные наконечниками длиной в четыре пальца, пробивали и рыцарскую кирасу, и добрую немедийскую кольчугу, и туранский щит из дубовых досок, обтянутых кожей. Итак, он приблизился и согнул свой огромный лук; тварь, храня гробовое молчание, встретила его лишь рассерженным сверканьем огромных выпученных глаз, похожих на чаши для вина. Прицелившись, словно на ристалище, где состязаются лучники, Маленький Брат спустил тетиву.

Тут-то все и случилось!

Заметив летящий в нее снаряд, тварь издала какой-то совершенно невероятный, раздражающий уши скрип, и Лайтлбро не устоял. Выронив лук и схватившись за голову, он мешком повалился на землю, ударившись коп-

чиком прямо об острый камешек; нестерпимая боль пронзила его, прокатившись жаркой волной по позвоночнику. Когда же он, отчаянно ругаясь и отряхивая пыль, вновь поднялся на ноги, то, вопреки всем ожиданиям, тварь сидела на прежнем месте, совершенно целая и невредимая, продолжая яростно сверкать своими огромными глазами. Как будто стрела, не долетев до нее, растворилась в воздухе!

Желая понять, что произошло, маленький бритунец вновь потянулся к луку. Ему пришлось выстрелить во второй раз, и затем, не теряя тварь из виду, напрячь мышцы и крепко упереться ногами в землю, чтобы выстоять под обрушившимся на него ударом. Вот что ощущает человек, проходя сквозь стену, подумал он, когда звуковая волна, миновав его, прокатилась дальше. Кстати, ушные пробки из жвачки зарекомендовали себя просто превосходно — без них Лайтлбро мог бы считать себя если не покойником, то уже дважды глухим. Но если это открытие прибавило ему бодрости, то судьба выпущенной стрелы повергла Маленького Брата в полнейшее уныние.

Она действительно исчезла. От чудовищного вопля твари ее древко, сделанное из крепчайшего кедрового дерева, еще в полете треснуло, а затем просто рассыпалось в труху; стальной наконечник, похожий на лезвие ножа, беспомощно закувыркался в воздухе и, коротко звякнув о камни, безобидным кусочком металла упал в десяти шагах от неподвижно застывшей туши чудовища.

Лайтлбро, не испытывая уже особого энтузиазма, провел еще несколько опытов — и, соответственно, потерял еще несколько стрел. Зато он убедился, что странный противник с неменьшим успехом уничтожает снаряды, выпущенные и по навесной траектории. Кое-как смирившись с этим прискорбным фактом, он прекратил обстрел и вернулся на исходную позицию. Ему определенно требовалось поразмышлять над всем увиденным; и, кроме того, звуки, издаваемые гигантской жабой, окончательно его докатали.

Тварь же, увидев, что враг пребывает в нерешительности, быстренько спустилась вниз еще на один шаг. Теперь, даже с учетом темпов ее передвижения, становилось ясно, что вскоре она доберется до киммерийца. Не позже, чем к вечеру, решил Лайтлбро, взглянув на солнце. Впрочем,

за это время палящее светило с меньшим успехом могло прикончить его приятеля.

Неприятная ситуация! После своих неудачных стрельб Маленький Брат ощутил, что начинает падать духом. Почесывая зудящий от пота затылок, он принялся раскачивать взад-вперед по тропинке, лихорадочно пытаясь найти какой-то выход.

«Значит, из лука ее не взять...» — задумчиво пробубнил он себе под нос. Это было уже ясно — тварь уничтожала стрелы быстрее, чем он их выпускал. Попробовать подобраться к ней с мечом тоже бесполезно; не стоило идти на риск ради проверки этой идеи. А если быстро проскользнуть мимо нее и забраться наверх ущелья? Интересная мысль! Лайтлбро остановился, поглядывая на свой мешок. У него была веревка с крюком, и, с ее помощью, он, вероятно, одолел бы гладкую скалистую стену. Впрочем, не такую уж гладкую, как ему казалось раньше; кое-где имелись карнизы, и один из них нависал в пяти дюнах колья над оседлавшим тропу чудищем.

Забраться бы туда и столкнуться на нее сверху какой-нибудь камень потяжелее... Маленький Брат усталился на карниз и некоторое время размышлял, почесывая подбородок. Но какой в том смысл? Даже если найдется подходящая глыба, ничто не помешает чудовищу расправиться с ней точно так же, как и с любой из выпущенных стрел... Великий Митра, просвети и помоги мне! — в приступе отчаяния взмолился бритунец.

Внезапно его отрешенный взгляд упал на второй мешок, валявшийся у засыпанной щебнем обочины дороги. Так! Упрямый варвар, перед тем, как ринуться в битву, принял весьма разумное решение и избавился от лишнего груза...

Рассматривая мешок, Маленький Брат застыл совершенно неподвижно — он даже не спешил опускать поднятую ногу. Казалось, этот небрежно брошенный тюк заморозил его; Лайтлбро буквально пожирал его глазами, чувствуя, как в голове рождается новая идея. Она сверлила мозг и билась под черепом, точно муха в кулаке, и через некоторое время этот зуд сделался нестерпимым. Бритунец, однако, не сдавался — теперь он ухватил за хвост ускользающую от него мысль и осторожно принялся вытаскивать ее из бездонной трясины на свет благого Митры. Вскоре то, что свербило у него в голове, прорва-

лось наружу и стало обретать форму — словно совпавшие друг с другом кусочки мозаики, это знание превращалось в некий план, пока не улеглось покорно перед его внутренним взором — ясное, четкое и готовое к использованию.

Просветлев лицом, Лайтлбро медленно опустил на землю затекшую ногу. Что ж, теперь у него появилась надежда! Конечно, при трезвом рассуждении, шанс был невелик, но если ему немного повезет...

Пробормотав краткую молитву солнечному богу, Подателю Жизни, Маленький Брат присел у своего мешка и, ухватив его за донце, вытряхнул наземь все его содержимое. Лютия, позвякивающие кисеты, ножи, огниво... А, вот и веревка с крюком! Он сунул ее за пояс вместе с огнивом, потом принялся обшаривать мешок приятеля. Долго трудиться ему не пришлось — то, что он искал, лежало с самого верха.

Вскоре Лайтлбро уже опять находился на своей стрелковой позиции. В руках его был длинный лук, у бедра болталась веревка; за левым плечом висел мешок, почти пустой. Наложив стрелу на тетиву, он закрыл глаза и опустил вниз руки с зажатым в них оружием. Постепенно мышцы его расслабились, лицо приняло отрешенное выражение, стало спокойным и каким-то застывшим, словно бритунец слегка задремал; лишь губы чуть заметно шевелились, шепча молитву. Внезапно он, не размыкая плотно сжатых век, плавным движением направил оружие к небесам и почти мгновенно выстрелил. Стрела взмыла вверх, превратившись в едва заметную точку, чтобы затем, перевернувшись, устремиться назад к земле. Любой опытный лучник знал, что попасть в цель таким способом можно только по счастливой случайности, однако Маленький Брат был уверен, что не промахнется: рука бога вела сейчас его стрелу к назначенной ей мишени. Видно, и тварь догадывалась об этом, а потому, задрав к небу воронкообразную пасть и раздувая мешок на горле, приготовилась достойно встретить падающий на нее снаряд. Стрела, сверкая стальным наконечником, уже неслась вниз, прямо в голову чудища.

В принципе, сейчас должен был бы повториться один из прежних неудачных опытов маленького бритунца. Но он, вместо того, чтобы, напрягшись, ожидать удара звуковой волны, вдруг стремительно выдернул из колчана

еще одну стрелу и пустил ее почти в упор, целясь в огромный глаз твари. Та среагировала с быстротой, почти невероятной для ее грузного тела: пасть-воронка молниеносно развернулась, и очередная порция адского скрежета растерла второй снаряд в порошок. Однако, несмотря на все свое проворство, с первой стрелой чудище справиться не успело.

Оно ухитрилось в самый последний миг снова задрать пасть, и именно в этот момент упавшая с небес стрела угодила ей прямо в разверзстую глотку. Маленький Брат, уже который раз сбитый наземь, странным образом почуввав, что первая часть плана увенчалась успехом, открыл глаза и облегченно улыбнулся.

Похоже, твари наверху не слишком понравилось на вкус острое стальное лезвие! Впервые Лайтлбро увидел ее столь разгневанной. Выпрямившись в полный рост на своих тонких, но на удивление длинных задних лапах, монстр судорожно размахивал передними, пытаясь дотянуться до воронкообразной пасти; его горловой мешок раздулся до невероятных размеров. Направив раструб на обидчика, тварь попыталась закричать, но из пасти ее вырвалось лишь сильное шипенье. Заглянув прямо в жерло уставленной на него воронки, бритунец заметил в ее глубине треугольный, мелко подрагивающий язык. Стрела накрепко приколола его к краю мускульной стенки и, по всей вероятности, пока твари не удастся освободить язык, с воплями у нее будет заминка.

Однако монстр догадался об этом не менее быстро, чем сам Лайтлбро, и начал яростно дергаться и раскачиваться, шатая окровавленным языком застрявшую в пасти стрелу. Времени любоваться этим зрелищем не оставалось, и Маленький Брат торопливо опустил на землю свой огромный лук и колчан со стрелами. Затем, еще раз проверив, надежно ли держатся за спиной мешок и меч, он припустил вперед, к скальной стене, на бегу выдергивая из-за пояса веревку.

Измочаленная стрела с треском сломалась в чудовищной пасти. Тварь немедленно выплюнула ее половинки и закрутила по сторонам огромной головой, пытаясь определить, куда же исчез пронырливый враг. Но тот уже закончил подъем и, согнувшись в три погибели на нависающем над тропой карнизе, что прилепился к гладкому

телу скалы, невозмутимо высекал огонь. Дорожный мешок был надежно втиснут в щель рядом с ним.

* * *

Конана привели в чувство чьи-то громкие вопли. С трудом разлепив заплывшие веки, он увидел, что лежит на каменистой осыпи, застряв в колючем кустарнике; с обеих сторон над ним вздымались отвесные скалы. Кажется, крик доносился откуда-то сверху, с одного из этих утесов.

Он попробовал повернуть голову, но тело ответило на эту попытку волнами острой пульсирующей боли; ему чудилось, что на груди топчется целое стадо гигантских зверей с ногами-колоннами и длинными носами, которые, по слухам, водились в Вендии. Медленно, с трудом, голова все же поворачивалась, пока в поле зрения не появился уходящий вверх отрезок тропы и оседлавшее перевал мерзкое чудище. При виде этой твари мускулы киммерийца вновь непроизвольно напряглись, но он тут же убедился, что не может пошевелить и пальцем. Ему оставалось только валяться здесь, под кустом колючки, глядя, как отвратительный монстр подползает все ближе и ближе, чтобы пожрать его.

Однако приглядевшись, он сообразил, что твари было сейчас совсем не до него; похоже, ее гораздо больше беспокоил источник непонятных криков и воплей, находившийся где-то среди нависающих над тропой скал. Упираясь в землю передними лапами и поджав задние, монстр неуклюже раскачивался, задирая вверх уродливую морду с разинутой пастью, и глухо ревел. Внезапно над ним, на прилепившемся к утесу крохотном выступе, выросла маленькая темная фигурка. В руках человек держал что-то округлое — как показалось Конану, валун размером с конскую голову.

— Эй, ты, вонючий помет Сета!

Тварь моментально повернула вверх тяжелую башку, и ее горловой мешок принялся раздуваться с угрожающей скоростью.

— Лови подарок!

Странный камень, оставляя за собой отчетливый дымный след, понесся вниз, а маленькая фигурка на карнизе исчезла столь же быстро, как и появилась.

Похоже, привычная тактика сыграла с монстром дурную шутку. Даже не пытаясь уклониться, он испустил жуткий вопль, послав навстречу летящему снаряду поток жаркого воздуха, но камень, вместо того, чтобы рассыпаться в прах, внезапно исторг ливень жидкого огня. Тварь неуклюже попыталась загородиться перепончатыми лапами от падавшего с небес пламени, но в следующий миг превратилась в огромный пылающий факел. Длинные жадные языки, призрачные, голубовато-синие, извивающиеся, окутали чудовище, и, хотя его роговые доспехи с трудом поддавались огню, наполненный воздухом горловой мешок занялся сразу. Затем, не выдержав чудовищного жара, лопнули и растрескились отвратительной слизью по уродливой морде огромные лягушачьи глаза.

Ослепший, лишенный своего единственного оружия, монстр беспомощно раскинул горящие перепончатые лапы и задрал в небо пасть-воронку, испуская ужасные крики отчаянья и боли. Теперь, однако, это был всего лишь громкий вопль; убить он никого уже не мог. И тут рядом с тварью вновь появилась маленькая темная фигурка, слетевшая с небес вслед за огненным градом. Ловко уворачиваясь от обугленных лап, человек затапцевал вокруг чудовища — совсем так же, как мечется мотылек у пламени масляной лампы; огромный меч блестел в его руках, и Конану почудилось, что он слышит победную песню этого сверкающего на солнце клинка.

— Маленький Брат... — прошептал он и опять провалился в темноту.

...Второй раз Конан пришел в себя, ощутив блаженную прохладу; кто-то, заслоняя палящее солнце, лил прямо ему на лицо холодную воду. Открыв глаза, он увидел склонившегося над ним Лайтлбро с флягой в руках. Чуть приподняв голову, киммериец приник к ее горлышку потрескавшимися губами и принялся жадно пить. Вода была ледяной, кристально чистой, прозрачной.

— Там есть родник? Там, наверху? — прохрипел Конан, слизывая с губ последние капельки влаги.

— А как же, — беззаботно кивнул головой Лайтлбро. — Родник и небольшая полянка среди скал... Очень уютное местечко, только завалено костями по колено... — Маленький бритунец даже приподнялся и показал ладонью, какие горы костей громоздятся на поляне. — Кстати, я разглядел там немало украшений — ну, ты понимаешь, цепи

из золота и серебра и всякое такое... не считая дорогого оружия...

Конан попробовал есть; это удалось ему только с четвертой попытки.

— Нергал с ними, с цепями да оружием... главное — уцелели... — хрипло пробормотал он и покосился на пустую фляжку. — Я бы выпил чего-нибудь покрепче воды. Погляди-ка в моем мешке...

Маленький Брат хмыкнул и вдруг расплылся в улыбке.

— Ты уж прости, но мне пришлось израсходовать твою брагу. Не знаю, как на она вкус, но горит и впрямь отменно... Однако на пропитку фитиля я сам потратился! Кхитайское розовое масло, пять золотых за флакон, эх...

Он махнул рукой, поднялся и подошел к груде добра, сваленного прямо посреди дороги. Поверх свертка с сушеным мясом, кожаных кисетов и еще каких-то мелочей лежала маленькая лютня. Наклонившись, Лайтлбро потянулся к ней, провел пальцами по струнам; они отозвались хрустальной трелью.

— Буду тебя врачевать, — бритунец выпрямился, прижимая к груди свой инструмент. — Потом поднимемся вверх, наберем воды и подыщем местечко для ночлега.

— Врачевать? — киммериец с недоумением уставился на лютню. — Этим?

— Разумеется. Как говорил мой Учитель, музыка просветляет разум и дарит телесную мощь... Конечно, если знаешь, что и как играть.

— Погоди... — Конан помотал головой, сплюнул в дорожную пыль и, подняв на Лайтлбро глаза, синие, словно небо на закате, произнес: — Ты уж не обижайся на меня, приятель... зря я с тобой спорил.

— Не зря, — бритунец усмехнулся. — Если уж мы пошли опасной дорогой, то нужно расчистить ее от мусора, так? Ну, а что касается обид... Великий Митра прощает многое, подавая нам, людям, благой пример.

И, присев рядом с Конаном на нагретый солнцем камень, Маленький Брат запел:

Простите меня, если я не успею,
Похоже, я вновь заплутал в темноте...
Злой ветер свистит,
Мои руки немеют,

Но жизнь не готовит нам легких путей.
И я увязаю в снегу

По колено,
Мой факел погас — но постой,

Погоди!
Откуда все это —
Ведь я, несомненно,
Был вовсе не здесь

И совсем не один...
Мне помнится — люди вокруг...
Только, грешен,
Уже не отвечу — друзья иль враги...

Касание рук, дождь,
И с ним перемешан
Чужого плаща ветряной перегиб...
Прекрасная женщина в розовом платье,

Но кто она мне?
Подскажите ответ...
Распахнутых глаз голубые объятия...
Но, впрочем,

Я больше не помню их цвет.
Не помню ни лиц, ни имен, ни событий,
Ни будней круженья,
Ни праздничных дат...

Теряются все
Путеводные нити
В бескрайних полях бесконечного льда.
Я помню одно —

Наказаньем бессрочным
Я здесь обречен...
Но я знаю еще,
Что надо идти,

И когда-нибудь
Точно
Я выйду отсюда.
И буду прощен...

Конан, полуобнаженный, бронзовокожий, с железным обручем в темной гриве волос, сидел под навесом из алого шелка, развалившись в плетеном кресле. Когда он вытягивал ноги в коротких штанах и сандалиях или поводил плечами, кресло жалобно поскрипывало, едва выдерживая тяжесть его огромного сильного тела; оно явно не было рассчитано на мужчин подобной комплекции. С моря тянуло легким бризом, и обрамлявшие полог треугольные фестоны трепетали на ветру, мягко хлопая о натянутую ткань; полуденное солнце, просвечивающее сквозь нее, казалась расплывчатым багровым диском в ореоле красно-золотого сияния. Под креслом, прямо на песке, валялась куртка киммерийца, на которой лежал пояс с мечом и кинжалом в богатых ножнах; у ноги стоял кувшин с прохладным вином и большая чаша с яблоками. Иногда Конан не глядя протягивал руку, хватая то, что попадется первым — горлышко кувшина либо сочный плод — и делал основательный глоток или с хрустом надкусывал яблоко.

Берег крошечной бухты, служившей ему местом столь приятного времяпрепровождения, казался поистине райским уголком. За узкой полоской мелкого золотистого песка высились стройные пальмы и широколиственные магнолии, за ними начинался густой и тенистый лес, тянувшийся на половину дня пути к северу и почти непроходимый для всадника. В этой буйной зеленой чаще хватало дичи, пернатой и четвероногой, и ручейков с чистой прохладной водой; сама же бухточка на побережье меж Аргосом и Шемом являлась местом скрытым, отлично приспособленным для подготовки корабля к долгому плаванью на запад.

«Громовая Стрела», довольно большая одномачтовая галера с двумя гребными палубами и высокими надстройками на носу и корме, покачивалась сейчас посреди бухты на расстоянии броска копья от берега — законная добыча, которой Конан завладел три-четыре дня назад, прикончив капитана, его помощников и добрую половину команды. Правда, все эти славные деяния были совершены им не в одиночку, а в компании десятка головорезов с той же самой посудыны. Эти молодцы хорошо помнили Амру, Темногривого Льва, наводившего ужас на купцов от ле-

систого побережья Зингары до болот Куша, и не сомневались, что плавать с ним куда прибыльней и веселей, чем с их нынешним вожаком. Но хотя кровавая потеха закончилась в пользу киммерийца, экипаж разбойничьей галеры в результате изрядно приуменьшился, а реи, паруса и снасти сильно пострадали, сокрушенные во многих местах ударами топоров и абордажных сабель. У Конана осталось человек сорок, вдвое меньше народу, чем могло разместиться на корабле — две палубные вахты, одна смена гребцов да кормчий, косоглазый Сандара.

Тем не менее, он не спешил пополнить свой экипаж, хотя на берегах Аргоса, Шема и Куша, а также на Ба-рахских островах нашлось бы немало лихих молодцов, с охотой присоединившихся к Амре — так звали Конана в этих разбойничьих водах, где ему не в первый раз доводилось поднимать черный пиратский флаг. Нет, он не торопился набирать людей, ибо знал, что в предстоящем странствии на закат солнца, к далекому острову в Западном океане, паруса «Стрелы» будет раздувать магический ветер. Волшебный бриз, что понесет судно в сияющие океанские дали незримой дорогой, прямой, словно полет стрелы!

Прошла уже пара месяцев с того дня, как Конан выполнил некое поручение в далеких землях, в ледяном Ванахейме, у северных рубежей обитаемого мира. Он лишил жизни бестелесное существо, сверхъестественное и в высшей степени странное, и теперь ему полагалось представить отчет о совершенном подвиге, с нетерпением ожидаемый на упоминавшемся выше островке. Прекрасная Дайома, госпожа сего затерянного в океане клочка земли, владела многими умениями и тайными искусстваами, а посему Конан полагал, что в нужный момент она позаботится и о попутном ветре. Но до острова красавицы-ведьмы было неблизко, и даже она не смогла б наслать чары, которые срастили бы канаты, сшили паруса и чудесным образом обновили такелаж. Этим Конану предстояло заняться самому, по каковой причине он и направил захваченную галеру в укромный заливчик на побережье между Аргосом и Шемом. Он бывал тут и раньше — еще во времена юности, когда впервые очутился в море на корабле смуглокожей красавицы Белит.

Протянув руку, киммериец нащупал горлышко кувшина, поднял его, наклонил — вино тонкой струйкой хлынуло в рот. Напившись и вернув сосуд на место, он взглянул на галеру. Там, заканчивая починку, возился

судовой плотник с дюжиной помощников — по счастью, мастер остался в живых после резни и вовремя сообразил, на чью сторону выгоднее встать. В двадцати шагах от киммерийца на песке темнели лодки, а около них растянулись еще трое — гибкие смуглые аргосцы Фрибат и Крол с кушитом Хафрой, чье огромное эбеновое тело казалось подобным древесному стволу, выброшенному на берег. Обозрев свое имущество и вспомнив еще о двух десятках молодцов, бродивших сейчас в лесу в поисках дичи, Конан довольно усмехнулся. Еще три или четыре дня назад он не имел ничего, кроме меча, кинжала и железного обруча, что стягивал гриву темных волос; теперь же в его распоряжении был корабль, лодки, люди, золото и это кресло с половом, принадлежавшее совсем недавно другому хозяину. И женщина! Калла, гибкая смуглая стигийка, любовница зарезанного им капитана!

Воистину, удача покровительствует смелым! Киммериец вновь оскалил в улыбке белые крупные зубы и с хрустом надкусил яблоко.

Ему было нужно это судно, и завладеть им оказалось много проще, чем разобраться с той тварью в Ванахейме... За долгие годы скитаний, схваток, погонь и всевозможных авантюр он твердо усвоил, что люди, даже закованные в броню, куда уязвимей магов и существ потустороннего мира; их можно было пронзить стрелой или копьем, прикончить ударом секиры, раздробить кости боевым молотом, сжечь или задушить — при некотором навыке все это не составляло труда. Но с колдунами и духами дело обстояло сложнее, и Конан нередко чувствовал, что тут бесполезны и мощные мышцы, и отточенная сталь. Вот если бы он мог обрести такую силу, чтобы сразиться с этой нечистью на равных! В Ванахейме это удалось, да и в некоторых других местах тоже... К примеру, к горах Кицанкиана, где путанные дорожки судьбы свели его с Аманаром, злобным магом, чья душа была заключена в черном камне... Подумав о нем, Конан вспомнил неистовую зеленоглазую Карелу, с которой скитался в тех краях, и некоторое время сравнивал ее с Каллой, Белит и другими своими женщинами. Потом мысли его вернулись к Дайоме.

Да, волшебница будет довольна, он выполнил ее поручение! На миг прикрыв глаза, киммериец представил зеленый остров в океане, розовые скалы над золотистым песком и золотой солнечный диск, плывущий в небесах. Тишина, покой... Может, и в самом деле остаться?..

Он решительно потрянул головой, отгоняя заманчивое видение. Прекрасное место, но не для него! Через год он бросился бы на меч от скуки... Ладно, что думать об одном и том же; решение принято! К вечеру «Громовую Стрелу» приведут в порядок и, если далекая волшебница позаботится насчет попутного ветра, они поплывут прямо на запад, вдоль аргосского побережья, мимо Барахских островов, и дальше, в океан... Он не сомневался, что ветер будет попутным, подозревая, что магический обруч в его волосах передавал Дайоме кое-какие сведения, либо прекрасная колдунья владела другими способами, позволявшими следить за ее посланцем. Во всяком случае, ветры и бури она всегда насылала вовремя.

Прикрыв глаза, Конан расслабился, погружаясь в сон. Его тело — мощная крепкая плоть зрелого мужчины, еще не достигшего тридцати — не нуждалось в отдыхе, но так приятно погрузиться в сладостную дремоту на берегу океана, где волны тихо плещут, набегая на песок, и солнце ласково оглаживает нагую грудь теплыми пальцами лучей... Причудливые миражи плыли под сомкнутыми веками киммерийца, то раскатываясь туранской степью или покрытой льдом сверкающей равниной Ванахейма, то уходя в бескрайнее небо обрывистыми склонами гор Ильбарс, то застывая взор стеной гигантских деревьев, за которыми лежали необозримые тропические болота Куша и Черных Королевств. Он видел дворцы Аграпура, стены Бельверуса, узкие улочки Шадизара и Арэнджуна, башни и замки Аквилонии, кипящий жизнью порт Кордавы, пирамиды Кеми... Корабли, колесницы, таверны с огромными винными бочками, походные костры, лавки, базары, блеск золота, шелест торопливо разворачиваемых шелков, сверкающие потоки самоцветов...

Он очнулся, почувствовав, как кто-то осторожно трясет его за плечо.

— Амра! Господин!

Конан поднял веки — над ним нависло широкое темное лицо Хафры. Увидев, что вождь пробудился, чернокожий отступил на шаг.

— Господин, вернулся Сандара с людьми.

Кормчий «Громовой Стрелы» возглавлял охотничью партию, что отправилась в лес еще утром. Кивнув, Конан потянулся к кувшину, поднял его и сделал основательный глоток.

— У Сандары все в порядке?

— Да, господин.

— Все живы?

— Да, Амра.

— И добыча хороша?

Кушит ослабился.

— Пяток кабанов, мой повелитель, и птицы без счета!

— И никто из парней не получил ни царапины?

— Ни малейшей, господин.

— На корабле тоже все хорошо?

— Да. Уже заканчивают работу.

Нашарив яблоко, Конан запустил его прямо в лоб Хафры и рывкнул:

— Почему же ты тогда разбудил меня, пес? — Протянув руку, он намеревался было ухватить еще один плод, но ощутил под пальцами Эфес меча и потянул его к себе. — Придется встать, — пробормотал киммериец под нос, — и ободрать шкуру с этого мерзавца... Приколочу ее на двери каюты, чтобы остальные ублюдки больше уважали своего капитана...

Лицо Хафры посерело; кушит отступил еще на пару шагов, прижимая ладони к груди и кланяясь. Он казался сильным парнем и повидал всякого, уже не первый год плавая на «Стреле» и занимаясь пиратским промыслом, но больше всего боялся разгневать нового вождя. Впрочем, как и любой человек в команде, если не считать Каллы.

— Прости, господин... Кроме свинины и птицы, у Сандары есть еще добыча... Потому я осмелился потревожить...

— А! — сказал Конан, убирая руку с меча. — Поймали кого-нибудь в лесу?

— Да, Амра, — кушит, подметив, что гроза миновала, с облегчением перевел дух.

— Надеюсь, хорошенькую девчонку, — пробормотал киммериец, вновь поднимая кувшин. — И не такую строптивую, как эта Калла...

— Вот как? — Его возлюбленная выступила вперед из-за широкой спины Хафры, как всегда яростно сверкая черными очами. — Похоже, я тебе успела надоесть?

Конан нахмурился. Нрав у Каллы был суровым и никак не гармонировал с прелестным личиком и гибкой соблазнительной фигуркой. Несмотря на свой юный возраст — ей еще не исполнилось и двадцати — девушка успела проплавать на пиратской галере лет пять, что, разумеется, отразилось на ее манерах. Она владела абордажной саблей не хуже бывалого головореза, справлялась и с парусом, и с веслом, а арбалет в ее тонких сильных руках бил без

промаха на сотню шагов. Ее любимым занятием была охота — что на четвероногих, что на двуногих, без разницы.

— Молчишь? — Калла вызывающе подбоченилась и подошла ближе с дерзкой усмешкой на сочных алых губах. — Отвечай, я тебе надоела?

Ей давали слишком много воли, подумал Конан, испытывав мгновенный всплеск сожаления, что вместе со «Стрелой» унаследовал и эту красотку. В своем роде она была не менее строптивой, чем Карела, Рыжий Ястреб, предводительница шайки заморанских разбойников. Впрочем, он надеялся, что сумеет обуздать ее; эта дрессировка послужила бы приятным развлечением на пути к далекому острову в Западном океане.

— Исчезни, женщина, — киммериец повел рукой. — Уйди, иначе, клянусь Кромом, я прикажу закопать тебя связанной в песок и оставлю крабам на поживу!

— Не оставишь! — она торжествующе усмехнулась. — Откуда тебе взять тут другую подружку, жеребец?

Конан оглядел ее с ног до головы, задумчиво подбрасывая в руках яблоко. Девчонка права, решил он. Где найдешь другую такую же?

Он разочарованно вздохнул.

— Значит, в лесу поймали не женщину? Тогда кого же? Лазутчика из Аргоса или Шема? Крестьянина, который отправился за хворостом? — Игнорируя Каллу, Конан поднял взгляд на темное лицо кушита.

— Взяли странного человека, — Хафра снова поклонился. — На крестьянина или лазутчика не похож, по виду — из благородных. Говорит, что аргосец.

— Аргосец... — протянул Конан и хотел уже задать следующий вопрос, но девушка снова вмешалась в разговор.

— Я его поймала! — В ее голосе чувствовалось настоящее воодушевление. — Я его поймала, этого аргосца, хоть он и был вооружен до зубов!

— И что же, он сопротивлялся? — Киммериец бросил на свою подругу косой взгляд. Внезапно она смутилась и покраснела.

— Да... Нет... пожалуй, нет...

— Так все же — да или нет?

— Нет, — Калла отрицательно качнула черноволосой головкой.

— Хмм... Ну, раз дело обошлось без крови, ты заслуживаешь награду. Держи! — Конан бросил ей яблоко, но

девушка, ловко поймав его, скорчила презрительную гримаску.

— И только? Не очень-то ты щедр! Запомни: великая Иштар не любит скупых мужчин!

— Все остальное получишь нынче ночью, и твоя Иштар останется довольна, — Конан ухмыльнулся. — А сейчас иди! А то я в самом деле прикажу закопать тебя в песок! — Он повелительно махнул рукой, показывая, что разговор закончен, и повернулся к Хафре. — Пусть сюда приведут этого аргосца... Погоди, — скомандовал он, когда кушит уже занес ногу. — Говоришь, он походит на нобиля? Благородный с виду? — Хафра молча кивнул. — Тогда притащи еще одно кресло, чаши и вина. Все!

Он снова прикрыл глаза, стараясь не прислушиваться к возмущенному фырканью Каллы. Значит, аргосец и благородный человек... Что ж, беседа с ним поможет сократить время до вечера... А если разговор не получится или пришелец начнет дерзить, он его просто прирежет... или закопает в песок... или... Дремота снова накатывала на него, но тут раздался шорох шагов, и Конан с усилием поднял веки. Затем глаза его начали открываться все шире и шире, брови же полезли вверх, пока не превратились в пару изогнутых черных гусениц.

Мужчина, стоявший перед ним, был довольно высок, с мощными плечами и могучей грудью; фигура его, однако, казалась по-юношески стройной, хотя на вид Конан дал бы ему не меньше сорока. Узкое лицо, смугловато-бледное, с точеными чертами; прекрасной формы нос, твердо очерченные губы, слегка впалые щеки, подбородок с едва заметной ямочкой. Темноволосый, но глаза не черные и не карие — скорее, зеленые, как прозрачная морская волна. Аргосец, несомненно, и не простой человек: хотя черты его не свидетельствовали о властности или чрезмерной горделивости, они казались исполненными сдержанной силы. Да, этот человек знал себе цену!

Он был облачен в темно-синий шелковый камзол и такого же цвета штаны, заправленные в высокие сапоги; удобная одежда и не без щегольства. Выглядел аргосец так, словно не по лесу бродил, а только что спустился на песчаный пляж со ступеней своей богатой виллы где-нибудь под Мессантией или сошел с портшеза, доставленного сюда заботливыми слугами. Правда, в руках он держал довольно объемистый тючок, а над плечами торчали рукояти двух длинных мечей, подвешенных к широкой портупее из светлой кожи. Клинки эти, бесспорно,

носились не на показ, и Конан невольно усмехнулся, вспомнив похвальбу своей подружки. Пожалуй, у нее был только один способ совладать с этим опытным и умелым бойцом — раздеться догола. Один шанс, да и тот сомнительный; аргосец явно многое повидал в жизни, в том числе — и женщин.

Сопровождаемый по пятам Хафрой и двумя людьми из охотничьей партии, он твердым шагом подошел к киммерийцу, бросил на землю свой тюк, потом махнул рукой в сторону корабля и осведомился:

— Ты капитан?

Не поднимаясь, Конан осмотрел пришельца с головы до ног. Прежде он никогда не видел этого человека, и все же что-то в его облике казалось знакомым — что-то неуловимое, едва заметное, однако напоминающее о себе с упорством полубытого сна. Сдержанная сила и гибкость движений... Мечи... Пара отличных клинков, и оба — за плечами! Кажется, подумал киммерец, ему встречались такие бойцы... Один — давно, очень давно, на берегу моря, другой — на пустынной дороге через офирскую степь... Нет, припомнил он с улыбкой, у второго был меч и лук, но преогромные!

Он снова поднял взгляд на лицо незнакомца и кивнул.

— Я капитан. Кто ты и чего хочешь?

Резким быстрым движением склонив голову, мужчина представился:

— Рагар из Аргоса, по прозвищу Утес. Я хотел бы отплыть в море на твоём судне, капитан...

— Конан, — произнес киммерец в ответ на невысказанный вопрос. — В этих краях меня еще называют Амрой.

— Вот как? — Взгляд Рагара словно ощущал тело огромного варвара. — Амра, лев по-кушитски... — на миг он задумался, припоминая. — Что ж, да будет с тобой милость Митры! Я слышал о тебе, капитан.

— И что же?

Аргосец дипломатично улыбнулся.

— Всякое. И хорошее, и дурное.

Конан перевел взгляд на спокойную поверхность заливчика, по которой скользила, возвращаясь с галеры, шлюпка. Она ткнулась носом в песок, и киммерец повернулся к Хафре.

— Кресло и вино. Живо! Остальные, — он взглянул на пару сопровождавших Рагара стражей, — могут убираться к Нергалу в задницу.

Кушит повернулся и побежал к лодке. Его огромная черная спина лоснилась от пота, мелко подрагивала шапка черных вьющихся волос, полуобнаженные ягодицы казались двумя чугунными ядрами. Свои обязанности адъютанта, оруженосца и личного слуги вождя Хафра выполнял с большим тщанием.

Когда кресло было доставлено и Рагар, сняв мечи, уселся и пригубил из чаши, киммерец сказал:

— Значит, ты слышал обо мне. Слышал хорошее и дурное! Чего же больше?

— Пожалуй, дурного, — спокойно отвечал гость.

Приоткрыв рот, Конан недолгое время смотрел на него, потом захохотал.

— Прямой ответ, клянусь Кромом! — Он вытер выступившие на глазах слезы. — Ну, тогда ты должен понимать, что моя посудина — не простой корабль, перевозящий груз из Мессантии в Асгалун!

— Я знаю о том, — с прежним спокойствием произнес Рагар. — Прекрасное вино, — заметил он, снова отхлебнув из чаши. — Аргосское, если не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. — Конан в три глотка прикончил свою порцию и пристально взглянул на гостя. — А теперь, быть может, ты скажешь мне, почему аргосский нобиль желает завербоваться на пиратскую галеру? Ты проигрался в кости? Зарубил в поединке принца? Злоумышлял против правителя? Спал с его достойной супругой? Ну, рассказывай! До вечера еще далеко, и мне хочется поразвлечься!

Рагар пропустил большинство вопросов хозяина мимо ушей.

— Почему ты решил, что я — аргосский нобиль? — поинтересовался он.

— Ну, ты же сам назвался аргосцем... и вид у тебя благородного человека. Такому не место среди корсаров.

— Но я и не собираюсь предлагать тебе свой меч и свою верность, — Рагар чуть заметно усмехнулся, и его строгое суровое лицо сразу помолодело лет на десять.

— Тогда непонятно, зачем ты явился ко мне. Ты вроде бы говорил, что хочешь отплыть в море на моем корабле, так?

— Так. Но совсем не для того, чтобы грабить мирных мореходов. Я хочу нанять твое судно.

— Нанять? Клянусь Кромом! — Брови Конана вновь полезли вверх. — А если цена окажется слишком высокой, приятель?

Аргосец небрежно пнул сапогом свой тюк, и в нем что-то протяжно зазвенело. Конан мог поклясться, что золотого; его сладостный звон он мог отличить от более глухого пения серебра за двадцать шагов.

— Скажи, сколько ты хочешь, — произнес Рагар.

Огромный варвар неторопливо протянул руку к кувшину и разлил вино. Этот пришелец, захваченный в лесу Каллой, ему определенно нравился. В чем, в чем, а в смелости ему не откажешь! Явился в разбойничий стан с мешком золота!

— Прежде чем вести речь о цене, — сказал Конан, протянув полную чашу гостю, — я хотел бы узнать, зачем тебе понадобился корабль. И почему именно мой? Разве в Мессантии мало добрых и прочных посудин?

Аргосец со сдержанным поклоном принял чашу.

— Видишь ли, мой капитан, мне нужно попасть... ммм... — он замялся, — словом, мне нужно попасть в некое место. На остров...

— Какое совпадение! — перебил его Конан. — Я тоже плыву на остров. Может быть, нам по пути?

— Сомневаюсь, — Рагар покачал головой. — Видишь ли, Аргос богатая страна, и Митра не оставил ее своими милостями... Но хотя в гавани Мессантии в самом деле много добрых судов, ни один кормчий не соглашался отвезти меня туда, куда надо. Разумеется, я мог бы купить галеру, но с экипажем тоже возникли бы затруднения... Никто бы не поплыл со мной, а в одиночку не управился с двадцатью веслами и парусом.

— Хмм... — киммериец, опустив взгляд, следил за переливами багряного вина, с наслаждением вдыхая его терпкий и свежий запах. — Похоже, ты собрался в неприятное местечко, приятель. Далеко ли? На юг, на север или на запад?

— На север. Мне нужно добраться до Кардала.

— Кром! — Восклицание невольно сорвалось с губ Конана. Он слышал про этот остров, довольно обширный и плодородный, лежавший в Западном океане, в семи или восьми днях плавания от пиктских берегов. Еще он слышал, что Пламенные горы, занимавшие половину Кардала, раз в десять, двадцать или пятьдесят лет плюют огнем, уничтожая деревни и посевы островитян. Видно, они были упрямыми людьми, если не желали покидать такую опасную землю! Хотя, с другой стороны, куда им было деваться? Человек, лишенный родины и отчего дома —

жалкая былинка в пустыне, ожидающая, когда коса смерти срежет ее под корень...

И все же зачем аргосцу из благородных понадобилось плыть на этот забытый богами Кардал? Наверняка там живут лишь рыбаки, землепашцы да скотоводы, бедняки, не видевшие ни разу блеска золота или сверкания самоцветов... А Рагар, наоборот, готов заплатить, чтобы попасть туда! И, вить, немалую цену!

Но сколь бы она не была велика, Конан не собирался отправляться на остров, где горы выбрасывают потоки раскаленной лавы. Его путь лежал на запад, к гораздо более благодатной земле; и, к тому же, он дал слово Дайоме! Он обязан передать волшебнице то, что она ждет, получив взамен свободу! Конан задумчиво потрогал железный обруч в волосах и отхлебнул вина.

— Теперь я понимаю, отчего тебе было не найти ни судна, ни команды, — произнес он. — Никто не хочет отправляться туда, где подземные боги трясут землю! Если остров вдруг расколется напополам и потонет в океане, что будет с кораблем, который приблизился к нему? Да любой кормчий, любой матрос или гребец умрет от страха — еще до того, как каменные глыбы изрешетят судно или его затянет в огромный водоворот!

— Ты прав, — по-прежнему спокойно произнес Рагар. — Вот почему мне годится не всякий корабль, не всякий капитан и не всякая команда. Мне нужны смелые люди, а где найдешь таких? Разве что среди пиратов... И я готов хорошо заплатить!

— Твои деньги меня не интересуют! — Конан небрежно повел рукой. — Я спросил, куда ты хочешь плыть и, если б нам действительно было по пути, мы смогли бы договориться. Но твой Кардал лежит на севере, а я поведу «Громовую Стрелу» на запад.

— «Громовая Стрела» — так называется твой корабль? — спросил Рагар и, дождавшись кивка киммерийца, заметил: — Хорошее имя! Может, все-таки столкнемся? Я не постою за ценой. Видишь ли, я очень тороплюсь...

— Я тоже! — отрезал Конан.

Некоторое время они молчали, прихлебывая вино. Аргосец, шурясь, глядел на солнце, золотым диском повисшее над бухтой; его край уже коснулся высокой мачты галеры. На палубе, заканчивая починку, суетилось десятка полтора моряков; остальные, под руководством косоглазого Сандары, развели костры у воды и жарили мясо. Оттуда тянуло аппетитными запахами, и Конан почувст-

вовал, что непрочь перекусить. Заметив тонкую фигурку Каллы, склонившейся над огнем, он ощутил и другие желания, другой голод, не менее сильный, чем тяга к пище. Пожалуй, если бы не гость, он кликнул бы девчонку и, не дожидаясь ночи, повел в лес... Однако и Рагар был ему интересен; хотя он не собирался брать деньги аргосца, что мешает послушать забавную историю?

— Еще вина? — он поднял кувшин.

— Нет, благодарю... — ладонь аргосца прикрыла чашу. — У меня еще достаточно.

— Ну, как знаешь, — Конан налил себе, потом кивнул в сторону костров: — Кажется, тебя взяла в плен моя подружка? Она говорила, что ты отважно сражался, но пал жертвой ее клинка.

— Скорее, ее глаз, — улыбнулся Рагар. — Ты же видишь, на мне нет ни царапины, и одежда цела... А все потому, что я тут же сдался в плен, как только ее увидел.

— Ты нас искал?

— Да. По побережью ходят слухи, что некий человек с севера захватил одну из разбойничьих галер, перебив едва ли не половину команды. Мне показалось, что такой смелый парень не откажется плыть на Кардал...

Конан не обратил внимания на этот намек; его интересовало другое.

— Слухи слухами, но до Мессантии путь неблизкий, и берег здесь зарос лесами... Пожалуй, нас было нелегко найти, а? Может, кто подсказал? Какой-нибудь доброжелатель? — Его глаза впились в лицо Рагара точно два стальных буравчика.

— Нет, капитан, — аргосец покачал головой, — нет. Я знал, кого ищут и куда надо идти.

— Странно! Клянусь Кромом, немногим известно про эту бухту! А уж о том, что я здесь нахожусь, со своими людьми и «Стрелой»...

Внезапно Рагар плавным жестом поднял вверх обе руки, потом медленно провел ладонями по лицу, словно стирая пот; кожа его, однако, была совершенно сухой. Сильные пальцы аргосца скользнули по гладкому лбу, по прижмуренным векам, по впалым щекам и подбородку; наконец, руки его замерли, сложенные чашей. Конану показалось, что гость как бы удерживает в них невидимый шар — осторожно, бережно, словно эта неощутимая прозрачная сфера была выточена из хрупкого хрусталя.

Киммериец не ошибся. Миг — и шар вспыхнул, засиял яркими всполохами, тут же превратившимися в водоворот

голубого огня, в мерное и стремительное вращение холодных молний. Конан, изумленный, прикрыл лицо ладонью, ибо безжалостный свет ослеплял; Рагар же всматривался в него, не щуря глаз. Затем он сделал резкий выдох, и шар мгновенно вытянулся фиолетовым жгутом, ударившим в песок в пяти шагах от аргосца. И сразу же сияющая молния погасла.

Конан поднял кувшин, нагнул над пересохшим ртом, сделал добрый глоток. Этот фокус не испугал его, хотя было ясно видно, что в том месте, куда ударила молния, песчинки спеклись плотной стекловидной массой. Магия! Могущественная магия! Но за полтора десятилетия скитаний по свету киммериец повидал многое и научился не бояться колдунов. На поверку они весьма часто оказывались столь же уязвимыми, как и обычные люди — разумеется, если знать, как взяться за дело.

— Забавная штука, — оторвавшись от кувшина, он ухмыльнулся. — Похоже, у Каллы не было бы шансов, если б она ввязалась в драку с тобой. Ну, и что же дальше? Ты хочешь намекнуть, что способен разделаться и со мной, и с моими людьми, и с кораблем? Сожжешь нас всех дотла?

— Ни в коем случае, — по губам Рагара скользнула улыбка. — Зачем же мне вас жечь? Кто тогда доставит меня на Кардал? Просто ты задал вопрос, и я ответил — ибо лучше один раз увидеть, чем семьжды — услышать... И ты увидел! Увидел Силу Митры... вернее, крохотную ее часть, которой он одарил своего слугу... — тут голова аргосца склонилась в почтительном поклоне. — Мощь бога может стать карающей молнией, а может вести к нужной цели...

Он сделал плавный жест, протянув руки к Конану, потом развел их в стороны, словно обозначая свою цель — этот берег, эту бухту и корабль, что покачивался на мелкой волне. Лицо его было спокойным и доброжелательным.

— Ты хочешь сказать, что какая-то магия помогла тебе нас найти? — спросил Конан, пристально рассматривая оплавившийся песок.

— Не магия, мой капитан, нет... Меня вел Митра.

— Так ты — его жрец?

— Нет. Его слуга.

Воцарилось молчание. Взгляд Рагара был устремлен в сияющую морскую даль, киммериец же продолжал изучать то место, куда ударила молния. Наконец он протянул:

— Хмм... И каждый, кого Митра берет на службу, может научиться таким штукам? — Его глаза не отрывались от спекшегося песка.

— Не каждый, но многие. Светлый бог дарует некоторым из нас частицу своей Силы, однако нужно научиться владению сим даром, — пояснил аргосец. — В молодые годы я отправился к наставнику...

Огромный варвар резко наклонился вперед, прервав Рагара. Воспоминания вихрем закружились у него в голове; он вновь видел шандаратские берега, галечный пляж в обрамлении гранитных скал, высокую фигуру в сером с мечами за спиной. Потом эту картину сменила холмистая жаркая степь, золотисто-зеленая, бескрайняя, пересеченная пыльной лентой заброшенного тракта; по нему неторопливо шагал человек в забавной белой хламиде, а над плечами его торчали навершие лука и рукоять огромного клинка.

— Этот наставник... Учитель... — пробормотал киммериец, — старик, который живет за горами и пустынями, на склоне потухшего вулкана?

Лоб Рагара пошел складками, глаза удивленно раскрылись.

— Ты слышал о нем? От кого?

— Дважды я встречался с его Учениками, — задумчиво произнес Конан. — Давно... я уже не помню их имен... — Он невидящим взором уставился на свой корабль, на людей, суевившихся у костров, на темневшие рядом лодки. — Да, дважды я встречался с ними, и дважды они спасали мне жизнь... Так что ради этого я готов помочь тебе, Рагар! Может, сделаем так: сначала отправимся на мой остров, а потом — на твой?

— Не получится, капитан, — на лице аргосца отразилось искреннее сожаление. — Я говорил, что тороплюсь, и это были не пустые слова...

Он смолк, но теперь Конан не пытался перебить своего гостя; он терпеливо ждал, чувствуя, что тому есть что еще сказать.

— Я думаю, что и у тебя имеется причина поторопиться, — наконец произнес Рагар. — Не сочти за пустое любопытство, если я поинтересуюсь твоими делами... и расскажу о своих, разумеется, расскажу все без утайки. Взвесим твое дело и мое, обсудим, оценим, что важнее... Согласен?

— Нет. Пожалуй, я расскажу тебе свою историю — в обмен на твою, но ничего обсуждать мы не будем. Это, —

Конан махнул рукой в сторону бухты, — мой корабль и мои люди, и только я буду решать, куда плыть. И учти, хотя я помню о тех двоих, что когда-то спасли мне жизнь, чужие дела — это чужие дела. Я хочу сказать, что свои всегда кажутся более важными, — добавил он с ухмылкой. — Согласен?

Рагар, демонстрируя покорность, развел руками и склонил голову.

— Ладно, ты хозяин положения. Я готов поведать тебе подробно о своих целях, если хочешь слушать, а сейчас скажу только одно: Кардал вновь навлек гнев подземных богов, и я послан, чтобы обуздать их, восстановить равновесие.

— Вот как? Ты дерзаешь выступить против богов?

— Я — Его посланец, — сильная рука Рагара протянулась к солнечному диску. — Он даст мне Силу, чтобы справиться с огнем.

— Зачем?

— Как зачем? — казалось, аргосец поражен. — Ведь на Кардале живет немало людей!

— Что мне до них! — Конан пожал плечами. — Нищие рыбаки, пахари... Клянусь Кромом, их жизни не стоят и медной монеты!

— Ты так полагаешь? — Рагар устремил на киммерийца изучающий взгляд и, когда тот презрительно сморщился, произнес: — Хорошо, не стану спорить. Расскажи мне теперь о своем острове и своем деле.

— Ну, это не простая история... — огромный варвар выбрал яблоко побольше и поднес его на ладони к лицу Рагара. — Представь себе землю, богатую и цветущую, похожую запахом на этот плод... там, далеко в океане! — зажав яблоко в огромном кулаке, он махнул в сторону горизонта. — Да, прекрасная земля, но попал я туда в недобрый день... Попал в бурю, когда мое судно разбилось на скалах и все мои люди, сотня храбрых парней, не чета этим кардальцам, пошли ко дну...

Рагар склонил голову в знак сочувствия.

— И что же дальше? — с интересом произнес он.

— Словом, я шатался по этому островку, пока не встретил его хозяйку. Красивая женщина, надо сказать, и непростая... как и ты, умеет многое... — Конан сделал паузу, потом добавил: — Хотела, чтоб я с ней остался...

— Ну, а ты?..

— Что мне за радость в этом ее острове? Пить, есть да спать? Нет, это не для меня! — Киммериец решитель-

но тряхнул своей темной гривой. — Но и убраться я отсюда не мог! Она никак не соглашалась приворожить подходящий корабль, а пешком по морю не уйдешь... Пришлось заключить с ней сделку. У нее, приятель, были кое-какие трудности...

— Трудности?

— Да, в северных землях, в Ванахейме. Ну, она отпустила меня под присмотром своего слуги, и договор был таков: я выполняю порученное и становлюсь вольным, иначе буду жить с ней на том островке до седых волос. Только, клянусь Кромом, я бы сдох через год от скуки! Так что пришлось мне постараться... А теперь надо привезти ей вот это, — отбросив яблоко, Конан наклонился, сунул руку под кресло и вытащил кинжал в изукрашенных драгоценными камнями ножнах. — Доказательство, что дело я сделал, как полагается... Теперь понимаешь, почему мне пришлось срочно раздобывать и корабль, и людей?

— Понимаю, — Рагар склонил голову к плечу, любуясь игрой самоцветов. — А что, тебе обязательно возвращаться на тот остров? Дело-то ты, говоришь, сделал?

— Да. И, хотя я дал слово вернуться и привезти кинжал, — киммериец покосился на оружие, уютно лежавшее на его ладони, — о том слове можно было бы и забыть. Но, видишь ли, она меня обманула... попыталась обмануть, вернее говоря...

— Обмануть? В чем?

— Похоже, она рассчитывала, что я и порученное исполню, и воли не получу... Женщина, одним словом; все они обманщицы, — заключил киммериец. — Так что мне непременно надо добраться до того острова и швырнуть ей в лицо эту штуку! — Конан потряс кинжалом. — Пусть знает, что я проведаль о ее хитростях!

Рагар кивнул и медленно произнес:

— И в том единственная причина, по которой ты торопишься на ее остров, капитан?

— Единственная. Женщина эта мне больше не нужна, можно найти кое-что и получше... ту же Каллу, к примеру... Строптивая девчонка, так хоть не ведьма!

— Разумеется, — взгляд аргосца скользнул к кострам, где среди рослых полуобнаженных мужчин мелькала тонкая фигурка девушки. — Значит, ты твердо намерен плыть на восток? Чтобы швырнуть кинжал в лицо обманщицы?

Киммериец ухмыльнулся.

— Возможно, у меня и выбора другого не будет, если я рискну выйти в море.

— Что ты имеешь в виду?

— Я же говорил, госпожа того острова женщина не простая! Проведает о моем корабле, пошлет нужный ветер... И погонит он «Громовую Стрелу» туда, куда ей угодно...

— Вот как? Ей подвластны ветры и бури?

— Вполне, — заверил аргосца Конан. — Такие бури, что ты в жизни не видел! Это тебе не песок прожигать! — Он покосился на след от удара молнии.

— И все же никто не сравнится с могуществом Митры, мой капитан, — произнес Рагар и вдруг легко поднялся из кресла. Некоторое время он шагал взад-вперед по песку, о чем-то напряженно размышляя, в задумчивости касаясь пальцами то виска, то подбородка, потом повернулся к Конану. — Итак, ты ждешь ветра с суши, который понесет твой корабль вдоль побережья Аргоса и Зингары, примерно к Барахским островам?

Киммериец молча кивнул.

— Давай договоримся так: я поплыву на твоём судне до Бараха, а там посмотрим, не изменится ли ветер. Если он по-прежнему станет гнать твою «Стрелу» на запад, что ж, так тому и быть! Но вдруг подует с другой стороны, а?

— Вряд ли... Госпожа того острова умелая чародейка...

— Чародейка! Всего лишь чародейка! А Митра — бог!

— Тогда пусть и вершится по воле Его, — Конан тоже встал, припнувшись; свинина, похоже, совсем поспела. — Но я думаю, приятель, боги слишком далеки от нас... вот чародей — те гораздо ближе!

Кивком головы пригласив гостя следовать за собой, Конан направился к кострам.

Глава 12. Попутные ветры

Калла извивалась под ним, испуская глухие хриплые стоны, царапая спину острыми ноготками; на какой-то миг тело ее замерло, потом ноги крепче охватили поясницу Конана, стиснули, сжали, словно клещами. Стоны и вздохи возобновились с новой силой, и киммериец подумал, что в такие вот моменты Калла ему нравится. Очень нравится! Сейчас, когда она не говорила ничего, не пыталась язвить и насмешничать, но предавалась любви с samozабвением юной львицы, впервые познающей самца.

Страстность этой девушки удивляла его. Стигийцы были древним народом, мрачноватым, холодным и скупым на проявление чувств. К тому же многие из них поклонялись не Светоносному Митре, Подателю Жизни, не могучему Ариману и любвеобильной Иштар, а чудовищному змею Сету; таинственные и страшные религиозные обряды тоже накладывали на стигийцев свой отпечаток. Калла же и выглядела, и вела себя совсем иначе — живая непоседливая красotka, дерзкая на язык и весьма непочтительная, что к людям, что к богам.

Заметив, что стоны ее сделались пронзительней и чаще, Конан удвоил усилия; ложе под ними потрескивало и раскачивалось в такт движениям корабля. Казалось, сам океан, то подбрасывая, то опуская галеру, задает темп любовной схватки, мерно и мощно колебля на своей груди и судно, и постель, и возлежавших на ней дуэлянтов. Прохладный воздух струился в распахнутое окно, и Конан, выгибаясь дугой над телом девушки, заметил, как на востоке начало разгораться предрассветное зарево.

Возможно, продолжал он свои раздумья, Калла и не являлась стигийкой; возможно, утверждая это, она лишь хотела придать себе вес в глазах команды и своих возлюбленных — стигийцы пользовались репутацией колдунов, чернокнижников и вообще людей опасных. Не исключалось, что она была стигийкой наполовину или на четверть, дочерью какой-нибудь рабыни, купленной в Офире, Шеме или Аргосе, либо отпрыском потомственной невольницы, которых хватало во всех крупных стигийских городах — и в Кеми, и в Луксуре, и в Птейоне.

Калла вновь замерла, потом с пронзительным вскриком еще сильнее обхватила плечи киммерийца. Приближалась кульминация, и ее багровые яростные волны раскачивали Конана вверх-вниз, лишая способности рассуждать. Голова вдруг стала пустой и гулкой, словно пещера с высоким куполообразным сводом; тело — легким, словно перышко, летящее по ветру. Сейчас ему казалось совсем неважным, кто такая Калла, откуда она, говорит ли правду или лжет, набивая себе цену. В этот миг наплывавшего экстаза значение имело совсем другое: пышущее жаром тело девушки, пьянящий аромат ее волос и кожи, ощущение влажных губ на щеке... Содрогнувшись, Конан резко выдохнул воздух и замер в блаженном забытии.

Спустя некоторое время они лежали рядом, тесно прижавшись друг к другу. Хотя койка в капитанской каюте

«Громовой Стрелы» была длинна и широка, все же ее скроили не по размерам Конана: его босые ступни выдавались за край, макушка же упиралась в переборку. Зато он мог, не вставая, дотянуться до открытого ларя, в котором хранилось отличное аргосское в больших глиняных кувшинах — видно, прежний хозяин пиратской галеры знал толк в вине. И наверняка — как и сам Конан — он испытывал особенную жажду после любовных игр.

Киммериец приподнялся на локте, вытянул из ларя ближайший кувшин и надолго приник к его горлышку. Напившись, он скосил глаз на Каллу:

— Хочешь?

— Нет!

Тон ее показался Конану резковатым. Великий Кром, эта женщина снова недовольна! С чего бы? Только что все было так хорошо... просто великолепно!

Правда, с недавних пор он стал замечать, что его подружка как-то странно поглядывает на Рагара. Благородный аргосский нобиль — или слуга Митры, как он сам себя называл — расположился в соседней кормовой каюте, принадлежавшей раньше первому помощнику. Этот достойный корсар сложил голову в бою вместе со своим капитаном, и Конан пока не решил, кого назначить на его место. Из прежних вожаков в живых остался лишь косоглазый Сандара, отличный кормчий с Барахского архипелага, которому, за неимением подмены, день и ночь приходилось торчать на палубе; он даже спал там, бросив свой тюфяк рядом с рулевыми.

Что касается Рагара, тот вел себя тихо и достойно, не упуская случая выказать благодарность хозяину, коего беседы с аргосцем изрядно развлекали. Пираты — грубые люди; и хотя Конана не волновало, как они пьют, рыгают и опорожняются у шпигатов, говорить с ними было абсолютно не о чем.

Дважды в день, утром и вечером, Рагар поднимался на палубу полуобнаженным, в одних штанах до середины икр, и, расположившись перед мачтой, надолго замирал в странных позах. Зачастую они выглядели совершенно невероятно — например, когда он ложился на живот и сгибал ноги, упираясь ступнями в палубу рядом с плечами. Мореходы, увлеченные даровым зрелищем, какое не на всякой ярмарке увидишь, толпились поодаль, билась об заклад, сколько времени аргосец выдержит, скрючившись кольцом; Калла всегда была среди них, хотя в

споры не вступала. Похоже, у нее имелся совсем другой интерес к Рагару.

Конан встал, набросил легкую тунику, одел на голову свой железный обруч и застегнул пояс с кинжалом; затем опять приложился к кувшину. Девушка наблюдала за ним, вытянувшись на постели; ее нагое тело поблескивало от пота.

— Слишком много пьешь, — неодобрительно заметила она.

— Для меня это не много, — киммериец потянулся, могучие мышцы заиграли под смуглой кожей словно змеи.

— Рагар сказал, что пьющий подобен безумцу... и Митра лишает его своих милостей...

— Да? До сих пор мне казалось, что милости Митры тебя не слишком интересуют. Ведь все стигийцы поклоняются Сету.

Калла возмущенно фыркнула.

— Что ты знаешь о стигийцах? Ты, варвар, тупое бревно?

— Достаточно, чтобы не испытывать к ним большой любви.

Девушка резко приподнялась и села на ложе, скрестив ноги. Ее маленькие твердые груди казались в рассветном полумраке опрокинутыми бронзовыми чашами с острыми напряженными ягодками сосков.

— Но ты спишь со стигийкой! — ее кулачки сжались.

— Сплю, — подтвердил Конан. — Потому что тут нет другой девки, из Аргоса, Шема или Зингары. Поласковой, чем ты.

В ответ раздалось шипенье разъяренной кошки. Не обращая внимания на девушку, Конан натянул сапоги и вышел из каюты.

Рагар сказал! Интересно, подумал он. До сих пор ему казалось, что Калла только приглядывается к аргосцу, а теперь выходит, что они еще и беседуют! О чем же? О том, что пьющий подобен безумцу и Митра лишает его своих милостей? Странная тема для разговоров с девушкой, особенно такой, как эта стигийка...

Ревности Конан не испытывал, одно лишь любопытство, ибо Калла ничего не значила для него; не больше, чем Синэлла, офирская принцесса, Ариана из Немедии и все прочие, включая и Карелу, Рыжего Ястреба. По крайней мере, стигийка не пыталась его убить, как эта неистовая предводительница разбойников с Кезанкийских

гор... Но теплых чувств Конан к ней не ощущал; Калла являлась для него просто еще одной женщиной, попавшей по пути, с которой можно разделить постель. Пожалуй, даже Дайома, владычица далекого острова, была ему ближе: та хотя бы любила его и желала, чтоб он остался с ней навсегда... Нет, решил киммериец, из-за Каллы не стоит устраивать никаких ссор с аргосцем. Пусть болтает с ним сколько угодно; важно лишь, в чьей постели она спит. А может, подарить ее Рагару? Когда совсем надоест?

Усмехнувшись, он вышел на палубу и поднялся на кормовую надстройку. У руля стоял Крол; рядом храпел на своем тюфяке Сандара, еще человек шесть следили за парусом, развалившись у шпигатов. Остальные спали внизу, на гребной палубе, ставшей слишком просторной для малочисленного экипажа галеры. Конан, кивнув одному из пиратов, распорядился:

— Подними-ка Хафру, пусть ленивый пес принесет чего-нибудь поесть. И поживее!

Горизонт был пустынен. Правда, за три последних дня им попалось несколько неуклюжих купеческих барков, ходивших вдоль побережья Аргоса и Шема до огромной реки Стикс, за которой лежала Стигия; скорее всего, они перевозили амфоры с маслом и вином или еще какой-нибудь громоздкий товар, не слишком ценный и не стоящий серьезного внимания. Но Конан не собирался их преследовать даже в том случае, если б палубы барков выстланы золотые монеты и кхитайские шелка: ветер нес «Стрелу» прямо на запад и был он на диво устойчив — верный знак, что Дайома советовала поторопиться.

Край солнечного диска вынырнул из-за темных вод, и сразу же предрассветный сумрак сменился мягким золотым сиянием раннего утра. Воздух стал прозрачным, небо налилось голубизной, и по морской поверхности, зелено-вато-синей, в белых кружевах пены, протянулась светлая дорожка — прямо к корме корабля. Митра, Податель Жизни, вновь явил миру свой божественный лик, посылая людям свет, тепло и надежду, что новый день принесет новые радости — или, по крайней мере, окажется ненамного хуже вчерашнего.

Конан, прижмурив веки, с усмешкой глядел на солнце. У него были свои отношения с богами — и с тем светозарным, что в победном сиянии вставал сейчас над миром, и с прочими, обитавшими на севере или юге, в небесах или под землей. Лучшим из всех был, разумеется,

Кром, Владыка Могильных Курганов, чьим именем клялись воины-киммерийцы; он не требовал поклонения, не отличался ревностью и вообще не влезал в людские дела. Лишь однажды глаза бога обращались к человеку — в миг, когда тот впервые появлялся на свет, впервые вдыхал воздух, готовясь испустить первый младенческий вопль. Дитя, которое выдерживало этот взгляд, оставалось в живых, что тут же доказывали его громкие крики; слабые же и увечные от рождения умирали, не успев пискнуть.

Кром не мстил, если рожденные в его землях уходили в другие страны и начинали поклоняться там иным божествам; это ему было безразлично. А посему Конан мог без страха призывать на помощь всех богов, коих считал полезными, проклиная тех, к которым не испытывал приязни. Очень нужным богом являлся Бел, покровитель воров, и киммериец нередко поминал его, занимаясь в юные годы воровским ремеслом в Заморе; столь же необходимой была и Иштар, будившая страсть в сердцах мужчин и женщин, осенявшая своей благодатью любовное ложе. Конан не имел ничего против Аримана или Великих богов Асгарда; однако ледяного великана Имира, которому поклонялись в Ванахейме, и старого Игга с сонмом беспутных сыновей, владыку Гипербореи, он недолюбливал. Как, впрочем, и мерзостного Нергала, и стигийского Сета!

В этом пестром пантеоне Митра, однако, занимал особое место. Когда-то, совсем еще мальчишкой, киммериец повстречался со странным и невероятно древним существом, демоном, давно лишившимся силы, но сохранившем, по воле случая, жизнь; эта крысоподобная тварь ничего не ведала о Нергале, Иштар, Аримане, Имире и прочих божествах, но помнила и почитала Митру. Сей дряхлый демон утверждал, что все хайборийские боги, полезные и не очень, являются лишь ипостасями великого Владыки Света, Его отражениями, коими Он пожелал населить небеса и подземное царство, дабы поддержать мир в равновесии между Добром и Злом. Или об этом самом равновесии толковал кто-то другой? Конан уже не помнил таких подробностей; в памяти сохранился лишь отзвук слов, но не лицо произносившего их.

— Господин...

Обернувшись, он увидел темное лицо Хафры, вывороченные сероватые губы, блеск белых зубов. На палубе был уже раскатан ковер, поверх которого лежали жесткие волосяные подушки; на бронзовом подносе — сухари, фрук-

ты, нарезанная толстыми ломтями солонина, чаши, и рядом с ними — винный бурдючок.

— Жаркого не осталось? — спросил Конан, с неудовольствием покосившись на солонину. Хафра только развел руками: мол, четвертый день плавания, хозяин, что не съели, то давно протухло... Киммериец скривился, потом велел: — Принеси еще мяса и сухарей! Сандара будет есть со мной, и Рагар тоже.

Шагнув к кормчему, он ткнул его носком в ребра.

— Эй, косоглазый, вставай! Пора приниматься за дело!

Веки Сандары поднялись — как все настоящие мореходы, он спал очень чутко, даже во сне прислушиваясь к песням ветров, шуму волн и поскрипыванию своего корабля. Подобрав под себя длинные ноги, кормчий встал, помочился в шпигат, взглянул на море.

— Вода начала мутнеть, — заметил он, поворачиваясь к Конану, — значит, проходим мимо устья Хорота... Самое время подцепить какого-нибудь купца из Мессантии. Ты как полагаешь, Амра?

— Нет. — Конан уселся на подушку. — Я же говорил тебе: сначала мне надо попасть на западный остров. Потом зайдем на Барах и наберем людей. Вот тогда и придет время заняться купцами из Мессантии, Кордавы и Асгалуна.

Он взял ломоть мяса и принялся неторопливо жевать. Сандара опустился рядом на колени и первым делом глотнул из бурдюка.

— Остров... на западе... — недовольно пробормотал он, протирая кулаками глаза; затем один темный зрачок уставился на капитана, другой — куда-то в небеса. — Остров, — продолжал бурчать Сандара. — Как мы его найдем? Нельзя уходить далеко от суши... от знакомых мест... слишком опасно...

Конан смерил его насмешливым взглядом.

— Ты все еще не веришь, косоглазый? А ветер, который поднялся, едва мы починили такелаж? Он дует уже три дня и принесет нас туда, куда нужно.

— Да, ветер... — кормчий покивал головой. — Ветер не меняется, это верно... на диво постоянный... несет нас на запад и несет... и унесет к Нергалу в брюхо... насовсем! — внезапно подытожил он. — Потому как вернуться можно лишь при обратном ветре! А откуда он возьмется, господин мой Амра?

— Оттуда же, откуда взялся этот, — Конан небрежным движением руки обозначил направление бриза. — Слушай

внимательно, Сандара, и больше не приставай ко мне со своим нытьем: ветер будет держаться до самого острова, потом стихнет. Когда же я закончу свои дела, он понесет нас куда захотим — к Зингаре, Кушу или в Ванахейм...

— Нет, не надо в Ванахейм, — рассудительно заметил кормчий, прожевав сухарь. — Слишком там холодно... мерзко... в океане плавают ледяные горы... и никакой добычи! Тут, — он махнул вправо, где за горизонтом лежало аргосское побережье, — лучше всего! Самые богатые, самые прибыльные места... Зингара, Аргос, Шем, Стигия... четыре земли и четыре реки... Черная, Громовая, Хорот и Стикс...

— И еще четыре города, — напомнил Конан.

— И четыре города... ах, какие города! — Сандара закатил глаза и облизнулся. — Кордава, Мессантия, Асгалун, Кеми... богатые гавани... барки, шхуны, галеры... таверны, кабаки, лавки, базары... дома с веселыми девками... полно купцов, полно товаров, полно вина... Где найдешь еще такие берега?

— На востоке есть и не хуже. Слышал о море Вилайет?

— Ну?

— Оно, пожалуй, не так велико, как Западный океан, но там есть гавани и побогаче Кордавы с Мессантией.

— Это чьи же? — зрочки у Сандары, старого морского разбойника и бродяги, хищно блеснули.

— Туранские.

— А... Этот аргосец, которого мы выбрали в лесу, болтал нам всякие небылицы про Туран...

Внизу скрипнула дверца, и Рагар, словно ожидавший упоминания о своей персоне, появился на палубе. Был он обнаженным по пояс, босым, с волосами, связанными сзади плотным пучком. Отвесив поклон капитану и кормчему, аргосец подошел к привычному месту у мачты, сделал ловкий кувырок и встал на голову, чуть балансируя вытянутыми руками. Рагар никогда не садился за еду, не проделав пять-шесть своих головоломных трюков; да и ел он на удивление мало, а пил и того меньше.

Конан уставился на него, взвешивая сказанное Сандарой. Выходит, аргосец развлекает не только капитана «Громовой Стрелы», но и весь ее экипаж — с Каллой ведет беседы о милостях Митры, а остальным рассказывает про туранские чудеса... Впрочем, почему бы и нет? Он многое повидал, много где побывал — разумеется, и в Туране тоже...

Через Туран и море Вилайет, по словам Рагара, лежал путь к таинственному Учителю. Теперь, после разговоров с аргосцем, Конан хорошо представлял эту дорогу, тем более, что самая долгая ее часть оказалась неплохо ему знакомой. Можно было подняться по Стиксу до Птейона, перевалить через горы и выйти к Замбуле или Кутхемесу, а потом — к Аграпуру, Шангаре, Хоарезму, великим туранским городам на побережье южного Вилайета. Туда вели и другие дороги — через Аргос и Шем; а путь по землям Аквилонии, Немедии, Коринфии и Заморы выводил к Султанапуру и Шандарату, откуда тоже не представляло труда перебраться на восточный берег моря, к портовым городам Хабба и Хот, и дальше, к Селанде и Дамасту, стоявшим у Великого шелкового тракта, что вел в Меру и в Кхитай. Где-то там, не доходя Меру, следовало повернуть на север, в степи, за которыми начиналась пустыня, и идти по сыпучим жарким пескам много дней до гигантской горной гряды. Там, на склоне потухшего вулкана, и жил Учитель.

Место это, на границе пустыни и бесплодного скалистого хребта, представлялось Конану весьма неудобным и малоприятным, но аргосец толковал что-то о большом и прекрасном саде, якобы зеленевшем и плодоносящем неподалеку от жилища Учителя. По словам Рагара, на горном склоне друг за другом располагались три серповидные террасы, словно три ступени, ведущие к кратеру вулкана; на нижней и был разбит чудесный сад.

Сандара закончил есть, сыто рыгнул и надолго присосался к бурдюку. Вино тонкими струйками лилось из уголков рта, стекало на обнаженную грудь шкипера; наконец, довольно крикнув, он отложил мех, вытер губы и поднялся.

— Станный ветер, — его левый глаз бежал туго натянутый парус и напряженные снасти, правый же замер на вымпеле, что полоскался на верхушке мачты. — Да, странный... В это время года ветра не отличаются постоянством.

Конан ухмыльнулся.

— Магия, говорю тебе!

— Хмм... магия... — Кормчий недоверчиво покачал головой. — Чья, хотел бы я знать?

— Великого Митры и моей подружки с далекого острова. Сейчас они действуют заодно, а вот когда мы пройдем Барах, все может перемениться... так, во всяком случае, думает Рагар.

— Перемениться? Почему?

— Видишь ли, от Бараха нам плыть по-прежнему на запад, а Рагару надо поворачивать к северу — по велению Митры, как он говорит. Тут-то и выяснится, чье колдовство сильнее.

Сандара снова с сомнением оглядел парус левым глазом.

— Не верю я в такие штуки... а если б верил, поставил бы золотой на Митру против медяка за эту твою шляху... Может, она и настоящая ведьма, но где ей тягаться с самим Светозарным!

— А я так думаю наоборот, — губы Конана растянулись в ухмылке. — Митра — он высоко и далеко; что ему до наших дел? Моя ведьма куда ближе.

Правый глаз кормчего пристально уставился на него.

— Хочешь на спор? Твой золотой против моего медяка?

— Десять золотых против десяти медяков, — уверенно заявил киммериец. — Идет?

— Идет, капитан.

Коротко кивнув, Сандара отправился в обход, придирчиво осматривая канаты, реи и туго натянутые леера, поглядывая то на небо, то на воду, озирая далекие горизонты. Он был прекрасным шкипером, отличным собутыльником и опытным хладнокровным бойцом; Конан полагал, что оставит Сандаре «Громовую Стрелу», когда ему самому надоест скитаться по морям.

Рагар, отбив положенное у мачты, встал на ноги, неторопливо поднялся по трапу на кормовую надстройку и сел напротив киммерийца. Чело его было ясным, темные глаза — безмятежно-спокойными, загорелая кожа выглядела свежей и по-юношески упругой. Конан счел бы его своим ровесником, но, по словам аргосца, ему было уже порядком за сорок.

Улыбнувшись капитану, он протянул руку и взял сухарь.

— Мяса хочешь? — Конан подвинул к нему ломти солонины.

— Нет, благодарю. Немного вина, пожалуй...

Аргосец сгрыз сухарь, запивая его мелкими глотками; съел еще один и принялся за фрукты. Мяса он в самом деле почти не ел; оставалось только удивляться, откуда при таком скудном питании у него берутся силы. А силы, вне всякого сомнения, имелись, и не малые: Рагар выглядел мощным крепким мужчиной. Может быть, по-

думал Конан не в первый раз, сам Митра благословляет каждую скудную трапезу своего слуги? Или низводит прямо к нему в живот — или куда там полагается — часть своей божественной ауры? При таких харчах, само собой, можно обойтись и без мяса...

— Если позволишь, хочу расспросить тебя кое о чем, — произнес Рагар, дожевывая яблоко.

— Спрашивай, — Конан кивнул. Начинаясь самая приятная часть дня; теплым, но не жарким утром, было так хорошо побездельничать на палубе, поболтать, неторопливо потягивая вино.

— Этот твой остров далеко в океане... у его госпожи были какие-то неприятности?

— Можно сказать и так.

— Какого же свойства?

Конан повел могучими плечами.

— Она, видишь ли, враждовала с одним чародеем из Черного Круга... опасалась, что он возьмет над ней верх... Ну, я его зарезал.

Задумчиво разглядывая надкушенное яблоко, Рагар произнес:

— Должно быть, тебе пришлось нелегко, капитан. Не всякий справится с таким делом.

— Я получил кое-что в помощь. Вот этот обруч, к примеру, — киммериец коснулся виска. — Он должен был защитить меня от злых чар... Потом — кинжал! Волшебное оружие, я полагаю. Им я и прикончил колдуна.

— А что теперь?

— Теперь мне надо отдать кинжал госпоже того острова — в доказательство, что колдун мертв.

Протянув руку, аргосец взял горсть фиников и начал методично кидать их в рот.

— Значит, на клинке отстался след? — спросил он спустя некоторое время.

— Еще какой заметный! — усмехнувшись, Конан погладил ножны, изукрашенные самоцветами. Ему было жаль расставаться с такой красивой вещью, но честь и свобода стоили дороже. Он швырнет эту игрушку к ногам Дайомы — там, в ее гроте на берегу островка! Он всегда платил свои долги.

— Можно взглянуть на лезвие? — Глаза Рагара остановились на драгоценном кинжале.

Конан заколебался. С одной стороны, просьба была совсем невинной, с другой — не хотелось снова глядеть

на то, что произошло с превосходной честной сталью. Мерзкое зрелище! Нет уж, пусть им любитесь Дайома.

Он покачал головой.

— Не считай за обиду, но мне...

Рагар не дал ему закончить, помахав в воздухе рукой.

— Какие обиды, мой капитан! Нет так нет... — отвернувшись на мгновение, он швырнул за борт горсть фиnikовых косточек. — Кажется, ты говорил мне, что гос-пожа того острова послала с тобой своего слугу?

— Да.

— А где же он? Ведь ты возвращаешься один?

— Верно. Это... этот слуга... — Конан замаялся, — пал в схватке с колдуном. Но жалеть о нем не стоит.

— Почему же? Смерть человека всегда заслуживает сожаления.

— Человека — возможно, но я бы не назвал так этого парня...

Рагар приподнял брови, однако киммериец не соби-рался продолжать. Вместо этого он сказал:

— Давно я приглядываюсь к твоим мечам. Отличные клинки! И где же ты их раздобыл?

— В Зингаре. Там, в Рибирийских горах, еще остались мастера, которые помнят секреты древних. Они взяли с меня немалую цену! Но клинки того стоят.

— И ты собираешься с их помощью сразить огненных демонов, что колеблют Кардал?

— Нет, конечно же нет, хотя это оружие непростое... В битве с пламенем и огненной лавой я могу положиться только на помощь Митры.

Конан пропустил последнее замечание мимо ушей; сейчас клинки Рагара интересовали его куда больше, чем милости Пресветлого.

— Непростое оружие... — протянул он. — А почему? Чем же оно замечательно?

Аргосец уклончиво улыбнулся и развел руками.

— Прости, капитан... У каждого из нас есть свои ма-ленькие тайны...

— Ладно, — кивнув головой, киммериец сменил те-му. — Знаешь, сегодня я поспорил со своим помощни-ком — вот с этим, — он ткнул пальцем в Сандару, придиричиво разглядывавшего какую-то провисшую снасть. — Он на твоей стороне, Рагар; утверждает, что Митра сильнее ведьмы с далекого острова, а потому после Барахского архипелага ветер переменится и погонит нас на север, к Кардалу.

— И он прав, — спокойно заметил аргосец.

— Я так не думаю. Мы побились об заклад...

— Большой? — небрежно поинтересовался Рагар.

— Десять моих золотых против десяти его медяков. Немалые деньги! — Конан насмешливо скривил губы. — Когда мы вернемся в Мессантию или Кордаву, на эти выигранные медяшки я куплю две чаши кислого вина и угощу тебя и Сандару.

Рагар с сомнением покрутил головой, скользнул взгля-дом по туго надутому парусу.

— При таком устойчивом ветре мы будем у Барахов дня через три, верно?

— Может, чуть позже, — согласился Конан.

— Ну, тогда у тебя есть время, чтобы отсчитать эти десять золотых. И потолкуй заранее с Сандарой, капитан: может, в Мессантии или Кордаве он поднесет тебе бурдюк винца послаще. В конце концов, — закончил аргосец, — должен же проигравший получить какое-то утешение...

* * *

В одну из ночей Конану приснился странный сон. Стоит будто бы он на бескрайней туманной равнине перед тремя людьми, тремя воинами, и слушает их беседу. Говорят о нем; не то судят, не то просто обмениваются впечатлениями, не то решают, что с ним делать. Двое — высокие мужчины в расцвете лет, один — в сером плаще, другой — в шелковом темно-синем камзоле; третий — помоложе, пониже, и плащ у него белый. Тот, что в голубом, смугловатый и темноглазый, напоминает Рагара, но и остальные кажутся знакомыми: может, и виделись когда-то, да только давно.

Все трое говорили негромко, вполголоса, и Конана вроде бы не замечали.

— Мальчишка, — произнес человек в сером.

— Юноша, — возразил тот, что помоложе.

— Нет, мужчина, — не согласился воин в шелковом камзоле.

— Мальчишка, варвар, — высокий в сером пожал пле-чами. — Ветер в голове... Хочет все получить сразу. Готов грабить, воровать, резать глотки... Хотя неглуп! Неглуп и силен!

Белый плащ заколыхался, когда его обладатель протес-тующе взмахнул руками.

— Разве всего лишь неглуп? Всего лишь силен? Ты забыл еще кое-что... Отважен, смел! Упорен!

— Скорее, упрям, — усмехнулся смугловатый, похожий на Рагара. — Но не в том дело. Был неглуп, силен, отважен... таким и остался, ничего не растерял. И что с того? Авантюрист, бродяга... убийца, если на то пошло... наемник, пират... А годы-то идут! Время проходит!

— Случается, и сильный человек зреет долго, — заметил молодой. — Не каждый находит свой путь в двадцать лет.

— Но к тридцати, пожалуй, можно перебеситься, — на губах смугловатого по-прежнему играла улыбка. — Тридцать — возраст не мальчика, но мужа.

— Разумеется, ты прав, — кивнул воин в сером. — Однако в этом случае я бы не стал делать поспешных заключений. Он — особый человек, не такой, как все... Можем ли мы судить его? Отмеченный богами и подсуден только богам... Лишь они знают, какая участь уготована ему.

— Ну, раз ты так считаешь... — смуглый приподнял брови. — Тогда пусть идет.

— Пусть идет, — подхватил тот, что в белом плаще. — Учителю дано видеть больше, чем нам; мы — всего лишь люди, наставник же — наполовину бог.

— Вряд ли Учитель его примет, — на лице смуглого отразилось сомнение. — Ведь каждому ясно, что он не сдержит обетов... Слишком любит все решать силой...

— Убивать, проще говоря, — высокий в сером кивнул головой. — Ну, пусть Учитель решает сам, стоит ли с ним возиться. Что же касается обетов, то не исполнивший их будет иметь дело с самим Митрой. И примет Его кару!

— Значит... — начал молодой.

— ...пусть идет, — закончил похожий на Рагара.

— Если доберется...

— Да, если доберется...

* * *

Проснувшись, киммериец долго лежал рядом с тихонько посапывавшей Каллой, потом поднялся и вышел на палубу. Светало; небо за кормой уже наливалось рассветным багрянцем, устойчивый бриз овеивал прохладой лицо, чуть поскрипывала мачта, негромко гудели ванты.

Конан окинул горизонт ищущим взглядом. Ни паруса, ни кончиков мачт... «Громовая Стрела», подгоняемая свежим ветерком, резво бежала на запад, вспарывая хищным острым носом морскую гладь. Три дня по правому борту тянулись аргосские берега, еще столько же судно шло в открытый океан от дельты Хорота, огромной реки, что текла у стен Мессантии. Сандара полагал, что сегодня к вечеру они окажутся на траверзе Барахского архипелага — а значит, тогда и разрешится маленький спор по поводу ветров между пресветлым Митрой и чародейкой с далекого островка в Западном океане. Конан по-прежнему считал, что ветер не переменится.

Посматривая на быстро светлеющее небо, он с задумчивостью покачал головой. Что значил этот странный сон? Речь, несомненно, шла о нем, и прочили ему дорогу к Учителю. Даже не спрашивая на то его согласия! Впрочем, дело это обсуждалось как предположение, и он волен идти или не идти... Тем более, что и добраться туда не просто!

Зато того, кто дойдет до сада у подножия вулкана, ожидали настоящие чудеса. Он мог обрести там великую силу — не только ту, что давало сверхъестественное владение оружием, но и мощь, перед которой склонились бы маги, черные и белые колдуны... Митра — через посредство Учителя — наделил бы его властью над молниями, прожигающими камень... Такой человек мог бы стать повелителем мира!

Не стоит торопиться, сказал Конан самому себе и вытер внезапно вспотевший лоб. Да, не стоит торопиться! Посмотрим, поглядим... В конце концов, что за чудеса он видел до сих пор? Когда-то, на берегу моря Вилайет, один человек сразил другого огненным копьем... Как давно это было! Смутная пелена уже подернула это воспоминание... А семь дней назад Рагар сотворил нечто вроде святящегося шара и оплавил молнией песок... Вот и все! Два раза — всего два раза! — ему довелось наблюдать проявление таинственной Силы, которой бог делился с человеком. Но если «Стрела» доберется до Кардала, он увидит схватку с огненными демонами... Должно быть, интересное зрелище, подумал киммериец и ухмыльнулся.

Полубоившись на него, на этот магический поединок, и стоит принимать решение. Вот тогда-то и будет ясно, на что способен Рагар, ибо воевать с разбушевавшимся вулканом куда опаснее, чем с песком! Посмотрим, кто победит, и какие силы подвластны этому аргосцу

За спиной Конана неслышной тенью возник Сандара. Кормчий зевал во весь рот, но глаза его привычно обшаривали небеса и воды: не идет ли откуда-нибудь неожиданный шквал, не маячит ли на горизонте темное облачко, не переменялся ли ветер. Но ветер был по-прежнему устойчив, и кончик вымпела на мачте «Громовой Стрелы» указывал прямо на восток.

— Ветер держится, — заметил Сандара. — К вечеру пройдем мимо Бараха.

Конан усмехнулся и ткнул кормчего кулаком в бок — совсем легонько, но тот едва устоял на ногах.

— Готовь медяки, косоглазый краб! Не забыл, о чем спорили?

— Нет, господин мой Амра... Только я думаю, ни пресветлый Митра, ни твоя ведьма тут не при чем. Ветер дует туда, куда ему захочется... то ли на запад, то ли на север... Дело случая, я думаю.

— Вот как? Не ты ли говорил, что ветры у побережья сейчас неустойчивы? А мы шестой день идем будто по ровной дороге... Так?

— Так-то оно так...

— Кром! — Киммериец снова ткнул Сандара в ребра. — Ты не веришь своим глазам, а? Ну, так я тебе повторяю снова: мы будем плыть напрямиком на запад, день за днем, ночь за ночью, пока не доберемся до острова моей подружки! И я готов добавить к своим золотым этот корабль со всей командой, что так и будет!

— Со всей командой? — Сандара облизнулся, и глаза его разбежались в разные стороны. — Включая твою стигийскую красотку?

Конан захохотал.

— Ее — в первую очередь! Если проиграю, высадишь меня на берег в Мессантии или Кордаве, и забирай себе эту посудину вместе с девкой!

— Хмм... Клянусь рогами Нергала, щедрое предложение! А что я должен добавить к своим десяти медякам?

— Еще столько же, — хлопнув Сандару по спине и ухмыляясь в предвкушении вечерней забавы, киммериец отправился вниз, досыпать.

* * *

Ближе к вечеру команда как всегда собралась у мачты — Рагар давал очередное представление. На этот раз он выгнулся дугой, упираясь в палубу пятками и кистями,

потом просунул голову между ног, обхватив пальцами щиколотки. Подобный фокус Конан не раз видел на базарах и ярмарках, где его исполняли бродячие гимнасты, обычно — совсем юные пареньки и девчонки, тощие, сухие и гибкие. Рагар же был мужчиной в расцвете лет, весьма крепким на вид, с отлично развитой мускулатурой, и тощим его никак нельзя было назвать. Однако он выполнял свои головокружительные трюки с легкостью двенадцатилетней плясуньи на канате или акробатки.

Калла, разумеется, тоже выбралась из каюты, чтобы поглазеть на аргосца. Она стояла поодаль от кружка моряков, где позванивали монеты, то и дело переходившие из рук в руки. Рагар, казалось, не возражал, что на него ставят, словно на кулачного бойца; такие мелочи его не волновали. Он занимался своим делом, и присутствие зрителей вроде бы даже ему льстило. Во всяком случае, замирая в очередной из своих невероятных поз, аргосец улыбался им, словно желая подчеркнуть, что не таит обиды.

С другой стороны, команда «Громовой Стрелы», четыре десятка дюжих парней, отпетых головорезов всех цветов кожи, относилась к Рагару с неизменным почтением. Эти диковатые и разгульные молодцы никогда не пытались задеть или подколлоть аргосца, и дело тут было не только в его благородном облике или неизменном дружелюбии, пробудившем бы симпатию даже в сердцах каннибалов. Нет, не только в этом; всякий, поглядев на могучую стать Рагара, на грозные его мечи и фокусы, которые он два раза в день вытворял у мачты, трижды подумал бы, стоит ли навлекать на себя его гнев. К тому же, хоть никто из экипажа не имел понятия об особых талантах аргосского нобилия, продемонстрированных им лишь капитану, каждому было известно, что плывет он на Кардал дабы сразиться с огненными демонами или заклясть их именем великого Митры. Странно, но его считали воином, а не колдуном, и уважали, но не боялись; для простых душ воин был понятней мага или жреца.

Закончив свои упражнения, Рагар сполоснул ладони и босые ступни в стоявшем рядом ведре, набросил легкий плащ и направился к Конану. Его провожали одобрительные клики выигравших и сдержанное мычание проигравших; аргосец же, с необидной насмешкой, равно улыбался и тем, и другим. Киммериец заметил, как Рагар на ходу наклонился к Калле и что-то сказал ей;

девушка кивнула, и темные глаза ее на миг вспыхнули. Потом на ее лице, обычно замкнутом и дерзком, промелькнуло непривычное выражение — нечто напоминавшее смущение и благодарность.

Поднявшись на кормовую надстройку, Рагар взглянул на север, где за далеким горизонтом прятались зеленые холмы Баракских островов, затем повернулся к Конану.

— Пожалуй, еще немного, и твой спор с кормчим разрешится? — с усмешкой заметил он. — Дело идет к вечеру; посмотрим, что станет с ветром.

— И смотреть нечего, — киммериец махнул на туго натянутый парус. — Идем на запад, как вчера, позавчера и во все остальные дни... Кстати, — он покосился на аргосца, — что ты сказал моей женщине? Там, у мачты? Великий Кром, она прямо расцвела!

— Что сказал? — рассеянный взгляд Рагара обратился к толпившимся на палубе морякам, среди которых мелькала гибкая девичья фигурка. — Сказал, что она прекрасна, как богиня Иштар. Женщинам, знаешь ли, всегда приятно слышать такие вещи.

Конан презрительно фыркнул.

— Ты не похож на человека, который стал бы им угождать!

— Я никому не угождаю, капитан. Но стоит ли скупиться на слово или жест, которые могут принести человеку радость? Со временем начинаешь понимать, как много значат эти маленькие знаки внимания... да, со временем, после тридцати... — аргосец задумчиво покачал головой.

— После тридцати? Почему?

— Тридцать — возраст не мальчика, но мужа, — со значением произнес аргосец, и Конан вздрогнул. Те же самые слова, что в его сне! С той же самой интонацией, и слетевшие, похоже, с тех же уст...

Рагар тем временем продолжал:

— Тридцать лет — вершина жизни, с которой человек озирает и пройденный путь, и ту смутную еще дорогу, что лежит впереди. Он может повернуть в одну или в другую сторону, может переменить жизнь... либо подготовить себя к такой перемене. У него еще есть время, капитан! То время, которого уже не будет ни в сорок, ни в пятьдесят!

— Ха! — Конан с пренебрежением пожал плечами. — Пустые разговоры! Какое мне дело до них?

— Ты — зрелый муж, но не свершил еще ничего великого, — сказал Рагар, положив ладонь на мощный бицепс киммерийца. — Не обижайся на меня, но это так.

Его глаза смотрели на Конана с какой-то странной укоризной, и киммериец невольно отвел взор. Великое... Как это понимать? Перед ним пестрой лентой промелькнули страны и города, башни замков и валы воинских лагерей, хищные очертания пиратских галер, отряды конников, то убегающих, то идущих в атаку... Потом длинной чередой поплыли лица — лица врагов и друзей, мертвых и живых, лица женщин — тех, что любили его, и которых любил он сам, лица разбойников и купцов, властителей и магов, жуткие лики монстров, покушавшихся на его жизнь или бессмертную душу...

Свершил ли он великое? Где и когда? В Замбуле, где он в юности промышлял воровством и разбоем? Пожалуй, нет... Но в Кезанкийских горах лет десять назад он сразил Аманара и жуткую тварь, что властвовала над этим магом... Потом, вместе с одноглазым Ордо, он прошел от Султанapura до Вендии, сокрушив демонов, вызванных злым колдуном... Спустя несколько месяцев он стал наемником в войске Илдиза Туранского, дослужился до капитана, потом бежал, дрался с пиктами — тоже наемным солдатом, на сей раз — аквилонским. После этого... Что же было после этого? А! В Бельверусе, в Немедии, ему удалось собрать отряд конных стрелков и спасти короля Гариана во время заговора знати. Потом он продал свой меч владыкам Офира... да, потом был Офир и древний город Ианта... Синэлла, принцесса и жрица Аль-Кирира... опять интриги и заговоры... Там, в Ианте, закончился путь его отряда вольных стрелков; люди разошлись, а сам он отправился в Аргос, к океану, где встретил Белит и стал Амойр, Черногривым Львом, грозой западного побережья...

С тех пор минуло изрядное время; он побывал в Кешане и в Пунте, в Черных Королевствах и на далеком острове Дайомы, в лесных дебрях страны пиктов и в снежных пустынях Ванахейма. Странствовал, сражался... Но свершил ли великое? Может быть, и нет... Однако то, что вспомнилось ему сейчас, нельзя было назвать малым.

Конан открыл было рот, но аргосец, несильно стиснув пальцы на его плече, произнес:

— Да, я знаю, что ты сейчас скажешь... Что ты стоял перед тронами владык, что ты сражался в тысяче битв, сокрушая колдунов и чудовищ, что ты измерил сотни

дорог в море, в горах, в степи и в лесу... Все это так; но было ли среди этих деяний нечто поистине великое?

— Кром! Смотри что считать великим! Совсем недавно я прикончил мерзкую тварь... — рука киммерийца скользнула к висевшему на поясе кинжалу. — Нелегкое дело, поверь!

— И ты совершил его ради той женщины с далекого острова?

— Ради себя самого! Чтобы получить свободу и убраться с ее пригорка посреди океана!

Рагар покачал головой.

— Прости, но я не могу считать это великим деянием. Достойным — да, но не великим. Ибо великое есть то, что сильный творит ради слабых, не требуя ни благодарности, ни славы, ни почета.

— Почет — приятная вещь, — заметил Конан, — однако мне больше нравятся богатство и власть. Почетом не подкуешь коня, а благодарность не вложишь в ножны... так говорят в наших горах, аргосец. Боюсь, что то великое, о коем ты толкуешь, не про меня. Сильный не должен защищать слабых; его судьба — повелевать ими.

— Всякий настоящий повелитель — еще и защитник, — голос Рагара был негромок, но тверд. — Придет время, и ты убедишься в этом, мой капитан.

Они замолчали. Конан, прислушиваясь к гудению ветра в вантах, думал, что не может понять речей этого человека. Какой толк ему идти на страшный риск, пытаясь обуздать огненных демонов, что рвутся из-под земли на далеком Кардале? Что он получит за сей подвиг? Из слов аргосца следовало, что ничего. Ни благодарности, ни славы, ни почета! И уж конечно ни богатства, ни власти... Скорее всего, он сгорит в озере бурлящей лавы, задохнется в сернистых парах, падет под ударами раскаленных камней, и даже Митре не удастся его спасти! Тот, кто встал на сторону слабых, сам превращается в одного из них, и даже помощь бога этого не изменит... Да и захочет ли бог помочь на самом деле? Возможно, молния, которой Рагар проплавил песок, всего лишь ловкий магический фокус, и Митра тут вообще ни при чем?

С другой стороны, Конан был уверен, что кое-кто из богов и в самом деле помогает своим adeptам; по большей части то были недобрые божества. Такое он видел не раз и знал, что магам Черного Круга дает силу Сет, Змей Вечной Ночи, что жрецы, поклонявшиеся дьявольскому Нергалу, тоже владеют темной мощью — как и те кол-

дуны, что продали души Иггу или Имиру. Свой могущественные покровители имелись также у шаманов Белой Руки в далекой ледяной Похиоле и у восточных чародеев, входивших в Красное Кольцо... Да, злые демоны охотно принимали на службу всякого, кто был готов творить злодейство; добрые же боги почему-то не спешили последовать их примеру.

Сандара, неслышно ступая по палубе, приблизился к киммерийцу.

— Солнце заходит, — произнес он, прищурившись и поглядывая левым глазом на запад, куда день за днем неумолимо стремился корабль.

Конан кивнул. Сияющий золотистый диск уже коснулся горизонта, и его лучи окрасили парус алым, превратив грубое полотно в нежный кхитайский шелк; морская поверхность потемнела, вода казалась уже не изумрудно-зеленоватой, а, скорее, цвета насыщенного сапфира с белесыми прожилками пены.

— Огибаем Баракс? — спросил Рагар, повернувшись к кормчему.

Сандара сплюнул за борт.

— Уже обогнули. А ветер все не меняется... — Послюнив палец, он поднял руку вверх. — Да, не меняется, клянусь клыками Нергала!

— Похоже, я выиграл, а? — произнес Конан, хлопнув шкипера по спине, но поглядывая на аргосца. — Не видать тебе моих золотых, косоглазый.

Кормчий пожал плечами.

— И все же я думаю, лучше бы нам повернуть на север, к Бараксам. Набрали бы людей и отправились, скажем, к зингарскому побережью... В деревушке, где я родился, да и окрест, полно молодых... можно наберовать пятьдесят человек... или сотню... крепкие парни, все так и рвутся в море...

— И каждый мечтает разбогатеть, — добавил Рагар.

— А что тут плохого? — глаза Сандары разбежались в разные стороны. — Во всяком случае, саблей да топором зарабатываешь поболее, чем неводом и остройгой...

Аргосец усмехнулся.

— Ты плаваешь не первый год, — заметил он, — а много ли добыл? Хватит, чтобы встретить старость?

— Что добыл, то мое, — шкипер сердито сморщился. — И мне еще рановато думать о старости!

— Это верно, приятель. Кром! Ты еще поплаваешь по морям, пощиплешь купцов! — Конан огляделся, пытаясь

отыскать взглядом Каллу, но той уже не было на палубе. — Пойду-ка я к себе. А ты, Сандара, отправляйся считать свои медяки. Завтра мы...

Огромный парус вдруг хлопнул и обвис; на рее, вместо тугого алого полотнища, болталась бурая тряпка. «Громовая Стрела» дернулась, словно споткнувшийся на бегу скакун. Судно еще продолжало скользить к заходящему солнцу, но с каждым мигом все медленней и медленней; галоп сменился рысью, потом — неторопливой иноходью. С палубы донеслись растерянные крики, марсовые бросились к канатам, потом застыли, ожидая команды капитана или кормчего. Команды, однако, не последовало: и Конан, и Сандара взирали на парус в молчаливом недоумении.

— Твои штучки? — киммериец резко повернулся к Рагару.

Тот с улыбкой развел руками и поклонился.

— Я не повелеваю ветром, мой капитан. Ветры, бури, туманы, дожди — все это во власти пресветлого Митры и твоей волшебницы с далекого острова... — Он снова улыбнулся и добавил: — Я полагаю, они решили этот вопрос между собой, по взаимному согласию.

— Кром! Да ты же... — начал Конан, но резкий щелчок паруса прервал его. Судно задрожало и начало заваливаться набок.

— Разворачивай! — взревел Сандара, яростно махая руками палубной команде. — Разворачивай парус! Быстрей, ублюдки!

Он подскочил к рулевым, знаками показывая, чтобы те поторопились, и тут же навалился вместе с ними на весло. Внизу, на палубе, люди пришли в себя; человек десять ухватились за канаты, потянули, и «Стрела», затанцевав на месте, начала разворачиваться на новый курс.

— Ураган! Ураган идет с юга! — убедившись, что кораблю ничего не угрожает, Сандара оставил рулевое весло, подскочив к капитану и аргосцу. Те застыли у борта, вцепившись в поручень.

— Никакого урагана, — спокойно произнес Рагар. — Меняется ветер, вот и все.

— Никогда такого не видел... — пробормотал кормчий в полном изумлении. — Так куда же мы теперь? — Его левый глаз смотрел на аргосца, правый уставился на Конана.

— Куда? Куда Митра прикажет!

Киммериец утрюмым взглядом обвел палубу и вновь наполнившийся ветром парус, потом лицо его просветлело. Придется Дайоме обождать, подумал он; видно, рагаровы дела оказались поважнее прочих. Может, оно и к лучшему! Свидание с Дайомой не относилось к числу приятных событий, тогда как на Кардале Конан надеялся увидеть кое-что интересное.

Он покосился на аргосца. Пожалуй, тот не хвастал, упоминая о помощи Митры, не зря уповал на нее! Доказательства налицо: шесть дней ветер нес корабль на запад, а потом сменился за время десяти вздохов! Такое под силу лишь могущественному магу или истинному божеству... И Рагар знал, что все случится так, а не иначе... недаром казался спокойным, точно летний день в садах Аргоса... Значит, Митра и в самом деле простер над ним свою руку! И повелел отправиться в далекий путь и сразить именем Его огненных демонов...

Тут мысли Конана прервались, ибо к нему бочком подобрался Сандара. Кормчий уже успокоился: парус «Громовой Стрелы» был полон ветра, и судно бежало на север — с тем же усердием, с которым еще совсем недавно двигалось на закат солнца.

— Что тебе? — спросил киммериец, краем глаза заметив усмешку, что промелькнула на губах Рагара.

— Хмм... ну, это... где мои золотые, Амра? — опасаясь капитанского гнева, шкипер на всякий случай отодвинулся.

Но Конан не собирался спорить и шагнул к трапу. Проигрыш есть проигрыш!

— Пойду отсчитаю. Ровно десять монет, — бросил он через плечо и стал спускаться по лестнице.

— И как там насчет корабля? И девки? Я бы от них тоже не отказался, — донеслось ему вслед.

Киммериец пожал плечами. Голым приходит человек в этот мир, и голым уйдет из него, подумал он, распахивая дверь своей каюты.

Глава 13. Битва

На пятый день, утром — если считать с того мгновения, как переменился ветер — «Громовая Стрела» подошла к берегам Кардала. Стоя на своем обычном месте около кормчего и рулевых, Конан разглядывал прибрежный ландшафт — дюжину плодородных долин,

спускавшихся к морю и защищенных с севера гигантским кражем Пламенных гор. Его западная вершина уже курилась, выбрасывая в небеса столб ядовито-бурого дыма, и спазматические содрогания огромного конуса вулкана словно подстегивали людей, толпившихся у пирсов, в гавани небольшого городка. Там спешно грузились десятки два рыбацких суденышек; еще киммериец насчитал сотню лодок, покачивавшихся на волнах у песчаного пляжа.

Город лежал на прибрежной низменности, и с палубы судна Конан не мог разобрать, что творится на его узких улочках. Маленькая площадь, начинавшаяся сразу за причалами, была запружена народом, суетившимся, словно муравьи у разрушенного муравейника; крохотные темные точки металиси между полукольцом бревенчатых строений и кораблями. Их было много — и, вероятно, еще больше жителей этого обреченного островка сгрудилось на улицах и во дворах, у стен своих домов, с ужасом взирая на дымовой столб, предвестник скорой гибели.

Покачивая головой, Конан еще раз пересчитал корабли и лодки. Слишком жалкий флот, чтобы спасти несколько тысяч человек! Разве что одного из десяти... Помрачнев, он повернулся к рулевым — отдать приказ, чтоб правили к городу — но внезапно почувствовал на плече пожатие сильных пальцев Рагара. Кажется, в это утро аргосец не собирался делать свои упражнения; он был облачен в синий шелковый камзол, крест-накрест пересеченный ремнями перевязей.

— Нет, прошу тебя, не надо, — Рагар покачал головой. — Мне нечего делать в поселке, капитан. Там я ничем не могу помочь.

— Ладно, — бросив на аргосца утрюмый взгляд, Конан потер железный обруч, охватывавший его виски. — Тогда скажи, куда тебя доставить. Клянусь Кромом, тебе лучше поспешить! Огненные демоны рвутся наружу.

— Ты прав, — Рагар вытянул руку, показывая на дымящийся вулканический конус. — Взгляни на него, капитан... на это средоточие зла и смерти... Видишь, там разлом?

Конан кивнул. Разлом походил на огромную щербину с края чаши, кровавую рану, в которой уже мелькали багровые отсветы огня. Вероятно, первый поток лавы должен был вылестнуть на склон именно здесь; потом он покатится вниз, сжигая траву и редкие деревья, затопит зеленые долинки, протянувшиеся вдоль ручьев, и жарким языком слизнет городок вместе со всем побережьем...

Аргосец вновь заговорил, подтвердив подозрения Конана.

— Из той дыры скоро потечет огненная река — вниз, на поля и город. Думаю, это случится сегодня вечером. До того мне надо успеть подняться к кратеру.

— Вступишь в бой с огненными демонами? Изрубишь их своими мечами? — киммериец недоверчиво покосился на рукояти, торчавшие над плечами Рагара. Тот усмехнулся, и его смуглое суровое лицо на миг помолодело.

— Нет. Я же говорил тебе, клинком здесь не сделаешь ничего. Я пойду к тем деревьям... вон, гляди, на середине склона целая роща... кажется, дубы... Они мне помогут.

— Деревья? Помогут? — Конан был поражен. — Да они просто сгорят вместе с тобой!

— Сгорят без меня, как и я без них. Но вместе... если мы будем вместе, с нами не так-то просто справиться! Дубы — настоящие бойцы Митры... да, бойцы, как и я сам.

— Значит, они — твоё войско?

— Можно сказать и так. Большая удача, что они растут здесь.

Киммериец пожал плечами и, повернувшись, велел Сандаре править в обход западного мыса — туда, где горный краж спадал к морю несколькими уступами, похожими на лестницу гигантов. Он догадывался, что в словах Рагара заключен некий тайный смысл, что аргосец пустит в ход какую-то магию или призовет силы, превышающие человеческое разумение. Это являлось его делом; оно могло удасться либо не удасться, и тут Конан ничем не мог помочь своему странному пассажиру. Огненные демоны Кардала слишком грозные противники для обычного человека; совладать с ними способен только бог — или его слуга... Всем же прочим оставалось только следить за этим поединком, одним из тех боев, где мерялись силой таинственные существа, равно повелевающие и людьми, и вулканами. Кто мог предугадать их волю? Кто мог оценить их мощь? Окружающий мир был полон волшебства и служил ареной для зримых или невидимых сражений черных и белых божеств, их жрецов и адептов. Иногда и сам Конан участвовал в этих ожесточенных битвах, то ли случайно, то ли выполняя волю providения, и те силы, что пытались обрушить на него Зло, были не менее реальными, чем смертоносная сталь клинка. Тут ему вспомнилось недавнее путешествие в

Ванахейм, и он, усмехнувшись, погладил рукоять торчавшего за поясом кинжала.

Экипаж «Стрелы» высыпал на палубу. Люди с ужасом поглядывали на столб дыма, вздымавшийся над вулканом, тревожно переговаривались; гул хриплых голосов повис в воздухе, словно темное облако, готовое разразиться грозой. Конан окликнул Сандару.

— Ветер стихает. Посади этих бездельников на весла. Меньше болтовни, меньше страхов.

Кивнув, кормчий сбежал вниз по трапу и принялся распоряжаться. Вскоре на гребной палубе мерно зарокотал барабан, и длинные весла вспенили воду; галера резко ускорила ход. Городок, со своими пирсами, складами и бревенчатыми строениями, остался за кормой; теперь по правому борту лежал низменный берег, постепенно повышавшийся к подножьям Пламенных гор. Он казался пустынным, хотя тут и там Конан мог разглядеть дома у распаханых полей, хлева, амбары, фруктовые рощи и пастбища, по которым бродил брошенный скот; вероятно, люди ринулись в главное поселение в надежде найти место на кораблях. Что происходило сейчас в городке? Кровавая бойня на улицах за право попасть на корабль? Жеребьевка, в которой удача означала шанс выжить? Или, как везде и всюду, сильные, оттеснив слабых, грузили на суда свое добро, не слушая стонов и плача тех, кто был обречен на гибель?

Гребцы завели песню. Мерно падали слова, подчиняясь рокоту барабана; в такт им опускались весла, гнавшие галеру вдоль берега, вперед и вперед, к скалистому мысу, протянувшемуся в море словно рука с напряженными каменными мышцами. Конан и Рагар хранили молчание, пристально вглядываясь в отсвечивавший багровыми сполохами разлом на склоне горы; казалось, в жерле вулкана затаился огненный дракон, то приподнимающий свою чудовищную голову, то прячущий ее обратно, под защиту скал.

Внезапно киммериец почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит. Сандара? Он покосился вправо. Нет, Калла... В полном боевом снаряжении, в сапогах и кожаном нагруднике, с мечом у пояса и бронзовым шлемом на пышных темных кудрях... Словно на битву собралась! Конан попытался поймать ее взгляд, но девушка смотрела только на Рагара.

— Могу я спросить, господин мой? — Ее голос казался тихим и непривычно спокойным, совсем не таким резким и визгливым, как бывало, когда она обращалась к Конану.

— Конечно, девочка, — аргосец глядел на нее с дружелюбной улыбкой.

— Скажи, ведь в мире, на островах и материке, много огненных гор, так?

Рагар кивнул.

— Да. Такие горы есть и на окраинах Вендии, и в Иранистане, в Зембабве и других Черных Королевствах... Встречаются они и на севере, где огромные хребты занесены снегами от подножий до самых вершин... и когда огненные демоны просыпаются, с горных склонов течет обжигающий водный поток. Говорят, гор, выбрасывающих дым, пламя и раскаленные камни, довольно много в Кхитае и Камбуе, на берегах Лемурийского моря, но там я не бывал. И, конечно, они есть на островах всех трех океанов — Западного, Восточного и Южного. О том в королевском книгохранилище Мессантии имеются самые достоверные сведения... к примеру, я читал...

— Прости, что прерываю тебя, — Калла быстро подняла смуглую изящную руку, — но ты уже ответил на мой вопрос. Теперь же я хотела бы узнать о другом.

— Ты замучаешь Рагара, женщина, — произнес Конан, — и огненные демоны шутя справятся с ним. Не лучше ли оставить его в покое хотя бы сейчас?

На лице девушки промелькнуло раздражение, темные глаза сверкнули.

— Ты, варвар, отрыжка Крома... почему ты решаешь за него? Если господин не желает говорить со мной, пусть скажет сам!

Эта выходка была достойна хорошей оплеухи, и киммериец уже поднял кулак, прикидывая, куда и как ударить, чтобы душа Каллы не отлетела вмиг на Серые Равнины. Но тут Рагар коснулся его плеча, и гнев Конана вдруг растаял, как снег под лучами весеннего солнца. Ему стало смешно.

— Ладно, — пробормотал он, ухмыльнувшись, — пусть я отрыжка Крома... Кром справедливый и мудрый бог, который не суется в дела людей и не творит зла... а вот о стигийском Сете этого не скажешь!

Калла гордо выпрямилась и обожгла своего возлюбленного яростным взглядом.

— При чем тут Сет? — прошипела она.

— Ну, ты же стигийка! А все стигийцы...

— Я — не как все! Да, я стигийка, но поклоняюсь Митре! Ясно? И если ты еще раз...

Не слушая ее, Конан повернулся к Рагару.

— Вот кого надо бояться, — он взглядом показал на свою подружку. — Что значат твои огненные демоны по сравнению с женщиной! Скоро ты отправишься сражаться с ними, а я останусь здесь с этой стигийской змейкой... Так кто же из нас храбрее? Кто настоящий герой?

Заметив, что Калла готова взорваться, аргосец быстро провел ладонью у ее висков, стиснул пальцы, словно зажимая в кулаке пучок невидимых и неощутимых нитей, потом как бы отшвырнул их — за борт, в море. Огонек ярости, разгоравшийся в глазах стигийки, погас; поджав губы, она окинула Конана неодобрительным взглядом и сказала:

— Если ты не хочешь со мной оставаться, высади меня на берег. Вот и все!

— Кром! На какой берег ты собралась?

— Хотя бы на этот, — и, небрежно кивнув на кардальское побережье, Калла спросила: — Так я могу говорить?

Рагар молча склонил голову. За время перепалки между Конаном и девушкой он не произнес ни слова, однако жесты его странным образом вселили успокоение в души киммерийца и стигийки; внезапно они даже улыбнулись друг другу, будто бы все сказанное было шуткой.

— Значит, в мире множество огненных гор, — продолжила Калла, — и духи, что обитают в них, то и дело трясут землю, заливают ее реками пламени и, случается, разрушают города, губят людей... Так?

— Да. Такое бывало, и не раз, — подтвердил Рагар.

— Возможно, в этот день где-то в Иранистане тоже дымится гора? И те, кто живут у ее подножья, тоже обречены на смерть?

— Возможно.

— Я хочу знать, послан ли к той горе слуга Митры — такой же, как ты! — внезапно выпалила Калла, сверкая глазами. — Я хочу знать, ко всем ли таким горам бог отправляет своих служителей, чтобы они заклинали огненных демонов! Я хочу знать, почему им это не удается — ведь ты сам признал, что подземные духи не раз губили людей! И я хочу знать, зачем же тогда ты пришел именно сюда, на этот проклятый остров? Чтобы найти тут свою смерть? — К изумлению Конана, на глазах девушки выступили слезы.

Рагар, словно раздумывая, огладил ладонью лоб.

— Как много вопросов сразу, — пробормотал он. — Но, как я понимаю, все сводится к одному: стоит ли мне лезть на этот кардальский вулкан, или лучше держаться от него подальше...

Калла молча кивнула. Конан же с интересом уставился на аргосца; вопросы, заданные девушкой, приходили в голову и ему — только победа или смерть Рагара волновали киммерийца в гораздо меньшей степени, чем его подружку.

— Вот ты говорила о некой горе в Иранистане... — медленно вымолвил аргосец, подняв взгляд на смуглое личико Каллы. — Как ты думаешь, что сделают люди, увидев над ней столб дыма? Что бы сделала ты сама?

— Убежала, конечно... да и все остальные, кто там живет, тоже поспешили бы убраться подальше.

— Убежала бы, — повторил Рагар. — Убежала бы на север или юг, на запад или восток, ушла пешком, умчалась на коне, уехала в повозке... А куда им бежать? — Он махнул рукой в сторону берега. — Вокруг океан, кораблей мало, до Бараха плыть пять дней с попутным ветром, до Побережья Пиктов и того дальше... Может, десятая часть и спасется, а остальные обречены на гибель. Понимаешь, обречены, и выхода у них нет! Это несправедливо, и это нарушает Великое Равновесие мира.

Конан потер висок, смутно припоминая, что где-то и когда-то ему доводилось слышать о Великом Равновесии. Вероятно, одни боги стремились поддержать его, другие — опрокинуть, ввергнув мир в пучину хаоса; третьи же, подобно Крому, взирали на эту борьбу с полным равнодушием. Может быть, они-то и являлись наиболее мудрыми во всем божественном пантеоне.

— Ты хочешь сказать, что у людей, которым грозят зло и погибель, должны оставаться какие-то шансы? — спросила Калла. — Хотя бы надежда на побег?

— Верно, — аргосец кивнул. — Туда же, где нет ни шансов, ни надежды, где обстоятельства не позволяют людям выбирать, Митра направляет своего слугу...

Снова склонив голову и прикрыв глаза, Рагар замер. Губы его чуть заметно шевелились, и, хотя Конан не мог расслышать ни слова, он догадался, что аргосец творит молитву.

Когда «Громовая Стрела» обогнула западный мыс, было уже далеко за полдень. За мысом береговая полоса оказалась изрезанной шхерами, извилистыми протоками и бухтами, которые окружали барьеры застывшей лавы; вероятно, с вершин Пламенных гор сюда не раз текли реки расплавленного камня, вступая в поединок с океанскими водами. Однако земля эта не выглядела безжизненной: здесь и там торчали довольно высокие деревья, поверхность же старого лавового поля заросла кустарником и невысокой травой.

Сандара поставил двух человек у резного форштевня галеры, велел промерять глубину; к счастью, тут не было ни отмелей, ни рифов, ни опасных подводных скал. Спустя некоторое время корабль неторопливо, на пяти парах весел, скользнул к темной базальтовой стене: загрохотали якорные цепи, дружно ухнули мореходы, упираясь шестами в гладкий камень, и «Громовая Стрела» замерла.

Они находились под самой горой, у подножия вулкана, над которым расплывалось огромное черное облако. Из него падал пепел, окутывая серой пеленой деревья и травы; он ложился на прибрежные камни, на листву, на воду, на палубу корабля, на плечи и лица людей. Метель, подумал Конан, поглядывая на стоявших рядом Рагара и Каллу; бронзовый шлем на головке девушки уже потерял блеск, а темно-синее шелковое одеяние аргосца стало сизым и тусклым.

Да, метель, решил он, такая же, как в Ванахейме или Асгарте, только не белая, а темная. Пепел был теплым, но скоро его хлопья начнут жечь, словно кристаллики льда, потом еще сильнее... Конан припомнил, как в северных краях, в круговерти пурги, танцуют снежные девы, дочери Имира, заманивая путников в свои холодные объятия. Кто заплещет здесь, когда под раскаленным пешлом и камнями обратятся в прах деревья и травы? Огненные саламандры? Драконы в пламенной чешуе? Чудища, дыханье которых плавит скалы? Помрачнев, киммериец насунил брови; ему было неприятно сознавать собственное бессилие.

Сверху доносился мерный рокот, иногда прерывавшийся громовыми раскатами. Почва ощутимо подрагивала; гигантский змей, затаившийся в жерле вулкана, пробовал свои силы. До вечера было еще далеко, но над землей и водами сгустился сумрак; туча пепла и дыма расплзалась

над обреченным островом, застилая солнечный свет. Конан поднял лицо к небу, всматриваясь в потускневший лик великого Митры, Подателя Жизни. Неужели Светеносный был не в силах сам совладать с огненными демонами? Или ему для этого требовалась помощь человека — такого, как Рагар?

Сандара, сгорбившись, опасливо поглядывая на берег, приблизился к своему капитану; глаза его, от волнения и страха, косили вдвое сильнее, чем обычно.

— Долго нам тут не выдержать, господин мой Амра, — нерешительно пробормотал он. — Темно, жарко, и скалы трясутся так, словно сам Нергал чешет пятки под землей. Хорошо бы... гм... — кормчий запнулся и метнул быстрый взгляд на Рагара.

На губах аргосца промелькнула улыбка.

— Хочешь сказать, достойнейший, что мне пора убраться, да поживее? Ну, я готов! — он сделал шаг к сходам, переброшенным на берег.

— Нет, так не пойдет! — Конан решительно тряхнул своей черной гривой. — Я хочу тебя проводить — хотя бы до тех дубов, которые ты собираешься повести в битву! Выпить по чаше вина, плюнуть в морды огненных демонов и послушать, как они зашипят!

— Что ж, проводи, — согласился Рагар. — Только не до самых дубов, а до половины дороги. Дальше я пойду сам.

Повернув голову, Конан поискал взглядом в толпе моряков, сгрудившихся на палубе.

— Хафра! Эй, Хафра! — рявкнул он.

— Здесь, мой господин! — кушит, задрав голову, возник у трапа.

— Притащи бурдюк с вином и чаши из моей каюты! Пойдешь с нами. — Конан на мгновение призадумался. — Вино бери аргосское, а чаши — побольше. Да прикрой их чем-нибудь от этой дряни, что сыплется с небес!

Кивнув, кушит исчез за дверью. Калла, брезгливо отряхивая пепел с лица, пробормотала:

— Скоро мы все станем, как этот Хафра... такими же черными и страшными...

Конан, приобняв ее за плечи, подтолкнул к трапу.

— Иди вниз. В каюте безопасней.

— Вот еще! — девушка гордо вскинула головку. — Я отправляюсь с вами!

— Ну, как хочешь. — Вслед за Рагаром, киммериец направился к лестнице; по прежнему опыту он знал, что

спорить с ней бесполезно. Друг за другом они спустились на палубу, потом перебрались на берег, сопровождаемые тоскливыми взглядами команды; лица людей, измазанные пеплом, превратились в застывшие маски из серого камня. Вскоре появился Хафра, с большим бурдюком за плечами и стопкой бронзовых чаш, завернутых в тряпицу, которые он бережно прижимал к груди. Кушит выглядел спокойным; похоже, ни ощутимые содрогания почвы, ни доносившийся сверху рев его не тревожили.

Конан махнул рукой кормчему, распорядился:

— Жди здесь! Мы скоро вернемся!

Они направились вверх по склону — по серой траве, мимо серых кустов, вздымая при каждом шаге серые облачка, медленно оседавшие на землю. Стояло полное безветрие, и даже тут, у самого моря, воздух казался душным и тяжелым. Из клубившейся над вершиной тучи по-прежнему падали серые хлопья, и в десяти шагах не было видно уже ничего; пурга, поднятая огненными демонами Кардала, слепила не хуже тех, что насылал Ледяной Великан Имир, владыка снежных просторов Ванакхайма.

Конан с Рагаром шли впереди; за ними, тяжело отдуваясь, поспешал кушит, и стремительной походкой двигалась Калла, иногда оскальзывая на камнях. Киммериец повернул голову.

— Тебе не страшно, Хафра?

— Нет, Амра.

— А почему?

Темнокожий великан пожал плечами.

— В Черных Королевствах на границе с Кушем горы часто плюют пеплом и огнем... Я насмотрелся такого еще в те времена, когда не мог поднять отцовскую секиру. Я не боюсь! Земля немного потрясется, с гор сойдут огненные реки, потом застынут... Вот и все!

— Не все, — мрачно промолвила Калла. — Остров может расколоться и потонуть. Уйти на дно океана, понимаешь?

Хафра хмыкнул.

— Понимаю. Куш — на большой земле, большая сила нужна, чтобы ее расколоть. А здесь... Но я все равно не боюсь! — Огромной пятерней он взлохматил свои жесткие курчавые волосы, подняв облако пепла. — У нас корабль, навалимся на весла и уплывем!

Они продолжали подниматься — четыре крохотные фигурки на склоне исполинского каменного конуса. До-

носившиеся сверху рев и рычание сделались громче; темная завеса, маятившая перед глазами, вдруг озарилась багровым — видно, раскаленная лава уже подступила к самым краям кратера. Воздух, насыщенный сернистыми испарениями, обжигал горло и легкие при каждом вздохе; Калла вдруг мучительно раскашлялась и замедлила шаг.

— Иди на корабль! — крикнул Конан, бросив на нее сердитый взгляд.

— Нет!

— Уходи! Задохнешься!

— Нет! Нет!

Выпрямившись, девушка ухватила Хафру за ремень перевязи; лицо ее было бледным, но в глазах по-прежнему горел упрямый огонек, а пальцы стискивали рукоять меча. Похоже, она решила сопровождать Рагара до самой вершины и там схватиться с огненными демонами... Только туда ей не дойти, подумал Конан, втягивая едкий воздух. Никому не дойти, и Рагару тоже! Он поднял глаза вверх: солнечные лучи уже не могли пробиться сквозь черную мрачную тучу, застилавшую небеса. Итак, демоны Кардала скрыли от глаз Митры его слугу, идущего в бой; чем же Владыка Света сумеет ему помочь? Разве что заупокойной молитвой...

Рагар внезапно остановился и вытянул руку.

— Все! Тут мы расстанемся, капитан. Дальше я пойду один.

— Ты не заблудишься в этой тьме? — Конан покрутил головой, разглядывая склон, похожий на Серые Равнины царства мертвых. — Ничего не видать! Один Нергал знает, где тут вершина, где огненные демоны и где твои дубы!

— Я их чувствую, — Рагар коснулся пальцами виска. — Они готовы к сражению... ждут, чтобы слить свою Силу с той, которой наделил меня Митра, Податель Жизни.

— Пусть не оставит он тебя своей милостью! — киммериец сделал знак, и Хафра, сунув им чаши, начал поспешно разливать вино.

— За победу! — провозгласил Рагар, и голос его, сильный и звучный, далеко разнесся над засыпанным пеплом склоном.

— За победу! — клич Конана походил на рычание льва.

— За победу! — от рева Хафры дрогнул воздух.

— За победу, — отчетливо произнесла Калла, не сводя глаз с посуровевшего лица аргосца.

Они выпили вино, смешанное с пеплом — словно причастились к плоти огненных демонов, трубивших наверху боевой вызов; затем Рагар, отстегнув мечи, сунул их в руки Конана.

— Эй, а это зачем?

— Сохрани их для меня. Там, — аргосец махнул в сторону вершины, — мне не понадобится сталь. Вернись — отдашь... а не вернусь, считай эти клинки платой за место на корабле.

— Кром! Я не возьму с тебя платы! — Конан насупил брови.

— Тогда пусть они будут даром, капитан. И знай, это не простое оружие. Если я не вернусь, тебе придется...

Внезапно Калла, придвинувшись ближе к Рагару, робким жестом коснулась его груди.

— А ты можешь и не вернуться?

— Могу. Но стоит ли сейчас думать об этом?

Он кивнул; потом, отступив на пару шагов, поднял взгляд на лицо Конана.

— Помнишь дорогу к Учителю?

— Помню.

— Если свидешься с ним, передай поклон от аргосца Рагара по прозвищу Утес.

— Если свижусь, передам.

Три человека в молчании глядели, как четвертый уходит вверх по склону, исчезая в серой круговерти, погружаясь в пепельную метель. Шаг Рагара был тверд, но спина, без привычных длинных клинков, казалась голой и беззащитной; серые хлопья ложились на его плечи и голову, тонкими струйками стекали вниз. «Да поможет тебе Митра», — неслышно произнес Конан. Он не взывал к грозному Крому — тому были безразличны дела людей; тем более, увидевших свет не в суровой Киммерии, а в солнечном Аргосе.

— Все! Идем к кораблю! — повернувшись, Конан начал спускаться. Мечи аргосца он пристроил на плече; свисавшие с ножен перевязи мерно стучали в спину. Он впервые держал в руках это оружие, и оно показалось ему почти невесомым — легче, чем привычный тяжелый клинок или киммерийская секира.

Доносившееся сверху рычание сделалось громче: видно, огненные демоны Кардала собирались вот-вот вырваться из кратера. Внезапно раздался долгий протяжный гул, земля вздрогнула, и в пяти шагах от киммерийца рухнул камень величиной с кулак. Он оглянулся; в сгущавшейся

тьме фигуры кушита и девушки маячили позади слабыми тенями.

— Эй, Хафра! Начинается камнепад! Брось бурдюк и чаши, помоги Калле!

— Я сама! — В ее хриплом голосе звучала прежняя неукротимость. — Сама!

— Сама так сама, — проворчал Конан. — Давай бегом к берегу, пока нас не пришибло камнями!

Он бросился вниз, каждое мгновение ожидая тупого удара по голове, плечам или ребрам, но камни падали еще не очень густо. Впрочем, у самой вершины мог идти настоящий каменный град, а это значило, что Рагар уже мертв. Едва Конан подумал об аргосце и его предполагаемой гибели, как сверху снова громынуло, и камнепад прекратился. Пепел, однако, падал по-прежнему, и в двух шагах не было видно ни зги.

Теперь, сквозь давивший сверху рев, он разобрал звонкие удары корабельного била. Видно, Сандара сообразил, что надо помочь возвращавшимся отыскать дорогу! Звуки колокола раздавались где-то совсем близко, и киммериец, довольно кивнув, обернулся и крикнул:

— Эй! Слышите?

— Да, хозяин! — долетел ответ Хафры.

— А-а-а! — несомненно, то был голос Каллы.

Конан замедлил шаги. Тут, у самого берега, дышалось полегче, чем наверху; ему даже почудилось, что с моря потянуло свежим бризом. Возможно, и в самом деле поднимался ветерок, относивший пепел в глубь суши — теперь он падал не так густо, но светлее от этого не становилось. Наступил вечер.

Впереди замелькали факелы, слышались возбужденные голоса, и вскоре Конан уже стоял у трапа, переброшенного на берег. Его ждал Сандара с четырьмя моряками; остальные толпились на палубе. Одни, вытягивая шеи, внимали отдаленному реву огненных демонов; другие пытались смыть пепел с разгоряченных потных тел; третьи, самые стойкие, собрались у бочонка с вином и огромных мисок с солониной и сухарями. Бросив на них одобрителный взгляд, Конан пробормотал:

— Чем сильнее пес, тем больше он ест... — Затем киммериец хлопнул Сандару по спине и ухмыльнулся. — Ну, как дела, косоглазый? Похоже, у вас все в порядке?

— Можно сказать и так, господин мой Амра. Но чем быстрее мы выйдем в море, тем лучше. Как бы этот островок не...

Кормчего прервал Хафра, внезапно вынырнувший из темноты. Лицо кушита казалось растерянным; размазывая пепел по щекам ладонью, он кривил толстые губы, словно пытаясь сдержать дрожь, сотрясавшую его огромное тело. Конан с удивлением уставился на него.

— Эй, парень! Что с тобой? Напугался огненных демонов? Ты же хвастал, что не боишься ничего?

— Кроме тебя, хозяин, — пробормотал кушит, пряча глаза. — Как бы ты не содрал шкуру с бедного Хафры...

— Что случилось? — протянув руку, Конан ухватил чернокожего за ворот. — Ну, говори!

— Твоя женщина, господин... Ты велел за ней приглядывать... Я... я ее потерял...

— Где?

— Неподалеку... где-то у берега... — забормотал Хафра. — Была рядом со мной, и вдруг исчезла... словно ее Нергал проглотил... Я только отвернулся, а ее уже нет... в двух шагах ничего не видно...

— Хмм... Странно... — отпустив кушита, Конан покачал головой. — Только глухой не услышит звон корабельного колокола, да и факелы можно разглядеть... Кром! Эта женщина сведет меня с ума! Куда она делась?

— Может, ее и в самом деле Нергал проглотил? — произнес Сандара, опасливо тараща в темноту. — Или огненный демон?

— Слишком она тощая, эта Калла, — киммериец в раздумьи поскреб в голове. — Демон скорее выбрал бы Хафру... в нем мяса втрое больше...

— Так что будем делать?

— Пошли людей с факелами на поиски — только пусть не отходят от берега и долго не ищут. Думаю, Хафра не виноват... эта стигийская ящерица сама решилаась удирать...

— Но почему?

Конан пожал плечами.

— Женщина! — Он выговорил это с изрядной долей недоумения, а затем, оглядев свой засыпанный пеплом корабль, распорядился: — Останемся здесь! Будем ждать Рагара; возможно, он вернется ночью.

— А если не вернется? Если остров треснет и начнет тонуть? — Сандара был полон сомнений.

— Кардал велик и быстро не развалится, так что мы успеем отплыть, — утешил Конан своего кормчего. — Пошли людей на гребную палубу. Пусть дремлют там, пьют или играют в кости, но будут готовы навалиться на

весла с первым же ударом барабана! Я пойду к себе, посплю... разбудишь, если случится что интересное...

Он направился в свою каюту, недовольно хмурясь и покачивая головой. Великий Кром! Куда же исчезла эта стигийка? Свалилась в море, поскользнувшись на камнях? Или, удрав от Хафры, отправилась к вершине вслед за Рагаром? Прямо в пасть огненным демонам? Зачем? Кто знает... Даже боги не распутают клубка женских капризов... разве лишь одна Иштар...

Не раздеваясь, Конан повалился на ложе и закрыл глаза.

* * *

Цепкие руки Сандары трясли его, теребили за плечи.

— Амра, Амра! Проснись! Взгляни, что творится!

Оттолкнув кормчего, Конан сел, потер ладонями лицо, приходя в себя, ощупал железный обруч на голове. Воздух в каюте был душным, жарким; в распахнутое окно били горячие порывы ветра. Вытянув руку, он нашарил в ларе кувшин с вином, вытащил зубами пробку, сделал несколько больших глотков; потом протянул сосуд Сандаре.

— Возьми-ка, освежись... да успокойся! Каллу напли?

В ответ послышалось громкое бульканье — кормчий следовал его совету. Наконец он оторвался от горлышка, вытер губы и отрицательно покачал головой.

— Нет. Пропала! Да и что тут сыщешь, в этакой-то тьме?

— Тогда зачем ты меня разбудил, косоглазый краб?

Сандара громко перевел дух.

— Поднимись наверх, мой господин, взгляни на гору! Двадцать лет плаваю по морям, много чудес повидал, но такое... То ли драка там идет, то ли колдовство творится... Похоже, Нергал со всем своим воинством сейчас вырвется из-под земли, и остров взлетит к небесам! Говорю тебе, лучше весла на воду, парус на рею — и отчалить от этих проклятых берегов!

Но Конан уже не слушал его бормотанье; еще раз приложившись к кувшину, он торопливо направился на палубу. Берег и подножье горы скрывал непроницаемый мрак, но два десятка факелов освещали судно и людей, сгрудившихся у борта; тут были почти все, а значит, приказ держать гребцов у весел оставался невыполненным. Громко выругавшись, киммериец отпустил пару затрепанных — тем, кому повезло попасться под горячую руку.

— Эй, Керда, Фрибат, Синдул, Гараста! Вы, ленивые псы! Вниз, к веслам! И ждать команды! Я скажу, что вам делать — когда грести во всю мочь, а когда вылезать наверх!

Люди, страшась его гнева, ринулись к люку, что вел на гребную палубу; теперь у борта остались только марсовые и рулевые. Довольно хмыкнув, Конан направился к мачте, легко вскинул свое огромное тело на нижний рей и, выпрямившись, устремил взгляд вверх.

Да, тут было на что посмотреть! Хотя берег и море тонули в непроглядной тьме, вершина огромного вулкана была ясно видимой, ибо вокруг нее колыхалось голубоватое зарево. На фоне этой завесы, похожей на одноцветное северное сияние, вырисовывался мрачный иззубренный конус; трещины в нем светились багровым, и эти зловещие отблески, смешиваясь с нижней частью голубой завесы, придавали ей странные фиолетовые и серые оттенки. Эта игра красок происходила в полной тишине; казалось, красное и багровое стремятся вырваться наружу, выстрелить из жерла вверх, словно из гигантской катапульты, а голубой полог противодействует им, вжимает обратно в недра земли. Со стороны это действительно напоминало битву — некое магическое сражение, в котором свет боролся со светом.

К удивлению Конана, темная туча пепла рассеялась, небо было чистым, и яркие звезды горели в нем точно глаза бесчисленных божеств, собравшихся полюбоваться поединком. Хотя серая метель прекратилась, в воздухе, однако, ощущалось какое-то напряжение; он был плотным, словно бы сгустившимся, и порывы жаркого ветра, налетавшего с моря, не освежали кожи. Глубоко вздохнув, Конан почувствовал слабый сернистый запах. Вероятно, если бы не морской бриз, отгонявший ядовитые пары в глубь суши, запах был бы сильнее.

— Амра, господин мой! — кормчий, стоявший внизу, у мачты, дотянулся до колена Конана. — Ты видишь это... это голубое... этот туман, что висит над вершиной?

— Я не слепой, — буркнул киммериец.

— Как ты думаешь, что там творится? Красным светит раскаленный камень... такое я видел и прежде... когда подземные духи гnevаются, со склонов гор текут огненные реки. Но вот эта голубая штука... и небо... — Сандара вытянул шею, всматриваясь вверх. — Небо, ты погляди! Чистое, звездное! А должно быть все в тучах! И ни пепел не падает, ни камни! Как такое возможно? Я говорил с

Хафрой и другими... с теми, кому тоже доводилось видеть огненных демонов... они не понимают...

— Чего не понимают? — Конан плотнее прижался к мачте, обхватив ее рукой. — Этот голубой туман словно крышка над котлом... Горячее варево рвется наружу, а крышка не пускает!

— Думаешь, Рагар? — спросил кормчий, помолчав.

— А кто же еще? Клянусь Кромом, вряд ли у этого котла колдует наша Калла!

Внезапно над горой прокатился грохот, словно подземные духи огня разом ударили в свои чудовищные барабаны. Багровое свечение у краев вулканического жерла стало ярче, налилось алым; потом в самой глубокой из расщелин — той, что минувшим утром показывал Рагар — возникло пламенеющее щупальце. Медленно, будто бы в нерешительности, оно направилось вниз по склону, вытягиваясь змеей; вслед за ним в других трещинах меж зубцами кратера начали высовываться безглазые головы десятки красных червей.

Пираты, рулевые и марсовая команда возбужденно загалдели. В их возгласах звучал страх; пожалуй, только Хафра да кормчий Сандара, мертвой хваткой вцепившись в колено капитана, хранили утрюмое молчание.

— Драконы! Огненные драконы!

— Сейчас поползут вниз, к кораблю!

— Митра, спаси и защити!

— К демонам Митру! Надо отваливать, да поскорее!

— Амра! Где Амра?

И снова:

— Капитан! Амра!

Конан спрыгнул вниз, затем в четыре огромных скачка взлетел на кормовую надстройку, где у трапа пылали два факела.

— Молчать, трусливые псы! Кто собрался отвалить, того не держу! Клянусь Кромом, дорога свободна — с борта прямо в воду! — Сейчас его гулкий голос перекрывал яростное рычание вулкана. — Я остаюсь здесь, и прирежу каждого, кто коснется паруса или весла!

Крики смолкли; люди поглядывали то на вершину горы, то на грозное лицо своего капитана, точно взвешивая, откуда можно ждать больших неприятностей. Конан презрительно сплюнул, отвернулся и шагнул к бортовому ограждению; надстройка поднималась выше прибрежной скалы и отсюда все было видно так же хорошо, как с рея.

Он твердо решил досмотреть представление до конца. Если потоки лавы и в самом деле начнут угрожать «Стреле» или гора расколется напополам, тогда можно и выйти в море... Только тогда, не раньше! Должен же он увидеть, на что способен этот аргосец... правда ли то, о чем толковал этот странный человек... Подняв взор к вершине, Конан отметил, что алых языков стало больше и движутся они быстрее; самый длинный уже прошел четверть склона и теперь чуть загибался вправо, в сторону кардальских долин и прибрежного городка. Пожалуй, решил киммериец, самое время Рагару воззвать к Пресветлому — не то огненная река испепелит и слугу Митры, и дубы, на помощь которых тот рассчитывал.

Замерев в жарком и душном полумраке, киммериец уставился вверх, на голубое марево, что колыхалось над кровавой раной жерла. От вершины его отделял океан тьмы, скрывавшей и море, и ближний берег, и подножие вулкана; где-то там, невидимый и неосязаемый, затаился Рагар, где-то там бродила Калла... Или уже лежала в горячем пепле, мертвая, как высушенные серой метелью травы?

Конан стиснул кулаки, мышцы его напряглись, ноздри раздулись, втягивая воздух с мерзким привкусом серы. Кровь вечного воителя бурлила в нем; сейчас ему хотелось бы очутиться не здесь, на палубе своего корабля, а в горах, рядом с Рагаром, с мечом в руке. Он машинально ощупал обруч, слабо давивший на виски. Даймо говорила, что сей талисман способен защитить от злого колдовства... Может быть, и от гнева огненных демонов тоже? Может, ему стоило пойти с Рагаром?

Нет, подумал киммериец, стиснув зубы. Даже если б железное кольцо на голове спасло его от палящего жара и сернистых испарений, чем и как он сразился бы с демонами? Ни меч, ни секира, ни копьё для такого дела явно не подходили, а метать молнии, подобно аргосцу, он не умел...

Молнии!

Едва он подумал о них, как с середины склона, тонувшего в крошечной тьме, ударили яркие синие сполохи. Они летели непрерывным потоком, широким расходящимся пучком, словно стрелы, выпущенные разом сотней лучников, и каждая поразила цель. Алые щупальца, что со злобной неумолимостью тянулись от жерла вулкана вниз, к домам, рощам и городку, внезапно вскипели; Конан видел, как огненные фонтаны поднялись там, куда

ударили призрачные синеватые копыя молний. Они взметнулись к небу и опали багряным дождем — побуревшие, бессильные, меркнувшие... Молнии, летящие из темноты, продолжали хлестать огненных змей, пронзая их пылающие тела; столбы пламени, целые светящиеся колонны поднялись вверх, дотянувшись до голубой завесы, и киммерийцу померещилось, что она словно высасывает жаркую кровь чудовищ: они тускнели, замирали, расплывались, не в силах продолжить путь.

Загрохотало. И, повинаясь раскатам чудовищных баграбанов, над кратером поднялась новая огненная волна, выплеснула на склон несокрушимым грозным валом и покатила вниз, сотрясая воздух. Это был уже не поток, не река: жаркое и бездонное озеро изливалось наружу, и его, казалось, не мог остановить никто. Огнедышащая гора вздрогнула; с громоподобным шумом рухнули обрамлявшие кратер утесы, и над ними встала вторая багровая стена, а за ней — третья, четвертая... Не озеро, пламенный океан с ревом струился на равнины Кардала!

Но молнии продолжали сверкать, беззвучные и сокрушительные, превозмогая натиск огненного воинства. Они словно бы слились в сине-фиолетовое зарево, в огромный сверкающий веер, сотканный из тысяч и тысяч стрел; и Конан наконец догадался, где был его центр. Там, в дубовой роще на середине склона, против самой глубокой трещины, расщелившей кратер! В том месте, что выбрал Рагар! И где он теперь держит оборону!

Значит, аргосец не погиб? Он жив и сражается? Конан уже не сомневался в этом и знал, что взирает на настоящую битву, божественный поединок, в котором человек, деревья и демоны, молнии и раскаленная лава, серая пепельная метель и голубая завеса, ярко сиявшая в ночных небесах, были лишь орудиями сошедших в схватке богов. Их доспехом и щитом, мечом и разящим копьём!

Здрав голову, киммериец взгляделся в зарево над багровой пастью вулкана, и на миг ему почудилось, что в сверкающем тумане проступают контуры гигантского лица — выпуклый лоб, подобный материковой тверди, глаза-пропасти, сурово сжатые губы, бескрайние равнины щек... Видение мелькнуло и исчезло, оставив томительное ощущение неопределенности, и Конан почувствовал, как, несмотря на жаркие порывы ветра, его окутала волна холодной дрожи. Действительно ли он узрел лик божества? Великого Митры, Владыки Света, Подателя Жизни? Мо-

гущественного бога, взиравшего с небес на битву, что вел его слуга?

Тянулось время; беззвучно сверкали молнии, грохочущие раскаты дьявольских барабанов вздымали огненные валы, что с ревом выплескивались на склон, катились вниз и замирали, выбрасывая к звездным небесам фонтаны жаркой крови. Вулкан рычал и выл на тысячу голосов, но киммериец, полуоглохший, со слезящимися глазами, стал замечать, что атаки пламенных ратей слабеют. Видно, Рагар побеждал; грозная Сила Митры превозмогала мощь подземных богов, что бесновались в недрах огромного вулкана. Они еще ревели, выхлестывали волны кипящей лавы, с шумом рушили скалы, сотрясая многострадальный Кардал; но сверкающие копья аргосца разили без устали и без промаха.

— Похоже, он крепко прижал этих огненных демонов, — произнес про себя Конан, прикрывая ладонью воспаленные глаза. Затем, окликнув Хафру, киммериец велел подать вина и остался на палубе досматривать огненный спектакль. Тут он и заснул, когда грохот стал потише, и сияющий фиолетовый веер превратился в редкие вспышки молний.

* * *

Солнце еще не поднялось, когда кормчий снова разбудил Конана. Небо начало светлеть, и на его розовато-жемчужном фоне темный конус вулкана, притихшего и молчаливого, был отчетливо виден — иззубренные стены кратера, уступы на западном склоне, напоминавшие гигантскую лестницу, травы и деревья с наполовину облетевшими листьями, запорошенные пеплом, дубовая роща... Она казалась на удивление яркой и чистой, словно серая метель и жар от лавовых потоков совсем не коснулись ее; темно-зеленые кроны сливались на расстоянии в одну огромную шапку, подпертую десятками темных стволов.

Бросив взгляд на эту картину, киммериец повернулся к Сандаре, отметив, что глаза у него налились кровью и смотрят совсем уж в разные стороны света — видно, кормчий, как и большая часть команды, не спал всю ночь.

— Рагар?..

Шкипер отрицательно помотал головой.

— Нет, мой господин, он не вернулся. И я не знаю, что с ним. Люди боятся ступить на берег... да и, по правде

говоря, после такой ночи им надо хоть немного подремать.

Конан кивнул, пригладил взлохмаченные волосы, осмотрел палубу. Большинство его молодцов валялись у шпигатов и громко храпели; те же, кто бодрствовал, напоминали осенних мух. Мощный храп доносился и со скамей гребцов.

— Ладно, пусть спят, — решил он, — а то не смогут ворочать веслами. Я поднимусь к роще. Жив Рагар или мертв, он должен быть там.

Спустя недолгое время он шагал по склону, с флягой и ломтем мяса в руках; мечи аргосца были пристегнуты за спиной, их ножны, поскрипывая, терлись о кожаную куртку. Еще Конан прихватил увесистый мешок Рагара, подумав, что там, кроме одежды и монет, могли оказаться какие-нибудь лекарства. Сам он не слишком хорошо разбирался в искусстве врачевания, но сумел бы приложить бальзам к ране и замотать ее тряпичей.

Отрывая кусок за куском крепкими зубами, киммериец жевал мясо и прихлебывал вино, пока фляга не опустела наполовину; тогда, помня о Рагаре, он прицепил ее к поясу. Он чувствовал себя бодрым и свежим, хотя не спал половину ночи; пища прибавила сил, и он знал, что без труда дотащит аргосца до койки в каюте «Громовой Стрелы». А может, и тащить не придется; может, Рагар даже не ранен, а просто спит, свалившись на траву в смертельной усталости.

Как бы то ни было, слуга Митры выиграл этот бой! И одержанная победа весьма радовала Конана. Не потому, что он считал себя соратником аргосца или беспокоился о жизнях обитателей Кардала; нет, у него имелись свои резоны. Рагар победил, и это значило, что все рассказанное им — правда. И то, что он толковал о Силе, даруемой Митрой, и о наставнике, умеющем ее пробуждать, и о дороге, что вела к его обители... После ночного сражения, после этой битвы божественных молний с дьявольским огнем, все сказанное аргосцем приобретало иное звучание и иной смысл, превращаясь из вероятного в достоверное, из предполагаемого в доказанное, из сказки в реальность. Он, смертный человек, сокрушил тьму огненных демонов, отродий Нергала; он загнал их под землю, обескровил, лишил силы! Он, крохотный ничтожный червь, совладал с гневом вулкана, огромного и, казалось бы, несокрушимого; в глазах Конана это являлось куда большим подви-

гом, чем снести голову колдуну. Даже Тот-Амону, главе Черного Круга!

Когда до дубовой рощицы оставалась едва ли сотня шагов, Конан разглядел человеческую фигурку, стоявшую на коленях. Сверкнул первый солнечный луч, отразившись от полированной бронзы шлема, и киммериец, узнав Каллу, пропустил бегом. Тяжелое предчувствие вдруг сжало его сердце; стремительными скачками он мчался вверх, не обращая внимания на то, что тяжелый мешок Рагара колотит его по спине.

Аргосец лежал под дубом, в круге опаленной травы, и Конан сразу понял, что он мертв. Лицо его и могучее мускулистое тело казались словно бы усохшими; кожа почернела, на висках бледными тенями просвечивали вены, темные зрачки широко раскрытых глаз уставились вверх, в наливавшееся синевой небо. Шелковый камзол, штаны и сапоги аргосца были прожжены во многих местах, как будто он простоял всю ночь у стреляющего искрами костра; руки, сложенные на груди ладонями вверх, еще поддерживали невидимую чашу, средоточие божественной Силы.

Смерть, однако, не изуродовала его. Благородные черты остались привычно строгими и спокойными, на полуоткрытых губах затаилась улыбка, и даже обгоревшая кожа не портила облик погибшего; воин, нашедший смерть в бою, показался Конану прекрасным.

Калла, согнувшись, стояла на коленях рядом с аргосцем и легкими быстрыми движениями гладила его по щеке. Она выглядела осунувшейся и усталой, но Конан не заметил ни ран, ни ожогов; видно, ей хватило ума не приближаться ночью к изрыгающему пламя кратеру. Да и кто, кроме Рагара, мог бы подойти к нему? Кто мог выстоять здесь, под опаляющим жаром огненных валов?

Когда киммериец окликнул девушку, она подняла застывшее лицо и, точно продолжая начатый еще вчера разговор, сказала:

— Он был еще жив, когда я его нашла. Я пряталась у берега, хотела подняться наверх, помочь ему, но... но не смогла... — Головка Каллы удрученно качнулась. — Жар... огонь... я поняла, что сгорю, не добравшись до него...

— Сколько ты здесь сидишь? — спросил Конан.

— Не знаю... Наверно, половину ночи... Как только смолк грохот и сделалось не так жарко, я сразу пошла

сюда... Ты видел — голубое, огромное колыхалось в небе... было достаточно светло, чтобы искать... и он... он стонал...

Конан сбросил мешок на землю, отцепил флягу и сунул ее девушке; затем, не прикасаясь к телу Рагара, быстро осмотрел его. Как и у Каллы, на нем не было ни ран, ни сильных ожогов; кожа, показавшаяся киммерийцу обгоревшей, была просто серой от пепла. Тем не менее, Рагар выглядел страшно истощенным, словно не ел пятнадцать или двадцать дней.

— Отчего он умер? И что успел сказать?

Девушка сделала глоток вина, закашлялась, и Конан осторожно похлопал ее по спине.

— Он... он... Ему пришлось отдать все силы... отдать столько, что плоть уже не могла удержать душу... Он сказал, что так бывает всегда, когда человек прикасается к божественной мощи... она сжигает его изнутри...

— Значит, Митра использовал его, как меч в своей деснице, — медленно произнес Конан. — Битва кончилась, клинок выщерблен и выброшен на свалку...

— Нет! Нет! — Отчаянный крик Каллы прервал киммерийца. — Он бился сам, испрашивая у Митры столько сил, сколько требовалось для победы! И Митра давал, посылал ему силу через эти деревья, давал и жалел его, и плакал над ним, но даже бог — бог, ты слышишь! — не может даровать победу... просто даровать... даром... — Ее голос стих, и последние слова Конан едва расслышал.

Немного помолчав, он спросил:

— Чего ты хочешь, Калла? Вернешься на судно или...

Губы девушки упрямо сжались.

— Я останусь здесь! Хочу похоронить его... Знаешь, — она подняла взгляд на киммерийца, — я ведь дочь рабыни и не знаю своего отца... Может, я стигийка, может, нет... Но в Стигии у меня не осталось родных могил... тело моей матери просто бросили псам, когда пришел срок... А здесь... — Она снова бережно погладила мертвое лицо Рагара.

— Хорошо, — произнес Конан, поднимаясь. — Вот его мешок, Калла; в нем его вещи и кошель с золотом, которого тебе хватит надолго. Мне — мечи, тебе — мешок... — он мрачно усмехнулся. — Мы с тобой его nasledники, девочка.

— Не только мы, — лицо Каллы вдруг просветлело. — Не только мы, — повторила она, — но и все люди на этом острове. Тысячи людей!

— Ты так думаешь? Что же он им завещал?

— Жизни! И я расскажу им об этом! Он их спас, и они — все и каждый! — должны узнать истину!

Кивнув, Конан наклонился, неловко поцеловал девушку в перемазанную пеплом щеку и начал спускаться вниз, к кораблю.

* * *

Рагара похоронили на склоне вулкана, прорезав толстый слой дерна, продолбив неподатливый базальт; холмик над могилой получился невысокий, зато рядом, в десяти шагах, шумела дубовая роща. Кряжистые великаны, закованные в темную кору, тянули ветви к своему мертвому предводителю, негромко напевали что-то печальное, мерно шелестя листвою. Над рощицей возносились вершина вулкана; черная, оплавленная, гигантская, она казалась памятником, воздвигнутым самим Митрой, желавшим почтить павшего слугу.

«Грозовая Стрела», подгоняемая ударами десяти пар весел, уходила от берега, направляясь на юго-запад. Свежий ветерок раздувал паруса, галера все ускоряла и ускоряла бег, горный склон откатывался назад, таял в беспредельной небесной синеве. Однако Конан, обладавший зрением орла, долго еще следил за крохотной фигуркой девушки, скорчившейся у могильного холмика. Она сидела там, пока солнце не поднялось на четыре локтя над кратером побежденного вулкана; затем встала, забросила за спину мешок и медленно направилась к берегу, к плодородным долинам, к городку, раскинувшемуся у бухты, к людям, спасенным от гнева огненных демонов. Она шла, чтобы поведать им правду.

Но захотят ли спасенные услышать истину о спасителе? Впрочем, аргосцу Рагару по прозвищу Утес это было безразлично; он не искал славы — даже посмертной.

Границу меж степью и пустыней Конан преодолел на одиннадцатый день после выезда из Дамаста. Эта граница не была четкой и определенной; просто последнее время равнина, по которой он странствовал верхом на мохнatom гирканском коньке, становилась все более засушливой и каменистой, неприветливой, жаркой и угрюмой. Сочные травы жухли, сменяясь верблюжьей колючкой и жалким кустарником; деревья, изредка попадавшиеся прежде, исчезли совсем; зато теперь встречались большие участки почвы, покрытые песком или мелким щебнем. Даже небо изменилось: над травянистой степью оно было голубовато-блеклым, сейчас же цвет его начал отдавать желтизной, словно в нем, как в огромном вогнутом зеркале, отражались раскинувшиеся где-то впереди застывшие волны барханов.

И все же, несмотря на постепенность и неопределенность этих изменений, существовал некий условный рубеж, отделявший степь от пустыни — особенно обширная полоса каменистой почвы, протянувшаяся с востока на запад на несколько дней пути. Добравшись до нее, Конан разыскал руины старой башни, торчавшие подобно изломанным зубам на плоской, выровненной человеческими руками вершине холма — знак, о котором рассказывал Рагар. От этой разрушенной древней твердыни, сложенной неведомо кем и неведомо когда, путь его лежал прямо на север. По утверждению аргосца, Конану теперь предстояло идти день за днем, словно убегая от солнца — так, чтобы его лучи светили в затылок. Если он не собьется с дороги, не высохнет от жажды, не умрет от голода или змеиного укуса, не станет жертвой внезапно налетевшего самума, не канет в зыбучих песках — словом, если он вынесет все эти тяготы и мучения, то рано или поздно увидит вздымающуюся на горизонте горную цепь, будто бы подпирающую небеса, а перед ней — огромный потухший вулкан с пологими коническими склонами и иззубренной вершиной. Он будет серо-коричневым, угрюмым и бесплодным — таким же, как раскинувшийся за ним хребет; однако у самого подножья внимательный глаз заметит яркую полосу зелени, словно нанесенную исполинской кистью на скальный выступ. Там — вода, деревья и травы;

там — спасение от зноя, отдых после долгого пути; там — обитель наставника, и добравшийся до нее будет жить.

Конан давно вызубрил наизусть все эти приметы и, разбив под курганом свой последний лагерь в степи, уже не прикидывал про себя, велик ли сад Учителя и с какого расстояния можно его разглядеть. Уставившись бездумным взглядом в костер, он сидел, обхватив колени; в пламени плясали огненные саламандры, пытаясь прогнать ночной мрак, мохнатая лошадка похрустывала травой, еле слышно журчал ручеек — последний источник воды по дороге на север. Темное небо нависало над его стоянкой, и звезды, горевшие в вышине, казались искрами костра, улетевшими в безбрежную даль, в таинственное и непостижимое пространство, в котором властвовали боги. Благостные и злобные, ревнивые и безразличные, все они владели могуществом и силой, в сравнении с коими человек не значил ничего. Даже властелин огромной державы, повелитель тысяч и тысяч! Тем более, нищий странник, одиноко бредущий в бескрайней степи...

На миг острое ощущение собственного ничтожества охватило киммерийца. «Ты зрелый муж, но не свершил еще ничего великого...» — сказал ему Рагар, и это было правдой. В юности он жаждал благ, которые могло принести богатство — женщин, вина, хорошей одежды, драгоценного оружия, всего, что продавалось и покупалось за золото... Что ж, немало золота прошло с тех пор через его руки! Немало женщин делили с ним постель, немало отличных клинков обломал он о вражеские щиты! Вино, еда, резвые кони, шелковые плащи, увесистые кошельки — все это было, и все это он не сумел удержать, ибо полагался лишь на свою силу, храбрость и варварское хитроумие. Но силе его противостояла еще большая сила, храбрости — многочисленность противников, а природному хитроумию — изощренное коварство и тайные искусства, в которых он был несведущ.

Да, он побеждал! Он сражался не только с людьми, но и с жуткими тварями, явившимися с потусторонних Се-рых Равнин или посланных Сетом в наказание миру! Нередко под его рукой сбивалась сотня-другая лихих молодцов, и он на время превращался в князя, капитана или вождя, властителя горных перевалов, степного простора или морских дорог... Он вел своих людей вперед,

рубил и резал, захватывал крепости или корабли, брал добычу!

Но побеждал ли? На деле все его победы оборачивались поражениями, ибо в конечном счете не приносили ни богатства, ни устойчивого положения, ни власти...

Власти!

Он вкусил этот яд в полной мере, командуя отрядами наемников, разбойничьими шайками или разгульной неистовой пиратской вольницей. Но то была малая власть — власть, позволявшая ограбить караван или купеческое судно, взять на щит небольшой городок, уничтожить соперничающую банду. Однако он уже догадывался, что в этом мире власть решала все; она была важнее богатства, грубой силы и хитрости, важнее острых копий и закаленных клинков. Правда, требовались и сила, и хитрость, и богатство, чтобы захватить власть — н а с т о-я щ у ю власть, позволявшую владычествовать над душами людскими, над странами и городами, над богатыми землями... Воистину, достичь такой власти — великое деяние!

Но для великого деяния нужна была и великая Сила. Возможно, со временем он обнаружил бы ее в себе самом, в собственной своей душе, но сейчас ему казалось, что проще получить ее из рук наставника, обучавшего достойных Искусству Убивать. Это мастерство также являлось великим — ибо как еще проявляется истинная сила? Сила, в его варварском представлении, была нерасторжимо связана с убийством, выразившим телесную и духовную мощь наиболее отчетливо и ярко. В хайборийском мире убивали все: солдаты и разбойники — сталью, камнем и бронзой, властители — клинками своих воинов, маги — тайным чародейством, более страшным, чем разящее железо. Убитый всегда был неправ, победитель же получал все — и богатство, и славу. Таков был порядок вещей, и оставалось лишь гадать, то ли его установил пресветлый Митра, то ли сам великий бог — как и все его союзники и враги — подчинился этому древнему распорядку. В конце концов, каким бы могуществом он не обладал, и у него, похоже, не хватало сил тягаться со смертью...

Вздвигнув, Конан передвинулся поближе к костру — несмотря на палящий дневной жар, ночи в степи были холодными. Пламя, быстро пожиравшее тонкие ветви

кустарника и пучки сухой травы, металось перед ним, вытягивая вверх то жаркий рыжий язык, то колеблющийся трезубец; оно было жгучим, опасным — и все бессильным против твердости камня и обманчивой мягкости песка. Не то что молнии, которые умел исторгать Рагар!

И не только он. Теперь киммериец припомнил еще одно имя, скрытое давностью лет, припорошенное пылью времени... Фарал! Странник в сером плаще, который встретился ему на берегах Вилайета то ли тринадцать, то ли пятнадцать лет назад... Правда, молнии его были нацелены не в камень, но сраженный ими человек казался крепче гранитной скалы! Теперь, спустя годы и годы, Конан понимал, что почтенный Неджес из Шандарата, вполне возможно, являлся не самым могучим чародеем — из тех, что встречались ему в иных странах и в иные времена. Но с этим стигийцем его связывала память юности, представление об ужасе и бессилии, испытанным едва ли не впервые... Такое не забывается! Лишь дремлет до поры, готовое вспыхнуть ярким воспоминанием, жгучим, как пламя костра...

Фарал убил колдуна огненной стрелой, беззвучно вылетевшей из его ладони... А Рагар смог усмирить разбушевавшихся подземных богов... Конечно, он и сам погиб, но разве можно сравнивать мощь тех, кто способен залить лавой целый остров, с жалким чародейством стигийца Неджеса! Разные силы, разный и результат... Фарал раздавил черного мага словно крысу, одним небрежным ударом — и остался жив; Рагар сражался с грозными демонами вулканов, и погиб... Но он сумел загнать их обратно в огненную преисподнюю!

Между Фаралом и Рагаром маячила еще чья-то невысокая ладная фигурка, чье-то лицо с веселой улыбкой на пухловатых губах. Долгая дорога и раздумья в одиночестве просветляют память, и Конану уже не надо было напрягаться: он знал, кто пожаловал к нему в гости.

Малыш! Бритунец, Маленький Брат!

Этот, по-видимому, не владел таинственной Силой Митры, но был на диво сообразительным. Сейчас он казался киммерийцу не слабее двух остальных; там, где Фарал с Рагаром добивались своего колдовством, малыш брал ловкостью и редкостным хитроумием. К тому же, он превосходно владел мечом!

Впрочем, все трое обращались с оружием так, словно клинки еще в детстве приросли к их ладоням. Сейчас, будучи в зрелых годах, Конан мог оценить их мастерство, равного коему ему не доводилось видеть. Да, эта троица смогла бы шутя разметать отряд немедийских меченосцев или полсотни телохранителей императора Турана!

Киммерийца, однако, не столь прельщало это неподражаемое воинское искусство, как сокрушительное могущество молний Митры. Удастся ли ему овладеть огненной стихией, частицей божественной силы, которой Великий Податель Жизни делился с избранными? Да и захочет ли наставник обучить сему?

Ум варвара, практичный и здравый, расчислил все наперед, подсказывая цель, к которой стоило стремиться. Конечно, телесная мощь, ловкость, неутомимость и совершенное владение оружием давали власть — ту, которой он обладал уже не раз, власть над десятками или сотнями людей, власть капитана, предводителя, мелкого вожда. Но молнии! Таинственная Сила, нисходившая с небес, с помощью которой можно было дробить скалы и расправляться с черными колдунами! Да и не только с ними — с целым воинством, если на то пошло!

Подобное сказочное могущество делало доступной уже иную власть, к коей он стремился в последние годы. Он мог сокрушить любого из смертных владык, забраться на любой трон! Зингары или Заморы, Аргоса или Шема, Немедии или Офира... Даже великого Турана или великой Аквилонии!

Обеты... Да, Конан помнил об этой клятве, про которую толковали все три Ученика — аквилонец Фарал, аргосец Рагар и этот малыш из Бритунии. Наставник требует, чтобы овладевший Великим Искусством применял его только при обороне либо уничтожая Зло... Но что есть Зло? Жестокий правитель, вне всякого сомнения! Таких правителей вокруг имелось немало, и Конан был готов сменить любого. Каждого, кто обладал властью над десятком богатых городов, плодородными землями, замками и сильным войском!

Кроме того, клятвы и обеты его не пугали. Слова всегда остаются словами, и даже имя бога, как бы скрепляющее обещание, всего лишь слово, не более того. Боги же, по большей части, невнимательны к мелочам; даже сам человек значит для них не слишком много — что уж

говорить о произнесенных им обетах! Возможно, они имеют значение для магов и жрецов, но никак уж не для воинов! Деяния воина можно трактовать и так, и этак, в зависимости от ситуации и обстоятельств — тем более, воина-победителя... К примеру, — думал Конан, сидя у костра в пустынной степи, — что произойдет, если он, завладев Аргосом или Шемом, двинется с армией в стигийские пределы и разорит дотла страну проклятых колдунов? С одной стороны, это будет нападением; с другой — он уничтожит гнусных поклонников Сета во славу пресветлого Митры! Разве Податель Жизни покарает его за это? Сочтет учиненную им резню нарушением клятвы? Очень и очень сомнительно... Ибо в одном боги похожи на людей: каждый из них алчет низвержения соперника.

Кстати, ни Фарал, ни Маленький Брат ничего не ведали о каре, которой Митра подвергал провинившегося. Кара существовала, но какой она была, никто не знал — в том числе и Рагар, от которого киммерийцу удалось почерпнуть большую часть сведений. Рагар однажды проговорился, что конкретный вид божеского наказания совсем не интересует Учеников; они соблюдали клятвы не из страха перед Митрой, а из любви к нему. Видно, по этой причине никто и никогда не был наказан, ибо обет принимался от всего сердца и нарушение его означало для Ученика духовную смерть — то есть такую участь, которая была страшной любой божественной кары.

Конан не верил в эти бредни; он твердо знал, что за каждый проступок полагается совершенно определенное воздаяние. Так, конокрадов в Туране разрывали лошадьми, грабителей в Немедии вешали, а в Аквилонии четвертовали, аргосские власти казнили пиратов путем милосердного усекновения головы, а в Шеме их сажали на кол. Если Митра не соизволил объявить наказание отступнику, то, вероятней всего, такового просто не существовало, и Великий поступил с истинно божественной мудростью, припугнув на всякий случай и кончив этим дело. Но даже если бы Он и хотел покарать, то откуда станет ему известно о проступке? И как Он выдернет провинившегося из огромного человеческого муравейника, расплодившегося Его попусщением на земле?

Такие мысли крутились в голове у Конана на всем длинном пути от Аргоса до этого кургана с разрушенной

башней, торчавшего в гирканской степи в одиннадцати конных переходах от Дамаста. И чем дольше он раздумывал на подобные темы, тем больше уверялся, что может не бояться карающей руки пресветлого бога. Другое дело, если сам наставник не пожелает учить его Великому Искусству... Тут ему оставалось полагаться только на свой дар убеждения или удачу.

* * *

Три луны назад Конан, вернувшись с далекого острова в Западном океане, покинул «Громовую Стрелу» у аргосского побережья, неподалеку от Мессантии. Обратная дорога к материке оказалась небесприбыльной: ему удалось взять пару купцов. У одного трюм был набит винными бочками, и киммериец его отпустил, пополнив лишь свои запасы спиртного; второй вез в Стигию шелка, жемчуг и дорогие изделия из бронзы и серебра, по каковой причине сначала попытался скрыться, а затем оказал ожесточенное сопротивление. Конан со своими людьми вырезал всех, а затем, когда драгоценный груз оказался на борту «Стрелы», велел поджечь купеческий барк.

Пиратскую галеру, вместе с большей частью добычи, он оставил в наследство косоглазому Сандаре. Новому капитану досталась все, кроме строптивницы Каллы, чем он был изрядно огорчен; но в Мессантии нашлось столько свободных красоток, что Сандара, добравшись туда, через день уже не вспоминал о стигийке.

Конан же полагал, что девушка, оставшись на Кардале, избавила его от множества хлопот. Возможно, ей не захотелось бы становиться подружкой Сандары, и она пожелала б сопровождать прежнего возлюбленного в странствиях... Что бы он тогда делал? Попутчики — а тем более попутчицы — Конану были не нужны; он твердо решил добраться до Учителя и освоить чудодейственные искусства, дававшие власть и над холодной сталью, и над огненными молниями. Ему предстоял долгий путь на восток, и Калла тут была лишней обузой. Действительно, что бы он стал с ней делать? Разве что продал в хорошие руки на невольничьем рынке в Офире или Шеме...

Итак, он отправился в дорогу один, с туго набитым кошельком у пояса и мечами Рагара за спиной. Клинки он почитал главным своим богатством, памятуя многочисленные слова аргосца — мол, это не простое ору-

жие; правда, пока что их загадочные свойства оставались для Конана тайной за семью печатями. Купив в Мессантии доброго скакуна, он переправился через Хорот и пересек Аргос с запада на восток, не слишком отклоняясь от побережья. Ему пришлось обогнуть зону густых и непроходимых лесов — тех самых, под чьим прикрытием в свое время пряталась «Громовая Стрела»; затем он преодолел границу между Аргосом и Шемом, и через пару дней добрался до Асгалуна, крупного шемского порта. Тут он пополнил запасы провианта, дал передохнуть коню, а затем отправился через Эрук в Замбулу, находившуюся уже на туранской территории. Город этот, как и окружавшие его пустыни, был киммерийцу отлично знаком; когда-то, лет десять назад, ему уже доводилось странствовать в здешних краях. Возможно, он сумел бы разыскать и кое-кого из давних знакомых, но, по здравом размышлении, решил этого не делать. Испаране, его прежней возлюбленной из Замбулы, было уже под сорок — слишком почтенный возраст для женщины, по мнению Конана; и наверняка ее уже окружала целая куча детей.

Оставив Замбулу позади, он поскакал к Самарре, а оттуда — в Аграпур, славную столицу Илдииза Туранского, где ему некогда довелось командовать отрядом наемников. Здесь киммериец тоже не стал задерживаться; продав своего жеребца, он сел на один из кораблей, ходивших в Хаббу, богатый торговый город на восточном побережье Вилайета, пересек морские просторы и, после некоторых приключений, добрался до Дамаста, где украл коня. Этот самый мохнатый конек и пофыркивал сейчас неподалеку, выискивая скудные пучки травы.

Путешествие оказалось долгим и не всегда удачным. В Мессантии, если говорить начистоту, Конана опознали, и ему пришлось срочно уносить ноги — за голову Амры, грозы побережья, была назначена очень приличная награда. Переправляться через широченный Хорот пришлось ночью, в грозу, и только удачливость киммерийца да выносливость коня позволили успешно завершить это непростое дело. За Конаном гнались и на южном берегу реки; ему пришлось скакать день и ночь, пока жеребец окончательно не изнемог. К счастью, отряд аргосских стрелков изрядно растянулся, и киммериец, устроив засаду, перебил пять или шесть человек — наиболее рети-

вых, мчавшихся за ним по пятам. Остальные, видно, решили, что собственные головы дороже самой щедрой награды, и оставили Конана в покое.

В Асгалуне Амру тоже знали слишком хорошо, и там могла повториться та же история, что в Мессантии. Поэтому, явившись под вечер в шемский порт, киммериец отправился к некоему перекупщику краденого, с которым был знаком еще с давних времен. Этот пронырливый смуглый шемит оказал ему самое горячее гостеприимство — то ли устранившись конановых мечей, то ли в надежде на дальнейшее сотрудничество. Гость не стал его разочаровывать, сообщив, что прибыл для переговоров насчет продажи крупной партии шелка, захваченной совсем недавно на стигийском корабле (что полностью соответствовало действительности). Шемит и огромный варвар с жаром торговались три дня; за это время жеребец отдохнул и отъелся, а Конан, используя связи хозяина, раздобыл необходимые припасы. Наконец они ударили по рукам, и киммериец покинул свое убежище, клятвенно пообещав доставить драгоценный груз в самом ближайшем будущем. По дороге на Эрук он хохотал во все горло, представляя, как его компаньон будет тщетно ждать обещанные шелка.

Добравшись до Эрука — вернее, до его южной окраины, где находилось множество постоянных дворов и кабаков — Конан на радостях напился. У него хватало и золота, и серебра, и тут, неподалеку от знакомых мест, от пустыни, куда можно было при случае улизнуть, киммериец чувствовал себя в безопасности. Как оказалось, зря; очнувшись на следующее утро, Конан обнаружил массу пропаж. Конь, по счастью, остался цел, но кошель, дорожные мешки и, главное — драгоценные клинки, дар Рагара! — исчезли.

Потребовав кувшин пива, киммериец осушил его единым духом и получше пригляделся к физиономии кабатчика: она выглядела весьма плутовской и подозрительной. Не говоря ни слова, он вывел и оседлал жеребца; затем пустился в разговоры с хозяином. Как тот утверждал, достойный рыцарь пропил вчера все — и деньги, и оружие, и теплый плащ, и запасную одежду. Остался лишь конь — наверняка для того, чтобы ограбленный рыцарь побыстрее убрался с глаз долой.

Выслушав живописную историю своих вчерашних пождений, Конан вскочил в седло; затем, наклонившись и протянув руку, дружески коснулся плеча кабатчика. Через мгновение этот хитроумный муж уже лежал перед ним на лошадиной шее, дрыгая ногами и отчаянно вопя. Дождавшись паузы, киммериец сообщил ему, что отправляется в бесплодную пустыню — без оружия, без еды и прочих запасов; так что кабатчику придется сыграть роль провианта. Возможно, достойный рыцарь не станет есть его сам, а использует как приманку для шакалов; их мясо все же не столь омерзительно, как тощая плоть ублюдка, обирающего своих постояльцев.

Кабатчик запросил пощады, ибо огромная рука рыцаря сжимала его шею с такой чудовищной силой, что глаза у плута полезли на лоб. Засуетились слуги; словно по волшебству, откуда-то возникли дорожные тюки гостя, его превосходные мечи, объемистый мех с пивом, свиной окорок, каравай хлеба и даже слегка потощавший кошель. Разобравшись со своим добром, Конан явил милость: отъехав от окраин Эрука подальше, сбросил кабатчика в придорожную пыль. Скорее всего, мерзавец сломал себе ребра, что славного рыцаря совсем не беспокоило; прищпорив коня, он скрылся в песках, в направлении туранской границы.

В Замбуле, Самарре и Аграпуре с путником не случилось ничего примечательного — возможно потому, что в сих местах, где ему доводилось и разбойничать, и служить в войске, Конан держался поосторожнее. Во всяком случае, он больше не сорил деньгами, а, прибыв утром в туранскую столицу и сбыв жеребца на базаре, вечером уже покачивался на палубе пузатого барка. Стояла самая середина лета, море было тихим и спокойным, как пруд; слабый ветерок надувал паруса, и корабль неторопливо полз на восток, к Хаббе, влача в своих трюмах расписную посуду и сукна, амфоры с вином и кипы хлопка, бронзовые котлы и бухты пеньковых канатов, грубое парусное полотно, седла, кожаные ремни, сапоги и расшитые бисером туфли. Не самый пустяковый товар, но и не очень дорогой; однако вилайетские пираты не брезговали и таким. Памятуя про это, Конан спал впологлаза и все время держал оружие под рукой. Ему случалось разбойничать и в этих водах, но, случись лихим молодцам наскочить на купеческий барк, вряд ли они вспомнят

былого сотоварища. Во всяком случае, не раньше, чем он уложит половину этих ублюдков, думал Конан, ухмыляясь про себя.

Против ожидания, путешествие прошло спокойно, хотя пару раз на горизонте угрожающе вырастали маты с прямыми парусами и хищные вытянутые корпуса пиратских галер. При виде их капитан неизменно приказывал поднять повыше флаг с каким-то странным вензелем, напоминавшим осьминога с растопыренными щупальцами, после чего галеры прекращали погоню. Конан, наморщив лоб, припомнил значение этого сигнала: мол, добровольный налог морскому братству уплачен.

Прошло четыре или пять дней, и он сошел на берег в Хаббе, где пришлось задержаться подольше. Об этом городе киммериец не знал почти ничего — а если б и знал, вряд ли поостерегся. Ничто не предвещало опасности; вместе с группой туранских купцов он сошел на берег и отправился в ближайший трактир, чтобы отпраздновать благополучное прибытие. Он выпил сравнительно немного, если учитывать его огромный рост и чудовищную жажду — может быть, парочку-другую кувшинов крепкого золотистого вина — и мирно отправился на покой в отведенную ему комнату. Проснулся же Конан в цепях.

Местный чиновник, опасливо поглядывая на огромного варвара, окруженного толпой стражников, зачитал приговор. Киммериец так и не понял, что вменялось ему в вину: не то он кого-то пришиб во время вчерашней гулянки, не то его серебро сочли поддельным. Повод, без сомнения, был надуманным и зряшным, но кара показалась ему более чем суровой: рабство и гладиаторские казармы.

Там ему, наконец, растолковали суть дела. Кровавые потехи на арене являлись любимым зрелищем хаббатейской аристократии, а Гхор Кирланда, местный правитель, буквально коллекционировал отменных бойцов, выписывая их из ближних и дальних стран. Наемные воины его не интересовали; он предпочитал покупать пленников, захваченных тут и там во время пограничных стычек или набегов, стравливая их то друг с другом, то с крупными хищниками, которых отлавливали в окрестностях либо привозили из Вендии. Жизнь большинства гладиаторов оказывалась недолгой и исчислялась днями, но попада-

лись и редкостные силачи, выдерживавшие два-три месяца, а то и полгода почти непрерывных боев.

Последним таким приобретением Гхора Кирланды был некий Сигвар из Асгарта, гигант-асир, заросший огненной бородой до самых глаз. С неизменным успехом действуя секирой и боевым молотом, он дробил кости и черепа противников, отделял головы от шей, выпускал кишки и перерезал глотки. Гхор уже отчаялся найти ему равного противника — и тут подвернулся Конан.

Киммериец так никогда и не узнал, кому он обязан этим пленением — то ли своим спутникам, лукавым туранским купцам, желавшим добиться милости у местного властелина, то ли хаббатецкому трактирщику, у коего отмечалось благополучное завершение плавания, то ли кому-то из его гостей, среди которых наверняка скрывались лазутчики Гхора Кирланды. Как бы то ни было, Конана сочли достойным скрестить оружие с асиром; его напоили, заковали в цепи и осудили.

Он провел в неволе дней двадцать — сперва в крохотной одиночной камере, затем в более просторном помещении, разделенном железной решеткой на две половины. Все эти клетушки, в которых держали рабов-гладиаторов, находились в подвалах большого амфитеатра, и в каждой под потолком было прорублено оконце, тоже забранное решеткой — чтобы бойцы могли видеть происходившее на арене. В Хаббе не практиковались тренировки и никто не собирался обучать пленников фехтовальному искусству — да это и не требовалось, ибо сюда попадали только настоящие воины, опытные и отлично владевшие оружием. День за днем они глядели на ристалище, на будущих своих противников, сошедшихся в кровавой схватке, потом сами поднимались вверх из мрачных казематов, вступали в песчаный круг, обнесенный высокими стенами, сражались и умирали. Конан не умер; за время сидения в одиночке он убил восьмерых, завоевав репутацию сильнейшего бойца. Он не отказывался сражаться, только, выходя на арену, каждый раз требовал свои собственные мечи, хранившиеся вместе с прочим оружием, в арсенале гладиаторских казарм.

Убедившись в мастерстве пленника, стражи перевели его в новую камеру, ту самую, что была разделена решеткой на две половины. В том заключался глубокий смысл: соседом Конана стал асир Сигвар, и два соперника

могли теперь рычать один на другого днем и ночью, распалая ненависть и наливаясь злобой. Их не собирались сраживать сразу; неприязни полагалось созреть, чтобы грядущий бой превратился в бескомпромиссную демонстрацию силы и звериной жестокости. Пока же каждый из фаворитов мог следить в окошко, как бьется его будущий противник, и гневно реветь, стискивая громадные кулаки. Кроме того, они швыряли друг в друга фекалиями и обглоданными костями да обменивались ругательствами: Сигвар поносил киммерийцев и Крома, называя его кастратом, Конан осыпал проклятиями рыжих псов-асов и глумился над Имиром, Иггом и прочими богами северян.

Однако мало-помалу скука и тоска пленения заставили их вступить в более содержательные беседы; оба были в одинаковых годах, оба немало поскитались по свету, оба уважали только силу и крепкий кулак. Вскоре выяснилось, что ни тот, ни другой не относятся к числу простофиль, готовых пачкать арену своей или чужой кровью на потеху хаббатецким нобилям; к хаббатецам оба питали самую жгучую неприязнь. Когда это стало ясно и киммерийцу, и асиру, они перешли к совместным действиям: ночью разогнули железные прутья, сломали решетку на окне и выбрались наружу. Им удалось вышибить дверь в арсенал и расправиться с охраной; затем последовали бегство, погоня, отчаянная схватка в степи — и гора трупов хаббатецких стражей, под которой задохнулся Сигвар. Конан ушел; и в сем виделось ему божественное провидение, сохранившее жизнь тому из беглецов, кто яснее представлял свои цели.

* * *

Очнувшись, киммериец потряс головой, прогоняя тягостные воспоминания. Что жалеть о Сигваре! Славный был боец, и в славе отправился в Валгаллу: с оружием в руках, перебив тьму врагов, как и положено доблестному воину!

Мысли его перескочили на другое; потянувшись к своим мечам, Конан обнажил их и стал разглядывать, как делал уже не раз. На голубоватой стали не было ни щербинки, ни зазубринки — удивительно, если вспомнить, сколько этим клинкам пришлось поработать в Хаббе! В отблесках костра металл холодно поблескивал, и

киммерийцу казалось, что он держит на коленях две застывшие струи чистой влаги, чудесным образом отделившиеся от горного водопада. Нежно приласкав их загубелой ладонью, он бросил взгляд в темноту и прислушался.

Степь была тиха и спокойна; сухие ветки потрескивали в огне, хрупал травой гирканский конек, где-то в ночи резко вскрикивала птица. Конан полуобернулся, поднял голову. Курган с руинами башни — пятно мрака на фоне звездного неба — нависал над ним подобно окаменевшей морской волне, влекущей в бесконечность обломки разбитой бурей корабля. Ему вдруг вспомнилось, что вечером, когда солнце еще не село, он не удосужился осмотреть древние развалины; костер и ужин казались важнее. Впрочем, что шарить среди древних камней? Наверняка там не было ничего интересного; один птичий помет да мышиные норы.

Тогда, на равнине под Хаббой, завалив труп Сигвара камнями, он отправился на восход солнца и вскоре был уже далеко от проклятого города Гхора Кирланды. Он был неплохо экипирован; у порубленных хаббатеиских воинов нашлись и фляги с вином, и пища, и теплые плащи, и даже кое-какие деньги — Конан методично вывернул все кошелек, не побрезговав и медью. Жаль, что лошади их разбежались во время драки, напуганные запахом крови и воплями сражавшихся... Без лошади в степи тяжело... особенно на этой беспредельной гирканской равнине, что протянулась на долгие месяцы пути от берегов Вилайета до джунглей Кхитая...

Тем не менее, он добрал до Дамаста, где удалось украсть коня. Не такого хорошего, как тот, что пронес его от Мессангии до Аграпура, но все же... Эти мохнатые гирканские лошадки, неказистые на вид, были на удивление выносливы и...

Конь тревожно заржал, и мысли Конана прервались.

Спустя мгновение он был на ногах и напряженно всматривался в темноту, сжимая свои клинки. Его скакун явно что-то почуял; хрупанье прекратилось, словно лошадка, насторожившись, озидала темную степь. Волки? Нет... За последние дни он ни разу не видел волков; да и что им делать в этой скудной пустыне, где обитают лишь змеи да ящерицы?

Конан отступил от костра, погрузившись в полумрак; кто бы ни выслеживал его — зверь, человек или злой демон — не стоило находиться на свету. Он озидался, прислушивался, нюхал воздух, но не мог заметить ничего; равнодушная молчаливая тьма стучалась вокруг, обволакивая его темным плащом. На миг он подумал, что стоило бы подняться вверх, к руинам башни, где остатки стен послужили бы неплохой защитой, если нападающих окажется слишком много... Но бросить коня!.. Нет, это невозможно! Без лошади, тащившей бурдюки с водой, шансы добраться до Учителя почти равнялись нулю...

Вдруг какой-то силуэт мелькнул на границе света и тьмы, и киммериец, невольно содрогнувшись, шагнул дальше в тень. Эта фигура казалась смутной, словно бы сотканной из тумана, из осенней вечерней мглы; она парила над землей, приближаясь со стороны кургана. Значит, в развалинах кто-то прятался? Кто? Заблудившийся путник? Призрак? Дух, не нашедший дороги на Серые Равнины?

Нет, не призрак... Фигура существа, безмолвно скользившего к костру, становилась все более плотной, материальной, и Конан, впиваясь взглядом в ее неясные очертания, внезапно понял, что перед ним женщина. Гибкий стан, длинное полупрозрачное платье, темные волосы, разметавшиеся по плечам, пунцовые губы, белый мрамор щек... Настоящая красавица! И выглядит так, словно шагнула в эту дикую степь прямо из гаремных садов Аграпура!

Конь снова испуганно заржал, но Конан, уже не обращая внимания на скакуна, направился к костру. Женщина застыла перед ним, опустив руки с тонкими изящными пальцами; ее одежды просвечивали почти насквозь, и киммериец видел стройные округлые бедра, призывно темнеющие меж ними треугольник лона и две совершенные чаши с алыми бутонами сосков. Странно, она манила и, в то же время, отталкивала его... Но притяжение оказалось сильнее, и Конан, положив мечи рядом с дорожным мешком, спросил:

— Кто ты?

— Инилли...

Словно птица прошептала в ответ.

— Где твой дом?

Она небрежно повела рукой куда-то за спину, не то показывая на холм, не то имея в виду север. Но эта красавица не походила на северных женщин, светловолосых и сероглазых; разглядывая ее лицо, Конан все больше терялся в догадках, ибо подобных ей раньше не встречал. Южанки были смуглы и подвижны — в крови их кипело солнце; среди северянок, зрачки которых отливали льдом или серой хмуростью неба, редко встречались темноволосые, с черными глазами. И ни у тех, ни у других не было пунцовых припухлых губ, ярких, словно лепестки розы!

— Что ты здесь делаешь? — спросил Конан, не отводя взгляда от лица женщины.

Снова неопределенный жест рукой. Внезапно киммериец почувствовал, что спрашивает не о том; никакого значения не имело, откуда она, как очутилась в дикой степи, что делает здесь ночной порой. Инилли! Имя ее звучало как птичий вскрик. Инилли! Ее глаза притягивали, не отпускали... Конан шагнул вперед. Ближе... еще ближе...

— Чего ты хочешь? — Голос его звучал хрипло, словно неослабный рык боевого рожка.

— Согрей меня...

— Хочешь вина?

— Нет. Согрей меня...

— Тогда подсаживайся ближе к костру, — киммериец кивнул на расстеленный плащ.

Инилли опустилась на колени. Край ее длинного полупрозрачного одеяния взметнулся, обнажив бедро — такое же беломраморное, как кожа рук и шеи. Повернув голову, она следила, как Конан расстегивает пояс.

Ставив затем сапоги, он присел рядом с женщиной, жадно вдыхая исходящий от нее горьковатый аромат. Этот запах туманил сознание.

— Ну, согрелась?

— Нет... — Черные зрачки расширились, замерцали, как две звезды.

— Но ты же сидишь у самого огня!

— Огонь меня не греет... Мне нужно другое тепло...

Придвинувшись ближе, Конан коснулся ее бедра. Оно было упругим, нежным — и холодным, как лед. Его ладонь двинулась выше, задирая невесомую ткань.

— Да, я вижу, ты совсем замерзла! — Теперь он гладил живот Инилли, прислушиваясь к ее учатившемуся дыханию. Или то kloкотал воздух в его собственном горле?

— Согрей меня...

— Ты не знаешь других слов?

— Согрей меня...

— Согрею... Клянусь Кромом, никто не согреет тебя лучше по эту и по ту сторону Вилайета! — Конан потянул через голову тунику.

Теперь в глазах Инилли горело настоящее пламя. Ее пунцовый ротик приоткрылся, влажным перламутром блеснули мелкие ровные зубки, соски отвердели под жадными пальцами киммерийца. Наклонившись, он впился в ее губы, чувствуя, как язык женщины змеиным жалом скользнул в рот, защекотал небо. Запах, исходящий от нее, стал сильнее, обволакивая Конана горьковато-сладким ароматным коконом, заставляя позабыть про темную и дикую степь, про завтрашний переход по пустыне, про цель его странствий, про Учителя, живущего на склоне древнего вулкана... Все это казалось сейчас неважным и неглавным; нежные груди Инилли прижимались к мускулистой груди Конана, и тело женщины начало теплеть. Или ему это лишь почудилось?

Он оторвался от ее губ. Гирканский конек ржал, бил копытом в сухую землю; Конан не слышал его. Сейчас весь мир затмили черные глаза, огромные, как ночное небо; и, как звезды в небесах, в них начали посверкивать алые искорки — видимо, отблески костра.

— Ну, теперь стало теплей? — спросил киммериец.

— Да.

Она впервые улыбнулась — довольная, как кошка, приступившая к трапезе. И зубки у нее были как у кошки: ровные, но с чуть выступающими заостренными клычками. Конан положил огромные ладони ей на грудь, сдавил, вглядываясь в бездны черных зрачков.

— Так хорошо?

— О-ох! Хорошо... хорошо... — проворковала женщина; пальцы ее впились в плечи огромного варвара. — Хорошо... но будет еще лучше... еще жарче... еще слаще...

Повинуясь слабому толчку ее рук, Конан опрокинулся на спину. Теперь Инилли нависала над ним, изогнувшись дугой; губы ее что-то шептали и, сквозь горячий дурман желания, к разуму киммерийца пробились слова:

— Ты, герой... ты, огромный, сильный, прошедший через горы, сквозь степи и леса... ты, победитель, убийца, владыка над людьми... ты, жаждущий власти и славы... забудь обо всем... забудь... останься здесь, со мной, в моих объятиях... здесь, навсегда... останься, чтобы согреть меня... излить свою мощь... свою кровь... кровь... кровь...

Ее пунцовые губы тянулись к шее огромного варвара, туда, где билась голубоватая жилка; клычки, еще мгновение назад совсем крохотные, внезапно стали расти, увеличиваться, нарушая гармонию прекрасного лица; зрачки вспыхнули алым. Но Конан не замечал ничего. Ладони киммерийца ласкали нежную кожу Инилли, медленно скользя по упорительному изгибу спины вниз, к бедрам; глаза его были полузакрыты, дыхание с шумом рвалось из могучей груди, на лбу выступила испарина. Он жаждал эту женщину; он желал ее так, как ни одну красавицу в мире; он был готов остаться с ней навсегда, согревать ее, любить, делиться своей кровью...

Ее клыки неторопливо, по-хозяйски коснулись горла Конана. Она не спешила; жаркая трепещущая добыча была тут, рядом, обещающая двойное наслаждение: блаженство соития и вкус свежей крови. Сосать солоноватую теплую жидкость, ощущая, как содрогается в оргазме, бьется и слабеет могучее тело... как покидает его жизнь... как холодеет плоть... Что могло быть прекраснее! Только чувство насыщения и сонный покой, сладкая дремота, томительная расслабленность членов, терпеливое ожидание новой жертвы...

Звон!

Яростный звон обрушился на Конана. Серебряные колокола гремели, грохотали, раздирая небеса тревожными раскатами; казалось, мир превратился в один гигантский ледник, в чудовищный кристалл хрусталя, тут же разбившийся на мириады осколков, с гулом и перезвоном рухнувших в неведомую бездну. В этих звуках слышался и лязг стали, мерный топот копыт атакующей конницы, звонкие трели боевых горнов, свист рассекающих воздух стрел... Очнувшись, киммериец оттолкнул ведьму и сел, удерживая ее на расстоянии вытянутой руки. Его ладонь лежала на горле Инилли.

Суккуб! Теперь он ясно видел клыки, выступавшие меж кроваво-красных губ, скрюченные, словно когти, пальцы, багровые отсветы в глазах... Суккуб, проклятая тварь!

Кровопийца, потаскуха! Едва не зачаровала его! Если б не этот звон...

Он быстро оглянулся. Звенели его клинки; сейчас их мелодия казалась едва слышной, но все еще различимой. Непонятно, что порождало эти тревожные протяжные звуки — оба стальных лезвия были совершенно неподвижны, только голубоватые сполохи ритмично пробегали от рукоятей к остриям.

Повернувшись к суккубу, Конан слегка стиснул пальцы, с мстительным наслаждением ощущая пронизавшую ведьму дрожь.

— Ну что, так хорошо? — с усмешкой спросил он.

— Глу-пе-ец... — прохрипела Инилли, и киммериец ослабил хватку. — Глупец... Ты отказываешься от дара счастливой смерти? Безболезненной прекрасной смерти в моих объятиях?

— Я предпочитаю счастливую жизнь. Прекрасную жизнь и объятия настоящих женщин, а не ночного вампира.

Пальцы варвара снова начали сжиматься, и ведьма, широко разинув клыкастую пасть, простонала:

— От-пус-ти! Глу-пе-ец! От-пус-ти!

— Нет! Ты же просила, чтоб я тебя погрел, так? И помнишь, что я тебе ответил?

— От-пус-ти! Жал-кий... жал-кий... ку-сок... мя-са... Пи-ща...

— Я поклялся Кромом, что никто не согреет тебя лучше по эту и по ту сторону Вилайета! — на губах Конана играла жестокая ухмылка. — Кром — это мой бог, милашка, и я не хочу его обманывать... Тебе будет жарко, очень жарко!

Он встал, одним движением огромной руки свернул шею суккубу и бросил обмякшее тело в костер. Некоторое время он всматривался в призрачную плоть, что корчилась и таяла в огне, затем его глаза обратились к мечам, по-прежнему лежавшим на дорожном мешке. Клинки больше не звенели, и сполохи тоже погасли.

Глава 15. Наставник

Тянулись дни, томительные, как неволя в гладиаторской казарме Хаббы; взмахом черных крыл отлетали ночи. Конан то брел по пескам, по бесконечным пологим барханам и каменистым осыпям, то проваливал-

ся в сон, мучительный и неглубокий, не приносивший ни отдыха, ни облегчения. Ему виделись кошмары: огненное жерло кардальского вулкана, гигантские чешуйчатые гады, выползающие из-под земли; чудовища с грозно разверстыми пастьми, извергающие пламя; драконы, закованные в роговую зеленоватую броню; демоны, что жадно следили за одиноким путником с пылающих небес. Иногда над ним склонялось лицо Инилли — прекрасное, беломраморное, холодное; в жутком полусне-полубреду он наблюдал за тем, как раздвигаются ее пунцовые губы, обнажая острые клыки, как пасть суккуба медленно-медленно приближается к его шее — к тому месту, где бились наполненные горячей кровью жилки... Как и прежде, странное чувство охватывало киммерийца; ему хотелось разбить череп ведьмы могучим ударом кулака и, в то же время, слиться с ней, познать до конца эту прекрасную плоть, манящую и отталкивающую одновременно.

После ночлега у разрушенной башни гирканский конек, верный сотоварищ Конана, протянул еще пять дней — без травы и почти без воды. Это было великим подспорьем; за такое время путник преодолел не один десяток тысяч шагов и находился теперь в самом центре пустыни, за которой вздымались остроконечные пики горного хребта. Когда лошадь начала спотыкаться через шаг, киммериец забил ее, напился крови, вырезал с ляжек несколько полос мяса и подсушил их на солнце. В тот вечер ему пришлось расстаться не только со своим скакуном, но и с большей частью поклажи; теперь он нес два последних бурдюка с водой, скудные запасы пищи, оружие да колючий волосяной аркан. Эта веревка, расстеленная кольцом на песке, спасала его ночью от змей.

Пустыня, по которой он странствовал, тянулась к северу на много дневных переходов. Тут не было ни воды, ни растительности, ни животных — кроме все тех же змей, мерзких гадов толщиной в руку, которые питались неведомо чем. Конан полагал, что они пожирали друг друга, однако это не объясняло их многочисленности. К счастью, змеи выползали на поверхность только ночью, когда песок немного остывал, и волосая веревка служила хорошей защитой от них.

Киммерийцу же приходилось путешествовать днем, под палящим солнцем. Возможно, ночами идти было бы

легче, но тогда в светлое время ему пришлось бы спать, а в этой пустыне ему не встретилось ни скал, ни больших валунов — ничего, что давало бы хоть клочок тени. На многие тысячи шагов тянулись пески, ровные и сыпучие; их сменяли пологие барханы, похожие на застывшие морские валы, либо каменистая почва, покрытая щебнем, иссеченная трещинами. Идти по мелким камням было труднее всего; обувь Конана вскоре не выдержала, и теперь, пересекая щебеночные осыпи, он оставлял за собой кровавый след.

Но все это — и жажда, и раны, и палящее солнце — казалось ему не стоящим внимания. Он не сомневался, что дойдет; он чувствовал меру своих сил и верил, что их хватит, чтобы на равных потягаться с пустыней. Еще Конана поддерживала мысль о том, что многие прошли этой дорогой до него — десятки, если не сотни людей. Трех он знал сам, и хотя все трое были крепкими людьми, родились они все же не в Киммерии. Да, эти люди относились к могучей породе — и аквилонец Фарал, странник в сером плаще, и Маленький Брат, хитроумный бритунец, и Рагар из Аргоса по прозвищу Утес; однако Конан полагал, что он сильнее любого из этой троицы. Они больше знали и больше умели, им подчинялись таинственные силы Мироздания и, возможно, они лучше владели оружием; но путешествие в пустыне требовало прежде всего выносливости и грубой физической мощи. Итак, обладая и тем, и другим, Конан не сомневался, что повторит путь, которым прошли прежние Ученики.

Тем не менее, он был осторожен и расчетлив, как истый варвар, всосавший с материнским молоком умение выживать всюду — даже там, где околеет с голода волк и высохнет на солнце ящерица. Главной заботой была вода — и Конан пил ее крохотными глотками, утром и вечером, не позволяя себе прикоснуться к бурдюкам во время дневного перехода. Он знал, что без воды не сможет есть — чтобы протолкнуть в глотку сушеное мясо, нужно было хоть немного ее смочить. В любом другом месте ему удалось бы выдержать без воды восемь или десять дней и вдвое дольше — без пищи, но жаркое солнце пустыни выкачивало влагу из тела словно насос; тут он мог рассчитывать на два-три дня, не больше.

Бурдюки тем временем пустели, и вскоре, распоров их ножом, киммериец слизал последние капли воды. Это его

не беспокоило; на горизонте уже темнела иззубренная темная полоска гор. Еще немного, и он до них доберется, доковыляет, доползет... Однако последнее его не устраивало; ему хотелось появиться перед Учителем твердо держась на ногах, подобно человеку, а не ползучему гаду. Может быть, эта жуткая дорога по пустыне являлась своего рода испытанием, проверкой мужества и упорства будущего ученика? Если так, думал Конан, надо приберечь капельку сил, чтобы встретиться с наставником достойно, как положено воину, привыкшему переносить тяготы долгих и трудных походов.

Памятуя об этом, он исхитрился ночью изловить змею. Большой риск, если учесть размеры и подвижность пустынных гадов, струившихся по песку точно черные молнии; но Конан оказался быстрее. Освеживав свою добычу, он съел ее сырой, ибо ни веток, ни травы тут не было, и наутро с новыми силами отправился в путь. Змеиная плоть показалась ему отвратительной, но у нее было одно достоинство: холодная и скользкая, она немного утолила палящую жажду.

Но вскоре жажда вернулась. Она терзала его без перерыва, будто голодный зверь, раскаленными клещами сжимала горло, впивалась в желудок, моливший о капле влаги; от нее трескались губы, язык становился похожим на вбитый в горло кол. Конан, однако, двигался вперед, к выраставшему на севере горному хребту, упрямо переставляя ноги и стараясь не думать о воде; тем не менее, потоки и водопады всего мира звенели у него в ушах.

Наконец пришел день, когда в воздухе повесило запахом нагретого камня и песчаный грунт под дырявыми подошвами сапог словно бы стал плотнее. Конан поднял голову, смахнул пот со лба и огляделся.

Перед ним, упираясь в небеса изрезанной вершиной, вставал огромный бурый конус древнего вулкана. Его пологие склоны, где — сравнительно ровные, где — покрытые трещинами или бугрящиеся уступами и карнизами, уходили вверх, обожженные солнцем, иссеченные ветрами; следы старых лавовых потоков казались застывшими реками с темной водой. Над макушкой каменного исполина киммериец не заметил ни дыма, ни дрожания нагретого воздуха: вулкан был мертв, и мертв давно. Впрочем, быть может, он всего лишь задремал? Уснул тысячелетним сном, как умеют спать только горы?

За вулканическим конусом вздымался горный хребет, темная мрачная стена, протянувшаяся с запада на восток; зубчатые башни, неприступные замки из гранита и базальта, остроконечные клыки скал, водопады осыпей, серые, бурые и черные утесы. Ни травинки, ни деревца, один лишь безжизненный камень, такой же мертвый и унылый, как склоны вулкана... Но нет! Его темную коническую тушу у самого подножья рассекала зеленая полоска, ясно различимый мазок, нанесенный кистью некоего милосердного божества. Оступаясь, еле волоча ноги, киммериец побрел по песку, не сводя воспаленных глаз с этой яркой ленточки, сулившей покой и прохладу.

Глоток воды! Теперь он страстно мечтал о нем, он чувствовал, как влага касается пересохших губ, ощущал ее упоительно-свежий запах... Он видел ручей, струившийся среди травы, слышал звонкие трели водопада, вдыхал насыщенный холодными парами воздух, что клубится над колодцем... Потом наваждение кончилось, и распухший язык вновь становился кляпом, забитым в глотку; судорожно пытаясь сглотнуть слюну, Конан делал еще один шаг, еще и еще, с трудом переставляя непослушные ноги. Однако зеленая полоска на склоне горы постепенно приближалась.

Солнце прошло зенит, когда он наконец добрел до обрывистого подножья горы. Теперь перед ним возвышалась довольно большая терраса, заросшая высокими деревьями и травой; она уходила влево и вправо изогнутым полумесяцем, тянувшимся на добрых полторы или две тысячи шагов. Сравнительно с гигантским конусом вулкана терраса была невысока, примерно в десяток длин копы — даже теперь, полумертвым, Конан мог бы забросить булыжник в шелестевшие на ее краю травы. Темную базальтовую стену, подпиравшую эту площадку, рассекала широкая лестница, вырубленная прямо в скале; ее ступени были выщерблены, тут и там бурый камень пересекали разломы, нижняя часть, замеченная песком, выглядела полуразрушенной.

С того места, где находился сейчас киммериец, можно было разглядеть, что лестница тянется на довольно значительную высоту; она вела на террасу с садом и дальше, на вторую площадку и нависавшую над ней третью. Эти верхние карнизы казались гораздо меньше нижнего, поросшего зеленью, и выглядели пустынными; лишь на

среднем Конану удалось разглядеть одинокое дерево и какой-то кустарник.

Едва шевеля ногами, он направился к лестнице и начал карабкаться вверх. Преодолеть первые ступени было нелегко; песок сыпался из-под подошв, сапоги скользили по отполированному временем и ветрами камню. Потом дело пошло легче, и киммериец, обливаясь потом, очутился наконец в саду, на прямой и довольно широкой дорожке, что вела к следующему лестничному маршу.

Восхитительная истома охватила его. Казалось, поднявшись чуть-чуть над жаркой, засыпанной раскаленным песком равниной, он попал совсем в иной мир, благоухающий, свежий и зеленый; земля тут была покрыта не бесплодным щебнем, а сочной травой, густые кроны деревьев скрывали безжалостное жаркое небо, и где-то неподалеку слышалось журчанье ручья.

Вода! Не бред, не мираж, не фантомное видение изнемогающего от жажды путника — настоящая вода! Конан прислушался к серебряному перезвону струй, и на миг разум его затмился. Он сделал шаг, другой, потом замер и, упрямо сжав потрескавшиеся губы, решительно направился к ступеням. Вода подождет! Хотя жажда томила его, первым делом он хотел увидеть господина и хозяина сих благословенных мест. Он ничего не тронет тут, ни травинки, ни листка, ни капли желанной влаги, пока не склонит голову перед наставником. А там... там — как решит Учитель! Пусть он прогонит пришельца, пусть не захочет оставить в своем райском саду, но хоть напиться-то позволит! В этом Конан не испытывал сомнений; к тому же, он сохранил еще силы, и жажда не совсем помрачила его разум.

Итак, бодрясь и стискивая зубы, он вскарабкался на второй карниз, который был много меньше первого. Тут взгляду киммерийца предстала ровная полукруглая площадка, покрытая травой и обсаженная со стороны обрыва невысоким плотным кустарником; она простиралась на тридцать шагов в ширину и вдвое больше в длину. Справа от лестницы, что вела дальше, на самый верх, зиял вход в пещеру; его стрельчатая арка была настолько высока, что всадник, поднявшись в седле, не дотянулся бы до нее кончиками пальцев. Рядом с аркой рос огромный дуб с темной раскидистой кроной — наверняка тот самый, который Конан разглядел с равнины; под дубом, друг против

друга, блестели две широкие каменные скамьи. Приблизившись к ним, киммериец понял, что то были просто два отполированных временем базальтовых блока без спинок и подпор; на каждом мог улечься мужчина его роста.

Затем глаза Конана метнулись к дубу. Там, прижавшись спиной к стволу, стоял человек — босой, в набедренной повязке, перехваченной нешироким кожаным пояском. Его гладкая смугловатая кожа резко контрастировала с бугристой корой, фигура — рядом с могучим деревом — казалась еще более маленькой и хрупкой, чем на самом деле. Человек этот выглядел старым, но не дряхлым; на лице его не проступали морщины, в черных, коротко подрезанных волосах не мелькала седина. Лишь взгляд, спокойный и уверенный, выдавал возраст; зрачки редкостного янтарного оттенка казались двумя крохотными солнечными дисками, готовыми озарить сиянием лицо или метнуть всепоглощающую молнию.

Конан не испытывал трепета перед людьми — да и перед богами тоже, — но тут он почувствовал, что ноги его начали дрожать. Была ли тому виной усталость после долгого и тяжелого пути или пронизывающий насквозь взгляд старца? Странная сила, таившаяся в суровом изгибе рта, твердых очертаниях скулы и подбородка, в четком росчерке густых бровей, похожих на распластанные крылья хищной птицы, смущала огромного варвара. Нерешительно он шагнул вперед, потом опустился на колени.

— Да будет с тобой благословение Митры, Учитель... — Голос Конана звучал хрипло, словно в опаленном его горле перекачивались жаркие пески пустыни.

— Омм-аэлы! Да славится Великий! — раздалось в ответ.

Некоторое время старик в молчании смотрел на киммерийца, потом медленно, не торопясь, направился к нему, обошел — раз, другой, третий, — оглядывая с ног до головы. Хотя Конан стоял на коленях, лица их оказались прямо друг против друга — наставник и в самом деле был невысок. Брови его сдвинулись, и Конан, встретившись взглядом со старцем, вздрогнул: золотистые зрачки пылали, словно раскаленные уголья. У человека не могло быть таких глаз! Он припомнил свой давешний сон — там, на корабле, когда Рагар, Фарал и Маленький Брат явились ему все трое... Видно, не вдали ученики,

говоря, что их наставник стоит ближе к богам, чем к людям!

Старец что-то пробормотал себе под нос — словно коршун заклекотал; голос его показался киммерийцу резким, хрипловатым, повелительным. Напрягая слух, он начал разбирать отдельные слова.

— Крепкий парень... крепкий и острый, как наточенная секира... сильный, очень сильный... однако не слишком молод... хмм... зато здоров, как бык... северянин... северяне хорошие бойцы, но злы и неистовы... не умеют владеть собой... хотя бывает по-разному... да, по-разному... этот, похоже, терпелив... терпелив и упрям...

Казалось, наставник спорит сам с собой, взвешивая все «за» и «против»; его голос то падал до шепота, то становился отчетливым и ясным. Конан ждал, склонив голову и стоя на коленях. В глотке у него будто бы скреблись когтистые паучьи лапы, томительная жажда мучила все сильней и сильней, яростное солнце пекло затылок, обрушивало на темя удары жарких беспощадных кулаков — туда, где он застыл в позе полной покорности, не достягала древесная тень. Прикрыв воспаленные глаза, он погрузился в полузабытье; неразборчивые речи Учителя звучали бормотаньем грифа, топчущегося около падали.

Внезапно сухая рука с сильными цепкими пальцами сжала плечо киммерийца, заставив очнуться.

— Пойдем! — Рука потянула его вверх, и Конан поднялся. — Пойдем, парень, отдохнешь с дороги!

Они зашагали ко входу в пещеру: невысокий быстрый хозяин чуть впереди, гость, едва передвигавший ноги, следом за ним. Миновав стрельчатую арку и скрывшись от жаркого солнца, Конан с облегчением вздохнул и огляделся. Подземный покой, порог которого он только что переступил, выглядел обширным и хорошо освещенным — потоки солнечных лучей струились и со стороны входа, и сквозь круглое отверстие, пробитое в потолке. Слева и справа темнели проемы, ведущие, должно быть, в другие камеры и гроты; напротив входной арки располагался огромный очаг, а по бокам, на вбитых в стену крюках и вырубленных в камне полках, висело и лежало оружие.

Подобного собрания Конан не видел нигде! Ни у властителей Замбулы, Шадизара, Бельверуса или Корда-

вы, ни при дворе богатейшего из земных владык, повелителя Турана! Ни в Стигии, ни в Шеде, ни в Аргосе, ни в Офире! Ни в одной из стран, ни в одном из великого множества городов, где ему случалось побывать, разбойничая или честно впрягаясь в солдатскую лямку! Впрочем, мелькнуло у него в голове, чему тут удивляться: наставник обучал Великому Искусству Убивать, и всему, что подходило для этой цели, нашлось место на просторной каменной стене.

Тут были пики — длинные рыцарские из Аквилонии и Немедии, и те, которыми вооружали пеших фалангитов, с древками, окованными железом; копьё с одним или двумя наконечниками и трезубцы, оружие Кхитая; ассеган с лезвиями длиной в локоть и метательные дротики из всех стран мира; протазаны, щетинившиеся лунообразными лезвиями. За ними сверкали мечи — короткие и длинные, прямые, изогнутые и подобные морским волнам, с эфесами под одну или обе руки; тяжелые эспадоны и ятаганы, расширявшиеся к концу, соседствовали с изящными саблями, кинжалами, метательными ножами и походившими на змей клинками из Зингары. Отдельно висели алебарды и секиры, боевые молоты и топоры, цепи, кистени, гладкие и шипастые булавы, луки, самострелы, арбалеты, пращи. Много было и такого оружия, которое оставалось Конану неизвестным и выглядело странно — к примеру, небольшие стальные звездочки и диски с заточенным краем или соединенные цепочкой гладкие палки.

Очарованный зрелищем смертоносной стали, блестящего полированного дерева, кости и рога, что пошли на древки и рукояти, Конан замер, уставившись на очаг и арсенал, размещавшийся вокруг него. Потом глаза его obeжали остальную обстановку пещеры: жаровню, подвешенную над очагом, пару массивных столов, скамьи, табуреты и кресла с жесткими сиденьями, полки с нехитрой кухонной утварью, лари и свисавшие с потолка гирлянды сушеных трав. Наконец он услышал сладостные звуки водяного перезвона — в одной из ниш сверху сочилась влага, капля за каплей собираясь в огромной каменной чаше.

— Садись, — Учитель похлопал ладонью по скамье. Конан снял мечи, присел, положив их рядом с собой; лицо его было неподвижно, губы крепко сжаты. Старец

покоился на него, затем — на оружие, хмыкнул и, достав с полки кувшин, направился в дальнюю нишу — ту самую, где, не прекращаясь ни на миг, звенела капель.

— Пей! — Кувшин, полный хрустальной влаги, опустился на стол перед киммерийцем. Он протянул к нему руки, стараясь, чтобы пальцы не дрожали, и ощутил восхитительный холод шероховатой запотевшей глины.

— Спасибо, Учитель, — Конан осторожно смочил губы, потом сделал пару глотков и отставил кувшин.

— Еще? — Старец приподнял бровь, похожую на крыло коршуна.

— Хватит... — с хрипом выдохнул киммериец. — Я не пил три дня... Теперь надо обождать.

— Хмм... Терпеливый! — это прозвучало с явным одобрением. — Не первый раз в пустыне?

— Не первый.

Наставник замолк, поглядывая то на мечи Конана, то на его лицо; затем неожиданно спросил:

— Откуда?

— С западного побережья... — в горле у Конана хрипело и булькало. — Чтобы добраться до тебя, я прошел Аргос, Шем, туранские пустыни, перебрался через Вилайет, а потом...

Старец движением руки прервал его.

— Меня не интересует, где ты бывал и что делал раньше. Я спрашиваю, откуда ты родом!

— Из Киммерии, Учитель. Мое имя...

Снова резкий жест.

— Это мне тоже не важно. Дай-ка сюда свое оружие, киммериец. Оба меча!

Конан распутал перевязи и, не вынимая клинков из ножен, протянул их старцу рукоятями вперед. Учитель прихлопнул ладонью по столу; повинувшись этому молчаливому приказу, киммериец опустил мечи на гладкие струганные доски.

Старик, склонив голову к плечу, долго рассматривал то один меч, то другой; сейчас он еще больше напоминал нахохлившуюся хищную птицу. Его пристальный немигающий взгляд скользил по ножнам к перекрестью гарды, затем вдоль рукояти и обратно к ножнам — неторопливо, основательно, словно ему требовалось разглядеть каждую царапину и каждое пятно на потертой коже. Конан мог

покаяться, что старец никогда не видел раньше этих мечей; и, в то же время, он как будто узнавал их.

Наконец, коснувшись рукоятей кончиками пальцев, Учитель ненадолго прикрыл глаза и замер; лицо его окаменело, он словно бы прислушивался к чему-то, мысленно вопрошая сталь и кожу. Вдруг, не поднимая век, он поинтересовался:

— Где взял? Не твое!

— Теперь мое, — ответил Конан; он бережно, обеими руками, поднял кувшин и приник к холодному горлышку. На этот раз он позволил себе выпить пять глотков. В горле у него больше не хрипело.

Сухие ладони старца погладили мечи — от рукоятей до середины ножен.

— Их носил один из наших... — пробормотал он.

— Рагар из Аргоса, по прозвищу Утес. Просил передать тебе поклон, Учитель. Его уже нет в живых.

— Утес... — Старик задумчиво покачал головой. — Омм-азль! Да упокоит Великий его душу в мире! Мне кажется, я припоминаю этого парня... Смуглый, как ты, с темными волосами... Как он умер?

— Как подобает бойцу. Сразился с огненными демонами на далеком острове, что лежит в западных морях, за краем земли.

— Сразился — и победил?

— Победил, — Конан, отхлебнув несколько глотков, вытер ладонью рот. Его могучее тело быстро восстанавливало былую мощь. Вот если б старик расщедрился еще на кусок мяса... Но мясным в пещере не пахло; в ней витали запахи кожи и железа, смешанные с ароматами фруктов, меда и свежеспеченного хлеба.

Словно подслушав мысли гостя, Учитель снова поднялся, подошел к очагу и начал копать там, что-то собирая с жаровни. Затем он открыл ларь, оглядел полки с припасами и довольно хмыкнул. Вскоре на столе появилось блюдо с лепешками, миска меда, яблоки, виноград и еще какие-то плоды, которых киммерийцу прежде не доводилось видеть — желтые, похожие на месяц в новолуние, и другие, в плотной темно-зеленой кожуре. Невзирая на голод, Конан глядел не столько на все это изобилие, сколько на самого Учителя; теперь, когда жажда перестала мучить его и мутная пелена перед глазами слегка рассеялась, он видел, как точны и легки движения

старца. Учитель словно скользил по каменному полу, едва прикасаясь к нему босыми ступнями; жесты его, стремительные и в то же время плавно-неторопливые, казались исполненными гармонии и силы.

Конан чувствовал, что сила эта не выставляется напоказ. Она таилась в самом существе наставника, как драгоценный булатный клинок в невидных ножнах, как крепкое старое вино в амфоре из грубой глины. Но сейчас, когда он собирал на стол, то склоняясь над ларем, то привставая на носках, вытягиваясь и оглядывая полки, скрытая мощь прорывалась в каждом его движении, словно блеск обнаженной стали, на мгновение покинувшей темный кожаный чехол.

— Ешь! — Старик опустил на стол последнюю миску — с крупными орехами — и уселся напротив Конана. Тот протянул руку к лепешкам, выбрал одну, макнул в мед и с наслаждением принялся жевать. Теперь пронизывающие глаза Учителя не тревожили киммерийца; старик явно не собирался смущать гостя, и взгляд его, казалось бы бесцельно, блуждал по стенам и потолку пещеры. Блюдо с лепешками быстро пустело, как и миски с медом и орехами.

— Зачем пришел? — спросил старец, когда Конан, сыто отдуваясь, принялся расстегивать ремень на поясе.

— Хочу поучиться у тебя, отец мой. Если не прогонишь...

— Похоже, ты и так обучен всему, что тебе надо знать, — Учитель окинул быстрым взглядом могучую фигуру киммерийца.

— Нет. Я владею мечом и копьем, луком и секирой, но есть много людей, которые умеют делать то же самое. Рагар — на том острове в западных морях — сражался иначе.

— Значит, ты хочешь научиться убивать лучше всех? — Янтарные глаза старика снова уставились в лицо Конана. Он моргнул; после сытной еды веки наливались сонной тяжестью.

— Да, наставник. Я видел, как бьются твои ученики... им подвластна не только сталь... я тоже хочу испепелять своих врагов молниями.

— Зачем?

Конан задумался. Конечно, ответ был ему ясен; вот только устроит ли он Учителя? Добираясь с берегов

Западного океана к этой пещере на краю мира, он мечтал о могуществе и власти, о великих завоеваниях, об армиях, перед которыми содрогнутся империи и королевства, о славе... Но подобные вещи не стоили для Учителя ничего; возможно, даже меньше, чем ничего. Или это было не так?

Солгать? Он чувствовал, что под этим немигающим взглядом язык не повернется произнести лживые слова; старец видел его насквозь. Внезапно Конану почудилось, что резкие черты Учителя напоминают гигантский лик, явившийся ему в голубом тумане, висевшем над кардальским вулканом; такие же бездонные глаза, выпуклый лоб, крепко сжатые губы... Неужто наставник и в самом деле сродни божеству? — мелькнуло в голове сквозь нахатывавшие волны дремоты. Киммериец потер висок, пытаясь прогнать сон, и пробормотал:

— Зачем? Разве это не ясно, отец мой? Клянусь Кромом, разве каждый воин не мечтает о победе? А как победить, не убивая?

— Клянись Кромом... — по губам Учителя скользнула улыбка — первый раз с момента их встречи. — Кто он такой?

— Наш киммерийский бог. Грозный! Тот, кто поклоняется ему, должен твердо держать меч в руках.

— Если ты станешь моим учеником, тебе придется забыть о Кrome. Омм-аэль! Великий Митра не любит убийств.

— Но ты же обучаешь воинов по Его повелению!

— Да, обучаю. Но это не значит, что им дозволяется махать клинком направо и налево и жечь молниями людей! Я учу, и я беру плату за учение. Немалую, парень!

— Назови ее, отец мой.

Наставник устремил взгляд вверх, к широкому круглому проему в потолке пещеры; лицо его стало задумчивым, резкие черты смягчились, словно разглаженные невидимой рукой божества.

— Вот моя плата, — медленно произнес он, покачивая в воздухе пальцем. — Ученик должен помнить, что служит Митре, а пресветлый Митра, как я уже сказал, не любит убийств.

Конан кивнул, преодолевая дремоту. Он попытался сосредоточить внимание на пальце Учителя; голова его

начала мерно покачиваться в такт с движениями руки старика.

— Митра повелевает — ученик должен исполнять. На то великий бог и дает ему Силу. Ученик — Его оружие; он — гиря, которую бог бросает в чашу, чтобы поддержать Равновесие...

Снова кивок. Казалось, сухой палец старца обладает странным гипнотическим воздействием; Конан уже не мог оторвать от него взгляда.

— Ученик должен уничтожать тех, от кого бог отвел свою руку... нечисть, демонов, черных магов, властителей, творящих зло, жрецов, что приносят кровавые жертвы...

Конан покорно кивал; за науку, преподанную Учителем, он был готов уничтожить всех этих ублюдков и еще множество других, не достойных взирать на свет Митры. Он подумал о том, что благой бог наверняка отвел свою руку и от алчных купцов, и от вельмож-лихоимцев, и от сборщиков налогов и всяких богатеев, наживших добро неправедными путями. Что касается властителей, то каждый из них сеял зло в меру своих сил и, следовательно, подлежал уничтожению. Вместе со всеми советниками, телохранителями, стражами и войском!

— Ученик может убивать, защищаясь или защищая других — тех, кто нуждается в помощи и покровительстве. Однако в этом надо знать меру: не убивай бегущего, пощади того, кто просит пощады, не поднимай руки на сдавшегося, сохрани жизнь раскаявшемуся. Помни — бог смотрит на тебя и взвешивает твои деяния! Он добр, он милостив, но не простит отступника, нарушившего обет!

Слова, слова! Конан снова кивнул, навалившись грудью на стол; спать хотелось неудержимо. Вряд ли Митра приглядывает за каждым из своих слуг, подумалось ему; на такое дело не хватит глаз даже у бога. Или же сам Учитель играет роль представителя божества, неким таинственным образом присматривая за своими питомцами, рассеянными по всем землям, странам и городам? Тоже вряд ли... То, что не под силу богу, не сумеет совершить и полубог.

— Вот моя плата, моя цена! — повысив голос, произнес Учитель, и Конан очнулся. — Готов ли ты ее заплатить?

Киммериец подпер голову кулаком; усталость наваливалась на него, пригибала вниз, застилала взор, тонким

комариным пискom звенела в ушах. Дело сделано! Наставник напоил и накормил его, и, похоже, собирался изъять в ученики... Иначе зачем бы старец начал перечислять все эти условия и запреты?

— Я должен сказать слова клятвы? — невнятно пробормотал Конан. — Какие, отец мой?

— Ты хочешь стать моим учеником?

— Да.

— Этого достаточно, Секира.

Голова Конана уже лежала на столе, меж пустым кувшином и блюдом, на котором громоздились огрызки плодов. Сон и усталость побеждали; теплая истома разливалась по могучему телу варвара, затуманивая мысли. В последнем усилии он прошептал:

— Секира? Почему — Секира?

И услышал в ответ:

— Таким будет теперь твое имя.

* * *

Когда новый ученик заснул, сломленный усталостью, старец долго глядел на него, в задумчивости поглаживая бровь. Немигающие глаза наставника были широко раскрыты, но сейчас они не походили ни на крохотные солнечные диски, ни на золотистый ястребиный зрак; потемнев, они превратились в шарики старого коричневого янтаря, погруженные в белый мрамор белков. Наконец старик поднялся, прибрал со стола, двигаясь бесшумно и быстро, с плавной грацией двадцатилетнего атлета, затем вышел из пещеры. Он направился к раскидистому дубу, обычному месту своих медитаций, и сел, скрестив ноги, меж выступающих из земли корней. Глаза его потускнели еще больше; сейчас они казались почти черными — два бездонных провала под росчерком крылатых бровей. Опустив веки, Учитель сделал несколько глубоких вдохов и застыл в неподвижности. Солнце, око благого бога, шло на закат; налетевший с равнины ветерок доносил запах нагретого песка и свежий аромат зелени с нижней террасы.

Старец был взволнован — вернее, не ощущал привычного покоя, ибо волнение, как и многие другие чувства, давно отгорело в его душе. Однако он не являлся холодным и рассудочным существом, отринувшим все человеческое, забывшим и род, и корень свой в долгой череде

прожитых лет; он сохранил способность испытывать любопытство, удивление и даже жалость — покуда все это не мешало исполнять свой долг.

Долг!

Долг был превыше всего — превыше плотских радостей, сострадания, страха и любви, превыше горестей людских, превыше жизни и превыше смерти — ибо, в определенном смысле, от выполнения его зависели и жизнь, и смерть.

Где-то внизу, в неизмеримых земных глубинах, несокрушимыми скалами застыли гиганты, первотворения Митры; некогда они владели миром, теперь же держали его на своих плечах. Теперь, по воле Пресветлого, эти исполины являлись фундаментом Великого Равновесия, его опорой и надежным щитом, воздвигнутым божественной рукой. Они стояли недвижимо, ибо если б дрогнул хоть один, земную твердь и все, что живет и плодится на ней, постигли бы неисчислимые бедствия — много большие тех, какими грозили Кардалу огненные демоны.

Учитель знал, что придет час — в некоем отдаленном и неясном будущем — когда гиганты, столпы мира, не выдержат его чудовищной тяжести. Что произойдет тогда? Если Первосотворенные будут повержены, мир рухнет, погрузившись в хаос; исчезнет все живое, смешаются горы и моря, растворятся в энергии вечного астрала, и даже глаза богов, злых ли, благостных или равнодушных, затянет смертной пеленой. Кончится Мироздание, завершится Вселенная, что творилась в долгой борьбе великих и могущественных сил, перед которыми человек — пылинка в луче света!

Однако в древнем пророчестве говорилось, что мир скорее всего избежит полной гибели: Первосотворенные дрогнут, но устоят. Правда, и такой исход не сулил ничего хорошего. Твердь земная расколется, разойдется, воды Западного океана зальют Шем и Коф, дотянутся на севере до Заморы, а на юге — до Вендийского моря... Погибнет Ванакхейм, побережье пиктов станет островом, пролив разделит Иранистан от Пунта и Зембабве, огромный материк Му погрузится в пучину морскую... Вскипят океаны, рухнут горы, пустыни расстелят песчаные ковры на месте степей и лесов, надвинутся ледники, реки повернут вспять... Люди, вероятно, не уцелеют — разве что горсточка здесь, кучка там. И их потомкам придется поза-

быть о городах и пашнях; убогими и сирыми будут скитаться они по земле, обезображенной потопами и огнем...

Эта катастрофа могла наступить и раньше, чем предполагалось, ибо среди богов не было согласия и многие из них в неразумии своем опасно раскачивали Весы Мира. А ведь на исполинов, державших его, и так давила непомерная тяжесть! И она росла не только тогда, когда злобные демоны колебали земли и воды; людские горести и страдания, накапливаясь в астрале, тоже были добавочной ношей, давившей на плечи тех, кто служил опорой Великого Равновесия. И долг Учителя заключался в том, чтобы это бремя не стало чрезмерным. Омм-аэль!

Для того Митра, Податель Жизни, Хранитель Равновесия, и повелел ему готовить бойцов, способных отразить удары злобной мощи Сета, помериться силой с демонами и черными магами! То были юноши, чистые сердцем, не искавшие ни власти, ни славы, ни богатства, верные и отважные; и тех из них, кто, кроме бескорыстия, храбрости и крепких мышц, умел слушать зов Митры, благой бог наделял особым даром, предлагая каждому такую частицу своей божественной Силы, какую мог вместить и вынести хрупкий человеческий разум. Наставнику же полагалось пробуждать сей дар, лелеять и пестовать его, как слабую искру, что слетела в душу человека из небесного костра Пресветлого...

Да, но избраннику Митры полагалось быть юным, чистым, бескорыстным! Тот же, кто пришел к нему этим днем...

Он был крепок, отважен и мог услышать божественный зов, но других достоинств Учитель обнаружить пока не сумел. Владющему энергией астрала не слишком сложно разобратся в душе варвара, как бы тот ни хитрил, ни умалчивал, ни изворачивался... Аура этого киммерийца, которую старик ощущал столь же отчетливо, как видел его лицо, казалась расплывчатой и мутной, хотя и наполненной эманацией силы, первобытной стихийной мощи, дарованной Митрой лишь исполинам — тем, на чьих плечах покоился мир. Возможно, Секира был из их рода? Возможно, в жилах его текла капля крови Первосотворенных? Но как такое могло случиться?

Впрочем, загадка сия не тревожила старца; другое являлось предметом его раздумий. Верно ли он поступил, согласившись учить этого северянина? Ведь пришелец отнюдь не был бескорыстен и чист, да и не слишком молод, если на то пошло! Сложившийся человек, не склонный пожертвовать своей свободой ради божественных целей, явно стремящийся к богатству и власти... авантюрист, привыкший играть и собственной жизнью, и жизнями тех, кто встретился ему на пути... убийца-варвар, пират и наемник... Без сомнения, он не был лишен какой-то доли природного благородства и мог совершить бескорыстный поступок, но Митра требовал от учеников гораздо большего. Исполнения своей воли! Преданного и долгого служения!

Наставник сомневался, что пришедший к нему северянин способен на это. Омм-азэ! Да понял ли он смысл принесенной только что клятвы?! Или счел ее зряшным делом, пустой отговоркой, старческой причудой?

Погрузившись в транс, Учитель искал ответ, пытаясь разрешить мучившие его сомнения. Его предшественники однако молчали; еще никогда прошедший пустыню, что отделяла их обитель от остального мира, не был отвергнут. Долгий и трудный путь являлся своеобразным искусом; лишь тот, кто преодолел его, мог принести должные обеты и постичь Великое Искусство, став членом безымянного ордена слуг Митры, бродивших по свету от Восточного до Западного океана. Лишь тот, кто преодолел! Вероятно, сам бог приглядывал за странниками, посылая недостойным соблазны, уводившие их в сторону от желанной цели; во всяком случае, те, кому удавалось добраться до пещеры и сада на склоне погасшего вулкана, вполне подходили в ученики.

Но этот киммериец!.. Варвару не следовало появляться здесь, и все же он дошел, добрался! Невероятно, непонятно, странно... Впрочем, Учитель усматривал в том знак свыше, некое божественное повеление, которое ему полагалось исполнить; и сейчас, устремившись душой и сердцем в безбрежный простор астрала, старец молчаливо вопрошал грядущее.

Оно оставалось неясным. Даже владеющий Силой Митры — той ее частицей, что была доступна смертному — не мог широко раздвинуть занавес, скрывавший будущее мира; лишь узенькая щелка приоткрывалась для

него. И Учитель глядел, напрягая внутреннее зрение; глядел, все глубже и глубже погружаясь в транс, протягивая незримые нити сквозь дни, месяцы и года; глядел, как несутся по волнам корабли с разбойным людом, как маршируют солдаты, закованные в сталь, как неудержимой лавиной несется панцирная конница, как рушатся стены и башни крепостей, как храмы нечестивых богов превращаются в руины, как пылают города и льется кровь, как горит и светится могущественный талисман, око великого королевства, ступок живого огня... Тот же, в чьих руках сияло это сокровище, был высок, смугл, черноволос, и глаза его отливали глубокой синевой закатного неба.

Ночь уже прикрыла звездным шатром пустыню, вулкан и горную цепь на севере, когда наставник очнулся. Долгое время он сидел, обратив лицо вверх, к искрам вечного огня, что неторопливо вершили свой путь над его головой, покорные течениям и водоворотам астрала. Он думал и вспоминал; он пытался сложить из кусочков мозаики цельную картину, некое гигантское полотно, окаймленное сценами битв и осад, портретами полководцев и магов, королей и воинов, нагими женскими телами, яростными ликами чудовищ и демонов — пестрый и красочный рисунок грядущего, в середине которого был запечатлен высокий черноволосый мужчина с короной на голове — тот, в чьих руках сиял огненный талисман.

Наконец Учитель поднялся и твердым шагом направился к пещере. Он был всего лишь человеком (хотя на сей счет имелись разные мнения) и не спорил с велениями судьбы и божества, коему служил преданно и верно. Омм-азэ! Сам Пресветлый Податель Жизни хочет подвергнуть этого киммерийца искусу и соблазнам, ввести во грех и дать возможность искушения, закалить, как булатный клинок на ледяном ветру, испытать могуществом, удачей и бедой, радостью и горем...

Что ж, Владыка Света прав! — подумал старец. Ибо лишь познавший все это сумеет стать великим владыкой и занести карающую руку над Злом, что готовится покачнуть Весы Мира. Такова воля Митры!

Наставник неторопливо шагал к темному провалу входа, и губы его чуть заметно шевелились, словно он творил

молитву Пресветлому. Но тот, кто смог бы разобрать шепот старика, услышал бы иное...

— Он сокрушит их! Он уничтожит Черный Круг на юге, растопчет Белую Руку на севере, сотрет память о Красном Кольце в странах востока... Он будет ловцом, они же — его добычей... Омм-азэль! Наступит день, и он, сражавшийся прежде с демонами и колдунами, сможет противостоять даже богам... Омм-азэль! Он совершит грех, он искупит его и не узнает об искуплении... Омм-азэль! Да свершится воля Митры!

Миг просветления завершился, и старец, забыв многое из виденного в тумане грядущего, твердой поступью вошел в пещеру. Там, уронив голову на стол, храпел Секира, новый его ученик; и завтра ему предстояло начать шлифовку сего неограненного алмаза.

Глава 16. Ученик

Итак, Конан превратился в Ученика, согласившись стать оружием в руках светоносного Митры. Однако оружие это, хотя и крепкое, по мнению наставника нуждалось в заточке и полировке, в удалении ржавых пятен, смазке и наведении окончательного глянца. Это заняло немалое время, ибо северный варвар не был сырой и покорной глиной в руках гончара; он многое умел и многое мог — в том числе и такое, о чем не догадывался сам. Прозрение, однако, было еще впереди, а пока киммериец постигал то великое искусство, в котором, как мнилось ему прежде, являлся мастером. Он трудился день за днем, одновременно изучая и новое свое жилище, и тот крохотный уголок огромного мира, в который привели его божественное провидение и собственная настойчивость.

Большая пещера, где Конан уснул после первой встречи с наставником, служила старцу арсеналом, местом для трапез и приготовления пищи; почивал же он в келье, расположенной справа от входа, в которую вел неширокий проход. Ученику была отведена каморка напротив, довольно тесная, но уютная. Каменные стены ее на ощупь казались теплыми и сухими, пол и деревянный топчан выстланы циновки, плетенные из травы, а в небольшое оконце, глядевшее на юг, с утра до вечера струился солнечный свет. Кроме соломенных матов, деревянного ложа да железного крюка, вбитого в стену при входе, в

камере не имелось ничего. Впрочем, Конану ничего и не требовалось; перевязи с мечами Рагара он повесил на крюк, изношенные сапоги швырнул в угол — на том и завершилось его вселение.

В качестве ученика ему полагалось выполнять несложные обязанности — мести пол и готовить еду, овощную похлебку и лепешки из плодов хлебного дерева; мясо и рыба в рационе наставника отсутствовали начисто. Труд этот не занимал много времени, но было в нем и кое-что необычное, вызывавшее у киммерийца в первые дни если не страх, то почтительное удивление. Густая похлебка из моркови, капусты и свеклы варилась, как положено, в бронзовом котле; овощи росли в небольшом огороде на нижней террасе, воду же полагалось черпать в каменной выемке неподалеку от очага — над этой природной чашей звучал тихий несмолкаемый плеск падающих капель. Но кроме котелка, овощей и воды требовался еще и огонь, а значит, дрова. Однако дров не было.

Не было ни сухого дерева, ни черного угля, ни горючего сланца, ни масла, ни той темной жирной влаги, густой и тягучей, что в некоторых местах сочилась из земли; не было ничего, кроме чистых незакопченных очажных камней. Над ними Учитель дважды в день, утром и вечером, простирает руки, потом сосредоточивался на миг — и в очаге с негромким резковатым хлопком вспыхивало пламя.

Несомненно, то был волшебный огонь, совсем непохожий на яркие алые языки, что вздымаются над сухим хворостом, или на стремительный перепляс багровых струй, порожденных пылающим углем. И то, и другое Конан помнил слишком хорошо: ему довелось разжигать немало походных костров в лесах и степях, уголь же горел в горне отцовской кузницы, в далекой Киммерии. Но это пламя, на которое он глядел, раскрыв в изумлении рот, было другим, синеватым, почти призрачным, и не дробилось на струйки, завитки и язычки; меж днищем котелка и очажными камнями висел жаркий сияющий шар, похожий на сферу из голубого хрустала. Он выглядел точь-в-точь таким же, как порожденный некогда ладонями Рагара — разве что не стрелял молниями и не плавил камень. Он просто нагревал котелок и жаровню, а затем покорно гас, стоило только наставнику прищелкнуть пальцами.

— Закрой рот, Секира, — говорил он новому ученику, — скоро и ты сможешь возжигать искру Силы. Омм-аэль! Благодарю Великого за этот дар!

— Омм-аэль! — повторял Конан, снимая с треноги котелок.

Но пока до пробуждения дарованной богом способности к чародейству было еще далеко. Конан вообще сомневался, что владеет чем-то подобным, ибо в роду его случались великие воины и вожди, кузнецы, разбойники и непоседливые души, бродившие по свету; однако насчет колдунов он ничего припомнить не мог. Учитель, впрочем, говорил, что дар Силы нельзя считать магией, поскольку вызывается она не заклинаниями, не талисманами или чудодейственными амулетами, но самой человеческой природой. Из слов его выходило, что всякий человек связан с богом — хотя бы в снах своих или молитвах; но для некоторых глас Митры звучал особенно ясно, или мог так звучать, если бы они пожелали прислушаться повнимательней к самим себе. Дар сей являлся врожденным, и обладавшие им получали доступ к частице божественной Силы — разумеется, после обучения под присмотром опытного наставника. Подобный же наставник был в мире лишь один.

Вечерами, устремив немигающий взгляд на звездное небо, он толковал Конану о вещах загадочных и чудесных: о Первосотворенных гигантах, что поддерживают мир, о Великом Равновесии и его божественном хранителе, об астральной Силе, невидимой энергии, нисходящей с небес на землю, пронизывающей мертвое и живое. Последнее интересовало киммерийца более всего; устроившись напротив наставника на каменной скамье под дубом, он слушал его резкий голос, похожий на клекот хищной птицы, запоминая приемы и навыки, коими полагалось владеть ученику.

Приобщение к Силе Митры позволяло не только возжигать огонь и метать молнии; то была лишь внешняя, видимая ее сторона. Столь же важным являлось умение затаиться за невидимым и неосязаемым щитом, окружить свое тело и разум непроницаемым коконом, отражавшим и сталь, и камни, и злые заклятья. Разумеется, это требовало времени и особой подготовки, зато позволяло избежать нежелательного внимания приспешников тьмы; адепты Сета и жрецы Нергала тоже владели многими

тайными искусствами, и в поединках с ними нужен был не только меч, но и надежный панцирь.

Другой полезный прием касался исцеляющих свойств Силы, позволявшей осуществлять некую телесную трансформацию. Хотя ученик не мог изменять свое обличье, прикидываясь, подобно чародею, птицей, зверем или ползучим гадом, плоть его, впитавшая астральную энергию, противостояла холоду и жаре, голоду и жажде, болезням и ранам. Теперь киммериец понимал, что Рагар сражался с огненными демонами не только при помощи своих молний; он был защищен невидимым барьером, и пламенный жар лавовых потоков не мог причинить ему вреда.

Но все же он погиб... От чего? По словам Учителя, существовал предел концентрации Силы, некий губительный и опасный уровень, к которому смертному не следовало приближаться — если только того не требовал долг. Божественная Сила позволяла творить многие чудеса, но избыток ее сжигал человека, превращая плоть в обузленную головешку. Эта граница была различной для каждого из учеников; одни могли плавить скалы и сражаться с огнедышащими вулканами, другие — лишь разжигать сильнее сферическое пламя. Теперь нередко Конан задумывался о том, что будет доступно ему, когда он обучится использовать астральную мощь, накапливать ее, исторгать в пространство... Где ляжет его предел? Сумеет ли он метать пламенные копья подобно Фаралу, серому страннику, забрасывать врагов потоками стрел-молний, как делал то аргосец Рагар?.. Или все кончится синеватым шариком, ничтожной искоркой Силы, казавшейся ему сейчас пустой игрушкой?..

Временами он вспоминал о Маленьком Брате, малыше-бригунце, который не мог делать даже этого. Правда, Податель Жизни даровал ему другой талант — умение пробуждать добрые чувства в сердцах людей, — но такая перспектива Конана не привлекала. Он хотел исторгать молнии, губительное пламя, способное повергнуть ниц орды врагов и стены крепостей! Только так, и не иначе!

Но до подобных свершений было еще далеко. Раньше ему предстояло овладеть искусством медитации, умением погружаться в транс, ловить потоки астральной энергии, нисходившие не только с высоких небес, но и от всего, что находилось на земле — от трав и деревьев, от камней

и песка, от равнин, гор и стремительных вод. Он должен был научиться слушать повеления Митры, внимать божественному гласу — ибо как иначе он смог бы узнать и выполнить Его волю? Наконец ему требовалось отточить свое тело и дух в непрерывных упражнениях, дабы подготовиться к приятию частицы Силы.

Для этой первой ступени обучения предназначалась верхняя терраса, нависавшая над пещерой Учителя. Она была круглой и абсолютно ровной, усыпанной толстым слоем хорошо утрамбованного песка; дальний ее конец глубоко вдавался в склон горы. В самом центре этого карниза, напоминавшего золотую монету, располагалась тренировочная арена шириной в бросок копья; арену обрамляло множество странных устройств и приспособлений из дерева, металла и камня, большинство из которых Конану не приходилось видеть прежде.

Тут было нечто напоминавшее борону с острыми бронзовыми зубцами, торчавшими вверх словно наконечники копий; тут высился огромный столб, подобный корабельной мачте с несколькими реями и свисавшими с них веревками; тут торчали столбы и шесты поменьше, к которым прикреплялись железные кольца и крюки; тут были выбиты в камне ямы с переброшенными над ними узкими досками и туго натянутыми канатами; тут стояли козлы, деревянные помосты, мишени для метания и стрельбы; тут простирался ров, заполненный черным углем, а за ним — странная дорожка из вкопанных в песок обрезков бревен. К ней на первом занятии наставник и подвел нового ученика.

Опустив на землю кувшин с водой и мешок, прихваченные из пещеры, он велел Конану раздеться. Солнце поднялось уже довольно высоко, но жаркие лучи светила словно бы отбрасывались неким невидимым куполом, прикрывавшим арену; босые ступни киммерийца ощущали прохладу песка, а воздух казался свежим и бодрящим.

Оглядев могучую фигуру Конана, наставник довольно кивнул. Ученик высился над ним словно гранитный утес над придорожным камнем; плечи и грудь бугрились пластинами мышц, мускулистые крепкие ноги уверенно опирали землю, шея казалась отлитой из золотистой бронзы. Лицо киммерийца, обрамленное водопадами темных волос, было спокойным; синие глаза глядели уверенно и твердо.

— Ты крепкий и ловкий парень, — клеочущий голос старца разорвал тишину. — Я думаю, ты сможешь проскататься по этим бревнам туда и обратно и не свалиться наземь.

Конан посмотрел на дорожку. Тянувшиеся вдоль нее бревна торчали на разную высоту, от локтя до трех-четырех, и расстояние между ними не превышало шести локтей. Были эти поленья довольно тонкими, в половину ступни, и их отшлифованные срезы блестели, словно натертые воском.

— Я должен прыгать по этим чуркам? — Конан покопился на странный бревенчатый частокол.

— Да. Не пропуская ни одной.

— Ну что ж...

Пожав плечами, киммериец вскочил на крайний обрубок, затем мощным рывком перебросил тело к следующему, широко расставив руки, чтобы удержать равновесие. Как он и предполагал, торцы и в самом деле оказались натерты воском; скользкие и гладкие, они охладили ноги сильнее, чем прохладный песок. Таким было первое ощущение, о котором он сразу же забыл, пытаясь удержаться на коварной дорожке. Он прыгал и прыгал вперед, легко касаясь ступнями скользких опор, и, только добравшись до середины, припомнил, что ему предстоит еще и развернуться.

Последний столбик торчал из песка на три локтя. Конан прыгнул, резко оттолкнулся от него стопой и, гася инерцию, сделал кувырок в воздухе. Это был непростой трюк — даже для человека, привыкшего с детства пробираться по обледеневшим скалам Киммерии; впрочем, он справился с ним, приземлившись в точности туда, куда рассчитывал. Обратная дорога не заняла у него много времени.

— Хорошо! — привстав на носки, Учитель похлопал его по плечу. — Хорошо! — Он поклонился, вытащил из мешка деревянную чашу и до половины наполнил сосуд водой. Конан с удивлением смотрел на него; ему уже было известно, что в светлое время дня старец ничего не ест и не пьет. Неужели его успешное путешествие по бревнам так взволновало наставника, что тот почувствовал жажду? Нет, непохоже... Янтарные глаза старика казались спокойными, и лишь на губах играла едва заметная усмешка.

— Так, — произнес он, вкладывая чашу в ладони киммерийца, — сейчас ты снова пробежишь по дорожке, держа этот сосуд на голове. И смотри, не пролей воду! Ни капли!

Конан, пораженный, отпрянул.

— Кром! Разве такое в человеческих силах? Хотел бы я поглядеть, кто сделает это!

— Не поминай своего кровожадного бога! — каркнул Учитель и недовольно пожевал губами. — А поглядеть... что ж, поглядеть можно.

Забрав чашу из рук киммерийца, он наполнил ее до краев и водрузил на голову; затем метнулся к ближайшему столбу, взлетел на него, перескочил к следующему... Он двигался с грацией и стремительностью пантеры, настигающей добычу, так, что Конан едва успевал следить за быстрыми прыжками. Небольшие ступни старца словно отталкивались от воздуха, руки были скрещены на груди; пробежав по ряду чурбаков, он повернулся, отправившись в обратный путь, и тут Конан увидел, что глаза его закрыты.

— Вот так! — прыгнув на землю, наставник поднес к лицу Конана сосуд, в котором поверхность влаги казалась застывшей хрустальной пленкой, потом наполовину выплеснул воду и снова вложил чашу в руки ученика. — Вот так, Секира! Попробуй повторить!

Киммериец покачал головой. Он не сомневался, что видел какой-то ловкий фокус, некий хитрый трюк, где дело не обошлось без колдовства. Может быть, Учитель превратил воду в лед, а заодно и приморозил чашу в голове? Такое под силу только магу! Правда, старец утверждал, что не занимается чародейством...

Умостив сосуд на голове, Конан осторожным шагом направился к первому столбику; там он замер и в нерешительности покосился на Учителя.

— Скажи, отец мой, что еще меня ждет? — взглянув киммерийца обожегал круглую площадку. — Эти бревна, ямы, канаты и остря — к чему они?

Брови, похожие на распластанные крылья коршуна, сурово сдвинулись.

— Тебя ожидает труд, Секира! — немигающие глаза старца уставились прямо в лицо Конана. — Труд во имя Пресветлого Митры! Ты будешь лежать на бронзовых острях с жерновом на груди и разбивать камни ударом

кулака; тебе придется ходить над пропастью по узкой доске, висеть на веревке с рассвета до заката, ловить дождевые капли — да так, чтобы ни одна не коснулась твоих волос; ты научишься метать дротики и кинжалы в лозинку толщиной с палец и растворяться в воздухе как бесплотная тень... Ты укрепишь свои кости и свой дух; руки твои станут железными, и меч, наткнувшись на них, отскочит... А еще — гляди! — ты будешь прыгать с этой мачты, с каждой ее перекладины и с самого верха!

Невольно повинувшись жесту Учителя, Конан задрал голову, чтобы прикинуть высоту столба, и чаша, водруженная на его темени, свалилась. Он извернулся и поймал ее, на мгновение страстно пожелав, чтобы вода не пролилась; и воля его — или некая иная сила — как будто захлопнула над сосудом невидимую крышку. Ошеломленный, он держал сосуд в огромной ладони, всматриваясь в недвижную хрустальную поверхность.

— Вот так! — наставник ткнул его сухим кулачком в грудь. — Вот так, Секира! Я знал, что ты сумеешь это сделать! — Довольная улыбка промелькнула на его лице, смягчив резкие черты. — А теперь — туда, на дорожку! И помни, ни капли не должно коснуться земли!

Но в тот самый первый раз Конан, разумеется, опрокинул чашу. То же произошло и на следующий день, и на третий, и на четвертый — пока он не понял, что может мысленным усилием накрыть сосуд непроницаемым копаком. Тогда наступил черед всего остального — бороны с острыми бронзовыми зубцами, что торчали вверх подобно наконечникам копий; камней и толстых бревен, кои полагалось прошибать с одного удара; глубоких ям, над которыми он балансировал на канатах и узких досках; веревок и столбов, безжалостно растягивавших его тело; быстрых капель, что падали из продырявленных чаш — их полагалось ловить то ртом, то ладонями или ступнями; дротиков и метательных ножей, свистевших в воздухе словно серебряные молнии; таинственного умения сливаться с камнем или деревом, растворяясь подобно тени... Все, что сулил Учитель, исполнилось, и лишь в одном, вольно или невольно, он покривил душой: высокая мачта, с которой Конану и в самом деле пришлось прыгать, была не самым последним испытанием его мужества и сил. Ему пришлось еще прогуляться по рву, заполненному углями; только теперь они светились словно огненные

рубины, и подымавшийся кверху жар мог расплавить бронзовую оковку щита. Но к тому времени Конан научился смыкать вокруг тела незримый кокон, и пламя, пытавшееся лизнуть его босые ноги, уже не страшило киммерийца.

* * *

На десятый или двенадцатый день он вышел на учебную арену и встал напротив наставника. В руках у Конана был меч; старец вооружился недлинной тростью из черного дерева толщиной в палец.

— Рази! — приказал он. — Рази, Секира!

Сверкнул клинок, раздался сухой удар дерева о сталь, и лезвие пропало на ноготь от смуглого плеча Учителя. Он отступил на шаг, Конан продвинулся на шаг вперед.

— Рази, Секира, рази!

Посыпались стремительные удары. Киммериец то бил сплеча, то делал коварный боковой выпад, пытаясь достать колено или локоть противника, то посылал меч подобно копью, целя в живот или грудь, то внезапно перебрасывал его из руки в руку в надежде обмануть старца, то на мгновение прятал клинок за спину, намереваясь перейти к внезапной атаке. Многие фехтовальщики во многих странах некогда учили его, а самым главным учителем была жизнь, из года в год висевшая на кончике меча; клинок давно стал продолжением руки Конана. Но...

— Рази, Секира, рази! Быстрее! Еще быстрее!

Сухо щелкала трость из черного дерева, едва заметно касаясь плоскости меча, и разящая сталь пронеслась мимо цели. На ноготь, на волосок — но мимо! Это нельзя было счесть колдовством; Учитель не творил заклинаний, не наводил чар невидимости и неуязвимости — лишь размахивал тоненьким жезлом, который можно было переломить одним усилием пальцев. Но жезл сей охранял его лучше стальной кольчуги и тяжелого двуручного меча.

— Рази, Секира!

Они точно танцевали вокруг арены, раз за разом двигаясь по кругу; Конан рубил и колол, пытаясь достать старика, тот отступал, уворачивался, легкими движениями трости парируя удар за ударом. Черная, матово блестящая палочка летала в его руках, была то по острию, то по середине клинка, окружая наставника незримой броней; Конан не мог пробиться сквозь нее.

— Быстрее, Секира! Рази!

Внезапно зрачки цвета янтаря вспыхнули, и на киммерийца посыпался град ударов. Теперь Учитель не только защищался; он нападал, и черная трость принялась гулять по плечам и ребрам Конана. Этот старец был воистину полубогом — ни одно человеческое существо не могло бы орудовать палкой с подобной скоростью! На каждый удар он отвечал тремя, успевая отклонить меч и чувствительно хлестнуть противника. На коже киммерийца начали вздываться рубцы.

— Рази, Секира!

Но, едва подав эту команду, Учитель вдруг остановился, вытянул левую длань с раскрытой ладонью вперед, и Конан ощутил, как руки его онемели. Тяжело дыша, он опустил меч и рухнул бы вперед, но некая упругая незримая стена удержала его.

— Омм-азль! Клянусь Светозарным, так дело не пойдет! — Наставник укоризненно приподнял густые брови. — Ты сражаешься мертвой сталью, северянин, и руки твои мертвы... Ты не используешь Силу! Ни один из тех приемов, которым уже обучился! Почему?

— Что я должен делать? — ответил Конан вопросом на вопрос.

— Вначале успокой дыхание... набери воздуха в грудь... с ним придет Сила... Ты чувствуешь ее? Ощущаешь?

Конан кивнул. Это было уже знакомо: вначале слабое покалывание в висках, потом теплая волна накатывала с затылка, спускалась вниз, к плечам и груди, заставляла трепетать мышцы живота и ног... Вместе с ней приходило успокоение; затем плоть наливалась новой силой, словно после сна или долгого отдыха. Он выпрямился, омытый астральной энергией; сейчас ему казалось, что схватка только-только началась.

— Так, хорошо... — Учитель похлопал его тростью по правому плечу. — Хорошо... Ты снова бодр и свеж... А теперь попробуй поделиться Силой с этой своей рукой... — Трость опять хлопнула. — Пусть она течет вниз, к запястью, к ладони и пальцам... Переходит в рукоять... струится вдоль лезвия... все дальше и дальше, к самому острию... вот так... хорошо...

Киммерийцу показалось, что меч Рагара, который он сжимал в руках, вдруг вспыхнул и зазвенел — точно так же, как неким вечером много дней назад, во время при-

вала у руин древней башни, затерявшейся на рубеже пустыни и степи... Глаза его изумленно расширились, но резкая команда Учителя — «Рази!» — оборвала цепочку воспоминаний. Он вскинул клинок и нанес удар.

И снова они танцевали по арене, снова дерево с сухим щелчком отражало сталь, снова звучало неумолимое «Рази!», смешиваясь с тяжким дыханием Конана, снова пот жег глаза и воздух со свистом вырывался из глотки... Круг за кругом двигались бойцы, пока клинок и трость, соединившись очередной раз, не положили конец схватке: вместо привычного щелчка раздался короткий свистящий звук, и обрубленный кончик жезла упал на землю.

— Омм-азль! — Учитель торжественно поднял руки к небу, и Конан увидел над его ключицей царапину, что наливалась кровью. — Омм-азль! Ты молодец, Секира! Теперь я вижу, что ты умеешь не только бегать по бревнам с чашкой воды на голове!

Киммериец бросил меч на песок и в немом изумлении уставился на алую черточку. Впервые его оружие коснулось кожи наставника! Его священной неуязвимой плоти! Внезапно странный трепет объял Конана и, опустив взгляд, он произнес:

— Прости, отец мой... Я не хотел...

— Хотел! — Зрачки старца блеснули, словно у завидевшей добычу хищной птицы. — Хотел, Секира, и потому добился своего! А это... — он небрежно скосил глаз на царапину, и кровь вдруг перестала течь, — это пусть тебя не тревожит. Подними свой клинок и давай сойдем вниз... давай прогуляемся по саду, послушаем, как шелестят листья и травы, поговорим...

Прогулка означала очередное поучение, и Конан, сунув меч под мышку, довольно усмехнулся; старик слов на ветер не бросал. Они неторопливо пересекли ристалище, спустились на полукруглую площадку при пещере — маленький балкон, прилепившийся к склону горы над широким полумесяцем древесных крон — потом направились вниз, к саду, струившему свежие ароматы зелени. После занятий наставник любил гулять среди яблонь, и Конан не удивился, когда старец свернул напрямик к ним.

Некоторое время оба шли в молчании, вдыхая чистый сладкий запах листвы, цветов и плодов. Привычная смена

сезонов не имела власти над садом Учителя; здесь одни фруктовые деревья стояли в цвету, на других уже наливались завязи, а третьи плодоносили, раскинув над землей отягченные румяными яблоками, золотистыми абрикосами и персиками ветви. Разумеется, это было чудом — одним из многих и многих чудес, к которым киммериец уже начал привыкать; таким же, как синеватый огонь в очаге или теплые дожди, выпадавшие по ночам. Они орошали сад, но ни одна капля не падала на безжизненные барханы пустыни.

— Где ты привык носить меч? — внезапно спросил Учитель.

— Здесь! — прижав клинок локтем, Конан хлопнул себя по левому бедру.

Его наставник неодобрительно покачал головой.

— Плохо. Плохо по многим причинам. — Он прислонился спиной к стволу яблони, прикрыл глаза и начал свои объяснения — как всегда, скрипучим клекочущим голосом, который в первые дни казался Конану похожим на карканье ворона. — Запомни, Секира, длинный меч у бедра носят только никчемные болваны... олухи, которым оружие нужно, чтобы покрасоваться или творить неправоубийства... придворные щеголи, разбойники с большой дороги, солдаты...

— Солдаты?

— Да, солдаты. Жалкие твари, что сражаются за золото... Но разве они умеют убивать? Ха! — На лице Учителя изобразилось откровенное презрение. — Итак, запомни: у пояса длинный меч висеть не должен. Короткий клинок, кинжал, нож — другое дело. Длинному же мечу место на спине!

С этим Конан был полностью согласен. Он любил прямые длинные мечи — по-настоящему длинные, позволявшие одним ударом свалить двоих — однако такое оружие никак нельзя было прицепить к поясу. Разве что подвесить на короткой перевязи, но тогда навершие рукояти почти упиралось в подбородок.

Все эти соображения мгновенно промелькнули в голове киммерийца, однако он спросил:

— Почему, Учитель?

Все так же не раскрывая глаз, старец принялся пояснять:

— Ножны меча бьют по ноге — это плохо; ноги во время схватки должны быть свободны... Напомню тебе, Секира, ноги важнее рук — даже для Ученика, владеющего Силой. Ты должен двигаться, ибо движение, стремительное и непрерывное, залог победы. Но чтобы скакать, прыгать, приседать, падать на колени, делать шаги и шажки, нужны ноги. И рядом с ними — или промежуток — не должно болтаться ничего лишнего... ничего, кроме дарованного мужчине светлым Митрой...

Конан ухмыльнулся. Его наставник продолжал:

— Подвешенный к поясу меч нельзя быстро пустить в дело. Ты выхватил его, но в этот миг он повернут острием к тебе же самому, к твоему животу и промежности. Надо повернуть и поднять его, чтобы нанести удар — а это время, парень! Время, за которое можно прикончить двоих или самому расстаться с жизнью! Если же меч висит на спине, ты рубишь сразу, с полного замаха. Ты можешь отсечь голову или плечо и, опуская клинок, поразить второго противника в бок, грудь или ногу... Ты, северянин, не вчера взялся за рукоять меча и понимаешь, о чем я говорю...

Разумеется, Конан понимал; неосознанный опыт сотен стычек и десятков сражений год из года накапливался в его памяти, и сейчас наставник лишь приводил эти знания в порядок.

— Теперь представь, что у тебя два меча, — старец, приподняв веки, устремил взгляд в белесовато-голубые, дышащие зноем небеса. — Два меча — это очень важно, Секира! Только настоящий воин умеет биться двумя мечами или, скажем, мечом и топором... Искусство, доступное немногим... вот почему я назвал в числе никчемных и наемников-солдат, тех, кто сражается с мечом и щитом. Запомни: в бою ты наступаешь, а не обороняешься, и щит с панцирем тебе не нужны. Лучший способ спасти свою жизнь — убить противника. Убить быстро, стремительно! И если врагов много, для этого нужны два клинка... да, два...

Он задумался, медленно кивая головой, словно эти слова нуждались в подтверждении. Конан терпеливо ждал, тоже прислонившись спиной к шершавому и теплomu стволу; от цветущих яблонь накатывались тягучие и плавные волны энергии, не будоражившей, а, наоборот, умиротворявшей душу — словно неторопливые океан-

ские валы, покачивающие двух людей, старого и молодого, в своих ласковых объятиях. Покой, тепло, свежий аромат листвы, тишина, нарушаемая лишь птичьим посвистом да жужжанием пчел... Среди этой благодати странно звучали слова о том, как быстрее и лучше прикончить человека. Конан, однако, внимал им едва ли не с благоговением; к тому же, речь шла об убийстве, совершаемом по воле бога, во имя торжества Великого Равновесия.

— Два меча... — повторил Учитель, похлопывая себя по сухим мускулистым бедрам. — Если держать их здесь, сын мой, то вытащить оба разом нелегко... вдобавок, руки пойдут наперекрест, и ловкий мечник отрубит тебе обе кисти одним ударом... А за спиной — куда удобнее! — Неуловимо быстрым движением руки старика взметнулись вверх, к плечам, затем он выбросил их вперед, словно рассекая невидимыми клинками врагов. Конан невольно вздрогнул, сообразив, что ему не удалось бы парировать этот выпад — ни с одним мечом, ни с двумя, ни с помощью чудодейственной Силы Митры, которую он начал постигать. Впрочем, мастерство Учителя не вызвало у киммерийца ни зависти, ни страха, одно лишь восхищение; все-таки этот старец был почти что богом, и смертному не стоило мечтать о том, чтобы с ним сравниться.

Он вспомнил недавнюю схватку — меч против трости — и невольно скривил губы. Удалось ли ему в самом деле пробиться сквозь защиту наставника? Или тот поддался, пропустил удар, чтобы вселить уверенность в ученика?..

— Если встретишь воина с двумя клинками за спиной, — внезапно произнес старец, — это будет, скорее всего, один из наших. Не скажу наверняка, но скорее всего так... Пошли ему призыв, частицу своей Силы, и тогда узнаешь...

Конан кивнул; перед мысленным взором его проплыли строгие лица Фарала и Рагара, потом их сменила лукавая улыбка физиономия Маленького Брата. Кажется, бритунец таскал за спиной меч и лук? Огромный меч и огромный лук, едва ли не больше его самого...

Вздохнув, Конан улыбнулся и прикрыл глаза; аромат цветущих яблонь и тихий шелест листвы нагоняли дрему.

Но сад Учителя служил не только местом прогулок и бесед; иногда они занимались здесь, и всякий раз Конана ожидало новое чудо.

В первые дни его нередко охватывало сомнение, можно ли назвать садом этот зеленый оазис, прилепившийся на безжизненном каменистом склоне. Фактически, эта обширная роща — почти две тысячи шагов в длину и две сотни в ширину — состояла из нескольких садов, и все деревья, кусты и травы, что росли тут, поражали огромными размерами и цветущим видом. Это казалось странным, ибо единственный родник, бивший из скалы в западной части сада, рядом с маленьким огородиком, явно не предназначался для орошения; его воды попадали в неглубокую округлую выемку в камне, и ни одна струйка из этого озерца не тянулась к пышной растительности и сочной изумрудной траве.

Когда Конан спросил наставника о причинах столь удивительного благоденствия, царившего в саду, старик поднял глаза к палящему безоблачному небу и сообщил, что на то была — и есть! — воля всемогущего Митры, посылающего ночами теплые дожди. Великий бог пожелал, чтобы на этом клочке земли меж гор и бесплодной пустыней все цвело, росло, плодоносило, благоухало — и, промыслом его, так и случилось. Омм-азль!

В истинности этого утверждения сомневаться не приходилось — как и в том, что никто не сумел бы счесть всех молчаливых обитателей зеленого оазиса на склоне горы. Их количество казалось беспредельным! И росли они в весьма причудливом порядке.

Тут были фруктовые деревья, усыпанные яблоками, золотистыми зингарскими апельсинами, гранатами из Аргоса, сливами, персиками, крупными синеватыми фидами... Подобного изобилия Конан не видел даже в тщательно лелеяемых дворцовых садах восточных владык! Рядом с яблонями, сливами и финиковыми пальмами тянулись к небу темно-зеленые свечи кипарисов и стройные сосны с киммерийских гор; раскидистые аквилонские дубы простирали свои узловатые ветви над зарослями сирени, акаций и бамбука; мощные стволы вязов и кленов темнели рядом с белыми колоннами берез с Пиктского Побережья; горьковатый запах осин с унылых гипербореических холмов смешивался с благоуханием цветущих

магнолий. Это казалось невероятным, но это было так! Юг и север, запад и восток сошлись в этом забытом людьми краю, мирно сосуществуя под жарким солнцем пустыни!

В расположении деревьев чувствовалась странная система, которую не мог постичь варварский ум киммерийца. К примеру, раскидистые яблони росли на небольшом холме в центре сада, обрамляя его вершину тремя концентрическими окружностями; в их благоуханном кольце был заключен треугольник из десятка персиковых и абрикосовых деревьев. Дубы и буки образовывали плавно изогнутую фигуру, напоминавшую Конану рассеченный сверху донизу бокал; самый мощный из дубов, настоящий гигант со стволом, который не смогли бы обхватить и трое мужчин, рос внутри этого незамкнутого овала. В одном уголке этого странного сада витали пронзительные и чистые запахи смолы и хвои; там высились золотистые столбы сосен и кедров, оттененные седым изумрудом асгардских елей. Неподалеку находилась беседка, увитая виноградной лозой, толстой, высокой и обильно плодоносящей: прозрачно-зеленые и густо-фиолетовые гроздья величиной с человеческую голову свешивались вниз, прямо к полу из гладких кедровых досок.

Существовала в этой необычной роще и каста особо благородных — или, наоборот, отверженных, что занимали либо отдельное место, либо бросались в глаза своим экзотическим и непривычным видом. Сразу за родником и крохотным озером красовалась пара гигантов вчетверо или впятеро выше самых огромных сосен; они уходили в синеву словно две чудовищные колонны, поддерживающие купол небес. Учитель называл их секвайнами, Стражами Неба, и как-то заметил, что в доступном людям мире, от льдов Ванахейма до джунглей Куша, подобных великанов нет. Они росли в какой-то далекой и таинственной земле, лежавшей за просторами Западного океана.

Зато железное дерево, не очень высокое, но мощное, кряжистое, с налитым темной силой стволом, перебралось сюда явно из Куша или Зембабве. Оно стояло в полном одиночестве на восточной границе сада, и почва вокруг него была сухой, лишенной покрова трав и мха.

В остальных же местах и трав, и мхов, а также лишайников, папоротников, кустов и цветов, пышных и ярких или совсем скромных, вполне хватало. Если б

Конан еще смог как-то перечесать деревья, то для остального зеленого воинства эта задача казалась неразрешимой. Всевозможные травы и цветы покрывали землю у подножий стволов, торчали меж живописно разбросанных камней, окаймляли узкие песчаные дорожки, теснились рядом с водой, у родника и маленького озера; буйное и необозримое изумрудное королевство, в котором Учитель знал каждый стебелек, каждый лист и каждую ветвь.

Вначале Конан думал, что сад служит старцу местом отдыха и средством пропитания — его плодами можно было бы накормить не один десяток людей. Но в одно из утр, когда Учитель направился после трапезы в свой зеленый оазис, киммерийцу довелось узнать об истинном его назначении. Нет, не прохлада и свежий воздух, не сочные фрукты, не цветочные ароматы и даже не красота являлись главным богатством сей удивительной рощи; она предназначалась для более серьезных дел, чем созерцание деревьев и трав или отдых под тенистыми ветвями. Сад, как и все, что окружало наставника, был средоточием астральной Силы.

В один из дней они неторопливо брели по дорожке мимо строя цветущих и усыпанных плодами яблонь, направляясь к гигантскому дубу, чья раскидистая крона торчала над зелеными шапками более мелких собратьев, словно кровля главной замковой цитадели над угловыми башнями и донжонами крепости. Дуб этот стоял посреди поляны, обрамленной с севера овальной линией других дубов и буков; почему-то он казался Конану похожим на камень, заложенный в огромную пращу. С южной стороны поляны резко обрывалась; склон горы, каменистый и безжизненный, отвесно шел вниз. Там, на глубине десяти или двенадцати длин копья, расстилался песок.

— Помнишь, что я говорил тебе о Силе? — насупив густые брови, старик взглянул на своего ученика. — О той божественной эманации, что истекает из вечного астрала? Она дарована всем, и людям, и неразумным тварям, и тому, что растет на земле, на дне океана или в глубине пещер. Даже камни, песок, вода и льды поглощают ее... Но! — Он поднял сухой палец и покачал им перед носом. — Но ты должен знать, что и люди, и камни, и деревья по-разному накапливают Силу. Сейчас я веду речь не о том, парень, что одни умеют пользоваться божественным даром, а другим оное почти недоступно... —

Старец протянул руку, и большое яблоко сорвалось с ветви, угодив прямо в его ладонь. Он сунул плод киммерийцу и продолжал: — Нет, я говорю не о сознательном владении астральной силой, а о том, что в одних вещах ее собирается больше, в других меньше; одни притягивают ее, высасывают, поглощают, накапливают, другие — отбрасывают, отдают...

Конану эти речи представлялись смутными и не относящимися к главному — к науке убивать. К примеру, поучение о клинках, которые нужно было носить за плечами, выглядело куда более конкретным и полезным! Тем не менее, он решил выказать интерес к словам наставника, пусть не совсем понятным, но, без сомнения, мудрым.

— Отбрасывают? — повторил он, наморщив лоб. — Как, Учитель?

— По-разному, парень. Иногда так, как летит копьё и стрела, или так, как движется щит в руках воина, как мчится гонимая ветром волна... Гладко, плавно, непрерывно — или скачком, подобно поднятой в галоп лошади.

И эти слова были непонятными, хотя Конан уже научился ощущать Силу, о которой толковал Учитель. То была не привычная ему мощь собственных мышц, а нечто иное, таившееся в нем самом и в окружающем мире; некая незримая субстанция, которую он еще не умел посылать в цель словно брошенный дротик, но уже мог концентрировать, прокатывать теплой волной от темени до пят, направлять к ладоням, пальцам — и дальше, в клинок или древко копья, которое держал в руках. Он научился чувствовать ее приливы и отливы, напоминавшие бег океанских валов, гонимых из небесного пространства невидимым ветром. Несомненно — как и утверждал наставник — то было божественное дыхание Митры, Великого, Светозарного, Могущественного, способного повергнуть и Сета, Змея Вечной Ночи, и темного Нергала, и Ледяного Гиганта Имира, и, вероятно, даже грозного Крома, повелителя Могильных Курганов... Впрочем, все эти страшные божества могли оказаться лишь разными обликами Владыки Света, в которых ему угодно было принимать поклонение людей. По словам Учителя, Митра вовсе не являлся вселенским воплощением доброты; он был хранителем Великого Равновесия, необходимыми частями коего были и Добро, и Зло.

Они подошли к огромному дубу, и старец, коснувшись ладонью черной бутристой коры, сказал:

— Ты видишь источник Силы, дарованный нам Митрой... — он поднял руки вверх, на уровень груди, обратив их ладонями друг к другу, и нараспев произнес: — Омм-азль! Да славится Великий!

— Омм-азль! — покорно повторил Конан, с интересом наблюдая, как воздух меж ладонями Учителя потемнел, словно там сгущалась крохотная грозовая тучка.

— Омм-азль! — снова воскликнул старик и резко выдохнул. Теперь перед ним плавало не темное сгущение, а маленький ослепительный шарик, куда более яркий, чем тот, что горел в очаге. Внезапно он вспыхнул еще сильнее, и на юг, в пустыню, метнулась молния — ослепительный столб света, напоминавший чудовищное копьё. В лицо киммерийцу пахнуло жаром, он инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, барханы внизу, в тысяче шагов от него, дымилась. Но не только дымом был помечен след огненного потока; там, где он пролетел над пустыней, в лучах солнца блестела стеклянистая полоса оплавленного песка.

Молния! Подобная тем, которыми Рагар бился с демонами разбушевавшегося вулкана! Только более мощная, более яркая, более стремительная...

— Отец мой! — Конан, потрясенный, взглянул на спокойное лицо старика, — Я тоже так смогу? Когда?

Тот слабо улыбнулся и опустил руки.

— Так — не скоро... лет через сто или двести, если Митра удостоит тебя долгой жизни... — Наставник протянул руку и потрепал Конана по плечу. — Слушай и не отвлекайся по пустякам, парень! Запомни: дуб собирает Силу — собирает и отдает ее человеку. Буки, грабы и клены тоже, но дуб щедрее всех... Видишь, как посажены эти деревья? — Старик кивнул на плавную изгибающуюся линию темных стволов и зеленых крон. — Они накапливают астральную эманацию и пересылают сюда, своему старейшине... — Ладонь наставника вновь погладила бугристую кору. — А я взял у него все накопленное и выплеснул в пески! Ты сам видел, что получилось, да?

— Да, — подтвердил Конан.

— Омм-азль! Хорошо! Значит, ты убедился, что Сила годится не только для того, чтобы кипятить воду в котелке.

— Клянусь Кро... — Конан проглотил окончание. — Я никогда так не думал! Ты же знаешь, Учитель, я делаю все, что велено тобой... и я уже чувствую... чувствую... — у него не хватало слов.

— Чувствуешь? — Глаза старца сверкнули. — Да, чувствуешь, я знаю! Ты быстро учишься, парень... Ну, теперь ты понял, на что может подвигнуть смертного дыхание Митры? Что может творить владеющий Силой? — Старик вытянул руку, указывая на блестящую полосу, что уходила к горизонту.

— Может разрушить крепость... сжечь город... — прошептал Конан, будто зачарованный.

— Десять городов, если призвать на помощь все это воинство, — наставник повернулся и плавным жестом обвел теснившийся перед ними строй дубов. — Для тебя, однако, подобное еще недостижимо; ты должен научиться концентрировать собственную эманацию и принимать помощь хотя бы от одного дерева.

Он вновь двинулся по тропинке, что извивалась по всему саду, от родника и озера на западном конце до железного дерева на восточном. Конан шел следом за наставником, отступив на шаг.

— Итак, запомни: дуб даст тебе Силу, сосна оттянет ее избыток, яблоня разравнивает, распределит меж членов тела, погрузит в покой... Яблоня — доброе дерево, самое доброе среди всех... запомни это, Секира... поднять холодную сталь на яблоню — все равно, что зарубить младенца... яблони должны умирать сами, как люди... от старости, бури или небесного гнева...

Наставник еще что-то пробормотал себе под нос, но Конан не расслышал. Они поднялись на яблоневый холм и шли теперь мимо фруктовых деревьев, что росли на самой вершине. Старик махнул на них рукой.

— Эти все лезут, посылая целительную Силу в определенные места... Персик собирает ее в груди, абрикос и слива — в животе, фиги в горле; виноград же излечивает тех, кто страдает бессилием.

— А огромные деревья из-за моря? — Конан повернул голову к озерцу, над которым возносились гигантские колонны секвайн.

— О, они любимцы Митры! Если встать между ними в ясный полдень или звездную ночь, можно услышать не

только дыхание, но и голос пресветлого бога! Однако я редко хожу к ним... лишь когда Он велит...

— Он? — прошептал киммериец. — Ты хочешь сказать, Учитель...

— Да. Что тут удивительного? Каждый может говорить с богом, и не только мне Митра шлет свои повеления. Одни выслушивают их у алтарей, другие — во сне... а я — тут, рядом с дубом у своей пещеры или около Небесных Стражей... Место не хуже прочих, а?

Конан покачал головой.

— Не думаю, что те, кто бездельничает в храмах и бьет поклоны у алтарей, в самом деле устаиваются милости Митры. Эти ублюдки наложили бы в штаны от страха, услышав голос Светозарного! Пожалуй, Учитель, ты — единственный человек, с которым Митре есть о чем поговорить!

— Хмм... единственный... Это было бы печально, Секира! Тем более, что вряд ли я принадлежу к человеческому роду. Слишком много прошло времени... слишком много... и я наполовину уже там... — Старик поднял глаза к небу, и на лицо его легла печать умиротворения и тихой грусти.

Покинув сад, они начали подниматься по лестнице, что вела к пещере и на тренировочную площадку. Наставник больше не произнес ни слова; молчал и Конан, размышляя над странной обмолвкой своего Учителя.

Глава 17. Постигжение

Тот день запомнился Конану надолго.

Утром он, как всегда, почистил овощи, уже без удивления отметив гигантские размеры моркови и свеклы; что касается капустных кочанов, то ими, пожалуй, можно было бы заряжать катапульты. Странно, но теперь, по прошествии полной луны, ему совсем не хотелось ни мяса, ни вина; вкус овощной похлебки и сладковатых лепешек из плодов хлебного дерева сделался привычным и уже не пробуждал тоску по жаркому. Впрочем, Конану было известно, что мясо, вино и прочие радости жизни не находились под запретом для Учеников — они странствовали в миру и принимали все, чем мир мог одарить их, от чаши хмельного до женских объятий. Членство в незримом ордене слуг Митры не требовало аскезы или

нарочитого отказа от плотских удовольствий; во всяком случае, это каждый решал сам для себя — так, Рагар предпочитал умеренность в еде, а Маленький Брат, веселый бритунец, любил поесть и выпить. Ученики были разными людьми и, кроме тайн Великого Искусства, их объединяли только две вещи: служение Митре и обет не совершать напрасных убийств.

Итак, в то утро Конан набрал в котелок воды, бросил в него нарезанные овощи и повесил к треножнику над чистыми камнями очага. Выпрямившись, он собирался уже отступить в сторону, освободив место для Учителя, который вызывал огонь, но вдруг сильная сухая ладонь старца легла на его плечо. Он снова присел перед котлом, вывернув шею и глядя на своего наставника снизу вверх; тот имел вид торжественный и странный — пожалуй даже, праздничный.

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга: взгляд янтарно-золотистых зрачков все глубже проникал в синие глаза киммерийца, пока тот не моргнул в недоумении.

— Готов? — спросил Учитель, и Конан снова моргнул, все еще не понимая, чего хочет старец. Но тут рука наставника повелительно протянулась к очагу, и он сообразил, что его ждет.

Этот молчаливый приказ не вызвал у Конана удивления, ибо в последние дни чувство нерасторжимой связи с астральными потоками все усиливалось и крепло. Теперь, во время долгих своих медитаций, он начал ощущать не только нисходившие с небес волны тепла, но и невидимую энергию, источаемую деревьями, травами, водой и камнями — верный признак того, что дар великого Митры прорастает в плодородной почве. Иногда вибрации астрала заставляли трепетать каждый его волосок, каждую мышцу; плоть изнемогала под бременем сладкой тяжести, и Конану казалось, что еще немного, и что-то мощное, стремительное, ослепляющее вырвется наружу, покинет его тело, умчится в пространство...

Глубоко вздохнув, он повернулся к очагу, расставив руки привычным уже движением: ладони словно бы превратились в две неглубокие чаши, направленные друг к другу, пальцы плотно сжались, расслабленные мышцы ловили первые признаки тепла.

Знакомое покалывание в висках, потом — жаркий вал, накативший с затылка... Он успел мысленно оседлать это неистовое течение; теперь он как бы мчался на гребне огромной волны, странным образом направляя ее своим желанием — туда, к ладоням, к пальцам, к двум чашам из живой плоти! Он чувствовал, как Сила струится вниз, раздваиваясь меж ключицами; он проследил оба потока, что нисходили по предплечьям к локтям и, плавно огибая их, устремлялись в кисти. Словно речные воды, мелькнуло в голове; да, словно речные воды, заполняющие каналы, рвы и совсем мелкие канавки...

Он ощутил тепло в ладонях, в кончиках пальцев; спустя мгновение кожу стало жечь, и это чувство было новым — раньше он не подходил к опасному пределу, когда скопившуюся в теле эманацию требовалось непременно извергнуть в пространство. Теперь дороги назад не было.

— Давай! — раздался резкий голос Учителя. — Давай, Секира!

«Рази!» — послышалось ему; и Конан с хриплым яростным стоном изверг два огненных острия, два синеватых полупрозрачных лезвия, стремительных и смертоносных, как стальные клинки. Они сшиблись друг с другом, оторвались от его ладоней, закружились, слились, вспыхнули, источая пламенный жар... Поспешно убрав руки, киммериец откинулся назад, расширенными глазами уставившись в очаг — туда, где под днищем бронзового котелка повисла сияющая сфера. Шарик этот казался крохотным солнцем, струившим потоки света и тепла, и камни рядом с ним стали наливать багровым.

— Ты не поскупился, — заметил наставник и прищелкнул пальцами — сияние сразу сделалось слабее. — Да, ты не поскупился, Секира! Еще немного, и камни расплавились бы вместе с котлом! — Он поглядел на Конана, в изнеможении сидевшего на полу. — Но я доволен! Омм-аэль! Великий щедро отпустил тебе свои дары, и ты отдаешь их с той же щедростью! Но не всегда это полезно... ты можешь низвергнуть замок нечестивых, прибежище Зла, или сварить похлебку... и каждое дело требует ровно столько Силы, сколько нужно для его исполнения, не меньше, но и не больше. — Прикоснувшись к плечу Конана, он поинтересовался: — Сумеешь встать? Ноги держат?

Киммериец поднялся. Ноги держали его, но плохо; несколько мгновений он стоял, покачиваясь, борясь с подступившим головокружением.

— Много отдал, — заметил Учитель. — Но ты ведь знаешь, где взять? А, парень?

Полузакрыв глаза, Конан сделал глубокий вдох, пытаясь вызвать знакомое покалывание в висках. Оно пришло почти мгновенно; затем теплая ласковая волна прокатилась по всему телу, смывая утомление и слабость. Немигающие глаза под темными бровями, распластанными, словно крылья хищной птицы, смотрели на него. Видно, наставник остался доволен; его маленький крепкий кулак подтолкнул киммерийца к выходу.

— Пойдем! Пусть варево кипит в котле, мы же займемся кое-чем полезным.

— Да, отец мой.

Они покинули пещеру, подошли к огромному дереву, что росло у стрельчатой арки; старец, опустившись на скамью, велел Конану встать поодаль.

— Не чувствуешь усталости или тревоги?

— Нет, Учитель.

— Смотри! А то можем прогуляться к яблоням.

— Кром! Со мной все в порядке!

Против обыкновения наставник не принялся выговаривать ему, словно не услышал имени киммерийского бога. Чуть раздвинув ладони, он сотворил голубоватую сферу, небольшой шарик размером с куриное яйцо; затем вытянул руку к Конану, баюкая в ней крохотную искру Силы.

— Можешь повторить?

— Попробую, Учитель.

Между расставленными ладонями Конана тоже вспыхнул тусклый шар, почти не источавший жара — только приятное тепло, словно нагретый на солнце камешек. Старец кивнул.

— Хорошо. Я вижу, ты способен соразмерять усилие с желаемым результатом... А теперь — гляди!

Внезапно шарик в ладони Учителя дрогнул и отправился в путь. Маленькая голубоватая сфера прокатилась от ладони к плечу, потом — вокруг шеи и к другой ладони; вернулась, угнездившись в ямке над левой ключицей, поползла вниз по груди и животу к ноге, застыла на кончиках пальцев. Старец соединил ступни, и шарик,

перебравшись на правую ногу, двинулся вверх, поднялся на плечо, переполз на предплечье и, словно прирученный жук-светлячок, покорно возвратился на ладонь. Конан, чуть прищурив глаза, следил за этим путешествием.

— Теперь ты, — велел наставник. — Прикоснись к нему мыслью и заставь прогуляться.

Шарик в огромной руке киммерийца затрепетал, дернулся и медленно пополз по смуглой коже, то взбираясь на горные хребты могучих мышц, то спускаясь в долины и ущелья меж ними. Движения его, вначале неуверенные и неровные, становились все более плавными, и Конан, даже закрыв глаза, мог следить за странствиями маленькой сферы — кожу под ней слегка пощипывало и опаяло теплом. Наконец он вернул свою искорку Силы в ладонь и вопросительно посмотрел на Учителя.

— Преврати ее в стрелу, — сказал тот. — Сделай это одновременно со мной.

Две руки вытянулись в сторону каменной скамьи, две крошечные молнии, сверкнув синим, ударили в нее. Конан, шагнув к базальтовому блоку, опустился на колени, напряг глаза, но на полированной темной поверхности не было заметно ничего — ни щербинки, ни трещины. Камень без следов отразил удар, ничтожный и слабый, как комариный укус.

Старик поднялся, потрепал Конама по плечу.

— Ничего, киммериец! Когда ты впервые взял в руки меч, то навряд ли сумел расколоть толстое полено, а? — Он подтолкнул ученика ко входу в пещеру. — Идем. Похлебка, должно быть, уже сварилась.

* * *

Они сидели на плоских каменных глыбах у ручья, струившего хрустальные воды в маленький пруд. День угасал; на западе солнце неторопливо опускалось к горизонту, окрасив небо темно-синим лазуритом — такого же глубокого цвета, как зрачки Конана; на востоке негромко шумел ветвями сад, уже темный и загадочный, как джунгли Кхитая. За ручьем, напротив Учителя и ученика, тянулись вверх чудовищные живые колонны секвайн; казалось, Стражи Неба застыли в нетерпеливом ожидании, мечтая поцеловать звезды тысячами листьев-губ.

— Чувствуешь? — нарушив молчание, старец повернулся в сторону сада.

— Чувствую, — шепнул Конан.

От зеленого оазиса тянулись тонкие дрожащие нити, робко гладили кожу, незримо пальцами массировали плечи. Он умел уже различать ласковое прикосновение яблонь, мощный ток Силы, что шел от буков и дубов, и обратное течение, струившееся к соснам, кипарисам и слям; сосредоточившись, можно было различить некую мелодию, в которой каждое дерево и каждая травинка звучали в согласии друг с другом на фоне мерного гула небес, похожего на океанский прибой.

— Все связано со всем, — Учитель плавно повел рукой, словно обнимая и медленно тускневшее небо, и недвижные пески пустыни, и горы, чьи пики возносились на севере, и свой сад, и весь мир, все Мироздание, покоившееся на плечах гигантов. — Все связано со всем в круговращении времен, — медленно повторил он. — Боги и люди, вода и твердь, деревья и травы, рыбы и звери, огонь и лед, и даже камни...

— Камни? — переспросил Конан. — Такие, как этот? — Его ладонь коснулась шероховатой поверхности базальтового валуна.

— Такие, как этот, и другие, Секира. Совершенные камни, являющие свою красоту человеческим глазам. Омм-аэль! Каждый из них — талисман, хранящий частицу света, коим Великий ежедневно благодетельствует землю.

— А! Ты говоришь о драгоценностях? Об огненных рубинах и сияющих алмазах, о зеленых изумрудах и аметистах цвета морской волны, о сапфирах, синих, как небо на закате, о золотых топазах и кроваво-красных гранатах? Я не ошибся, отец мой?

По губам Учителя скользнула слабая улыбка.

— Я вижу, ты неплохо разбираешься в самоцветах, парень.

— Еще бы! Эти камни легки весом, дороги ценой... Но в любой стране, от Побережья Пиктов до Кхитая, их можно обратить в золото и серебро, в добрый меч, теплый плащ и быстрого коня.

— В золото и серебро... — старец покачал головой. — Возможно, возможно... Но ты должен знать, Секира, что не каждому из них найдется достойная цена в золоте и серебре — ибо есть камни и есть Камни!

Он явно выделил последнее слово и вдруг смолк, не то размышляя, что и как рассказать ученику, не то сомневаясь, стоит ли вообще продолжать рассказ. Конан, затаив дыхание, ждал. Самоцветы, таинственные и манящие слезы земных недр, всегда интересовали его; и киммерийцу было известно, что встречаются среди них непростые камни.

— Совершенный кристалл — тот, что способен накапливать силу, — задумчиво произнес Учитель. — Иногда магическую, иногда божественную, благотворительную, безразличную или злую... так же, как мы с тобой собираем Силу Митры... Но есть и разница, — он устремил немигающий взгляд на солнечный диск, уже коснувшийся горизонта. — Да, есть и разница...

— Какая же, отец мой?

Янтарные глаза старца затуманились.

— Человеку на земле отведен недолгий срок, Секира... камень куда долговечнее... Представь, что некто умелый и знающий вдохнул в него колдовскую мощь в давние-давние времена; представь, что этот кристалл переходил из одних искусных рук в другие, и каждый из его хозяев добавлял что-то свое, накладывал новые чары... Понимаешь? Год от года, век от века! Проходит время — бездна времени! — и красивый камешек, пустая побрякушка, превращается в великий талисман. Тот же, кто им владеет, способен вершить свою волю над странами и народами — иногда наперекор богам!

Киммериец кивнул. Подобные талисманы — может быть, не самые могущественные из существующих в подлунном мире, но наделенные тайной властью над судьбами и обстоятельствами — ему встречались. Он знал, что камни эти не были сами по себе средоточием зла или добра; такими их делали люди, ибо черный маг, владеющий талисманом, стремился поработить человеческие души, а белый использовал его во благо, обороняя и исцеляя. Но сам камень оставался холоден и безразличен — и в том, кроме неподвластности времени, заключалось еще одно его отличие от человека.

Конан высказал эту мысль наставнику, и тот довольно усмехнулся.

— Ты прав, парень! Запомни же то, что ты сейчас сказал! И если в твоей власти окажется талисман великой силы, не обращай его во зло!

— Случалось мне находить волшебные амулеты, — заметил киммериец, пожав плечами, — но все они ускользали от меня, словно вода меж пальцев. Ведь я не маг! Но, быть может, то, чему ты меня научил, поможет в следующий раз справиться с таким камешком?

— С камешком! — старик приподнял бровь. — Будь почтителен, Секира! Есть камешки, что могут поколебать мир! Сердце Аримана, к примеру!

Конан покачал головой.

— Никогда не слышал о нем, Учитель.

— Еще услышишь... и не только услышишь... — На миг старец прикрыл глаза, всматриваясь в туман грядущего; уже знакомая картина мелькнула перед ним — высокий черноволосый мужчина в короне, с огненным самоцветом в руках. Камень пылал, рассыпая яркие искры, и в их кроваво-красных отблесках лицо человека казалось еще более грозным, суровым и величественным. Омм-аэлы! — привычное восклицание едва не сорвалось с губ наставника. Этот великий король, будущий владыка прекраснейшей из стран мира, сидел рядом с ним, опустив могучие руки на колени, всматриваясь в багровый диск заходящего солнца. Там, на западе, простиралась его держава, там сверкал его трон, там высились его города и замки, там ждали его верные рыцари... Но не сейчас, еще не сейчас! Этому варвару предстояло многое пережить и многое познать, прежде чем бог доверит ему бремя власти... И лучше, если он не будет догадываться о предначертанном судьбой...

Киммериец кашлянул, прервав размышления Учителя.

— Прости, отец мой, хочу спросить... Бывало ли так, что Митра направлял своих слуг против черных магов, владеющих великими талисманами, о которых ты говорил?

— О том мне неизвестно, — произнес старец, и в голосе его Конан уловил оттенок сожаления. — О том мне неизвестно, ибо ученики уходят от меня, и я не знаю их путей... Но, думаю, по воле Пресветлого им приходится вступать в бой и с теми, о ком ты сказал.

— Могущество таких чародеев очень велико...

— Да! Но и Сила Митры беспредельна! Зачерпни ее столько, сколько нужно для победы, победи и...

— ...умри, — закончил Конан. — Сила Митры беспредельна, Учитель, но ты сам говорил, что человек, даже

обученный тобой, может принять лишь малую ее частицу. Взяв больше, он сгорит.

— Собираешься жить вечно, Секира? — Учитель усмехнулся. — Поверь, это еще никому не удавалось! И вспомни об Утесе, о его гибели! Он умер, но победил!

Наступило молчание. Странное чувство охватило Конана; на миг он ощутил себя оружием Судьбы, разящим клинком в руках бога. Возможно, он и в самом деле должен распрощаться с мечтами о власти, о могуществе, о славе? О том, ради чего он добрался сюда, на край мира? Возможно, он обязан вступить в это странное братство воинов-скитальцев, посвятивших себя богу? Как и они, странствовать по свету, поддерживать Великое Равновесие, о коем толковал Учитель, исполнять волю Митры? Усмирять демонов, сражаться с нечистью, не требуя взамен ни золота, ни благодарности, ни почета? И пасть где-нибудь в далекой стране, спалив свою плоть в жарком дыхании астрала? Так, как сгорел Рагар?

Он стиснул огромные кулаки. Нет, такое его не устраивало! Он не желал становиться игрушкой в руках богов — даже величайшего бога и даже во имя самых благих целей! Превыше всего он ценил свободу; и тем умением, которым ему довелось овладеть тут, он распорядится так, как пожелает, по собственной воле, а не по приказу Митры!

Конечно, были еще и обеты, принятые им — плата за обучение, как сказал наставник. Митра повелевает, ученик должен исполнять... Что там еще? Великий бог дает ему Силу... ученик — Его оружие; он — гиря, которую бог бросает в чашу, чтобы поддержать Равновесие... Ученик может убивать, защищаясь или защищая других — тех, кто нуждается в помощи и покровительстве. Однако и в том надо знать меру: не трогать бегущего, шадить того, кто просит пощады, не поднимать руки на сдавшегося, сохранить жизнь раскаявшемуся... А главное — помнить, что бог взвешивает и судит каждое деяние своего слуги! Он добр, он милостив, но не простит отступника, нарушившего клятву!

Ладно, решил Конан, с божественным гневом он как-нибудь разберется. Главное, ему удалось добиться своего — молнии, вылетающие из его рук подобно разящим огненным стрелам, с каждым днем были все дальше, и под их ударами плавился камень и песок. Вряд ли ког-

да-нибудь он превзойдет Учителя в этом искусстве и сможет послать струю пламени на десять тысяч шагов, но того, что он уже знал и умел, хватит, чтобы сокрушить ворота любой крепости и привести ее гарнизон в ужас. Вполне достаточно, чтобы царский престол свалился ему в руки, как спелое яблоко! А там... там он приступит к искоренению Зла — но в собственной своей державе! На таких условиях он был готов служить Митре и выполнять обеты Ученика.

Однако же в делах с учениками не все казалось ему ясным, а кое-что выглядело странным и даже подозрительным. Наставник обучал их; бог делился со своими бойцами частицей Астральной Силы и посылал в сражение... Омм-азь! Хорошо! Но разве у Митры не было иных способов вершить свою волю? Он мог делать это сам; а если по какой-то причине желал использовать смертных, то к его услугам была целая армия жрецов и чародеев; несомненно, с божественной помощью они сумели бы совладать со всеми черными магами Стигии, Кхитая и Гипербора.

Конан снова прочистил горло и покосился на Учителя. Тот сидел в задумчивости или просто наслаждался вечерним покоем; брови его, обычно чуть изломанные посередине, расправились, распрямились — видно, коршуны парил сейчас в неведомых даях, не высматривая добычи, не плеща в воздухе крыльями. Взгляд ученика однако был замечен, и старец кивнул головой.

— Хочешь еще спросить, Секира?

— Да, отец мой.

— Спрашивай.

Жестом, ставшим уже привычным, киммериец сложил ладони перед грудью, вызвал крохотный сияющий шарик, потом протянул руку вверх, к небесам, на которых начали загораться первые звезды. Синевагая призрачная стрела сорвалась с его пальцев и исчезла; искорка Силы вернулась в беспредельный океан, что мигновением раньше породил ее.

— Митра даровал нам это, Учитель, сделав своими бойцами, — тихо произнес Конан. — Но почему ему угодно было избрать воинов? Воинов, а не магов? Маги и мудрецы не хуже нас распорядились бы таким даром... и, к тому же, они владеют силой заклятий и чар...

Учитель хмыкнул, и брови его вдруг надломились, словно хищная птица ринулась в полет.

— Ты сам дал ответ на свой вопрос, парень — и дал его дважды. Понимаешь?

— Не понимаю, — Конан встряхнул своей темной гривой.

— Смотри же — ты спросил, почему Митре угодно было избрать воинов? И в словах этих первый ответ: так было угодно Ему! Нам ли гадать о намерениях бога?

Киммериец усмехнулся.

— Похоже, наставник, ты как раз этим и собираешься заняться. Что там насчет второго ответа?

На губах Учителя тоже появилась улыбка.

— Да, ты прав, Секира. Люди устроены так, что всегда пытаются доискаться до истины... тем более, что здесь она видна столь же ясно, как галька на дне этого ручья. И я не составляю исключения... — Он помолчал, затем снова улыбнулся. — Думаю, пресветлый Митра избрал нас во имя Великого Равновесия. Ты верно сказал — колдуны владеют силой заклятий и чар... Так стоит ли давать им еще большее могущество? Даже белым магам, склонным к добру? Сегодня они белые, завтра, ощутив свою силу, станут серыми, а там, возгордившись и не встречая сопротивления, превратятся в черных... Нет, Податель Жизни поступил с большой мудростью, распределив свои дары меж людей! Одним — частица его Силы, другим — заклятья и чары!

— А камни? Совершенные камни, о которых ты говорил? Могущественные талисманы, что могут очутиться в злых руках?

— Их век долог, но, к счастью, они редко появляются на свет. Нас, слуг Митры, больше, гораздо больше, так что мы можем приглядеть за ними... И в этом тоже наша сила, киммериец.

* * *

Конан стоял на арене обнаженный, в одной набедренной повязке и легких сандалиях; мечи Рагара, разбрасывая серебристые искры, вращались в его руках. Свежий ветерок играл волосами киммерийца, их длинные плотные пряди то змеились по его плечам, то взмывали вверх, окружая голову темным ореолом. Было позднее утро; солнечные лучи косо скользили над садом, над площад-

кой, прилепившейся к пещере, и этим ристалищем, окруженным столбами и рвами.

— Довольно, Секира! — Наставник взмахнул рукой, и клинки замерли, словно две гибкие змеи: правый выставлен вверх и вперед, левый опущен к бедру. Старец довольно хмыкнул и, оглядев своего ученика, заявил: — Сегодня устроим небольшой поединок.

— Мои мечи против твоей трости? — Конан ухмыльнулся. В последнее время старцу часто приходилось заменять свое деревянное оружие — ученик вошел в силу, и клинки в его руках стали двигаться вдвое быстрее, чем раньше.

— Нет, я выставлю против тебя настоящего бойца, — немигающие глаза Учителя сверкнули. — Великого воина, не хуже, чем ты сам!

Конан бросил взгляд на равнину, калившую свои пески под жарким солнцем. Среди застывших барханов не замечалось никакого движения.

— Мы ждем кого-то, отец мой? Врага или одного из твоих учеников?

Голова старца качнулась в отрицании.

— Врагам сюда забредать небезопасно, а ученики не сражаются друг с другом, — произнес он. — Я выбрал тебе другого противника. Смотри!

Руки его задвигались, странно изгибаясь, и налетевший неведомо откуда вихрь взметнул песок. Желтая колонна поднялась перед Конаном; внутри нее проскакивали яркие искры и сполохи, словно скреплявшие воедино непрочную и сыпучую плоть. Затем огни погасли, песок побледнел, уплотнился и вдруг с тихим шелестом опал на арену — подобно занавесу из плотной белоснежной кисеи, скрывавшему мраморное изваяние.

Оно походило и, в то же время, не походило на человека. Могучие плечи, мощная грудь, руки с двумя сверкающими клинками, пластины мышц, бугрившиеся на спине и животе... В первый момент Конану почудилось, что он видит свое отражение. Однако незнакомец, вызванный таинственным искусством Учителя, оказался бледнокожим и беловолосым, словно лишенным красок жизни; а главное — у него не было лица! Ни глаз, ни носа, ни бровей, ни губ — одна белая равнодушная маска, обрамленная снежными потоками волос! Выглядело это не

слишком приятно, и Конан, не меняя боевой стойки, сплюнул на песок.

Его Учитель, протянув руку, похлопал статую по плечу.

— Голем! Вот с ним ты и будешь биться. Да учти, что он драчун не из последних!

Старец обошел вокруг мраморного изваяния, тыкая его крепким кулаком то в ребра, то в живот, будто проверяя на прочность.

— Ну, — он повернулся к киммерийцу, — лицо можешь придумать ему сам. Надеюсь, у тебя есть враги, с коими ты хотел бы скрестить оружие?

Несколько мгновений Конан разглядывал равнодушную белую маску, торчавшую над широкими плечами. Разумеется, у него были враги — бы ли и, ибо они не заживались слишком надолго. Врагов он убивал и не старался сохранить в памяти их лица — возможно потому, что это оказалось бы нелегким и зряшным трудом. Их было так много! Пожалуй, ему удалось бы припомнить кое-кого, но зачем? Мертвый враг — уже не враг, и ни к чему рядить этого бледнокожего монстра в обличье побежденного!

— Если я должен биться с ним, — меч Конана качнулся в сторону застывшей на ристалище фигуры, — пусть он останется безымянной тварью без лица.

— Ты думаешь, так будет лучше?

— Да, Учитель. Мои враги мертвы, и не стоит тревожить их тени.

Хмыкнув, старик пожал плечами и попятился к краю ристалища.

— Как хочешь. Ты только усложнил свою задачу — ведь ты не сможешь следить за его глазами.

— Я буду смотреть на его клинки.

— Ну что ж... Ты готов?

Конан кивнул, и мраморная кукла перед ним ожила.

Звонко лязгнула сталь, лезвия мечей протяжно заскрежетали, застонали, как смертельно раненные звери, что выискивают, куда нанести последний удар клыка... Две фигуры, цвета бронзы и цвета мрамора, метались по арене, играя серебристым сиянием; оно вспыхивало меж ними, мерцало в лучах солнца, разбрасывая искры, гудело набатным колоколом. Человеческий глаз не смог бы уследить за быстрым полетом клинков, движениями рук, незаметным поворотом кисти; да и лица сражавшихся не

примекли бы внимания ни знатока, ни жадного до крови ротозея. Одно, с твердо сжатыми губами, казалось неподвижным, и лишь зрачки, горевшие синим огнем, оживляли его; другое... Другого просто не было.

Шло время. Два бойца, смуглокожий и бледный, как снега Вапахейма, кружились в стремительном танце; два вихря, неразличимых человеческим взглядом... Учитель, однако, смотрел с интересом и видел все.

Его питомец защищал свою жизнь.

С первого касания клинков Конану стало ясно, что поединок сей — проверка, а не игра. Смертельная проверка! Успеет ли наставник остановить выпад, нацеленный ему в горло или в сердце? Да и захочет ли? Ученики должны побеждать или умирать; тут не было иного выбора.

Тварь, с которой он обменивался яростными ударами, была быстрой, как всплеск молнии. Нечеловечески стремительной! Прежде ему не удалось бы справиться с таким темпом; но теперь поток Силы, падавший сверху, с небес, поддерживал его, а клинки Рагара, раскрывшись двумя стальными веерами, хранили от ран. От серьезных ран, но не от царапин, которых было уже получено немало.

Правда, и он дважды поразил плоть бледнокожего безглазого монстра: первый раз — пробив его защиту мощным ударом наискосок, от правого плеча к бедру, и второй — коварным выпадом из-за спины, после ложной атаки. Жидкость, сочившаяся из этих порезов, не походила на кровь; она была густой и желтоватой, точно сосновая смола. Киммериец не знал, насколько чувствителен его противник к таким ранениям и можно ли рассчитывать на то, что он ослабеет. Пока бледнокожий не вызывал признаков усталости; Конан, впрочем, тоже.

Удар, отбив, шаг в сторону... Правый клинок идет вверх, левый — прямо от бедра, в грудь голема... Выпад, обманный финт, лязг металла... Сверкающая полоса проносится над головой, срезая прядь волос...

Бледнокожий казался неустойчивым. И он превосходно владел оружием! Он бил из любого положения, с левой и правой руки, с поразительной точностью посылая меч в любую уязвимую точку тела. На плечах Конана багровели царапины, кровь сочилась из ранки в бедре, алыми точками пятная песок; клинки противника серебристыми всполохами мелькали перед глазами. Парируя атаки без-

глазой твари, он, словно в танце, провел голема по кругу — раз, другой, третий. Потом ему стало некогда считать.

Выпад, еще один! Прыжок! Оба клинка идут вперед словно бивни нападающего слона, сверкающий веер раскрывается перед ними... Удар! Лезвие звенит, обрушившись на подставленный эфес...

Отбив очередную атаку, Конан стремительным нырком ушел в сторону, затем резко выпрямился. В следующий момент его меч грохнул о клинок монстра, скользнул вдоль лезвия, эмеей метнулся к горлу; выпад был опасен, почти неотразим, и противник, похоже, это понял. Защищаясь, он подставил рукоять второго меча, чтобы ослабить удар — и киммериец, торжествуя взревев, пнул врага в колено. Голем отпрянул, приоткрывая бок.

Укол! Прямо под ребра, в желудок и печень! Быстро дернув меч на себя, Конан не сомневался, что лезвие вышло на ладонь из спины бледнокожей твари. После такой раны дорога одна — на Серые Равнины, в царство Нергала... Он высоко занес клинки, готовясь добить противника.

Сталь лязгнула о сталь.

Возможно, душа человека уже отлетела бы в небытие, а плоть его, пронзенная насквозь, корчилась на земле в последних конвульсиях, но это безглазое чудище не было человеком. Монстр снова шел в атаку, и мечи его свистели в опасной близости от лица Конана. Похоже, смертельная рана лишь раззадорила его.

Удар, обманный финт, прыжок... Теплый воздух овеял щеку... Острая боль в бедре — вторая царапина алеет рядом с первой... Капает кровь... Сконцентрироваться, закрыть ранку... Не время! Сила течет с небес, омывает мышцы, вливается в клинки... Они полыхают, как два колдовских факела...

В какой-то миг Конан понял, что колющие удары не дадут ничего. Ему противостояла кукла, а не человек; он мог поразить бледнокожего в сердце или печень — вернее, в те места, где полагалось находиться сердцу или печени — и все же проиграть. Тут требовалось нечто иное...

Упав, он быстро перекатился по песку, вытягивая вперед руки; кончики лезвий чиркнули по левой лодыжке голема. Тот пошатнулся.

— Кром!

Киммериец был уже на ногах, и его боевой клич заставил дрогнуть воздух над ареной. Клинки Рагара взлетели и ринулись вниз, неотразимые, как молнии Митры; раздался тупой звук, словно сталь врезалась в дерево. Левый меч лишь задел ребра безглазого, правый же опустился прямо на его плечо, рассекая неподатливую плоть, прочную, как ветвь дуба.

Конан с гневным рычанием замахнулся снова. Одна рука голема валялась на земле, но он, видно, не собирался сдаваться; приволакивая ногу, монстр даже сделал шаг вперед. Но тут клинок киммерийца с размаху врезался в страшное безглазое лицо, раскромсав его от лба до шеи, а в следующий миг победитель внезапно ощутил, что меч его не встречает сопротивления. Где-то за спиной раздался резкий хлопок в ладоши; затем мраморная фигура как бы осела, стекла вниз и с едва слышным шорохом исчезла. Перед Конаном высились лишь куча песка.

— Неплохо! — подошедший сзади Учитель похлопал его по плечу. — Ты неплохо бился, Секира... Вот только зачем кричал?

Киммериец смахнул пот со лба.

— Привычка, наставник. Люди моего племени ревут и воют, когда сражаются, да и все другие тоже. Воин всегда шлет проклятья врагу — и побеждая, и умирая.

— Лучше забудь об этом, парень. Тот, кто вопит во время боя, зря теряет дыхание; тот, кто злится, обречен на поражение... И ты теперь не разбойник-варвар, а слуга Митры, коему пристало исполнять Его повеления без ярости и гнева.

Склонив голову к плечу, старик устался на грудку песка, словно коршун на добычу, потом ткнул ее босой ногой.

— Ну, ты понял, с кем скрестил мечи?

— С великим воином, как ты и говорил, — Конан усмехнулся и в свою очередь ткнул песок. — С таким же, как я сам.

— Верно! Он ничем не уступал тебе, и все же ты победил. Победил самого себя! Ты доволен?

— Да, Учитель.

— Это хорошо. Если ты доволен, значит сердце твое спокойно. — Покачав головой, наставник провел ладонью по плечам Конана, и его раны стали закрываться. — В каждом человеке, Секира, доброе бьется со злым, и по-

беждает то одно, то другое. Как и во всем мире, понимаешь? — продолжал он. — Нельзя искоренить зло, ибо чем станет без него добро? Может быть, еще большим злом? Того не ведают никто, даже светозарный Митра... А посему стремится Он не уничтожить зло, но лишь установить Равновесие... Равновесие между тьмой и светом, ночью и днем, водами и твердью, печалью и радостями... И ты, Его боец, Его слуга, должен хранить Равновесие в собственной душе. Не становись злым, сын мой, и не становись добрым; будь справедлив и верен долгу.

Помолчав, старец обратил немигающий взгляд к жаркому полуденному солнцу и тихо произнес:

— Омм-аэль! Вот тебе мое последнее поучение.

* * *

Привалившись спиной к шершавому древесному стволу, наставник следил за крохотной фигуркой, медленно взбиравшейся по склону бархана. Несмотря на возраст, он обладал орлиным зрением и мог без труда разглядеть темноволосую голову и широкие плечи карабравшегося вверх человека, мечи, закрепленные на его спине, да увесистый тюк, что висел меж ними. Впрочем, даже с закрытыми глазами он не потерял бы связь с этим шагавшим на юг путником; ниточка Силы, соединявшая их, будет тянуться еще долго, два или три дневных перехода — возможно, и все четыре.

Вот и уходит его Ученик... Уходит в огромный мир, овладев тем, чего так жаждал, к чему стремился, ради чего принес нерушимый обет... Что сулит ему дар Митры? Радость служения великому богу? Горечь вечных скитаний? Страдания? Победы? Поражение? Гибель?

Не спуская глаз с темной фигурки на вершине бархана, старец задумчиво покачал головой. Как бы то ни было, подумал он, путь этого северного варвара окажется непрост, очень непрост! Туманны грядущие дни и годы, но на нем, на этом киммерийце, без сомнения, почиет взгляд богов! Что было там — в той картине, сложившейся из обрывков и мимолетных видений? Корона... да, корона и сверкающий талисман... Великая власть и великая сила — земная сила! — что позволит сокрушить Зло... Нет, не сокрушить — урезать! Урезать настолько, насколько желает того божественный хранитель Равновесия... Омм-аэль!

Он повернулся и пошел к пещере.

...Прошло восемь или десять дней; может быть, половина луны. В саду наставника, в его пещере и на учебной арене ничего не изменилось; все так же цвели и плодоносили деревья, благоухали травы, и шальной ветер, прилетавший то с пустынных просторов равнины, то с северных гор, доносил запах накаленного солнцем песка или свежие ароматы снегов. Казалось, время не властно над обителью старца; за пределами ее весну сменяло лето, потом наступала осень, за ней — зима, но тут, на трех нависавших друг над другом террасах, все оставалось прежним. Волею Митры сей уголок на краю мира не ведал холодов и зноя, бурь и снегопадов, ледящих зимних ветров и жарких ураганов пустыни. Лишь изредка, раз в десять-двенадцать дней, по ночам выпадали дожди — теплые, прозрачные, ласковые.

Досуг свой наставник посвящал медитации — как обычно, когда не было учеников. Заботы по хозяйству его не тяготили; ел старец немного, и приготовление лепешек и овощной похлебки не занимало много времени, а мед, орехи и фрукты он мог собрать и того быстрее. Трапезовал же Учитель дважды в день, на восходе и закате солнца, в светлые часы не прикасаясь ни к пище, ни к питью.

Расположившись под дубом, что рос у входа в пещеру, он замирал в неподвижности, прикрыв глаза и размеренно втягивая воздух; спустя несколько мгновений его дыхание делалось едва слышным, щеки бледнели, брови, похожие на крылья хищной птицы, чуть опускались, затеняя глазные впадины — он расслаблялся, готовясь к соединению с божеством. Теплые солнечные лучи, руки всеблагого Митры, гладили его нагое тело, нежили, ласкали, напоминая, что Податель Жизни не забыл о своем достойном слуге, что путь, предписанный ему в сей земной жизни, остается неизменным и единственно правильным. Постепенно золотистые зрачки старика гасли, разум растворялся в беспредельной ауре могущества и силы, сливаясь с богом, вырастая ввысь подобно дереву, чьи корни питаются земными соками, а ветви омывают астральные течения, вихри и ветра.

То была его особая привилегия, награда за верную службу, воздаяние за труды. Хотя приобщение к миру божественного никогда не являлось совершенным и полным — ибо кто же из смертных способен говорить с

Митрой на равных? — оно неизменно дарило покой и Силу. Новую Силу, что наполняла его разум и плоть; Силу, которую он мог передавать ученикам — по крайней мере, тем из них, кто оказывался в состоянии принять и использовать сей дар.

Митра, однако, наделял своего верного слугу не только частицей божественной мощи; погружаясь в нирвану, Учитель приобщался и к вечности. Он не помнил своего возраста, не ведал, сколько десятилетий или веков пролетело над его обителью; время здесь не значило ничего — или почти ничего. Однако старцу было известно, что он не первый хозяин сих зачарованных мест на краю мира. Тут всегда жил кто-то — кто-то, избранный Митрой для особого служения, кто-то, способный учить и наставлять. Длинная череда этих людей проходила перед старцем; он говорил с ними, он слушал их, черпая уверенность в мысленной беседе с равными, с теми, кто жил на земле до него. Случалось, они толковали с ним о грядущей катастрофе, что изменит лицо мира; случалось, вспоминали былые подвиги, канувшие во мрак тысячелетий; случалось, молчали — но и молчание их одаривало дружеским теплом. Старец не знал, где они и что с ними — восседают ли прежние Учителя, сохранившие свое телесное обличье, по правую руку Митры или же, став частицей Его разума, превратились в некую божественную эманацию, бесплотных духов, чьи голоса были слышны лишь ему одному — одному-единственному на всей земле. Старый наставник не пытался ни разгадать сию загадку, ни говорить о ней с предшественниками; он провидел, что придет время и для этого — когда он присоединится к ним, войдет в их круг, воспарит в астрал, в объятья Владыки Света. Тогда он узнает все; а в пещере над вечно цветущим садом появится новый хозяин — тот из Учеников, кто будет избран Подателем Жизни, как некогда был избран он сам.

Он никогда не задумывался о том, кто сменит его, ибо многие были достойны этой чести — если еще оставались в живых. Ибо новому наставнику в молодые годы полагалось совершить три деяния, пройти три искуса, три проверки на зрелость. Первая выглядела простой — он должен был добраться сюда, на самый край мира, преодолев губительную пустыню. И вторая казалась несложной, ибо включала постижение боевых искусств и аст-

ральной Силы — теми, кто мог принять сей божественный дар. Но третья... Третий искус занимал десятилетия; пора свершений, когда Ученики, направляемые рукой Митры, трудились на благо Великого Равновесия. Правда, не у всех он был столь долгов — случалось, что Ученики погибали, не достигнув зрелости.

Наставник ничего не знал об их судьбе. Он выращивал их словно плоды в своем саду, шлифовал на тренировочной арене как драгоценные самоцветные камни и вкладывал то, что получилось, в ладони всеблагого бога; бог же вел их туда, куда ему было угодно. Омм-азль! Да славится Великий! Он, лишь один Он ведал, когда нужно отразить Зло и где ему не следует чинить помех.

Ибо Пресветлый, коего чтили под именем Митры в странах Запада и под многими иными именами — в бескрайней Гиркании, в далеком Кхитае, Вендии и даже в Черных Королевствах — не являлся божеством Добра. Так считали люди, существа наивные и недалекие, ибо золотой глаз бога каждый день разгонял тьму, утешал и дарил радость, согревал и живых тварей, и злаки в поле, и плодоносящие деревья, и цветы, и земли, и воды. Так полагали и жрецы Митры — почти все, за исключением немногих, с коими воистину говорил бог. Те, как и сам наставник, провидели истинную суть: Митра — хранитель Равновесия между Добром и Злом, между светом и мраком, между счастьем и горем.

Ибо нет доброго без злого, светлого без темного, радостей без печалей! И если уничтожить Зло, то Добро может стать еще большим Злом! Так белый чародей превращается в черного, если не с кем ему бороться и некого защищать...

Омм-азль!

Возвращаясь к реальности, Учитель проводил ладонями по лицу, всматривался немигающими глазами в диск закатного солнца. Потом мысль его устремлялась в пустыню, расстилалась над ней, накрывала, точно волной, на день или два пути; он искал среди барханов крохотную человеческую фигурку, бредущую на север, к горам, всматривал нового своего ученика.

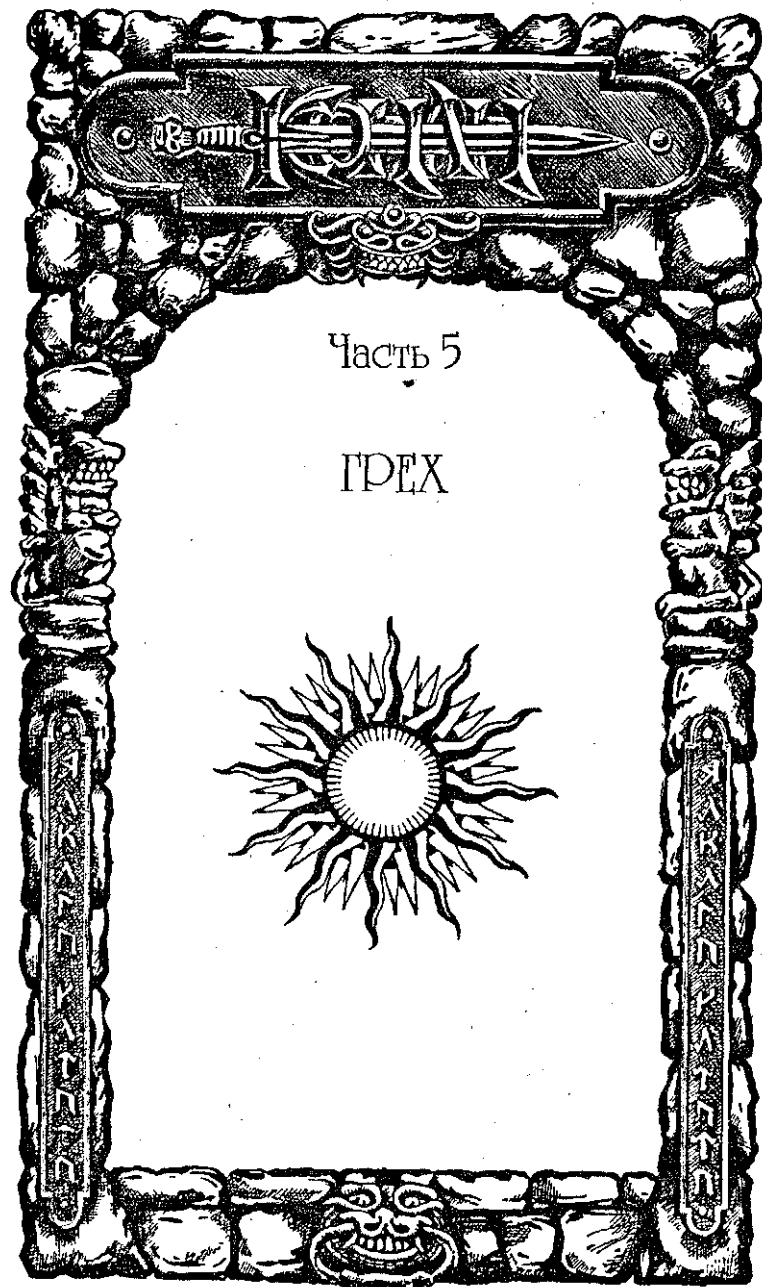
Нет, никого... Значит, и завтра, и послезавтра он будет один... будет по-прежнему вкушать покой, неспешно беседуя с тенью ушедших... впитывая тепло и Силу, коими

бог одаряет своего слугу... протягивая нить разума к астралу... купаясь в потоках бесконечности...

Но в один из дней он вышел из транса, когда солнце еще стояло в зените и тени барханов были коротки, как овечий хвост. Он долго сидел, опустив руки на колени, пытаясь сообразить, что же случилось, что прервало сладкое забвение медитации; потом начал медленно раскачиваться, не спуская взгляда с повисшего в голубом небе светила.

Бог гневался! Определенно гневался! И был готов опустить карающую длань на святотатца — впервые за много веков! Да, впервые, ибо в милосердии своем уничтожал лишь самое черное зло, относясь со снисхождением к человеческому несовершенству и мелким грехам. Но сейчас произошло необычное, небывалое, кошунственное! То, что Митра не мог простить — во всяком случае, сразу...

Кто-то из Учеников нарушил обет, а значит, его ожидали и кара, и искупление. И бог пожелал, чтобы наставнику было известно об этом.

Над плоскогорьем Арим палило солнце. С утра до вечера его безжалостные лучи омывали землю яростным потоком, выжигая травы, заставляя листья немногочисленных деревьев съеживаться, сворачиваться в сухие бурые трубочки, шуршащие под порывами горячего ветра. Ветер срывал их, гнал по растрескавшейся опаленной почве, то подбрасывая в воздух, то швыряя в лица редким путникам, уныло тащившимся по пыльным дорогам Арима, от Селанды на западе до Дамаста на востоке. Эти города-соперники стояли у подножий скал, в местах, вполне пригодных для жизни; наверху же простиралось суровое жаркое плоскогорье. Тут не было ни рек, ни ручьев, ни озер, тут не выпадали дожди, и выпавшее небо круглилось над выжженной землей голубовато-белым куполом, неизменным и равнодушным.

Местность эта, однако, не считалась проклятой Митрой или иным могущественным божеством, ибо здесь, в сухом и жарком климате, росла пальма кохт. Невидное дерево, как ни посмотри: невысокое, с пепельного цвета бугристой корой, сквозь которую пробивались волосистые отростки, с жидкой кроной, что не смогла бы укрыть от солнца даже мышь. Тем не менее, орехи кохта ценились высоко, ибо их отвар придавал шелкам, сукнам и полотняным тканям неповторимый оттенок морской волны. Орехи эти вывозились и в страны Запада, и на юг, в Иранистан и Вендию, но основным их потребителем был Кхитай. Из века в век кохт дарил процветание жителям Селанды и Дамаста; одна пальма могла обеспечить хозяину верный кусок хлеба, три или четыре — прокормить семью, а целая плантация означала богатство. Пальмы кохт росли лишь в землях засушливых и жарких, почти бесплодных, где не выдерживал даже колючий пустынный кустарник санисса, однако и эти стойкие деревья нуждались в воде.

Арим же на воду был скуп. Здесь ее добывали из глубоких колодцев, уходивших вниз, в прокаленную почву, сухую глину и камень на пять, десять и даже пятнадцать длин копья. Из самых глубоких скважин драгоценную влагу поднимали вверх с помощью ворота и ведер, из более мелких — хитроумным устройством, напоминавшим огромный винт. Вода, чистая и холодная, нагревалась в бассейнах, облицованных камнем, потом неторопливо текла в сотнях канавок и арыков, орошая пальмовые

рощи. Деревья кохт никогда не испытывали сильной жажды; им требовалось не так уж много влаги, но поступать она должна была непрерывно и равномерно.

И, чтобы светлые струи никогда не иссякали, сотни быков и мулов день за днем кружились у подъемных ворот, утаптывая копытами почву до каменной твердости. Сотни бессловесных животных — и один человек, такой же бессловесный, как и четвероногие твари.

* * *

Солнце безжалостно жгло нагое тело, оглаживало плечи и спину горячими пальцами огненных лучей, выжимало капли испарины из каждой поры и тут же сушило кожу. Наваливаясь грудью на толстую рукоять ворота, человек мерно переступал босыми ногами, торил свой бесконечный путь вокруг каменного ограждения колодца. Вздвигались и опадали могучие мышцы, темные волосы свешивались на лоб, прикрывая глаза — пустые, с остановившимися зрачками. Они были синими, как летнее небо в час заката, и такими же равнодушно-безмятежными. Казалось, человек спал наяву.

Животные, делившие с ним рабскую участь, помнили. Помнили минувший день, и тот, что предшествовал ему; помнили свои клички, помнили жгучие удары бича, вкус травы и соли, тепло ночи и палящий дневной жар. Человек же не ведал ни о чем, не знал ни имени своего, ни прошлого, не думал о будущем, не сознавал настоящего. Тянулось время, отсчитываемое десятками, сотнями, тысячами шагов; мгновения складывались в дни, дни — в месяцы, месяцы — в годы. Так, во всяком случае, показалось бы тому, кто захотел бы понаблюдать за бесконечным кружением невольника; возможно, ему почудилось бы, что прошла целая вечность. На самом деле минуло лишь две или три полных луны.

Мерно поскрипывал ворот, плескала вода, переливаясь в деревянный желоб, с тихим перезвоном стекала в облицованный камнем бассейн. От него тянулось пять или шесть канавок, тоже в камне — чтобы драгоценная влага не уходила зря в сухую землю. Потом эти арыки ветвились на совсем крошечные и исчезали среди серых древесных стволов; капля за каплей вода просачивалась к корням, даруя пальмам кохт их призрачную и дремотную жизнь. День за днем порывы жаркого ветра трепали

редкие пыльные кроны деревьев, день за днем наливались темными соками гроздь небольших плодов в крепкой кожуре, день за днем солнце струило с небес свои безжалостные лучи, накаляя скудную почву Арима.

Невольник не замечал ничего. Он не воспринимал времени; и чувства его, и разум были погружены в странный полусон, сменявшийся ночами неглубокой дремотой. Ночью ему полагался отдых. Надсмотрщик проложил раба в загон, где теснились мулы и где в одном из углов было отведено ему место; там лежала охапка жестких пальмовых листьев и ждали надтреснутый горшок с водой да миска каши из полупроваренного пшеничного зерна. Равнодушно двигая челюстями, раб поглощал свой жалкий ужин, выпивал воду и, закрыв глаза, валялся ниц.

Он был на диво покорен, и надсмотрщик не боялся этого черноволосого исполина, крепкого и сильного, словно десяток быков. Вначале любой, кто видел его и мог оценить чудовищные мышцы и небывалый для обитателей Дамаста рост, чувствовал невольный страх; однако, понаблюдав за пленником, он пришел бы к заключению, что разума в этом огромном теле не больше, чем у младенца. Возможно, и меньше; подобно младенцу, гигант ел и спал, однако никогда не улыбался и не издавал никаких звуков — хотя бы бессмысленного рычания или стога. Нет, надсмотрщик, низкорослый кривоногий мужчина с сыромятным бичом, уже не испытывал перед ним ужаса; этот раб превратился для него в такую же бессловесную скотину, как мулы и быки.

Ночами невольник плашмя лежал на гряде пальмовых листьев, дыша размеренно и тихо. Иногда — очень редко — он начинал скрипеть зубами; то были единственные звуки, долетавшие до чуткого уха надсмотрщика. Вначале они беспокоили кривоногого, и он, прихвативши бич и крепкую дубинку, отправлялся взглянуть на раба. Но тот явно спал, не притворяясь и не замыслив ни бунта, ни побега; вероятно, такие вещи даже не приходили ему в голову. Ему что-то снится, думал надсмотрщик, неторопливо возвращаясь к своему шалашу; снятся сны о прошлом, о днях, когда этот бессловесный был человеком. Или он и уродился таким? Глыба мышц и крепких костей без проблесков разума? О, лучезарный Матраэль, — размышлял кривоногий, откладывая дубинку и плетя и вновь

умаживаясь на своем ложе, — тяжела длань твоя, когда ты караешь смертного!

Как и все жители Дамаста и Селанды, надсмотрщик считал, что любое уродство является карой Матраэля, великого многоглазого божества. Солнце и луна были его зрачками, золотым и серебряным; но, кроме них, бог озирает землю и множеством глаз поменьше, что загорались каждую ночь на небесах. Он видел все; и, посылая людям благие или зловещие знамения, направлял и предостерегал их. Уже погружаясь в дремоту, кривоногий надсмотрщик подумал о том, не является ли встреча с пленником, скрежетавшим сейчас зубами в темноте, каким-либо предзнаменованием, направленным лично ему. Вряд ли, мелькнула мысль; он всегда почитал Лучезарного и, выполняя свою неприятную работу, старался не проявлять излишней жестокости.

Невольник, распростертый на сухих пальмовых листьях в полусотне шагов от хижины кривоногого, вцепился зубами в руку. Он по-прежнему не открывал глаз, не в силах стряхнуть дурман сонного забытья; сейчас спокойное дневное беспамятство казалось ему блаженством. Он так и не мог вспомнить ничего, но странные картины, плывущие под сомкнутыми веками, терзали раба, словно раскаленные железные прутья, пронзающие мозг.

Скалы... темные, мрачные, в окружении заваленных снегом корявых сосен... Маленькая фигурка перепрыгивает с камня на камень, крадется по лесу, прижимая к груди самострел — небольшой, подходящий для детских рук... Бревенчатая хижина с дырой в крыше, над которой вздымаются клубы черного дыма... Внутри — тепло; там пылает кузнечный горн, и огромный человек в мехах стучит и стучит молотом по наковальне. Полоса стали вытягивается под ударами, ее кончик становится острым, медленно остывает, темнеет... Резкий пронзительный звук напильника; кузнец стачивает кромку, и темная остроконечная полоса постепенно превращается в клинок...

Пламя в ночи, рев боевых рожков, толпы людей в косматых шкурах, поднятые мечи, высокие каменные стены, лестницы... Внезапно всплывает странное слово — Венариум. Венариум? Что это значит? Ничего... по-прежнему ничего... Но стены надвигаются, растут; потом откуда-то выплывает бородастое лицо под налобником шле-

ма — и вдруг опрокидывается назад, перечеркнутое алой полосой. Кровь! Кровь... реки крови...

Степь... Тряский бег коня, всадники в белых бурнуссах, блеск кривых сабель, блеск крепких волчьих зубов... Звон стали, испуганное ржание лошади, крики... Смуглая женщина, закутанная в покрывало до самых глаз... машет рукой, словно призывает...

Гигантская башня... Канат, обжигающий руки, медленный бесконечный путь вверх, к резным зубцам парапета... Таинственные залы, пустые коридоры, переходы, сплетающиеся в неведомый лабиринт... Комната с позолоченным куполообразным сводом, со стенами из зеленого камня, с ковром, скрывающим пол... Дым курильниц, мраморное ложе и странное существо на нем — с огромной уродливой головой, с хоботом, вытянутым на два локтя... Слепое... Оно начинает что-то говорить — монотонно, невыразительно; слова текут, падают, словно камни в море...

Море! Корабль с развернутым парусом, чернокожие гребцы на веслах, девушка с черными пылающими глазами... Почти нагая... Обнаженные груди, смуглое гибкое тело, темные локоны падают на плечи... Ее движения стремительны, как степной ветер, и грациозны, словно у вышедшей на охоту пантеры... Шевелятся алые губы, рождая музыку слов, по-прежнему непонятных, неясных, призрачных...

Другой корабль, другая команда, другая женщина... Человек, в странной позе застывший у мачты... Потом — чудовищный конус вулкана, дымное облако, расплывающееся над ним, серая метель... Пепел, пепел! Жуткий грохот, огненные языки лавы, струи синеватых молний, вылетающих им навстречу, полупрозрачная голубая завеса, мерцающая над мрачной вершиной... На ней внезапно начинается прорисовываться чье-то гигантское лицо — бездонные глаза, сурово сведенные брови, необозримые равнины щек... Оно все приближается и приближается, становится меньше, оставаясь таким же суровым, гневным; брови чуть изломаны, как у хищной птицы в полете, зрачки цвета янтаря вот-вот метнут пламя...

Стискивая зубы, раб пытается вырваться из омута видений — или вспомнить все. Тщетно! Перед ним бесконечной чередой встают фантомы городов, мчатся всадники и колесницы, маячат чудовищные лики, сверкают

огонь и сталь, проходят люди — мужчины и женщины, воины и купцы, нищие бродяги и владыки, мореходы, кузнецы, воры... Одни что-то говорят, но он не различает слов; другие молча смотрят на него, словно бросая вызов мертвой памяти. Мертвой, как склон засыпанного пеплом вулкана...

Не просыпаясь, раб вжимается лицом в сухие пальмовые листья, дрожит, все крепче и крепче сжимая челюсти. Потом видения уходят, растворяются, как пустынные миражи, и невольник с хриплым судорожным вздохом проваливается в блаженное небытие.

* * *

Саракка, придворный маг и звездочет грозного Тасаны, светлейшего дуона Дамаста, дрожащей рукой отер со лба холодный пот. Он ничего не понимал; в эту священную ночь, предшествующую солнцестоянию, знамения казались еще более смутными, чем пять, десять и пятнадцать дней назад. Он не мог прочесть в звездных небесах послание лучезарного Матраэля, хотя знал — чувствовал! — что великий бог желает сообщить нечто важное и требует, чтобы волю его исполнили без промедлений.

Это никуда не годилось. Внизу, в роскошно убранном зале на пятом этаже ступенчатого зиккурата, мага поджидал светлейший дуом с близкими вельможами; все они горели нетерпением выслушать слова божества, запечатленные этой ночью на темном небосводе. Что сказать им? — подумал Саракка, беспомощно взирая на мерцавшие в вышине бесчисленные зрачки Лучезарного. Даже во времена не столь отдаленного ученичества он не ведал такого отчаяния; сейчас на кон было поставлено все — в том числе и его голова. Владыка Дамаста не отличался милосердием и не помнил о бывших заслугах, особенно если речь шла о вещах божественных и, тем самым, важных для всей страны. Что же касается бывших заслуг, то у Саракки не имелось даже этого. Всего два года назад дуон приблизил его, даровав свою милость и высокий пост; тогда Саракка, еще не достигший тридцатилетия, но наделенный талантами, обошел многих и многих, что казалось ему великим счастьем. Еще бы! Отныне он стал придворным сановником, равным среди равных в свите владыки, и никто теперь не мог укорить его слишком

юными годами или счесть выскочкой. Дуон решил — и быть по сему!

Но за милости повелителя, за удобные покои в его дворце-зиккурате, за потоки серебра, что регулярно изливались в карман звездочета, надо было платить. Верность, преданность, благоговение перед владыкой разумелись сами собой; главное же заключалось в неусыпном и тщательном наблюдении за небом, водами и землей, зверями и птицами, растениями и камнями. Боги открывали свою волю посредством множества знаков, кои надлежало вовремя примечать, разгадывать и толковать, ибо Дамаст, расположенный к востоку от плоскогорья Арим, был воистину капризом богов, и любой из них, заткнувший благодетельное чрево Накаты, мог уничтожить город и всю страну.

Матраэль же вовсе не относился к числу любых! Он был главнейшим божеством, премудрым и могущественным, многоглазым, следящим за людьми с утра до вечера и с вечера до утра! И вот сегодняшней ночью Саракка, придворный маг и звездочет, никак не понимал его повелений... Плохо, очень плохо!

Пытаясь успокоиться, он подошел к большому мраморному алтарю, выпиравшему в центре плоской кровли зиккурата, и начал перебирать разложенные на гладком камне инструменты. В том не было никакой нужды — он произвел измерения четыре раза и не сомневался в их безошибочности — но прикосновение к бронзовым дискам и трубам, к кованым треножникам и клепсидам, к магическим стеклам, способным разлагать свет, влиvalo в молодого звездочета немного бодрости. Он понял, что должен оглядеться и поразмышлять, забыв на время о дуоне, нетерпеливо ожидавшем вестей. Пусть ждет! Служенье богу не терпит суеты...

Откинув голову, Саракка уставился вверх, потом медленно повернулся на пятке — еще раз, и еще. Над ним, почти от горизонта до горизонта протянулся великий Поток Накаты, который зрачки Митраэля усеивали особенно густо; неподалеку от него сияли семь звезд Чашы — вокруг одной из них, что светилась в самом конце длинной ручки, оборачивался весь ночной небосвод. Воин, угрожающий палицей Петуху, Колесница, Две Горы, Пальма Кохт, россыпь огоньков Невода, Башня, Копье, целившее в борт Лады... В иных землях и странах со-

звездия сии звались по-другому, и Саракка, немало путешествовавший в юные годы, был прекрасно об это осведомлен. Он все же предпочитал привычные названия, ибо, с одной стороны, являлся местным уроженцем, другой же полагал, что ни в одной державе — исключая, разумеется, древнюю Стигию — астрологическое искусство не стоит на такой высоте, как в Дамасте. Тай Па, престарелый советник дуона, утверждал, что кхитайцы тоже опытные звездочеты, но в те края — как, впрочем, и в Стигию, — Саракка не добирался.

Итак, что же мы видим? — подумал он, снова и снова озирая небеса. Луна, серебряный зрак Матраэля, противостоит кровавому Акастлу и гасит его влияние... К тому же, она склонилась над самым Снопом, и это очень хорошо... верный знак богатого урожая... Водяная Звезда проходит прямо над пальмой котх, и подобное сочетание имеет двойной смысл: воды на плато Арим будут благополучно поступать к пальмовым рощам, и Наката — не небесная, а земная — не обмелеет даже в самый разгар лета. Еще один благоприятный знак! Далее Невод... необычайно яркое! И свет его, четырежды пропущенный сквозь волшебное стекло, четырежды воссиял чистым серебром! Значит, садкам и прудам с рыбой тоже ничего не грозит... Харкастл, самая яркая из Кочующих Звезд, вошла в созвездие Быка, и тут всякому ясно — благословение стад! Сей знак лучезарного Матраэля особо расположен ко всему живому, и к людям, и к домашней скотине, к фруктовым рощам, виноградникам и полям...

Потерев затылок, Саракка наконец обратил взор к самому важному. Наиважнейшему, за чем положено следить придворному магу и звездочету! Три блистательных созвездия, Башня, Копье и Ладья... Башня — символ светлейшего дуона, правителя Дамаста; Небесная Ладья — знак его соперника из Селанды, повелителя Западного Арима; Копье — опасность, что может грозить одному из владык. Копье, увы, не имело конечника: просто черта, прорисованная тремя яркими звездами, Биратом, Сезаром и Калахом, повисшая в ночном небе меж Башней и Ладьей. Саракка неизменно находил, что Калах сияет куда сильнее Бирата, и это значит, что острие Копья направлено на Ладью; однако его коллега из Селанды придерживался прямо противоположного мнения. Но в эту ночь причин для споров не имелось, ибо сверкающий хвост

кометы отделял Копье от Башни. С расшифровкой сего послания Матраэля справился бы и ребенок! Ясно, что в ближайший год владыка Дамаста, несмотря на свой преклонный возраст, будет здоров и благополучен! Возможно, он даже сумеет зачать нового принца или принцессу — в дополнение к тем пяти или шести десяткам, что уже обрелись в дворцовых зиккуратах.

Великолепные предзнаменования! Но если проследить за изогнувшейся дугой кометой... Да, хвост ее надежно защищает Башню от злокозненного Копья, но голова!.. Голова, яркая, как свет факела, пропитанного благовонным маслом!.. Она находилась между Воином и Петухом, и, без всякого сомнения, являлась неким знаком божественной воли, который Саракке предстояло разгадать. То были азы астрологической науки; даже начинающий ученик знал, что комета, Кочующая Хвостатая Звезда, внезапно появившись на небосклоне, доминирует над остальными светилами, включая и луну. А значит, ее присутствие может изменить все небесные знаки, обратив благоприятное в бедственное и наоборот...

Саракка, разминая ладонью затекшую шею, направился к зубчатому парапету, ограждавшему крышу. Он замер тут, мрачно разглядывая огни Дамаста, прислушиваясь к музыке и звукам веселья, доносившимся со всех сторон — эта ночь была праздником. Город Ста Зиккуратов в плане своим отражал звездное небо; как и в небесах, тут струилась Наката, широкий поток, даривший жизнь стране, и каждому созвездию была посвящена своя ступенчатая пирамида. Та, на которой стоял молодой маг, являлась дворцом светлейшего дуона и символизировала власть; ее, разумеется, называли Башней. Зиккураты же Воин и Петуха высились напротив, на другом берегу реки, и Саракка ясно видел мерцание сотен факелов, пылавших на их лестницах и галереях; они опоясывали огромные пирамиды сияющими поясами, подчеркивая их размеры.

Он пристально всмотрелся в темный провал меж ними, в то место, что соответствовало кометной голове. Небесное знамение могло отразиться и в земных пределах — каким-нибудь на первый взгляд необъяснимым событием или иным знаком, фактом, случаем, понятным только для посвященного... Но улица между двумя громадными зданиями была темна, пустынна и казалась забытым ущельем среди странных пирамидальных гор, ибо сейчас

все жители Дамаста собрались на широких ступенях зиккуратов, у столов и бочек с вином.

Понурившись, Саракка вернулся к алтарю, собрал свои инструменты в кожаный мешок, бережно завернув особо хрупкие и ценные в полотняные тряпицы, и зашагал к наружной лестнице. На галереях дворца было пустынно; лишь воины в железных кольчугах и остроконечных шлемах стояли редкой цепочкой меж пылающих факелов. Знатные люди Дамаста, в отличие от простонародья, веселились под сводами просторных залов на нижних ярусах дворцового зиккурата, и они, без сомнения, тоже ждали — ждали, когда светлейший дуон выйдет к ним и передаст волю Лучезарного, прочитанную магом в звездных небесах.

В глубокой задумчивости Саракка спустился на галерею пятого этажа и, миновав стражей с окладистыми, завитыми в кольца бородами, ступил на ровные каменные плиты широкого прохода, тянувшегося в глубь дворцовой пирамиды. Окованные бронзой двери неслышно распахнулись перед ним; большой покой, убранный багровыми коврами, ярко освещенный полусотней масляных ламп, казался пустым и наполненным лишь струйками благовонного дыма. Звездочет вошел, оставив свой мешок у дверей, и низко поклонился.

— Приблизься, мудрец, — голос дуона, еще сильный и звучный, прозвучал подобно зову боевой трубы. Молодой маг сделал несколько шагов и замер, почтительно согнувшись в поясе.

Перед ним, на небольшом возвышении, сидели трое мужчин преклонных лет, не потерявшие, однако, ни живости, ни силы. В центре, в большом деревянном кресле, богато украшенном резьбой, расположился сам светлейший Тасанна, владыка Дамаста — крепкий старик в тканом золотом платье до пят, с резкими чертами лица, крючковатым носом истинного дамастинца и седой квадратной бородой, спускавшейся до середины груди. Борода была тщательно ухожена и, согласно обычаю, завита в тугие кольца; из-под нее выглядывала массивная золотая цепь.

Слева от повелителя, на прочном сиденьи без спинки, устроился доблестный Рантасса, военачальник, водитель тысячи колесниц, гроза врагов и щит Дамаста. Он казался зеркальным отражением своего владыки — такие же руб-

ленные черты, та же квадратная борода, темные глаза под густыми широкими бровями. Титулы его вполне соответствовали действительности, ибо воителем он был опытным, удачливым и отважным; правда, колесниц под его рукой было не десять сотен, а только пять или шесть. Но и этого, с учетом конницы и тяжеловооруженной пехоты, хватало, чтобы отогнать всех желавших поживиться богатствами Дамаста — да еще и пограбить всласть в чужих краях, если представлялся случай.

Справа от светлейшего дуона, на большой кожаной подушке, замер предусмотрительный Тай Па, сиквара (что соответствовало званию первого министра), ведавший в Дамасте налогами, казной, состоянием каналов и дорог, виноградниками и рощами пальмы кохт, шпионской службой и множеством иных вещей, полагавшихся ему по должности. Он был некогда кхитайским вельможей, посланным с огромным караваном шелка на запад; караван разграбили дикие гирканцы, и Тай Па, человек воистину мудрый, решил не возвращаться на родину, где его ждали кол и плаха. Лет тридцать назад он добрел до стен Дамаста с немногими своими людьми и десятком верблюдов, которых удалось уберечь от степных разбойников; через год кхитаец числился уже состоятельным купцом, через два сделался откупщиком налогов, а через пять — казначеем. Теперь же он занимал место у ног светлейшего и, являясь первым из его советников, пользовался безраздельным доверием дамастинского властелина.

— Садись! — повелел дуон; ножки его кресла, вырезанные в форме львиных лап, чуть скрипнули, когда владыка махнул рукой.

Маг осторожно опустился на подушку. Перед этими тремя стариками, каждый из которых был вдвое старше его, Саракка с особой остротой ощущал свою молодость и неопытность. Последнее, разумеется, касалось земных интриг, а не дел небесных; в науке чтения звезд он вполне преуспел. Но сегодня... Голова Саракки вновь поникла; маг со страхом ждал неизбежного вопроса.

— Ну, что поведали тебе небеса в священную ночь? — вновь раздался сильный голос Тасанны. — Ты долго их изучал, маг! Я надеюсь, тебе было открыто нечто важное? Нечто такое, от чего зависит благо государства?

— Да, светлейший. — Саракка поднял голову, и взгляд его встретился с глазами владыки. Они были темны, как спелые сливы.

— Говори!

— Благие предвестия узрел я на небесах, — произнес маг, чуть помолчав. — Водяная Звезда налилась зеленым, луна же сияет подобно щиту из серебра, благословляя Сноп; верный знак, что священной влаги Накаты хватит и для полей, и для фруктовых рощ, и для виноградников. На Ариме же подземные воды будут поступать беспрепятственно, ровно столько, сколько нужно пальмам кохт.

— Это хорошо! — заметил дуон, поглаживая бороду. — Значит, будем с зерном, маслом и вином!

— И орехов кохт хватит для выгодной торговли, — поддержал владыку Тай Па.

— Да, почтенный сиквара, — маг, сложив руки перед грудью, поклонился. — Лучезарный Матразль оказал милость и нашим стадам: сияющий Харкастл озаряет Быка, и жилы его наливаются мощью, плоть становится обильной, шкура — прочной...

— Будут ли процветать в этот год только быки и коровы? — нетерпеливо перебил Саракку дуон. — Или предсказание относится ко всей скотине?

— Ко всей без исключения, светлейший! К быкам и коровам, баранам и овцам, верблюдам, козам и домашней птице. Ибо, когда Харкастл яростно входит в созвездие Быка...

— Постой! — На этот раз его прервал басистый голос Рантассы. — А лошади? Кобылы и жеребцы? Что скажешь о них?

О, Матразль! Саракка на миг опустил веки, укоряя себя за оплошность. Как же он забыл упомянуть лошадей? Кобыл и жеребцов? Они, конечно, интересуют доблестного полководца в первую очередь! Быстрые кони, влекущие вперед боевые колесницы с огромными стальными лезвиями, и могучие скакуны, что несут в бой всадников в кольчугах, с длинными копытами и тяжелыми щитами...

Он поспешно кивнул.

— Не тревожься, доблестный! Лошади тоже будут вполне благополучны, ибо священный Бык, сияющий на небе, есть благословение всех стад!

— И табунов? — уточнил Рантасса.

— И табунов. В первую очередь табунов!

Светлейший дуон довольно откинулся на резную спинку, и кресло вновь скрипнуло.

— Что ж, — заявил владыка, — я готов ждать и вдвое дольше, если предзнаменования всякий раз будут столь благоприятны и щедры! Итак, мудрец, год окажется удачен? Богатый урожай, обильный приплод в табунах и стадах, хорошие запасы кохта... Если все исполнится, я вознагражу тебя!

— Чародей, умеющий правильно читать в небесах повеления Матразля, воистину достоин твоей милости, владыка, — негромко произнес Тай Па, повергнув Саракку в трепет. Он постарался не выказать страха, почувствовав на себе пристальный взгляд кхитайца. О, Лучезарный! — неслышно шепнули губы мага. Спаси и сохрани! Сейчас дело дойдет до кометы...

Но вместо этого предусмотрительный сиквара, не употреблявший в пищу мясного, поинтересовался насчет рыбы:

— Что сулят знамения нашим прудам и садкам? Не видно ли признаков оскудения или мора? Будут ли полны рыбацьи сети?

— Будут, — подтвердил Саракка с облегченным вздохом. — Будут! Ибо зрочки Лучезарного в созвездии Невода горят, словно серебряные монеты, отчеканенные день назад!

— Ты в этом уверен?

— Вполне. Четырежды я пропускал их свет через свои магические стекла, и всякий раз любовался чистым и ослепительным сиянием!

— О, Матразль! — Дуон воздел руки вверх, творя краткую молитву. Трое сановников повторили жест владыки, и на некоторое время в покое, убранном багряными коврами, воцарилась тишина.

— Ну, что еще? — произнес наконец Тасанна; его сильные пальцы играли завитками бороды.

— Благоприятные знаки для Башни, светлейший, — молодой маг почтительно склонил голову.

— А! Радостно слышать такое! — суровое лицо дуона чуть расслабилось. — Значит, и меня Лучезарный не обошел своим благословением!

— Как всегда, повелитель, ибо ты угоден Ему, — пробормотал Саракка, не поднимая головы. — Смертоносное Копье нацелено на Ладью твоего врага; тебя же хранит

от удара... гмм... хранит некая стена, воздвигнутая богом... — Он запнулся, с трудом выдавив последние слова.

— Нацелено на Ладью! — воскликнул дуон и привстал в кресле, бросив многозначительный взгляд на Рантасу. — Не значит ли это, что пора седлать коней и запрягать колесницы?

— Ты знаешь, владыка, что я всегда готов, — глаза полководца хищно блеснули. — Возможно, на этот раз нам удастся сравнять с землей богохульную Селанду, и весь Арим станет нашим!

Саракка, коренной дамастинец, полностью разделял эти чаяния. Взять под свою руку запад Арима, разом удвоить пальмовые плантации и, следовательно, богатства, было давней мечтой династии дуонов. Но стены Селанды вздымались столь же высоко, как и укрепления Дамаста, и охраняло их не меньшее число воинов, чем мог вывести в поле доблестный Рантасса. Вдобавок местность к западу от Арима была богата водой, и земледельцы в тех краях не зависели от милостей какого-нибудь капризного божества вроде Накаты — а значит, они могли бесперебойно снабжать селандское войско мясом и зерном. В Дамасте же случались засушливые годы, когда весь урожай кохта уходил западному соседу — в обмен на продовольствие.

Воистину это было несправедливо, и Саракка полагал захват Селанды делом полезным и достойным. Пожалуй, единственное, с чем он не согласился бы в речах воеводы, относилось к эпитету, коим тот наградил давнего соперника и врага. Селанду никак не стоило обвинять в богохульстве, ибо в ней тоже поклонялись лучезарному Матразлю — правда, под несколько иным именем.

— Итак, — прервал размышления мага дуон, — звезды благоприятствуют Дамасту! Теперь мы можем спуститься в пиршественные залы, к нашим славным воинам и знати, и объявить им волю бога! — Тасанна ткнул пальцем вниз и начал привставать.

— Прости, повелитель, — заметил Тай Па, не двигаясь с места, — но я полагаю, что нашему мудрецу еще найдется что сказать.

«Вот оно!» — с замиранием в сердце подумал звездочет. Этот старый кхитаец и сам неплохо разбирался в небесных знамениях — тем более в таких, которые не заметил бы только слепой.

— Я имею в виду новое светило с изогнутым хвостом, что висит в небесах уже несколько дней, — продолжал тем временем сиквара. — Конечно, я не могу сравниться с почтенным Сараккой в искусстве толкования вещей знаков Матразля, но помнится мне, что такие звезды куда важней Харкастля, Снопа, Невода и прочих божественных глаз, постоянно сияющих над нами. Хвостатые же звезды появляются лишь время от времени, когда бог желает сообщить людям свою волю, предостеречь или направить их... — тут непроницаемые глаза кхитайца устались прямо на Саракку. — Так что же означает сей знак? Что сулит он нам, о чем предупреждает?

Молодой маг глубоко вздохнул.

— Я как раз собирался поведать об этом, — произнес он, стараясь, чтобы голос предательски не дрогнул. — Я разгадал его значение... частично... — При этих словах дуон нахмурился, а Рантасса, неодобрительно крякнув, начал поигрывать завитками бороды. Саракка, предчувствуя недоброе, заспешил: — Всякий может заметить, что хвост новорожденного светила огораживает и защищает Башню от Копья, и это ясный знак милости Матразля — тебе, мой повелитель... — он поклонился дуону. — Чтобы истолковать сие, не нужны долгие наблюдения и расчеты, не требуется гадать на гусиной печени или на мозге белой овцы, ибо благоприятный смысл видимого понятен и непротиворечив. Но прав и предусмотрительный Тай Па: бог шлет некое повеление, которое нам предстоит разгадать и исполнить — и лишь тогда все обещанное Им свершится. Иначе...

— Предстоит разгадать? — прервал мага Тасанна. — Ты хочешь сказать, что еще не разгадал его?

Насушенные брови владыки предвещали грозу, и Саракка затрепетал. Нрав у дуона был крутой; светлейшему Тасанне нравилось, когда все его повеления исполняются быстро и на всякий вопрос тут же находится ответ. Тех, на кого падал его гнев, в лучшем случае ожидали опала и немилость, а в худшем... О худшем молодому магу не хотелось даже и думать.

Он судорожно сглотнул и, взяв себя в руки, произнес:

— Служенье богу не терпит суеты, светлейший. На сей раз посланное им знамение в какой-то части загадочно и не поддается немедленному истолкованию... Что ж! Ты можешь призвать других звездочетов и расспросить их...

и если они дадут тебе ясные и совпадающие ответы, брось меня, ничтожного, в яму с пауками...

Пауков, ядовитых тварей размером с кулак, Саракка боялся гораздо меньше дуона, ибо знал подходящее заклинание, способное оборонить от их челюстей. Но на все неприятности, что происходят в жизни, чар не наберешься; скажем, если светлейший Тасанна велит затоптать своего мага лошадьми, никакое колдовство не поможет. Во всяком случае, Саракка не знал ничего подходящего на сей случай и мог только остановить сердце, дабы смерть его была не такой мучительной.

— Мудрец прав, владыка, — раздался вдруг негромкий голос Тай Па. — Служенье богу не терпит суеты... Хорошо сказано! И я думаю, что почтенный Саракка, несмотря на молодость, лучший маг в Дамасте, да и во всех окрестностях Арима, если на то пошло. Если ему нужно время, чтобы во всем разобраться, почему бы не дать ему несколько дней?

Саракка, утерев холодный пот, с благодарностью поклонился кхитайцу. Похоже, тот искренне мирволил ему, либо решил заступиться из каких-то иных, тайных соображений.

— Дать время? — дуон, остывая, погладил бороду, поиграл тяжелой цепью. — Сколько? Волю Лучезарного следует исполнить со всей поспешностью... тем более, что от этого зависит... гмм... зависит благополучие Башни... А значит, и ваше тоже! — тут он впери суровый взгляд в мага, потом посмотрел налево, на Рантассу, и направо, на Тай Па.

— Мне и в самом деле понадобится лишь несколько дней, — торопливо заверил повелителя Саракка. — Несколько дней и небольшая помощь, светлейший.

— Помощь? Какая?

— Могу ли я предположить, что ты, владыка, а также почтенные Рантасса и Тай Па, знаете обо всем, что происходит в наших землях? О разных странных событиях и случаях, о рождениях и смертях, о путниках и караванах, что приходят из дальних стран, о всем тайном, что творится за городскими стенами и вне их?

Приподняв бровь, Тасанна покосился сначала на полководца, потом на советника, и кивнул Тай Па, разрешая ответить.

— Для моих шпионов нет тайного в Дамасте, — произнес старый кхитаец. — Говори, чего тебе надо.

Саракка, не торопясь, расправил на коленях подол длинной синей туники, вышитой серебряными звездами. «Не спеши, — напомнил он себе, — не выказывай неуверенности. Неуверенность — смерть!» На миг копыта лошадей, топчущих окровавленное тело, мелькнули перед его внутренним взором, заставив содрогнуться. Тем не менее он спокойно произнес:

— Небеса, мой повелитель, связаны с землей, о чем ведали наши предки еще в те древние времена, когда впервые ступили в долину Накаты. Недаром город был построен ими так, что любому небесному знаку отвечала одна из пирамид — что сохранилось, как все мы знаем, и в нынешние времена. По воле Лучезарного, связь земли и неба крепка и нерушима; а это значит, что все происходящее в одной сущности неизменно отражается в другой. И если мне не удалось прочитать знаки в небесах, то, быть может, что-то интересное обнаружится на земле? Одно дополнит другое, и знамение, посланное нам Матразлем, прояснится.

— Хмм... — Тасанна, снова оглядев полководца и советника, погладил завитую бороду. — Разумная мысль, я думаю... Как вы считаете?

— Может, проще погадать на гусиной печени? — с сомнением произнес Рантасса. — Или на мозге белой овцы?

— Дойдет дело и до этого, — заверил его маг. — Сейчас же я почтительно прошу вспомнить о всем странном, необычном и таинственном, что случилось в последнее время... за две-три луны от нынешнего дня.

Трое стариков переглянулись. Дуон явно пребывал в затруднении; Рантасса, задумчиво сморщив лоб, принялся что-то подсчитывать на пальцах, и лишь Тай Па сидел на своей подушке с прежним спокойствием. Наконец полководец взглянул на Тасанну и почтительно поклонился.

— Ты позволишь, владыка?..

— Говори.

— Дней пятнадцать или двадцать назад мои колесничие, посланные на восточный рубеж, видели, как садилось солнце в степи...

— Что же тут странного?

— Золотой глаз Матраэля был красен, как кровь. Солдаты обеспокоились, разбили лагерь, и сотник принес в жертву Лучезарному белую курицу, благо она оказалась под руками...

— Хмм... — протянул Тасанна. — Что еще?

— Еще? У Сидурры скисло вино прошлогоднего урожая. Сразу десять бочек! О том болтают во всех кабаках за городской окраиной!

Эта новость была поинтереснее кровавого заката; Сидурра владел превосходными виноградниками, и мастера его готовили великолепные напитки, розовые и золотистые, ласкающие небо. Все виноторговцы Дамаста завидовали Сидурре.

Дуон снова хмыкнул.

— Это все?

— Пожалуй, все, владыка...

— Ну, тогда я скажу, — светлейший правитель поднял глаза вверх и принялся навивать на палец тугой локон. — Помните ли вы девицу, смуглянку с черными глазами, что доставили мне из Вендии две луны назад?

Полководец и советник кивнули; первый — с явным интересом, второй — равнодушно.

— Так вот, в первый раз у меня с ней ничего не получилось, — заявил дуон. — Воистину, необычайное дело! Зато потом... — Он многозначительно усмехнулся и кивнул Тай Па. — Ну, а ты что скажешь?

— Недавно обмелел канал на северном побережье, — сообщил кхитаец. — Дознавальщики мои отправились проверить: то ли ленивые крестьяне виноваты, то ли... — сиквара вдруг усмехнулся, — в том воля Лучезарного. Еще засох десяток пальм на плоскогорье, сильно задержался последний караван из Меру, ну и, пожалуй, все... Да, вот что! Поговаривают, что в селении Бар Калта курица высидела двухголового петушка! Редкий случай!

— Петушка? — с надеждой встрепнулся Саракка, вспомнив о небесном Петухе, которому грозил палицей Воин. — Повтори еще раз, почтенный, как называется тот поселок?

— Бар Калта, на восток от города, в половине дня езды на колеснице. Туда я тоже отправил дознавальщиков. Вдруг ведьма завелась...

— Все? — Дуон поглядел налево и направо, и оба вельможи согласно кивнули.

— Все, повелитель!

— Ну, хватит тебе? — теперь глаза дуона с легкой насмешкой уставились на Саракку. — Итак, закат в степи, скисшее вино, обмелевший канал, погибшие пальмы, караван из Меру, двухголовый петух и... гмм... случай с той всидийкой... Всего семь! И я даю тебе семь дней, чтобы разобраться со всеми знаменами, небесными и земными. Справедливо?

Саракка молча поклонился. И в самом деле, сегодня дуон был чрезвычайно милостив!

— Ну, а если ты не справишься за семь дней, — закончил светлейший, поднимаясь, — мы подумаем о яме с пауками. Или о чем-нибудь столь же занимательном.

Он направился к выходу, и трое сановников заторопились следом.

Глава 19. Поиски

3 а шесть дней Саракка исследовал шесть версий, предложенных светлейшим дуоном и его наперсниками. Он трудился, не жалея сил, помня и о яме с пауками, и о тяжких копытах жеребцов; трудился, пытаясь обнаружить намек, позволивший бы разобраться с повелением лучезарного Матраэля. Комета с серпообразным хвостом по-прежнему сияла в небесах Дамаста, каждую ночь напоминая молодому магу, что отпущенный ему срок истекает.

Вначале Саракка вел свои розыски в Дамасте и за его пределами, на берегах полноводной Накаты, а под конец решил подняться на жаркое засушливое плоскогорье Арим, к плантациям кохта. Его скалистые кручи вздымались к западу от города, обрывистые и неприступные, увенчанные по краю остроконечными пирамидальными утесами. Вероятно, далекие предки дамастинцев поглядывали на эти скалы, воздвигая первые городские зиккураты, но — великий Матраэль! — насколько же они были выше, массивней и прочней всего, что способны сотворить человеческие руки!

Стоя на колеснице, запряженной парой гнедых жеребцов, Саракка повернулся, окинул взглядом удалявшийся город. Лучи только что взошедшего солнца падали на высокие стены Дамаста, что соединяли в полукольцо двадцать боевых башен-пирамид на правом, южном берегу реки и еще столько же — на левом. Воистину, две поло-

винки каменного браслета, соединенные арками мостов! Они защищали широкие улицы и тесные переулки, дворцы нобиелей и скромные лачуги простого люда, торговые площади и скверы, каналы, протянувшиеся от Накаты к прудам и городским водохранилищам, пристани и набережные со складами, постоянными дворами и домами купцов, огромные зиккураты, гордость Дамаста. Их было ровно сто; сорок, несокрушимыми бастионами выступавших из городских стен, использовались в качестве казарм и арсеналов, остальные служили храмами и жилищами знати. Со своей колесницы Саракка видел вершины крупнейших из них — башню Солнца и башню Луны, два главных святилища Матраэля, и просто Башню, дворец грозного дуона. Эту десятиэтажную ступенчатую пирамиду, где находились и собственные покои мага, окружали еще шесть, пониже и не столь монументальных, связанных с Башней запутанной системой подземных переходов; они предназначались для гвардии, придворных и многочисленной семьи дуона.

Огромный город, величественное творение, ничего не скажешь! Однако темные скалы Арима были выше в десятки раз и, вонзаясь в небесную синь, словно напоминали смертным об их ничтожестве перед лицом Матраэля. Воистину, так, — думал Саракка, вертя головой, пока колесница преодолевала подъем на ближайший из холмов. Дорога, начинавшаяся у ворот зиккурата Квадратный Щит, тянулась на запад вдоль правого берега Накаты среди пологих возвышенностей, засаженных лозами винограда; тут и там виднелись крестьянские хижинки да усадьбы земледельцев побогаче, а ближе к городской стене вдоль тракта тянулись постоянные дворы и кабачки.

Атт, дознаватель сиквары, перехватив взгляд молодого мага, причмокнул и потянулся к кожаной фляге.

— Не хочешь ли промочить горло, господин? Так, слегка... День, видно, будет жарким.

Саракка молча покачал головой. Он не испытывал жажды; другие заботы донимали его. Раскачиваясь в такт мерному бегу колесницы, он вновь устремил взгляд на запад.

Там, за утесами, чудовищным парапетом обрамлявшими Арим, простиралась возвышенная и засушливая земля, покрытая пальмовыми рощами, источник богатства и силы Дамаста. Богатства и силы, но не жизни; жизнь

городу и всей стране дарила река. Она вырывалась из ущелья — единственного, пересекавшего крутые склоны Арима, — и текла на восток, постепенно мелая, щедро отдавая свои воды каналам, арыкам, многочисленным прудам и искусственным озерам. Наконец, разделившись на три десятка мелких речек и ручьев, она исчезала в песках, и ни один мудрец не сумел бы сказать, где на самом деле кончается Наката. Но с истоком ее подобного вопроса не возникало, ибо светлый речной поток был порожден водопадом, величественным и полноводным, который обрушивался из расселины в дальнем конце ущелья. Без сомнения, где-то под плато Арим лежало целое пресное море, питавшее и колодцы наверху, и этот водопад, и лишь одни боги знали, на сколько лет, десятилетий или веков в нем хватит воды.

Это обстоятельство являлось постоянной заботой обитателей Дамаста, поскольку река временами мелела, будто в подземных тоннелях и пещерах приотпускались какие-то перегородки, перекрывавшие путь живительной влаге. В том можно было усмотреть и волю самой Накаты, наиболее почитаемой после Матраэля богини Дамаста; как и Лучезарный, она могла в одни годы гневаться на людей, в другие — оказывать им благосклонное внимание, изливая из своих бездонных чресел полуторную норму воды. Как бы то ни было, Дамаст, великий город Ста Зиккуратов, зависел от капризов переменчивой реки; и если в некий черный день она пересохла, через месяц пастбища, поля и виноградники были бы занесены песком.

Колесницу слегка встряхнуло, потом она ускорила ход, спускаясь с холма. Гнедые мчались плавной рысью, помахивая гривами; скрипели колеса, окованный медью бортик сверкал, точно красноватое золото. На передке его была закреплена бронзовая баранья голова с витыми рогами, по бокам грозно вздымались копыта отчеканенные в металле крылатые кони, символ Лучезарного. Справа, там, где стоял молодой звездочет, с внутренней стороны висели на закрепках лук, два полных стрел колчана, секира и квадратный щит; слева, рядом с возницей, рослым чернобородым воином, торчали три копыя.

Придерживаясь руками за бортик, Саракка через силу усмехнулся. Нет, ему не стоило обижаться ни на доблестного Рантассу, ни на предусмотрительного Тай Па; оба сновника, забыв о дворцовых интригах и соперничестве

из-за милостей дуона, сделали больше, чем он ожидал. Рантасса предоставил ему эту боевую колесницу и надежного человека, сильного воина, превосходно владеющего оружием; Тай Па дал в спутники лучшего из своих шпионов. Правда, дознаватель Атт оказался большим любителем выпить, зато помнил все дороги, каналы, деревушки и хутора на пять дней в любую сторону от Дамаста. Знал он и плоскогорье Арим, куда нередко наведывался вместе с торговцами, скупавшими на корню весь урожай с пальмовых плантаций дуона.

Но увы! Даже объединенные старания мага, воина и опытного лазутчика оказались бесплодными, как гирканская пустыня! Они не сумели вывести ничего — ничего полезного, что позволило бы Саракке разобраться с небесным знаменем. И сейчас, мчась ясным солнечным утром среди веселых зеленых полей и рощ, он временами ощущал удары конских копыт, сокрушающих ребра, или неторопливое скольжение смазанного салом кола, пронзающего его внутренности. Теперь у него оставалась только одна надежда — отыскать что-нибудь важное в Ариме; все остальные расследования пошли прахом.

Дело о кровавом солнечном закате, как и о припозднившемся караване из Меру, удалось разрешить быстро. Караванщиков всего лишь настигла песчаная буря — примерно в дневном переходе от того места, где находились дозорные Рантассы; разумеется, после нее золотой глаз Матраэля налился грозным багровым светом. Но к Хвостатой Звезде и к иным небесным знакам самум не имел никакого отношения, ибо в начале лета такие бури случались едва ли не каждые десять дней. Собственно, об этом прекрасно знали и солдаты, ходившие в дозор; опросив их, Саракка вскоре выяснил, что красочное описание страшного заката и жертвоприношение белой курицы преследовали лишь одну цель — поскорей вернуться из пустыни к уюту дамастинских таверн и кабачков.

Без особых трудов удалось разобраться и с внезапно обмелевшим каналом, что проходил по землям одной из крестьянских общин. И тут ничего мистического не наблюдалось; дознаватели Тай Па сочли, что слишком давно не очищались створы местной ирригационной системы. Староста получил пятьдесят палок по пяткам, и через пару дней канал вновь наполнился чистой и прохладной водой. Сведения эти являлись вполне правдивы-

ми; как и в случае с дозором, Саракка лично побеседовал с дознавателями после проведенной экзекуции. Эти парни со смехом описывали, как староста, кряхтя и охая, отправил к каналу всех односельчан, начиная с ребятишек десятилетнего возраста, и наблюдал за ними словно коршун за степными зайцами, пока работа не была кончена. Воистину, в истории с этим каналом Матраэль был ни при чем; одна лишь леньность людская.

Насчет же скисших напитков виноторговца Сидурры магу пришлось проводить целое следствие, пользуясь неопределенной помощью Атта и даже привлекая кое-какие потусторонние силы. Как он и предполагал, результаты гадания определенно указывали на злой умысел со стороны конкурентов виноторговца; подробное же обследование злополучных бочек позволило найти тому неоспоримые доказательства. Их обнаружил глазастый дознаватель, имевший немалый опыт в подобных делах; после осмотра он с торжеством преподнес Саракке некие травы, выделявшие кислый сок. Теперь оставалось лишь обнаружить злоумышленников, подбросивших их в бочки, но молодой маг отложил это на будущее — в надежде, что оно у него все же есть.

Однако история с петушком едва не разбила все его чаяния. Саракке казалось, что уж в этом-то случае он обнаружит следы божественного предопределения, ибо голова Хвостатой Звезды сияла в небесах как раз между Воином и Петухом — и, значит, указывала либо на того, либо на другого. Никаких намеков на воинов молодому магу отыскать не удалось — разве что на тех колесничих-дозорных, которых спугнул кровавый закат; зато петух сам шел к нему в руки. Он отправился в селение Бар Калта в сопровождении дознавателя и своего чернородого возничего, и провел там весь день, вначале наблюдая за петушком, а затем копаясь в его внутренностях. Но все искусство Саракки было бессильно: за исключением пары голов, петух оказался самым обыкновенным, и ни в печени его, ни в скудных мозгах и прочих органах не обнаруживалось никаких божественных указаний. В конце концов маг забрал уродливую тварь в город, рассчитывая ее заспиртовать и пополнить сим экземпляром свою коллекцию забавных монстров.

Теперь оставались только две надежды, два дела, где он мог рассчитывать на успех — погибшие пальмы Арима

и необъяснимая слабость, охватившая Тассану при первой встрече с прекрасной вендийкой. Последняя история требовала особой деликатности, и Саракка, испросив разрешения у светлейшего, наведаясь к новой его наложнице, пряча в ладони крохотное, размером с медную монетку, зеркальце.

Ничего интересного он не узнал: по словам вендийки выходило, что дуон в ту неудачную для себя ночь даже не пытался овладеть ею, поскольку был одержим духом вина. Беседуя с девушкой, расспрашивая ее — разумеется, со всеми недомолвками и осторожным покашливанием в особо щекотливых местах — Саракка исподволь поглядывал на свое магическое зеркальце. Поверхность его оставалась незамутненной, а это значило, что в словах черноглазой вендийской красавицы нет ни грана лжи; она говорила истинную правду. Кстати, следующей же ночью светлейший дуон доказал ей, что в свои шестьдесят все еще является крепким мужчиной.

Мысленно обзрев результаты своих усилий, Саракка почувствовал, как вдоль спины бежит холодок. Ноги у него подкосились, и на мгновение звездочет привалился к щиту; его острый край, врезавшийся в бедро, напомнил, что седьмой день только начинается и все может еще перемениться. Да, все в воле бога! Возможно, лучезарный Матраэль лишь желал испытать его искусство и настойчивость, чтобы затем вознести к новым вершинам. Впрочем, Саракка не жаждал никаких благодеяний, если за них приходилось расплачиваться душевными муками, неуверенностью и страхом; он не был излишне честолюбив, и должность придворного мага его вполне устраивала.

— Дай-ка и мне глотнуть, — он кивнул на флягу, и Акк с готовностью сунул ему свой бурдючок. Судя по весу, там оставалось еще презрительно красного вина; звездочет приложился к горлышку и сразу почувствовал себя бодрее.

— Так-то лучше, мудрый мой господин, — заметил дознаватель. — Отличное утро, приятная поездка, а ты бледен, ровно покойник перед сожжением... видать, волшебство магия забирают силы. Но теперь-то щеки у тебя порозовели! — он принял флягу обратно, затем, подтолкнув локтем возничего, спросил: — Хочешь?

— Давай! — мощной дланью чернобородый сгреб бурдюк и осушил в несколько глотков; вино звучно булькало

в его горле. Колесница, преодолев последний холм, въехала в ущелье. Дорога тут, постепенно поднимаясь, шла по самому берегу реки, и воды ее бурлили в шести локтях от конских копыт. Тракт был хорошо накатан и прям; он тянулся по правому берегу до самого водопада, а затем огибал его широкой дугой, выводя на плоскогорье.

Лошади на подъеме пошли медленнее, но возница, взглянув на солнце, уверенно заявил:

— Глаз Матраэля не успеет подняться в зенит, как мы будем уже наверху. И куда дальше, мой господин? Там, — он протянул руку к нависавшим над ущельем скалам, — такая жара и духота, что выдерживают одни быки да мулы! Не то что у прохладных вод Накаты...

Саракка дальнейшей дороги не знал, а потому вместо него ответил дознаватель:

— Не тревожься, нам не надо сидеть в этой огненной печи до вечера. Как поднимемся, почти сразу свернем с главной дороги на юг и проедем мимо двух рощ; третья уже наша.

Молодой звездочет откашлялся.

— А ты сам, Акк, бывал на этой плантации?

— Прежде случалось... А недавно туда ездил мой приятель, разбирался с этими засохшими пальмами.

— Ну и что? Что он обнаружил? Не содержится ли роща в небрежении, как тот канал?

— Нет, господин. Там хороший надсмотрщик.

— Тогда отчего же погибли деревья? — Саракка ощутил мгновенный прилив надежды.

— От старости, скорее всего, — дознаватель пожал плечами. — Кохт, как и все в этом мире, не вечен, мой господин. Ты, мудрец, знаешь о том куда больше, чем я.

Глаза мага потускнели; вероятно, подумал он, и в Ариме не найдется никакой ниточки, позволившей бы разгадать тайну.

— Может быть, внезапно иссяк источник и пальмам не хватило воды? — пробормотал Саракка словно бы про себя. — Или пали быки, что вращают ворот?

— С источником все в порядке и кохту хватает воды, — усмехнулся Акк. — Что же до быков, то их там вообще нет, господин. Как говорил мой приятель, последние две или три луны ворот у колодца крутит человек.

— Человек? — Саракка в изумлении приоткрыл рот, и даже чернобородый возница удивленно покосился на

дознавальщика. — Да разве человек может выполнять такую работу? Ни у кого не хватит сил, чтобы в одиночку повернуть ворот!

— У того парня, видать, хватает, — Акк снова ухмыльнулся. — Приятель рассказывал, что роста в нем семь локтей, ноги что бревна, а руки толщиной с бычьей шеей. Огромный, как гора, и на человека-то не похож! Варвар, нелюдь, да и только!

— Хмм... Его держат в цепях?

— Нет, господин. Надсмотрщик приглядывает за ним, вот и все.

— Но такой великан и силач открутит голову любому надсмотрщику! — воскликнул Саракка. Он вдруг почувствовал странный интерес к этой истории.

— Другой бы может и открутил, да только не этот, клянусь светлым Матразлем! Соображения в нем не больше, чем в этом бурдюке! — Дознавальщик, чтобы подкрепить свои слова, потряс пустой флягой. — Приятель мой тоже удивлялся и долго глядел него... ну, как парень крутит ворот, что под силу лишь паре быков... Он молчит, дышит, как кузнечный мех, и в глазах пустота. Нрав же телячий: покорен и тих... Нет, кривоногий Пралл справляется с ним без труда!

— Пралл?

— Так зовут надсмотрщика, господин.

Некоторое время молодой маг размышлял, прислушиваясь к гулу приближавшегося водопада. Лошади шли по утоптанной дороге неторопливой рысцой, речные струи звенели на перекатах, от воды тянуло свежим прохладным ветерком; солнце, золотой глаз Матразля, карабкалось в зенит.

Варвар, нелюдь... огромный, как гора, с могучими мышцами и без всякого соображения в голове... откуда он взялся? — Саракка наморщил лоб. И дознавальщик сказал, что это чудовище крутит ворот уже две или три луны... довольно большой срок... вполне достаточный, чтобы забыть о таком необычном деле...

Но почему необычно? Где-то купили раба, здорового, как бык, но тупого... здесь нечему удивляться, ибо очень сильные люди часто глупы... их плоть, достигая гигантских размеров, торжествует над разумом... — тут Саракка с удовольствием бросил взгляд на свои тонкие изящные пальцы, вцепившиеся в борт колесницы. Этот же не-

вольник, судя по всему, оказался даже не тупым или глупым, а просто животным... огромным животным, ко- ему Лучезарный придал лишь внешнюю форму человека... Но почему? Молодой маг почувствовал, что напал на след. Может быть, напал! В картине, рисовавшейся его воображению, пока что не хватало кое-каких деталей.

— Скажи, Акк, — он дернул дознавальщика за рукав, — упоминал ли твой приятель, откуда взялся этот... этот варвар? Кто купил его и привез в Дамаст? Доверенные люди почтенного сиквары? Купцы или караванщики? Или его взяли в бою, выбив палицей из головы всякое соображение? Или...

— Прости, мудрый господин, — внезапно перебил его возница, — не гневайся, что прерываю тебя...

— Да?

— Похоже, что и я слышал нечто об этом парне... нечто удивительное! — Колесничий, не выпуская из левой руки вожжей, правой огладил бороду.

Удивительное! Лоб у Саракка вспотел от радостного предчувствия, однако, будучи человеком ученым и склонным к порядку, он решил не торопиться.

— Ты, воин, расскажешь мне все, что знаешь, но сначала я хочу дослушать Акка, — он кивнул дознавальщику. — Ну, говори! Откуда взялся этот варвар? Кто его купил?

Акк хмыкнул, поднял глаза вверх и задумчиво потер ладонью подбородок; усы и борода у него были жидкими, без всяких признаков завивки, ибо ни к знати, ни к воинскому сословию он не принадлежал.

— Его не покупали за золото или серебро, это точно, — сообщил он. — Этот Пралл, кривоногий надсмотрщик, вроде бы проговорился, что раба доставили в Арим солдаты... Впрочем, мой мудрый господин, ты скоро все выясносишь у кривонногого сам.

— Теперь ты, — Саракка поднял взгляд на чернородого. — О чем ты хотел поведать?

Возничий оскалил зубы в невеселой усмешке.

— О драке, господин, кровавой драке, стоившей Дамасту десяти отличных бойцов. Может, и больше; я там не был и говорю с чужих уст.

— Если убили десятерых, то это уже не драка, а целое сражение, — заметил маг. — Странно, что я о нем ничего не слышал.

— И не услышишь, мой господин. Кому приятно вспоминать свой позор? — Чернобородый воин сделал паузу. — Не нам, колесничим светлейшего дуона, и не старому Рангассе, воеводе... Он, я думаю, постарался все забыть — и поскорее.

— Воистину, ты говоришь загадками, воин, — Саракка вытащил из-за пазухи плат, вытер лоб. — Так что же случилось?

— Говорят, сидели двадцать наших в кабаке, что за северными воротами, у зиккурата Небесной Цапли. Сидели, пили красное; потом пришел человек, огромный, как скала... точно такой, как описывает почтенный дознавальщик... — Колесничий тряхнул вожжами и покосился на Акка. — Только глаза у него были не пустыми и не телячьими, а полными страшного огня! Словом, сцепился он с солдатами, и никто и глазом моргнуть не успел, как половина уже валялась на земле. Остальные же... остальные... — Тут чернобородый приостановился и сглотнул слюну.

— Что ж остальные? — поторопил воина Саракка.

— Остальные, мудрейший, пустились в бег. Только этот демон с огненными глазами всех бы догнал и прикончил, если б не чудо, — возница цокнул языком, потирая коней.

— Хмм, чудо... — протянул маг. Чудо — это было по его части; рассказ с каждым словом становился все интереснее.

— Да, господин. Значит, погнался демон за нашими, может и убил кого еще, а потом хлопнулся на землю, будто душа его враз покинула тело. Тут его и скрутили! Принялись бить, а он — ни звука, и глаза ровно как у мертвеца... Хотели прирезать, да один, поумнее, и предложил: отведем в Арим... мол, жизнь у него будет страшнее смерти. Ну, значит, и отвели!

Историю свою возникший поведал громким голосом, стараясь превозмочь гул близкого уже водопада. Дорога круто пошла вверх, но сильные кони играючи тащили колесницу — правда, уже не рысцой, а быстрым шагом. Чернобородый пошевеливал вожжами, подбодрял гнедых криком, пока они, храпя и мотая гривами, не втянули громахающий блестящий возок на широкий карниз, рядом с которым из черной дыры в скале извергалась мощная струя воды. Тут колесница замерла: кони отды-

хали, а люди молились, преклонив колени перед прозрачной священной плотью Накаты. Затем снова скрипнули колеса, раздался глухой стук копыт; молча они тронулись в путь, и, по мере того как стихал за спиной рев и грохот водопада, сухой жар Арима начал охватывать их тела.

* * *

С осмотром засохших пальм Саракка покончил быстро. Разумеется, они погибли от старости, о чем говорили и сгнившие корни, и растрескавшаяся кора, и торчавшие на ней волоски, ломкие и поникшие. Еще недавно это открытие привело бы молодого мага в ужас, но сейчас он почти не думал о неудаче, постигшей его уже семизды; он спешил взглянуть на гиганта-раба. На варвара, чьи глаза некогда горели огнем, а затем стали дымом иставших в пламени свечей.

В сопровождении Пралла, надсмотрщика, с которым Акк был неплохо знаком, они отправились к колодцу, шагая вдоль главного арыка, то и дело перепрыгивая через боковые канавки, распределявшие воду по всей пальмовой роще. Пралл, непрерывно кланяясь, пояснял высокому гостю, что орехи кохт уже выросли в половину кулака, а это значит, что через две луны они будут в целый кулак. Отменный урожай, самый богатый за последние десять или пятнадцать лет! И воды вполне хватает — подземные боги щедры, а новый раб крутит ворот куда лучше, чем мулы или быки.

Саракка слушал не перебивая, кивал, находя в словах кривоногого надсмотрщика подтверждение всему, что было вычитано им на небесах в священную ночь. Он знал, что небесные знаки никогда не лгут, никогда не обманывают, ибо божественная рука наносит эти сияющие письмена на темный купол мира; лишь люди, пытавшиеся истолковать их, могли лгать самим себе или обманывать других — по недомыслию или с корыстной целью. Саракке же и то, и другое казалось невозможным; он был достаточно умен и слишком почитал Матраэля, чтобы осквернять уста ложью. А потому неразгаданная тайна кометы висела над ним словно топор палача над шеей осужденного.

Изнемогая от жары, он приблизился к неглубокой кольцевой канавке, протоптанной ногами невольника у колодца. Над каменным его паралетом вращались два

массивных бревна, соединенных крест-накрест; прозрачная влага стекала в наклонный деревянный желоб сквозь выемку в ограждении и, негромко журча, струилась дальше, в бассейн-отстойник, а оттуда — в арык. Молодой маг, впрочем, не обращал внимания на эти подробности; глаза его были прикованы к согнутой спине человека, что торил бесконечный путь вокруг колодца.

Спина его была нагой, чудовищно огромной, с выпуклыми буграми мышц; бедра и голени словно вытесаны из дубовых бревен, а предплечья и впрямь показались Саракке толщиной с бычьей шеей. Кожа смуглая, опаленная солнцем, темная шапка спутанных волос... Однако маг не сомневался, что видит северянина; лишь Север, неприступный и хмурый, мог породить такого исполина, мощного, будто легендарные великаны, которых Матраэль поставил поддерживать землю.

Саракка еще не успел обдумать до конца эту мысль, как невольник, навалившийся на рукоять ворота, повернулся лицом к нему. Выглядел он каким-то сонным либо совсем отупевшим; черные пряди в беспорядке свешивались на лоб, зрачки были неподвижными и тусклыми, словно у выброшенной на берег рыбы. Молодой маг, нахмутив брови, попытался поймать взгляд медленно приближавшегося раба.

Бамм!

Огромный колокол ударил в голове у Саракки, и колени его подогнулись. Звук чудовищного бронзового била оглушал.

Бамм! Бамм!

Он почувствовал, что опрокидывается назад, на спину, безвольным кулем оседает на землю. Сознание мутилось, и в знойных объятиях Арима его стала бить холодная дрожь.

Бамм! Бамм! Бамм!

Сильные руки подхватили Саракку.

— Господин! Что с тобой?

Солнце, золотой глаз Матраэля, уставилось прямо на него; жаркие лучи били в виски, словно стрелы с железными наконечниками, таранящие бронзовый щит. Маг приопустил веки, стараясь совладать с разрывавшим череп звоном.

— Эй, Пралл, кривоногий ублюдок! Тащи вина! Видишь, господину плохо!

— Нельзя ему вина, дознавальщик! Если господину плохо от жары, надо положить его в тень, отпоить водой...

— Откуда здесь тень, дурья башка? Даже в роще, под пальмами, не вздохнешь!

— Отнесем его в мою хижину. Отлежится, а там — в колесницу и вниз. Глядишь, и довезете живым до водопада...

— Живым до водопада! Ха! Ты знаешь, что будет, если не довезем? Это же маг и мудрец дуона! Из самых ближних его советников!

— Был бы маг и мудрец, не лез бы в Арим... А сейчас берите-ка его... ты, воин, за плечи, а ты, дознавальщик, за ноги... берите, и торопитесь за мной, пока Матраэль не прикончил этого мудреца и мага...

Внезапно колокольный звон в голове у Саракки смолк, тело наполнилось легкой и какой-то беспешашной силой, словно он нырнул из горячего бассейна в ледяной, а потом и в самом деле опростал чашу доброго вина. Оттолкнув руки солдата, который поддерживал его, молодой звездочет выпрямился, сдвинул брови и обвел своих спутников строгим взглядом.

— Не надо вина, и не надо никуда меня тащить, — произнес он. — Я маг, хотя и не такой мудрый, каким мне хотелось бы стать... И я способен различить обычное недомогание и посланный богом знак.

— Посланный богом знак? — У дознавальщика отвисла челюсть; двое остальных смотрели на молодого звездочета изумленными глазами.

— Да. — Саракка проводил задумчивым взглядом спину гиганта, продолжавшего равнодушно вышагивать вокруг колодца. — Это не простой человек... — пробормотал он, больше для себя, чем для замершей рядом тройцы. — Едва я попытался заглянуть ему в глаза, как Лучезарный послал мне знамение... и такой силы, что я едва устоял на ногах... Это неспроста! — Молодой звездочет повернулся к своим спутникам и спросил: — А теперь, Пралл-надсмотрщик, скажи, откуда взялся этот парень? Кто его привел?

Кривоногий смущенно опустил глаза — видно, догадался, что высокий гость расслышал все высказывания насчет мага и мудреца. Голос его, однако, не дрожал; если уж придворный чародей не разделался с ним на месте, значит, наверное, не держит зла.

— Варвара привезли колесничие, — доложил Пралл. — Привезли в беспамятстве, таким, каким ты его видишь, господин.

— Тот самый человек? — Саракка взглянул на своего возницу.

— Тот, мудрейший! Не сомневайся! О нем мне и говорили!

— Он всегда молчит? — Взгляд мага вернулся к Праллу.

— Да, господин. Всегда молчит, всегда покорен и, если я не отведу его в загон и не дам поест, он будет крутить ворот от вечерней до утренней зари. Не стонет, не жалуется, только, бывает, скрипит зубами во сне.

— Это все, что ты знаешь?

— Д-да... — кривоногий будто бы колебался. — Ну, еще он очень силен...

— Это я и сам вижу, — оборвал его Саракка, поворачиваясь к дознавальщику. — А у тебя есть что сказать?

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет, мой господин. Все, что мне говорили о нем, — Акк махнул рукой в сторону вращавшего ворот гиганта, — я тебе пересказал, а про драку в кабачке слышу в первый раз.

— В первый раз? Хмм, странно... Какой же ты дознавальщик? Убили десятерых колесничих, а ты ничего не знаешь?

Акк почесал в редкой бороде.

— Мы в дела войска не мешаемся, не наше то ведомство, мой мудрый господин. Может, сикваре что и известно... спроси у него.

Саракка понял, что тут больше ничего не добьется. Оставался его возничий, главный источник сведений на этот момент, и взгляд мага скользнул к нему. Чернородый, мужчина рослый и наверняка очень сильный (даже в душном воздухе Арима он не снял кольчугу и не расстался с тяжелым мечом), казался шуплым подростком в сравнении с рабом-северянином.

— Ну, — произнес маг, — теперь я хочу порасспросить тебя.

Солдат нахмурился.

— О чем, мудрейший? Сам я в том кабаке не был и больше ничего не знаю, но могу проводить тебя к очевидцам... к тем, кто остался в живых...

— Завтра. А сейчас, я думаю, ты ошибаешься, говоря, что все рассказал. Ну-ка, напряги память! Что еще поведали тебе приятели о той схватке? Был ли варвар вооружен и как? Или он разделался с десятком солдат голыми руками?

— А! — колесничий стукнул себя кулаком по лбу. — Конечно же, у него был меч! Два меча, и оба — превосходные! Болтают, что их потом забрал наш десятник.

— Вот видишь, что-то ты да вспомнил! — Саракка удовлетворенно кивнул. — А как получилось, что один человек, пусть и с превосходным оружием, справился с двумя десятками опытных бойцов? Что говорят по этому поводу в войске?

Щека чернородого дернулась; сей вопрос явно показался ему неприятным.

— Что говорят, что говорят... — пробормотал он сквозь зубы, с неприязнью посмотрев на вышагивавшего вокруг колодца гиганта. — Колдун этот парень, не иначе! Никто не мог уследить за его клинками, не то что отразить удар... Они летали словно две молнии! И светились голубым огнем, — добавил солдат, понижая голос. — Нет, он чародей... конечно же, чародей... или великий воин...

Теперь настала очередь Саракки хлопнуть себя ладонью по лбу — что он и сделал под удивленными взглядами всей троицы.

Воин! Слово было произнесено! Перед ним, сгорбив спину и уставясь застывшим взглядом в землю, крутил ворот воин, владевший поразительным боевым искусством! А в небесах сияла комета, и ее изогнутый пылающий ятаган указывал на звездного Воина, замахнувшегося пальцей на Петуха! Но теперь Саракка был уверен, что Петух тут ни при чем; несомненно, он нашел то, что искал.

Воин!

В волнении он вытер испарину со лба, подумав, что все эти семь жутких дней разгадка была рядом с ним. Акк знал о новом невольнике, что качает воду в Ариме, а чернородый возница не раз, наверно, вспоминал про себя историю схватки в кабачке у зиккурата Небесной Цапли. И если бы не счастливый случай...

Случай? Нет! — маг покачал головой. Не случай, а перст Лучезарного привел его сюда! Ведь упомянул же сиквара Тай Па об этих засохших пальмах — среди

прочих пустых дел вроде двухголового петушка и запоздавшего каравана! Упомянул! И в том молодой звездочет усматривал теперь руку Провидения.

Он повернулся к надсмотрщику Праллу.

— Я забираю с собой этого раба. Именем светлейшего! Поставь к вороту мулов, а невольнику свяжи руки крепкой веревкой и отведи к моей колеснице. Все понятно?

Кривоногий склонился в поклоне.

— Как прикажешь, господин! Только вязать его не надо, и так не убежит...

— Делай, как я сказал! — Саракка повелительно махнул рукой и перевел взгляд на своего колесничего: — Кстати, ты не знаешь, из-за чего случилась та драка? Ну, в кабачке за северными воротами?

Солдат пожал плечами.

— Один Матраэль ведает, мудрейший... Не то из-за девки, не то выпивку не поделили...

Матраэль ведает, подумал Саракка, кивая головой. Да, Матраэль ведает, иначе Он не привел бы его сюда! Теперь осталось лишь уточнить повеление бога. Чего Он хочет? Что надо сделать с этим огромным варваром? Растоптать лошадьми? Бросить в яму с ядовитыми пауками? Посадить на кол? Вылечить?

Тяжело вздохнув, молодой маг почувствовал, как виски его вновь покрываются потом.

* * *

— Удивительная история поведена тобой, мудрец, — произнес светлейший дуон, отпив из чаши охлажденного вина. — И самое удивительное в ней то, что наш Рантасса не знает о ней.

Он обратил взгляд к военачальнику, смущенно заерзавшему на своем табурете. Все четверо расположились в тех же чертогах, убранных багряными коврами, что и в прошлый раз; Тасанна — в своем кресле, Саракка и Тай Па — на подушках, а полководец — на низком деревянном сиденье по левую руку от властителя. Похоже, сейчас оно казалось Рантассе жестковатым.

— Не совсем так, мой повелитель, не совсем так, — прогудел воевода хриплым басом. — Конечно, сотник колесничих доложил мне о той драке и об убитых воинах... Но дело-то давнее! Две или три луны прошло! Я и запомнил прошлый раз...

— Но про кровавый закат и скисшее вино у какого-то торговца ты припомнил, а? — ядовито осведомился дуон. — Про то же, как никому неведомый бродяга положил десять или двенадцать лучших наших воинов, ты предпочел промолчать!

Тай Па примирительным жестом поднял сухую руку.

— Стоит ли теперь копаться в этом, владыка? Войско наше велико, и у доблестного Рантаussy много забот... Одних колесничих с прислугой и конюхами четыре тысячи человек, да восемь тысяч всадников, да пехота, стрелки и осадные машины... Десяток же солдат легко заменить, не отягощая твой слух докладом о подобной мелочи.

— Не только в солдатах дело, — брови дуона сошлись в прямую линию. — А этот бродяга? Этот варвар с севера? Вот что главное! — Тасанна окинул вельмож хмурым взглядом. — Если из неведомых краев явится целая орда, где каждый воин стоит десятерых наших, что мы будем делать? Что, я вас спрашиваю? Это не с Селандой воевать! Не с Хаббой и не с Хотом!

— Прости, повелитель, — Саракка поклонился, решив, что пришло время вмешаться в разговор, — но звезды не предвещают нашествия врагов. И я думаю, что нет в мире войска, где все бойцы походили бы на того северного варвара. Мы бы знали, слышали о таких необычайных вещах! Известны ведь нам не только воинские приемы ближних народов, но и туранцев, вендийцев, людей из Меру и Кусана... И о Кхитае кое-что удалось разведать, и даже о странах, именуемых Немедией и Аквилонией, лежащих далеко на западе, где благородные нобили идут в бой в броне на огромных лошадях... Нет, хоть мир и велик, до нас дошли бы слухи о воинах-гигантах, что сражаются двумя мечами! Но такой армии не существует... разве что один на удивление искусный боец тут, другой там... Стоит ли из-за них беспокоиться?

Все еще хмурясь и навивая на палец прядь бороды, Тасанна обдумывал слова мага. Наконец чело дуона разгладилось и, положив большие ладони на подлокотники, вырезанные в форме гривастых львиных голов, он кивнул.

— Ты прав, мудрец. И мы, и наши предки всегда справлялись с врагом, даже с дикими гирканцами... от прочих же бедствий нас уберег Лучезарный. Хвала Ему!

Все четверо одинаковым жестом воздели руки вверх, и некоторое время в чертоге, убранном багряными коврами, стояла благоговейная тишина; затем Тасанна вздохнул и потянулся к чаше, сверкавшей рядом на маленьком столике. Тай Па воспринял это как разрешение говорить.

— Итак, мудрый Саракка отыскал воина-чужеземца, на коего указывала Хвостатая Звезда, — медленно произнес сиквара. — Но человек сей нем и безгласен, ибо с ним случилось нечто странное. Что же мы должны делать? Мы не можем ошибиться в выборе, иначе Матраэль лишит нас своих милостей... да, лишит, и все благоприятные знамения, усмотренные в священную ночь, станут пылью на ветру и дымом отпылавшего костра...

Саракка усмехнулся, прикрыв ладонью губы. Несомненно, старый кхитаец смотрел в самый корень дела; и столь же несомненно, у него имелись мысли, как поступить с этим потерявшим память северянином. Однако он не спешил высказываться и, по восточной своей привычке, поставив вопрос, предпочитал выслушать вначале остальных.

— Я повешу этого бродягу, — решительно заявил дуон. — Мерзавец, убивший десять моих солдат, достоин только веревки!

Рантасса поерзал на сиденье и откашлялся.

— Позволю не согласиться с тобой, владыка. Почему только веревка? У нас есть много других способов казни, куда более мучительных... та же яма с пауками... клетка с голодными крысами... костоломное кресло... кол, наконец... Но раньше я допросил бы его под пыткой! Может, он злой колдун или лазутчик...

— Не думаю, что человек, крутивший ворот в Ариме, устрасится пытки, — возразил Тай Па. — К тому же, доблестный, вспомни, что он даже и не человек, а беспмятное животное... Что он может тебе сказать?

— Скажет! — Рантасса решительно рубанул воздух рукой. — Есть у меня молодцы... такие штуки знают, что и мул заговорит человеческим голосом!

— Знающие молодцы и у меня есть, — заметил сиквара, — вот только вряд ли пытка и казнь совпадают с желанием великого Матраэля. Не забывай, доблестный, что на этого человека нам указал бог!

— Указал затем, чтобы мы покарали убийцу! — прогремел дуон, приподнимаясь в кресле.

На губах старого кхитайца заиграла безмятежная улыбка; сейчас он напоминал вырезанную из желтой древесины статуэтку восточного божества, какие Саракке доводилось видеть в Меру. Прикрыв узкие глаза и мерно покачиваясь, он произнес:

— Разреши, владыка, я задам несколько вопросов нашему мудрецу. Надеюсь, сейчас мы разберемся с этим делом.

Дуон нахмурился, но кивнул, убежденный в хитроумии своего советника. Тай Па знал сотню способов, как найти иглу в стоге сена или овсяное зернышко в мешке с пшеницей.

— Скажи, почтенный Саракка, ты говорил с воинами, что затеяли свару в том кабачке?

— Да, предусмотрительный сиквара.

— Значит, ты хорошо представляешь, кто где стоял и что делал?

— Полагаю, так, — молодой звездочет склонил голову.

— Из твоего рассказа ясно, что северянин зарубил нескольких солдат, остальные же бросились бежать, и он погнался за ними... Мог ли он перебить их всех?

— Солдаты, что вышли живыми из драки, в том не сомневаются. Он, словно голодный тигр, догнал одного, отсек голову, а потом...

— Потом?

— Потом упал, словно пораженный громами небесными!

— А! — темные глаза кхитайца сверкнули. — Упал, словно пораженный громами небесными! Так, так... И что же ты об этом думаешь, молодой мудрец?

Саракка в нерешительности поерзал на подушке, чувствуя себя не очень уютно под пристальными взглядами трех стариков. Но Тай Па славился своим умением снимать допросы, и было лучше сказать ему правду.

— Похоже, что воина, могучего, непобедимого и жестокого, поразил божий гнев... настигла кара... что еще тут придумаешь?

— Вот оно! Настигла кара! — Тай Па повернулся к дуону. — Представь себе, повелитель: человек, владеющий тайным боевым искусством, рубит и рубит твоих солдат... сильный, стремительный, безжалостный... затем падает и превращается в покорную тварь, безмозглую и бессловес-

ную... Рука богов, не иначе! Ибо, желая покарать смертного, боги лишают его разума.

— Ты так полагаешь? — с сомнением протянул дуон. — В конце концов, рубил-то он солдат, не беспомощных младенцев... А солдаты наши, особенно колесничие, и сами спуску никому не дадут...

— Причины столь жестокой кары мне неведомы, — кхитаец пожал узкими плечами. — Может, лежал на том северянине колдовской зарок... может, еще что... Но Матраэль его покарал, это несомненно! А потом послал знаменье, повелев, чтоб мы его нашли... Спрашивается, зачем?

Дуон задумался, и в зале снова воцарилась тишина. Саракка, восседая на своей подушке, прикрыл ладонями лицо: он улыбался. Всегда приятно, когда мнение умного человека совпадает с твоим собственным, а сиквара Тай Па был не просто умен, но мудр. Молодой маг давно понял, куда он клонит.

— Значит, этого человека уже покарали боги или демоны, — произнес наконец Тасанна. — И Матраэль отдал его в наши руки, послав знаменье магу... Хмм... Чего же Он хочет? Чтобы наш мудрец вернул этому варвару память? Но возможно ли такое?

— Сомневаюсь, — Тай Па покачал головой. — Чародей, даже столь искусный, как почтенный Саракка, все-таки не бог... Да и зачем Матраэлю прибегать к помощи смертного, если б он решил простить убийцу? Скорей, я думаю, Он желает, чтобы Саракка сделал то, что в его силах, не больше и не меньше. Может быть, даровал некоторое просветление... вот тут... — Рука кхитайца многозначительно коснулась лба.

Тасанна усмехнулся.

— Выходит, не пытаться, а лечить? И ты тоже так думаешь? — Он поглядел на мага, и тот, почтительно сложив руки на груди, поклонился. — Ну, быть по сему! Лечи!

Откинувшись на спинку кресла, дуон прикрыл глаза и замер. Он не отпустил своих вельмож, и те по-прежнему сидели в багряном чертоге, освещенном бесчисленными лампами из серебра, в которых горело благовонное масло. Воздух, насыщенный его ароматом, был густым и тяжелым; сизые струйки дыма поднимались к высокому потолку, нависая там расплывчатым облачком, похожим на

те, коими Матраэль скрывает свое золотое око, уставшее от созерцания земных мерзостей и непотребств. Пламя свечей отражалось в блестящей бронзовой оковке дверей, за которыми несли стражу солдаты в железных кольчугах, с квадратными завитыми бородами; отличные воины, столь же ретивые и безжалостные, как и припелец с севера. Правда, не такие искусные в делах убийства...

— Удивительную и страшную историю поведал нам мудрец, — произнес наконец дуон, подняв веки. — И самое страшное в ней то, что добавлено сегодня и здесь предусмотрительным Тай Па.

— Да, повелитель? — Старый кхитаец приподнял тонкие, будто нарисованные брови. — Что же такого страшного было сказано мной?

— Как что? — Тасанна неторопливо приложился к чаше. — Как что? — повторил он, стряхивая капельки вина с бороды. — Пришел человек с севера, убил моих солдат, крепких мужей, способных постоять за себя, и бог его покарал, лишив разума... Мы же, я сам, ты и ты, — владыка ткнул перстом в полководца и советника, — тоже убиваем. Убиваем врагов, убиваем преступников и святотатцев, наказываем провинившихся рабов... Возможно, то право власти — убивать... А если нет? Значит ли сие, что Лучезарный и на нас может обрушить свою кару? Так же, как на этого варвара?

Чело дуона омрачилось, но тут Тай Па спокойно заговорил.

— За свои ошибки и жестокость, светлейший, мы ответим после смерти, представ перед светлыми очами Матраэля; тогда Он будет нас судить и карать. Но вряд ли нам грозит Его гнев сейчас, коли Он позволил и тебе, и мне, и доблестному Рантассе дожить до преклонных лет — хотя, быть может, все мы более страшные грешники, чем северный варвар, зарубивший десяток солдат.

— Странно, — сказал дуон.

— Странно, — подтвердил Рантасса.

— Странно, — согласился маг, поглядывая на бесстрастное лицо старого кхитайца.

— Странно, — Тай Па склонил голову. — Действительно странно, и я вижу тому лишь одно объяснение: у этого варвара свои дела с богом, и спрос с него выше, чем с нас.

Саракка в глубокой задумчивости шел по одному из подземных переходов, что шестью лучами разбегались от дворцового зиккурата. Этот вел в пирамиду, посвященную созвездию Пальмы; в ней, по древней традиции, обитали жены и наложницы дуона — в том числе и прекрасная вендийка, которую молодой маг допрашивал совсем недавно. Считалось, что женщины владыки, пребывая в башне Пальмы Кохт, станут такими же плодоносящими, как это древо; и надо сказать, что поверье сие оправдывалось. Во всяком случае, дуон Тасанна насчитывал потомков десятками, и многие его сыновья, достигшие возраста зрелого мужа, командовали уже воинскими отрядами.

Коридор, что вел к зиккурату Пальмы, тоже удостоился названия — дороги Крылатых Коней; эти чудесные звери были отчеканены в натуральную величину на бронзовых панелях, покрывавших стены. Два фриза тянулись на добрую сотню шагов, и только посередине величественную процессию лошадей Матраэля прерывали другие изображения: слева — огромная пальма в цвету, справа — водопад Накаты, падающий из темного зева пещеры. Среди застывших в бронзе струй виднелась небольшая дверца; она и вела в обитель придворного мага.

В начале и конце широкого и хорошо освещенного прохода дежурили стражи, но у покоев Саракки не стояло никого, хоть дверь и не запиралась вовсе — ни обычным, ни магическим замком. Нужды в том не было: если б незванный гость попробовал проникнуть к нему, дальше лестницы он бы не прошел. Конечно, существовали и более грубые методы, коими можно было нарушить уединение Саракки — например, пробить потолок его подземных чертогов — но такую меру применили бы лишь в случае великой провинности, чтобы доставить не оправдавшего доверие чародея к яме с пауками или в кавалерийские казармы, к жеребцам и их страшным копытам. Саракке же эти ужасы больше не грозили.

Отворив дверцу, он протиснулся на маленькую площадку, за которой начиналась лестница, ровно двенадцать ступеней, ведущих вниз. По-прежнему пребывая в задумчивости, молодой маг спустился вниз, потом поднялся, ибо за первым лестничным маршем был еще один, точно такой же, однако ведущий вверх. Затем ему пришлось

снова спуститься и подняться, и еще раз, и еще; наконец Саракка хлопнул себя ладонью по лбу, коря за рассеянность, и пробормотал нужное заклятье. Без него можно было спускаться и подниматься по этим лесенкам до конца жизни.

В последний раз пересчитав ступени, он очутился в небольшой и совершенно пустой камере со сводчатым потолком. Отсюда дверь налево вела в его рабочие покои, дверь направо — в личные апартаменты, где он бывал нечасто; вот и сейчас звездочет, почти не раздумывая, направился к левой двери.

Обширный зал, где придворные маги из поколения в поколение занимались волшебной, казался уютным и прекрасно оборудованным для колдовских занятий. Обычно вид его согревал сердце Саракки, заставляя вспомнить о многих славных именах, об ученых людях, от коих унаследовал он и эти шкафы, полные свитков и книг, и тонкие инструменты, и удивительные редкости, среди которых двухголовый петушок из Бар Калты занял уже достойное место. Но сейчас маг не обратил внимания на свои сокровища; торопливым шагом он проследовал в дальний конец покоя, где на просторном ложе под закрепленными на стене светильниками распростерся нагой мужчина.

Варвар лежал на спине, уставившись в потолок, точно в той же позе, в которой Саракка оставил его днем, когда уходил к дуону; глаза его были широко раскрыты и мутны, как у снулой рыбы. Звездочет в который раз подивился мощному телосложению этого человека, отметив про себя, что он сравнительно молод; вероятно, они были ровесниками. Рядом на столе, холодно мерцая в свете масляных ламп, лежали два меча — те самые, что выпустили кровь из двенадцати колесничих Рантассы. Саракка разыскал их не без труда, ибо от десятника они успели перебраться к сотнику, и тот никак не желал расставаться с чудесным оружием. Пришлось даже припугнуть его гневом дуона! Саракке эти клинки были совершенно необходимы — он надеялся, что их вид пробудит у невольника какие-то воспоминания. Но варвар, похоже, и не взглянул на них, оставаясь весь вечер недвижимым, как огромная, отлитая из бронзы статуя.

Вздохнув, молодой маг подвинул к ложу глубокое кресло, уселся и устремил взгляд на каменное лицо северянина. Как пробудить его память? Кто он? Откуда? Как

его имя? С какой целью он пришел в Дамаст? И где был раньше? По крайней мере, Саракка знал, как получить ответ хотя бы на часть этих вопросов.

Снова вздохнув, он провел ладонью над глазами варвара, и тот покорно опустил веки. Похоже, у него не осталось не только разума, но и воли, подумал маг, сотворив два-три пасса. Больше не понадобилось: исполнин уже крепко спал, грудь его мерно вздымалась, могучие руки были бессильно вытянуты вдоль тела.

Некоторое время Саракка глядел на него, потом, сунув руку за пазуху, извлек два крошечных зеркальца — с одним из них он наведывался к вендийской наложнице дуона. Эти серебристые кругляши позволяли не только отличать правду от вымысла; у них имелись и другие замечательные свойства, совершенно неоценимые, к примеру, для шпионского ведомства Тай Па. Оставив одно из зеркал у трона своего владыки, молодой звездочет мог бы услышать и увидеть в другом все, что происходит в тронном зале — правда, лишь с сотни шагов. На большем расстоянии звуки становились неразборчивыми, картины начинали стремительно мелькать, расплываясь в разноцветные клубы тумана, и никакие заклятья не могли сделать их четкими.

Тем не менее, волшебные зеркала являлись великим сокровищем, доставшемся Саракке от кого-то из его предшественников, и он использовал их лишь в случае крайней необходимости — например, как с той вендийкой. Сейчас он также намеревался пустить их в ход, собираясь подсмотреть сны северного варвара; ведь если этот человек дремлет наяву, то, быть может, живет во сне? Во всяком случае, такое не исключалось.

Положив одно маленькое зеркальце на лоб северянина, Саракка прижал второе к виску, откинулся на спинку кресла, смежил веки и привычным усилием вошел в транс. Довольно долгое время он не видел и не слышал ничего; перед ним крутился серый туман, и разум мага тщетно погружался в его мрачное и вязкое безмолвие, пытаясь уловить какие-либо звуки или осмысленные формы. Он плыл в ледяной мгле, ощущая лишь безмерность окружающего пространства, холодное дыхание пустоты, кружение и слабое покачивание, словно под ним колыбалась зыбь странного белесовато-серого океана; она казалась мертвой, как пепел отгоревшего костра. Потом он

услыхал звук, резкий и тихий, но отчетливо различимый; казалось, где-то рвали прочное полотно — или клочья тумана со скрежетом расходились в стороны, открывая взгляду некие смутные картины. Саракка, остановив свой мысленный поиск в серой пустоте, присмотрелся.

Скалы... темные, мрачные, в окружении заваленных снегом корявых сосен... Маленькая фигурка перепрыгивает с камня на камень, крадется по лесу, прижимая к груди самострел — небольшой, подходящий для детских рук... Бревенчатая хижина с дырой в крыше, над которой вздымаются клубы черного дыма... Внутри — тепло; там пылает кузнечный горн, и огромный человек в мехах стучит и стучит молотом по наковальне. Полоса стали вытягивается под ударами, ее кончик становится острым, медленно остывает, темнеет... Резкий пронзительный звук напильника; кузнец стачивает кромку, и темная острокопечная полоса постепенно превращается в клинок...

Пламя в ночи, рев боевых рожков, толпы людей в косматых шкурах, поднятые мечи, высокие каменные стены, башни, лестницы... Внезапно мелькнуло странное слово — Венариум; оно было высечено в граните огненными рунами. Венариум? Что это значит? Ничего... Руны замерцали и погасли, стены же придвинулись ближе, выросли; потом откуда-то выплыло свирепое бородатое лицо под налобником шлема — и вдруг опрокинулось назад, перечеркнутое алой полосой. Кровь! Огонь! Реки крови... море огня...

Степь... Тряский бег коня, всадники в белых бурнусах, блеск кривых сабель, блеск крепких волчьих зубов... Звон стали, испуганное ржание лошади, крики... Смуглая женщина, закутанная в покрывало до самых глаз... машет рукой, словно призывает...

Гигантская башня... Канат, обжигающий руки, медленный бесконечный путь вверх, к резным зубцам парапета... Таинственные залы, пустые коридоры, переходы, сплетающиеся в неведомый лабиринт... Комната с позолоченным куполообразным сводом, со стенами из зеленого камня, с ковром, скрывающим пол... Дым курильниц, мраморное ложе и странное существо на нем — с огромной уродливой головой, с хоботом, вытянутым на два локтя... Слепое... Оно начинает что-то говорить — монотонно, невыразительно; слова текут, падают, словно камни в море...

Море! Корабль с развернутым парусом, чернокожие гребцы на веслах, девушка с черными пылающими глазами... Почти нагая... Обнаженные груди, смуглое гибкое тело, темные локоны падают на плечи... Ее движения стремительны, как степной ветер, и грациозны, словно у вышедшей на охоту пантеры... Шевелятся алые губы, рождая музыку слов, по-прежнему непонятных, неясных, призрачных...

Другой корабль, другая команда, другая женщина... Человек, могучий мужчина, в странной позе застывший у мачты... Потом — чудовищный конус вулкана, дымное облако, расплывающееся над ним, серая метель... Пепел, пепел! Жуткий грохот, огненные языки лавы, струи синеватых молний, вылетающих им навстречу неведомо откуда, полупрозрачная голубая завеса, мерцающая над мрачной вершиной... На ней внезапно начинает прорисовываться чье-то гигантское чело — бездонные глаза, сурово сведенные брови, необозримые равнины щек... Оно все приближается и приближается, становится меньше, оставаясь таким же суровым, гневным; брови чуть изломаны, как у хищной птицы в полете, зрачки цвета янтаря вот-вот мгнут пламя...

Скрежет зубов! Саракка услышал эти звуки не выходя из транса, и ощутил, что и его челюсти словно бы сведены судорогой. Стараясь расслабиться, он торопливо досматривал последние картины; перед ним бесконечной чередой вставали фантомы городов, мчались в атаку всадники и колесницы, маячили чудовищные лики монстров, сверкали огонь и сталь, проходили люди — мужчины и женщины, воины и купцы, нищие бродяги и владыки, мореходы, кузнецы, воры... Одни что-то говорили ему, но он не различал слов; другие смотрели молча, словно угрожая или бросая вызов. Миг — и видения начали уходить, растворяться в сером тумане, блекнуть, как пыльные миражи; Саракка с хриплым судорожным вздохом очнулся.

Огромный варвар спал, запрокинув голову и негромко втягивая воздух полуоткрытым ртом; лицо его было спокойным, и маг понял, что фантомы минувшего больше не тревожат невольника. Он сильно потер ладонями щеки, прогоняя остатки видений, потом аккуратно сложил оба зеркала в замшевый мешочек и сунул его за пазуху.

Итак, разум северянина не был пуст! В нем сохранились некие воспоминания о прошлой жизни, пусть неосознанные и мучившие пленника лишь во время сна, но достаточно отчетливые для магического восприятия. Вероятно, он был непростым человеком; скорее всего, как подозревал Саракка, этот гигант являлся одним из тех великих воинов, владевших сказочным искусством боя, что бродят по миру, кочуя из страны в страну в поисках удачи и приключений. И, несомненно, его связывали свои, особые отношения с божеством, как догадался Тай Па! Молодой звездочет попробовал припомнить черты, проступившие на голубой завесе, и вздрогнул. Кто же из богов явил свой лик скитальцу, лежавшему сейчас перед ним в глубоком сне? Нергал? Ариман? Имир? Асура? Нет! То божественное чело было грозным, суровым, но не злым, и светилось аурой истинного Творца; лишь Матраэль, Податель Жизни, мог обладать подобным величием.

Саракка ощутил внезапный озноб и, поднявшись, начал расхаживать перед ложем, то и дело скашивая глаза на распростертого во сне гиганта. Чего же хотел Лучезарный, передав ему в руки раба своего, дерзнувшего чем-то прогневать божественного господина? Неужели прав старый Тай Па, и речь идет о смягчении кары? Об исцелении, которое способно даровать магическое искусство? Разумеется, временном, ибо даже величайший мудрец не сумеет вернуть человеку отнятое богом... Но и возвращенный на недолгий период разум давал провинившемуся шанс, возможность искупления — чего, по-видимому, желал Матраэль, приберегая этого человека для каких-то свершений в будущем.

Что ж, да будет исполнена воля Его!

Молодой маг воздел вверх руки и прошептал молитву. Затем он решительным шагом направился к шеренге массивных шкафов из темного дерева, что стояли у южной стены обширного покоя, и распахнул дверцы, украшенные резным изображением пучка трав. Сам он был не слишком сведущ в лекарском искусстве, но знал достаточно, чтобы распорядиться приготовленным в давние времена предшественниками. Дуонам Дамаста служили знающие чародеи; одни, подобно Саракке, умели провидеть будущее, толкуя небесные знамения, другие являлись великими целителями, постигшими тайны трав

и минеральных субстанций, третьи могли сплести паутину охранных заклинаний, четвертые искусно гадали по внутренностям животных, пятым была дарована власть над бурями и ветрами. Но все и каждый умели если не составлять новые снадобья, то хотя бы с толком пользоваться тем, что хранилось за дверцами с резным пучком трав.

Там замерли в ожидании сотни сосудов причудливой формы из стекла и фарфора, из золота и серебра, из драгоценных камней с выдолбленной сердцевинкой, ибо всякое лекарство, снадобье, яд или целительный бальзам полагалось держать в своем особом вместилище. Страшное зелье, что варилось из корней саниссы и смертоносных выделений гремучих змей, разъедало любой металл и стекло; его жгучее прикосновение выдерживал лишь благородный алмаз. Настойка же из трав, даривших облегчение переполненному желудку, усиливала свое исцеляющее воздействие, простояв несколько лет в серебряном кувшинчике — равно как и бальзам от головной боли. Чудодейственную мазь, заживляющую раны и ожоги, лучше было хранить в фарфоровой банке, а для микстур от кашля, от бессилия и слабости в членах больше подходили бутылочки из стекла. Густое тягучее масло, спасавшее от ломоты в суставах и разогревавшее кожу, также содержалось в стеклянном сосуде, в который были погружены пластинки благовонного сандала — их полагалось прикладывать к больным местам, обматывая полотняной тряпичей. Наконец, в граненых флаконах из рубинов и изумрудов, в крохотных флягах из нефрита, в хрустальных ретортах и полированных шариках из яшмы, блестящих на верхней полке, хранились магические элексиры и нектары, применявшиеся при разной волшебке — вызывании духов, усмирении ветров, общении с демонами или богами. Саракка еще ни разу не прикасался ни к одному из этих могущественных зелий и не знал, каковы они в деле.

Сейчас, отодвинув хрустальный цилиндр, в коем плавал в маслянистой жидкости цветок черного лотоса, молодой маг нащупал некий сосуд, стоявший у задней стенки шкафа. Он походил на простую бронзовую флягу размером с половину ладони; поверхность ее позеленела со временем, но пробка из каменного дуба на ощупь казалась столь же твердой, как и металл. Фляга была закупорена

особой тщательностью, и Саракка не торопился вынимать пробку: вначале он потряс сосудик, прислушиваясь к раздавшемуся внутри шуршанию.

Если верить записям Зитарры-целителя, служившего еще прадеду нынешнего дуона, в бронзовой фляжке хранился порошок минерала арсайя, за великие деньги выпущенного некогда из Вендии. Страна сия, как было известно во всем мире, была богата всевозможными чудесными камнями, травами, деревьями и животными, сосредоточенными, в основном, в южной ее части, отделенной от севера большим заливом. Там обитали и люди, хранившие древние знания, мудрецы, не уступавшие стигийским; но, в отличие от чародеев Черного Круга, их не интересовали ни власть, ни могущество, ни богатство — ничего из преходящих земных соблазнов и благ. Жизнь свою они проводили в смирении, довольствуясь немногим и не причиняя зла даже самой мелкой твари; обычно эти отшельники удалялись в горы или непроходимые леса, и там, погруженные в нирвану, обращались мыслью к своим древним богам. Среди них были великие подвижники, чьи души на время могли покидать бренные тела, воспаряя в астрал — что требовало не только истинной святости, но и определенного состояния разума, некоего просветления и предельной концентрации, которые достигались вдыханием паров арсайи. Минерал этот, чрезвычайно редкий и встречающийся только в Вендии, добывался людьми особой касты, бескорыстными служителями вендийских мудрецов; Саракка не представлял, какими хитростями Зитарре удалось раздобыть хотя бы малую толику.

Но, как бы то ни было, сейчас фляжка с арсайей была у него в руках — самое подходящее средство, чтобы принести облегчение лишенному памяти варвару. Молодой маг еще раз встряхнул ее, а потом не без труда раскупорил, быстро вытянув на полную руку и прикрывая горлышко пальцем. Несмотря на эти предосторожности, пронзительный свежий аромат коснулся его ноздрей, и Саракка с мудрой поспешностью сотворил охранный заклятье — он вполне доверял своей голове, и просветления, помогавшего собраться с мыслями, ему не требовалось.

Приблизившись к ложу и по-прежнему держа бронзовый сосуд в вытянутой руке, он поднес его к лицу спящего и отставил палец. Несколько мгновений Саракке казалось,

что ничего не происходит, но вдруг щеки северянина полыхнули румянцем, дыхание сделалось глубже и сильнее; он застонал, заворочался и с губ его слетели осмысленные звуки.

— Кром! — пробормотал он. — Кром! Что со мной?

Маг, довольно кивнув, закрыл флягу пробкой. Порошок арсайд, как утверждалось в манускрипте мудрого Зитарры, был весьма летуч и не стоило расхаживать его попусту; другого такого зелья ни в Дамасте, ни в Селанде не раздобудешь. Саракка не представлял, сколь действенным окажется его метод лечения — возможно, память возвратится к варвару лишь на один краткий миг, либо он придет в сознание на день или два. В любом случае, стоило побереечь чудодейственный вендийский порошок.

— Кром! — стонал северянин. — Кром!

Саракка отодвинул кресло подальше и на всякий случай сотворил еще пару охранных заклинаний. Кто знает, что придет в голову этому испопину в момент пробуждения! Он выглядел таким могучим, что вряд ли с ним справилась бы целая сотня стражей дуона!

Внезапно варвар открыл глаза. Они были уже не тускло-серыми и бессмысленными, а синими, как небо при закате солнца, и горели странным огнем. Напряглись и расслабились мощные мышцы, дрожь пробежала по телу, шевельнулись пальцы, сошлись в кулак; северянин с хриплым вздохом приподнялся, спустил ноги на пол и сел, опираясь кулаками на край ложа. Теперь глаза его смотрели прямо на Саракку; потом зрачки метнулись, осматривая подземный чертог, и на лице восставшего от сна отразилось недоумение.

— Кром! — опять произнес он, но на сей раз в полный голос, напомнивший магу рычание разъяренного льва. — Кром! Где я?

— В моем доме, — ответил молодой звездочет, стараясь сохранить спокойствие. — В моем доме, чужестранец, и я не желаю тебе зла.

— В твоём доме? — медленно повторил варвар, озираясь по сторонам. — Станный дом! Похож на логово чародея!

Быстро же он догадался, где находится, подумал Саракка. Несмотря на охранные заклятья, маг чувствовал бы себя уверенней, если б рядом находились воины светлейшего — пусть не сотня, а хотя бы десяток. Потом он

вспомнил, что сделал с десятком отличных бойцов этот северянин, и ему стало совсем неудобно.

— Ты кто? — Синие пылающие глаза уставились на молодого звездочета.

— Саракка, придворный маг светлейшего дуона Дамаста, — пробормотал тот, стараясь сдержать дрожь в голосе. Сейчас Саракке казалось, что он непредусмотрительно пробудил демона, с которым не в силах совладать.

Но варвар не двигался с места и никак не проявлял враждебности. Он посмотрел на стол, где льдисто блистали два клинка, глаза его сверкнули, но рука не протянулась к оружию; видно, хозяин колдовского чертога казался ему не опасным.

— Значит, ты маг дуона, владыки города Ста Зиккуратов, — сказал он, — и я нахожусь в твоём подземелье... Под одной из этих ваших ступенчатых пирамид, так?

Саракка кивнул.

— Я вижу, тебе случалось бывать в Дамасте, — в тоне его звучал невысказанный вопрос.

— Да, — варвар вытянул правую руку и уставился в пустую ладонь. — Выходит, ты, Саракка, чародей... Какой же? Черный или белый?

Молодой маг, постепенно обретая уверенность, усмехнулся.

— Ни черный и ни белый, странник. Я просто служу своему владыке верой и правдой, кормясь от его щедрот. Голова варвара качнулась.

— Вот о таких-то мне и говорил Учитель, — вымолвил он, и слова эти были для Саракки непонятны. — Еще не черный, но уже не белый... Серый, должно быть? — Взгляд его снова метнулся к лицу молодого звездочета. — И что же, ты меня пленил? По приказу своего дуона?

— Нет. Тебя подобрали в беспамятстве у северной окраины Дамаста и доставили ко мне, — Саракка решил пока не говорить, куда на самом деле отвезли пришельца и что он натворил — там, на этой самой северной окраине. — Я дал тебе некий элексир, — маг снова улыбнулся в доказательство своих дружеских намерений, — и ты пришел в себя. Теперь мы можем побеседовать.

— Выходит, ты меня вылечил? Что ж, благодарю, — процедил варвар с явным недоверием. — Но все это выглядит странно... очень странно... Я не ранен... — Его огромные ладони скользнули по выпуклым мышцам гру-

ди и живота, спустились на бедра и застыли на коленях. — Да, не ранен... а был бы ранен, так справился бы и с этой бедой... С чего бы мне падать в беспамятстве, а? Как ты полагаешь, чародей? — Его пронзительные синие глаза с подозрением уставились на Саракку.

— Вот об этом я бы и хотел услышать, — вымолвил звездочет. — Такого воина, как ты, не собьешь с ног одним ударом... разве что удар сей нанесла не человеческая рука!

— Не человеческая рука? О чем ты говоришь? — В глазах варвара отразилось недоумение, потом губы его внезапно дрогнули, и он прошептал: — Великий Митра! Что же случилось?

Саракка невольно откинулся в кресле, когда северянин сделал стремительный и непонятный жест: ладони его взлетели к груди, пальцы чуть скрючились, словно он пытался удержать в них невидимую сферу, взгляд застыл, направленный куда-то в пространство, лицо окаменело. Это длилось лишь краткий миг, но Саракка успел подумывать, что наблюдает некий странный обряд либо неведомое ему чародейство; затем чужеземец резко выдохнул воздух и в отчаянии ударил себя кулаком по лбу.

— Сила!.. — простонал он, — Сила покинула меня! И я все вспомнил! Вспомнил, испепели Кром мою печень и сердце!

* * *

Кабачок стоял на опушке пальмовой рощи, в сотне шагов от въезда в город, пробитого в нижнем этаже пятиярусного зиккурата. Конан добрался сюда по северному тракту, начинавшемуся у небольшой крепостцы, что стерегла гирканскую степь; он отшагал ночь, день и снова ночь, не чувствуя усталости, иногда переходя на бег, обгоняя встречавшиеся по дороге крестьянские повозки. Сила играла в нем, ее живительные потоки струились сверху, с небес, и от теплой плодородной почвы, от деревьев и трав; он ловил эти всплески астральной энергии, заботливо распределяя по всему телу — так, чтобы каждый мускул, каждая жилка насытились, напились вдосталь. Он не ощущал ни голода, ни усталости — ни сейчас, ни в минувшие дни, на всем долгом пути от пещеры Учителя до рубежей Дамаста.

Но все же человек должен есть и пить, а потому, принявшись к аппетитным запахам вина и жареного мяса, Конан свернул с дороги. Кабачок ему понравился. Под навесом, с трех сторон увитым виноградными лозами с большими — в ладонь — листьями, находился десяток гладко струганных столов из светлого дерева; при них — массивные широкие лавки с плоскими кожаными подушками. С четвертой стороны на козлах лежала длинная доска, уставленная расписными кувшинами и кружками из обожженной глины. За ней виднелись торцы нескольких бочек с медными кранами и очаг, на котором в сковородках и кастрюлях что-то шипело и скворчало, испуская соблазнительные ароматы. У очага суетился повар в белой набедренной повязке; сам же хозяин заведения, толстяк с перевитой ленточками бородой, разливал рдяно-красный напиток. Ему помогала черноглазая стройная девица в коротеньком хитончике, торопливо разносившая кувшины по столам; талия у нее была стройной, пышные груди — соблазнительными, а ноги — длинными и округлыми. Взглянув на нее, Конан подумал, что стоит и заочевать в таком приятном месте. Наверняка он мог найти здесь не только мясо и вино, но все прочие утехы, коих был лишен много дней, во время сурового послушничества у наставника.

Половина столов была занята — там гуляли солдаты. Судя по всему, непростые — колесничие, отборные воины местного владыки; их боевые повозки, сверкавшие бронзой, стояли на обочине дороги, а выпряженные кони паслись в рощице. Конан, не желая слушать их галдеж и грохот то и дело сдвигаемых кружек, выбрал место подальше, швырнул под лавку свой дорожный мешок и сел. Покопавшись в кошелье, он выудил пару серебряных монет и начал небрежно подбрасывать их в ладони, с почти детской радостью ощущая, как струившаяся от пальцев ниточка Силы крутит и вертит в воздухе блестящие диски.

Черноглазая служанка, оттащив на столы колесничих последний кувшин, подошла к нему. Конан усмехнулся; пунцовые губки девушки дрогнули в ответной улыбке. Определенно, она была очень недурна!

— Что желает чужеземец?

Он осмотрел ее с ног до головы, и черноглазка зарделась.

— Вина, моя красавица, и мяса! Много вина и много мяса!

— Больше ничего?

— Ну почему же? И все остальное, что ты можешь предложить!

Конан метнул ей монеты, и девушка ловко поймала их.

— Все остальное стоит дороже мяса и вина, — ее улыбка сделалась лукавой. — Хотя с таким богатырем, как ты, опасно спорить и торговаться.

— Я не торгуюсь с женщинами. — Рука Конана снова прогулялась в кошель, и теперь на его ладони сверкала горстка золота.

— О! — Черные миндалевидные глаза девушки округлились. — Почтенный чужеземец богат!

— И щедр!

— И хорош собой!

— И ласков!

— И хвастлив... немного!

Они одновременно расхохотались, увлеченные этой игрой, и девушка убежала, сверкая округлыми бедрами. Конан поглядел ей вслед и решил непременно остаться ночевать. Может, она и не была красавицей, повергающей ниц единым взглядом, ну так что ж? Много дней он не касался женского тела — и то, что сейчас посылал случай, его вполне устраивало.

Вскоре на его столе появились два кувшина с розоватым вином, плетеное блюдо со свежими лепешками, тарелка с тушеной бараниной, еще одна — с двумя молодыми петушками, обжаренными на вертеле, и несколько больших гроздей сочного винограда, выложенного на зеленые листья. Черноглазка таскала молодому и симпатичному путнику всю эту снедь, перебрасываясь с ним то шуткой, то лукавым словечком, то озорным взглядом; и Конан чувствовал, что его шансы приятно провести ночь растут с каждой выпитой кружкой вина. Кстати, напиток показался ему кисловатым, хотя мясо и петушки были приготовлены отменно.

Покончив с первым кувшином, киммериец встал и направился напрямик к хозяину, торчавшему у бочек подобно расплывшемуся холму на фоне горного хребта. Он играл ленточками, вплетенными в бороду, и поглядывал на колесничих, шумно пировавших за сдвинутыми

столами — не испытывают ли почтенные воины в чем-либо недостатка.

Конан выложил на доску серебряный кругляш.

— Налей мне вина, хозяин, за отдельную плату. Только хорошего! Розовое у тебя кислит.

Толстяк поклонился, сокрушенно разведя руки в стороны.

— Клянусь милостью Лучезарного, путник, больше я ничего не могу предложить! Это цельное вино, неразбавленное...

— Я и не говорю, что в него долили воды, — миролюбиво заметил Конан. — Мне не нравится его вкус. Нет ли у тебя крепкого красного? Помнится, я пил такое, когда заглядывал в Дамаст прежде.

— Нет... ни капли нет... — толстый хозяин поежился, и киммериец понял, что он врет. С чего бы? Странно... Любой трактирщик отпустил бы за серебряную монету кувшин самого лучшего вина.

Конан покосился на столы колесничих. Люди эти казались настоящими мужами войны, широкоплечими и рослыми, с мощными шеями и ухоженными бородами, в добротных льняных туниках без рукавов; их кольчуги, бронзовые шлемы и оружие лежали рядом на лавках. Опытный глаз киммерийца сразу отличил стрелков от копьеносцев и мечников: первые глядели так, словно целили стрелой в лоб, у вторых же правое предплечье бугрилось крепкими мышцами. У одного из воинов — видно, десятника — на груди сверкала серебряная цепь; прочие щеголяли перстнями и серьгами с самоцветами.

— Похоже, они пьют красное, — сообщил Конан хозяину, подвигая к нему свою монету. — То самое красное, которого у тебя ни капли нет. Удивительно, правда? Они что же, принесли его с собой?

Толстяк сам сделался красным, как его вино.

— Видишь ли, господин мой, — зашептал он, перегнувшись через доску, — кабачок мой — вблизи казармы... вон того зиккурата, под которым проезд в город. И колесничие нашего светлейшего дуона часто посещают меня... можно сказать, я при них и состою... Люди же они благородные и гневливые... чужим не мирволят... и уж совсем не любят, когда я подаю пришельцам вино, заготовленное для них...

Конан вновь оглядел воителей дуона. На сей раз взгляды, которые он бросал на их столы, были замечены; одни ответили ему вызывающими взорами, другие — хмурой ухмылкой. Похоже, благородные колесничие дуона и впрямь не жаловали чужаков.

Усмехнувшись, Конан выложил на прилавок еще одну серебряную монету и склонился к уху хозяина.

— Солдаты, твои благодетели, хлещут красное бочками — так неужели и для меня не найдется кувшина? И кто заметит, какое вино мне подали?

Толстяк вздохнул и сгреб обе монеты.

— Лучше бы ты пил розовое, — грустно заметил он. — Ну, иди к себе; девушка принесет то, что ты хочешь.

Киммериец последовал этому совету и принялся с аппетитом доедать петушков. За время, проведенное в пещере наставника, он совсем отвык от мясного, и сейчас наслаждался сочной поджаристой птицей, перемалывая ее вместе с костями. По его подбородку стекал сок, губы блестели от жира; покончив с петухами, он оттер рот лепешкой и сыто рыгнул. Пора бы и запить, промелькнуло в голове.

Черноглазая служанка уже спешила к нему, придерживая кувшин на крутом бедре. Но то ли она выбрала неудачный маршрут, то ли колесничие, разгорячившись, возжелали сладкого — попала девушка прямо им в руки. Один из воинов ухватил ее, усадил на колено, и принялся шарить за пазухой; другой, не обращая внимания на визг красотики, вырвал у нее кувшин — что б приятелю было удобнее. Разумеется, он заглянул внутрь, тут же испутив гневный рык.

— Эй, Харра! Куда твоя девка тащила это вино? — воин поднялся и, не выпуская из рук кувшина, подошел к толстому кабатчику. Тот покраснел и затрясся.

— Помилуй, господин мой, вам и несла! На ваши столы!

— На наши столы? — колесничий мрачно уставился на хозяина. — А я так думаю, ты врешь, Харра! Вон к тому оборванцу несла твоя девка, да мы ее поймали! — он метнул яростный взгляд на Конана, объедавшего гроздь винограда. — Ты что же, Харра, привечаешь теперь любого бродягу? Любого ублюдка, что заглянет в твой грязный кабак?

— Но он заплатил... — пролепетал хозяин. Воины приумолкли, с любопытством поглядывая то на толстяка, то на Конана; даже девушка перестала визжать, съжившись от страха.

— Если и заплатил, то ворованными деньгами, клянусь бородой Лучезарного! И тебе, Харра, полагалось вызвать стражей или обратиться к нам, а не поить бродягу и вора лучшим вином Дамаста!

Конан встал и в три шага приблизился к стойке.

— Случалось мне водить компанию с бродягами и ворами, но ты, солдат, будешь погнуснее их! — Голос киммерийца был негромок, но полон угрозы. — Ну-ка, отдай мне кувшин! В конце концов, я заплатил за это вино... А ты, — он повернулся к воину, обнимавшему черноглазку, — отпусти девушку! И побыстрее, отродье Нергала!

Наступила тревожная тишина. Колесничие разглядывали Конана с тем безразличным пренебрежением, которое солдаты, мнящие себя непобедимыми, питают к остальным представителям рода человеческого. Конечно, этот бродяга выглядел настоящим великаном, и над плечами у него торчали рукояти мечей, но он был один! Может ли одиночка бросить вызов двадцати воинам? И может ли он владеть оружием так, как люди благородного сословия, привыкшие к нему с детства?

Наконец солдат у стойки нарушил молчание.

— Ты хочешь вина, оборванец? Клянусь светом Матразля, ты его получишь! И добрый удар по шее в придачу — вместо девки!

Он швырнул в лицо Конану кувшин и, прыгнув к скамье, ухватился за меч. Руки киммерийца взлетели вверх, глиняный сосуд наткнулся на подставленные ладони и, словно упругий мяч, отскочил к столам, странным образом перевернувшись в воздухе и пролив багряный дождь на воина, уже обнажившего клинок. Потом кувшин свалился на землю, брызнув фонтаном осколков.

— С тебя две серебряные монеты, парень, — сказал Конан задиристому солдату, застывшему с мечом в руке. — Ты разлил мое вино.

— Две монеты?! — взревел колесничий. — Сейчас ты их получишь, придорожная мразь!

Он ринулся вперед с занесенным клинком, явно собираясь рассечь обидчика напополам. Остальные воины зашумели и начали подниматься, разбирая оружие; каждый

спешил проучить наглого бродягу, если не мечом, так древком копья. Служанка с воплями бросилась к хозяину; тот, предвидя драку и смертоубийство, вместе с поваром скорчился за бочками.

Конан отбил первый выпад, не вытаскивая своих мечей; просто подставил ладонь под лезвие, одновременно пнув солдата ногой в живот. Может быть, тем бы дело и кончилось — синяками да ссадинами, а не большой кровью; он мог расправиться с двумя десятками воинов светлейшего дуона голыми руками, обломать древки копий об их ребра, а шлемы и кольчуги сплавить в бесформенный ком металла. Но тут свистнула стрела, прочертив алую царалину на его плече, и Конан пришел в ярость.

На него напали — значит, он был в своем праве! Он помнил об этом, несмотря на багровый туман бешенства, кружившийся в голове; и еще он помнил о Фарале, Сером Страннике, уложившем некогда шестерых пиратов на прибрежный песок моря Вилайет. Фарал убил, обороняясь, не нарушив обет; и он, Конан, сейчас сделает то же самое... Перебьет этих шакалов, отправит к их гнусным богам!

Они навалились на него толпой, и каждый тянул руки с мечом, копьем или секирой, норовил ткнуть острием, полоснуть лезвием, ударить под ключицу, в горло или в пах; они и в самом деле казались стайей хищников — черные завитые бороды угрожающе выставлены вперед, крепкие зубы ощерены, щеки багровеют краской гнева, из глоток рвется яростный рев. Один из них, скорчившись, держась за живот, валялся у ног пришедшего оборванца, наглеца, посмеявшегося оскорбить и ударить колесничего! Расплатой за это могла стать лишь смерть — или такая мука, которая страшнее смерти.

Клинки Конана свистнули дважды, и четыре обезглавленных тела покатались по земле. Он врезался в толпу нападавших, расшвыривая их локтями и ударами тяжелых сандалий, слыша хруст костей, сдавленные вопли, стоны и нетерпеливое рычанье тех, кто был позади, кто не успел отведать ни клинка его, ни кулака. О, как легко и сладостно было убивать! Как просто — совсем не так, как раньше! Время будто остановилось; тела врагов, их руки и поднятое оружие застыли, замерли, не в силах шевельнуться, нанести удар, отразить гибельный выпад... А он бил и бил — со всей мощью, дарованной небом, играя своими стремительными клинками, что выпускали голу-

бые сполохи! Он бил — и кровь фонтаном взлетала вверх, падали чернобородые воины, царапая скрюченными пальцами землю, закатывались яростные глаза, и гневный багрянец щек сменялся смертельной бледностью...

Когда колесничих осталось не больше половины, они словно прозрели. Вокруг валялись трупы их товарищей — с отсеченными головами или разрубленные чудовищным ударом от плеча до паха; кровь покрывала землю, столы и скамьи, ее алые струйки тянулись среди мисок и разбитых кувшинов, смешиваясь с вином; оружие, выщербленное и погнутое, превратилось в бесполезный хлам. И эти жалкие мечи и копья не могли защитить от грозного гиганта, что надвигался на кучку солдат словно смерч на песчаные барханы!

Да, их оружие, их воинская выучка, их храбрость и сила, их многочисленность — все было бесполезно, ибо сражались они не с человеком. И, поняв это в некий миг прозрения, воины светлейшего дуона утратили мужество и пустились в бегство.

Они мчались со всех ног, переворачивая лавки и столы, и каждый, объятый ужасом, вопил свое. Один кричал — «Оборотень!», другой — «Колдун!», третий хрипел, растягивая трясущиеся губы — «Демон!» Конан, все еще пылая яростью, погнался за тем, который издавал невнятный и нечленораздельный вой; похоже, он был напуган сильнее прочих, и глотка окончательно ему отказала. Киммериец догнал его в три прыжка, сбил кулаком на колени, занес клинок...

Бородатое лицо солдата, потное, искаженное ужасом, маячило перед ним; «Не убивай!» — молили темные колдоды глаз, «Не убивай!» — шептали пересохшие губы. Не убивай, не убивай, не убивай... На миг Конан услышал и другой голос, резкий, словно карканье ворона или отрывистый клекот хищной птицы: «Пощади того, кто просит пощады!» Но он не привык щадить.

Сверкнув, меч киммерийца опустился. И вместе с ним сверху обрушилась тьма.

* * *

— Он ушел, светлейший, — произнес Саракка и почтительно поклонился.

— Ушел? — густые брови дуона гневно сошлись на переносице. — Как это — ушел? Без моего соизволения? Кто осмелился отпустить его, маг?

Саракка сглотнул слюну. Страх терзал его, но лицо молодого звездочета казалось уверенным и спокойным. Тасанна, властелин Дамаста, отличался отменным здоровьем, и Саракка знал, что еще долгие годы будет служить ему. Чтобы не очутиться в яме с пауками или под копытами жеребцов, надлежало обуздывать свой страх и разумным словом утишать гнев владыки. Тасанна был вспыльчив, но совсем неглуп и склонен прислушиваться в толковым речам своих советников.

— Кто осмелился его отпустить? — вновь повторил светлейший, и Саракка, шевельнув непослушными губами, отчетливо вымолвил:

— Я, повелитель.

Лицо дуона окаменело, пальцы стиснули львиные головки резных подлокотников. Рантасса и Тай Па, как всегда сидевшие по обе стороны трона, обменялись быстрыми взглядами и опустили головы. Как показалось Саракке, в глазах кхитайца мелькнуло сочувствие.

— Ты забываешься, маг, — медленно произнес Тасанна. И тон его, и слова выражали крайнюю степень неодобрения, за которой маячили кол, веревка и подкованные железом копыта. Обычно он называл Саракку мудрецом или звездочетом, словно желая подчеркнуть возвышенную сторону его занятий; «маг» звучало в устах светлейшего подобно ругательству.

— Ты забываешься, маг, — снова раскатился под сводами покоя сильный и властный голос. — Ничто в Дамасте не совершается без моего соизволения, и тот, кто забывает об этом, подлежит жестокой каре!

— Разумеется, мой владыка, — молодой звездочет покорно склонил голову. — Но разве ты сам не прислушиваешься к желаниям Лучезарного? И разве обещанные им блага — процветание державы и твое драгоценное здоровье — не стоят жизни одного человека, пусть и виновного перед тобой? К тому же, как мы выяснили, на нем лежит рука Матраэля, и он подсуден только Ему.

Несколько мгновения дуон размышлял, то поглаживая завитую тугими кольцами бороду, то играя тяжелой цепью; потом взгляд его обратился к Тай Па.

— Что скажешь, сиквара?

Кхитаец прочистил горло.

— Я полагаю, владыка, что лучезарный Матраэль, желая испытать мудрость детей своих, загадал нам три

загадки. И в том мне видится глубокий смысл, ибо во многих странах, особенно древних, таких, как Стигия, Кхитай и наша преславная держава, три почитается священным числом. Итак, — Тай Па поднял тонкую руку и загнул один палец, — первое мы исполнили: наш молодой мудрец верно разгадал небесное знамение и нашел того человека, северного воина, на коего указывала Хвостатая Звезда. Исполнили мы и второе, догадавшись, что варвара нельзя предать казни или пытке, ибо он несет кару, назначенную богом, и неподсуден законам смертных. Наш мудрец, — сиквара подчеркнул это слово, загнув второй палец и слегка склоняя голову в сторону Саракки, — нашел способ излечить северянина... вернее, на время вернуть ему память. Оставалась третья задача: доискаться решения Матраэля насчет его дальнейшей судьбы. Мы могли задержать этого пришельца, казнить после допроса с пристрастием или отпустить. Саракка его отпустил, и, я думаю, сделал правильно.

— Почему?

Тай Па пожал плечами.

— Повторю, мой повелитель: сей человек несет кару, назначенную богом, и неподсуден законам смертных. Он немного поведал почтенному Саракке о жизни своей, о целях странствий и надеждах души и сердца, но и того, что узнал наш мудрец, достаточно. Мне кажется, бог испытывает этого варвара с севера... испытывает жестоко, готовя к некоему свершению, предстоящему в будущем... Можем ли мы — из любопытства или прихоти — вмешиваться в такое дело?

— Может, ты и прав, — произнес дуон, и Саракка с облегчением заметил, что чело властелина Дамаста разгладилось, а движения рук, тербивших бороду, сделались медленными и плавными. — Может быть, ты и прав, но все сказанное сейчас всего лишь слова... да, слова, которые нуждаются в бесспорном доказательстве. Верно ли поняли мы волю Лучезарного в последнем, третьем, случае? И верно ли поступил мудрец, решив все за нас?

Взгляд дуона остановился на Саракке, и тот, ободренный возвращением титула мудреца, многозначительно откашлялся.

— Я могу представить такое доказательство, владыка. Оно будет ясным и бесспорным; бог сообщит нам, что воля его исполнена, а значит, все благодеяния, обещанные

Им, прольются на Дамаст подобно освежающим водам Накаты.

— Ты уверен в том?

— Да, мой повелитель. Скажи, выходил ли ты из своих покоев вчерашней ночью? Примерно в то время, когда к варвару, к этому северянину, возвратилась память?

Дуон кивнул.

— Я прогуливался по террасам дворца перед сном. Вместе с Рантассой, так? — Полководец кивнул. — Мы любовались звездным небом и вспоминали молодость... — на губах владыки мелькнула мечтательная улыбка, так не вязавшаяся с суровым выражением его лица.

— Вероятно, и ты, и доблестный Рантасса, заметили, что Хвостатая Звезда, возвестившая нам волю Матраэля, сияет по-прежнему ярко, указывая на небесного Воина?

— Да, истинно так! Она пылала сильнее прочих глаз Лучезарного, словно напоминая нам, что Его повеление еще не исполнено до конца. Мы с Рантассой говорили и об этом.

— Не желаешь ли взглянуть, взойдет ли Звезда сегодня ночью? После того, как мы завершили дело с этим северянином?

— А! — Руки Тасанны, гладившие бороду, замерли. — Понимаю, мудрец, понимаю... Да, то было бы бесспорное знамение! Видимый знак того, что воля бога свершилась, как и надлежит!

— Скоро стемнеет, — негромким голосом произнес Тай Па.

— Да, скоро стемнеет! — Дуон стремительно поднялся, скрипнув креслом, и трое сановников торопливо встали вслед за ним. — Пошли! Прогуляемся наверх, оттуда видно лучше всего. Наступает вечер, и скоро Лучезарный сам разрешит наш маленький спор... — Он бросил взгляд на Саракку и усмехнулся; впрочем, вполне милостиво.

Они покинули покой, убранный багряными коврами, и вышли в широкий коридор, а затем на террасу пятого этажа. Сзади топотали тяжелые сапоги гвардейцев охраны, позванивали кольчуги, терлись о наплечники заброшенные за спины щиты. Лестницу, что вела на плоскую кровлю, еще не освещали факелы — сумерки только-только начали сгущаться. Шагать по шероховатым гранитным ступеням было приятно и легко; казалось, лестница ведет прямо в небо, густо-синее в этот закатный час. Такого

же цвета, как глаза северянина, припомнил Саракка, невольно улыбнувшись. На сердце его снизошел покой; он был уверен, что Матраэль подаст нужный знак.

Поднявшись наверх, дуон направился туда, где сходились западная и северная стены, ограждавшие площадку. Положив ладони на парапет, он скользнул взором по небесам, где еще не выступила ни одна звезда, затем, огладив бороду, обратил внимание на свой город.

Дворцовый зиккурат был самым высоким строением в Дамасте, и с плоской его кровли открывался великолепный вид. Серебристая лента Накаты, перечеркнутая тремя мостами, лежала внизу подобно сверкающему лезвию меча; вдоль нее, от одной городской стены до другой, протянулись набережные, тут и там врезавшиеся в водную гладь короткими пальцами пирсов. Около них покачивались пузатые одномачтовые кораблики, плоты и лодки, на которых вверх и вниз по реке перевозили товар; кое-где виднелись небольшие узкие челны рыбаков. За набережными, в южной и северной частях города, светлели открытые пространства торговых площадей, обрамленных низкими и длинными зданиями, в которых помещались лавки, склады, постоялые дворы, многочисленные кабачки и таверны. От площадей веером расходились улицы: пошире и поприглядней — обстроенные домами знати и богатых купцов; поуже и поскромней — отведенные для жилищ ремесленников, мелких торговцев, отслуживших свой срок солдат и прочего городского люда. В Дамасте, где дождь являлся великим событием, здания строили в форме куба или усеченной пирамиды с неизменными плоскими кровлями, на которых разбивались сады; весь город пересекали каналы, сходявшиеся к двум большим водохранилищам и десяткам более мелких, сиявших словно зеркала, обрамленные изумрудными оправами чинар, магнолий и пальм.

Изумительное зрелище! Площади, улицы, водоемы, кипение зелени, дома из цветного камня или из ярко раскрашенных кирпичей... Но над всем этим царили зиккураты, огромные ступенчатые башни, устремленные ввысь, к небесам, символ древнего могущества Дамаста; эти рукотворные горы будто олицетворяли живую связь поколений. В который раз любуясь их четкими строгими контурами, Саракка, в благоговении замерший за спиной дуона, подумал: вот мосты, переброшенные от прошлого

к будущему через реку времени! Вот зримый труд предков, воздвигнувших себе памятник в веках! На миг его охватило острое ощущение счастья — счастья жить в этом городе, касаться его камней, лицезреть его величие, славу и силу... Затем он вспомнил о путнике, о бездомном неприкаянном скитальце, пробиравшемся сейчас на север, и счастье сменилось жалостью. Впрочем, быть может, у этого варвара, влачившего на плечах тяжкий груз небесной кары, тоже имелось свое предназначение? Свой путь к величию, славе и силе? Свой город, который он когда-нибудь назовет родиной?

Темнело; над Дамастом сгущались сумерки. Очертания боевых ступенчатых башен, встроенных в городские стены, начали постепенно расплываться, терять четкость; на ярусах храмовых и дворцовых пирамид замелькали первые огни, выстраиваясь светлыми линиями вдоль террас и лестниц. Далекие звуки горнов поплыли со всех сторон, перекрывая неясный гул, доносившийся с многолюдных улиц — на стенах менялась стража. Небо теряло свой синий оттенок; как всегда, ночь наступала стремительно, и луна, серебряный глаз Матраэля, готовилась сменить золотое око солнца.

— Смотрите! — Рантасса, в крайнем возбуждении вытянувший руку вверх, обернулся к спутникам. — Смотри, светлейший владыка! Ничего! Ничего нет! Эта Хвостатая Звезда исчезла!

— Глаза у меня еще на месте, — проворчал дуон. Подняв голову, он всмотрелся в созвездия Воина и Петуха, с каждым мгновением все четче проступавшие на темнеющих небесах, и довольно хмыкнул. — Похоже, мудрец, ты был прав! — Его рука опустилась на плечо Саракки, и тот ощутил пожатие сильных пальцев.

Рантасса вертел головой, изучая небосвод.

— Ушла, словно ее и не было, — сообщил он. — Нигде нет! Ни на юге, ни на севере, ни на востоке или западе!

— Бог воспламенил звезду, и бог погасил ее, когда настало время, — голос кхитайца, негромкий и спокойный, раздался справа от Саракки. — Мне кажется, повелитель, — продолжал Тай Па, — что наш звездочет достоин награды. Он сделал все, как надо: нашел чужеземца, исцелил его и отпустил. Все согласно воле Матраэля!

— Хмм, награды... — пальцы Тасанны на плече мага сжались сильней. — Что ж, займись этим, Тай Па! Ты ведь не только мой советник, но и казначей.

— А также человек, одаренный светлым разумом, — рискнул добавить Саракка. — Не знаю, справился бы я без твоей помощи, досточтимый, — он отвесил поклон в сторону сиквары. — Ведь это ты направил меня в Арим...

— Тогда поделим награду, — черты кхитайца уже расплывались в сумерках, но чувствовалось, что он улыбается. — Тебе — золото, а мне... я буду доволен, если ты удовлетворишь мое любопытство.

— Спрашивай, мой господин, — произнес Саракка.

— Ты еще ни слова не сказал о лечении. Было ли оно трудным или легким? Творил ли ты заклинания? Обращался ли к помощи звезд и светил, к могущественным демонам или к самому Матраэлю? Накладывал ли чары Пробуждения, и сколь действенно? Или...

— Прости, почтенный, но мне не пришлось колдовать, — прервал Тай Па молодой маг. — Я дал варвару вдохнуть порошка арсайи, просветляющего разум, и этого оказалось достаточно.

— Вот как? Он пришел в себя насовсем?

— Нет, конечно. Утром, когда я вел варвара к мостам, чтобы перебраться на северный берег, память снова едва не покинула его. Думаю, ему придется нюхать порошок дважды в день, на утренней и вечерней заре, иначе... — Саракка развел руками.

— И надолго хватит этого снадобья... как ты его называл?.. да, арсайи!.. — поинтересовался Тай Па.

— Трудно сказать... на две или три луны... может, и больше...

Светлейший Тасанна предупредил очередной вопрос кхитайца.

— Так куда же он направился? — задумчиво сказал дуон. — Почему на север, а не на юг? И есть ли у него цель? Или он просто бежит от гнева божьего, подобно зайцу, в страхе петляющему в степи под взором коршуна?

Саракка в сомнении потер лоб ладонью. Варвар ни словом, ни жестом не намекнул, куда собирается идти; взял немного денег, предложенных молодым звездочетом, и, подвесив к поясу флягу с арсайей, а за спину — свои мечи, попросил проводить его до северных ворот. Похоже, он направился напрямиком в дикую степь, за которой

лежала непроходимая и гибельная пустыня; и все же Саракку не оставляло чувство, что странник знает, что делает. Во всяком случае, на зайца, убегающего от коршуна, он был не похож.

Вздыхнув, маг устремил взор на север, к невидимой сейчас дороге, тянувшейся в степь от зиккурата Небесной Цапли, и произнес:

— Не ведаю, куда он пошел, владыка... Наверно, в такое место, где ему предстоит искупить свой грех, как то предначертано Матраэлем... Но вряд ли его ждет легкий путь.

Саракка снова вздохнул и, постаравшись изгнать из сердца жалость, склонился перед своим повелителем.

Внизу, за яркой полоской зеленого оазиса, простиралась пустыня; ее желтовато-серые барханы уходили вдаль, к южному горизонту, монотонные и унылые, как сама вечность. Сверху, над головой Конана, нависал скалистый карниз, а за ним тянулся к знойному небу безжизненный склон вулкана — гигантский мертвый конус, накаленный солнцем. Он заслонял лежавший к северу горный хребет, и киммерийцу чудилось, что во всем подлунном мире не существовало ничего, кроме этой огромной каменной стены да застывшего у ее подножья песчаного моря.

Он стоял посреди второй площадки — той, где находилась пещера Учителя — и, опустив глаза, ждал приговора. Старец, сидевший скрестив ноги на своем привычном месте под дубом, казался мрачным; брови его сошлись на переносице, губы были плотно сжаты, веки опущены; он молчал, словно пытался разглядеть нечто неподвластное и невидимое обычному взору. Где сейчас блуждали его мысли? В астральных пространствах рядом с престолом Митры? Возможно, он вслушивался в речи пресветлого бога, внимал его повелениям?

Во всяком случае, Конан рассчитывал на это. Кто еще, кроме наставника, мог помочь ему? Кто мог направить, подсказать, надоумить? Кто мог осудить, вынести приговор и даровать надежду на искупление? Он бежал сюда из Дамаста сквозь степи и пустыню, бежал, подобно раненому волку, стремящемуся к целебному источнику; бежал, чтобы вновь обрести свою человеческую сущность. Каждый восход и каждый закат солнца являлся напоминанием — напоминанием о том, что его память, его разум, его душа спрятаны в маленькой бронзовой фляге с порошком арсаяи, прощальном даре дамастинского колдуна. Да будут милостивы к нему и светозарный Митра, и грозный Кром! Этот человек даровал облегчение грешнику...

Правда, временное. Уже в первый день пути Конан выяснил, что ему нужно вдыхать чудодейственный балзам дважды, на утренней и вечерней заре. Промедление было подобно смерти: мысли начинали путаться, и в голове воцарялась звенящая пустота. Свежий и острый запах арсаяи сулил спасение, и Конан, то проклиная, то благословляя вендийское зелье, торопливо вытаскивал

пробку и втягивал расширенными ноздрями порошок. Сейчас бронзовый сосудик, в котором хранился бальзам, был самым большим его сокровищем, и боязнь потерять фляжку постоянно мучила киммерийца. Добравшись до маленькой пограничной крепостцы, что стерегла северный рубеж Дамаста, он купил широкий кожаный пояс с потайным внутренним карманом, куда и упрятал свою драгоценность; это надежное хранилище несколько успокоило его.

Конан чуть приподнял голову, посмотрев на застывшего под деревом старика. Тот, казалось, вышел из зады; пронзительный взгляд янтарных зрачков скользнул по могучей фигуре киммерийца, густые брови дрогнули, надломившись — словно коршун взмахнул крыльями.

— Быстро же ты вернулся, Секира... — клекочущий голос Учителя разорвал тишину. — Омм-аэль! Еще и четырех лун не прошло, я думаю?

Киммериец кивнул.

— Не прошло, Учитель.

Над залитой солнечными лучами площадкой вновь повисло молчание. Конан ждал, понурив голову; старец же устался на него угрюмым взором. Его глаза неторопливо ощупывали фигуру бывшего ученика, не оставляя без внимания ни единой мелочи. Он рассматривал стоптанные сандалии нежданного гостя, его покрытые язвами и царапинами ноги, кожаный пояс, что перехватывал короткую холщовую тунуку, торчавшие над плечами рукояти мечей, спутанные черные волосы, свисавшие на лоб. Конан почти физически ощущал, как взгляд Учителя гуляет по его телу; он вдруг превратился в поток неодолимой проникающей Силы, погрузившейся в мозг киммерийца, мгновенно обшарившей все закоулки сознания. Казалось, стремительный, едва заметный ветерок, скользнув по лабиринту воспоминаний, разом собрал их в себя, высосал, поглотил... По спине Конана побежали мурашки.

— Убийство, — вынес вердикт старец. — На твоей совести неправоое убийство! Но тогда... — его густые брови полезли вверх, — тогда я не понимаю, как ты здесь очутился. Кара пресветлого Митры неотвратима и скоро!

— Неотвратима и скоро... — эхом откликнулся Конан.

Кроме кары беспамьятства и рабства на опаленных солнцем просторах Арима, он принял уже и другое наказание. Им стал мучительный путь через пустыню — бесконечные дни и ночи, когда он тащился на север,

страда от голода и жажды, забываясь время от времени коротким сном. Он вновь преодолел эту страшную дорогу, но как это странствие было непохоже на первое и второе! Прежде, когда он шел к Учителю, его поддерживали надежды и мечты; когда же он возвращался в мир, его спутником была Сила Митры, наполнявшая энергией тело. Ее живительный поток заменял и пищу, и воду, и сол; Конану чудилось, что он летит над песками, неподвластный жаре, смене света и тьмы, знойным ветрам и обманчивым фантомам пустыни. Он был так могуч! Ничто не могло причинить ему зла — ни ядовитые гады, ни жуткие обитатели развалин, ни волчьи стаи, ни люди, подобные волкам, рыскавшие в степи в поисках добычи. Он шел, он мчался вперед, и мечи Рагара звенели за спиной, выпевая торжествующий гимн победы!

Сейчас их голоса смолкли, и ожившие было клинки вновь превратились в мертвую и молчаливую сталь...

— Ты убил, — старец поднялся и, не спуская глаз с Конана, протянул вперед руки с раскрытыми ладонями. — Ты использовал Великое Искусство, чтобы отнять жизнь у невинного?

— Нет, Учитель, — голова Конана качнулась в отрицании. — Нет! На меня напали, и я защищался... да, защищался... но затем... затем... Я не сдержал гнев, понимаешь?

Поток Силы, исходивший от рук наставника, обжег виски; Конан покачулся, с трудом сохранив равновесие.

— Как это случилось? — прозвучал голос старца.

Он рассказал, как; рассказал, все время ощущая жаркие прикосновения невидимых нитей, проникавших сквозь кожу, шаривших под черепом подобно руке с тысячами тонких чутких пальцев. Он не мог солгать — да и не собирался делать это.

Наставник слушал своего ученика в полном молчании; когда тот закончил, старец, не опуская рук, чуть согнул пальцы.

— Дай-ка мне взглянуть на флягу... на этот бальзам, что подарил тебе маг из Дамаста...

Обнюхав пробку, он хмыкнул и покачал головой.

— Снадобье вендийских мудрецов... Редкостное средство! И как кстати... — Его глаза закрылись; Учитель застыл, погружившись в раздумья. Впрочем, на сей раз они были недолгими; покачивая на ладони бронзовый сосудик, он тихо, словно бы про себя, промолвил: — Согрешив-

шего бог лишает разума... Такова Его кара! Страшная кара, сын мой, и послана она тебе по заслугам... да, по заслугам или в испытание... Признаешь ли ты свою вину?

Из пересохшего горла Конана вырвался хрип.

— Признаю! Но вина моя не в том, что я прикончил пьяного солдата, просившего пощады! Я... я... — он запнулся, потом через силу продолжал: — Мне не надо было принимать никаких даров от Митры! Ничего, ничего! Он дал Силу, забрав свободу... Неподходящий для меня обмен! Я не хочу становиться ничьим слугой... даже бога, самого великого из всех богов!

Наступила пауза. Учитель, опустив руки и покачивая головой, рассматривал маленький сосуд с арсацией, будто пытался проникнуть взглядом сквозь позеленевшую бронзовую поверхность; лицо его было печальным. Наконец он сказал:

— Возможно, ты прав, Секира — не каждому по нраву служение богам... Но об этом тебе стоило призадуматься раньше! До того, как принять обет! Теперь же ты согрешил и наказан... — старец сделал резкий жест, как бы обрывая некие невидимые нити. — Ты лишился Силы... лишился навсегда... Кроме того, бог забрал твою душу, а затем, руками этого Саракки, чародея из Дамаста, вернул ее на время — я думаю, для того, чтобы ты мог совершить подвиг искупления. А раз так, сохраняй спокойствие и не теряй надежды. Митра испытывает тебя!

— Я готов! — хрипло выдохнул Конан. — Я готов, отец мой! Скажи, что я должен делать?

— Сейчас — отдохнуть с дороги, поразмыслить и привести душу свою к миру. Большого я не скажу! Мне надо испросить решения Митры... Омм-азль! Он пошлет его, когда захочет — через день или два, или через полную луну... Бога нельзя торопить, Секира... Надеюсь, ты это понимаешь?

Взгляд Конана был прикован к маленькому бронзовому сосуду, что покоился на ладони Учителя. Киммериец протянул к нему руку.

— Но я жив, наставник, пока нюхаю это проклятое зелье! Насколько его хватит? Фляга пуста наполовину...

— И все же ты будешь ждать! — резко прервал Конана старец. — Ждать столько, сколько понадобится! Я же сказал: не теряй надежды, смирись нетерпением — и да снизойдет покой на твою душу! На то, что от нее осталось! — Он швырнул киммерийцу бронзовую флягу, и

тот поймал драгоценный сосудик обеими руками. — Иди, отдыхай, — наставник махнул в сторону пещеры. — Смой с тела пот, выпей воды, поешь... У меня новый Ученик, он поможет тебе, Секира — он умеет врачевать раны... Я же отправлюсь вниз, к деревьям — подумать и испросить для тебя прощения у Митры. Но не жди, что Пресветлый столь быстро сменит гнев на милость!

* * *

Новый Ученик в самом деле оказался искусником — под его руками царапины, ссадины и синяки исчезали с поразительной быстротой. Руки Ученика были нежными, с изящными длинными пальцами и розовыми ноготками; на правом запястье поблескивал браслет, набранный из перламутровых пластинок. Вытянувшись на скамье, Конан поворачивался со спины на живот и с бока на бок, подчиняясь мягким прикосновениям девичьих ладоней. От них струилась Сила — не та буйная грозная Сила, что порождала потоки смертоносных молний, а ласковая, трепетная, исцеляющая; божественный дар, служивший не смерти, но жизни.

Ученик — вернее, Ученица — оказалась молодой девушкой лет восемнадцати, сероглазой, стройной, улыбчивой. Густые пряди каштановых волос падали на спину юной целительницы, движения округлых рук были неторопливыми и завораживающе плавными, полотняная туника до середины бедра облегла сильное гибкое тело. Конан не сразу разобрал, как она прекрасна — не яркой жгучей красотой смуглых южанок и не царственным великолепием северных женщин, а тихим и неброским очарованием, заставлявшим вспомнить легенды о феях, что дарят изредка ласку и нежность смертным возлюбленным. Еще киммерийцу чудилось, что от девушки исходит свежий и терпкий аромат морского простора; здесь, в пещере, вознесенной на сотню локтей над бесплодной пустыней, этот запах казался удивительным, словно бы подчеркивающим чарующую прелесть Рины.

Рина! Имя, похожее на птичий вскрик в ночи, на трели серебряного колокольчика, на звон сдвинутых хрустальных чаш...

Наступил вечер. Учитель не вернулся из сада, и Конан понял, что старик проведет там всю ночь — то ли прислушиваясь к шепоту звезд, то ли внимая шелесту Небесных Стражей. Вероятно, он надеялся различить в этих

неясных звуках глас Митры, божественное повеление, определяющее судьбу его ученика, неудавшегося слуги Великого Равновесия... Строптивца, нарушившего обет!

Кивком поблагодарив девушку, Конан вышел из пещеры и встал под дубом, поглядывая на меркнувшее небо и скальный карниз, нависавший над стрельчатой аркой входа. Там находилась боевая арена, на которой ему пришлось провести долгие дни; там он одержал победу над самим собой, над своим безликим двойником, сотворенным наставником из песка... Но, похоже, торжество это было ложным, ибо никому не дано переломить собственную натуру — ни с помощью меча, ни в размышлениях о добре, зле и душевном равновесии. Сейчас Конану казалось, что он проиграл схватку с песчаным монстром, что на самом деле его плоть осыпалась на ристалище бесформенной грудой под безжалостными ударами свистящих клинков.

Позади раздались тихие шаги, и Рина, скользя за его спиной, подошла к дубу. Светлые пушистые брови девушки были, приподняты к вискам, в серых глазах таилось удивление, но на губах играла улыбка — немного нерешительная, но дружелюбная.

— Ты сыт?

Конан молча кивнул. Странно, но после утомительного и долгого пути ему хватило двух лепешек с медом; может быть, врачующие руки Рины изгнали не только усталость и боль от ран, но и ощущение голода?

— Ты хочешь винограда? Или яблок? Я могу принести...

— Не стоит, Рина. Мне ничего не нужно.

— Это не так. Я чувствую... чувствую... — ее раскрытая ладонка потянулась к груди Конана. — Тебе плохо, я знаю... Почему?

— Митра разгневался на меня, женщина, — с трудом вымолвил киммериец. Гнев поднимался в его сердце; ему хотелось побыть одному, а эта девчонка лезла с пустыми разговорами! Однако он не мог обидеть ее: Рина ни в чем не провинилась перед ним, и воспоминания об исцеляющих ласковых прикосновениях ее рук были еще так свежи в памяти...

— Ты — из Учеников? — спросила она.

— Теперь нет. Я нарушил клятву, и Сила покинула меня. Да и не только Сила...

Рина всплеснула руками.

— Нарушил обеты? Разве так бывает? — Рот ее недоуменно округлился, пушистые брови взлетели вверх.

— Бывает. Что тут удивительного? Люди клянутся и нарушают свои клятвы, потом приносят жертвы, молят богов о прощении... — Конан невесело усмехнулся. — Так было всегда, и я лишь один из многих, кто не сдержал слова. Разве тебе самой не приходилось лгать?

Теперь брови девушки сдвинулись, и на чистом высоком лбу пролегла морщинка.

— Это другое, — задумчиво произнесла она. — Другое, Конан из Киммерии — так, кажется, тебя зовут? Разумеется, я лгала — лгала в малом, лгала и людям, и богам, а потом молила их о прощении. Но нарушить великий обет, принесенный Митре — совсем другое дело... К чему тогда его давать?

Конан пожал плечами.

— Но я сделал это. Сделал! И жалею теперь лишь о том, что вообще домогался даров Митры... В злой день я возмечтал о них!

Ему казалось, что после этих резких слов Рина с презрением отшатнется, но девушка стояла неподвижно, и взгляд ее был спокоен. Может быть, она даже жалела его, однако не собиралась высказывать жалости; голос ее прозвучал ровно, с дружеским участием, но без оскорбительного сострадания.

— Митра милостив, Конан из Киммерии. Я вижу, он простил тебя?

— Почему ты так думаешь?

— Но ведь ты жив!

— Лучше бы он сразу послал меня на Серые Равнины, в самую пасть Нергала! Но он придумал кару хуже смерти! Намного хуже! Клянусь Кромом! Он лишил меня памяти и разума, сделал так, что я превратился в бессловесного скота! Он...

Журчащий смех Рины прервал киммерийца.

— Разве ты бессловесный? По-моему, ты очень складно говоришь. И память твоя, и разум — все при тебе!

— При мне, это верно, — лицо Конана исказилось угрюмой гримасой. — Вот они!

Выдернув из-за пояса бронзовый сосуд, он яростно потряс им в воздухе, потом обратил взор на запад. Солнце садилось; кровавые сполохи играли в небесах, озаряя алым и розовым вершины барханов, протягивая красные пальцы лучей к огромной горе, выплескивая на ее склоны

водопады багрового света. Вулкан будто бы ожил — по каменной его броне скользили быстрые тени, наливались огнем, стремительно спадали к подножию, словно прозрачные потоки лавы, что жаждут затопить и зеленеющий на нижней террасе сад, и плоскую песчаную равнину, и весь остальной мир. Воистину, он был не слишком велик по сравнению с этим небесным заревом, с вселенским пожаром, предвещавшим приход ночи!

Алый диск коснулся горизонта, и Конан, обняв девушку за плечи, легонько подтолкнул к пещере.

— Иди, Рина! Мне надо глотнуть каплю рассудка и занюхать ее ароматами минувшего... Такой смесью, моя красавица, лучше наслаждаться в одиночестве.

Глаза девушки расширились, затем, послушно кивнув, она шагнула к темному проходу под высокой стрельчатой аркой. Киммериец повернулся к ней спиной, поднес маленькую бронзовую флягу к лицу и выдернул пробку из каменного дуба. Острый и свежий запах коснулся его ноздрей.

* * *

Прошло несколько дней — может быть, шесть или семь. Конан не считал их; время текло мимо него, отмеряемое не восходами и закатами солнца, но ароматом арсаяи и негромким шуршанием порошка в бронзовом сосуде. Драгоценное зелье убывало, но едва заметно — что, впрочем, не являлось поводом для излишнего оптимизма; разумеется, киммериец понимал, что на всю оставшуюся жизнь арсаяи ему не хватит.

Слова Учителя не выходили у него из головы. «Бог забрал твою душу, а затем вернул ее на время — для того, чтобы ты мог совершить подвиг искупления...» — так сказал старец. Все было обозначено очень точно: бог и в самом деле похитил его человеческую сущность, поместив ее в маленькую флягу из позеленевшей бронзы. Теперь Конан был словно разделен напополам — его могучее тело как и прежде требовало пищи и сна, нуждалось в отдыхе и движении, но разум, руководивший этой грудой мускулистой плоти и крепких костей, существовал отдельно от нее. Заключение в бронзовый сосудик, он сжимался в ужасе перед грядущей судьбой, перед беспмятным и бессловесным существованием зверя, раба, покорного мановению хозяйской руки.

Эта ситуация казалась безвыходной. Смерть сама по себе не страшила Конана; он с радостью принял бы ее в бою, отправившись к великому Крому, Владыке Могильных Курганов, как то и положено всякому киммерийскому воину. Но сейчас перед ним пугающим призраком маячил совсем другой исход — превращение в тупую и безмозглую скотину, не сознающую ни имени своего, ни позора. Это было бы нестерпимым! С другой стороны, он не собирался накладывать на себя руки, ибо подобное решение, такой уход из жизни означал явный проигрыш. Он жаждал действия, схватки, борьбы! Но с кем и где? Сие оставалось пока неизвестным, и тут он мог полагаться лишь на Учителя. «Бог забрал твою душу», — сказал старец. Но потом добавил: «Сохраняй спокойствие и не теряй надежды. Митра испытывает тебя!» Что ж, он мог только рассчитывать, что это испытание завершится раньше, чем иссякнет запас чудодейственного вендийского порошка, возвращавший ему человеческую сущность...

Что касается наставника, то поведение его изумляло Конана. Казалось, внешне покорствуя богу, старец на самом деле принял его сторону — и это было удивительно и непостижимо. Он, Конан из Киммерии, стал клятвопреступником, однако Учитель не проклял его, не изгнал с позором, не бросил беспомощным и одиноким перед гневом Пресветлого! Наоборот, старец пытался помочь ему, подбодрить и направить, словно в споре с всеильным божеством последнее слово истины оставалось за преступившим обет человеком. Казалось, наставник знал о чем-то неизвестном самому Конану, о том, что случится в грядущем и искупит все прошлые, настоящие и будущие грехи; он словно бы провидел некие деяния, величественные и благотворные, которые будут свершены его опальным учеником.

Подобные тонкие мотивы были недоступны разуму киммерийца; он лишь удивлялся, что Учитель не изливает на него чашу гнева. Правда, старик был мрачен и поначалу встретил его не слишком приветливо; зато потом... Сохраняй спокойствие и не теряй надежды! Поразмысли и приведи душу свою к миру! Конан понимал, что такие советы не даются людям, к чьей судьбе испытываешь полное безразличие.

Итак, он сохранял внешнее спокойствие и не терял надежды — ибо что еще ему оставалось? — но мира не было в его душе. Иногда ему вспоминались речи настав-

ника о Великом Равновесии между добром и злом, что надлежит установить как во внешнем мире, так и в человеческом сердце, однако этот совет не находил у него отклика. Он весьма неотчетливо представлял, что в данном случае является злом, и что — добром, не говоря уж о попытках как-то уравновесить эти сущности. Пожалуй, злом являлось убийство солдата, молившего о пощаде, но можно ли было считать добром наложенную на него кару? И если нет, то каким добрым деянием предстояло ему искупить свершенное?.. Только Учитель знал об этом — или мог узнать; но пока он молчал.

Его угрюмая задумчивость росла изо дня в день — по мере того, как старец, проводивший ночное время в своем саду, возвращался утром и, в ответ на вопросительные взоры Конана, отрицательно покачивал головой. Митра не спешил выносить приговор — или Учитель не мог расслышать его слово? Вряд ли, думал Конан. По его мнению, у бога была достаточно крепкая глотка, чтобы глас его дошел туда, куда нужно.

Чтобы убить время и избавиться от тягостных мыслей, киммериец попробовал занять себя домашним хозяйством. Однако тут царила Рина, новая Ученица, и успевала она абсолютно все — и готовить похлебку, и печь лепешки, и заниматься с наставником. Через день-другой Конан обратил внимание, что пламя в очаге все еще разжигает сам Учитель — вероятно, Рина пока не овладела подобным искусством. Это удивило киммерийца, ибо он чувствовал, что девушка уже умеет накапливать Силу и использовать ее. Тело Рины было крепким, литым, движения — легкими и грациозными; она отличалась редкой неутомимостью и могла от восхода до заката трудиться на учебной арене, то надолго замирая в самых невообразимых позах, то танцующим стремительным шагом проскальзывая по дорожке из бревен или над ямой с пылающими углями. Этот последний фокус Конан уже не сумел бы повторить; Сила оставила его, и теперь плоть киммерийца была столь же незащищена перед огнем, как и прежде.

Иногда они с Риной вели долгие беседы — ближе к вечеру, когда Учитель спускался в сад и сумерки начинали окутывать склон вулкана. Конан, погруженный в свои думы, не пытался выяснить, откуда девушка пришла в обитель старца и что она делала раньше; Рина же лишь однажды проговорила, что жила у моря, в каком-то

рыбачьем селении на берегах Вилайета. Она больше предпочитала спрашивать и слушать, чем говорить о себе, и постепенно Конан поведал ей свою историю. Вернее, одну из многих историй, которые он мог бы рассказать — ту, что второй раз привела его к Учителю.

Это были странные беседы. Они сидели на каменной скамье под дубом, касаясь друг друга плечами, и Конан, вдыхая чистый аромат девичьего тела, ронял слово или фразу; Рина отвечала, покачивая головкой в ореоле пушистых волос, потом спрашивала, наклонившись вперед и заглядывая киммерийцу в глаза. Ее интересовало все: где и когда он встречался с другими Учениками, как пересек пустыню, добираясь к наставнику, чему учился, что приобрел и как использовал приобретенное. О последнем Конан говорил мало и неохотно; лицо умирающего солдата, чернородое, с оскаленными в смертной муке зубами, нередко преследовало его во сне мрачным напоминанием о свершенном.

Впрочем, Рина сама старалась избегать неприятных киммерийцу тем — не то в силу врожденного такта, не то чувствуя его настроение. Более же всего она любопытствовала насчет Маленького Брата. Не суровый Фарал, победитель стигийского колдуна, и не доблестный Рагар, усмиривший огненных демонов Кардала, пленяли ее воображение, а этот веселый невысокий бритунец, с которым Конан встретился на степной дороге много лет назад. Он не умел испускать молнии, не мог закутаться в непроницаемый плащ, сотканный из нитей Силы, не метал огненные копыя, прожигающие камень и песок — и потому, быть может, казался Рине более близким, чем грозные бойцы вроде Серого Странника или Утеса. Снова и снова она выпытывала у Конана все подробности тех давних событий, тихонько посмеиваясь, когда он скупыми фразами повествовал о схватках с офирскими разбойниками, о славной битве на перевале, о звонких колокольчиках и хитроумных проволоках, о потоках пылающей браги, что пролились с небес на жуткого стража Адр-Кауна. Случалось, рассказывая об этом, Конан словно бы вочию ощущал целительное присутствие малыша-бритунца, прислушивался к его быстрому веселому говорку, и начинал улыбаться сам. Кром, — думал он в такие мгновенья, — этот парень в самом деле умел влезать в душу! Даже переселяться от одной души к другой, как сейчас от Конана к Рине...

Но вероятней всего интерес девушки к Маленькому Брату вызвали не только забавные истории; их таланты, как мнилось Конану, были во многом схожи. Временами, сидя на каменной скамье под дубом, он ощущал такое же благожелательное и доверчивое внимание, то же ровное тепло, что исходило от бритунца — пожалуй, даже более сильное и заметное. Запах Рины окутывал его ароматным облачком; негромкий голос успокаивал, убаюкивал, прогонял тяжкие мысли, сулил надежду, вселял уверенность. Да, эта девушка владела даром врачевания не только тел, но и душ человеческих! И, возможно, дар сей был куда ценней, чем мастерство великих и грозных бойцов, исторговавших астральную Силу потоком смертоносных молний...

И все же беседы их заканчивались на печальной ноте. Когда край солнечного диска касался песков пустыни, Конана охватывало тревожное беспокойство; рука его непроизвольно тянулась к поясу, к фляге с арсацией, взгляд становился угрюмым, губы сжимались, и разговор малопомалу замирал. В такие моменты киммериец испытывал острое желание остаться в одиночестве; присутствие Рины стесняло огромного варвара, словно она собиралась подглядеть за неким постыдным и недостойным действием, к которому его вынуждали обстоятельства. Стараясь не обидеть девушку, он желал ей доброго сна, затем поднимался и шел на верхнюю площадку либо в свою пещерную келью, чтобы в урочный час вдохнуть вендийское зелье. Шли дни, текло время, порошка в бронзовом сосудике становилось все меньше и меньше, а наставник по-прежнему не говорил ни слова.

* * *

Но в одно из утр он возвратился из сада с просветленным челом и велел Рине собрать праздничную трапезу — лучший, самый чистый мед, самые крупные и сладкие гроздья винограда, ягоды и плоды, свежие лепешки и напиток из сока березы. Они сели вдвоем за стол, и Учитель прикоснулся к пище — хотя раньше, как было известно Конану, старец не ел в светлое время дня. Вероятно, в минувшую ночь случилось нечто такое, что он желал отметить — пусть не вином, но хотя бы возлияниями меда и березового сока.

Отпив из глиняной чаши, наставник отщипнул пару золотистых виноградин, повернулся к Конану и произнес:

— Омм-аэль! Благой бог наконец-то явил свою волю, Секира! Ее передали мне... — Он смолк на мгновение, потом внезапно усмехнулся и покачал головой: — Впрочем, это неважно; неважно, к т о передал, я хочу сказать.

— Надеюсь, гонцы Митры — надежные люди? — буркнул Конан, разламывая лепешку; добрые новости пробудили у него аппетит.

— Они не люди, хотя когда-то были людьми, — с прежней загадочной улыбкой сказал Учитель. — Старые мои друзья, к слову и доброму совету которых нужно прислушаться, ибо теперь они восседают у трона Подателя Жизни. А потому сказанное ими — сказано самим Пресветлым.

На лице Рины отразилось благоговение. Она потянулась было за персиком, потом быстро отдернула руку: негоже слушать слово божье, наслаждаясь сладостью плода. Учитель, заметив ее жест, благожелательно кивнул и отставил чашу.

— Тебе предстоит долгий и опасный путь, Секира. Теперь я знаю, г д е ты должен молить об искуплении, но к а к и м оно будет, мне не ведомо.

— И то хорошо. — Конан, обмакнув лепешку в мед, принялся сосредоточенно жевать. Внезапно он почувствовал голод — может быть, виной тому было волнение. — Куда же я отправлюсь, Учитель? — спросил киммериец, покончив с лепешкой.

— В храм Митры, сын мой, к Его священному алтарю. Там тебя ждет исцеление, либо... — наставник запнулся, — либо Владыка Света возвестит, как ты должен его заслужить. Или то, или другое, Секира! Иди в храм и молись, чтобы бог отвел от тебя свою карающую руку!

Киммериец облегченно вздохнул.

— Ну, это нетрудно сделать, Учитель. В Дамасте есть большое святилище Митры... правда, там называют его Матраэлем, ну так что ж? Есть храмы Светозарного в Селанде и в Аграпуре, а самые великие и знаменитые — в Аквилонии и Немедии, где Митру чтят и простолудины, и воины, и знать. Путь туда в самом деле далек, но не слишком опасен, наставник.

Старец отрицательно покачал головой.

— Нет, Секира, когда я говорил о храме Подателя Жизни, я не имел в виду жалкие строения, возведенные людьми, и каменные алтари, у которых справляют службу жрецы Дамаста или Аквилонии. Есть лишь один истин-

ный храм Митры, и в него ты и отправишься! — Учитель помолчал, затем брови его задумчиво сдвинулись, а отрывистый клекочущий голос словно бы сделался мягче. — В давние времена, сын мой — такие далекие от нас, что прошедшее время не исчислить людской мерой — мир принадлежал гигантам, Первосотворенным детям Митры, любимцам его сердца... Они-то и воздвигли святилище великому своему Отцу, храм, достойный Его могущества и силы! Алтарь, что высится в нем, сияет ослепительным светом, колонны уходят вверх на тысячи локтей, камни, из коих сложены стены, больше гор, двери подобны пропасти, а крыша — куполу небес! Туда ты пойдешь, Секира, к этому сверкающему алтарю, и преклонишь перед ним колени! Омм-аэль!

Конан мял в руках лепешку, не решаясь отправить ее в рот, что нарушило бы торжественность момента. Он покосился на Рину — глаза девушки блестели одушевлением, губы едва заметно двигались, шепча молитву. Она походила сейчас на светлого гения воздушных пространств, летящего впереди солнечной колесницы Митры.

— Хорошо, я пойду в это святое место и буду просить об искуплении, — произнес наконец киммериец. — Но где оно? Где этот истинный храм Пресветлого, где сверкающий алтарь, где колонны и стены, подобные горам? На севере или на юге, на западе или на востоке? В каких странах, в каких землях?

— Ты не найдешь его, Секира, ни в ледяных краях, ни в южных лесах и пустынях, ни на восходе, ни на закате солнца. Ныне храм древних гигантов уже не высится на поверхности земли, а погружен в ее глубины — как и сами Первосотворенные.

— Они держат мир... — прошептала Рина, не сводя очарованного взгляда с Учителя.

— Да, дочь моя, они держат мир, навеки слившись с земной твердью, и плоть их, некогда теплая и живая, стала прочнее камня, крепче железа! И там, у их коленей, в глубине, — Учитель направил палец вниз, — находится истинный храм Митры и Его сияющий алтарь. Там, скрытый от глаз людских, он и будет пребывать до самого конца, когда мир дрогнет на плечах гигантов и боги соберутся на великий совет, чтобы решить его судьбу.

— Камни больше гор... крыша, словно купол небес... — мечтательно произнесла Рина. — Хотелось бы мне посмотреть на это, Учитель!

Старец усмехнулся.

— Все в руке бога... Может быть, и посмотришь!

— А тебе, тебе самому доводилось там бывать? — шутки Рины сверкали подобно дымчатым топазам.

— Нет, я не был в храме, но видел его... не спрашивай, как и когда, ибо такие вещи трудно объяснить словами! — Руки наставника взлетели вверх, словно отмечая все вопросы. — Я видел святилище, но не дорогу к нему, хотя знаю ее начало... начало пути ведомо любому из моих учеников — каждому, и вам тоже. — Янтарные глаза старца устремились на Конана, а губы дрогнули в легкой усмешке. — Каждому, Секира, — повторил он, повелительно кивнув. — Ну, что скажешь?

Киммериец в недоумении пожал могучими плечами.

— Кром! Если ты и говорил мне об этом, наставник, то я не помню. Или вендийское зелье...

— Вендийское зелье здесь не при чем, — прервал его старец. — Я не говорил тебе, и ты, конечно, не можешь вспомнить того, что не было сказано... но можешь догадаться! Как ты думаешь, почему я живу именно тут, на склоне древнего вулкана, чьи огни давно погасли, а раскаленное жерло превратилось в огромный каменный колодец?

— А! Значит, дорога в земные глубины...

— ...начинается в кратере! — с торжеством закончила Рина.

Учитель кивнул.

— Да, так. И ты, Секира, спустишься вниз, в подземный мир, разыщешь храм Первосотворенных и в нем замолишь свой грех! Это испытание посылает тебе Митра.

— Спасибо, отец мой! Я принимаю его, — произнес Конан после недолгого раздумья. Впрочем, что еще он мог сказать? Он чувствовал себя букашкой в длани бога.

Рина в задумчивости водила пальцем по краю глиняной чаши, размазывая прозрачные березовые слезы; казалось, в ее головке зрел некий план. Потом она спрятала ладонь, зажав их между колен, и спросила:

— Скажи, Учитель, спустившись по жерлу, можно добраться до самого храма?

— Нет. Я же сказал, этот колодец — только начало дороги. Там, на дне кратера, с восточной стороны, есть подземные ходы, что ведут еще глубже, в нижний мир. Опасный путь! — Глаза наставника на миг померкли. — Да, опасный... В этих пещерах обитает неприятная тварь...

И если она доберется до твоей души, Секира, то сам Митра тебе не поможет!

— У меня есть меч, — заметил Конан, вновь принимаясь за лепешки и мед. — Два меча!

— Не только, — Учитель повернулся к стене, завешанной оружием. — Ты возьмешь арбалет — вот этот, с бронзовой оковкой... запас стрел... кинжал... веревку с крюком... мешок... словом, все, что найдется в наших кладовых! Я не знаю, что ждет тебя в нижнем мире, но могу повторить одно: путешествие будет долгим и опасным.

— Долгим и опасным... — эхом отозвалась Рина. — Тогда почему бы, кроме арбалета, веревок и стрел, не взять с собой надежного спутника?

Конан вздрогнул и подозрительно уставился на девушку. Конечно, она говорила о себе — не про Учителя же в конце концов! Отправиться вместе с ней в это странствие? Такая идея даже не приходила ему в голову. Он хорошо относился к Рине; она заботилась о нем и развлекала его, она была красива и сильна — и не просто сильна! Она владела Силой Митры, драгоценным даром, который он потерял... А это означало многое — выносливость и неуязвимость, умение переносить холод и жару, голод и жажду, наблюдать за движением астральных потоков, предвидеть опасность... Воистину, о такой спутнице стоило призадуматься всерьез!

Однако он все-таки хотел идти один. Он отправлялся не за золотом и сокровищами, он искал не опасных приключений, а собственную душу, свой разум, взятый богом в залог. То было личным делом, где никто не мог посредничать между ним и Митрой, никто не мог стать свидетелем униженных молитв, которые придется вознести в подземном храме. Существовало и еще одно обстоятельство — арсая, вендийское зелье, которое он предпочитал вдыхать в одиночестве.

Киммериец поднял голову, и синие его глаза встретились с серыми очами Рины. Он качнул головой.

— Ты очень добра, малышка, но я пойду один. Это мое дело. Понимаешь? Мое!

Щеки девушки вспыхнули — не то от гнева, не то от смущения; однако взгляд она не опустила.

— Я пригожусь тебе, Конан! Пригожусь! Ты знаешь, что я не стану обузой! И потом, в храме Митры, я могу услышать повеление Пресветлого быстрее тебя! Не забудь — ведь со мной частица его могущества! — Рина

вытянула вперед руки с раскрытыми ладонями, ее розовые длинные пальцы зашевелились, затрепетали, словно вбирая в себя потоки астральной эманации.

Усмехнувшись, Конан взглянул на Учителя.

— Почему женщины так любят спорить, наставник? И в Киммерии, и в Стигии, и в Аргосе — где бы я ни побывал? Везде одно и то же — споры, споры!

— Потому что они, в отличие от мужчин, не могут смириться с неизбежным. В том, Секира, их сила и слабость... — Старик ответил улыбкой на улыбку, потом, кивнув девушке, приказал: — Иди, дочь моя! Теперь нам надо поговорить наедине. Прогуляйся в саду, побудь у яблонь... они вернут тебе спокойствие.

Когда Рина вышла, Учитель надолго погрузился в молчание. Солнечные лучи, струившиеся из широкого проема в пещерном своде, падали на лицо старика, бесстрастное и спокойное, окутывали его нагой торс золотистым ореолом. Казалось, это мягкое сияние исходит от смугловатой, по-юношески гладкой кожи наставника, от высокого лба с чуть запавшими висками, от янтарных зрачков — расширившихся, огромных, неподвижных. Глядя на него, Конан почувствовал внезапное смятение; в чертах Учителя проступало сейчас нечто такое, что киммериец в сотый раз подумал — да человек ли это?! И в сотый раз ему стало ясно, что истины не ведает никто — кроме пресветлого Митры.

Для него же наставник оставался непостижимым; Конану было бы гораздо проще сказать, кем он наверняка не является, чем уяснить его истинную природу. Ни бог, ни демон, ни дух, ни припелец с Серых Равнин, оживленный волей Владыки Света... Все же человек? Возможно... Но человек особый, отличавшийся от остального людского племени, как дуб отличен от травы, снежная вершина — от придорожного камня... Что же было средоточием и квинтэссенцией его неповторимой сущности? Знание и мудрость? Могущество и сила? Поразительное долголетие? Провидение грядущего? Пожалуй, все это и еще многое другое, решил Конан, всматриваясь в чеканные черты Учителя, в его глаза, сиявшие подобно двум крохотным солнечным дискам.

Лицо старца неожиданно дрогнуло и ожило. Густые темные брови сошлись у переносицы, потом поднялись к вискам — точно хищная птица взмахнула крыльями; скулы и подбородок выступили резче, ноздри затрепетали,

в уголках рта пролегли тонкие морщинки. Учитель протянул руку, и его крепкие пальцы впились в плечо Конана.

— Хочешь ли ты знать, Секира, почему я принял тебя? Почему не изгнал клятвопреступника обратно в пустыню? Почему помогаю тебе, нарушившему обет, — чего не случилось на моей памяти ни разу?

Киммериец опустил голову.

— Ты добр, Учитель... — в смущении пробормотал он.

— Нет! Я не добр и не зол; я, как и мой господин, всего лишь хранитель Великого Равновесия. Омм-аэль! Он, — старик поднял взгляд к потолку, — видит дальше меня, прозревая грядущее; Он взвешивает черное и светлое в людских душах, Он решает, каким испытаниям подвергнуть избранных, чтобы они совершили то, что должно быть совершено. И ты, сын мой, в свои сроки свершишь великое, свершишь все предначертания судьбы... Так сказал Митра, и ради этого я помогаю тебе!

В горле Конана вдруг пересохло, огромные кулаки сжались и, разлепив непослушные губы, он прошептал:

— Я не понимаю твоих речей, Учитель... Кром! Ты говоришь о грядущем... о судьбе... о великих деяниях... Значит ли это, что и сам я стану великим? Стану королем, властителем, какого еще не видел мир? Сокрушу зло и тьму, получив в награду славу и могущество?

— Хватит! — Наставник властно стиснул плечо Конана. — Хватит! Я сказал, ты — слышал... Остальное — твои домыслы, твои мечты! Человек не должен знать грядущего; это делает его слишком самоуверенным. — Учитель поднялся и шагнул к стене, завешанной оружием. — Итак, через день-другой ты отправишься в путь, Секира. Ты возьмешь этот арбалет, стрелы, кинжал, девушку...

— Девушку? — Конан был поражен — не меньше, чем недавним пророчеством старца. — Ты сказал — девушку, отец мой?

— Да! Не возражай — такова воля Митры! Нижний мир — опасный мир, и Пресветлый пожелал дать тебе спутницу, владеющую Силой. Добрый знак! Возможно, Он намерен простить тебя; возможно, желает ее испытать... среди Учеников женщины встречаются редко... — Наставник в задумчивости покачал головой. — Ну, как бы то ни было, вы отправляетесь вместе.

— Похоже, она догадывалась об этом, — пробормотал Конан.

— Может быть. У нее редкостный дар... Митра был щедр к этой девушке.

Они проверили арбалет — лучшего Конан не держал в руках; затем направились к проходу, что вел в кладовую с воинским снаряжением. На пороге киммериец остановился, подняв повыше масляную лампу и осматривая обширный каземат, загроможденный связками копий и стрел, а также полками, на которых в строгом порядке покоились мечи, боевые молоты, топоры и иное, более экзотическое и непривычное оружие. На вбитых в стену крюках висела одежда, мешки, фляги и бурдюки, дальний угол был завален бухтами канатов, свернутыми веревочными лестницами, досками и еще каким-то добром. Учитель двинулся прямо туда — выбирать подходящую веревку с крюком.

— Отец мой, — негромко произнес Конан, все еще не сходя с места, — могу ли я спросить тебя кое о чем?

— Если ты интересуешься своим будущим, то нет.

Киммериец покачал головой.

— Пусть будущее останется в руках богов; ты сказал достаточно, и большего я не хочу знать. Объясни мне иное, Учитель. Ты говорил о давних временах, когда мир принадлежал Первосотворенным, любимцам Митры. Гигантам, почитавшим своего великого Отца — так ты сказал! Они воздвигли Ему достойное святилище; они поставили в нем сверкающий алтарь, вознесли свод, подобный небесному куполу, выгесали колонны в тысячи локтей высоты... А Властитель Света погрузил их в земные глубины, взвалив на плечи непомерную тяжесть, и плоть их, живая и теплая, обратилась в камень! Разве это справедливо? Разве так поступают со своими любимыми детьми?

Пристально и долго Учитель смотрел на Конана, чему-то улыбаясь и поглаживая пальцами правую бровь; потом лицо его стало задумчивым и чуть грустным.

— Подумай, Секира, — промолвил он, — держать мир на своих плечах — нелегкая работа, верно? И самая важная, я полагаю? Ты согласен со мной?

Конан кивнул; работа действительно была нелегкой и важной.

— Кому же пресветлый мог назначить такой труд? — Брови Учителя приподнялись вверх. — Только своим любимым детям, коим он доверял и доверяет — и в прошлые века, и в нынешние, и в грядущие... Тяжкая участь,

готов согласиться с тобой! Но разве у людей иначе? Тем, кого мы любим и кто любит нас, нередко достается самый горький кусок, не так ли?

— Но почему, наставник?

— Разве это непонятно, Секира? Такова суть любви! Тот, кто любит, поймет и простит, сын мой, поймет и простит... — Наклонившись, старец поднял моток тонкого прочного каната. — Ну, а теперь погляди-ка сюда. Что ты скажешь об этой веревке?

Глава 22. Пасть вулкана

Они вышли в путь на рассвете, когда верхний краешек солнечного диска только-только показался над равниной. Учитель их не провожал; похоже, его вообще не было ни в пещере, ни на верхней площадке у тренировочной арены. Вероятно, он еще до утренней зари спустился в сад, к своим любимым яблоням и дубам, чтобы почерпнуть у них Силу и успокоить дух. Да и кто нуждался в этих проводах? Вчера и позавчера все было сказано; Конан же хорошо помнил, что наставник не повторяет своих слов дважды.

Вслед за Риной он поднялся на верхнюю террасу. Девушка легко шагала по гладким ступеням, раскачивая в руке дротик; кроме этого оружия у нее были только кинжал, сумка на поясе да небольшой мешок за плечами. Конан снаряжился в путь гораздо основательнее: два меча, нож, арбалет и колчан, полный стрел. Кроме припасов, в его мешке нашлось место веревке с железным крюком, меху с водой и прочим дорожным мелочам.

Миновав приспособления из бревен, досок и канатов, обогнув ямы и дорожку с вкопанными торчком поленьями, они зашагали вверх по склону. Тут обнаружилась тропа — узкая, но вполне подходящая для человека, привыкшего с детства лазать по скалам; Конан шел вперед, почти не глядя под ноги, инстинктивно сохраняя равновесие на опасных участках. Дыхание киммерийца было ровным, тело — послушным и гибким; тем не менее, он с тревогой поглядывал на солнечный диск, медленно поднимавшийся над горизонтом, словно хотел поторопить восходящее светило.

Вскоре ему показалась, что тропинка, по которой они двигаются, выглядит довольно странной. Похоже, к ней не прикасались человеческие руки, ибо Конан нигде не

мог заметить следов кирки или зубила; камень под ногами был гладким, как бы оплавленным, а изгибы уходящей вверх тропы напоминали плавное течение водного потока. Приглядевшись, он понял, что шагает по длинному и узкому языку пепельно-серой лавы, излившейся некогда из кратера и проложившей путь до самой обители наставника. Вряд ли это было случайным; скорее всего, устланная застывшей лавой дорога возникла по воле Митры, желавшего облегчить подъем к жерлу вулкана. Но кому и зачем? Означала ли эта тропа, что Учителю нужно время от времени подниматься наверх, к темным базальтовым скалам, что обрамляли края кратера?

Солнечный диск наполовину поднялся над барханами, и Конан, оставив досужие мысли, сунул руку за пояс — туда, где хранилась драгоценная фляга с арсацией. Пробка из каменного дуба была забита глубоко, но сильные пальцы без труда справились с ней; он вдохнул острый и свежий запах, потом быстро закупорил бронзовый сосудик. Хорошо, что Рина не обернулась, мелькнуло в голове; ясные глаза девушки вновь напомнили бы ему, что в этой жалкой фляжке хранится его душа. Его память и разум! Он оставался человеком лишь потому, что дважды в день, на утренней и вечерней заре, нюхал снадобье дамастинского мага, и об этом не стоило забывать.

Но виновна ли в том его спутница? Нет, разумеется, нет, — подумал Конан, мрачно покачивая головой. Любой, кто оказался бы сейчас рядом, был бы ему неприятен; любое человеческое лицо заставило бы поразмыслить о той хрупкой грани, что отделяла его самого от состояния бессловесной и беспомощной твари. Пока что он сохранял рассудок — благодаря арсация; но что произойдет, если чудодейственное зелье кончится, а он так и не доберется до храма Первосотворенных? Киммериец почувствовал, как по спине бежит холодок, и нахмурил брови; ему не хотелось задумываться об этом.

Спрятав флягу за широкий поясной ремень, он бросил взгляд вниз, на желто-серое море песка, протянувшееся от горизонта до горизонта. Пустыня простиралась на юг, на запад и восток, и с высоты действительно походила на застывшую океанскую поверхность; барханы казались мелкой рябью, крошечными волнами, что катятся друг за другом к подножию вулкана, к темному и угрюмому берегу, возвышавшемуся над бесплодной равниной. Лишь зеленая полоска, сад Учителя, оживляла

этот мрачный пейзаж, озаренный первыми солнечными лучами, но и светило, ласковое и благодатное в других местах, не скрашивало его. Тут, в просторе блеклых небес, нависавших над пустыней, солнце выглядело точно пасть огнедышащего дракона, поливавшего камни и пески пламенным дождем; оно сжигало любую жизнь — кроме зеленого оазиса на склоне вулкана, за которым присматривал сам Митра.

Пески, барханы, да базальтовая стена вулканического конуса, скрывавшая северные горы... Не считая неба и солнца, это было все, что мог разглядеть Конан; сейчас он чувствовал себя крохотной мошкой, ничтожным муравьем, ползущим по чреву каменного исполина, застывшего в тысячелетнем сне. Этот камень, и песок, и небеса оставались мертвыми для него; он не мог ощутить, как прежде, потоков и струй живительной Силы, исходивших сверху и снизу, со всех сторон — той астральной эманации, что дарила Ученикам уверенность, неутомимость и почти божественную мощь.

Рина, несомненно, впитывала эту ауру всем телом, купалась в ней, смаковала, как волшебное вино... На миг острое чувство потери пронзило Конана, и он стиснул зубы, сдерживая стон. Если бы не Учитель, ему и в голову бы не пришло взять с собой эту девушку! Слишком о многом она напоминала — о многом утерянном безвозвратно, о несбывшихся надеждах, о мечтах, которым не суждено осуществиться... Она сохранила и свою душу, и дар Митры; у него же бог забрал и то, и другое.

Будто прочитав его мысли, Рина замедлила шаги, поравнявшись с киммерийцем. Хотя тропа не стала шире, они шли теперь рядом; Конан — у полого уходившего вверх склона, девушка — со стороны обрыва, словно предохраняя спутника от падения в пропасть. Она двигалась по самому краю тропинки легко и грациозно, подобно танцовщице на канате; маленькие ноги в кожаных сапожках ступали с уверенностью прирожденного жителя гор. Конан, однако, знал правду: Рина выросла у моря, и скалы, горные вершины и обледеневшие хребты были для нее чужим и незнакомым миром. Тем не менее, она могла бы обогнать его и в горах, и в степи, и в лесу — она владела Силой, а он... он даже не был человеком!

Пальцы девушки коснулись его руки.

— Ты выглядишь печальным, Конан... Почему? Он неопределенно повел плечами.

— Не вижу поводов для радости, Рина.

— Для радости — возможно... Но ты должен сохранять спокойствие и не терять надежды. Так сказал Учитель.

— Только это меня и утешает... — губы Конана скрипили в невеселой усмешке.

— Мы доберемся до храма Пресветлого, — продолжала девушка, — и Он назначит тебе испытание. Я уверена, ты выдержишь его! Выдержишь, и вернешь все, что потерял! Ты ведь такой сильный и смелый... Может, возвратится даже то, чему ты обучился у наставника, как и дарованное самим Митрой.

— Ты добрая девушка, Рина, но не стоит меня утешать. Боги не возвращают отобранных даров... а если б и возвращали, я не согласился бы вновь принять их.

— Но почему? — Серые глаза смотрели серьезно, светлые пушистые брови сошлись в линию. — Почему, Конан? Разве тебе не нужна Сила, которой бог готов поделиться с тобой?

— Теперь — нет, — он вздохнул и вытянул вперед руку с раскрытой ладонью. — Знаешь, когда я в первый раз шел к Учителю, я мечтал о Силе, мечтал исторгать молнии, испепелять врагов... надеялся овладеть могуществом, достойным короля... Но Митра, девочка, ничего не дает даром, а мне дорога свобода! Его сила — не моя сила, у него свои цели, у меня — свои! И больше я не хочу божественных даров; пусть возвратится хотя бы то, что принадлежит мне по праву рождения.

— Но все, что ты имел и имеешь, тоже дар Митры, — мягко сказала Рина. — Недаром Его зовут Подателем Жизни...

— Не уверен! — Конан рубанул воздух ладонью. — Мне дали жизнь отец и мать... может, наш киммерийский Кром тоже приложил руку... что до Митры, то я узнал о нем много позже, когда отправился странствовать по южным землям. Долгое время нам не было дела друг до друга — ни ему до меня, ни мне до него. Потом мы заключили сделку, и я не выполнил ее условий... Что ж, я виноват и готов молить о прощении! И больше не будем от этом.

Рина кивнула, и некоторое время они шли молча, поглядывая то на иззубренную вершину вулкана, то на далекие пески пустыни, наливавшиеся под солнцем цветом расплавленного золота. Потом Конан перевел взгляд на девушку и произнес:

— Я вижу, ты не взяла с собой меч, только копье и нож. Разве наставник не обучил тебя владению клинком?

Она тряхнула гривой каштановых волос.

— Обучил! Но меч — не женское дело; у меня есть кое-что получше.

Раскрыв висевшую на поясе сумку, Рина вытащила небольшой диск с остро заточенными краями — такие Конан видел в арсенале Учителя; в ее изящных тонких пальцах стальная пластинка выглядела совсем не страшной, похожей на блестящую игрушку, но киммериец знал смертоносную силу этого оружия. Его использовали наемные убийцы на востоке, в Хитае и Кусане; подобный диск, посланный рукой мастера, мог рассечь и кольчугу, и рыцарский доспех. Киммериец довольно хмыкнул, не сомневаясь, что после уроков наставника Рина владеет этой штукой лучше кхитайских убийц.

— Дротик, нож и метательный диск, — произнес он, искоса поглядывая на девушку. — И ты, насколько я помню, жила у моря, так? Видно, привыкла бить рыбу остройгой?

— В детстве, когда рыбачила с отцом и братьями. Потом, когда я выросла, то стала ныряльщицей, как все женщины в нашем роду.

— Ныряльщицей? — Конан с удивлением посмотрел на нее; такие подробности не были ему известны. — Что же ты доставала с морского дна?

— Все, что угодно... губки, кораллы, вещи с затонувших кораблей... но в основном — раковины, жемчужные раковины. Их много в наших краях.

— В водах Вилайета?

— Да. На Жемчужном Архипелаге.

Киммериец кивнул. Ему доводилось слышать об этих островах, лежавших напротив Шандарата, самого северного из туранских портовых городов, но на самом архипелаге он не бывал. Поговаривали, что князь, его владыка, был человеком алчным и жестоким; подданным его приходилось несладко. Может, потому Рина и сбежала из родных мест...

Он спросил ее об этом, и девушка, улынувшись, покачала головкой.

— Нет, Конан, нет... сама бы я не ушла... Что нам до князя? Он — высоко... С нами же имели дело сборщики налогов, и мы платили, что полагается — и рыбой, и жемчугом. Конечно, нелегкая жизнь, но к ней привыка-

ешь... потом, я же была не одна — отец, мать, сестры и братья... — снова покачав головой, она решительно повторила: — Нет, сама бы я не ушла!

— Что же случилось?

— Меня изгнали... свои же... те, кто жил в поселке... — Голос Рины дрогнул. — Знаешь, это куда страшней княжеского гнева! Люди, к которым я привыкла с детских лет... соседи... они всегда были добры ко мне... а потом потребовали, чтобы я убиралась! Грозили сжечь наш дом, перебить семью...

Конан, заметив, что она с трудом выталкивает слова, протянул руку и погладил мягкие пышные волосы девушки. Похоже, и у нее жизнь была нелегкой!

— Значит, тебя изгнали, Малышка... Но почему? Ты добра и красива... и наверняка была самой лучшей из ныряльщиц на Жемчужных островах!

— Я была ведьмой! — Теперь Рина улыбалась сквозь слезы. — Ведьмой, понимаешь? Дар Митры рос и рос во мне, а потом вдруг пробудился... и никто не мог сказать, благой ли бог послал его или злобный демон... Да и я сама не знала...

— Что же с тобой сделали?

— Продали толстопузому купцу из Хаббы. Я ныряла за раковинами для него... ныряла, пока кожа не сделалась синей... но ему хотелось получить от меня не только жемчуг...

Конан кивнул.

— Да, я понимаю. Ты очень красивая девушка.

Ее лицо словно расцвело от этой похвалы.

— Однажды он полез ко мне, и я пырнула его ножом — тем самым, с которым охотилась в море. Потом прыгнула за борт... к счастью, стояла ночь, и до берега было недалеко... попала в Хаббу... Злой город, злой!

— Злой, — согласился Конан, припомнив гладиаторские казармы и друга Сигвара из Асгарта, сложившего голову в хаббатейской степи.

— Но там мне повезло, — сказала Рина. — Там я встретила с Учеником, слугой Митры, и он был добр ко мне. Объяснил, что дар мой от светлого бога, что никакая я не ведьма, а избранница самого Митры... Ну, тогда я и решила разыскать наставника. И, видишь, нашла его! А заодно — и тебя!

Она уже совсем развеселилась, махнула дротиком, словно отгоняя прочь дурные воспоминания, и подняла

к Конану зарумянившееся лицо. Ноги Рины ступали по самому краю обрыва, но она не глядела вниз; губы ее приоткрылись, серые глаза сверкнули, и киммериец вдруг почувствовал исходящий от нее поток Силы. Да, — мелькнуло у него в голове, — Пресветлый щедро одарил эту девушку! Неудивительно, что в родной деревне ее начали бояться!

— Значит, теперь ты довольна, — произнес Конан, покосившись на свою спутницу. — Ты нашла все, что искала, и даже больше! И теперь поможешь мне, — он усмехнулся. — Вдвоем мы непобедимы, мышька! Я буду сражаться мечом, а ты — метать свои стальные диски и молнии...

Рина покачала головой.

— Только диски и дротик, Конан. Молний я метать не умею.

— Кром! Как же так? — Киммериец с удивлением воззрился на нее. — Даже я чувствую твою Силу, девочка... а всякий, владеющий ею, способен на многое! Я сам мог...

Она прервала его, мягко коснувшись могучего плеча.

— Ты — воин, и потому, я думаю, Сила была для тебя щитом и мечом. Мой дар — иной. Я не умею сражаться с помощью Силы... пока не умею... и неизвестно, когда научусь — так сказал наставник.

— Что же ты тогда можешь делать? — Конан скептически приподнял бровь.

— Могу заживлять раны, могу говорить с птицами и зверьми, могу видеть ауру всякого человека... — послушно начала перечислять девушка. — Могу заглянуть вперед... правда, ненамного...

— Заглянуть вперед? Что это значит?

Рина вдруг приумолкла, потом тихо произнесла:

— Знаешь, почему меня изгнали? Однажды рыбаки отправлялись в море... наши, из деревни... а я увидела, как лодки их гибнут, как люди тонут в воде... увидела и сказала об этом... Ну, так и случилось; была буря, и их разбитые баркасы пошли на дно. Меня же обвинили в злой волшебстве и чародействе... что я послала им смерть...

— Вот оно как! — произнес Конан. — Выходит, ты провидица, Рина с Жемчужных островов! Ну, так скажи, что ждет нас завтра в той проклятой дыре? — Он вытянул руку, показывая на вершину огромного вулкана.

— Ничего хорошего... Помнишь, Учитель толковал про стража, охраняющего спуск вниз? Он там, и ждет нас.

Киммериец покачал головой.

— Ну, такие предсказания я и сам могу делать. Ты лучше скажи, останемся ли мы в живых?

— Останемся. Хотя сражение будет нелегким, Конан.

— Наверно, ты меня спасешь, а? — Он с легкой насмешкой взглянул на Рину. — Посмотришь на ауру этого стража, поговоришь с ним, потолкуешь... А если что, залечишь мои раны, так?

Он улыбался, но лицо девушки хранило задумчивое выражение.

— Нет, это ты спасешь нас обоих, — серьезно произнесла она. — А раны... Ран не будет, Конан, потому что ты даже не обнажишь своих мечей.

* * *

Вечером они поднялись к самому кратеру, устроившись на ночлег под острокопечным утесом, у которого кончалась тропа. Сразу за этой скалой темнела гигантская пасть вулканического жерла, похожая на бездонную драконью глотку; Конан швырнул в нее камень и долго прислушивался, пока не различил звук далекого удара. Покачивая головой, он взглянул на солнце. Край багрового диска уже спрятался за горизонтом, а это значило, что пора вспомнить о заветной фляжке с порошком арсаяи; киммериец вытащил ее, вдохнул зелье и вернулся к Рине, хлопотавшей над ужином.

На следующий день они задержались на вершине почти до полудня, пока яркие солнечные лучи не высветили кратер до самого дна. Он был не таким глубоким, как показалось Конану в вечерних сумерках; склоны выглядели довольно обрывистыми и неприветливыми, и киммериец прикинул, что кое-где придется пустить в ход веревку с железным крюком. Тем не менее, он не сомневался, что еще до заката они окажутся внизу.

— Пойдем! — Конан махнул девушке рукой и подступил к обрыву. — Солнце стоит высоко; не будем терять время.

Рина, склонив к плечу головку в ореоле каштановых локонов, оглядела стены кратера, уходившие вниз на тысячи локтей. Серый и бурый камень тут и там пересекали вертикальные трещины; кое-где виднелись карнизы и уступы, тянувшиеся иногда на сотню шагов; дно представляло собой овал неправильной формы, заваленный огромными глыбами. Края трещин и карнизов казались

сглаженными, словно их обработали напильником и отполировали — когда-то, тысячелетия назад, раскаленное лавовое озеро оплавляло камень, заставляя его течь подобно разогретой смоле.

— Как мрачно... — шепнула девушка. — И пустынно! Я не чувствую там биения жизни, Конан. Ни птиц, ни насекомых, ничего... Одни мертвые скалы...

— Тем лучше для нас. Клянусь Кромом, не хотелось бы мне отмахиваться от мошкеры, повиснув на веревке!

Киммериец решительно сделал первый шаг, ступив на узкий карниз; девушка без колебаний последовала за ним. Карниз привел их к трещине, по которой удалось спуститься сразу на восемьдесят локтей; Конан преодолел ее, упираясь ступнями и спиной в противоположные края, потом Рина спустила ему на канате мешки и оружие, и съехала сама, едва касаясь веревки. Казалось, некая странная сила поддерживает ее в воздухе — возможно, невидимые Конану потоки астральной энергии, струившиеся с небес и отраженные скалами. Лицо Рины было бледным и сосредоточенным, но вряд ли ее беспокоил дальнейший спуск; скорее всего, она прислушивалась к тому, что творилось на дне, среди россыпи оплавленных камней.

Преодолев еще несколько расселин и выступов, Конан тоже заглянул вниз, но там было все спокойно. Базальтовые глыбы отбрасывали причудливые тени, походившие то на дремлющих чудищ, то на очертания причудливых башен и замков; но там ничего не двигалось, не шевелилось, не шуршало. Пустынно и мрачно, как сказала Рина; мертвые скалы и мертвая тишина.

Он повернулся к спутнице.

— Тебя что-то беспокоит, малышка?

— Нет... да... пожалуй, да... — Она замерла в нерешительности, прижав ладони к камню и словно бы прислушиваясь к тому, что творится за непроницаемой для глаза стеной базальта.

— Ты чувствуешь опасность? На дне? Среди этих валунов? — Конан вытянул руку в сторону каменной россыпи.

— Нет, в одной из пещер. Видишь, там входы?

— Вижу.

Они преодолели уже добрую треть спуска, и теперь киммериец мог разглядеть отверстия в стенках кратера, темневшие у самого дна. Вероятно, то были проходы в

глубь горы, о которых говорил Учитель. Им предстояло избрать один из этих мрачных тоннелей, на чем и зависела введомая старцу часть пути; даьше странников ждала неизвестность.

— Сторож? — спросил Конан, взглядом показывая вниз.

Рина, не отрывая ладошек от скалы, повела плечами.

— Может быть... Но это не живое... определенно, не живое... Я никак не могу разобраться... — Девушка прикрыла глаза, и лицо ее страдальчески сморщилось.

Киммериец осторожно потянул ее вперед.

— Идем! Какая бы тварь ни пряталась в этих пещерах, живая или мертвая, нам ее не миновать. Возможно, это призрак или бесплотный дух, поставленный тут на страже... Я встречался с такими и не боюсь их. Идем!

Они продолжили спускаться, то осторожно двигаясь по карнизам, то повисая над бездной на веревке, то скрываясь в полутьме глубоких расселин. Уже три или четыре раза им пришлось обойти кратер по спирали; дно, тем не менее, приближалось, а солнце стояло еще высоко. Еще виток-другой, прикинул Конан, и они окажутся внизу, среди первозданного хаоса базальтовых глыб, у темных отверстий тоннелей. Он уже мог оценить их размеры — большинство выглядели слишком мелкими для человека его роста, но были и огромные, способные пропустить всадника на коне.

Спуск закончился раньше, чем ожидалось — очередная трещина, протянувшаяся до самого дна, позволила путникам быстро преодолеть последнюю сотню локтей. Они разобрали оружие и поклажу; Конан, прежде чем взвалить на спину свой увесистый мешок, вытащил из него пару факелов и запалил их. Взглянув на тени, падавшие от камней, он направился к восточной стене, до половины освещенной солнцем; нижняя ее часть уже оделась полумраком.

— Взгляни! — раздался за спиной зов Рины. Он повернул голову и увидел, что девушка показывает вверх.

Там, меж остроконечных утесов, обрамлявших кратер, трепетал в потоках жаркого воздуха бледно-голубой клочок небес — словно последний привет светлого верхнего мира, который они покинули совсем недавно. Его усеивали неяркие точки, слабо светящиеся огоньки, и Конан вначале не понял, что это такое.

— Звезды... — прошептала Рина. — Добрый знак! — Раскинув руки в стороны, она замерла на мгновение, наслаждаясь струившимся сверху светом и теплом, затем отбросила назад волосы и взглянула на Конана. — Ну, я готова!

Он кивнул, сунул ей в руки один из факелов, и, огибая базальтовые обломки, устремился к пещерам. Долгий спуск слегка утомил его, зато Рина выглядела свежей, как весеннее утро — если не считать озабоченного выражения, иногда мелькавшего в глазах девушки. Сила поддерживала и вела ее, Сила вливалась в ее члены подобно живительному потоку, Сила делала ее неутомимой. Постепенно Конан начал привыкать к мысли, что эта юная красавица не станет ему обузой. Если она еще сообразит отвернуться, когда придет время понюхать проклятое зелье... Он никак не мог преодолеть странное стеснение, которое испытывал всякий раз, доставая сосудик с арсацией; он словно боялся увидеть в серых глазах девушки жалость — или иное чувство, более уместное по отношению к человеку, нарушившему свои обеты. Но пока что она — ни в жилище наставника, ни за время двухдневного пути — ни разу не дала понять, что жалеет или презирает его... Однако гордость Конана страдала.

Высоко подняв факелы, они остановились перед грязно-серой стеной, в которой зияли десятки отверстий. Как и предполагал киммериец, некоторые из них были достаточно велики, чтобы в них въехал целый фургон; выбрав один из таких провалов, он ткнул в его сторону факелом.

— Пойдем сюда?

Рина нахмурилась, потом махнула рукой.

— Все равно... Э т о скрывается во всех проходах. И тут, и там, — взгляд ее скользнул по черным мрачным дырам, усеивавшим склон.

— Что ты чувствуешь? — спросил Конан.

— Ветер... Из всех пещер тянет ветром, от которого подгибаются колени. Тебе заметно это?

Голова киммерийца отрицательно качнулась; он не ощущал ничего, однако не сомневался, что ветер, о котором толковала Рина, был вполне реален. Разумеется, его порождало не движение воздуха, а нечто иное, какая-то странная бестелесная тварь или недобрые чары, заметить которые мог лишь владеющий Силой Митры. Переложив факел в левую руку, Конан вытащил меч и направился к пещере. Рина молча шагала следом.

Через несколько мгновений они погрузились в каменное чрево, в густой мрак, где лишь факелы их мерцали двумя крохотными кострами, бросая неяркие отблески на гладкий базальтовый пол. Хотя свод подземного тоннеля был высок и тонул где-то в темноте над их головами, воздух здесь оказался затхлым и вонючим; от стен ощутимо пахивало серой и еще чем-то кислым и неприятным. Однако ничего угрожающего Конан не замечал; к запаху же можно было притерпеться.

Внимательно глядя под ноги, чтобы не свалиться в какую-нибудь яму, путники шли вперед и вниз. Наклон пола был довольно крут, и киммериец, считавший про себя паги, вскоре понял, что они опустились намного ниже подошвы вулкана. Теперь со всех сторон на Конана давила земная твердь, огромные груды камня, что держали на своих плечах сказочные исполины — те Первосотворенные Митрой существа, в храме которых он надеялся обрести исцеление. Возможно, оно будет даровано не сразу, но Пресветлый хотя бы возвестит, как искупить грех...

Что бог может потребовать от него? Что ему нужно? Какую плату он захочет? Станет ли ею усмирение злобных демонов, как то сделал аргосец Рагар? Или победа над магом, adeptом Черного Круга, чья воля грозила опасностями Великому Равновесию? Или же по воле Митры придется сокрушить одного из земных владык, чья жестокость истощила терпение божества? Как полагал Конан, Пресветлый потребует от него великих деяний — тех самых, о которых они некогда толковали с Рагаром; подвигов бескорыстия, которые не вознаграждались ни славой, ни богатством, ни властью. Что ж, Митра был в своем праве! Митра даровал ему Силу для усмирения разбушевавшихся стихий, мерзких тварей, порождений Сета и Нергала, могущественных чародеев, страшных духов, обитателей Серых Равнин, прорвавшихся в верхний мир... Митра наделил его почти божественной мощью — умением исторгать молнии! А старый Учитель отшлифовал его разум и плоть, добился, что каждый взмах меча, каждое движение, каждый жест стали стремительными и совершенными...

И для чего же он использовал это великое искусство? Да, для чего?! Чтобы пустить кровь десятку пьяных солдат! Но и это не вызвало бы гнева Митры, ибо он, Конан, был в своем праве: он защищался и мог использовать и оружие, и свое мастерство. Напавшего — уничтожь! Но

пощади того, кто молит о пощаде! Этот последний воин с черной растрепанной бородой и обезумевшими от страха глазами... Не надо было убивать его...

— Конан! — внезапно вскрикнула Рина, и мысли киммерийца прервались. — Конан, ты чувствуешь?..

Он поднял факел повыше, пытаясь рассмотреть верхнюю часть стен и высокий свод коридора. Тьма и тишина давили на него; мрак казался таким же плотным, как камень, таким же непроницаемым, тяжким, безжизненным... Но кроме этого он ничего не ощущал. Ничего тревожного, во всяком случае — может быть, лишь легкую, едва заметную боль в затылке.

— Сосет... — глухо и непонятно пробормотала Рина, — сосет...

Она поднесла руку ко лбу, и Конан заметил, что лицо девушки начинает бледнеть.

— Пойдем, — он обнял Рину за плечи и подтолкнул вперед. Она сделала несколько робких шагов, прижимая ладони к вискам, потом ее движения как будто обрели былую уверенность и силу.

— Думаешь, это сторож? Та тварь, о которой предупреждал Учитель?

Девушка кивнула, брезгливо передернув плечами.

— Мне вдруг показалось, что тут, под грудью, повисла огромная пиявка... и сосет, сосет... Я стала словно бы пустой, как орех без сердцевинки...

— С тобой Сила Митры, — уверенно произнес Конан, пытаясь ее подбодрить. — Защищайся! Наставник обучил тебя, как строить щит? Ну, что-то вроде плаща, обволакивающего тело... Умеешь это делать?

Она слабо улыбнулась.

— Пока еще плохо. Но я попробую.

Они шагали в темноту, судорожно сжимая в руках оружие и наполовину сгоревшие факелы. Подземный коридор был ровным, как древко копья, и по-прежнему высоким и широким. Конан не ведал, какая сила проложила его в горных недрах, недоступных людям; может быть, этот проход был выжжен потоком огненной лавы, некогда ярившимся и бушевавшим тут? Или его вырубили гиганты, что держат сейчас земную твердь на своих широких плечах? Во всяком случае, за минувшие тысячелетия этот тоннель — как, вероятно, и соседние — не остался без обитателей. Были ли они — или оно — в самом деле стражами, охранявшими дорогу в нижний мир, или

просто поселились в темных глубинах, явившись из царства мертвых или из других мест, столь же таинственных и непостижимых? Теперь Конан уже не сомневался, что ощущает чье-то злобное внимание: в затылок ему повеяло холодом, а в висках начали покалывать крохотные иголочки.

Рина слабо застонала, что-то пробормотав. Напрягая слух, Конан уловил: «Нет... нет... не дамся...» — и тут же девушка споткнулась, едва не растянувшись на каменном полу. Киммериец успел поддержать ее, но это усилие тяжким гулом отдалось в голове, словно под черепом начали одна за одной рушиться волны океанского прибоя.

Девушка бессильно обвисла в его руках, и Конан остановился. Лицо Рины снова начало бледнеть, веки смыкались, словно необоримый сон вдруг стал одолевать ее, и киммериец подумал, что происходит невероятное. Она же владела Силой! И еще недавно — там, на дне кратера — энергия переполняла ее! Значит, либо ей так и не удалось поставить защиту, либо...

Либо Сила Митры являлась приманкой для невидимой твари, атаковавшей их! Лакомым куском, который она жаждала заглотить!

Конан, прижав меч локтем, взвалил девушку на плечо и мрачно усмехнулся. Если эта догадка верна, то с него много не возьмешь! Ни божественной Силы, ни даже человеческой души... душа его, и память, и разум — в бронзовой фляге... сам же он пуст... абсолютно пуст... как сказала Рина?.. словно ореховая скорлупа без ядрышка?..

Однако он продолжал идти вперед, придерживая легкое тело девушки правой рукой; меч свисал с запястья на петле, факел потрескивал, разбрасывая искры, дротик Рины, который она сжимала в окостеневших пальцах, иногда царапал по камню. Второй факел ему пришлось бросить, но особой нужды в нем не было — мрак словно бы начал сереть, как будто в дальнем конце тоннеля разгоралось некое зарево. Может быть, выход? — сквозь неумолчный мерный гул мелькнуло в голове у киммерийца, и он попытался ускорить шаги.

Но это ему не удалось. На Конана внезапно навалилась слабость; затылок оледенел, а гул невидимого прибоя под черепом сменился мертвой тишиной. Он шел, едва волоча ноги, пытаясь преодолеть сонный морок, дремотный туман, что накатывал на него сзади и спереди, сверху и снизу, со всех сторон. Лечь... не двигаться... закрыть глаза...

уснуть... забыться... Какое блаженство! Не думать ни о чем... ни о верхнем мире, таком шумном и беспокойном... ни об этой девушке, что болтается на его плече словно подстреленная дичь... ни о старце с янтарными глазами хищной птицы... ни о Митре, пославшем его сюда...

Митра... светозарный бог... он знал, что делает... решил, что слуге его пора отдохнуть... навеки отдохнуть... опуститься на пол, на каменный пол, такой гладкий, уютный... отложить меч, смежить веки... пусть гаснет огонь факела... пусть придет тьма, обнимет, успокоит, убаюкает... навсегда... навсегда... навсегда...

Наконечник дротика заскрежетал по камню, и Конан вздернул голову. Проклятая тварь! Кем — или чем — не было бы это существо, пытавшееся наслать сонный морок, оно не желало показаться! Возможно, у него не имелось ни тела, которое могли бы пронзить меч или копье, ни рук или лап, ни когтей, ни пасти и клыков, способных растерзать жертву... Возможно, плоть и кровь вообще не интересовали это порождение мрака; возможно, оно жаждало иного, неизмеримо более ценного, что таится и в человеке, и в звере — самого дыхания жизни, дарованного богом, что теплой трепещущей аурой окружает смертных... Так почему-то казалось Конану, и подобные мысли могли вызвать лишь страх — ведь это значило, что он не сумеет поразить бестелесного врага мечом.

Или, же стоило попытаться?

Сон по-прежнему одолевал его; он не мог двигаться дальше, не мог нести Рину. Положив на пол легкое тело девушки, Конан пристроил факел в трещине, змеившейся по стене, и полоснул мечом запястье. Резкая боль на мгновение отогнала дремотную вялость; выхватив второй клинок, он прижался спиной к камню и вытянул оружие вперед. Сталь поблескивала холодно и мертво, и не хотела оживать — как тогда, у развалин древней башни, в пустыне, в тот миг, когда зубы Инилли подбирались к его горлу... И сейчас он тоже ощущал чьи-то ледяные клыки на затылке; они впились все глубже и глубже, высасывали мозг, разум, душу, с них струился яд, погружавший в беспамятство, их холодные острия пронзали череп...

— Выходи! — яростно прорычал Конан, взмахнув клинками. — Выходи, тварь, отродье Нергала!

Тишина. Мертвая тишина вечного забвения...

— Выходи!

Крик его метался под высоким сводом, не порождая даже эха.

— Выходи!

Теперь ему почудился смешок, чье-то мерзкое хихиканье, словно бестелесный демон издевался над ним. Не звук, нет, одно ощущение звука, отдавшегося не в ушах, а под черепом. И сразу сон с новой силой навалился на него. Глухо звякнули мечи, выпавшие из рук, и Конан, теряя сознание, начал медленно оседать на пол вслед за ними.

Спать... в покое... в тишине... во мраке... спать, спать... не думать ни о чем... забыть о грехе и каре, о вине и искуплении, о жизни и смерти... спать, спать... вкусить сладость забвения... не двигаться, застыть на каменном полу и самому превратиться в камень... в прах, который навечно упокоится в этом темном коридоре... спать, спать... уснуть, став бессловесным и немым, бесчувственным и неподвижным...

Немым? Бесчувственным?

Почти инстинктивно ладонь Конана легла на пояс, ногти цапнули грубую кожу, пальцы коснулись маленькой бронзовой фляги, потянули ее вверх, к лицу... Он не сознавал, что стоит на коленях над телом Рины; не чувствовал, как горячая капелька смолы с догорающего факела обожгла кисть; не видел розовеющего вдалеке пятна, от которого в темноту подземного коридора тянулись слабые лучики света... Он не сознавал, не чувствовал и не видел ничего; все его мысли сосредоточились сейчас на крохотном сосудице с порошком арсаяи.

Кром, как же он мог забыть про свое зелье! Про снадобье, просветляющее разум! Видно, тьма повлияла на него — тьма и отсутствие солнца, с которым он соразмерял прием бальзама...

Не спи, сказал он себе, непослушными пальцами выковыривая пробку; не спи, и мы еще посмеемся над этой тварью! Над этим бестелесым стражем, над мертвецом, что высасывает души из живых! Пиявка, проклятый морок, отродье Нергала... Подлое, как все ублюдки, что таятся в темноте и нападают исподтишка... Без крови и костей, без тела, которое можно было бы проткнуть клинком... Мерзкая тварь!

Свежий и острый запах арсаяи, отрезвил его, растопив дремотный туман. Ледяные клыки, впившиеся в затылок, исчезли, смолкло и монотонное бормотанье, неудержимо

вгонявшее в сон; лишь где-то во тьме прозвучал неслышимый вздох. Не вздох, а отзвук вздоха; однако Конан уловил в нем ненависть и разочарование.

Он поднес горлышко маленького сосуда к ноздрям Рины. Девушка закашлялась и чихнула, потом, резким движением подобрал под себя ноги, начала подниматься. Конан, бережно закупорив фляжку, сунул ее за пояс.

— Что... что случилось? — Глаза Рины были полны недоумения. Внезапно она вспомнила и вскочила, выставив вперед дротик и вглядываясь в темноту; губы ее дрогнули. — Э т о ушло? Конан, э т о ушло? Скажи мне!

Он гулко расхохотался — не над собой и не над страхом Рины — над бесплотной невидимой тварью, что разочарованно скулила в темноте. Теперь он ощущал ее присутствие — не слухом или зрением, а каким-то шестым чувством, пробудившимся еще в те дни, когда с ним была Сила.

— Ты смеешься? — На губах Рины тоже заиграла улыбка. — Смеешься? Значит, все хорошо?

Кивнув, Конан вытащил из трещины свой факел. Он догорал, но теперь киммериец ясно видел вперед расплывчатое розоватое пятно. Свет! Свет и выход! Он показал на него Рине.

— Но как ты с ним справился? — Она все еще не могла прийти в себя. — Как? Даже я... даже Сила Митры не защитила нас!

— Кром! — Конан подтолкнул ее вперед. — Рассчитывай больше на себя; а не Митру, малышка! Ну, еще на вендийских мудрецов...

— При чем тут вендийские мудрецы?

Ухмыльнувшись, киммериец погладил свой широкий пояс, за которым прятался драгоценный сосудик. Теперь, когда Рина тоже вдохнула снадобье, Конан чувствовал, что они равны: пусть недолгий миг, но ее душа тоже пряталась в этой самой бронзовой фляге и возвратилась из нее в телесную оболочку.

— Ты помнишь, что Учитель сказал про арсайю? — Он снова похлопал по ремню. — Бальзам, который употребляют вендийские мудрецы! Он-то нас и выручил.

— О! Твое лекарство, что просветляет разум?

— Да, Рина.

Передав девушке факел, Конан подобрал свои мечи, вложил их в ножны; он был уверен, что оружие ему не понадобится. Бестелесая тварь, невидимая и едва ощути-

мая, пряталась во мраке, жадно поглядывая на них, но не пытаясь повторить атаку. Вдалеке тускло сияло розоватое пятнышко выхода, и киммерийцу казалось, что оттуда тянет свежим воздухом.

— Вперед, малышка?

— Вперед!

Но прежде, чем сделать первый шаг, Конан повернулся и плюнул в темноту подземного прохода.

Глава 23. Пурпурные леса

Т оннель оборвался внезапно; еще мгновение назад над ними нависали тяжкие базальтовые своды, и вдруг багровый и алый простор распахнулся во всю ширь, ослепив путников неярким светом. В вышине клубились розовые облака, скрывающие небо; они текли, меняли формы, то вытягиваясь гигантскими колоннами, почти касавшимися горизонта, то образуя пушистые шары или превращаясь в расплывчатые титанические замки с остроконечными или приземистыми башнями, фигурными парапетами и стенами, отливавшими багрянцем. Эти подвижные тучи, мерцавшие всеми оттенками красного, простирались над таким же красным миром, показавшимся Конану бескрайней равниной, заросшей кустарником и странными деревьями, торчавшими вверх и в стороны подобно растрепанным метлам. Их кроны и стволы были бурыми и ярко-алыми, огненными, оранжевыми, кроваво-красными и желтовато-кирпичными; они то наливались угрожающе-багровым, почти черным, то радовали глаз нежными лилово-розовыми и карминовыми красками. Но главным был пурпур: основа и фон, на коем прихотливыми узорами струились прочие цвета.

— Нижний мир! — выдохнула Рина и тут же с восторгом добавила: — Какая красота! Словно под водой, среди алых кораллов и пурпурных водорослей!

Ее лицо раздумянилось, мышцы обрели былую гибкость, и Конан, бросив взгляд на свою спутницу, понял, что она окончательно пришла в себя. В глазах девушки опять играли отблески Силы, и, хотя она не могла торговать ее потоком сверкающих молний, астральная энергия наделяла Рину прежней неутомимостью и стойкостью. Пожалуй, еще и некоторой долей легкомыслия: девушка любовалась пейзажем с таким восхищением, словно они оба вдруг попали в сад Учителя, приветливый и знако-

мый. Конан, однако, не забыл о сонном мороке, затаившемся в пещере; что касается этой пурпурной равнины, то и здесь их наверняка поджидали опасности — возможно, иного рода, чем оставшаяся позади, но столь же смертоносные для беззаботных странников.

Он коснулся руки девушки, ощутив бархатистую нежность ее кожи; это было приятно, и Конан не спешил отнимать ладонь.

— Скажи, малышка, что нас тут ждет? В этих красных зарослях?

Она улыбнулась.

— Кажется, ты поверил в мой дар?

— А разве я сомневался? — ответил он вопросом на вопрос. — В пещере все случилось так, как ты предсказывала... Какая-то мерзость едва не поживилась нами, и одолел ее не меч, а бальзам дамастинского мага, — киммериец хлопнул по своему поясу. — Ну, так что нас ждет дальше?

— Сейчас... — Рина, прикрыв глаза, повернулась к пурпурной равнине. Губы ее сжались, лицо стало серьезным, даже суровым, на чистом высоком лбу меж бровей возникла вертикальная морщинка. Конан невольно залюбовался девушкой; румянец щек оттенял темные веера ресниц, каштановый локон и маленькое ушко, что пряталось за ним, казались исполненными прелести... Взгляд киммерийца спустился ниже, к упругой груди, полуприкрытой полотном туники, стройной талии, округлым бедрам, длинным ногам в маленьких сапожках. Не в первый раз он спросил себя, почему эта красавица пошла с ним — неужели из одной любви к опасным авантюрам и любопытства? Нет, это было на нее непохоже... Может быть, как намекнул наставник, ей хотелось испытать свои силы? Свое искусство, приобретенное за время обучения? Почему-то Конану казалось, что дело не только в этом; пожалуй, он мог бы угадать причину, но решил, что торопиться не стоит.

Рина фыркнула, и киммериец, оторвавшись от созерцания ее безупречных колен, поднял взгляд к лицу девушки. Вероятно, с провидением грядущих событий было покончено, и теперь серые глаза Рины смотрели прямо на него — с легкой насмешкой и еще каким-то непонятным и слегка пугающим выражением. Ведьма, настоящая ведьма, подумал Конан и вслух спросил:

— Ты разглядела что-то смешное, а? Еще одну тварь, которая может усыпить нас и высосать души?

— Нет. Там, — рука девушки протянулась к полыхавшим пурпуром и багрянцем зарослям, — нет ничего смешного, и нет ничего опасного... особо опасного, я хочу сказать. Мы пройдем по равнине из конца в конец и останемся в живых. Может, никто из нас и ранен не будет, — заметила она уже с меньшей уверенностью.

— Чего же ты улыбаешься?

— Ну-у... — протянула Рина, — ты глядел на меня, а я — на твою ауру... Помнишь, я говорила, что могу видеть такие вещи...

— И что ты высмотрела?

Она загадочно усмехнулась.

— Что высмотрела, то высмотрела! Пойдем.

Покачивая головой, Конан двинулся вслед за Риной. Он почти сразу же забыл об этом разговоре; в незнакомом месте не стоило раздумывать о девичьих прихотях, чтобы не попасть на обед какой-нибудь твари. Правда, слова его спутницы обещали сравнительно нетрудный переход в ближайший день или два, но Конан не привык доверять предсказаниям, сулившим покой и безопасность. Он знал, что в живых остается лишь тот, кто всегда настороже — это правило являлось одинаково справедливым и в верхнем, и в нижнем мире.

Скалистый уступ, по которому они шли к пламенеющей равнине, кончился; почва под ногами стала не такой твердой, вокруг появились первые деревца, похожие на прутья, усеянные непропорционально огромными листьями — круглыми, алыми и вогнутыми, словно боевые щиты. Кое-где в этих природных чашах поблескивала вода, и Конан, зачерпнув на ходу горсть, убедился, что она чиста и свежа, словно влага горных ключей. Что касается самих деревьев, то они выглядели странно: некоторые, как и положено, тянулись вверх, к розовым небесам, другие торчали в стороны и в бок, или стелились по самой земле, переплетаясь друг с другом и образуя плотный живой ковер, не позволявший разглядеть почву. Внезапно киммериец сообразил, что они двигаются по тропе — или по чему-то очень похожему на тропу; ее покрывал толстый слой сухих листьев и обломанных веток, рдевших багряной корой.

Тропа! Если есть тропа, значит, недалеко и те, кто ее проложил! Удвоив осторожность, огромный варвар с по-

дозрением огляделся по сторонам, затем перебросил с плеча на грудь арбалет и зарядил его. Скрип взводимого рычага заставил Рину повернуть голову. Глаза ее удивленно расширились, когда девушка увидела в руках Конана оружие; ее ладонь тут же легла на сумку с метательными дисками.

— Ты что-то заметил? Что-то опасное?

— Тропа, — коротко отозвался киммериец.

— Да, тропа... похоже на тропу... Но я не чувствую угрозы.

— Когда почувствуешь, может оказаться поздно, — Конан поднял голову, разглядывая небо. Там не было ничего живого, ничего движущегося, кроме облаков — ни птиц, ни легучих мышей или драконов, которые могли бы неожиданно пасть сверху. Розовые, оранжевые и алые тучи по-прежнему текли и струились, воздвигая фантастические замки, чтобы в следующий миг обратить их в руины; неяркий свет падал от них на землю, и киммериец не сумел бы сказать, утро ли сейчас, разгар дня или вечер. Может быть, подумалось ему, тут, в нижнем мире, не существует ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи; они шли уже довольно долго, но небо оставалось прежним и ничто не предвещало наступления темноты.

Заросли по краям тропинки сделали гуще, скрывая небеса. Пурпурные древесные стволы теперь были уже толщиной с руку или с мужское бедро, и вздымались ввысь на двадцать-тридцать локтей. Те из них, что уходили в стороны, казались не меньшей длины; их кроны прорастали друг в друга, ветви переплетались на удивление густо, не позволяя и шагу ступить с тропы. Она, как почудилось Конану, сделалась заметно шире, но толстый слой опавших листьев и сухих веток не сохранил никаких следов — ни отпечатка звериной лапы или ступни человека, ни колеи от повозки. Это выглядело странным; дорога — и довольно прямая! — по которой никто не ходит и не ездит.

— Смотри! — Рина, замедлив шаги, вытянула вперед руку.

Конан кивнул; он и сам уже разглядел некое бурое образование, маячившее вдали сквозь разрывы в листьях. Оно уходило куда-то вверх, словно гигантская каменная колонна, подпирающая кровлю из розоватых туч; киммериец не мог разглядеть его вершины.

— Скала, — произнес он, легонько подтолкнув Рину. — Иди, не останавливайся! Может, там найдется место для ночлега... Не спать же нам поперек тропы.

— Я не устала.

— Зато я устал и голоден.

Он в самом деле проголодался и страшно устал. Еще недавно такое признание далось бы Конану с трудом, но теперь, после пережитой смертельной опасности, Рина словно бы сделалась ближе и понятней ему. В конце концов, ее Сила — Сила Митры! — не защитила их, не смогла отогнать сонный морок; не помощь божества, а он, он сам, спас их обоих от той гнусной твари! И стоило это недешево!

Конан вдруг ощутил, как утомление наваливается на него, пригибает книзу, заставляет горбить плечи... Долгий день, тяжелый день! Спуск в кратер, потом переход через подземный тоннель, бескровное, но жуткое сражение с его стражем... а теперь еще и эта странная дорога, по которой они отмахали уже не одну тысячу локтей... Ну, ничего, подумал он, приглядываясь к маячившей впереди темной колонне; где скалы, там и пещеры, самое безопасное место для ночлега. Может, и какая-нибудь дичь найдется...

Бурый утес приближался, разрастаясь вширь, нависая над кронами пурпурных деревьев чудовищной пирамидой. Конан все еще не мог разглядеть его вершину — ветви, густо усеянные большими круглыми листьями, закрывали и небо, и горизонт. Хотя деревья по краям тропы выглядели все более мощными и высокими, ни одно не было по-настоящему большим — таким, чтобы на него стоило влезть и осмотреться. В этом смысле скала представлялась киммерийцу гораздо более удобным наблюдательным пунктом.

Тропа, превратившаяся тем временем в усыпанную листьями дорогу шириной в десяток шагов, словно упиралась в бурю стену утеса, и Конан уже начал подозревать, что там их ждет нечто вроде тоннеля, прорубленного сквозь камень. Или все-таки дорожка огибает скалу? Он не успел как следует обдумать этот вопрос, как деревья начали мелькать, редеть, раздвигаться, и путники очутились на поляне.

Тут росла невысокая густая трава, напоминавшая цветом свежепролитую кровь; кое-где виднелись странные цветы — крупные, величиной с кулак колокольцы, черные лепестки которых пестрели багровыми прожилками. По-

ляна была довольно широка, около полусотни шагов, и стелилась в обе стороны ровным алым ковром, огибая утес. Вблизи он показался Конану не пирамидой, а, скорее, сужавшейся к верхушке колонной, чудовищным копьем, устремленным в розовое небо; чудилось, что эта скала, направляемая рукой гиганта, вот-вот устремится вверх, пронзит клубящиеся тучи, пробьет в них огромную прореху и исчезнет где-то в заоблачном мире.

— Странная гора, — выдохнула Рина за плечом киммерийца. — А ее поверхность... ты только посмотри!

— Кром! — Он покачал головой. — Никогда не видел такого!

Поверхность скалы, в целом довольно ровную, без выступов, карнизов или торчащих глыб, рассекали трещины, причудливо змеившиеся снизу вверх; они были того же цвета, что и кровавая трава на поляне, и казались узором из алых изогнутых линий, проступившим сквозь бурый камень. Может быть, это огромный монолит из драгоценного рубина? — мелькнуло у Конана в голове. Самоцвет невероятной, непредставимой величины, покрытый земляной или каменной коркой? Ему захотелось подойти поближе и проверить это; опустив арбалет, Конан сделал шаг к скале и потянулся за кинжалом.

— Стой! — Рина дернула его за тунуку. — Не лучше ли сначала обойти кругом? Может быть, заметим что интересное...

Конан внимательно взглянул на нее.

— Чувствуешь опасность?

— Нет... — казалось, девушка колеблется. — Нет, не опасность. Но... но... знаешь, мне чудится, что эта скала — живая, — произнесла она шепотом.

— Живая? Хмм... — Киммериец оставил в покое кинжал и медленно двинулся вправо, не спуская глаз со странного утеса. Рина последовала за ним.

Они сделали двадцать или тридцать шагов, удалившись от того места, куда привела их тропа, и вдруг Конан почувствовал, как почва под ним прогибается. Он замер, предостерегающе подняв руку, потом осторожно шагнул вперед, поглядывая то на скалу, то на пушистый ковер красной травы, испещренный черными пятнами колокольчиков. Да, земля определенно подрагивала! Не резкими толчками, как это случается в день гнева подземных богов, а плавно и едва заметно. Казалось, он и в самом

деле шел по коврику — толстому коврику из трав, растянутому над бездонной трясинной.

Трясиной? Неужели там, внизу, болото? Рядом с этой огромной скалой? Губы Конана недоверчиво скривились. Превозмогая усталость, он присел, положив арбалет на колено, запустил пальцы в траву и с натугой выдрал пучок — почва под ним, как и все остальное в нижнем мире, была окрашена в красные тона, но влаги не выступило ни капли.

— Что ты там ищешь? — окликнула его Рина.

Конан поднялся.

— Земля, — буркнул он, — земля шагает, как пьяный матрос, выползший из кабака. Ты что, не замечаешь?

Девушка, осторожно ступая, подошла к нему.

— Теперь замечаю... чуть-чуть...

— Ты намного легче меня, — сказал Конан, уставившись вниз. — Может, там болото? Под этой травой? Но воды не видно... и рядом камень...

Рина пожала плечами.

— Все может быть. Не забывай, здесь не наш мир, не верхний. Лес — не зеленый, а пурпурный, небо — розовое, а солнца совсем нет... — Она задумчиво подняла глаза к клубящимся тучам. — Неужели Митра навсегда отвернул от нижнего мира свой лик? Как же он следит за ним? Ведь здесь так прекрасно и покойно...

— У Митры много способов приглядеть за каждым из своих царств, — оборвал девушку Конан. — Меня же тревожат не солнце и звезды, а то, что внизу. Не хотелось бы провалиться в трясину!

На мгновение закрыв глаза, Рина сосредоточилась, затем опять пожала плечами.

— Не знаю, болото под этой травой или нет, но там все живое — такое же живое, как скала, — она махнула рукой в сторону испещренного кровавыми прожилками утеса. — Но я не ощущаю никакой опасности... никакой, Конан... Думаю, мы можем идти.

Они снова двинулись в обход каменной колонны, и вскоре Рина, дернув киммерийца за ремень, показала взглядом вправо. Там была еще одна дорога, в точности напоминавшая ту, что привела их сюда — такая же прогалина среди красных деревьев, похожих на захмелевший частокор. Через некоторое время они обнаружили третью тропу, потом — четвертую, пятую; похоже, все они веером расходились от поляны и огромного

утеса. Почва в таких местах была прочна — ни малейших признаков колебаний.

Шестая дорожка вела прямо к входному отверстию большой пещеры. Огромный провал овальной формы зиял темнотой, словно разверстая пасть дракона — не хватало лишь клыков да торчащего меж ними языка. Однако трава перед входом выглядела непримятой, и острый глаз киммерийца нигде не замечал каких-либо угрожающих признаков — следов ног, копыт, когтистых лап или окровавленных останков и костей. Вероятно, пещера была необитаемой, и это казалось Конану странным; по его мнению, она прекрасно подходила для логовища крупного хищника.

Он поднял арбалет и, не обращая внимания на предостерегающий жест Рины, нажал спусковую скобу. Стрела свистнула, исчезнув во тьме прохода; затем раздался едва слышный звук глухого удара, и снова воцарилась тишина. Ни рычания, ни визга, ни гневного рыка потревоженного зверя — ничего! Киммериец перезарядил свое оружие.

— Там никого нет, — сказала Рина, махнув в сторону пещеры. — Ты зря тратишь стрелы, Конан!

Не отвечая, он выстрелил опять, нацелившись прямо в поверхность утеса около входа. Снова глухой звук; арбалетный болт, выпущенный с близкого расстояния, почти на четверть длины ушел в скалу.

— Так ты считаешь, что я трачу стрелы зря? — Конан усмехнулся девушке. — А где ты видела стрелы, пробивающие камень? Клянусь Кромом, я такого не встречал!

Он быстрыми шагами направился к пещере и попробовал выдернуть свой снаряд. Стрела застряла прочно, и киммериец извлек ее лишь с третьей попытки; затем вытащил кинжал и принялся ковырять в пробитой стальным наконечником дыре. Рина стояла рядом, округлившимися глазами рассматривая бурю поверхность скалы. Внезапно девушка приложила к ней обе ладони, провела сверху вниз, тронула пальцем край небольшой трещины, алой раной расщелившейся темную корку.

— Это не камень! — с изумлением выговорила она. — Это живое... Живое, как мне и казалось!

— Живое, — откликнулся киммериец. — Кора, а под ней — древесина, красная, как кровь. Кром! Никогда бы не подумал, что в мире могут быть такие деревья! — Он стукнул кулаком по чудовищному стволу.

— Тут не наш мир, — снова напомнила Рина. — Может быть, во времена Первосотворенных такие исполины и росли наверху, но Митра, видимо, погрузил их в земные недра — вместе с храмом, который мы разыскиваем. Выходит, — девушка повернулась к Конану, — тропинка, по которой мы шли...

— ...была огромной ветвью, — закончил киммериец. — А эта пещера — дупло! Дупло, клянусь клыками Нергала! — Он задрал голову вверх, пытаясь разглядеть верхину чудовищного ствола, но тщетно; она терялась где-то в багровых и алых тучах, скрывавших небеса нижнего мира.

— Пойдем туда? — Рина показала взглядом на зиявший перед ними вход. — Тебе надо отдохнуть... да и мне, если на то пошло.

— Пойдем... Но погоди немного, — Конан вдруг положил арбалет в траву, сбросил с плеч мешок и принялся копаться в нем. Он вытащил веревку с железным крюком, сильным ударом вогнал острие в древесный ствол, а свободный конец тонкого прочного каната обвязал вокруг пояса. Потом, обнажив кинжал, направился в сторону от дупла, то и дело пробуя почву ногой.

— Хочу взглянуть, что там внизу, — пояснил он девушке. — Сейчас найду подходящее место...

Рина спокойно наблюдала за ним, опершись на свой дрогик; по-видимому, не чувствовала никакой опасности. Несмотря на усталость, Конан действовал осторожно. Обнаружив участок, где травяной ковер упруго пружинил под ногами, он потуже натянул веревку, опустился на колени и начал резать дерн клинком, отбрасывая в сторону пучки красной травы. Вскоре перед ним образовалось отверстие глубиной в локоть; под слоем прочных травяных корней и почвы из перегнивших листьев обнаружались древесные ветви, гибкие и живые, переплетавшиеся паутиной сетью. Конан отложил нож и вытащил меч. Он врубался все глубже и глубже, пока не почувствовал, что кончик клинка вышел наружу; тогда, быстрым круговым движением перерезав оставшиеся ветки, киммериец протолкнул их вниз и склонился над дырой.

— Подойди, — позвал он Рину спустя некоторое время. — Клянусь богами севера и юга и всеми демонами Ххитая в придачу! На это стоит посмотреть!

Девушка шагнула к нему, встав сзади и заглядывая через плечо; киммериец ощутил запах ее тела, прядь

пушистых волос коснулась щеки, другая легла на обнаженную шею. Дыхание Рины сделалось глубоким и частым — то ли из-за их невольной близости, то ли от зрелища, открывшегося внизу.

Только сейчас странники поняли, что находятся на верхнем из бесчисленных ярусов гигантского леса. В красноватом полумраке, царившем внизу, они так и не сумели разглядеть землю; неохватные ветви, тянувшиеся во все стороны от чудовищных стволов, сходились и расходились, их покрытые большими пурпурными листьями отростки то перекрещивались, то врастали друг в друга; развилки и места, где ветки переплетались особенно густо, были усыпаны гниющей листвой, поросшей травами и мхом. Эти поляны, иногда обширные, иногда совсем крошечные, как будто парили в воздухе, похожие на алые, багровые, оранжево-желтые облачка, и Конан различал вблизи них неясное движение — какие-то твари копошились и мелькали там, почти невидимые в вечных сумерках циклопических джунглей. С верхнего яруса свисали канаты лиан, усеянных розовыми соцветиями; одни можно было обхватить рукой, толщина других оказалась не меньше, чем у винной бочки. Среди этих багровых стеблей порхали странные существа — не то птицы, не то огромные летучие мыши с кожистыми крыльями; они вились над полянами и пурпурной листвой, иногда падая вниз с протяжными, похожими на стон, воплями.

Рина вздохнула и выпрямилась, отбросив волосы на спину.

— Может быть, нам надо спуститься туда? — Девушка ткнула дротиком в отверстие. — Храм, который мы ищем, наверняка стоит на твердой земле.

— Храм огромен, — возразил Конан, — не меньше этих деревьев. Мы увидим его и сверху, а двигаться здесь куда безопаснее. Там, — он сплюнул в дыру, — полно всяких тварей. И еще я думаю, что святилище находится не в лесу, а гораздо глубже. Помнишь, что сказал Учитель? У самых колен гигантов... Наверно, за красной равниной есть спуск вниз — пропасть или подземные ходы...

— Только не это! — Рина передернула плечами. — Хватит с нас тех подземелий, что остались позади!

Конан не ответил. Поднявшись с колен, он обтер клинок полой туники, сунул его в ножны и тяжело зашагал к огромному отверстию дупла, сматывая по дороге верев-

ку. Спать, — стучало у него в голове; съесть пару лепешек, выпить воды и уснуть. Внезапно он почувствовал, что силы его на исходе.

* * *

Когда некоторое время спустя путники покинули свое убежище, розовые тучи все так же метались в вышине, заливая джунгли потоками красноватого света. Видно, пока они отдыхали, прошел дождь — в огромных чашах листьев застыла чистейшая влага, прохладная и свежая. Сняв туники, сбросив сапоги, Конан и Рина вволю плескались, стараясь не глядеть друг на друга; вода смыла не только пот и пыль, но и воспоминания о жутком чуде, невидимом страже вулкана, едва не завладевшем их душами и плотью.

Перекусив лепешками и сушеным виноградом, они тронулись в путь — два крохотных существа, затерявшихся среди гигантского леса, среди чудовищных стволов, уходивших вниз и вверх на тысячи локтей. Где-то под ними тайлась земля, мрачная и темная, не знавшая от века ласки солнечных лучей; над головой, скрывая небеса нижнего мира, плыли облака, плотные и непроницаемые, как груды туранских ковров. Возможно, тут вообще не было неба — только каменный свод необозримой пещеры, задрапированный покрывалом розовато-алых туч. Конан не думал об этом; он стремился вперед и вперед, к рубежам пурпурной равнины, к пропасти, провалу или расселине, позволившей бы достичь дна подземного мира.

Так день за днем они странствовали по верхнему ярусу гигантского леса, перебираясь с ветви на ветвь, минуя поляны с алыми, оранжевыми и багряными травами, обходя чудовищные колонны деревьев, подпиравших небеса, ночуя в дуплах, похожих на просторные пещеры. Время здесь текло незаметно, так как ночная тьма не сменяла свет, и солнце, луна и звезды не кружились в вечном хороводе, напоминая об ушедших месяцах и годах; казалось, даже боги не властны над этим миром тихого покоя, одетого в багряные краски осени. Конан отсчитывал дни от перехода до перехода; когда колени начинали подгибаться, ноги тяжелели, и мешок начинал давить на плечи, приходила пора отдыха и сна. Пошарив за поясом, киммериец доставал свой заветный флакончик и, вдохнув бальзама, направлялся к ближайшему стволу, к поляне, заросшей кроваво-красными травами или мягким мхом.

Присутствие Рины уже не тяготило его; с тех пор, как они разделили глоток снадобья — там, в вулканическом тоннеле, — Конан больше не стеснялся своей спутницы. Поневоле она тоже прошла причастие арсацией, и это в каком-то смысле уравнивало их — если не до конца, то хотя бы отчасти.

Покой и мир, царившие среди пурпурных вершин, не были неизменными; иногда Конану приходилось браться за меч, а Рине — раскрывать свою сумку с дисками. К счастью, опасности всегда приходили с нижних ярусов, и к счастью, девушка умела если не предупреждать, то предвидеть их. В один из дней — вернее, условным утром, когда путники, покончив с трапезой, собирались двинуться в путь — она вдруг встревожилась и велела Конану спрятать дорожные мешки обратно в дупло. Торопливо оттащив поклажу к задней стене просторного сухого убежища, киммериец встал у входа, наблюдая, как Рина ходит по поляне среди красных трав и черных колокольчиков. Она то склоняла голову к плечу, то замирала на месте, прикрыв глаза и к чему-то прислушиваясь, то быстрым шагом отступала в сторону, словно где-то под ней скользил невидимый хищник, готовясь прыгнуть на жертву.

Наконец Конан не выдержал.

— Что там? — крикнул он, потянувшись к рукояткам мечей. — За нами следят?

— Тише, — девушка махнула рукой. — Иди сюда, только осторожней. И приготовься!

Обнажив клинки, Конан приблизился и бросил быстрый взгляд на Рину. Тяжелая сумка с дисками, что оттягивала ее пояс, была расстегнута, милое личико девушки казалось сосредоточенным и суровым.

— Юркая тварь, — пробормотала она, — и очень большая. Как бы нам не пришлось...

Внезапно Рина отскочила в сторону, вытянув руку и показывая на некое место в траве, выглядевшее, как полагал киммериец, вполне безобидным.

— Тут, Конан, тут! Руби! — Стальной диск сверкнул в ее пальцах, гибкая фигурка замерла в напряжении.

Алый травяной покров вспучился, стремительно превращаясь в невысокий холм; раздался треск рвущихся корней, почва раздалась под мощным напором, и на поверхность вынырнул остроконечный бивень. Толстый — Конан не смог бы охватить его обеими руками — и длинный, как копьё фалангита! Свистнули мечи; кимме-

риец едва успел разглядеть клыкастую пасть под костяным наростом, яростный глаз, горевший дьявольским пламенем, и гибкую шею в пунцовой чешуе — или то было туловище гигантского змея?

Он рубанул наискось обеими клинками, высекая из этого живого бревна кровавый клин плоти. Огромная рана брызнула алым, и голова чудовища, увенчанная страшным бивнем, словно надломилась; оно слепо таранилось на киммерийца, раскрывая бездонную пасть. Вдруг Конан заметил, что круглый яростный зрачок твари потух, рассеченный стальным диском — этот монстр не видел его! «Когда же малышка успела...» — подумал он о Рине и ударил снова, стараясь держаться подальше от жутких челюстей.

Похоже, его мечи наткнулись на кость, на спинной хребет чудовища, истекавшего кровью — а это значило, что бой наполовину выигран. Наполовину! Конан метался рядом с гибкой шеей твари, уворачивался, падал наземь, вскакивал — и рубил, рубил... Хребет у зверя оказался прочным, но и клинки Рагара не подвели — киммериец перешиб кость с пятого раза. Потом удары снова пошли в мягкое, и вдруг огромная голова отделилась, рухнув на травяной ковер, а обрубок шеи соскользнул вниз, в рваную дыру, и исчез из вида.

Конан, утирая локтем пот со лба, отступил на пару шагов и огляделся. Голова чудовища походила на наконечник боевого тарана и весила, пожалуй, с доброго бычка. Пилообразные клыки в широко раскрытой пасти были залиты кровью, глаза лопнули и вытекли, длинный раздвоенный язык вывалился на траву. Но и мертвой эта тварь выглядела ужасно!

Обогнув жуткий трофей, киммериец приблизился к дыре и посмотрел вниз.

— Змей! Клянусь Кромом, змей, порождение Сета! — пробормотал он. — В сотню шагов, не меньше! Обвился вокруг ляны и подполз к нам! Вовремя же ты его заметила, девочка! — Оторвавшись от созерцания чудовищного тела, он взглянул на Рину.

Девушка ответила безмятежной улыбкой. Сейчас, когда схватка закончилась, напряжение покинуло ее; она выглядела так, словно каждый день после утренней трапезы отправляла в небытие пару подобных тварей.

Приблизившись к чудовищной голове, Рина выдернула свои диски, обтерла их о траву и, поглядев на кровавый обрубок, поцокала языком.

— Мне казалось, — заявила она, — что ты перебьешь ему хребет с одного удара. Самое большее, с двух.

Конан взглянул на свои руки, залитые кровью.

— Кажется, я тебя разочаровал? — сердито буркнул он.

— Нет, почему же... Все-таки мы его прикончили, — девушка осторожно опустила диски в сумку. — Юркая тварь, но мы были быстрее! — Она с торжествующей усмешкой пнула костяной бивень.

— Юркая тварь и очень большая, — напомнил Конан. — Такой ничего не стоит разделаться и с десятком человек... даже с сотней, если на то пошло... — Он покоился на девушку и закончил: — Вроде бы кто-то говорил, что путешествие по этой пурпурной равнине будет тихим и спокойным... Ни ран, ни опасностей, да?

— Н а с т о я щ и х опасностей, — Рина выделила первое слово. — Здесь, — она топнула сапожком по земле, — живут простые твари, зубастые и свирепые, но не демоны и не духи, владеющие злым чародейством.

— Ты уверена в этом?

— Да! Я ощутила бы ауру по-настоящему злобных существ! А это... — девушка окинула взглядом чудовищную голову, — это всего лишь змей, большой и голодный.

— Все змеи, большие и малые — мерзкие порождения Сета, — пробормотал Конан. — Я знаю, о чем говорю! Мне приходилось иметь с ними дело... Проклятые твари! И, чтоб ты об этом не забывала, поступим так... — Он воткнул окровавленные клинки в траву и потянулся к кинжалу.

— Что ты хочешь делать? — с некоторым беспокойством спросила Рина. — Надеюсь, мы не станем его есть?

— Есть? — Конан усмехнулся. — Пока не кончится наш запас лепешек, я не прикоснусь к такой мерзости... да и потом тоже... отыщем что-нибудь получше... — Он уже трудился над верхней челюстью огромного змея, ловко орудуя кинжалом. — Нет, девочка, мы не пустим эту тварь на жаркое! Я только вырежу два самых больших клыка — ты будешь носить их на шее, а потом, если захочешь, подаришь Учителю... в знак свершенного подвига, — добавил киммериец не без иронии.

Рина скорчила брезгливую гримаску, но возражать не стала.

Через несколько дней они набрали на дупло, в котором обосновалось семейство хищников, напоминавших огромных белок-летяг. Правда, размером они не уступали вендийским тиграм или львам, что водились на границе Стигии и Куша. Складки бурой кожи, свисавшей между передними и задними лапами, позволяли им планировать сверху вниз, а острые мощные когти были прекрасно приспособлены для лазанья по деревьям. Эти звери тоже оказались довольно юркими — хотя и не такими большими, как зарубленный Конаном громадный змей — и доставили путникам несколько неприятных мгновений. Их было пятеро — массивный рыжеватый самец, самка и три крупных детеныша, таких же свирепых и неукротимых, как взрослые твари. Клинки киммерийца и смертоносные диски Рины настигли хищников, после чего их трупы были сброшены вниз, а путники обосновались в отвоеванном дупле. Конан вышел из этой схватки с кровавой царапиной на боку, над которой Рине пришлось изрядно поколдовать. За время сна рана затянулась, но длинный багровый рубец исчез только спустя пару дней.

Отославшись после схватки с летающими тиграми, Конан заглянул в свой изрядно полегчавший мешок. Он нес их основные припасы — лепешки из плодов хлебного дерева, изюм, финики и сушеные фиги; в тюке Рины был еще увесистый сверток с твердыми колбасками из орехов и ягод, смешанных с медом. Был! Теперь от него, как и от прочих запасов, оставалось немного — на три-четыре дня пути, не больше.

Бросив взгляд на разметавшуюся во сне девушку, Конан вышел из уютной древесной пещеры и пересек лужайку. В отличие от других полян верхнего яруса, край ее обрывался в пропасть; некогда огромная ветвь подгнила, переломилась и рухнула вниз, оставив за собой зияющий пролом. Похоже, через него местные тигры и выбрались к дуплу; вряд ли они смогли бы сами пробиться сквозь толстый слой переплетающихся веток и травы.

Теперь их изуродованные изрубленные тела лежали на поляне внизу, что находилась сразу под провалом — там, куда их сбросил киммериец. Над трупами хищников вились странные птицы с кожистыми крыльями, отороченными по краю длинными пестрыми перьями; они издавали пронзительные вопли, то поднимаясь почти к самому краю пролома, то стремительно пикируя на мертвую добычу. Их мощные клювы с налета вырывали куски

окровавленной плоти, и Конан видел, что туша тигра-самца, лежавшего сверху, уже очищена почти до костей.

Он долго глядел на летающих тварей, мысленно прикидывая, годятся ли они в пищу, потом вернулся к дуплу и, стараясь не потревожить спящую девушку, вытащил из своего мешка моток тонкой веревки. Привязав ее конец к стреле, Конан зарядил арбалет и вновь отправился к провалу. Устроившись здесь и внимательно наблюдая за неровным полетом птиц, он неожиданно рассмеялся: сейчас он чувствовал себя рыбаком, что готовится забросить в прозрачные морские воды гарпун с прочной леской.

Свистнула стрела, и через мгновение киммериец уже вытягивал наверх свою недвижимую добычу. Арбалетный болт пробил птицу насквозь; она уже не трепыхалась, когда Конан освободил от привязи тяжелую тушку. Он вытащил кинжал, отсек голову с массивным, загнутым крючком клювом, отрезал лапы и крылья, затем полоснул по грудине, содрал кожу с торчавшими кое-где перьями и принялся есть. Пахла эта тварь довольно аппетитно — не гусь и не утка, разумеется, но все же лучше тигриного мяса или плоти гигантской змеи с бивнем на голове. Конан выпотрошил ее, выдрал несколько пучков травы, обнажив красноватый грунт, и развел в яме небольшой костерок. Свежие прутья, наломанные им с ближайших ветвей, горели плохо, но к тому времени, когда Рина проснулась, киммериец уже с жадностью поглощал полусырое мясо.

Он протянул девушке кусок грудины и усмехнулся, глядя, как она, вырезав кинжалом полоску, осторожно принялась жевать. Потом Рина кивнула головой и, опустившись на колени у костра, насадила грудинку на кончик ножа.

— Похоже на мясо осьминога, — заметила девушка, поворачивая кусок над огнем.

— Осьминога? Тебе приходилось его есть?

— Конечно. Самая лучшая рыба, что ловили отец с братьями, шла сборщикам налогов. Нам оставалась мелочь... ну, еще раковины, съедобные водоросли и эти вот осьминоги...

Конан одобрительно кивнул. Похоже, его спутница, увидевшая свет в бедном рыбацком поселке, была не слишком избалованной девушкой.

Когда мужчина и женщина странствуют вместе, близость меж ними становится почти неизбежной. Конан, однако, не думал о Рине как о женщине, и в голову ему не приходила мысль заняться с ней любовью. Возможно, она и маячила смутной тенью где-то в подсознании, но Рина прежде всего была для киммерийца одним из неприкосновенных членов ордена Учеников, слуг Митры, хранителей Великого Равновесия. Он догадывался, что не жалость и не тяга к приключениям заставили девушку пойти с ним; причина была иной, более весомой и серьезной. Может быть, симпатия, что родилась в ее душе за те дни, что он провел в пещере наставника? Но только ли симпатия — или более глубокое чувство?

Он не знал этого и не хотел знать. Он был уверен лишь в одном: что не тронет Рину, не коснется прекрасного тела ведьмы с Жемчужных островов, пока на то не будет ее соизволения.

Они находились где-то посередине огромной равнины, поросшей исполинскими пурпурными деревьями, когда Конан впервые услышал далекий протяжный вопль. Этот звук долетел откуда-то снизу и не был похож на рычание зверя или отрывистые стоны, что испускали птицы с кожистыми крыльями; он казался почти членораздельным и напоминал охотничий зов или боевые кличи чернокожих из страны Куш. Конан, сидевший на краю дупла, настороженно замер, но крик не повторился; видно, неведомый охотник соблюдал осторожность.

— Ты слышала? — Киммериец отыскал взглядом Рину, бродившую по лужайке.

— Да.

— Кто это, как ты думаешь?

Девушка повела плечами.

— Одно из многих созданий, населяющих нижний мир.

— Об этом я и сам знаю. Опасна ли эта тварь? Что говорит твое предвидение?

Рина на мгновение замерла, обозревая поляну.

— У нас будут неприятности, — заметила она, прижав ладонь к груди два остроконечных клыка гигантского змея, убитого Конаном. Это свидетельство недавней победы, висевшее на кожаном шнурке, уже стало для нее привычным украшением. — Да, у нас будут неприятно-

сти, — повторила Рина, — но, к счастью, небольшие. И все кончится благополучно.

— Мне не нужны даже небольшие неприятности, — проворчал Конан. — И потом, что значит — небольшие? Как то отродье Сета, чьи зубы болтаются у тебя на шее?

— Не могу сказать. Да и стоит ли о том беспокоиться? Лучше погляди, какая здесь красота! — раскинув руки, Рина закурилась по лужайке.

— Беспокоиться всегда стоит. Кто беспокоится, тот дольше живет, — буркнул киммериец, оглядывая полянку. Вид и в самом деле был чудесным: среди огненно-алой травы пламенели резные чаши колокольчиков. Почему-то их оказалось тут гораздо больше, чем на встречавшихся раньше висячих лугах, и выглядели они не темными, почти черными, а багряными и пурпурными, цвета лучших ковров Турана.

Рина принялась собирать букет; Конан же, пошарив за поясом, извлек заветную фляжку. Зелья в ней оставалось немного — половину или даже две трети порошка он уже использовал. Мрачно насупив брови, киммериец вдохнул живительный бальзам и плотно закупорил сосудик. Успеет ли он добраться до храма? Или запас арсаяи кончится где-то на половине дороги, и он, незащитный, обреченный на беспамяństwo, сгинет в этих пурпурных песах, пропадет в нижнем мире, никогда не увидит вновь света солнца? Если случится такое, он может рассчитывать лишь на Рину... Не потому ли Учитель, мудрец, провидящий грядущее, отправил с ним эту девушку? Спутницу и помощницу, способную довести до святилища Митры липенное разума и памяти существо... Но под силу ли ей это?

Звонкий смех прервал его мысли. Рина стояла перед ним, погрузив разгоревшееся лицо в охапку пурпурных колокольчиков, и пряди ее пушистых волос мешались с цветочными стеблями.

— Ах, какой запах! — воскликнула она, протягивая свой букет Конану. — Слаще, чем у роз и сирени... Вдохни, и ты очутишься на медвяном лугу!

Невольно улыбнувшись, киммериец втянул воздух; ноздри его затрепетали. И в самом деле, эти странные цветы чем-то отличались от привычных растений верхнего мира; их пряный и сладкий аромат не походил и на запах арсаяи. Вендийский бальзам взбадривал и пробуждал; пурпурные же колокольцы словно клонили в сон.

В радостный и легкий сон, в котором сбывается все; о чем мечтаешь наяву...

Конан вновь вдохнул медовый запах, подумав, что от этих цветов кружится голова — столь же сильно, как после кувшина доброго вина. Ощущение было знакомым и таким приятным! Прикрыв глаза, он впитывал чудесный аромат, изгонявший и все тревоги, и мрачные мысли, и осторожность, и заботы о будущем. С каждым мгновением ему становилось все лучше, все легче, пока белоснежные стены великого святилища не сомкнулись вокруг него, и глас Митры, долетевший от сияющего алтаря, не возвестил прощение всех грехов.

Впрочем, голос тот принадлежал не богу и толковал вовсе не о грехах; очнувшись на миг от сладкого наваждения, Конан понял, что Рина сидит рядом с ним и тянет букет к себе.

— Ты жадный! Дай же и мне понюхать!

— Мне кажется, ты собрала столько цветов, что хватит нам обоим... — пробормотал киммериец.

Девушка рассмеялась; в серых ее глазах вспыхнули огоньки. Теперь они вдвоем приникли к чудесному букету и, чтобы было удобнее, Конан приподнял Рину, усадив к себе на колени. Теперь он чувствовал себя словно в раю — аромат волшебных цветов смешался с пьянящими запахами девичьего тела, а нежные лепестки и бархатные пальцы девушки ласкали его щеки. «Что со мной? Что с нами?» — мелькнула тревожная мысль и тут же канула без следа. Конан был весел и пьян; его прелестная спутница — тоже.

Она казалась сейчас очаровательней всех женщин земли, и киммериец внезапно понял, что они с Риной, крепко обнимая друг друга, лежат в траве, а изголовьем им служит охапка пурпурных цветов. Медвяный их запах придавал особую сладость первым поцелуям; потом они стали обжигающими, как огонь, и губы девушки раскрылись, как два лепестка. Под ладонью Конана набатом билось ее сердце, набухал и распушался сосок на упругой груди, такой нежной, такой желанной... Он приник к нему ртом, ощущая, как дрожит, как трепещет тело девушки.

Тихий возглас, волнующий, призывный... Руки Конана ласкали стройные бедра, гибкий стан, плечи, сиявшие теплотой розового мрамора... Они уже не лежали в траве; они парили над ней, погруженные в алую прозрачную дымку, невесомую и ласковую, что нежила их подобно

волнам южного моря. Их кожу оведал ветерок, их плоть трепетала в предвкушении счастья, дивная мелодия разливалась вокруг — то звенели, играли хрустальные колокола, повелевавшие ходом звезд и движением человеческих сердец.

Приятная истома охватила Конана. Сквозь наплывающее забытие он слушал шепот Рины, почти не понимая слов; кажется, она просила о чем-то? Нам нельзя торопиться... не надо, милый... не здесь, не сейчас... Он точно знал, что все произойдет здесь и сейчас, если... если у него хватит сил справиться с блаженной дремотой. Сон наплывал на него сладостным дурманом, покачивал, уносил в небесные выси — туда, где все тише и тише пели хрустальные колокола. Он чувствовал еще, как локоны Рины щекожут шею, ощущал приникшее к нему тело, сильное, гибкое и желанное, но неодолимое медвяное забвение надвигалось, укачивало, баюкало...

«Цветы, — подумал Конан, погружаясь в дремоту, — волшебные цветы... Запах... Рина... Какие у нее нежные руки... какие...»

Сколько же он проспал? По-видимому, недолго; и пробудили его не ласковые прикосновения девушки. Руки, что быстро, но осторожно ощупывали киммерийца, были жесткими и грубыми, поросшими волосом, и пахло от них не медом и вином, а едким звериным потом.

Конан застонал, пытаясь открыть глаза, потом, внезапно ощутив сильную и бесцеремонную чужую хватку, нанес вслепую удар кулаком. Он сел, судорожно нашаривая свои мечи, но их не было; и рука, привычно потянувшаяся к поясу, не нашла рукояти кинжала. Ремень тоже исчез; под пальцами вместо гладкой кожи бугрилась смятая ткань холщовой туники.

Это заставило его окончательно проснуться. Вскочив, Конан бросился вперед, к маячившим перед ним двум или трем фигурам — бросился, не думая ни о мечах, ни об арбалете, ни о прочем своем оружии, ибо в мыслях у него было только одно: фляга! Бронзовая фляга, его разум, его душа, упрятанная в потайной кармашек пояса!

Что-то мягкое подвернулось под ноги, и киммериец упал в алую траву, не дотянувшись на половину ладони до ближайшего вора. Когда он поднял голову, похитители исчезли.

Глава 24. Племя тии'ка

Конан ругался и ревел, как дикий зверь, наступая на съезжившуюся в испуге Рину.

— Кром! Небольшие неприятности! Все кончилось благополучно! — Взмахнув огромным кулаком, он набрал побольше воздуха в грудь. — Благополучней некуда! Проклятый лес! Проклятые ублюдки! Они украли все, все!

— Не все, — робко возразила девушка, и это было правдой; до арбалета и колчана похитители не добрались. Но дорожные мешки, припасы, оружие Рины, драгоценные Рагаровы клинки, а главное — пояс с бронзовым сосудом! — исчезли. Кроме арбалета, у Конана остался только кривой засапожный нож; у его же спутницы не было ничего, кроме одежды — да и та находилась сейчас в изрядном беспорядке.

— Я почти догнал их! — снова рывкнул Конан. — Если бы не ты... — он со злостью сплюнул.

— Кто же виноват, что ты запнулся о мою ногу! — Серые глаза Рины наполнились слезами. — Надо было глядеть, что там лежит на земле!

— Лежит!.. На земле!.. — Киммериец никак не мог успокоиться. — Все твои цветы! Если б не эта пакость, никто бы и не улегся на землю!

Он принялся яростно топтать букет, превращая хрупкие чаши колокольчиков и цветочные стебли в слизистое крошево. Рина некоторое время глядела на него, потом вдруг шмыгнула носом, вытерла глаза и улыбнулась.

— А все-таки как было хорошо! — мечтательно произнесла она. — Как хорошо! Я словно летала в небесах в твоих объятьях...

— Хорошо, — согласился Конан; выместив гнев на чародейных цветах, он немного пришел в себя. — А сейчас — еще лучше! Когда же кончится время сна, все будет просто замечательно! Я превращусь в безгласного скота, и ты поведешь меня на веревочке прямо в храм! Интересно, что я скажу Митре? Как вознесу мольбы о прощении? Мне не удастся даже замычать или залаять! Я лишусь памяти и речи, стану глупее распоследнего осла!

Рина озабоченно нахмурила лоб.

— Этого не случится, Конан, не тревожься! У нас еще есть время. И предчувствие меня не обманывает: все закончится хорошо.

— Во имя милостей Митры!.. Перестань повторять это, женщина! — Перебросив за спину арбалет и колчан, киммериец направился к зарослям, обрамлявшим край полянки. — Похоже, эти ублюдки исчезли где-то тут... — пробормотал он, срезая ножом гибкие прутья; чтобы расчистить проход. — А! Погляди-ка! Дыра! Дыра и лианы!

Перед ним зияло небольшое отверстие — лаз, светлевший среди плотно переплетавшихся ветвей; к сучкам попрочнее были привязаны две лианы. Конан продолжал работать ножом — для него этот ход на нижние ярусы оказался слишком тесным.

— Не слишком-то умны эти вороватые твари, — буркнул он. — Не догадались сбросить лианы...

Рина подошла и встала за его спиной, внимательно разглядывая отверстие.

— Ты заметил, как они выглядят?

Конан, врубаясь в заросли, покачал головой.

— Почти ничего не разобрал... глаза слипались после этого дурмана... — Он плюнул на ближайший цветок. — Недаром я всегда предпочитал вино! Честное вино лучше любого колдовского зелья! Если б не это твое...

На алых губах Риной мелькнула загадочная улыбка, потом ее рука ласково пригладила взлохмаченную гриву киммерийца.

— Давай не будем ссориться, ладно? Я не так уж виновата, и ты не столь уж безгрешен... — щеки ее полыхнули румянцем. — Сейчас спустимся вниз и нагоним наших грабителей. Наверняка они ушли не слишком далеко. Найдем их след...

— В таких-то зарослях? — Конан раздраженно ткнул в дыру ножом.

— В каких угодно, — с уверенностью заявила девушка. — Мне ведь не надо высматривать отпечатки их лап или ног — я вижу след их ауры! Дрожит прямо в воздухе, Конан, словно цветная радуга... — всматриваясь в нечто, заметное ей одной, Рина прищурила глаза.

— Ну, и что скажешь?

— Ты прав — они не слишком-то умны. Значит, мы найдем их и перехитрим.

— Я хитрить не буду, — киммериец яростно взмахнул кинжалом. — Мне бы только добраться до глоток этих тварей!

— Они — люди, — с внезапной строгостью сказала Рина, — а Митра не любит зряшных убийств! Я давала обет...

— Я тоже давал, — буркнул Конан и полез в дыру.

Они спустились на три сотни локтей, потом девушка уверенно двинулась вперед по тропе, основанием которой служила гигантская ветвь; вскоре путники стояли у нового лаза со свисавшими по краям лианами. Тут Конан обнаружил ключья бурой шерсти и, приняв их за различный едкий запах похитителей. Если они и опережали погоню, то совсем ненамного.

Спуск по лиане, недолгий путь к очередной дыре, и снова вниз... Вниз и вниз, сквозь розоватый полумрак и пурпурную листву, мимо птиц с кожистыми крыльями, метавшимися в теплом воздухе, мимо висячих полей, на которых копошились какие-то мелкие твари, мимо неохватных ветвей, становившихся все толще и толще, вдоль бурых стволов с кроваво-красными трещинами, напоминавших горы... Они преодолели полторы или две тысячи локтей, но земли все еще не было видно; луга с алой травой и буйная листва по-прежнему скрывали почву, вскормившую этот исполинский лес. Конану казалось, что он спускается прямо в преисподнюю.

Их путь закончился на чудовищной ветви, по которой проходила уже не тропа, а целая дорога шириною в двадцать шагов. Прелая листва и мох были хорошо утоптаны, и это навело киммерийца на печальные размышления. Похоже, они приближались к селению или стойбищу, обитатели которого могли дать пришельцам отпор. Возможно, думал Конан, эти волосатые твари не слишком-то сильны и храбры, но если их наберется сотня-другая... Он с горечью вспомнил о своих клинках; лучше бы эти отродья Нергала украли арбалет и стрелы!

Однако приходилось довольствоваться тем, что есть, и Конан, перебросив свое оружие на грудь, вложил в него стрелу и щелкнул рычагом. Он подумывал, не стоит ли остановиться и вырезать дубинку поувесистей, но затем решил, что тяжелый, окованный бронзой арбалет куда смертоносней в рукопашном бою, чем деревянная палица.

Ах, если б у него было время! Он выкрал бы и свою фляжку, и дареные Рагаровы мечи и все остальное — и

оружие, и припасы, и снаряжение... Но времени для такого сложного дела не оставалось. Конан не знал, сколько они с Риной проспали — четверть, треть или половину обычного срока — но путешествие по лианам и ветвям было довольно долгим. Скоро, совсем скоро у него начнет мутиться в голове... Нет, он не успеет придумать какой-нибудь хитроумный план, как предлагает Рина... не сможет ни украсть, ни обмануть, ни перехитрить... Оставалось одно — драться!

Впереди послышался слитный далекий гул голосов — верный признак того, что поселок, к которому они приближались, был велик и многолюден. Похоже, подступы к нему не охранялись, но Конан с удовольствием бы убрался с дороги, если б мог. Однако передвигаться в окружавших тропу зарослях было никак нельзя: стволы, стволики и прутья, отходившие от основной ветви, росли на удивление густо. Сквозь эту чащу не проломился бы даже вендийский носорог, мелькнуло в голове у Конана.

Шум сделался громче; теперь в нем можно было выделить рев, протяжные вопли и завывания, словно существа, испускавшие все эти звуки, отмечали некое торжество или делили добычу. Чувствуя, что впереди лежит обширное открытое пространство, киммериец приостановился, разрядил арбалет и перебросил его на спину. Затем он срезал несколько огромных пурпурных листьев и протянул два из них Рине.

— Дальше поползем — тут, под кустами, у самой обочины. Прикрой листьями голову и плечи и постарайся не шуметь.

Девушка кивнула. Судя по близким воплям, ползти им предстояло недолго; тем не менее Конан досадовал и злился из-за вынужденной задержки — время его было на исходе.

То ползком, то на четвереньках путники преодолели оставшийся путь и, тесно прижавшись друг к другу, залегли на опушке, под защитой непроницаемой для взгляда листвы. Ни сторожа, ни часовые им не встретились; обитатели стойбища либо чувствовали себя в полной безопасности, либо идея насчет охраны поселка не приходила им в голову.

Отогнув краешек большого листа, Конан приподнялся и осмотрел простиравшуюся перед ним поляну.

Она была покрупнее тех, что встречались странникам прежде, и простиралась на добрых сто пятьдесят или

двести шагов, считая от конца тропы до гигантского древесного ствола, бурой колонной уходившего вверх. Как всегда, поляна эта кольцом охватывала дерево и, если не вспоминать о тысячах локтей пустоты под ногами и над головой, напоминала обычный луг с торчащим посередине утесом. Однако эту просторную луговину покрывали пурпурные мхи и травы огненного цвета, а скала тянулась слишком высоко и имела слишком правильную форму — оба эти обстоятельства нарушали сходство. Вдобавок, здесь царила полутьма, вечные сумерки нижнего мира, придававшие пейзажу туманную ирреальность, будто и красная растительность, и бурые ветви, и гороподобный древесный ствол находились не в воздухе, а под зыбкой поверхностью моря.

Эти подробности, однако, не интересовали киммерийца; его внимание было приковано к странным существам, сгрудившимся на поляне. Коренастые, невысокие и широкоплечие, они заросли бурой шерстью и двигались хотя и быстро, но довольно неуклюже, иногда опускаясь на передние лапы. Тем не менее, Конан считал их людьми — хвосты у волосатых тварей отсутствовали (как, впрочем, и одежда), а на их толстых шеях болтались ожерелья из ярких перьев, просверленных орехов и звериных когтей. Было у дикарей и оружие — дубинки и заостренные рогатины, без каменных наконечников и необожженные в огне.

Те, что с громкими воплями толпились на лугу, выглядели довольно мускулистыми и крепкими. Самцы, догадался Конан и бросил взгляд на дерево. В стволе его зияло множество дупел-пещер, из которых вниз свисали лианы; в темных же отверстиях торчали мохнатые головы самок и подростков. Вероятно, им полагалось наблюдать за сборищем и дележом добычи издалека, чтобы не крутиться под ногами у мужчин; подметив это, киммериец негромко, но одобрительно хмыкнул.

Рина подтолкнула его локтем в бок, шепнув:

— Мне кажется, они спорят из-за наших мешков и оружия. Не могут поделить, что ли? Как ты думаешь?

— Скоро им придется делить собственные шкуры, — сквозь зубы пробормотал Конан, вытягивая из-за плеча свой арбалет.

— Подожди, не стреляй! — Рина положила теплую ладошку ему на плечо. — Я надеюсь, мы сможем договориться...

— С этими бесхвостыми обезьянами? — Киммериец раздраженно сбросил ее руку. Он чувствовал, как подступают головная боль и звенящая пустота, и это не улучшало его настроения. — Я готов потолковать с ними — когда мечи и фляга с бальзамом будут у меня. Но не раньше!

Незачем спорить, надо действовать, решил он, лихорадочно обдумывая план нападения. Дикарей было всего лишь десятков семь или восемь; они сгрудились вокруг нескольких волосатых молодцов, нагруженных похищенным добром. Конан не сомневался, что сумеет до них добраться — внезапная атака давала ему преимущество. О, если б у него оставалось время! Он перестрелял бы всю эту шакалью свору, даже не выходя на поляну!

Однако знакомое покалывание в висках и боль в затылке заставляли поторапливаться. Арбалет не лук; при всем желании он сумел бы выпустить лишь одну стрелу за время четырех глубоких вдохов. Слишком медленно! Конан не успел еще подумать об этом, а пальцы уже сами ослабляли тетиву. Окованное бронзой ложе арбалета станет дубиной, а стальная метательная скоба — убийственным клювом, которым он раздробит черепа врагов! Можно бить хоть тем концом, хоть другим — результат один: мозги наружу!

Преодолевая головокружение, киммериец начал подниматься.

— Подожди! — Рина дернула его за полу туники. — Я хочу поговорить с ними!

— Как? — Толпа дикарей на поляне ссорилась и гомонила все громче, но речь их оставалась для Конана абсолютно непонятной. Зато он разглядел теперь свои мечи, переходившие из рук в руки, и два распотрошенных мешка.

— Я смогу с ними договориться, — настаивала девушка. — Не надо проливать кровь, Конан! Подожди!

Он попытался вырвать полу из ее пальцев, но Рина держала крепко.

— Мне некогда ждать! Отпусти!

На поляне, под невнятные крики и вопли, всюду шел деж их скарба. Похоже, начиналась драка.

— Дай же мне попробовать, Конан! Не спеши!

Но тут над толпой взлетел широкий кожаный пояс, стиснутый в волосатой лапе, и терпение киммерийца иссякло. Взревав, он отшвырнул девушку и ринулся впе-

ред, вращая свое страшное оружие; слегка изогнутая метательная скоба делала его похожим на боевую кирку. В десяток гигантских прыжков Конан преодолел расстояние до замерших в ужасе дикарей и вскинул свою увесистую палицу — уже зная, чей череп треснет первым.

Но опустить приклад арбалета он не успел; тьма сомкнулась над ним, и огромный варвар со стоном рухнул на землю.

* * *

Запах арсайи коснулся его ноздрей. Свежий острый аромат бальзама обжигал, словно раскаленный воздух, наполняя мозг палящей и пронзительной ясностью, пробуждал, вытягивал к свету жизни из темного омута небытия... Конан закашлялся и раскрыл глаза.

Голова его лежала на теплом округлом бедре Рины, пальцы девушки гладили щеку, серые глаза смотрели на него с тревогой и нежностью. Он чувствовал виском ее шелковистую кожу; аромат юного женского тела заставлял позабыть про обжигающее прикосновение вендийского бальзама. Пряди капитановых волос касались лица Конана, и от них тоже приятно пахло — морем и свежим ветром. Воистину, о лучшем пробуждении не стоило и мечтать!

Он привстал на локте, оглядывая древесную пещеру, и решил, что немного поторопился с этим выводом. Кроме Рины, тут не было ничего приятного — разве что их мешки да оружие, сваленные у стены. Напротив входа сидело пятеро дикарей, косматых, как медведи киммерийских гор, и несравненно более уродливых; на шеях у них болтались пышные ожерелья из длинных и острых тигриных когтей. Теперь Конан мог рассмотреть их лица поподробнее, и это зрелище отнюдь не повергло его в восторг. Челюсти у хозяев стойбища выдавались вперед, мощные надбровные дуги затеняли крохотные глазки, из буйной поросли на щеках выглядывали вывороченные ноздри. Нос как таковой почти отсутствовал; губ тоже не было видно, зато клыки и передние резцы поражали своей внушительностью. Эти пятеро самцов — довольно старых, судя по седоватому, вытертому на плечах меху — казались жуткими уродами, монстрами, дьяволами, вылезшими в мир из чрева самого Нергала. И рядом с юной пленительной Риной они выглядели еще омерзительнее.

Один из них ковырял в ноздре, засунув туда чуть ли не весь палец, трое обглаживали кости с ошметками мяса, вытягивая их из груди, лежавшей на полу, пятый дикарь же смотрел прямо на Конана. Мех у него был не грязно-бурого, а скорее рыжевато-коричневого оттенка, и левую щеку пересекал ужасный шрам — видно, местный тигр приложился своей когтистой лапой. Несмотря на подобное украшение, этот рыжий показался киммерийцу поприглядней прочих — то ли глаза у него были умней, то ли клыки поменьше.

Внезапно дикарь со шрамом заерзал на месте и что-то забормотал; остальные четверо, бросив свои важные дела, уставились на него. Конан, с неохотой расставшись с теплым бедром Рины, сел, опираясь на кулаки, и прислушался. Речь волосатого была невнятной и состояла из странных звуков, то отрывистых, то протяжных; нечто среднее между воем гиены и лаем шакала. Конан не понимал ничего.

— Вождь тии'ка просит у тебя извинения, — вдруг произнесла Рина.

— Ты уверена? — Киммериец покосился на девушку — не шутит ли она, — но милое личико Рины было совершенно серьезным.

— Разумеется, уверена. Я ведь неплохо понимаю их.

— Ты выучила язык волосатых, пока я валялся в этом дупле? — Конан приподнял бровь.

— Зачем? Мне и так ясно, что они хотят сказать. Знаешь, это гораздо легче, чем предсказывать будущее или лечить раны.

— Вот как? Что ж, придется тебе поверить. — Конан встал, опоясавшись ремнем и сунул в потайной карманек фляжку с арсацией; так он чувствовал себя гораздо уверенней. Стараясь не глядеть на пятерых дикарей, он сделал шаг к стене, потом — другой, наклонился и поднял свои мечи. Никто ему в том не препятствовал.

Рыжий со шрамом снова разразился речью, широко разводя руками и выпячивая нижнюю челюсть; казалось, он кого-то ругал. Рина, склонив каштановую головку к плечу, внимательно слушала.

— Вождь говорит, что лишь такие негодяи, как Йотомакка, Вуулкайна и Неодигми, могли напасть на грозного воина, победителя Рогача Кро'вара, — произнесла девушка, когда рыжий закончил. — Они — не дети тии'ка,

они — отродья подлых такир'дзеннов! И по ним давно плачет дубина, которой дробят кости непокорных.

— Подожди, малышка, не торопись, — Конан сел, положив на колени оба клинка. Теперь он чувствовал себя совсем хорошо — разве что хотел есть. Но сначала ему хотелось разобраться в обстановке.

— Итак, — спросил он, жадно поглядывая на грудь мяса перед пятеркой волосатых, — кто такие Йотомакка и прочие мерзавцы, о которых ты говорила? Кто такой рогач? А также тии'ка и эти самые такиры?

— Такир'дзенны, — поправила его Рина. — Это звери, которых ты назвал летающими тиграми. Помнишь, мы отбили у них дупло? Тии'ка их очень не любят.

— Тии'ка — это они? — Киммериец протянул руку к пятерке волосатых.

— Да. Йотомакка с двумя приятелями — молодые охотники, которые не слушают никого, бродят там и тут, хватают, что плохо лежит. Вот набрали и на нас...

— Хмм... Похоже, вождь не одобряет воровства? Ну, ладно... может, я его и прошу, — Конан с нежностью погладил рукояти своих клинков. — Кажется, ты говорила еще о рогаче? Как его... Кро'вар?

— О, это их бог! Один из богов. Тот самый змей с бивнем на носу, которого ты перерубил пополам! Очень могущественный демон, и тии'ка его страшно боятся... Но раз ты его убил, значит, ты сильнее! Тии'ка уважают силу.

— Это неплохо, — пробормотал Конан, проверяя, как выходят из ножен мечи. — Значит, я прикончил Кро'вара... И что же, они поверили тебе на слово?

Рина горделиво улыбнулась, огладив свое ожерелье.

— Почему же на слово? Тии'ка — умелые охотники; они сразу догадались, что висит у меня на груди. И они поняли, что эти клыки свежие. Я объяснила им, что ты убил Рогача Кро'вара совсем недавно. Теперь они готовы оказать тебе почести... да и мне тоже.

— Вот как?

— Ну конечно! Ведь мы вместе сражались с Кро'варом... и потом... потом... я — твоя женщина!

— Первый раз слышу об этом, — заметил Конан, но тут Рина широко улыбнулась и подмигнула ему.

Подав голос дикарь, ковырявшийся в носу; киммериец, уже начавший привыкать к вою и лаю, что заменяли волосатым человеческий язык, уловил вопросительную интонацию.

— Почтенный старейшина спрашивает, не голоден ли ты, — перевела Рина.

— Голоден! Скажи этим образинам, чтоб принесли сухие ветки. И побыстрее!

Он с интересом ждал, желая послушать, как Рина залает и завоет, но у нее, оказывается, имелся совсем другой способ общения с волосатыми. Полузакрыв глаза, девушка на мгновение сосредоточилась, и вдруг пятеро дикарей разразились хриплым клекочущим хохотом. Потом рыжий ткнул пятерней в окровавленную грудь на полу и что-то произнес.

— Вождь спрашивает, зачем тебе дерево. Разве ты собираешься его есть? Когда тут столько хорошего мяса?

Конан ухмыльнулся.

— Нехудо бы его поджарить, а, малышка? Ты могла бы догадаться и сама!

Сохраняя полную серьезность, Рина сообщила:

— Я только передаю слова, от тебя к ним и обратно. Видишь ли, тии'ка почитают мужчин куда больше, чем женщин... Для них ты — великий и грозный воин, а я... я всего лишь твоя девушка. Так что думать мне не положено.

— Что ж, — произнес Конан, — я и в самом деле великий и грозный воин. Скажи рыжему ублюдку, что он в том скоро убедится, если дрова не доставят немедленно!

Опустив веки, киммериец замер, вкушая блаженный покой. Пожалуй, размышлял он, стоит как-то отблагодарить Рину, сказать ей ласковое слово: в этот раз девчонка выручила его и, к тому же, она была права со своими пророчествами — история с кражей закончилась вполне благополучно. Не первый случай, когда дар Рины выручает их! Теперь он не жалел, что согласился взять ее с собой — нет, совсем не жалел! А коли еще вспомнить сладость ее губ и трепет маленьких упругих грудей под рукой...

Конан не успел додумать эту мысль до конца — два дикаря, вошедших в пещеру, почтительно выложили перед ним целую грудку сухих ветвей. Он придвинул к себе мешок, вытащил огниво и высек огонь. Огромный ствол, в дупле которого люди гнездились подобно мелким насекомым, переполняли живые соки, и киммериец не боялся устроить лесной пожар. Он разложил небольшой костерок и, насадив на лезвие кинжала основательный кусок мяса, поднес его к пламени. Пятеро волосатых

старейшин, морщась от дыма, следили за ним с благоговейным ужасом. Рыжий вождь робко потянулся к огню, но, почувствовав жар, быстро отдернул руку; его нижняя челюсть отвисла, из беззубого рта вывалился язык. Рина, приложив ладонку к виску, задумчиво поглядела на него, и дикарь успокоился.

— Я сказала, чтоб они не боялись, — девушка повернулась к Конану. — Бедняги никогда не видели огня — ведь тут не бывает даже гроз! Только дожди, что падают на верхний ярус джунглей.

— Спокойный мир, — заметил киммериец.

— Ты забыл про Рогача и такир'дзеннов?

— Ничего я не забыл, — Конан принялся к мясу; пахло оно весьма аппетитно. — Но в этом пурпурном лесу не так опасно, как в верхнем мире. Может быть, Митра навсегда установил здесь Великое Равновесие?

— Здесь — возможно, — Рина с неопределенной улыбкой пожала плечами. — Но за дальнейший наш путь я не поручусь.

Конан пристально взглянул на нее.

— Предвидишь какие-то опасности, малышка?

— Да.

Ответ был краток, и киммериец решил, что расспрашивать девушку подробнее не стоит. По крайней мере, сейчас — не то место и не то время. Вытащив засапожный нож, он отхватил порядочный ломоть мяса и протянул Рине.

— Ешь! И спроси у наших новых приятелей, знают ли они, где кончается лес.

Оказывается, рыжему вожаку с шрамом, носившему длинное имя Тайбанисантра, это было известно. Рева и взлаивая, он поведал Конану, что пурпурная равнина тянется до самой Великой Пустоты, до Као'кир'ота, что на языке волосатых означало Место, Где Нет Деревьев. Охотники тии'ка и других кланов, обитавших в лесу, не раз добирались туда, заглядывали в гигантский провал и, возвратившись в родные стойбища, пугали соплеменников страшными историями. Место, Где Нет Деревьев! Подумать только! На уродливой физиономии рыжего вождя отразился настоящий ужас.

— Пропасть, — задумчиво сказал Конан, насаживая на острие кинжала новый кусок мяса. — Пустота! Как раз то, что нам надо... Мы могли бы выиграть время, если эта рыжая обезьяна даст нам проводников.

Рина тут же представила эту идею на суд старейшин. Пятеро волосатых, с опаской поглядывая на огонь и черноволосого гиганта, поглощавшего обугленное мясо, начали тихо совещаться; теперь голоса их звучали, как далекая перекличка шакалов в ночной степи. Наконец Тайбанисантра повернулся к гостю и произнес речь, в которой то и дело упоминались уже знакомые имена — Йотомакка, Вуулкайна, Неодигми. Рина старательно переводила.

— Молодые охотники... считают себя умнее всех... не хотят слушать старших... задираются с соседями... лезут к чужим самкам... Однако сильные и смелые, очень смелые! Хорошие следопыты... знают лес... все тропы, все дороги... ничего не боятся, даже когтей такир'дзеннов... могут проводить! Да, могут — если великий и грозный победитель Кро'вара заставит... повыверет шерсть на загривках... задаст им хорошую взбучку... но так, чтобы не переломать костей.

Выслушав это предложение, Конан ухмыльнулся.

— Похоже, — заметил он Рине, — этот вождь с длинным именем хочет сбыть нам залежалый товар. Ну, да ладно! Когда нет ни золота, ни серебра, сгодится и медь... Только скажи рыжему, что его охотники могут и не вернуться. Особенно, если посмеют не слушать старших и примутся лезть к чужим самкам, — он демонстративно положил руку на плечо Рины и широко зевнул; после обильной еды клонило в сон.

Его предупреждение вождь и старейшины приняли безропотно; казалось, они даже были довольны. Конан уже не обращал на них внимания; вытянувшись у костерка во весь свой огромный рост, он махнул в сторону выхода, и пятеро волосатых покорно встали. На пороге древесной пещеры Тайбанисантра обернулся и, оскалив огромные зубы в жутковатой улыбке, начал что-то втолковывать Рине.

Девушка похлопала Конана по плечу.

— Эй! Кажется, ты рано улегся спать.

— Ммм?

— Вождь хочет почтить тебя, великий воин, победитель рогатого Кро'вара.

— Скажи ему, что я всем доволен. Пусть лучше приглядит за этим Йотомаккой и его дружками, чтобы они не удрали из поселка.

Рина снова потрясла его за плечо.

— Не беспокойся, вождь все сделает, как надо. А сейчас он хочет прислать тебе своих дочерей — трех или четырех. Он говорит, что великому воину нужно много самок, чтобы потом его сон был приятным и крепким.

Конан перевернулся на другой бок.

— Скажи ему, что ты — моя единственная самка. Скажи, что ты очень ревнива и разорвешь глотку всякой женщине, которая приблизится ко мне. И еще скажи, чтоб эта рыжая образина катилась Нергалу в задницу!

Он сунул руку за пояс, нащупал бронзовый сосудик с арсацией и, смежив веки, погрузился в сон. На губах его играла довольная улыбка; все же Рина оказалась права — этот день закончился вполне благополучно.

* * *

Раскрыв глаза, Конан несколько мгновений лежал неподвижно, потом резко подтянул ноги и сел, оглядывая древесную пещеру. Рядом с киммерийцем, уткнувшись лицом в сгиб руки, свернулась калачиком Рина; у дальней стенки лежали мешки и оружие — к ним явно никто не прикасался; костерок погас, но под слоем пепла кое-где мерцали алые жгучие огоньки. Волосатых в дупле не было, и это показалось Конану добрым знаком; он не хотел видеть их жуткие физиономии, едва очнувшись от сна. Лицезрение этих заросших шерстью образин требовало предварительной подготовки — как минимум, кувшинчика-другого вина. Но вина не было, и Конан, вздохнув, поднялся.

Сумерки, царившие в пещере, напомнили ему о летних киммерийских ночах, когда казалось, что утренняя заря догоняет вечернюю, торопясь за ней подобно гонимому псу, почуявшему зайца. Правда, такие ночи в Киммерии были белесоватыми, почти серебристыми; здесь же, разрушая сходство, воздух пронизывали потоки розового света, приглушенного и неяркого. Но для глаз Конана, обладавшего острым зрением, его вполне хватало.

Древесная пещера, на пороге которой он стоял, оказалась просторной и на удивление чистой, однако в ней ощущался запах тии'ка — едва заметный, но едкий, въедливый. Пахло потом и шерстью, и чем-то еще, звериным и неприятным; эта почти неуловимая вонь смешивалась с запахом дыма, которым тянуло от костра. Поморщившись, Конан пристегнул ножны с мечами, вытащил сосудик с арсацией, вдохнул бальзам и закашлялся.

Рина тотчас раскрыла глаза. Зрачки ее сияли в полумраке как два серых топаза, на алых губах играла улыбка; видно, в этот раз девушке снились хорошие сны. Но Конан, припомнив ее вчерашнюю обмолвку насчет опасностей дальнейшего пути, нахмурился.

— Вставай, малышка! Нам пора в дорогу.

— Разве ты не хочешь сначала поесть? — Ее голос был чуть хриплым.

— Конечно, мы поедем. Но до того я потолкую с вождем волосатых, а заодно с этим Йотомаккой и его бандой.

— Ты хочешь, чтобы я передавала им твои слова?

— Нет. Лучше поджарь мяса и собери наши мешки.

Рина неторопливо отбросила волосы с лица, поджала ноги к груди и вдруг очутилась рядом с Конаном. Ее движения были гибкими, стремительными, исполненными такой грации и силы, что киммериец с одобрением хмыкнул: эта юная ведьма с Жемчужных островов не теряла времени зря на тренировочной арене, лежавшей над пещерой Учителя!

Девушка бросила взгляд в сторону поляны, на которой сутились сотни две дикарей — и самок, и самцов; одни раздвигали какую-то дичь, другие ели, третьи вроде бы болтались без дела, собравшись в кучки и переключаясь друг с другом. Самая большая группа окружала рыжего вождя.

— Ну, и как ты собираешься говорить с ними? — спросила Рина. — Они ничего не поймут, да и ты тоже! Давай-ка я пойду с тобой.

— Не надо. Раз ты моя женщина, то готовь мне еду. Жарь мясо, как я сказал, и побольше! А с волосатыми я потолкую сам.

Конан прыгнул вниз, не прибегая к помощи лианы — до мягкой пурпурной травы было всего лишь восемь локтей. Он полагал, что после вчерашней беседы со старейшинами знает все нужные слова; если добавить к ним десяток жестов, разговор получится вполне содержательным.

Едва киммериец появился на поляне, гул голосов стал тише; все взирали на него со страхом и почтением. Конан, отталкивая попадавших по пути волосатых, подошел к вождю. Он знал, что выглядит великаном среди толпы этих низкорослых существ — самые крупные из самцов едва доставали ему до груди. Он развернул плечи и напряг

мышцы, одновременно придав лицу выражение суровой непреклонности; разговор предстоял серьезный, и лучше, если Тайбанисантра поймет это сразу. Затем Конан сообразил, что вряд ли эти дикари, заросшие шерстью по самые брови, разбираются в человеческой мимике — во всяком случае, их собственные физиономии казались абсолютно бесстрастными.

Властно вытянув руку, он коснулся волосатого плеча вождя.

— Йотомакка?

Рыжий что-то возбужденно залопотал, но Конан, как следует потрянув его, рявкнул:

— Йотомакка! Быстро!

Ему не пришлось повторять. По приказу вождя десять или двенадцать дикарей с дубинами и рогатинами направились к одной из древесных пещер, и вскоре Йотомакка стоял перед ним — разумеется, вместе с приятелями. Конан оглядел своих будущих проводников. Вулкайна был плотным и коренастым, Неодигми ничем особенным не отличался, сам же Йотомакка, довольно рослый, с темной, почти черной шерстью, выглядел наиболее представительным в этой троице. Глазки его дерзко поблескивали из-под массивного валика надбровных дуг, нижняя челюсть слегка отвисла, обнажив внушительные клыки. Судя по всему, это мохнатый разбойник вовсе не раскаивался, что ограбил великого воина, победителя Кро'вара; если он о чем и сожалел, так лишь о том, что его заставили расстаться с добычей.

Конан еще раз окинул троицу пристальным взглядом. Он затруднялся определить их возраст; все они казались киммерийцу на одно лицо — как, впрочем, и остальные волосатые, которых ему было удобней различать по телосложению и оттенкам меха. Тут он припомнил, что Тайбанисантра, говоря об этих возмутителях спокойствия, называл их молодыми охотниками. И что там было еще? Конан нахмурил лоб. Молодые... считают себя умнее всех... не хотят слушать старших... бродят, где попало... Что ж, он предоставит этим парням неплохую возможность побродить!

Конан хлопнул Йотомакку по шерстистой макушке.

— Йотомакка?

Дикарь кивнул — совсем по-человечески. Правда, шея у него была коротковатой, и получилось так, словно он хочет боднуть киммерийца в живот.

— Конан, — огромная ладонь легла на грудь, на мощную пластину мышц, что выступала над правым соском. — Конан!

— Кооннан... — это походило на хриплый вой гиены, но киммериец остался доволен. Стукнув дикаря по плечу, он произнес:

— Конан, Йотомакка, Вуулкайна, Неодигми — Какирот!

— Као'кирр'от, — услужливо поправил Тайбанисантра.

— Као'кирр'от, — киммериец, махнув рукой в ту сторону, где, по его предположениям, находилось Место, Где Нет Деревьев, обвел взглядом трех своих проводников. Все они дружно начали покачивать головами, хмыкать и разевать рты — последнее, как догадался Конан, свидетельствовало об удивлении.

— Конан, Йотомакка, Вуулкайна, Неодигми — Као'кирр'от! — настойчиво повторил он.

Йотомакка снова замотал головой и разразился речью, то поднимая вверх мускулистые волосатые руки, то разводя их в стороны, то приседая — при этом он попеременно выбрасывал ноги вперед, словно хотел кого-то пнуть. Смысл этих жестов оставался Конану неясным, хотя молодой охотник был неплохим оратором — он и слова не давал вставить почтенному Тайбанисантре, как тот ни пытался. Конан тоже его не прерывал. До его ноздрей долетел восхитительный запах жареного мяса и, подняв глаза, киммериец увидел Рину, стоявшую на пороге пещеры. Над головой девушки тонкой струйкой вился дымок костра.

Пожалуй, пора кончать споры, решил он и, протянув обе руки, сгреб Йотомакку и Вуулкайну. От неожиданности волосатые замерли, болтаясь у него под мышками, потом взревели и задергались, пытаясь вырваться. Но Конан держал крепко! Он даже успел поймать пальцами левой руки предплечье Неодигми — чтобы никто из этой троицы не сомневался, что ему несложно справиться с ними со всеми разом. Затем, тяжело ступая, киммериец направился к зарослям, торчавшим на краю поляны.

Остальные дикари, с рыжим вожаком во главе, валили следом. Тайбанисантра казался довольным; вероятно, он полагал, что великий и грозный победитель Кро'вара сейчас повыдерет шерсть на загривках строптивцев и задаст им хорошую взбучку. У Конана, однако, были другие планы. Морща нос от тяжелого запаха, что исходил

от пленников, он оглянулся на ходу — Рина, привстав на носках, вытянувшись в струнку, следила за ним. Вероятно, не за тем лишь, что он делал, но и за тем, что собирался сотворить. Но аура Конана была чиста от мыслей о кровопролитии.

Он подтащил всю троицу туда, где вверх и в стороны торчали довольно толстые ветви: одни — толщиной с бедро крепкого мужчины, другие — еще побольше. Свалив дикарей в траву, Конан рывкнул:

— Встать!

Удивительно, но они поняли и живо поднялись на ноги. Йотомакка попытался раскрыть рот, но киммериец показал ему кулак — и это тоже было понято и принято к сведению.

— Смотри!

Конан указал подбородком в сторону зарослей и потянулся к рукоятям мечей. Резкий свист рассекаемого воздуха, глухие удары, клочья огромных пурпурных листьев, фонтаны мелких веточек и стволы, клонящиеся вниз... Ему не понадобилось много времени, чтобы прорубить в зарослях целую просеку.

Потрясенные дикари молчали. И рыжий хитрец Тайбанисантра, пытавшийся сбить могучему пришельцу трех возмутителей спокойствия, и сами эти бунтовщики, и все остальное волосатое племя, самцы, самки, подростки и детеныши, сгрудившиеся на поляне за спиной грозного гостя. В руках его сверкало нечто голубоватое, длинное и узкое; затем раздавался сухой стук, и толстые ветви, которые устояли бы под ударом когтистой лапы такир'дзена, покорно валились в траву. То было чудо, невиданное чудо!

Наконец Конан повернулся к толпе, сразу загомонившей и загудевшей, затем, скользнув взглядом по мохнатой физиономии Йотомакки, сделал свирепое лицо и ткнул мечом в сторону порубленных стволов.

— Кро'вар! — рывкнул он. — Такир'дзен!

Клинок свистнул, и очередная толстенная ветвь полетела в траву, словно перерубленная змеиная шея. Еще в воздухе киммериец рассек ее напополам и вновь уставился на своих проводников.

— Кро'вар, такир'дзен! — повторил он и с угрозой добавил: — Йотомакка, Вуулкайна, Неодигми!

Несомненно, его поняли. Йотомакка поскреб шерсть на груди и задумчиво обзрел груды изрубленных ветвей;

судя по всему, он явно не жаждал испробовать на своей шее волшебное оружие пришельца. Затем он обменялся парой фраз со своими приятелями и окинул сердитым взглядом рыжего вождя, растянувшего огромный рот в жутковатом подобии улыбки. Тайбанисантра был доволен; погладив шрам на щеке, он взмахнул волосатой лапой и пролаял несколько слов, из коих киммериец понял лишь одно — Као'кирр'от.

— Као'кирр'от! — Конан с лязгом вложил клинки в ножны, потом вытащил кинжал и рубанул им по ветви. — Йотомакка, Вуулкайна, Неодигми — Као'кирр'от! Тогда это будет твоим! — Он потряс кинжалом перед носом молодого охотника.

Тот нерешительно прикоснулся к лезвию, порезал палец и сунул его в пасть, громко причмокивая; глаза его не отрывались от блестящей полоски стали. Похоже, дикий уразумел смысл предлагаемого договора: сопротивление влечет смерть, верная служба — награду. Вряд ли эти отношения между господином и слугой удалось бы сформулировать ясней и короче, и Конан с полным основанием посчитал, что время споров прошло. Указав на дубинки и рогадины в лапах ближайших тии'ка, он распорядился:

— Взять это. Ждать здесь. Я — есть.

Развернувшись, киммериец направился к дуплу, где его поджидала Рина. Из древесной пещеры тянуло соблазнительными ароматами, и он почувствовал голод; молча забрался наверх, присел у костра и, выбрав кусок мяса посочнее, впился в него зубами. Девушка опустилась рядом с ним.

— Ну, что скажешь? — произнес Конан, прожевав первый кусок. — Быстро я с ними договорился?

Рина улыбнулась.

— Твои доводы были очень убедительны и понятны.

— Само собой. Но тебе, девочка, надо будет приглядывать за этой вороватой троицей. Чтобы они не удрали от нас — или, удрав, ничего не утащили. Мои мечи, к примеру... И я совсем не желаю гоняться за этими ублюдками по лесу, если они снова украдут мой пояс и флягу с бальзамом.

— Хорошо, я пригляжу, — кивнула Рина, — но думаю, что ты можешь не беспокоиться. Я следила за ними — ну, пока ты размахивал мечом и сражался с деревьями... Знаешь, теперь все тии'ка — абсолютно все, считая и

этого Йотомакку с друзьями — преисполнились к тебе великого почтения. Так что тревожиться не стоит, — девушка протянула Конану второй кусок дымящегося мяса, — они нас не бросят и не обманут.

— Ты уверена?

— Да. Если бы ты мог разглядеть их ауры... Понимаешь, одно дело — выслушать рассказ о том, как был побежден страшный Кро'вар, и совсем другое — увидеть это собственными глазами. Пусть даже вместо змея ты рубил ветки и листья! Нет, не беспокойся, — повторила Рина, задумчиво глядя в костер, — они нас не обманут...

Глава 25. Вздых гиганта

Девушка оказалась права — три молодых охотника ни разу не заставили Конана усомниться в своей преданности. Они вели его и Рину все дальше и дальше, перебираясь от ствола к стволу по огромным ветвям, минуя поляны и висячие лужайки, заросшие алой травой, то спускаясь вниз, то поднимаясь наверх — но, однако, путники не видели ни земли, ни неба с багряными тучами. Вскоре Конан подметил, что тии'ка предпочитают держаться в пределах трех-четырех лесных ярусов, богатых дичью и хорошо им знакомых; кроме птиц и всевозможных мелких животных, тут не составляло труда раздобыть съедобные плоды, ягоды и орехи.

Груды прелых листьев были покрыты не только травой и мхом, но и множеством иных растений, от совсем невысоких, едва достигавших колена кустиков до великанов в пять длин копья. Эти последние напоминали бамбук, однако среди их узких вытянутых розоватых листьев алели гроздья крупных ягод, довольно сладких и хорошо утолявших жажду. Были здесь и другие плоды — нечто вроде багряных изогнутых огурцов размером с руку, кислых и водянистых; сизые шарики, гнездившиеся плотной кучкой на поверхности чашевидных листьев; шишки, извергавшие поток маслянистых соленоватых орехов; большие мясистые цветы некоторых лиан, что походили вкусом на недозрелые яблоки. Все это годилось в пищу — тогда как колокольчики с одуряющим сладким запахом заменяли волосатым аборигенам вино. Но Конан и Рина по молчаливому согласию больше не прикасались к ним; слишком опасными были грезы, которые вызывал этот наркотик.

Окружавшее их растительное изобилие — и мхи, и травы, и лианы, и кусты — паразитировало на гигантских деревьях, питалось их соками, коренилось в почве из перегнивших листьев, находило опору среди чудовищных ветвей и сучьев, что были в пять, в десять раз толще стволов секвойн, виденных Конаном в саду Учителя. Там, наверху, ничто не могло сравниться с древесными исполнителями нижнего мира, разве что горы. Но они, в конечном счете, были просто горами мертвого камня, тогда как огромные деревья подземного царства жили сами и давали жизнь великому множеству божьих творений, от ничтожных кустиков мха до волосатого народца, обладавшего речью и почти человеческим разумом. Казалось, эти деревья были повсюду одинаковы — стволы, покрытые толстой и трещиноватой бурой корой, да пурпурные округлые листья размером с воинский щит. Среди буйства цветов и плодов Конану ни разу не попалось что-либо подобное, относившееся к самым древесным гигантам; возможно, они существовали целую вечность и не нуждались в продолжении рода.

С помощью Рины он попытался расспросить на сей счет троих тии'ка, и мохнатые проводники, посовещавшись меж собой, повели его вниз. Они преодолели больше тысячи локтей, очутившись в царстве вечной ночи, куда не пробивался свет багровых облаков; здесь, среди титанических ветвей, способных послужить опорой каменным цитаделям владык верхнего мира, мерцали едва заметные оранжевые огоньки. Йотомакка повел свой маленький отряд к одному из этих далеких светлячков, что разгорался все ярче и ярче; приближаясь к нему, молодой охотник начал приседать и почтительно кланяться, выказывая признаки благоговейного страха.

— Это их бог, — пояснила Рина, — один из многих богов тии'ка, такой же могущественный, как Рогач Кро'вар. Но Кро'вар злобен; он пожирает людей и животных, а это, — она протянула руку к сиявшему вдали огоньку, — это дает им жизнь.

Они шагали в тишине и темноте, разгоняемой лишь призрачным светом далеких оранжевых факелов, и Конану постепенно стало казаться, что огоньки колеблются, то всплывая вверх, то приопускаясь, словно их раскачивает невидимое течение. Тот светлячок, к которому они шли, выглядел уже оранжевым апельсином на фоне бархатно-черного мрака; он тоже двигался вверх и вниз, точно

болотный огонек, приманивающий путника. Почему-то киммериец решил, что до него не больше полусотни шагов.

Вскоре выяснилось, что он неверно оценивает расстояние. Апельсин превратился сначала в подобие полной луны, затем — в сияющий щит, в большое круглое окно, светившееся во тьме; наконец над путниками нависла огромная сфера, слегка сплюснутая сверху, высотой в пять или шесть человеческих ростов. Несмотря на гигантские размеры, она не производила впечатления массивности, скорее наоборот; она казалась легкой, воздушной, почти невесомой. В неярком оранжевом свете Конан разглядел большие треугольные отростки, венчиком обрамлявшие нижнюю часть шара, исходившие от них змеевидные стебли, соединявшиеся вместе будто большая сетчатая сумка, и центральный стебель, короткий и толстый, как целое дерево. Он крепился к ветви и был покрыт такой же бурой и трещиноватой корой в алых прожилках; явно плоть от плоти лесного великана, приютившего странников в своей необозримой кроне.

— Цветок... — потрясенно выдохнула Рина. — Цветок, Конан! Его цветок!

Киммериец хмыкнул.

— Что тебя удивляет? Большое дерево, большой цветок... Может, он тоже съедобный, как цветы лиан?

— Не кошунтуй! — вытянув вперед руки, девушка сделала шаг к мягко сияющей сфере. — Он живой! Он полон Силы Митры! Я чувствую это... Он — драгоценность, достойная украсить чело бога...

Она начала что-то шептать, беззвучно шевеля губами. Конан стоял, поглядывая то на девушку, простиравшую руки к огромному цветку, то на трех мохнатых охотников, замерших в почтительном молчании. Пожалуй, тии'ка удивляли его больше — эти парни, Йотомакка, Вуулкайна и Неодигми, не отличались хорошими манерами, и немного в пурпурных джунглях внушало им уважение и страх. Цветок казался совершенно безобидным, и все же они поклонялись ему — вероятно, не из боязни, а лишь почитая его красоту и высокое предназначение. Ибо в недрах этой светящейся сферы должен был созреть волшебный плод, который через века и века породит еще одно исполненное дерево, опору и краугольный столп их мира; и молодые охотники инстинктивно чувствовали, что стоят у самых истоков жизни, заполнявшей все необоз-

римое пространство меж темной землей внизу и багряными облаками небес.

Конан кашлянул, напоминая о времени, и чары рассеялись. В прежнем молчании путники двинулись вверх и вперед, поднимаясь по лианам и ветвям, пока знакомый красноватый полумрак не сменил прежнюю тьму. Насколько близко они подошли к корням древесных гигантов? Что находилось там, внизу, в вечном мраке? Какие чудовищные твари ползали по земле среди огромных стволов, пожирая друг друга? Нарушив тишину, киммериец принялся расспрашивать своих проводников, но они не ведали ответов; их племя обитало на средних лесных ярусах, и никто не спускался ниже уровня, на котором зрели огромные цветы.

В этом мире существовали всего два направления — вверх и вниз; оба — столь же недостижимые, как ледяной полюс верхнего мира, лежавший за бесплодными заснеженными тундрами Асгарда и Ванахейма. Тут не было ни севера, ни юга, ни запада и востока; пурпурные леса простирались во все стороны, уходя к бесконечности. Пожалуй, лишь два места выделялись в этих беспредельных джунглях — каменная стена, в базальтовой тверди которой лежали тоннели, ведущие на поверхность, и провал, уходящий вглубь, в земные недра. Као'кирр'от! Что таилось на дне этой пропасти? Путь на Серые Равнины, в царство мертвых? Логово Нергала и его демонов? Или беломраморное святилище с колоннами в тысячу локтей и сияющим алтарем, храм, сотворенный некогда возлюбленными детьми Митры? Так или иначе, думал Конан, в этой пропасти его дорога закончится — вместе с порошком арсаяи. Вендийского зелья оставалось уже немного, и душа киммерийца таяла вместе с ним, превращаясь в бесплотный призрак. Еще он замечал, что чем ближе подходили они к провалу, тем мрачнее становилась Рина. Вероятно, ее пророческий дар предупреждал об опасности, и на этот раз к ней не стоило относиться легкомысленно.

* * *

Они достигли пропасти спустя три или четыре перехода после того условного «дня», когда им выпало счастье полюбоваться огромным цветком. Как всегда, они двигались по огромной ветви в привычном розоватом полумраке, но свет с каждым шагом становился все ярче, приобретая странный серебристый оттенок — словно где-

то впереди восходила луна. Пожалуй, даже не впереди, а внизу: бледные белые лучи просачивались сквозь листья и смешивались с алым потоком, падавшим с небес, заставляя вспомнить о красках утренней зари верхнего мира.

Внезапно Йотомакка, шедший во главе маленького отряда, остановился и поднял мохнатую руку. Конан машинально взглянул вверх: крона исполинского дерева уже не нависала над ними, огромные листья не заслоняли метущихся багряных и алых облаков. Он не увидел среди них источника серебристого свечения и, сойдя с тропы, несколькими ударами клинка расчистил заросли на обочине; теперь можно было заглянуть вниз.

Там простирались другие ветви, соединенные с той, на которой они стояли, водопадом лиан; еще ниже зияла бездна, наполненная призрачным сиянием. Как показалось киммерийцу, свет исходил от мраморно-белых скал, лежавших в глубине где-то под его ногами; противоположная сторона пропасти тонула в темноте. Он не смог разглядеть ее дна, словно бы скрытого туманом; оттуда доносилось странное погромыхивание, как будто в мглстой пелене ворочался огромный каменный зверь.

Оглянувшись, Конан увидел, что Рина стоит рядом, напряженно рассматривая провал. На милом ее личике не было следов страха, но озабоченность и тревога читались вполне ясно. Что-то ей не нравилось — там, внизу; что-то беспокоило ее, заставляя морщить лоб и поджимать пухлые губы.

— Нас ждут неприятности? — спросил Конан.

— Да. И на этот раз я не вижу, чем все закончится. Вот что меня беспокоит!

— Неприятности там, неприятности тут, — киммериец кивнул в сторону провала, потом коснулся пояса — в том месте, где была спрятана почти опустевшая фляга. — Но это м о и неприятности, клянусь Кромом! — Он сделал паузу и негромко спросил: — Не жалеешь, что пошла со мной?

Она покачала каштановой головкой.

— Нет. Мне очень хочется побывать в храме Первосотворенных. Ну, и потом... потом есть и другие причины. — По губам девушки скользнула загадочная улыбка, и лицо ее на мгновение стало беспечным и юным.

Конан почувствовал, как кто-то дергает его за рукав, и оглянулся. Йотомакка... Его приятели опустились на корточки посреди тропы и отдыхали, полускрыв глаза.

— Као'кирр'от, — отчетливо произнес молодой охотник, тыкая вниз пальцем. — Кооннан, Йотомакка — Као'кирр'от! — Он протянул руку с раскрытой ладонью и добавил еще одно слово — протяжное, похожее на вопль шакала в ночи. «Давай!» — понял Конан и отстегнул ножны.

Жадно схватив кинжал, дикарь вытянул клинок, коснулся лезвия и восхищенно поцокал языком. Его огромные челюсти раздвинулись, маленькие глазки заблестели — похоже, он пребывал на вершине блаженства, получив награду за честный труд. Затем Йотомакка разразился долгой речью, то вслаивая, то стукая себя кулаком в грудь, то приседая и подсакивая. Несомненно, он был отличным оратором — не хуже рыжего хитреца Тайбанисантры; и, вдобавок, у него имелось важное преимущество перед вождем — молодость.

Киммериец вопросительно взглянул на Рину, ожидая перевода, но она отделалась кратким: «Благодарит». Йотомакка все еще продолжал приседать и подсакивать, явно не собираясь заканчивать свои речи. Оторвавшись от созерцания пропасти, Конан спросил:

— О чем он болтает? Вроде мы в расчете.

— В расчете. Но он вспоминает, каким долгим был путь, как преданно они с Вуулкайной и Неодигми служили нам, охотились для нас, собирали плоды, стерегли наш сон. И еще — показали цветок, божественное сокровище, которое видел не всякий человек из племени тии'ка.

— Кром! Похоже, он перечисляет все свои заслуги, — усмехнулся Конан. — Значит, мало ему ножа, хочет чего-то еще.

Так оно и вышло. Тон Йотомакки вдруг сделался просящим, словно заскулил маленький щенок; сунув кинжал под мышку, он протянул к Конану волосатые лапы со сложенными лодочкой ладонями. Рина, внимательно слушавшая речь дикаря, вдруг рассмеялась.

— Чего ему надо? — Киммериец покосился на мохнатого проводника.

— Попробуй догадаться... Как ты думаешь?

— Мой меч? Нет? Ну, тогда твое копье или метательный диск? — Конан включился в игру, заметив, что тревожное настроение девушки прошло.

— Он просит камни, рождающие красное и горячее, делающие мясо мягким и вкусным... твои кремни, одним словом! Дай ему. Мне кажется, что внизу, — девушка

кинула в сторону пропасти, — огонь нам не понадобится. Мы близко к цели.

Киммериец задумчиво взглянул на Йотомакку.

— Пожалуй, ты права. Пусть берет! — сбросив с плеча мешок, он вытащил огниво и вложил его в ладони дикаря. Йотомакка радостно взвизгнул и разразился было новой речью, но Конан, поднявшись с колен, решительно подтолкнул его к лесу. — Шагай, парень! Надеюсь, теперь мы в расчете.

Выпрямившись во весь рост у края провала, он смотрел, как три мохнатых охотника неторопливо двигаются по ветви к огромному стволу, темневшему перед ними словно скала. Тии'ка шли, то и дело перекликаясь хрипылыми голосами — видно, строили планы на будущее; Вуулкайна нес кинжал, прижимая его к груди, Йотомакка стискивал в ладони огниво.

— Думаю, рыжий вождь с длинным именем сильно просчитался, отправив с нами эту банду, — заметил Конан.

— Почему? — Рина подошла и встала рядом, поглядывая на спины удалявшихся дикарей.

— Если Йотомакку не сожрет на обратном пути Кро'вар, если он вернется домой, то у тии'ка будет новый вождь... Я в этом уверен!

— В самом деле? Думаешь, племя признает его? Ведь он — всего лишь воришка и бродяга, который не слушается старейшин!

Конан пожал плечами.

— Теперь у него есть кинжал и есть огонь. Что же касается воришек и бродяг, то из них, девочка, выходят неплохие вожди... Я знаю, я сам был таким!

Рина улыбнулась.

— Был? А каким стал?

— Про то мне неизвестно. Посмотрим, простит ли меня Митра... Тогда можно поговорить и о том, какой я теперь. — Он повернулся к провалу. — Ну, будем спускаться?

* * *

С немалым трудом они добрались до самой нижней ветви исполинского дерева, скользя по лианам. Лес отступил; пожалуй, впервые за все время странствий в пурпурных джунглях Конана и Рину не окружали листья, висячие полянки с багряной травой и гигантские стволы,

подобные горам. Они стояли на ветви, протянувшейся над пропастью; позади неясной громадой темнел лес, вверху текли и кружились алые тучи, под ногами разливалось серебристое сияние. Безбрежный простор окружал их; казалось, мир вращается сейчас вокруг незримого центра, помеченного большим древесным цветком, прилепившимся к ветке рядом с путниками. Он был не оранжевым, а карминово-красным, и сиял вдвое ярче, чем огромные сферы, виденные ими в лесу.

— Что же дальше? — Рина, придерживаясь за гибкие стебли, склонилась над провалом. — Пойдем к стволу и спустимся на землю? А потом разыщем какую-нибудь расселину в скале, по которой можно спуститься?

Конан с сомнением хмыкнул. Отсюда, с нижней ветви, он мог уже разглядеть обрывавшийся вниз край пропасти, эту уходившую в туман белую стену, совершенно гладкую и блестящую. Станный камень, подумалось ему. Похож на полированный мрамор, однако сияет и переливается, словно самоцвет под лучами солнца... Он не видел никакой расселины, ни самой мельчайшей трещинки; поверхность казалась ровной, без выступов и карнизов, и спуститься по ней можно было лишь на веревке.

Однако это выглядело сущей бессмыслицей: отвесная стена провала тянулась вниз на тысячи локтей, длина же веревки была не больше пятидесяти. Возможно, мелькнуло в голове у Конана, в этом белом сияющем камне все-таки есть трещины и выступы, что послужат опорой для рук и ног? Отсюда он не мог их разглядеть; они с Риной стояли на самой середине ветви, нависавшей над пропастью, и до ее края было далеко — не меньше двух-трех полетов стрелы.

Девушка молчала, не мешая ему размышлять, и настороженно поглядывала вниз; видимо, тревога вновь овладела ею. Еще раз осмотрев склон, испускавший серебристое свечение, Конан направился в огромному цветку, уцепился за толстый стебель и, свесившись над бездной, попробовал разглядеть противоположную сторону. Но там царил мрак, и бездна под его ногами странным образом как бы делилась на три части: светлое пространство у гладкой белой стены, узкая зона сумерек — и мрак. Непроглядный мрак, густой и вязкий, какого ему не приходилось видеть никогда.

— Не знаю, как туда спуститься, — наконец признал Конан. — Может, просто прыгнуть? — Он невесело ус-

мехнулся и сплунул в пропасть. — Если пресветлый Митра решил погубить меня, так погубит; а захочет спасти — так спасет... Как ты думаешь, малышка?

Пушистые брови Рины сошлись на переносице.

— Спрыгнуть? Нет, — она покачала головой. — Даже тот, кто владеет Силой, не способен летать... быть может, лишь Учитель... Нет, мы должны придумать что-то другое.

Их руки переплелись на толстом стебле цветка, что плавно покачивался вверх — огромный, сияющий, прекрасный; символ жизни, яркий его огонек, что мерцал над бездной неведомого.

— Ах, если б у нас были крылья... — со вздохом сказала Рина.

— Тогда бы мы стали птицами, а не людьми, — сильные пальцы Конана сжали кисть девушки, словно киммериец боялся, что она выпустит сейчас стебель и ринется в пропасть. — Не надо мне крыльев. Вот от лестницы или веревки в десять тысяч локтей я бы не отказался!

— Мне кажется, что в бездне под нами побольше десяти тысяч локтей, — заметила Рина. — И эти белые скалы выглядят как-то странно... Знаешь, у меня такое ощущение, что они живые...

— Живые? — Конан приподнял бровь. — Кром, что ты хочешь этим сказать? Хмм... живые... И опасность, которую ты чувствуешь, исходит от них?

— Нет, оттуда, из темноты, — девушка вытянула руку с дротиком к противоположной стороне провала. — Оттуда, Конан! Но давай пока забудем о ней. Нам надо решить, как спуститься вниз.

Отступив от края пропасти, киммериец поднял голову. Огромный цветок сиял над ним, едва заметно покачивался в потоках теплого воздуха, струившегося из бездны. Треугольные лепестки, окружавшие нижнюю часть карминово-красной сферы, были величиной в человеческий рост; под ними висела густая сеть стеблей толщиной в руку, похожая на небрежно сплетенную корзинку.

— Странно, — заметил Конан, — тот цветок, который мы видели в лесу, был другим... поменьше и не таким ярким.

Ухватившись за стебли, Рина легко подтянулась вверх, проникнув внутрь живой корзины, и положила ладонь на лепесток. Пальцы ее порозовели, озаренные алым сиянием; прикрыв глаза, девушка глубоко вздохнула и замерла.

— Да, этот цветок другой, — ее рот удивленно приоткрылся. — Другой, Конан! Он созрел и несет в себе семя новой жизни...

— Не значит ли это, что ему пора в путь? Что семени надо подыскать подходящую почву? — Киммериец постукал носком сапога по толстому центральному стеблю. — Я думаю, этот цветок — не первый, который падает с ветви в пропасть... Может, он и нас прихватит с собой?

— Но выдержит ли он такую тяжесть? — с сомнением произнесла Рина.

— Смотри, как велик этот шар! — Конан, внезапно преисполнившись надежды, протиснулся меж стеблей и встал рядом с девушкой. — Видишь, теперь цветок идет вниз... да, идет вниз, но совсем медленно... Не эти ли крылья, — он звонко шлепнул ладонью по огромному лепестку, — посылает нам Митра? Шар опустится на самое дно, и мы вместе с ним... Клянусь Кромом! Как это не пришло мне в голову раньше? Лететь куда лучше, чем лезть по отвесной скале, по веревке или лестнице! И гораздо быстрее, а мне стоит поторопиться!

— Отличная мысль, — согласилась Рина, — но не повредим ли мы ему? Ведь он — живой!

Конан ухмыльнулся.

— Живая скала, живой цветок... Ну, раз он живой, спроси у него!

— Спрошу, — глаза Риной вдруг стали серьезными. — Спрошу... Сейчас...

Ее лицо напряглось, потом на губах заиграла улыбка, и пальцы нежно погладили упругую плоть лепестка; казалось, она и в самом деле ласкает живое существо — любимую кошку или собаку. Конан снова усмехнулся.

— Ну, я вижу, твой цветок не возражает! — и, выхватив меч, он сильным ударом перерубил центральный стебель.

Огромный карминовый шар вверх покачнувшись, затем поток воздуха подхватил его, увлек за собой, протаскивая наискось по ветви; в следующее мгновение Конан и Рина повисли над бездной. С замирающим сердцем киммериец ждал, что произойдет — рухнут ли они в пропасть или вознесутся к небесам. Но древесный цветок опускался — опускался медленно, неторопливо и плавно, скользил вниз в серебристом сиянии, парил, словно один из тех волшебных летающих ковров, о коих складывали сказки в Туране.

Пьянящее чувство полета охватило Конана. Он выпрямился во весь рост, стиснул в обеих руках толстые стебли — надежные, как корабельные канаты — и заревел, зарывал во всю силу могучей глотки.

— Кром! Владыка Курганов! Мы летим! Летим! А-хой!

Обхватив рукой его колени, Рина свесила ноги вниз, просунув их меж стеблями; Конан ощущал ее горячее взволнованное дыхание. Черты девушки разгладились, тревога растаяла в серых глазах — видно, это плавное скольжение в теплом воздухе доставляло и ей огромное удовольствие. Гигантская ветвь нависла над ними, потом медленно ушла вверх; промелькнул край обрыва, округлый, странно сглаженный, и красная сфера цветка начала опускаться в пропасть. Легкий ветерок относил ее к белокаменной стене, пока до гладкой сияющей поверхности не осталось с полсотни локтей.

— Наверно, мы можем снять мешки, — сказала девушка.

— Да, пожалуй.

Конан вытащил веревку, затем помог Рине освободиться от тюка и привязал их поклажу к стеблям — пониже, так, чтобы на мешках можно было сидеть. Копье и свои мечи он тоже обкрутил веревкой, закрепив рядом с грузом, но арбалет не снял, инстинктивно чувствуя, что в воздухе стрела — лучшая защита. Теперь они с Риной расположились спина к спине, придерживаясь за верхнюю часть стеблей; Конан сел лицом к белым утесам, девушка наблюдала за противоположной стороной пропасти, тонувшей в вязкой и непроницаемой тьме. Красные лепестки трепетали и изгибались над ними, словно большой зонт с вырезным фестончатым краем.

— Что ты видишь? — спросила Рина.

— Скалу, — ответил Конан, — огромную белую скалу. Она гладкая, словно полированные стены стигийских пирамид, и светится, как драгоценный камень. Тут нет никаких расселин, — добавил он мгновением позже, — и я думаю, что мы не сумели бы спуститься по ней. Кром! Тут просто некуда поставить ногу...

— С моей стороны только темнота... темнота и мрак... Мне кажется, это серебристое сияние от скалы тянется на четыре или пять сотен шагов, потом тонет в сумерках, а за ними — тьма... И я чувствую, Конан, что в ней копошатся какие-то твари.

Полуобернувшись, киммериец ободряюще похлопал девушку по плечу.

— Вряд ли порождения мрака рискнут выбраться на свет, — заметил он. — Ну, а если так случится, угостим их стрелой или одним из твоих дисков.

Край провала, оставшийся вверху, был уже не виден — его заслоняли огромные лепестки. Над ними нависла карминовая сфера цветка, отсекая пурпурный лес, небо и тучи; теперь они видели только серебристый свет с одной стороны и тьму с другой. Казалось, белое и черное смыкаются где-то в вышине, не то сражаясь, не то лаская друг друга; кроме этих красок в мире не существовало больше ничего. Снизу, со дна пропасти, доносились шорохи и отдаленное гроыханье.

— Как ты думаешь, насколько мы спустились? — произнес Конан.

— Ненамного, — голос Рины был напряженным и чуть хриплым. — Может быть, на тысячу или полторы локтей.

Они замолчали. Нахмутив брови, Конан разглядывал медленно уплывавшую вверх белую стену, от которой исходило призрачное сияние. Этот чудовищных размеров утес, простирившийся на тысячи локтей, и в самом деле был отполирован не хуже камней стигийских пирамид, но, в отличие от их откосов, он не выглядел ровным. Поверхность отвесного склона будто бы состояла из округлых впадин и выпуклостей, и каждое из этих образований тянулось по вертикали на добрый десяток полетов стрелы, одновременно уходя влево и вправо на значительно большее расстояние. Впадины и выпуклости чередовались и шли чуть наискось; казалось, их нанесла поперек скалы огромная растопыренная пятерня, сперва пробороздившая гигантские каналы, а потом сгладившая их. Размеры впадин и округлых уступов меж ними были слишком велики, чтобы их представлялось возможным разглядеть с близкого расстояния; человек, рискнувший спуститься по белой стене, наверняка ничего бы не заметил. И, разумеется, они не помогли бы скалолазу добраться до дна.

Такого Конану еще не приходилось видеть. Он родился среди гор и провел в них детство; он не раз странствовал в горах, то выслеживая добычу, то скрываясь от погони; он знал и любил горы. В его представлении они являлись надежным убежищем, и чем круче и неприступней были их склоны, тем безопасней он себя чувствовал. Он был

горцем, сыном гор, плотью от их твердой и несокрушимой плоти, и до сих пор полагал, что не найдется человека, который смог бы обогнать его, запутать и обойти в лабиринте ущелий и скал, среди заснеженных вершин и крутых перевалов. Но горы в его представлении были совсем не такими, как эта титаническая белая скала, что бесконечным чередованием впадин и уступов тянулась сейчас перед его глазами. Горы были гигантскими глыбами дикого камня, вознесенного к небесам; ни руки богов, ни людской труд не сглаживали их склонов, прорезанных трещинами, ущельями и каньонами, покрытых бесформенными валунами и выступами, засыпанных обломками и щебнем. Эта же белая скала, превосходившая высотой величайшие пики киммерийских хребтов, казалась Конану неестественной.

Тем не менее, она ему что-то напоминала. Что-то очень знакомое, но никак не связанное с горами и утесами, с осыпями и расселинами, с перевалами и ущельями. Почти инстинктивно он сунул руку за глубокий вырез туники, провел ладонью по мощной выпуклой пластине грудной мышцы, потом пальцы его спустились к ребрам. Выпуклость, впадина... округлые, закованные в панцирь твердых мускулов, прикрытые гладкой кожей... Забавная мысль!

Он с новым интересом уставился на скалу. Пожалуй, если б не это странное свечение, ее поверхность и в самом деле напоминала бы человеческую кожу. Теперь Конану чудилось, что она не чисто белая — скорее, чуть розоватая... смугло-розоватая, если говорить совсем точно... В волнении он снова ощупал свою грудь и бок, словно собственное тело могло дать ему ответ на загадку; потом, вытащив руку, потер лоб. Кажется, Рина что-то говорила насчет этой скалы... что-то весьма удивительное...

Обернувшись, он прикоснулся к плечу девушки, по-прежнему созерцавшей мрак на другой стороне провала.

— Эта белая скала, что передо мной... Что ты о ней думаешь?

Не поворачивая головы, Рина пробормотала:

— От нее не исходит опасность. Надо следить за тьмой... да, за тьмой, Конан. Светлое нам не грозит.

— И все же?

На мгновение Рина прижалась щекой к его ладони, будто бы в молчаливой просьбе не тревожить ее по пустякам. Однако она ответила, и с первых же слов Конан

припомнил все, о чем говорилось раньше, — там, на огромной ветви, с которой начался их полет.

— Твоя скала — живая... словно живая, я хочу сказать. Но ты можешь не беспокоиться — она не вырастит зубы и не сожрет нас. Она...

— погоди, — перебил девушку Конан, — я ничего не понимаю. Живая или словно живая? В этом есть разница, как ты считаешь?

— Вероятно.

— Вероятно! Клянусь Кромом, женщина, ты меня совсем запутала! Цветок, на котором мы летим, живой, и мы с тобой тоже... А скала?

— Она напоминает мне уснувшего человека, — коротко ответила Рина и замолчала.

Конан решил больше ее не тревожить; пусть смотрит в темноту, стережет их от внезапного нападения. Теперь он вспомнил и то, что пропасть Као'кирр'от будила в девушке беспокойство; вероятно, после первых радостных мгновений парения в воздухе, тревожные предчувствия овладели Риной с новой силой. Однако сам он не ощущал пока ничего угрожающего.

Их красный шар плавно летел вниз, и было трудно представить, сколько времени займет спуск. Наблюдая за белой поверхностью скалы, киммериец вдруг понял, что она то приближается к нему, то отдаляется, будто бы попеременно притягивая и отталкивая падавший в пропасть цветок. Подметить это оказалось нелегко, но теперь он не сомневался, что в гигантском провале дует ветер — слабый, едва ощутимый, теплый.

Конан поклонил палец, вытянул руку вверх и замер в неподвижности, отсчитывая время по вздохам. Да, тут был ветер! Тянуло откуда-то сверху или, быть может, от поверхности утеса; воздух медленно, очень медленно колебался, то прижимая их шар к скале, то отбрасывая на полсотни локтей к середине провала.

Странный ветер! Словно дыхание спящего гиганта... И Рина говорила о том же...

Осененный внезапной идеей, Конан вновь сунул руку за пазуху, плотно прижимая ладони к груди. Она мерно вздымалась и опадала; прикрыв глаза, киммериец довольно долго сидел, будто бы прислушиваясь к этим непрерывным колебаниям и сильным толчкам сердца, потом поднял веки и, как замороженный, уставился на белую

светящуюся стену. Дрогнула ли она? Или это только ему показалось?

Внезапно за его спиной прозвучал тревожный вскрик Рины, и Конан очнулся.

— Птицы! Смотри, птицы! — Она тянула руку вверх, показывая на темное облачко, оторвавшееся от края завесы мрака. Туча, похожая на клок несомого ветром дыма, опускалась к парившему в воздухе цветку, наискосок пересекая провал. Конан пригляделся.

— Облако, — пробормотал он, — просто облако. Я не вижу никаких птиц.

— Зато я вижу! — Казалось, Рина близка к панике, и это удивило киммерийца куда больше, чем подозрительная тучка. — Бери арбалет, Конан! Вот оно! То самое, чего я боялась! — Дрожащими руками она начала расстегивать сумку с дисками.

— То самое? — окончательно оторвавшись от созерцания белой стены, Конан нахмурился. — Ты хочешь сказать...

— Да, да! Опасность, которую я предчувствовала!

Не задумываясь, киммериец сбросил с плеча арбалет и колчан, потом поднял голову, разглядывая тучу. Она уже распалась на множество точек — нет, не точек, а черточек, волнообразно изгибающихся по краям. Птичьи крылья? Пожалуй... Но вряд ли создания, что преследовали их, отличались крупными размерами.

Конан перевел взгляд на побледневшее лицо девушки.

— Что тебя так напугало? Какие-то мелкие твари... просто птицы, не драконы и не летающие оборотни... Пара-другая стрел отпугнет их.

— Не думаю. — Рина справилась с волнением, и руки ее больше не дрожали. — Они не такие маленькие, как тебе кажется, и их очень много. Ну, и еще одно... Пресветлый Митра! — страдальчески сморщившись, девушка потеряла висок, словно пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль. — Понимаешь, я не вижу, чем закончится схватка с ними... Не вижу! И это меня пугает.

Киммериец кивнул, наконец-то уразумев истинную причину ее тревоги. До сих пор дар Рины ни разу не подводил их; они одолели сонный морок, стража тоннелей, что вели к лесам нижнего мира, и благополучно добрались до рубежей пурпурной равнины. Вероятно, подумал Конан, мысль, что все предыдущие предсказания исполнились, поддерживала девушку, вселяла в нее уверенность; пред-

видя грядущее, Рина чувствовала себя зрячей рядом с ним, жалким слепцом. Но теперь и она ослепла.

От темной тучи отделилась одна черточка. Она стремительно падала вниз, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах; Конан видел грязно-серые крылья, мощные, широкие и длинные, вытянутое тело с раскрытым веером хвостом, растопыренные лапы. Он понял, что ошибался — эта тварь не была мелкой. Пожалуй, куда больше орла! Десять локтей в размахе крыльев, массивное туловище, гибкая змеиная шея... Потом он разглядел голову монстра и содрогнулся.

Ничего похожего на птичью! Ни клюва, ни перьев... Скорее, жуткое подобие человеческого лица: огромная пасть с рядами мелких острых зубов, широкие вывороченные ноздри, хохолок на темени, напоминающий прядь волос, большие круглые глаза — глаза, в которых пылало дьявольское пламя! Обличье этой твари было куда уродливей и страшнее, чем мохнатые физиономии тии'ка. В конце концов, племя волосатых все-таки относилось к людскому роду, а жуткий монстр, круживший в полусотне локтей от Конана, явно был порождением Нергала.

— Кром!

Стрела с визгом сорвалась с тетивы, серая тварь вскрикнула, захлебнувшись кровью, и, сложив крылья, канула вниз. Арбалетный болт торчал посреди чудовищного лица — там, где мгновение назад зияли дыры ноздрей.

— Первый, — отсчитал Конан, лязгнув рычагом.

— Боюсь, это их не остановит, — негромко сказала Рина. — Гарпий! Мерзкие твари! И на редкость злобные!

— Но зубы у них мелкие и когти невелики. Не вижу, как они могут нам повредить... Мы прикончим любую из этих птичек на расстоянии ста локтей, а когда кончатся стрелы и твои диски, отобьемся мечом и дротиком. Нет, они до нас не доберутся!

— До нас — возможно, но подумай о нашем шаре! О цветке!

— О цветке? — Мгновение киммериец следил за опускавшейся вниз стаей, потом лицо его посуровело, темные брови сошлись в линию. — Ты думаешь, они повредят цветок?

— Если поймут, что нас так просто не взять, и разозлятся... Только этого я и боюсь, Конан! Они раздерут цветок в клочья, и мы рухнем в бездну!

— Кром! — Стальной болт вспорол воздух, пробив лоб одному из монстров; с пронзительным воплем тот полетел вниз. — Кром! — повторил Конан, торопливо натягивая тетиву. — Ты права, девочка, они могут разорвать шар, на это хватит даже их жалких когтей... Нам нельзя подпускать их близко!

Оседлав мешок, он просунул ноги в сапогах под болтавшиеся внизу стебли, потом вытащил меч и прижал обнаженный клинок бедром. Теперь он был готов к обороне; он мог рубить, колоть и стрелять во всех направлениях, кроме одного — прямо вверх. К сожалению, оно являлось самым важным: там пламенел огромный шар беззащитного цветка. Однако серые твари как будто не замечали этого уязвимого места. Живая плоть двух путников привлекала гарпий гораздо больше; образовав широкое кольцо, они кружили и кружили вокруг них, безгласные и молчаливые, как сама смерть.

— Сейчас бросятся, — вдруг сказала Рина. Она пошевелилась, и диски зазвенели в ее сумке. — Ты...

Девушка не успела закончить. В воздухе вдруг стало тесно от серых тел с растопыренными хвостами, яростно плещущих крыльями, когтистых лап, тянувшихся к повисшим над бездной людям. Конан стрелял и стрелял, чувствуя спиной, как мерно ходят лопатки Риной — она метала диски то с левой, то с правой руки. Хотя это оружие уступало по дальности броска арбалету, его преимуществом являлась скорость: стальные пластинки жужжали в воздухе словно рой разъяренных пчел, и киммериец видел, как серые твари одна за другой исчезают в бездне. У большинства была перерублена шея, и безголовые туловища с распластанными крыльями падали вниз, вращаясь и брызгая кровью.

Ни одна стрела Конана не пропала даром, но он вдруг обнаружил, что их так мало в сравнении с атаковавшей стаей! Колчан стремительно пустел, и киммериец, отложив арбалет, взялся за меч. Он ткнул несколько раз в жуткие морды круживших рядом чудищ, страстно желая очутиться на земле — на твердой почве, где можно было бы как следует размахнуться и по-настоящему пустить кровь этим отродьям Нергала. Воздушный полет, еще недавно так очаровавший его, казался теперь неприятной, едва ли не бессмысленной затеей, а сетка из толстых цветочных стеблей представлялась ловушкой.

Он снова ударил клинком — раз, другой, третий — но твари были увертливы. Тут, в воздухе, все преимущества оставались за ними, и лишь стрела и метательный нож могли уравнивать шансы. Зарывав от ярости, Конан опять взялся за арбалет.

Завеса крыльев распалась — он даже не успел выпустить стрелу. Серые твари кружили в двух сотнях локтей от них и, бросив взгляд на жуткую стаю, киммериец не заметил, чтобы она сильно преуменьшилась. Этих чудовищных птиц было много, слишком много!

— Сколько у тебя осталось стрел? — охрипшим голосом спросила Рина.

Конан заглянул в полупустой колчан.

— Двенадцать.

— А у меня — пять дисков... Плохи наши дела!

— Будем отбиваться мечом и копьём.

— Будем. Только бы они не тронули наш цветок!

С ненавистью и тоской взглянув на хищное кольцо, что сомкнулось вокруг парящей в воздухе сферы, Конан сжал кулаки. О, если бы он мог призвать на помощь Силу! Если б он мог как прежде метнуть ослепительную и смертоносную молнию! Если б он мог зажечь жаркий шар астрального огня! Если б он мог...

Воистину, Митра жестоко покарал его! Там, в Ариме — мраком беспамятства, а здесь, в этой проклятой пропасти — бессилием! Он видел врага, он пылал гневом — и был не в состоянии добраться до него. До этих мерзких и наглых тварей, чьи пасти растягивались в глумливых ухмылках!

Скрипнув зубами, Конан снова принялся считать стрелы, потом отбросил колчан и спросил:

— Может, ты сумеешь как-то использовать Силу? Ну, раз у тебя не ладится дело с молниями, так и не надо молний... Но если ты превратишь нас в невидимок...

— Прости, но я не умею ставить защиту. Я ведь уже говорила об этом, — голос Рины звучал виновато. — Я могу делать лишь то, что я могу... Лечить и предсказывать... это все, милый.

Милый! Слово скользнуло по краешку сознания Конана, не задев его. Он недовольно пробурчал:

— Если мы чего-нибудь не придумаем, лечить будет некого, детка.

Внезапно серая стая, кружившая около них, стремительно ринулась вниз, потом вверх; сразу десяток тварей

повис на стеблях, терзая их зубами и когтями, а одна вцепилась в сапог Конана. Он гневно вскрикнул и начал колоть мечом, стараясь не задеть переплетений сети, в которой они висели над бездной. Рядом девушка била копьём, и с каждым ударом очередной монстр с протяжным предсмертным воплем летел вниз. Вскоре они очистили стебли от летающих тварей, перебив два или три десятка; но сотни серых чудищ по-прежнему окружали шар. Казалось, их не страшила гибель; да и могла ли она испугать отродий Нергала, повелителя смерти?

— Ну вот, — сказала Рина, откладывая дротик, — атака снизу... Теперь они либо снова бросятся на нас, либо падают сверху. А до земли еще далеко.

— Далеко, — подтвердил Конан, всматриваясь в мерцавший под ногами туман. Ему почудилось, что громахание на дне пропасти стало сильнее, но кроме далекого и неясного гула ничто не говорило о том, что земля близка. Они могли спускаться в эту бездну несколько дней, и за это время чудовищные птицы обглодали бы их кости до зеркального блеска.

Киммериец перевел взгляд на белую стену, что медленно уходила вверх в сотне локтей от шара. Она была все такой же гладкой, с округлыми выступами и впадинами, и зацепиться там было абсолютно невозможно. Ему показалось, что скала словно бы колеблется — неторопливо и почти незаметно, то приближаясь к плывущему вниз цветку, то отдаляясь от него. Конан встряхнул головой. Возможно ли это? Не чудится ли ему? Но ветерок, которым тянуло от белой стены, бесспорно сделался сильнее...

Он хотел повернуться к Рине, поделиться с ней своим наблюдением, но девушка вдруг вскрикнула и дернула его за рукав.

— Они атакуют! Сверху, Конан! Стреляй! Стреляй, во имя светлого Митры!

Почти автоматически он вскинул арбалет, свистнула первая стрела, и ей ответило басовитое жужжание боевого диска. Воздух снова наполнился плеском крыл и предсмертными воплями падавших в бездну тварей; Конан стрелял, пытаясь не подпускать их к верхней части шара. Но что он мог сделать? Двенадцать стрел поразили двенадцать чудовищных ликов, но десятки других тварей плотным облаком опускались на красный цветок, впились зубами и когтями в его плоть, терзали и рвали

кожистую оболочку. Сфера дрогнула, накренилась под тяжестью облепивших ее серых созданий и быстрее пошла вниз.

— Все, — сказал Конан, — стрелы кончились. Да если б и остались, теперь мне до этих тварей не добраться. Хотя... — Он принялся распутывать веревку с железным крюком, которой были перевязаны мешки.

Рина, ухватившись за стебли, далеко высунулась наружу — видно, хотела разглядеть, что творится на верхней части шара. Гарпии ее не атаквали; похоже, они сообразили, что, разорвав оболочку, доберутся до своей добычи без всяких потерь.

— Их там десятка два, — сказала Рина дрогнувшим голосом. — Я не вижу... не разглядеть... но больше двух десятков на куполе не поместится. Остальные кружат сверху, словно стая воронья над падалью... — Тут она заметила в руках Конана веревку. — Что ты собираешься делать?

— Попробую зацепиться крюком о скалу. Подтянем к ней шар, и я заберусь наверх... Что нам еще остается?

Он выждал момент, когда цветок поднесло ветром поближе к белой стене, и метнул веревку. Крюк глухо лязгнул и скользнул вниз, не оставив ни царапины на блестящей поверхности, и Конан выругался. Если перед ним и в самом деле находилась грудь Первосотворенного, подпирающего верхний мир, то плоть его была тверже камня! Выбрав веревку, киммериец метнул ее снова — с прежним результатом. Над головой его шла лихорадочная возня, и внезапно густая капля цветочного сока капнула на плечо Конана. Она была алой, как человеческая кровь.

— Кажется, пришла пора прощаться, — вымолвил он, поворачиваясь к Рине.

— Кажется... — Она вздохнула, потерла ладошками побледневшие щеки. — А жаль! Мне так хотелось взглянуть на величайший из храмов Митры... вымолить прощение для тебя... и еще... еще... — Голос ее стих, но губы беззвучно шевелились. Глядя в ее ясные серые глаза, Конан разобрал лишь одно слово — милый; он потянулся к девушке, чтобы обнять и успокоить ее. Нет, не успокоить — Рина, Ученица, владеющая Силой, была спокойна перед лицом смерти! Значит, ему оставалось лишь обнять и приласкать ее, сделать то, что он давно хотел.

Конан протянул к девушке руки, но вдруг зрачки ее расширились — она глядела на что-то за его спиной,

полуоткрыв в удивлении рот. Киммериец еще не успел обернуться, как твари, облепившие сверху цветов, загомонили, завизжали и серой тучей ринулись в сторону. Огромная сфера дрогнула, выпрямилась, и спуск вновь стал ровным и плавным.

— Ко-нан, смо-три... — медленно, по слогам произнесла Рина, не в силах справиться с изумлением.

Он повернул голову. В белой сияющей стене разверзлась гигантская пещера, и цветок с торжественной неторопливостью плыл прямо к ней.

Глава 26. Храм

Рина, тихо вздыхая, лежала в его объятиях, закинув обнаженную руку Конану на шею. Во сне туника девушки сбилась, открыв округлые колени и бархатную поверхность бедра, но киммериец глядел на юную и чистую ее прелесть без привычного вожделения. Теперь, спустя долгие дни, проведенные вместе, она уже не казалась Конану недостижимым существом, неприкосновенной служительницей Митры, чьи тело и душа посвящены одной лишь божественной цели. Чудесным образом она вдруг превратилась в женщину, стала дорога ему, но то, что он чувствовал сейчас, нельзя было выразить грубым и плотским словом. Вожделение? Нет... Любовь? Тоже вряд ли... Он был слишком тверд, слишком силен и неукротим, чтобы любить женщину — ибо любовь предполагает самопожертвование. Нежность? Да, это было ближе всего к истине.

Они лежали в большой пещере с высоким куполом — там, где их сморил сон; неподалеку от входного отверстия плавно колыбалась карминовая сфера цветка, и пол под ними казался не каменно-жестким и холодным, а теплым и упругим, словно исполин, приютивший их в крохотной складочке своей необозримой плоти, хотел согреть и убавлять неожиданных гостей. Конан заметил, что стены тут светятся сильнее, чем внешняя поверхность утеса. Струившийся из пещеры поток ярких серебристых лучей вырывался наружу, пронзая тьму на другой стороне пропасти, и исчезал во мраке. Вероятно, этот свет и отпугнул вчера гарпий, либо они вообще боялись коснуться тела гиганта; как бы то ни было, мерзкие порождения Нергала исчезли, и ничто не мешало продолжить путь.

Конан пошевелился, и Рина раскрыла глаза. Увидев, что девушка проснулась, он осторожно снял с шеи ее ладонь и сел, приглаживая растрепанную гриву темных волос; потом сунул руку за пояс, вытащил сосудик с арсацией и вдохнул бальзам. Драгоценного вендийского снадобья оставалось совсем немного — лишь на доньшке фляги шуршали последние крупинки.

— Я поняла, — вдруг раздался голос Рины, — поняла, почему мне не удавалось рассмотреть все это... — Она тоже села, плавным жестом обеих рук словно охватив огромную пещеру.

— Ты говоришь о своем предвидении? О том, что оно отказало на сей раз?

— Да. Мне был послан сон... вещий сон...

Конан, не прерывая ее, вопросительно приподнял бровь, но Рина покачала головой.

— Я не буду его пересказывать. Просто я поняла, что мне доступно, и что — нет... Понимаешь, я могу предвидеть действия людей — обычных людей, таких, как мы с тобой, — она улыбнулась и, приподнявшись, оправила тунику. — Но кто способен угадать намерения бога? Мечтать об этом было бы слишком самонадеянно и грешно.

— Значит, ты думаешь, что Первосотворенный помог нам по прямому повелению Митры?

— Уверена в том. Мой сон...

Конан вдруг расхохотался, откинув голову и обнажив белые крупные зубы.

— А я считаю, что Митра и не думал нас спасать, — заявил он. — Если помнишь, вчера я пару раз пощекотал гиганта железным крюком... Вот он и проснулся!

— Ты можешь считать так, если хочешь, но я-то знаю истину! — Гибким движением Рина поднялась на ноги и начала развязывать свой мешок. — Поедим?

— Конечно. Что у нас осталось?

У них было еще немного мяса и сушеных фруктов, комок засахарившегося меда в тряпице и три окаменевшие лепешки. Вполне приличная трапеза для непритязательных людей. Конан, пережевывая размоченный в воде кусок хлеба, размышлял, найдется ли внизу какая-то пища. Впрочем, он скоро оставил мысли о еде; до великого храма Митры было рукой подать, и киммериец погрузился в размышления о том, что ожидает его в святилище. Простит ли его бог? Или наложит новую кару, еще тяжелее прежней?

Он вздохнул и, покончив с лепешкой, подошел к шару. Огромный цветок по-прежнему пламенел яркими красками и, кроме нескольких застывших дорожек сока, ничто не напоминало о вчерашнем нападении. Конан подумал, что когти и зубы серых тварей не успели глубоко проникнуть в плоть цветка и повредить его; погладив плотную кожистую оболочку, он повернулся к Рине.

— Клянусь Кромом! Этот парень вовремя решил подышать!

Рина, возившаяся с мешком, подняла на него удивленный взгляд.

— О ком ты говоришь, Конан?

Киммериец топнул ногой об пол.

— О нем, конечно! Вчера, когда эти серые ублюдки терзали шар, он пробудился и решил нам помочь. А может, просто глубоко вздохнул спросонья... Вздохнул, понимаешь? И порыв ветра затащил цветок в пещеру.

— Он не только вздохнул, — возразила девушка. — В стене не было никакого отверстия, никакой пещеры... Не было, и вдруг появилась! Я сама видела! И мой сон...

— Ладно, — прервал ее Конан, — волей Митры или по милости Первосотворенного, но мы спаслись! Не будем же спорить, кто из них нам больше помог. Забирайся в корзину!

Он передал девушке оружие и поклажу, снова привязав мешки к толстым нижним стеблям, затем потянул шар к выходному отверстию. Несмотря на груз, цветок казался легким, точно пушинка; Конан протолкнул его наружу и быстро протиснулся меж переплетающихся стеблей. Он хотел было оттолкнуться от скалы, но вход в пещеру вдруг с резким звуком захлопнулся, и поток теплого воздуха отбросил сферу к середине провала. Одновременно с этим исчезло и яркое сияние, исходившее раньше из отверстия.

Устроившись на мешке, Конан озабоченно посмотрел вверх, потом перевел взгляд на Рину. Лицо девушки хранило выражение безмятежного спокойствия.

— Ну, что говорит твой вещий дар? Эти серые твари не вернутся?

— Нет, милый. Мы спокойно опустимся на самое дно, а там... — Она замолчала.

— А там? — спросил Конан.

Рина таинственно улыбнулась.

— Там случится то, что должно случиться.

Киммериец кивнул, сообразив, что более точных предсказаний ждать нечего. Ему почудилось, что Рина что-то скрывает, но вряд ли настояния и просьбы могли заставить ее разговаривать. Что ж, ждать ему оставалось не так долго! Шар опускался вниз, туман, затягивавший дно пропасти, постепенно редел, и доносившееся оттуда погромыхивание становилось все громче и громче. Он перевел глаза на белую стену.

Вид скалы изменился; теперь она спадала в бездну мощными вертикальными складками, округлыми и выпуклыми, словно мышцы гигантского бедра. Где-то далеко внизу Конан различил чудовищных размеров выступ, подобно шару выпирающий из поверхности белой стены; он был так огромен, что даже вулкан Учителя не мог соперничать с ним.

— Колено... — В ошеломлении пробормотал киммериец, чувствуя себя крохотной мошкой, порхающей у тела исполина.

— Храм стоит у коленей Первосотворенных, — эхом отозвалась Рина. — Так сказал наставник.

Они продолжали спускаться, прислушиваясь к доносившимся снизу громовым раскатам. Мгла, скрывавшая дно пропасти, совсем разошлась, открыв взгляду багровый поток, струившийся меж каменных берегов. От него веяло палящим жаром, и вскоре Конан понял, что видит реку раскаленной лавы. По обе ее стороны высились темные скалы, валуны и гигантские каменные плиты, стоявшие торчком; то и дело какая-нибудь из них с громким всплеском рушилась в поток, стремительно уносивший ее в черное отверстие рядом с беломраморным коленом исполина. Эти каменные плиты, кружившиеся на раскаленной поверхности, сталкивались и раскалывались на части, производя тот самый грохот и шум, что долетал до путников.

— Погляди! — Конан вытянул руку вниз, показывая на чудовищный округлый выступ. — Видишь? Его ноги уходят в землю, еще глубже... Хотел бы я знать, на что опираются ступни этого парня!

— Храм стоит у коленей Первосотворенных, — повторила Рина. — Благодарю Митру, что мы добрались хотя бы до них.

— Но пока я не вижу никакого святилища, а оно должно быть огромным! — киммериец, осматривая простирившуюся внизу каменистую равнину, завертел голо-

вой. — И этот огненный поток... На каком берегу нам лучше приземлиться? Если мы ошибемся, то перебраться потом через реку лавы будет нелегко!

— Мы коснемся земли там, где нужно, — с уверенностью заявила Рина. — А если ты хочешь увидеть храм... Вот, смотри! — Она внезапно вытянула руку, и Конан, обратив туда взгляд, прижмурил веки. На горизонте, в стороне от огненной реки, разгоралось ослепительное пламя. Он видел только его и ничего больше — ни беломраморных стен, ни колонн в тысячи локтей высоты, ни свода, подобного куполу небес; одно лишь сверкающее радужное зарево, струившееся и колыхавшееся, словно северное сияние. Но было оно в десятки раз ярче.

Киммериец судорожно вздохнул. Все правильно; разумеется, световая завеса скрывает храм, посвященный солнечному богу! Или то горит неугасимым огнем его священный алтарь? Что ж, скоро он все узнает...

Легкий ветер относил цветок в сторону от лавовой реки, от опаляющего жара расплавленного камня, от духоты сернистых испарений. Земля приближалась; огромный карминово-красный шар с каймой треугольных алых лепестков парил над ней подобно восходящему солнцу. Огненный поток остался где-то за спинами путников, справа исполинским белым утесом высились застывшая в каменном сне фигура Первосотворенного, необозримая и величественная, как самый большой из горных пиков верхнего мира; впереди сиял храм. Взгляд Конана обратился налево. Там бескрайнее пространство уходило в пепельную мутноватую мглу, при виде которой киммерийца пробрала холодная дрожь; каким-то шестым чувством он понял, что разглядывает нечто недоступное для смертных — во всяком случае, до тех пор, пока они живы. Серые Равнины, царство мертвых! Может быть, не сами Равнины, но их преддверие... Содрогнувшись, он отвернулся и больше не смотрел в ту сторону.

Цветок коснулся земли, и Рина, проскользнув меж стеблями, сошла на каменистое поле, засыпанное щебнем и остроконечными обломками. Конан освободил груз, потом вышел сам, торопливо пристегивая портупею с мечами. Арбалет он бросил — стрел не осталось ни одной. Вероятно, не стоило искать на этой равнине трупы серых чудищ, чтобы извлечь из них стрелы и метательные диски, ибо убитые твари, скорее всего, свалились прямоком в лавовый поток. Теперь у путников оставались

только два меча, дротик, кинжал Рины да засапожный нож Конана.

Взвалив на плечи отощавшие мешки, они в молчании направились к сияющему мареву, что искрилось и трепетало на горизонте. Почва была по-прежнему сухой и скудной, и киммериец, ковырнув ее носком сапога, заметил:

— Земля словно в проклятом Ариме... Плохое место!

Рина пожала плечами.

— Не хуже любого другого, милый. Главное, что мы добрались сюда.

— Я не о нас. Цветок и плод, который в нем... Как он приживется на такой почве?

— Это не простое семя, — сказала Рина. — Огромно дерево, взрастившее его, и огромна сила жизни, что таится в нем... Я думаю, оно способно прорасти даже в камне.

Да будет Митра ему защитой, закончил Конан про себя. Он шел, вздымая крохотные облачка пыли и мелкого щебня, и думал о том, что пройдет время, и у коленей Первосотворенного проклянется пурпурный стебелек. Он будет тянуться вверх, раздаваться вширь, купаясь в серебристом сиянии, что исходит от тела исполина; он будет расти, пока не заполнит переплетением ветвей и листьев всю огромную пропасть, не вознесется над ней — такой же могучий, как окаменевший гигант. Он встанет рядом с ним, равный с равным — и, быть может, боги когда-нибудь откроют людям, кто посадил это дерево в земных глубинах...

Усмехнувшись, киммериец взглянул назад, на красную точку, что мерцала далеко позади, и махнул рукой. Кром! Когда настанет его срок идти на Серые Равнины, он поглядит на это дерево — лет через сорок или пятьдесят. Хорошо бы не раньше...

Характер местности изменился — появились холмы. Они были пологими, с осыпавшимися склонами, из которых торчали гигантские кости. Осматриваясь по сторонам, киммериец видел то напоминавшие чудовищную клетку ребра, то разверстую пасть с искрошившимися клыками, то гребень из треугольных пластин или рог, доходивший ему до пояса, то позвонки изогнутого хвоста и окаменевшие огромные лапы с загнутыми когтями. Эти монстры некогда обладали титаническими размерами, и оставалось лишь удивляться мудрости Митры, который

уничтожил их и погрузил в глубины земли еще до того, как первый человек вдохнул воздух на ее поверхности. Даже лицезрение этих древних останков устрашало; против этих чудищ меч, копье и стрела значили не больше, чем ведро воды в сравнении с лесным пожаром.

— Кладбище... — пробормотал Конан, угрюмо озирая склоны холмов.

— Могильник, — каштановая головка Рины согласно склонилась. — Похоже, этих тварей загнали сюда и засыпали камнями и землей, завалили на веки вечные, чтобы они сгнили тут до самых костей.

— Хотел бы я знать, кому такое по силам!

— Кому? Ты еще спрашиваешь? Оглянись, милый!

— Ты думаешь, это сделали гиганты? — произнес Конан, помолчав.

— Наверняка. Учитель рассказывал, что они, по воле Митры, очищали верхний мир от всякой пакости — перед тем, как появились люди.

Киммериец мрачно покосился на очередной исполинский череп, скаливший в усмешке истертые зубы. Рядом с ними клыки Рогача Кро'вара, висевшие на груди Рины, выглядели детской игрушкой; в пасть этого чудища без труда провалилась бы целая повозка с четверкой волов. Конан ожесточенно сплюнул.

— Не понимаю, зачем нужно было творить всяких ублюдков, а потом чистить от них землю, — буркнул он. — Или Митра просто играл? Шалил, как капризное дитя?

— Не богохульствуй в преддверье Его храма, — Рина подняла руку. — Не богохульствуй, милый, а то как бы Он тебе этого не припомнил... Я думаю, — добавила она после паузы, — что Пресветлый не создавал этих чудовищ. Не Он один наделен творящей силой; есть еще и Сет, и Нергал, и другие божества. Митра сотворил мир, благих гигантов и нас, грешных людей... Должен ли Он отвечать за мерзости злобных богов, выпустивших в Его мир подобных тварей?

— Хмм... не знаю, — Конан неуверенно поджал губы. — Во всяком случае, гиганты прикончили их по приказу Митры, и то хорошо. Но стоило ли сваливать все эти древние кости вблизи святилища?

— Это свидетельство Его мощи, — понизив голос, сказала Рина; потом рука ее протянулась влево, к затянутому

пепельной дымкой горизонту, и девушка совсем уж тихо прошептала: — Ты догадываешься, что там такое?

Киммериец кивнул.

— Серые Равнины, я полагаю.

— Да, Серые Равнины... А где-то рядом — обитель Нергала, в которой могут таиться такие же страшные чудища, какие захоронены в этих холмах. И кладбище, по которому мы идем — предостережение для них.

— Боюсь, если они снова вылезут на свет, Митре самому придется иметь с ними дело, — заметил Конан после недолгого раздумья.

— Почему ты так решил?

— Гиганты теперь заняты, держат землю. А новых исполинов Митра не сотворил... Кто же будет биться с чудовищами?

Рина вдруг выпрямилась во весь свой небольшой рост, и глаза ее гордо сверкнули.

— Как кто?! Мы, Ученики!

Внезапно развеселившись, Конан похлопал ее по плечу. Пожалуй, Рагар и Фарал Серый могли бы счесть подобных тварей, а хитроумный Лайтлбро, Маленький Брат, придумал бы, как и куда их заманить, чтобы приклоннуть скалой, утопить в воде или спалить огнем — как того монстра в ущелье Адр-Каун. Но Рина... Палящие молнии Митры оставались неподвластными ей, и в душе ее не было коварства — той хитрости, без которой не подстроить ловушку врагу. Он не сказал этого вслух, не желая обижать девушку. Все-таки, как и Фарал, Рагар и Лайтлбро, она была бойцом Митры и владела частицей божественной Силы, хотя дар ее служил скорей жизни, чем уничтожению и смерти. Да, она определенно родилась на свет бойцом, отважным бойцом, и недавняя схватка с серыми тварями доказывала это! Пусть ее руки метали не молнии, но сталь — результат был тем же самым!

Однако ее тонкая и гибкая фигурка казалась такой крохотной рядом с чудовищными порождениями Нергала... Любая из этих тварей могла рассечь ее тело одним движением челюстей, раздавить, не заметив... И Конан, с внезапным страхом за девушку, подумал, что на земле и сейчас встречаются не менее жуткие монстры, инкубы, демоны и ожившие мертвецы, коих посылают в мир злобные боги или злое чародейство черных магов. Он сражался с ними, и он их побеждал — своими руками и мечом, без помощи Митры, Аримана, Крома или иного

божества, ибо был от природы силен, жесток и хитер. Но Рина... Сероглазая Рина с каштановыми кудрями умела лечить, умела предсказывать будущее, умела метать стальные диски... Что еще?

И, глядя на костяки чудовищных тварей, на их черепа с огромными клыками, на угрожающе выставленные когти, Конан, варвар из Киммерии, великий воин и будущий великий король, взмолился: Он просил не за себя и сделал это не вслух, а молча, справедливо полагая, что бог услышит его, коли захочет. Молитва же его была простой: «Пресветлый, прежде, чем ты пошлешь эту девушку в битву, вооружи ее! Вооружи достойно! Дай ей то, что отнял у меня!»

Он мысленно повторял эти слова, пока холмы с россыпями костей не закончились. Когда же они с Риной, миновав последний поворот, покинули лабиринт узких ущелий и обрывистых каньонов, все молитвы выскочили у Конана из головы. Потрясенный, он замер, застыл, на миг лишившись дара речи, не слыша ни восторженных вздохов Рины, ни тихого шелеста листвы, ни плеска родниковых струй. Контраст между оставшимися позади мрачными могильниками и картиной, что открылась перед ним сейчас, был слишком силен и повергал в шок; кому бы пришло в голову, что за огненным потоком лавы, за бесплодной равниной и чудовищным кладбищем лежит рай?

Знакомый рай, отметил Конан спустя несколько мгновений. Определенно, он узнавал прихотливые извивы дорожек в этом зеленом саду; нечто знакомое чувствовалось и в расположении деревьев. Он видел яблони, густые и раскидистые, что росли на небольшом холме в центре сада, обрамляя его вершину тремя широкими концентрическими окружностями; в их благоуханном кольце был заключен треугольник из персиковых и абрикосовых деревьев. Неподалеку высились дубы и буки, и темные их кроны очерчивали плавно изогнутую фигуру, напоминавшую Конану рассеченный сверху донизу бокал; самый мощный из дубов, настоящий гигант со стволом, который не смогли бы обхватить и трое мужчин, рос внутри этого незамкнутого овала. Левее тянулись вверх золотистые столбы сосен и кедров, оттененные седым изумрудом асгардских елей; оттуда тянуло пронзительным и чистым запахом смолы и хвои. Между соснами и линией дубов находилась беседка, увитая виноградной лозой, толстой,

высокой и обильно плодоносящей: прозрачно-зеленые и густо-фиолетовые гроздья величиной с человеческую голову свешивались вниз, прямо к полу из гладких кедровых досок.

Еще он заметил родник и небольшое озеро, за которым красовалась пара исполинских деревьев, вчетверо или впятеро выше самых огромных сосен; они застыли в прозрачном воздухе словно две чудовищные колонны, и мощные ветви бросали тень на серебристую водную поверхность. Секвайны, Стражи Неба, как называл их наставник! Секвайны, что росли в верхнем мире в какой-то далекой и таинственной земле, лежавшей за просторами Западного океана!

— Сад Учителя! — потрясенно выдохнула Рина.

— Сад Митры, — поправил ее Конан. Он уже сообразил, что тут не было полного сходства: расстилавшийся перед ними зеленый оазис казался больше; родник — полноводнее, озеро — шире, и на поляне у яблоневого холма он не видел пчелиных ульев, хотя мерное гудение насекомых долетало до его ушей.

Но главное было не в том. За зеленой стеной деревьев, ласкавшей глаз после пурпурных и алых красок нижнего мира, вздымались беломраморные стены, украшенные циклопическими колоннами; они тянулись вверх, вверх и вверх, полускрытые мерцающей радужной дымкой, вуалью, наброшенной на гладкие камни храма, что царил над садом и холмами подобно рукотворной горе. Ни Конан, ни Рина не могли разглядеть его кровли, тонувшей в серебристом сиянии, но вход — огромная арка, венчавшая невысокую лестницу — находился прямо перед ними. К ступеням и арке вела дорожка, обсаженная по краям цветущим кустарником; гроздья мелких голубых и сиреневых цветов напоминали об ароматах весны.

— Пойдем? — Конан прикоснулся к плечу девушки, но она, не двигаясь с места, точно в забытии шептала:

— Сверкающий алтарь, подобный ограненному бриллианту... колонны в тысячи локтей... стены, уходящие ввысь... купол, вознесенный над ними, словно небесный свод...

— Пойдем! — Сильные пальцы киммерийца стиснули плечо Рины, и она очнулась.

— Нет, подожди! Сначала — к роднику, к озеру... Надо умыться и отдохнуть.

— Разве ты устала?

— Я — нет! — Девушка раскинула руки, впитывая исходивший от святилища поток энергии. — Но ты устал и голоден... и, к тому же, нельзя входить в обитель бога без омовения. Видишь, все, что нужно — перед нами... вода, и плоды, и мягкая трава, чтобы можно было отдохнуть...

Она уже шла к роднику, струившему хрустальные воды в озеро, и Конан, с наслаждением вдохнув ароматный воздух, двинулся следом. Зеленые тенистые кроны сомкнулись над ним, и на мгновение он почувствовал острую и тяжкую тоску по лесам верхнего мира, по заснеженным горам Киммерии, диким и просторным гирканским степям, что протянулись от берегов моря Вилайет до самых кхитайских пределов, по необозримым могучим океанам, чьи волны в бесконечном кружении омывали скалы Севера и пески Юга. Увидит ли он снова красоту земли и торжествующий блеск солнца? Кара Митры могла быть слишком тяжела...

Но хотя Конан не хотел оттягивать ее, сейчас он подчинился желаниям Рины. Разумеется, она была права: в обитель бога нельзя входить покрытым дорожной пылью, с мыслями о пустом желудке и ноющих после долгого пути ногах. А потому он сбросил в густую траву свой мешок, свои мечи, свой пояс с опустевшим бронзовым флакончиком, свою тунику и сапоги; сбросил все и нырнул в озеро, отдавшись ласке прохладных струй.

* * *

Время сна они провели в беседке, увитой лозой, расстелив плащи на полу из кедровых досок. Запасы еды кончились, но среди цветущих деревьев нельзя было остаться голодным; они набрали целую гору персиков, яблок и сладкого инжира, виноград же был рядом — стоило только протянуть руку.

Сон освежил Конана, трапеза придала ему сил. Натягивая чистую тунику, он думал о множестве вещей сразу: о том, что кончился порошок арсаи, словно отмеренный рукой судьбы; об испытании, которому вскоре подвергнет его бог; о своей вчерашней просьбе, о молчаливой молитве даровать Рине то, что было отнято у него. Еще он размышлял об Учителе и сделанном им пророчестве, сулившем славное и великое грядущее; вспоминал и о том чернобородом колесничем из Дамаста, что отправился на

Серые Равнины с последним ударом его меча. Он не жалел о содеянном — ни раньше, ни теперь. Он нарушил клятву и понес кару; возможно, теперь его ждет и более жестокое наказание, чем рукоять ворота и участь раба на жарком плоскогорье Арим. Что ж, он готов! Готов на все, лишь бы вернуть свою душу и свою свободу. Свободу убивать и миловать того, кого он хочет, свободу от божественных даров, божественной воли и предназначений!

Безоружными, в торжественном молчании они двинулись к невысокой лестнице, что вела к арке. В ней было двенадцать ступеней, настолько широких, что по каждой свободно проехала бы четверка колесниц; и каждую украшали огромные каменные изваяния. То были статуи Первосотворенных, сражавших голыми руками ужасных чудищ — видимо, тех самых, чьи кости покоились в холмах. Грозные лица мраморных гигантов застыли в холодном спокойствии, на них читались отвага и несокрушимая уверенность в собственных силах; мерзкие же твари, коим они ломали хребты и раздирали пасти, казались символом злобной ярости. Конан заметил, что исполины были нагими, и лишь волосы каждого охватывал обруч с высеченным посередине крестом — древним знаком Митры.

Они двинулись к стрельчатым вратам, с каждым шагом все больше и больше погружаясь в радужное сияние, что невесомой завесой окутывало святилище. В этом мерцающем мареве стены и выступавшие из них цилиндрические колонны выглядели зыбкими, словно мираж пустыни; Конану так и не удалось разглядеть, где кончается фасад храма и сколь высоки его своды. Гигантское сооружение нависало над садом, что тихо дремал внизу, и казалось, что белая гора, укутанная в цветную дымку, нежит у своей подошвы крохотный зеленый оазис. Это выглядело до боли знакомым, похожим на обитель Учителя — только здесь вместо вулканического конуса вздымалась вверх громада святилища, а вход в пещеру заменяла высокая стрельчатая арка. Над ней тоже был высечен знак креста — на фоне пылающего солнца.

У порога киммериец невольно замедлил шаги, вглядываясь в широкий проход, залитый ослепительным сиянием. Что ожидало его в этом храме? Прощение или кара, свобода или тяжкая служба, жизнь или смерть? Смерть... Несмотря на светлое великолепие храма, он

ощущал ее дыхание на своем лице: Серые Равнины были близко.

Рина потянула его за руку, и Конан переступил порог. За недлинным коридором простирался зал, необозримый, словно вечность, наполненный живительными струями Силы; Конан, даже лишенный былого чутья, ощущал сейчас ее мощные и освежающие потоки. Воздух тут был свежим и находился в непрестанном движении — в лицо веяло то ароматом горных снегов, то острыми запахами морского побережья или цветущей степи. Глубоко вздохнув, киммериец склонил голову, потом выпрямился и бросил взгляд в безмерную даль святилища.

Можно ли было назвать то, что он видел, залом? Слова, обозначающие творения рук человеческих, казались жалкими и бессильными, ибо нигде, ни в храмах Аквилонии и Турана, ни в башнях Заморы, ни в зиккурах Дамаста, ни в подземных камерах стигийских пирамид, не ощущалось подобного простора и величия, такой титанической мощи и сладостного покоя. Да, это было истинное святилище Митры, единственное и неповторимое! И зал, лежавший сейчас перед Конаном, служил вместилищем мира — многих миров, нижнего и верхнего, астрального и подземного; пределы его охватывали вселенную, в которой обитали боги и люди.

Почувствовав, что у него кружится голова, киммериец отвел взгляд от леса стройных колонн, тянувшихся вверх, от радужного мерцания меж ними, за которым чудились необозримые дали; теперь он глядел только вперед, пытаясь сосредоточиться на источнике света и Силы, что омывала его плоть мощными потоками. Они с Риной шли торжественно и неторопливо, но источник этот приближался со сказочной быстротой; казалось, каждый их шаг равен полету стрелы и соизмерим с гигантским пространством храма.

Внезапно Конан понял, что рука девушки ищет его руку; горячие пальцы Риной нырнули ему в ладонь и угнездились там, подрагивая, словно трепещущий птенец. Он сжал их, благодарный за эту молчаливую поддержку. Тут, в гигантском святилище, оба они были равны, оба казались ничтожными пылинками перед ликом всемогущего божества: и он, виноватый, и Рина, за которой не числилось никаких грехов.

Средоточие Силы и света приближалось, обретая зримые черты. Огромный многогранный кристалл, прозрач-

ный и сияющий, парил в воздухе, точно восходящее солнце; его окутывала радужная дымка, струившаяся вверх и вниз, во все стороны, исчезающая между колонн, тянувшаяся нитями многокрасочных лучей к далекому входу. Цвета переливались, переходили друг в друга, не смешиваясь и сохраняя свою чистоту; пурпурный перетекал в алый, алый — в оранжевый и золотисто-желтый, который превращался в зелень свежей травы, потом — в изумрудный блеск, в сияние голубого неба, в синие и фиолетовые краски заката. Позади кристалла жемчужно-серым фоном колебалась и подрагивала туманная завеса.

— Алтарь... — с благоговением прошептала Рина, нарушив торжественную тишину. — Его алтарь, сверкающий, словно бриллиант... — Она выпустила руку Конана и подтолкнула его вперед. — Иди, милый! И пусть Он будет милосерден к тебе!

Девушка опустилась на колени, протянула вперед руки с раскрытыми ладонями и замерла. Конан шагнул к алтарю. Огромный кристалл светился в вышине, равнодушный и недостижимый, словно звезда.

— Я пришел, о Митра!

Молчание. Мертвая тишина, холодный слепящий блеск алтаря, мерное подрагивание серой завесы за ним...

Конан опустился на колени, склонил голову.

— Я пришел, великий бог, — глухо пробормотал он. — Я пришел, чтобы молить о прощении и принять Твою кару.

Ни звука, ни шороха в ответ. Алтарь, парящий в воздухе, казался застывшей глыбой льда, и кроме нее тут не было ничего — ни цветов, ни дымящихся курильниц, ни статуй божества. Лишь свет, яркий, ослепительный и безжалостный, окружал гигантский камень, словно подерживая его в пустоте. Свет, сияние, мощь... Сущность Подателя Жизни...

— Верни мне душу, Великий, — хрипло выдохнул Конан. — Верни мне разум и память! Назначь кару!

Снова тишина. В необозримой дали маячат чудовищные колонны, шеренги белоснежных столпов, подобные горному хребту; где-то над ними — свод, парящий в вышине, скрытый серебристым туманом... Жемчужно-серая завеса чуть трепещет — словно бы в такт дыханию неведомого исполина, спрятавшегося за ней...

— Накажи меня, Пресветлый! Накажи и освободи от обета! Позволь жить по собственной воле и разумению!

Безмолвие и блеск. Лишь в воздухе плывут такие знакомые и сладостные ароматы верхнего мира — запахи цветущего сада и свежих хрустальных вод, ледяных вершин, южного моря и степного ковыля, опаленного солнцем...

— Дай мне знак, Митра! Какой подвиг во имя Твое я должен совершить? Чем искуплю я убийство молившего о пощаде? — Конан поднял голову, всматриваясь в сияющий алтарь. — Я не стану лгать — я не жалею о содеянном. Но я виновен в том, что принял Твой дар и клятву. Так покарай же меня!

Молчание — глубокое, безмерное, равнодушное.

«Кром! — подумал Конан. — Он издевается надо мной, этот Митра, бог теплых стран и слабых духом людей! Чего он хочет — чтобы я сам назначил наказание? Кром... Да, Кром давно решил бы дело — или раздавил меня как муравья, или отпустил бы с миром».

Нахмутив брови, он поднялся с колен, гордо расправил плечи и протянул руку вверх, к алтарю.

— Ты хочешь взять мою жизнь за жизнь того колесничего из Дамаста? Так возьми ее! Я не боюсь!

Теперь он не молил, не просил — он требовал, и мощный его голос, раскатившись в пустоте окружающей пространства, вернулся гулким и грозным эхом: «Возьми — зьми — зьми — ми — ми... Не боюсь — юсь — юсь...» Отголоски этого рева прозвучали так, как будто сам Митра передразнивал дерзкого пришельца.

И не успело эхо замолкнуть, как бог ответил.

В сияющих глубинах алтаря зародилась яркая точка; потом она вспыхнула на мгновение ослепительным светом, заставив Конана зажмуриться. Киммериец еще успел заметить синеватую беззвучную молнию, метнувшуюся вниз, прямо к нему, и подумал: все, конец! Конец! Сейчас смертоносное огненное копье ударит в грудь, сожжет, испепелит... Неужели пророчество Учителя было ложным? И вместо великой судьбы его ждут вечные скитания по Серым Равнинам?

Через ничтожный миг он понял, что остался жив, и приоткрыл глаза. Струя синеватого света скользнула мимо, упав на преклонившую колени девушку; ее гибкая фигурка была залита призрачным сиянием, на вытянутых вперед руках играли пламенные всполохи, каштановые волосы поднялись, распушились, окружая побледневшее лицо широким ореолом. Она словно бы горела,

не сгорая; и эта картина так поразила Конана, что некоторое время он не мог двинуться с места.

Затем с диким ревом киммериец бросился к Рине.

Митра! Проклятый хитрец! Он покарал его, ударил там, где больней всего! Теперь за гибель чернобородого мерзавца из Дамаста расплачивается безвинный — несчастная девушка, на горе напросившаяся ему в спутницы! Где же твоя справедливость, светлый бог? Ты уничтожаешь верную свою служительницу, караешь ее смертью чужой грех... О, Митра, Светоносный Владыка! Ты хуже Нергала, коварней Сета и более жестокосерд, чем Имир!

Синеватый луч погас, и произнесенные проклятия застыли на губах Конана. В храме по-прежнему царила тишина, алтарь светился и сиял над головой, жемчужно-серая завеса позади него чуть подрагивала, колеблемая неощутимым ветром. Безмолвие, блеск, аромат сосновой хвои, потом — нежный запах сирени, словно проникший сюда из сада...

Рина, пошатываясь, встала, и киммериец поспешил поддержать девушку, с тревогой заглядывая ей в лицо. Она казалась бледной, но краски жизни быстро возвращались к ней: зарозовели щеки, губы налились алым, в топазовой глубине зрачков сверкнули знакомые огоньки, задорные и лукавые. Опираясь на руку Конана, Рина сделала шаг, другой, словно пробуя свои силы, потом выпрямилась и глубоко вздохнула.

— Что с тобой? — Конан все еще боялся отпустить ее.

— Я в порядке. — Она улыбнулась ему — как-то поновому, по-женски, призывно и маняще. — Нам надо идти, милый. Бог отпускает нас.

— Тебя — возможно. А куда мне идти? Я не получил ни кары, ни прощения, ни знака Его воли...

— Зато я получила. — На ее губах все еще играла улыбка, глаза расширились и засияли, словно крохотные частички алтаря, озарявшего светом и Силой огромный храм. — Как ты думаешь, почему я отправилась к храму Митры? И почему наставник согласился с моим желанием, не счел его капризом? Ведь это он велел тебе взять меня с собой, так?

Конан молча кивнул, шагая к выходу. Рука его лежала на талии Рины, колонны святилища мелькали слева и справа от них, сливаясь в сияющий хоровод.

— Мне было видение, — многозначительно произнесла девушка. — Там, на склоне вулкана, у пещеры Учителя. И я думаю, он видел тоже, потому и послал меня с тобой.

— Видение? Какое видение? — Киммериец скосил глаз, заметив, что щеки девушки окрасились румянцем.

— Ну, во-первых, я поняла, что пригожусь тебе... через меня Митра желал возвестить свою волю... А во-вторых... — она замаялась, — во-вторых, мне предназначались некие дары... Тут, в храме, и в саду...

Насчет даров Конан слушал в пол-уха; сейчас воля Митры интересовала его гораздо больше. Простил его бог или нет? Какой знак получила Рина? Он терялся в догадках.

— Значит, Пресветлый ответит мне твоими устами? И когда же? Теперь? Или будет томить годы и годы?

— Не спеши, — ладошка Рины коснулась его губ. — Боги не любят суеты... Тебе следует проявить терпение.

— И все же — прощен ли я? Вендийское зелье закончилось...

— Прощен ли? Это зависит от твоей покорности предначертанному судьбой, милый.

— Покорности! — Конан яростно фыркнул. — Я не собираюсь покорствоваться! Никому — ни богам, ни судьбе! Девушка улыбнулась.

— Прости, мои слова разгневали тебя... Но слова — это только слова, суть же заключается в другом. Тебе предстоит совершить некие деяния — и в далеком будущем, и в самом скором времени; ты и должен их совершить. Вот и все.

Они миновали коридор и вышли к широкой лестнице с изваяниями гигантов, побеждающих чудовищ. Ступени вели вниз, к дорожке, обсаженной сиреневыми кустами; из входной арки на них изливался поток радужных лучей, словно подталкивая Конана в спину. Загадочное дело, думал он, следуя за Риной. Бог не ответил ни на его мольбы, ни на дерзости, ни на прямой вызов; Митра вообще не захотел говорить с ним, избрав своей поверенной юную ведьму с Жемчужных островов. Но если так, в чем же смысл всего тяжелого путешествия в нижний мир? И кто был в нем главным? Рина ли сопровождала его, или он — Рину? Возможно, именно ее Митра желал лицезреть в своем храме, дабы укрепить Силу и преданность своей служительницы... И тогда он, Конан, всего лишь спутник, доставивший избранную Ученицу в свя-

тилище... Не эту ли службу Митра собирается зачесть ему во искупление греха?

Что ж, это было бы только справедливо! Путь в нижний мир тяжел и опасен, и ему пришлось не раз защищать Рину, рискуя жизнью... И он всегда относился к ней с приятностью и уважением... ну, почти всегда — если не считать того случая, когда они нанюхались наркотических цвегов. Теперь же, вероятно, ему надлежит сопроводить Рину наверх, что тоже является нелегкой задачей. И чтобы он мог исполнить ее, Митра вернет ему разум и память... Наверняка вернет! Ведь порошок арсайн закончился!

В душе Конана затрепетала надежда. Если бы так случилось, подумал он, то путь наверх стал бы дорогой в рай. Он поднял бы туда Рину на руках! А что потом? Они с Митрой будут в расчете? Весьма вероятно... да, весьма вероятно!

Но почему бы Рине не сказать об этом прямо? Зачем она толковала о деяниях, которые предстоит совершить в будущем? В далеком будущем и в самом скором времени?

Внезапно Конан вздрогнул от странного предчувствия и замедлил шаги, окидывая подозрительным взглядом кусты сирени, увитую виноградной лозой беседку, тропу, ведущую к роднику, густые кроны дубов и яблонь, что высились вдалеке.

В самом скором времени! Голос Рины набатом прозвучал у него в голове. Если он всего лишь спутник юной провидицы, то слова эти означали, что в самом скором времени ему придется защищать девушку от неведомой угрозы. Возможно, опасность подстерегает их прямо здесь, в этом прекрасном саду... А он даже не взял с собой мечей!

Схватив Рину за руку, он потащил ее к беседке, где осталось их имущество. Девушка с удивлением посмотрела на него.

— Куда ты так торопишься? У нас еще много времени, милый.

— Может быть, да, а может и нет. Мне хотелось бы поскорей добраться до своих мечей.

— Мечи? — Глаза Рины изумленно округлились. — При чем тут мечи? Что может грозить нам здесь, в саду Митры, в преддверии Его храма?

— Не знаю. Но мне кажется, что тебя подстерегает опасность.

Рина неожиданно рассмеялась — словно серебряные колокольчики прозвенели. Остановившись, она заглянула Конану в лицо, потом руки девушки обвились вокруг его шеи, а пушистая каштановая головка легла на грудь, щекоча растрепавшимися локонами подбородок и губы. Рина прижалась к нему, замерла и вдруг шепнула:

— Ах, милый! Если меня и ждет опасность, то я иду навстречу ей с радостью... Да, с радостью, — добавила она с лукавой улыбкой, — ибо этого желает великий Митра... да и я тоже...

Конан всмотрелся в ее глаза, вдохнул аромат волос и внезапно почувствовал, как покой нисходит в его душу — долгожданный покой и светлая радость, знак прощения. Сунув руку за пояс, он нащупал пустую бронзовую фляжку, вытащил ее и, не глядя, отшвырнул в кусты. Потом, подхватив девушку на руки, шагнул к беседке, увитой виноградной лозой.

* * *

И все-таки он ошибался, считая, что ему предстоит сопровождать Рину в верхний мир. Неожиданно она заявила, что остается здесь, при храме Митры, в садах Пресветлого, дабы усовершенствоваться в том искусстве, которое бог соизволил ей даровать. Конан догадывался, что речь идет о новых ее талантах, обретенных в святилище перед сияющим алтарем; о каких именно, ему предстояло узнать на берегу огненной реки.

Рина проводила его до того места, где раскаленный поток, огибая исполинскую голень Первосотворенного, скрывался в горе. Течение его казалось стремительным и неудержимым; какая-то яростная сила выдавливала лаву вверх, гнала в темный тоннель, к земной поверхности, к дымящимся жерлам вулканов. Скалы и базальтовые плиты, обрамлявшие эту реку багрового пламени, подрагивали словно живые, а воздух над ней колыбался от жара. Однако знойное дыхание огненных струй не опалило кожу киммерийца; невидимый кокон, окутывавший их с Риной, был непроницаем.

Посматривая на девушку, Конан раздумывал над тем, какие еще таинственные дары получены ею в храме пресветлого бога. Несомненно, она обрела способность защищаться от жары и ядовитых испарений, витавших над огненной рекой; но что еще? Внял ли Митра его просьбам, в полной мере наделив Рину той Силой, которой обладали

Рагар и Фарал? Той сокрушительной мощью, что была дарована и ему — на недолгий срок, истекший у ворот Дамаста? Или, быть может, способность эта, присущая девушке от рождения, лишь вызрела, пробудилась и просла — в тот миг, когда ослепительный синий луч, прянувший с алтаря, коснулся ее плоти?

Что ж, решил киммериец, в таком случае каждый получил свое: Рина — божественный дар, а сам он — долгожданное исцеление. Прошло довольно много времени с тех пор, как они покинули храм, но голова Конана оставалась ясной, и он не чувствовал никаких признаков надвигающегося забвения — ни покалывания в висках, ни тяжести в затылке, ни звенящей пустоты, в которой разум его расплывался и угасал подобно отгоревшей свече. Митра простил его; великий Податель Жизни не пытался более извлечь до срока его душу из грешного тела, и оставалось только гадать, какими подвигами — или муками — заслужена эта милость. Но, так или иначе, он добился ее, получив и кое-что еще — неожиданный подарок, свалившийся ему прямо в руки около беседки, увитой виноградной лозой.

— Здесь мы расстанемся. — Рина остановилась рядом с базальтовым монолитом, что нависал над раскаленными струями лавы. Эта плита, вросшая в каменный берег, имела десять шагов в длину и почти столько же в ширину; ее шершавая темная поверхность была покрыта копотью. На фоне огромной скалы фигурка Рины, озаренная багровыми всполохами, казалась особенно маленькой и хрупкой.

— Не вижу, как тут подняться к лесу, — проворчал Конан, поудобнее пристраивая за спиной мешок. Задрал голову, он попытался окинуть взглядом гигантскую фигуру Первосотворенного, подпиравшего плечом равнину пурпурных джунглей, но это было невозможно; он видел лишь белую стену, тянувшуюся в безмерную высь. — Да, здесь мне не подняться, — снова буркнул он, поворачиваясь к девушке. — Разве что ты вызовешь тех серых летающих тварей, что чуть не сожрали нас! Может, Митра одолжит пару-другую у Нергала, чтобы они доставили меня наверх?

Рина не улыбнулась в ответ на его шутку; лицо ее было серьезным и строгим.

— Не поминай демонов вблизи обители светлого бога, не гневи Его, — произнесла она, потом задумчиво по-

смотрела на багряный поток лавы и нависшую над ним плиту. — Тебе не надо лезть на скалы, милый, не надо пробираться лесом и рисковать жизнью в той пещере, где сонный морок пожирает души путников. Смотри! Обратная дорога лежит перед тобой. Видишь эту огненную реку? Она понесет тебя вверх, а уж я — я пригляжу, чтобы ты не слишком обуглился по пути.

Тут она все-таки улыбнулась, и Конан отметил, что в лице Рины проглядывают некие новые черты — словно зрелая, уверенная в себе женщина смотрит в мир глазами юной девушки. Он нахмурил брови и призадумался. Что же так изменило ее? Осознание собственной силы? Милости Митры и его таинственные дары? Или то, что случилось в беседке?

Усмехнувшись при этом приятном воспоминании, киммериец покосился на темное отверстие, в котором исчезал лавовый поток.

— Значит, я поплыву вверх по реке пламени, а ты присмотришь за мной... — медленно сказал он. — Ну, что ж, я готов! Только для этого понадобится прочный корабль, клянусь Кромом!

— Да, милый, прочный, очень прочный, — Рина повернулась к скале и вытянула вперед руки. Лицо девушки стало сосредоточенным и суровым, темные веера ресниц легли на побледневшие щеки; и Конан, уже догадываясь, что сейчас произойдет, невольно вздрогнул, когда ослепительная молния прянула из ее ладоней, ударив в основание базальтовой плиты. Еще и еще раз! Яркие стрелы, скованные из синего пламени, снова и снова били в темную каменную поверхность, и она крошилась, растрескивалась, проседала под их неустойчивым напором. На миг острое чувство сожаления пронзило Конана; вот так же рушились бы стены замков и крепостей того неведомого пока царства, которое он жаждал завоевать... Потом киммериец, покачивая головой, взглянул на свои руки. Они были мощными, крепкими, и в них хватало силы, чтобы раскатать бревно тарана, обрушив его на камни вражеской цитадели. Сильные руки, надежный меч да свобода — что еще нужно мужчине на дороге славы? Он вновь обрел все это — и, быть может, капелюшку мудрости в придачу.

Базальтовая плита рухнула с протяжным скрежетом, взметнув фонтаны багрового огня. Пламенные брызги взлетели вверх, на мгновение повисли в жарком воздухе

и канули в рокошующий поток, воздвигнув над ним причудливый купол, сотканный струйками дыма. Река раскаленной лавы грохотала и ревела, кружила каменные глыбы, сталкивала их между собой, но сраженный молниями монолит застыл у берега, словно привязанный невидимым канатом. Струйки лавы обтекали его, алыми жаркими волнами выплескивались на края, давили и тянули, стремясь увлечь в темную дыру провала. Тщетно! Каменный челн был недвижим, с покорным равнодушием ожидая, когда ему будет позволено тронуться в путь.

— Прочный корабль, — сказал Конан, поглядывая то на девушку, то на свой базальтовый плот. Однако он не торопился сделать последний шаг, отдавшись на волю огненного потока.

Рина кивнула и вдруг потянулась к нему; ее глаза подозрительно заблестели.

— Прощай, милый... — Теплые нежные губы прижались к губам Конана. — Прощай, и да будет с тобой милость Пресветлого!

— Его милостям я предпочел бы тебя. Может быть, ты еще передумаешь? — Он покосился на плот.

— Не надо, не уговаривай меня. Я знаю, что должна остаться... остаться здесь, в саду Митры, пока не созреют дары, полученные мной. Его дар и твой...

Конан отстранился, всматриваясь в ее лицо.

— Мой дар? Я ничего не дарил тебе, девочка.

— Ну... неважно... — На мгновение она смутилась, потом, мягко разомкнув его объятия, подтолкнула к каменному плоту. — Иди! Мне нелегко держать его на месте... Иди и не тревожься — Сила моя будет с тобой, пока ты не очутишься в верхнем мире.

— Прощай, малышка, — Конан поцеловал ее, затем перепрыгнул на плот и повернулся к гигантской белой стене, что нависала над потоком лавы. — И ты, сын Митры, прощай! Спасибо тебе!

Первосотворенный не ответил. Застывший в вечном своем сне, он не видел ни крошечной фигурки человека, ни каменного осколка, ничтожной частицы плоти земной, что проскользнула по огненным волнам у самого его колена. Он дремал, как и все остальные его собратья, ибо лишь в забытии и забвении мог сносить безмерную тяжесть, год за годом все сильнее давившую на плечи. Он спал, пробуждаясь только раз в тысячу лет — тогда,

когда раздавался неслышимый зов Митры, когда божественному Отцу требовалась его помощь. Но в этом тысячелетии такое мгновение уже миновало.

* * *

— Прощай, — шептали губы Рины, — прощай, прощай...

Глаза ее были закрыты, но тонкая ниточка Силы, протянувшаяся сквозь каменную твердь, соединяла девушку с застывшим на плоту человеком; она видела его суровое смуглое лицо, всматривалась в синеву зрачков, касалась темных волос, нежно гладила плечи... Он не замечал ее ласки; он плыл над огненным потоком, и кроваво-красные сполохи мятущегося пламени озаряли его могучую фигуру. Багровая река несла его вверх, вверх, к солнцу и голубому небу, к зеленым лесам и золоту степей, к свободе, которой он так жаждал — не понимая и не желая понимать, что даже боги не свободны в этом мире, ибо каждый из них исполняет свое назначение.

И свое назначение было у каждого человека. Разница заключалась лишь в том, что боги знали истину и не строили иллюзий, тогда как людям казалось, что богатство или власть принесут им свободу. Лишь немногие провидцы могли осознать свое место и цель в пестром полотне грядущего и смириться с тем, что уготовила судьба. Рина, девушка с Жемчужных островов, избранница Митры, знала, что ее ждет.

У Конана, варвара из Киммерии, была своя судьба и своя дорога, у нее — своя, и пути эти, слившиеся на недолгое время, теперь разошлись, как холод и зной, как солнце и луна, как воды двух великих океанов, омывавших берега Востока и берега Запада. В том будущем, что предстояло Конану, полководцу и королю, не было места для Рины, сероглазой провидицы.

Вытерев ладошкой повлажневшие щеки, она отвернулась от пламенной реки и неторопливо зашагала к холмам, бутрившимся на горизонте. Она шла по каменистой равнине, потом — мимо курганов, мимо скалящихся черепов древних чудищ; шла к зеленому саду, над которым сиял и искрился огромный храм. Теперь, когда разлука свершилась, она могла остаться там или вернуться к Учителю — или отправиться в любое из тысячи мест в

верхнем и нижнем мире, доступных человеку. Сила, отпущенная ей Митрой, не нуждалась в созревании; что же касается другого дара, то до тех пор, когда он начнет ее тяготить, пройдет еще немало времени.

Рина снова вытерла глаза и вдруг фыркнула. Иногда мужчины бывают такими глупыми... такими недогадливыми... кроме Учителя, разумеется... А этот Конан такой смешной! Все хотел знать, какую кару наложит на него Митра в своем святилище... то ли пошлет сражаться с чудовищами и колдунами, то ли переправит прямиком на Серые Равнины! Да еще раздумывал и гадал, зачем она отправилась с ним к храму Пресветлого... На самом деле все просто, так просто! Искупить грех смертоубийства перед благом богом можно лишь созданием новой жизни... Интересно, что бы делал этот киммериец, если б очутился тут один!

Теперь она совсем развеселилась и рассмеялась и, не обращая внимания на жуткие скелеты, торчавшие из земляных осыпей, стала думать о том, какую судьбу уготовил Митра ее сыну, еще нерожденному дитю, которое лишь через много лун шевельнется в ее чреве. Конечно, он будет высоким и крепким, как его отец... с такими же синими глазами... с таким же могучим разворотом плеч... И, конечно, он будет одарен Силой, щедро одарен! Он принесет обеты и станет Учеником... лучшим из лучших, избранником Митры... Он будет бродить по свету от Пустошей Пиктов до океана, омывающего берега сказочного Кхитая, от ледяных земель Севера до Вендийского моря.... Он повидает мир, свершит великие подвиги и славные деяния... А потом, когда придет срок — кто знает? — на террасах, что приютились на склоне древнего вулкана, может появиться новый Учитель...

Рина, сероглазая провидица, была почти уверена в этом.

Эпилог

Огненный поток вынес Конана в исполинский кратер, где плескалось озеро расплавленной лавы. Над ним висел желтый ядовитый туман, но киммериец, прикрытый незримым защитным плащом, не чувствовал ни палящего жара, ни запаха губительных сернистых испарений. Он поднял голову и радостно улыбнулся: сквозь мглу и дым неярким алым диском просвечивало солнце, око Подателя Жизни.

Внутренние склоны жерла были круты, но Конан одолел их за четверть дня. К счастью, ему не пришлось подниматься до самого верха — в западной стене кратера оказался большой разлом, огромная трещина, что рассекала гору до середины высоты; добравшись к ней, путник миновал узкое ущелье, заваленное глыбами камня, и очутился в седловине меж двумя вулканическими конусами. Лишь тогда невидимый панцирь Силы, хранивший его во время нелегкого пути, растаял, исчез, растворился, и в лицо Конану пахнуло свежим ветром.

Он покрутил головой, осматривая местность. Ничего похожего на обитель наставника! Правда, на севере тоже были горы, но на юге вместо пустыни расстиралось море — склоны хребта спадали к нему широкими уступами, похожими на гигантскую лестницу. День казался пасмурным и хмурым; облака затянули половину неба, и Конану показалось, что над пустынным морским простором моросит дождь.

Эта картина выглядела смутно знакомой, будто бы он некогда видел неприветливое скалистое побережье, что простиралось вниз, или слышал о таком месте. Серые валы, плещущие на серые камни, горные вершины, подпирающие серое небо, морсящий серый дождь... Скалы, море, неяркий свет, прохлада и тишина... лишь волны негромко шумят, накатываясь на берег... Их мерный шорох будил давние воспоминания, но Конану не хотелось тревожить их; сейчас предстояло поразмыслить не о прошлом, но о будущем.

Он выпрямился, ощущая всем телом прохладное дыхание ветра, налетевшего с севера, с заснеженных горных склонов, с вершин, закованных в сверкающий панцирь льда. Сила покинула его — астральная Сила, которую Митра даровал своим избранным слугам, вершившим его божественную волю на всем огромном континенте, что простирался от морей Запада до Восточного океана. Да, та Сила ушла навсегда! Но почва, взрыленная ее корнями, осталась, и этого у Конана не сумел бы отнять никто — ни бог, ни демон, ни человек.

Стиснув огромные кулаки, он смотрел на море и горы, щетинившиеся остриями пиков, на белеющие под солнечными лучами снежные вершины, и они казались сейчас Конану шлемами бесчисленной рати, могучего воинства, которое он поведет на завоевание мира. На юг и на север, на запад и восток! Под гром барабанов, под топот копыт и лязг стали! Под развевающимися знаменами, под трепещущими по ветру штандартами — вперед! Вперед, во имя...

Во имя чего? Пока он не знал ответа. Ради пресветлого Митры и Великого Равновесия? Ради торжества добра, справедливости и порядка над злом, жестокостью и хаосом? Ради славы и возвеличивания своего имени? Ради новых богатств, новых земель, новых честолюбивых замыслов? Или ради бескорыстного служения — богу, людям или собственной мятущейся и беспокойной душе?

Возможно, все возможно...

Конан повернулся спиной к северным вершинам и начал спускаться вниз по склону. Новая сила рождалась в его сердце, не божественная, но человеческая; сила, творящая земных владык, сила, которой обладали до него многие — и многим будет дарована она в грядущие эпохи.

Он шел, высоко подняв голову и высматривая в туманных даях грады и замки своего будущего королевства.

Комментарии к роману «Конан и Дар Митры»

Часть 1. Неудачник

Конан — варвар из Киммерии, вор, разбойник, авантюрист и великий воин, будущий король Аквилонии.

Ашарат из рода Ратридов — властитель Шандарата, один из наполовину независимых сатрапов Туранской империи.

Илкас — малолетний сын его сестры, наследник трона Шандарата.

Неджес — стигиец и маг Черного Круга, первый из советников Ашарата.

Багровый Плат — демонический талисман Неджеса, способный предсказывать будущее.

Мориан Кирил — покойный советник Ашарата.

Тот-Амон — могущественный маг, глава Черного Круга, истинный повелитель Неджеса.

Хеолот Даистра — шандаратский мясник и ростовщик Глаха — игрок в кости.

Кривой Нос, Шрам, Выбитый Зуб — партнеры Глаха.

Шеймис — сумеречный дух, древний демон, освобожденный Конаном из заточения.

Фарал Серый — аквилонец, боец и слуга Митры, Ученик.

Шандарат — город и порт на побережье моря Вилайт, на северной границе Турана и Гирканских степей.

Жемчужный Архипелаг — княжество, богатое жемчугом; расположено на островах Северного Вилайета к востоку от порта Шандарат.

Черный Круг — сообщество черных магов, поклонявшихся Сету, Змею Вечной Ночи; центром их влияния была Стигия. Кроме Черного Круга существовали еще два ордена злых колдунов — Белая Рука на севере (в Гиперборее) и Красное (Алое) Кольцо на дальнем востоке, в Кхитае и Камбуе.

мастафы — порода шандаратских сторожевых псов.

Часть 2. Маленький Брат

Лайтлбро, Маленький Брат — бритунец, боец и слуга Митры, Ученик.

Батрея — городок в Офире, откуда две дороги ведут в Коф.

Хоршемиш — столица Кофа.

Адр-Каун — ущелье Ровная Стена; расположено на границе между Офиром и Кофом.

Часть 3. Усмирение огня

Сандара — шкипер «Ненаглядной», родом с Барахских островов.

Хафра — чернокожий пират из Куша, слуга Конана.

Фрибат, Крол — пираты из экипажа «Ненаглядной».

Калла — стигийка, любовница Конана.

Рагар Утес — аргосец, боец и слуга Митры, Ученик.

Дайома — волшебница с далекого острова в Западном океане. Конан встречается с Рагаром в тот момент, когда, выполнив поручение Дайомы, спешит на ее островок с отчетом о содеянном (это приключение Конана описано в романе «Грот Дайомы»).

Кардал — вулканический остров в Западном океане, в нескольких днях плавания от Побережья Пиктов.

Часть 4. Искусство убивать

Гхор Кирланда — повелитель Хаббы.

Сигвар — воин из Асгарда, пленник в гладиаторских казармах Хаббы.

Иныли — суккуб.

Учитель — полубог-получеловек, обитающий в пещере на склоне древнего вулкана, что расположен к северу от Гирканских степей.

Учитель — один из доверенных слуг Митры, владеющий даром божественной Силы; он готовит Учеников, хранителей Великого Равновесия.

Ученики — бойцы и слуги Митры — орден воинов, владеющих Силой и изощренным боевым искусством, поддерживающих Великое Равновесие; противопоставлены Митрой магам и колдунам.

Великое Равновесие — божественный принцип, согласно которому в мире должно поддерживаться равновесие между Добром и Злом — ибо Добро бессмысленно без Зла и наоборот. Митра, солнечный бог и Податель Жизни, является главным хранителем Великого Равновесия.

Сила — дар Митры, врожденная способность некоторых людей приобщаться к частице божественной мощи и использовать ее в благих целях. У тех, кто одарен Силой, она проявляется по-разному: одни могут с ее помощью исцелять, проникать в мысли людей, предвидеть будущее; другие — накапливать Силу и исторгать ее в виде смертоносных молний, плавящих камень и песок.

Первосотворенные — раса гигантов; исполины и возлюбленные дети Митры, сотворенные им на заре времен. Впоследствии Митра поручил гигантам поддерживать мир на своих плечах.

Сердце Аримана — волшебный камень, могущественный талисман, которым Конан завладеет через много лет, будучи уже королем Аквилонии (см. роман Говарда «Час Дракона»).

Хабба, Хот — портовые города, лежащие на юго-восточном побережье моря Вилайет, примерно напротив Аграпура.

Часть 5. Грех

Тасанна — владыка Дамаста, носящий титул светлейшего дуона.

Рантасса — его полководец, носящий титул доблестного предводителя тысячи колесниц.

Тай Па — кхитаец, министр Тасанны, носящий титул предусмотрительного сиквары.

Саракка — молодой придворный маг и звездочет.

Атт — дознаватель, чиновник из ведомства Тай Па.

Пралл — надсмотрщик в Ариме.

Харра — трактирщик.

Сидурра — виноторговец.

Дамаст — город и страна к востоку от Арима; часто его называют городом Ста Зиккуратов.

Селанда — город и страна к западу от Арима.

Арим — засушливое и знойное плоскогорье между Селандой и Дамастом; расположено на пути в Кхитай, восточнее моря Вилайет, но западнее Меру. Плоскогорье Арим — одно из немногих мест, где растет пальма кохт, источник богатств Селанды и Дамаста.

Наката — река, на берегах которой расположен Дамаст; она же — одно из великих женских божеств этой страны.

Бар Калта — крестьянский поселок близ Накаты.

пальма кохт — пальма, приносящая плоды в виде орехов; из них добывается ценный краситель, используемый в Кхитае для окраски шелков.

санисса — пустынное растение.

арсайя — редкостный минерал из Вендии; применяется вендийскими мудрецами в качестве нюхательной соли, освежающей память и способствующей просветлению разума.

зиккурат — ступенчатая пирамида.

Часть 6. Испытание

Рина — девушка с Жемчужного Архипелага, боец и слуга Митры, Ученица, обладающая даром к предсказанию будущего.

Тайбанисантра — вождь племени тии'ка.

Йотомакка, Вуулкайна и Неодигми — молодые охотники тии'ка, проводники Конана по пурпурным лесам.

нижний мир — мир, расположенный глубоко в земной тверди. Там находятся пурпурные леса, великий храм Митры, Серые Равнины (мир мертвых) и много других чудес. Там же навечно застыли гиганты-Первосотворенные, поддерживающие мир на своих плечах.

тии'ка — примитивное племя волосатых дикарей, обитающих в пурпурных лесах нижнего мира.

Рогач Кро'вар — огромный змей, голова которого заканчивается рогом; обитает в пурпурных лесах, очень кровожаден. Люди племени тии'ка боятся и обожествляют его.

такир'дзени — тигр пурпурных лесов, хищник, напоминающий белку-летягу; может планировать в воздухе благодаря летательной перепонке между передними и задними лапами.

Као'кирр'от — Место, Где Нет Деревьев; так люди племени тии'ка называют огромный провал на границе пурпурных лесов, на дне которого стоит великий храм Митры.

Прочие персонажи и боги, упоминаемые в романе

Карела, Рыжий Ястреб — предводительница шайки разбойников из Заморы, любовница Конана; впервые упоминается в романе «Черный камень Аманара».

Ордо — помощник Карелы.

Белит — предводительница пиратов, возлюбленная Конана (новелла «Королева Черного Побережья»).

Ариана — возлюбленная Конана, персонаж романа «Тень властелина».

Сияэлла — офирская принцесса и жрица Аль-Киира, персонаж романа «Тайна врат Аль-Киира».

Испарана — возлюбленная Конана, персонаж романа «Меч Скелоса».

Митра — Матразль в Дамасте; великий солнечный бог, Владыка Света, Податель Жизни и хранитель великого равновесия. Почитается под разными именами во всех странах, но более всего — в Аквилонии, Немедии, Коринфии и прочих державах Запада.

Кром — грозный и мрачный владыка Могильных Курганов, киммерийское божество.

Ариман, Иштар, Асура — боги митраитского пантеона, почитаемые в разных странах.

Имир — Ледяной Гигант, божество Ванахейма.

Игт и его сыновья, Младшие Боги — божества Асгарда и Гипербореи.

Сет — Древний Змей, Змей Вечной Ночи; стигийское божество, которое во времена Конана стало синонимом Зла, главным противником светлого Митры. Сету поклоняются маги Черного Круга.

Нергал — злобный бог мрака, повелитель демонов.

Бел — бог — покровитель воров.

ХРОНОЛОГИЯ

Мы назвали эти заметки именно хронологией, а не биографией Конана Киммерийского, ибо в них делается всего лишь попытка упорядочения произведений о Конане, вышедших на русском языке в издательствах «Северо-Запад», «Эридан» и «Тролль». Информация в статье дается в следующем порядке: автор произведения; название; указание объема (роман или новелла); ссылка. Затем сообщается примерный возраст Конана, чем и где он занимался, куда направился, завершив свои дела, и сколько они потребовали времени (оценочно — несколько дней или месяцев). В некоторых случаях даны примечания, в которых сообщается ряд дополнительных сведений. Как правило, мы не стремились пересказывать сюжеты произведений, ограничившись перечисленным выше.

Мы будем очень благодарны, если читатели, авторы, переводчики и издатели — словом, все, кто интересуется Конановским циклом — внимательно изучат нашу статью и сообщат о допущенных ошибках, неточностях и желательных дополнениях.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ КОНАНА (до 15 лет) — не описаны. Из краткого предисловия Говарда к его новелле «Башня слона» известно, что Конан был сыном кузнеца и родился на поле брани. В 14 лет он участвовал в штурме аквилонского форта Венариум, построенного на киммерийских землях, после чего прожил на родине около года. В 15 лет участвовал в битве с асирами и ванирами, где и был взят в плен.

МАЙКЛ МЭНСОН, первая часть романа «ДАР МИТРЫ», (15)

Конану 15 лет. Претерпевает приключения в городе Шандарат, расположенном на северо-западном побережье моря Вилайет; затем возвращается в Киммерию. Время действия — десять дней.

ДУГЛАС БРАЙАН «ПЕСНЯ СНЕГОВ», роман, (6)

Конану 15—16 лет. Попадает в плен после поражения киммерийцев в бою с гиперборейцами. Находится в рабстве в гладиаторских казармах в Халогге (Гиперборея). Бежит на юг. Время действия — несколько месяцев.

ЛИН КАРТЕР, Л.СПРЭГ де КАМП «СТРАШИЛИЩЕ В СКЛЕПЕ», новелла, (13)

Действие происходит сразу после бегства их Халогги: Борьба с мумией и обретение меча.

РОБЕРТ ГОВАРД, СТИВ ПЕРРИ «КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ», роман, (4)

Конану 16 лет. Действие происходит сразу же после «Страшилища в склепе». На путь из Гипербореи в Британию Конан попадает в монастырь Суддах-Облатов, затем направляется в Замору, чтобы стать вором. Время действия — около месяца.

РОБЕРТ ГОВАРД, СТИВ ПЕРРИ «ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР», роман, (5)

Конану 16—17 лет; события происходят на границе Британии, Коринфии и Заморы. Время действия — около месяца. Продолжение романа «Конан бросает вызов».

ДУГЛАС БРАЙАН «ЗОЛОТО ГНОМОВ», роман, (3)

Конану 16—17 лет. Приключение по пути в Замору в Гирканских степях — Конан встречает гнома и пытается овладеть сокровищами этого народа. Время действия — несколько недель.

РОБЕРТ ГОВАРД «БАШНЯ СЛОНА», новелла, (11, 2)

Конану 16—17 лет; учится воровскому ремеслу в Арэнджуе (Замора). Время действия — несколько дней.

Примечание: 1. Из Арэнджуа Конан отправляется в Шадизар.

ДУГЛАС БРАЙАН «ДИАДЕМА БОГИНИ», новелла, (6)

Конану 17 лет. Он — уже известный грабитель и вор; обретаётся в Шадизаре (Замора), в воровском квартале «Пустынька». Время действия — несколько дней.

ПОЛ УИНЛОУ «СВЯЩЕННАЯ РОЩА», роман, (10)

Конану 19 лет (скорее 17—18). Из Шадизара Конан отправляется в некое таинственное место, где ему предстоит охранять рощу священных деревьев; затем возвращается в Шадизар. Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД, ЭНДРЮ ОФФУТ «МЕЧ СКЕЛОСА» (3)

Конану 17—18 лет. По-прежнему в основном обретаётся в Шадизаре («Пустынька») и занимается воровством. Действие романа происходит в городе Замбуле (западный Туран) и в пустыне в окрестностях Замбулы. Конан раскрывает тайну магического меча Скелоса, попутно уничтожая правителя Замбулы и его мага, после чего возвращается в Замору. Время действия — несколько недель.

СТИВ ПЕРРИ «ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ АМАНАРА», роман, (1)

Конану 17—18 лет. Обретаётся в Заморе (Шадизар, «Пустынька»), промышляет разбоем и воровством. Совместно с Карелой (Рыжий Ястреб, предводительница шайки разбойников), отправляется в горы Кецанкиана, где уничтожает мага Аманара и золотого демона Морат-Аминэ (Ловца Душ). Затем возвращается в Шадизар. Время действия — несколько недель.

Примечания: 1. Местоположение гор Кецанкиана, в которых происходят основные события романа, неясно. Из других произведений о Конане следует, что это — Кезан-ийские горы, что протянулись с севера на юг от Гипербореи до Турана и Кофа (см. карту в сериале издательства «Северо-Запад»).

2. Конан впервые встречается с Карелой; с этой стройливой и непокорной красавицей его связывают своеобразные отношения любви-ненависти. В конце романа Карела попадает в руки работорговцев, но Конан отказывается ее выкупать. На протяжении ближайших семи-восьми лет он еще не раз встретится с этой неистовой воительницей,

которая доставит ему немало хлопот — пока они наконец не достигнут примирения (в романе «*Гайна врат Аль-Кирира*»).

3. Конан впервые встречается с одноглазым Ордо, помощником Карелы, который впоследствии станет его другом.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «В ЗАЛЕ МЕРТВЕЦОВ», новелла, (2)

Конану 17—18 лет; промышляет разбоем и воровством. Действие происходит в городе Ларши, близ Шадизара; под конец Конан уезжает в Коринфию.

Примечание: 1. Следующий период — 18—20 лет — не описан. Конан служит наемником в Зингаре, затем попадает в Султанапур, крупный туранский порт, и становится контрабандистом, занимаясь этим ремеслом под началом одноглазого Ордо (бандит из шайки Карелы Рыжего Ястреба, приятель Конана).

КАРЛ ЭДВАРД ВАГНЕР «ДОРОГА КОРОЛЕЙ», роман, (13)

Конану 20—21 год; он служит наемником в армии короля Зингары; потом отправляется в Туран.

РОБЕРТ ГОВАРД, РОБЕРТ ДЖОРДАН «ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕМОНА», роман, (2)

Конану 21 год; он подвизается в Султанапуре (Туран) в качестве контрабандиста — вместе с Ордо, который является капитаном корабля. Завязкой сюжета является убийство вендийскими агентами одного из знатнейших вельмож Турана — Высшего Адмирала. Конан и Ордо совершают путешествие в Вендию, в огромный город Гвандиакан, претерпевая всяческие приключения; затем возвращаются в Султанапур. Время действия — несколько месяцев.

Примечание: 1. В следующем романе (Стив Перри «*Четыре стихии*») Конан путешествует из Заморы в Немедию. Его возвращение в Замору из Турана не описано.

СТИВ ПЕРРИ «ЧЕТЫРЕ СТИХИИ», роман, (1)

Конану 21 год. Промышляет разбоем и воровством. Путешествует из Заморы в Немедию — через Коринфию. Перевалив через Карпацкие горы, Конан останавливается в коринфийском городе Морнстадинусе, где с ним происходит весьма сложная история, в которой участвуют маги, ведьмы и демоны (ее узловым моментом является столкновение между черным магом Совартусом и чародеем Белого Круга Витарисом). После гибели Совартуса и сотворенного им Демона Четырех Стихий Конан продолжает свое путешествие в Немедию. Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «БОГ ИЗ ЧАШИ», новелла, (2)

Конану 21 год. Действие происходит в городе Нумалия (Немедия), в период странствий Конана. Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «БАГРЯНЫЙ ЖРЕЦ», новелла, (2)

Конану 21 год. Действие происходит в Коринфии, в период странствий Конана. Время действия — несколько дней. В конце Конан уезжает в Туран, чтобы наняться в войско Илдиза Туранского.

Примечание: 1. Далее Конан отправляется из Коринфии в Туран и начинается цикл его туранских походов.

МАЙКЛ МЭНСОН, вторая часть романа «ДАР МИТРЫ», (15)

Конану 21 год; события происходят по пути в Туран, на границе Офира и Кофа. Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «РУКА НЕРГАЛА», новелла, (2)

Конану 21 год; он служит наемником в войсках Илдиза Туранского, сражается с мятежником — Мунтассем-ханом. Продолжение «Багряного жреца». Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «ГОРОД ЧЕРЕПОВ», новелла, (2)

Конану 21 год; служит в армии Илдиза Туранского. Отправляется охранником каравана, что идет на восток, в Гирканские степи, чтобы доставить одному из кочевых властителей невесту, дочь туранского владыки Илдиза. Вместе с ней Конан попадает пленником в государство Меру, затем спасает принцессу, доставляет ее жениху и возвращается в Туран. За этот подвиг Илдиз производит его в капитаны. Продолжение «*Руки Нергала*». Время действия — несколько недель.

РОБЕРТ ГОВАРД, РОЛАНД ГРИН «ВОЛШЕБНЫЕ КАМНИ КУРАГА», роман, (6)

Конану 21 год; служит капитаном наемников в армии Илдиза Туранского, попутно занимаясь воровством. Действие романа происходит в городе Агратуре (Туран) и горах Ильбарс, куда Конан отправляется вместе с чародейкой Илльной, чтобы добыть волшебные камни Курага. Время действия — несколько недель.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП, ЛИН КАРТЕР «ПРОКЛЯТИЕ МОНОЛИТА», новелла, (13)

Конану 21 год; уже больше года он служит наемником, затем — капитаном в армии Илдиза Туранского. События происходят во время его путешествия с посланием Илдиза в Кусан, на границу с Кхитаем. Время действия — несколько дней; само же путешествие заняло, вероятно, несколько месяцев.

ПОЛ УИНЛОУ «СЛУГИ ЧАРОДЕЯ», роман, (10)

Конану 21 год. По-прежнему служит в Агратуре капитаном армии Илдиза Туранского.

Примечание: 1. После ссоры с одним из старших офицеров из-за женщины Конан дезертирует из армии Илдиза Туранского и ненадолго возвращается на свою родину (в Киммерию).

РОБЕРТ ГОВАРД «ДОЧЬ ЛЕДЯНОГО ГИГАНТА», новелла, (11)

Конану 22 года; находится в Киммерии. Описан эпизод сражения с ванами, жителями Ванакейма. Время действия — несколько дней.

Примечание: 1. Вскоре Конан покидает Киммерию и становится наемником на пиктских границах.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «ЗА ЧЕРНОЙ РЕКОЙ», новелла, (5)

Конану 22 года. Служит наемником-рейнджером в Боссонских топах, за городом Велитриум (Аквилония), у реки Черной, на границе с пиктами. Место действия: Велитриум, Скальпа, Конаджохара, Тасцелан. Время действия — несколько дней.

Примечание: 1. После службы в Аквилонии Конан перебирается в Немедию, где впервые формирует и обучает свой собственный отряд наемников.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «ТЕНЬ ВЛАСТЕЛИНА», роман, (9).

Конану 22 года. Пребывает в городе Бельверусе (Немедия), где вновь встречается Ордо (тот занимается контрабандой оружия). Они вместе набирают Вольный Отряд, бойцов которого (около сорока человек) киммериец обучает владению луком. Затем, вместе со своими людьми, Конан поступает на службу к немедийскому королю Гариану и спасает его от заговорщиков (которым удалось посадить на трон двойника Гариана, сотворенного с помощью магии). Гариан желает наградить Конана, но тот уезжает со своими людьми в Офир.

Примечания: 1. Конан получает предсказание о том, что станет королем.

2. Конан вновь встречается с Карелой, Рыжим Ястребом; в конце романа она исчезает вместе со своими людьми (предположительно едет в Аквилонию). Ордо оставляет Конана и следует туда же — в поисках Карелы.

СТИВ ПЕРРИ «ТАЙНА ВРАТ АЛЬ-КИИРА», роман, (1).

Конану 23—24 года. Служит в Ианте, столице древнего Офира. Конан — командир небольшого Вольного Отряда немедийских наемников, конных лучников, сколоченного им из отборных воинов. Участвует в интригах, что плетутся при офирском дворе вокруг престола немощного короля Вальдрика. Становится любовником принцессы Синэллы, жрицы древнего божества Аль-Кири, которое Синэлла пытается оживить. В конце романа изображение Аль-Кири возрождается к жизни и убивает Синэллу; Конан же уничтожает древнего демона и отправляется в Аргос, к Западному океану.

Примечания: 1. Конан в очередной раз встречается Карелу; вначале она враждует с ним, но потом наступает примирение.

2. Возможно, история с оживлением Аль-Кири послужила основой для фильма «Конан-разрушитель», хотя в прочих деталях этот фильм и роман Стива Перри существенно расходятся.

РОБЕРТ ГОВАРД «КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ», новелла, (11)

Конану 24—25 лет. Отправившись из Аргоса, он примыкает к Белит, предводительнице черных корсаров и плавает вместе с ней. Белит становится его возлюбленной. Время действия — несколько недель.

Примечания: 1. Белит гибнет во время экспедиции по реке Зархебе (Черные Королевства).

2. Конан под именем Амра (Лев) плавает с черными корсарами. Затем он в одиночку совершает путешествие в Кешан, где становится наемником в армии этой страны. Из-за интриг он вынужден покинуть Кешан; отправляется за сокровищами Гвалура.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «СОКРОВИЩА ГВАЛУРА», новелла, (5)

Конану 25 лет. События происходят в Кешане; Конан пытается похитить драгоценные камни, называемые Зубы Гвалура. После неудачного окончания своего предприятия отправляется из Кешана в Пунт. Время действия — около месяца.

Примечания: 1. Следующий период (Конану 29—32 года) не описан, в связи с чем был использован М. Мэнсоном в романе «Дар митры».

2. К 33 годам Конан предположительно попадает в Хауран, небольшую страну между Кофом и Тураном, где становится командиром гвардии королевы Тарамис.

МАЙКЛ МЭНСОН, части с третьей по шестую романа «ДАР МИТРЫ», (15)

Конану около 30 лет. Странствует от Аргоса до Дамаста и горного хребта на севере Гиркании; проходит обучение воинскому искусству у божественного наставника, идет в Дамаст, затем возвращается к на-

ставнику и совершает путешествие в подземный мир. Время действия — около года.

РОБЕРТ ГОВАРД «РОДИТСЯ ВЕДЬМА», новелла, (11)

Конану 33 года. Возглавляет гвардию королевы Тарамис в Хауране. Распят на кресте Саломеей и Константином Соколом. Примыкает к шайке зуагиров под предводительством Ольгерда Владислава. Свергает Ольгерда и захватывает власть. Время действия — несколько месяцев.

Примечания: 1. Ольгерд спасает распятого на кресте Конана и принимает его в свою шайку.

2. Следующие три года Конан, свергнув Ольгерда, предводительствует разбойничьей шайкой мунган и зуагиров, постоянно тревожа границы Турана.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЕМОН», новелла, (5)

Конану 34—35 лет; он — гетман козаков (мунган). Действие происходит на острове Ксапур (у южного побережья моря Вилайет). Время действия — две недели (начало правления Ездигерда Туранского).

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «ОГНЕННЫЙ НОЖ», новелла, (13)

Конану около 36 лет. Действие происходит после разгрома туранскими войсками шайки мунган; остатки ее спасаются около Ирапи-стана. Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «КИНЖАЛЫ ДЖЕЗМА», новелла, (6)

Конану 36 лет. Командует остатками шайки мунган (после разгрома ее новым царем Турана Ездигердом). Вновь встречается с Ольгердом и убивает его. Действие происходит в приграничной области между Иранистаном и Вендией, около моря Вилайет. В конце Конан отправляется в Кушаф. Время действия — несколько дней.

ЛИН КАРТЕР, Л. СПРЭГ де КАМП «ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ», новелла, (4)

Конану 36 лет. Командует шайкой разбойников, сражается с туранцами. В конце решает возвратиться в Замбулу. Время действия — несколько дней.

ЛИН КАРТЕР, Л. СПРЭГ де КАМП «НОЧНЫЕ ТЕНИ ЗАМБУЛЫ», новелла, (4)

Конану 36 лет; обретается в Замбуле. Продолжение предыдущей новеллы. Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД «ЛЮДИ ЧЕРНОГО КРУТА», новелла, (11)

Конану 36—37 лет. В Гимелианских горах (Афгулистан) он сколачивает из диких афгулов крупный отряд и занимается разбоем. Действие происходит близ города Пешкаури, на границе Вендии и Химелии. Время действия — несколько недель.

Примечания: 1. Затем, вернувшись в хайборийские королевства, Конан присоединился к восстанию, поднятому привцом Кофа Альмуриком против короля Страбонуса. Восстание было подавлено.

РОБЕРТ ГОВАРД «ПОЛЗУЧАЯ ТЕНЬ», новелла, (11)

Конану 36—37 лет. Действие происходит в пустыне Кофа. Время действия — несколько недель.

Примечания: 1. Затем Конан становится капитаном галеона «Вострел» в Зингаре и два года (с 37 до 39 лет) занимается корсарским ремеслом.

ЛИН КАРТЕР, Л. СПРЭГ де КАМП «КОРОНА КОБРЫ», роман (2)
Конану 37 лет. Путешествует в Куш, встречается с Юмой, знакомым по армии Илдииза. Борьба с Тот-Амоном. Время действия — около месяца.

Примечание: 1. Конан — предводитель пиратов с Барахских островов. Снова его имя Амра (Лев) гремит по всем портовым городам на побережье Западного океана. Однако корабль его гибнет, и Конан вступает в отряд под началом некоего Заралло. Он несет службу в Сухмете — городе на границе с Черными Королевствами.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «АЛЫЕ КОГТИ», новелла, (5)
Конану 37 лет; обретается в Сухмете. Он дезертирует из отряда Заралло и совершает путешествие с Валерией из Батаги Красных Братьев, знакомой ему по Барахским островам. Время действия — несколько месяцев (с момента поступления на службу к Заралло).

Примечание: 1. Затем Конан поступает на службу к королю Немедидесу (Аквилония). Он становится одним из аквилонских полководцев (коммандором) и разбивает пиктов при Велитриуме. Его влияние в аквилонской армии растет с каждым днем. Немедидес по ложному обвинению бросает его в темницу; Конану удается бежать в Пустоши Пиктов.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «ДРАГОЦЕННОСТИ ТРАНИ-КОСА», новелла, (14)

Конану 39 лет; период после бегства из Аквилонии. Действие происходит в Пустошах Пиктов, где Конан обретает сокровища пиктов. Время действия — несколько недель.

РОБЕРТ ГОВАРД, Л. СПРЭГ де КАМП «ВОЛКИ ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ», новелла, (14)

Конану 39—40 лет. Восстание против Нумедидеса. Конан во главе повстанцев движется к Тарантии, столице Аквилонии. Пикты пытаются отвоевать утраченные позиции. Повествование ведется от лица некоего Голта; Конан упоминается вскользь. Время действия — несколько месяцев, тот же период, что и в романе «Под знаменем Черных Драконов».

«ПОД ЗНАМЕНЕМ ЧЕРНЫХ ДРАКОНОВ» (автор не указан), роман, (8)

Конану 40 лет. Действие происходит в Тарантии (Аквилония). Убийство короля Нумедидеса. Конан захватывает власть в Аквилонии. Время действия — несколько месяцев.

РОБЕРТ ГОВАРД «ФЕНИКС НА МЕЧЕ», новелла, (11)
Конану 41 год; он — король Аквилонии. Граф Аскаланте (сеньор Туны) пытается свергнуть его с престола. Время действия — несколько дней.

РОБЕРТ ГОВАРД «АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ», новелла, (11)
Конану 42 года; он — король Аквилонии. Борется с владыками Амальрусом (Офир) и Страбонусом (Коф). Конана заключают в Алой Цитадели — резиденции могущественного мага Тзота-Ланти. Конан освобождает из плена чернокожника Пелиаса и с его помощью побеждает врагов. Время действия — несколько недель.

Примечание: 1. Период царствования Конана в Аквилонии с 42 до 46 лет не описан.

РОБЕРТ ГОВАРД «ЧАС ДРАКОНА», роман, (9)
Конану 46 лет; он — король Аквилонии. В романе (крупнейшем произведении Роберта Говарда) описана борьба Аквилонии с Немедией, давним ее соперником; на стороне Немедии выступает древний маг

Ксальтотун, оживленный с помощью могущественного талисмана — Сердца Аримана. Конан побеждает немедийцев и захватывает талисман, который отныне становится хранителем Аквилонии. Время действия — несколько месяцев.

БЬЕРН НИБЕРГ, Л. СПРЭГ де КАМП «МСТИТЕЛЬ», роман, (4)
Конану 46—47 лет; действие разворачивается спустя год после разгрома Немедии и Ксальтотуна. Зенобию похищают, и Конан отправляется за ней — до самого Кхитая. Время действия — несколько месяцев.

Примечание: 1. После победы над Немедией Конан обрел свою королеву — Зенобию, которая вскоре родит ему сына, принца Конна.

2. Период жизни Конана с 47 до 55 лет не описан.

3. Следующий период — с 55 до 62 лет — описан в цикле новелл Лина Картера и Л. Спрага де Кампа «Ветры Аквилонии»; Конан громит магов Белой Руки и Черного Круга и уничтожает Тот-Амона, предводителя Черного Круга.

ЛИН КАРТЕР, Л. СПРЭГ де КАМП «ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ КОЛДУНЯ», новелла, (3)

Конану 55 лет; он — король Аквилонии. Маги Белой Руки похищают его сына Конна; он отправляется в Похиолу (Гиперборея) и громит сообщество Белой Руки. Время действия — несколько недель.

ЛИН КАРТЕР, Л. СПРЭГ де КАМП «ЧЕРНЫЙ СФИНКС НЕПТХУ», новелла, (3)

Конану 61 год; прошло 15 лет после событий, описанных в «Часе Дракона». Борьба с Черным Кругом и путешествие с армией в Зимбабве в погоне за Тот-Амоном. Время действия — несколько месяцев.

ЛИН КАРТЕР, Л. СПРЭГ де КАМП «АЛАЯ ЛУНА ЗИМБАБВЕ», новелла, (3)

Конану 61 год; продолжение предыдущей новеллы — погоня за Тот-Амоном. Время действия — несколько месяцев.

ЛИН КАРТЕР, Л. СПРЭГ де КАМП «ТЕНИ КАМЕННОГО ЧЕРЕПА», новелла, (3)

Конану 62 года. Место действия — Зимбабве. Уничтожение Тот-Амона. Время действия — несколько месяцев.

«ТЕНИ УЖАСА» (автор не указан), роман, (8)
Конану 65 лет. Передаст престол сыну Конну и покидает Аквилонию. Отправляется на Барахские острова, затем путешествует на остров Антилия и в Америку (современная Мексика). Время действия — несколько месяцев.

ПОЛ УИНЛЮУ «КАРУСЕЛЬ БОГОВ», роман, (10)
Конану 66 лет. Описываются события после победы над Красными Тениями (на Западном континенте). Конан обретает вторую молодость — ему снова 25 лет.

Содержание

ИСТОЧНИКИ:

I. Сериал издательства «Северо-Запад»:

1. «Конан и четыре стихии»
2. «Конан и боги тьмы»
3. «Конан и меч колдуна»
4. «Конан бросает вызов»
5. «Конан и повелители пещер»
6. «Конан и песни снегов»
7. «Конан и небесная секира» (том запланирован к выходу издательством «Троль» в октябре 1995 г.)
8. «Конан на дороге королей»
9. «Конан принимает бой»
10. «Конан и карусель богов»

II. Четырехтомное собрание сочинений Роберта Говарда издательства «Эридан»:

11. Том 1
12. Том 2
13. Том 3
14. Том 4

III. Издательство «Троль»

15. «Конан и дар Митры» (настоящее издание)
16. «Конан и грот Дайомы» (выход ноябрь 1995 г.)
17. «Конан и Время Жалящих Стрел» (выход декабрь 1995 г.)
18. «Конан и Скрижаль Изгосв» (выход январь 1996 г.)

Д. Ивахнов, М. Нахмансон

Предисловие автора	3
Пролог	7
Часть 1. НЕУДАЧНИК	
Глава 1. Сосуд	11
Глава 2. Странник	29
Глава 3. Властитель и маг	49
Глава 4. Шандарат	68
Глава 5. Пленник	93
Глава 6. Обглоданный остров	113
Глава 7. Заклятье Разлуки	136
Часть 2. МАЛЕНЬКИЙ БРАТ	
Глава 8. Встреча	143
Глава 9. Ушелье	163
Глава 10. Страж Адр-Кауна	185
Часть 3. УСМИРЕНИЕ ОГНЯ	
Глава 11. Рагар из Аргоса	199
Глава 12. Попутные ветры	215
Глава 13. Битва	237
Часть 4. ИСКУССТВО УБИВАТЬ	
Глава 14. Странствия	263
Глава 15. Наставник	281
Глава 16. Ученик	300
Глава 17. Постигение	320
Часть 5. ГРЕХ	
Глава 18. Предзнаменования	343
Глава 19. Понски	361
Глава 20. Пробуждение	382
Часть 6. ИСКУПЛЕНИЕ	
Глава 21. Пророчество	409
Глава 22. Пасть вулкана	428
Глава 23. Пурпурные леса	445
Глава 24. Племя тин'ка	465
Глава 25. Вздых гиганта	483
Глава 26. Храм	503
Эпилог	527
Комментарии	529
Хронология. Д. Ивахнов, М. Нахмансон	534

Майкл Мэнсон

КОНАН И ДАР МИТРЫ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Редактор *Михаил Нахмансон*

Художник *Елена Кузнецова*

Технический редактор *Сергей Арефьев*

Корректор *Нина Натарева*

Издательство Троль,
410027, г. Саратов, Одесская ул., 9.

Лицензия № 010945 от 05.05.93.

Сдано в набор 20.09.95. Подписано в печать 30.09.95.

Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Тираж 20 000 экз.

Заказ № 1497.

Отпечатано с оригинал-макета

в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

